А.Г. Дугин

Учебное пособие для вузов

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

Допущено Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию к изданию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 040200 — Социология

Москва
Гаудеамус
2012

Москва
Академический Проект
2012

УДК 316.334.3:321
ББК 60.5
Д80

Печатается по решению кафедры Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

С.И. Григорьев, доктор социол. наук;
И.Ю. Киселев, доктор социол. наук

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ:

Н.В. Мелентьева, канд. филос. наук;
А.Л. Бовдунов; Л.В. Савин

Дугин А.Г.
Д80 Геополитика России: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012. — 424 с. — (Gaudeamus).
ISBN 978-5-8291-1398-8 (Академический Проект)
ISBN 978-5-98426-122-7 (Гаудеамус)

В пособии представлена первая геополитическая реконструкция русской истории и ее узловых моментов, осуществленная основателем российской школы геополитики.

Помимо ставших традиционными подходов и оценок исторических событий с геополитической точки зрения, особого внимания заслуживает развернутое авторское обсуждение сущности российских политических процессов последних двух десятилетий.

Учебное пособие для студентов, изучающих геополитику, историю, социологию и политические науки, преподавателей гуманитарных вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся геополитикой.

УДК 316.334.3:321
ББК 60.5

ISBN 978-5-8291-1398-8
ISBN 978-5-98426-122-7

РАЗДЕЛ 1

ГЕОПОЛИТИКА И ЕЕ МЕТОД

Глава 1

ГЕОПОЛИТИКА И ЕЕ МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ ДИСЦИПЛИН

Проблематичность места геополитики среди других научных дисциплин

С самого начала появления геополитики как метода анализа международных отношений и направления в стратегической мысли (Р. Челлен, Х. Маккиндер, А. Мэхэн, К. Хаусхофер, К. Шмитт и т. д.) постоянно вставал вопрос о месте геополитики среди других дисциплин, о ее научности или «ненаучности», о строгости или произвольности ее методов, об обоснованности ее терминологического аппарата и т. д. Институционализация геополитики была затруднена некоторыми историческими обстоятельствами, никакого отношения к сущности этой дисциплины не имеющими. Хотя сам термин был введен шведом Рудольфом Челленом[1], учеником основателя политической географии и антропогеографии немца Фридриха Ратцеля[2], наибольшее развитие геополитика получила в англосаксонских странах, а ее основные принципы, подходы и методы были сформулированы англичанином Хэлфордом Маккиндером[3]. Именно Маккиндер ввел основополагающую для геополитики дихотомию Море/Суша или талассократия/теллурократия, а также центральные концепты: « Heartland», «Rimland», «мировой остров», «географическая ось истории»[4] и т. д. Именно в англосаксонском мире — в Англии, а с 1930-х годов и в США — геополитика сложилась в самостоятельную область анализа международных отношений и стратегических исследований.

Но вместе с тем в Германии, начиная с 20-х годов XX века, под влиянием англосаксонской школы возникла немецкая геополитическая школа Карла Хаусхофера[5], который был относительно близок к национал-социализму. И хотя идеи Хаусхофера прямо противоречили большинству силовых линий политики Гитлера (Хаусхофер был сторонником создания континентальной

---

[1] *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

[2] *Ратцель Ф.* Народоведение. В 2 т. М.: Типография Товарищества «Просвещение», 1903.

[3] *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491 – 506; *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996; *Idem.* The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. № 4 (July).

[4] *Маккиндер Х.* Географическая ось истории.

[5] *Хаусхофер К.* О геополитике. М.: Мысль, 2001.

оси Берлин — Москва — Токио[1] и жестким противником нападения на СССР, а его сын Альбрехт Хаусхофер принимал участие в организации покушения на Гитлера и был казнен Гестапо), ассоциации геополитики с нацизмом весьма негативно повлияли на статус этой дисциплины. С тех пор английские и американские геополитики были вынуждены постоянно подчеркивать, что их геополитика не имеет ничего общего с Хаусхофером; для этого предлагалось даже различать две дисциплины: англосаксонскую «geopolitics» («приемлемую» и «адекватную») и немецкую «Geopolitik» («империалистическую» и «агрессивную»). Правда, эти различия не прижились, и начиная с 1970-х годов, когда во всем мире началось возрождение интереса к геополитике (в первую очередь, благодаря французскому политологу и историку Иву Лакосту[2]), стало совершенно очевидно, что геополитика Хаусхофера есть не что иное как применение идей Макиндера к ситуации Германии XX века, что его позиции существенно отличались от стратегии Гитлера и были достаточно маргинальны в контексте национал-социализма (а то и находились в оппозиции к нему) и что нет никаких причин отвергать научные аспекты его школы.

Дело усугублялось еще и тем, что в СССР геополитика была признана «буржуазной наукой», т. к. геополитические школы развивались либо в странах буржуазной демократии (Англия, США), либо в государствах «фашистского» типа (Германия Гитлера).

Лишь в 1970-е годы на Западе и с начала 1990-х в России сложились впервые благоприятные условия для полноценного развития геополитики и ее методов, при том что эта дисциплина непрерывно развивалась в Англии и особенно в США, где давно стала неотделимой частью политологического образования. Она оказала огромное влияние на школу *реализма* в области международных отношений, и прямой ученик Маккиндера американец Николас Спикмен, основывавший свои теории на геополитическом анализе цивилизационного дуализма Моря и Суши наряду с Э. Карром, Г. Моргентау, Р. Нибуром, считается одним из основателей американского реализма. После того как француз Ив Лакост[3] приступил к серьезному и систематическому исследованию геополитики на академическом уровне (изначально в рамках журнала «Геродот»), эта дисциплина была вновь открыта в Европе, где стремительно вошла в большинство образовательных программ по политологии, международным отношениям, истории, военной стратегии и т. д. Конец марксистской идеологии сделал возможным непредвзятое исследование геополитики и в СССР, и сегодня эта дисциплина преподается во многих российских военных и гуманитарных вузах. Все чаще создаются самостоятельные кафедры геополитики, и совершенно очевидно, что эта дисциплина необратимо стала частью современной политической науки и популярным и эффективным методом стратегического анализа.

Тем самым сложились объективные предпосылки для того, чтобы на новом уровне поднять вопрос о месте геополитики среди других политических наук и дисциплин.

---

[1] *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Берлин — Москва — Токио // Дугин А. Основы геополитики. С. 825—835.

[2] *Lacoste Y.* La Géopolitique. Paris: Centre national de documentation pédagogique, 1990.

[3] *Lacoste Y.* La Géopolitique. Paris: Centre national de documentation pédagogique, 1990.

Критика в адрес геополитики как науки

Обвинения геополитики в «ненаучности» имеет несколько наиболее распространенных версий. Часть из них заведомо не обоснованы, т. к. исходят из определенных идеологических установок или незнания реального положения дел. Сюда относится критика:

— со стороны марксистов и представителей крайне левых учений, по инерции считающих геополитику «буржуазной псевдонаукой»;
— со стороны сторонников либеральной теории международных отношений (в рамках их общей идейной борьбы с «реалистами»);
— со стороны тех, кто не знаком с реальной историей становления геополитического метода и оперирует с «мифами», не имеющими ничего общего с наукой;
— со стороны тех, кто по политическим и конъюнктурным соображениям не заинтересован в развитии геополитических школ (в первую очередь российской, но также китайской, исламской, евроконтиненталистской, латиноамериканской и т. д.), отличных от англосаксонской.

Это формы «денонсации» геополитики следует отложить в сторону, т. к. аргументация здесь строится не на научных критериях, но на идеологических аксиомах или правилах ведения политической борьбы.

Но можно найти критику геополитики и с более серьезных позиций. Сюда относится критика:

— со стороны тех, кто указывает на недостаточно четкое определение объекта и предмета геополитики и на слабую рефлексию ее методологических оснований;
— со стороны тех, кто указывает на инструментализацию геополитики в практических (чаще всего империалистических или национальных) целях.

В этом случае мы имеем дело с обоснованными замечаниями, которые требуют внимательного рассмотрения.

Слабая рефлексия относительно собственного места среди других наук, действительно, является уязвимой стороной геополитики. Это связано прежде всего с тем, что она развивалась в XX веке преимущественно в англосаксонском и американском контексте, где соображения научной стройности (в отличие от европейской науки) традиционно имеют второстепенное значение. Американцы привыкли руководствоваться прагматическими ценностями: если «нечто работает» («it works»), значит, это надо принять и использовать. Геополитический анализ многократно доказал, что «работает» превосходно, помогая не только систематизировать и структурировать запутанную область международных отношений, войн, конфликтов, дипломатических процессов, стратегических трендов и т. д., но и строить на его основании реальную и эффективную политику в планетарном масштабе. Для англосаксов (в первую очередь для американцев) этой эмпирической релевантности вполне достаточно, и поэтому геополитика давно включена в разряд политических наук наряду со стратегией и другими смежными дисциплинами. Более скрупулезные европейцы не могли этим удовлетвориться и сосредоточились поэтому на исторических аспектах геополитики, на изучении *геополитики как исторического явления*. Если американская политическая элита включила геополитику в контекст своего видения мира и подчас основывала на ней важнейшие стратегические, политические и

экономические решения, то европейцам оставалось только следить за этим «со стороны», разбавляя наблюдение экскурсами в предшествующие исторические эпохи. В то время как американцы *делали* в XX веке геополитику, европейцы (за исключением немецкой школы Хаусхофера) *наблюдали* за этим процессом. А та держава, которая имела достаточно ресурсов для того, чтобы *делать* геополитику наряду с американцами (СССР), была блокирована идеологическими запретами. Этим объясняются отчасти обоснованные претензии к научному статусу геополитики в ее сегодняшнем состоянии.

Те, кто обвиняют геополитику в инструментализме на службе «империализма», отчасти обоснованно (в отличие от прямых идеологических противников), рассматривают не столько теоретические, сколько *прагматические* ее аспекты. Надо признать, что чаще всего это обвинение резонно, т. к. на практике большинство геополитиков, как правило, разделяли и разделяют великодержавные и даже «империалистические» идеи. Это касается, в первую очередь, самого Маккиндера, а также Мэхэна, Спикмена и представителей всей американской школы реализма вплоть до Генри Киссинджера, которые на самом деле стояли и стоят на позициях англосаксонской мировой гегемонии, на службу которой они и поставили (чрезвычайно успешно) геополитические методики и приемы. Нельзя отрицать империалистический характер и геополитики Хаусхофера, хотя его идеи существенно и качественно отличались от грубого расизма и прямолинейного колониализма национал-социалистов.

В этой связи показательна позиция представителей «критической геополитики» (в частности Гераоида де О'Туатайла), которые, признавая релевантность геополитической методики, стремятся освободить ее от «империалистической» составляющей, т. е., указывая на слабые стороны классической геополитики, стремятся их обойти.

В целом же можно сказать, что в настоящее время ничто не препятствует тому, чтобы сделать усилие и попытаться на новом историческом этапе обосновать научность геополитического подхода и найти, наконец, этой дисциплине (чья практическая ценность и историческое значение вообще никем всерьез больше не ставятся под сомнение) достойное место среди научных дисциплин. Мы стоим на пороге полноценной институционализации геополитики в академической среде и попробуем внести в этот процесс наш вклад.

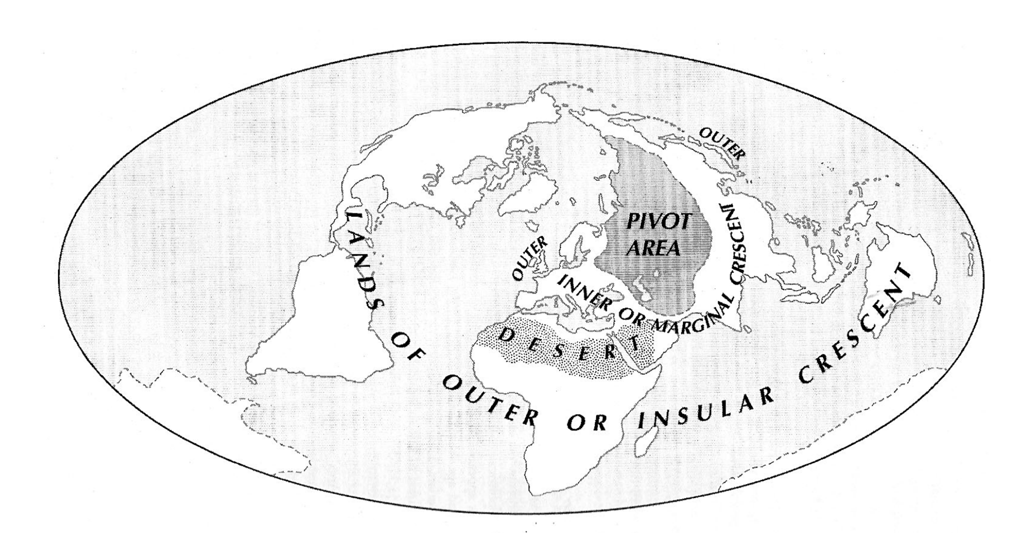
Геополитическая карта как ключ к пониманию сущности геополитики

Если мы рассмотрим типичную геополитическую карту (например, Маккиндера, Спикмена и т. д.), то столкнемся с интересным явлением: будет довольно трудно выяснить, с чем мы имеем дело — описывает ли эта карта политические регионы мира (то есть национальные государства), географические особенности, военно-стратегические блоки, экономические зоны, маршруты энергетических сетей, конфессиональные структуры, этнический состав населения и т. д. Если строго следовать за неточным и даже отчасти сбивающим с толку определением Р. Челлена геополитики как дисциплины, «изучающей отношение государства к пространству», мы должны будем сопоставить между собой политическую карту с нанесенными границами государств и географическую карту, на которой видны географические особенности территорий, занимаемых этими государствами — с их ландшафтами, почвами, структурами границ, водными ресурсами и береговыми линия-

Цивилизация Суши
теллурократия
Land Power

Цивилизация Моря
талассократия
Sea Power

Ил. 1. Геополитическая карта мира. Пространство планеты состоит из двух геополитических зон с переменными границами баланса влияний и смешанными промежуточными территориями

Ил. 2. Геополитическая карта Х. Маккиндера

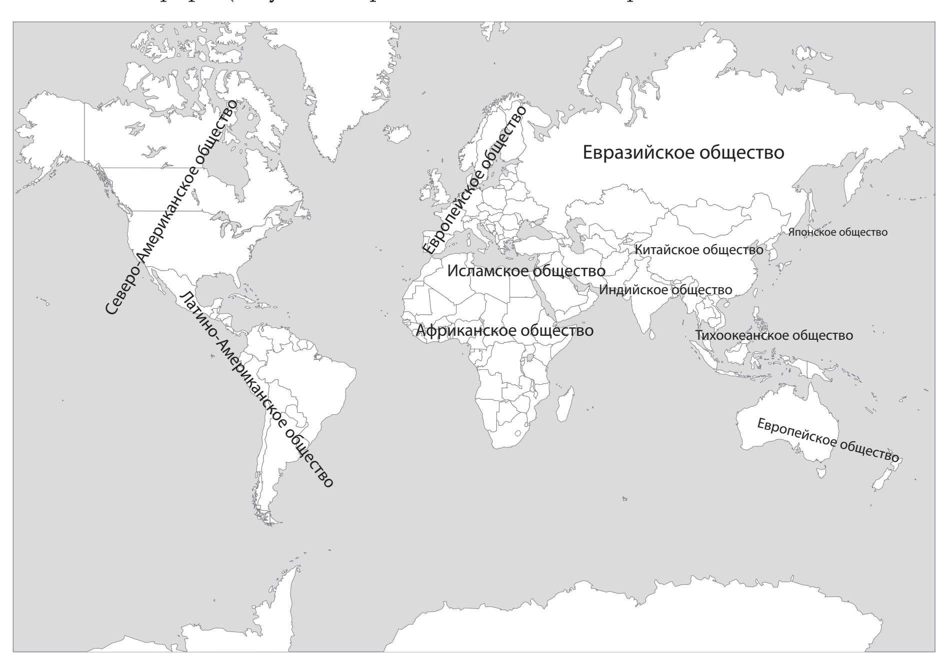
Ил. 3. Политическая карта мира. Пространство планеты состоит из территорий национальных государств, разделенных административными границами

Ил. 4. Геополитическое районирование планеты по версии Х. Маккиндера. Rimland

ми. Отчасти геополитика так и поступает, и анализ соотношения политики и географии, действительно, составляет важную часть геополитического анализа. Но если геополитика ограничивается лишь этим, откуда тогда берутся такие обобщающие концепты, как «талассократия» и «теллурократия», «Суша» и «Море», «морская цивилизация» и «сухопутная цивилизация», «глобальный Рим» и «глобальный Карфаген», «Бегемот» и «Левиафан» (К. Шмитт) и т. д., которые явно обозначают реальности, *выходящие за рамки* и национальных государств, и географических ландшафтов? Мы знаем, что такое Англия в политике и что такое остров в географии, но мы не знаем, что такое «цивилизация Моря» (что было геополитическим обозначением Великобритании с XVI века до середины века XX). «Цивилизация Моря» или талассократия не разлагаются на две составляющие — «государство» и «географическое местоположение» — и не являются их суммой. Этот обобщение из совершенно иной области — не политической и не географической. Но вся специфика геополитики и вся ее сила состоят именно в оперировании с такими чрезвычайно своеобразными *концептами*, теоретическое содержание которых очень слабо отрефлектировано самими геополитиками.

Но если нам удалось выявить центр проблемы, то мы можем попробовать ее решить. Дело в том, что кроме сфер политики и географии, геополитика постоянно имеет дело с анализом обществ, цивилизаций, ценностей, установок, идентичностей, культур, которые составляют приоритетную сферу *социологии*. Стоит только рассмотреть типовые геополитические дихотомические метафоры («Суша/Море», «Бегемот/Левиафан», «heartland/rimland»

Ил. 5. Цивилизационная карта мира. Пространство планеты состоит из цивилизаций, различных типов обществ, границы между которыми носят культурный, а не административный характер

и т. д.) как *социологические концепты*, все тут же автоматически встает на свои места. Теперь понятно, почему возникают претензии: будучи неразрывно связанной с социологией и постоянно оперируя социологическими методиками, сама геополитика рефлектировала это слабо, оставаясь в границах определения Челлена и не замечая, насколько это определение неполно. Стоит только добавить в определение геополитики «общество», как все претензии отпадут сами собой и ее предмет станет очевиден и прозрачен.

Геополитика есть наука, изучающая отношение государства и общества к пространству.

Геополитика и общество

Но понимаем ли мы, *что такое общество*? Хотя в социологии как таковой, где общество выступает в качестве главного предмета, ведутся бесконечные споры относительно его дефиниции, все-таки определенный консенсус присутствует, без чего социологии как науки не существовало бы.

Во-первых, *общество — это то, что напрямую не совпадает с государством*. Понятие «общества» часто употребляется в привычном политическом и журналистском дискурсе как *антитеза* государству и политике; как правило, противопоставляются *государственные* институты и *гражданские* институты, т. н. «гражданское общество». Таким образом, одно из определений общества состоит в том, что *оно не есть государство.* Но государство является воплощением политики. Значит, общество само по себе не есть политическое явление.

Во-вторых, *общество первично по отношению к человеку, т. к. оно формирует смыслы, которые ложатся в основу человеческой жизни*. Человек может мыслить в категориях субъект-объект, понимая под «субъектом» самого себя, а под «объектом» окружающий мир, но может мыслить и иначе, по ту сторону субъекта и объекта, не разводя себя и мир по разные стороны, не приписывая им отдельных, несводимых друг к другу онтологических свойств. То есть наряду с человеком, пребывающим *перед* природой, мы вполне можем иметь дело с человеком, находящимся *в* природе, *внутри* нее, и не выделяющим самого себя в отдельную инстанцию. Все это зависит не от самого человека, но от того *общества*, в котором он воспитывается, взращивается, проходит становление. Общество дает статусы всему, с чем имеет дело — людям, полам, социальным, политическим и культурным явлениям, а также природе, ближнему и дальнему физическому миру. В таком *широком понимании общество является матрицей человечности, истоком и парадигмой всех человеческих смыслов*.

Поэтому наше определение геополитики как научной дисциплины, основанной на изучении *отношения общества к качественному пространству*, является именно социологическим: отношение к пространству рассматривается не на уровне понимания его государством или отдельным человеком, но на уровне восприятия его всем *обществом в целом* — обществом как активным производителем всей корневой семантики и создателем смысловых структур. То пространство, которое осмысливается обществом, и есть *качественное пространство* — качественное в том смысле, что оно непременно наделено особыми семантическими свойствами, упорядочено, расчерчено в соответствии с особой культурной и мифологической (иногда религиозной) системой координат, характеризующей именно конкретное общество.

Географические объекты и явления — суша, море, леса, горы, пустыни, болота, степи, холмы, берега, тундра и т. п. — могут осмысливаться самыми различными способами в зависимости от того, с каким обществом мы имеем дело. С социологической точки зрения, не существует *единой* географии или единой природы, единого внешнего мира и единой окружающей среды. Каждое общество имеет *свою* географию, *свою* природу, *свой* окружающий мир, *свою* среду. Л. Гумилев называл это термином «*вмещающий ландшафт*». Ландшафт осмысливается, преобразуется, используется и истолковывается в зависимости от того, каким его видит конкретная *культура* конкретного общества. Поэтому геополитика видится в социологической перспективе не как *совокупность политических (государственных, властных) решений, оценок, шагов и стратегий в отношении к пространству*, как она определяет саму себя, но более глубинно и более тонко — как *осознание обществом (культурой, народом) своего места в социально сконструированном им самим мире (природном, культурном, «физическом», «политическом» и «цивилизационном»), как ситуирование обществом самого себя в учрежденной им же самим географической системе координат, наполненной особыми качественными смыслами*.

Но в отличие от других областей социологии геополитика сосредоточивает свое внимание на том, как эта общая *социологическая карта мира*, составленная обществом, но чаще всего остающаяся в сфере бессознательного, проявляет себя в конкретных политических решениях, в вопросах войны и мира, в политических альянсах, в стратегических концепциях, в процессах экспансии и завоеваний, в вопросах религии, этнической политики, культуры, образования — т. е. в области политики, сопряженной, в первую очередь, с *пространственным* фактором: внешняя политика, международные отношения, стратегическая и оборонная сфера, вооруженные силы, а также административно-территориальное устройство (прежде всего в его взаимосвязи с внешнеполитическими принципами и религиозной, политической и этнокультурной идентичностью).

Общество является источником *карты мира*, которая может иметь различные масштабы — от этноцентрума архаических племен до глобального взгляда современной цивилизации. Обрисовав эту карту и найдя на ней место самому себе (чаще всего это место помещается в центр), общество начинает действовать в соответствии с этим *представлением*, что выливается в дальнейшем в серию политических поступков, осуществляемых властью, т. е. политической инстанцией. Геополитика концентрируется на самих этих поступках и ищет их связи со структурой пространства, а также пытается их частично (а то и полностью — «географический детерминизм») объяснить этой структурой.

Социологическое понимание пространства описал классик социологии Эмиль Дюркгейм:

«Как показал Амелен, пространство — это не та смутная и неопределенная среда, которую представлял себе Кант: чисто и абсолютно однородная, которая не могла бы служить ничему и не открывала бы для мысли никаких перспектив. Пространственное представление состоит сущностно в первичной координации, привнесенной в данные чувственного опыта. Но эта координация была бы невозможна, если бы части пространства были качественно одинаковыми, если бы они полностью могли быть взаимозаменяемыми. Чтобы иметь возможность пространственно разместить вещи, необходимо

иметь возможность их разместить различно: одни поставить вправо, другие влево, одни сверху, другие снизу, одни на севере, другие на востоке и т. д., точно так же, как и для упорядочивания состояний сознания необходимо локализовать их в привязке к определенным датам. Это значит, что пространство не было бы самим собой, если бы, как и время, оно не было разделено и дифференцировано. Но откуда происходят эти столь существенные различия? Не существует ни права, ни лева, ни верха, ни низа самих по себе. Все эти различия происходят из того, что разные аффективные ценности приписаны соответствующим регионам. А т. к. люди одной и той же цивилизации представляют собой пространство сходным образом, эти аффективные ценности и различия, вытекающие из этих ценностей, будут для них общими; а это значит почти с необходимостью, что их исток следует искать в социальности».

Спор геополитиков и социологов

Можно бы обратить внимание на спор между социологами и геополитиками: например, между Марселем Моссом и Фридрихом Ратцелем, точнее, критику М. Моссом идей Ф. Ратцеля, принадлежавшего к предыдущему поколению исследователей. Француз Марсель Мосс, племянник Э. Дюркгейма — крупнейший социолог-классик. Немец Фридрих Ратцель — создатель политической географии и антропогеографической школы, предвосхитивший геополитику как науку.

Ратцель утверждал, что общество, располагающееся, например, на горах, отлично от общества, которое находится на равнине. Это специфически горное общество со своими особыми моделями. Из факта расположения общества на горах можно заключить, что оно построит специфическую политическую систему, создаст соответствующую модель этики, особые законы и религию. Общество, живущее на равнине, создаст нечто совершенно другое. У Ратцеля мы видим многое из того, что можно назвать «географическим детерминизмом». С философской точки зрения, он рассматривает, например, гору в качестве первичной «*объективной реальности*», а общество — в качестве «*субъективного отражения*», осознания этой реальности, рефлексии на эту реальность. Равнина — такая же реальность, как и гора, а равнинное общество — ее отражение, причем *вначале* существует пустая равнина, а *потом* — прибредшие туда и расселившиеся там люди. Таким образом, по Ратцелю, общество *отражает*, а затем *выражает* в себе *качественное пространство*. В подобном подходе критики упрекали и крупнейшего российского этнолога Льва Николаевича Гумилева.

Географический детерминизм исходит из предопределенности общества, его культуры, политической, социальной, этической и даже религиозной системы его *географическим положением*. В частности, Лео Фробениус, немецкий этнолог и этносоциолог, выдвинул гипотезу о существовании двух культур — *хтонической* и *теллурической*. Согласно Л. Фробениусу, есть общества, которые в качестве жилища преимущественно роют норы, закапываются. (Вспомните сюжет повести А. Платонова «Котлован», чрезвычайно показательный для понимания русского отношения к пространству.) Эти общества этнолог называет «хтоническими». А есть общества, которые насыпают кучи, горы, строят конструкции, обращенные вверх — шалаши, дома, стеллы, дворцы и т. д. — это общества теллурические (пример, «город на хол-

ме» американской мечты). Между американским теллурическим идеалом и русским закапыванием в бездну, в нору (строительство метро в Москве не только как средства передвижения, но и «музея» и предмета национальной гордости) существует определенная *симметрия*, как между теллурическим и хтоническим типами.

Мнению геополитиков и близких к ним представителей «географического детерминизма» социологи (в частности, М. Мосс) противопоставляли следующие соображения: нет никакой горы (степи, леса, равнины и т. д.) самой по себе. Гора — это *социальное явление*. Гора осознается как гора только высокоорганизованной, интенсивной, различающей структурой человеческого разума. Она конституируется и осознается как гора только в ходе развертывания социального процесса. Поэтому социологи предлагали говорить не о географии, а о *морфологии общества* иначе говоря, о том, как общество на своих фундаментальных структурных уровнях *осмысливает* ландшафт.

М. Мосс писал об этом:

«Одним словом, теллурический (земной, географический) фактор должен быть поставлен во взаимосвязь с социальной средой в ее тотальности и ее комплексности. Он не может быть взят изолированно. И так же, когда мы изучаем следствия, мы должны отслеживать резонанс во всех категориях коллективной жизни. Все эти вопросы не географические, но социологические. И именно в социологическом духе их следует рассматривать. Вместо термина антропогеография мы предпочитаем термин социальная морфология, чтобы обозначить ту дисциплину, которая вытекает из нашего исследования; это не из любви к неологизмам, но из-за того, что различные наименования выражают различие в ориентациях».

В качестве доказательства своей правоты социологи приводили в пример довод, что *аналогичные* ландшафты порождают *разные* типы общества, потому что понимание горы, воды, берега, моря, реки, равнины, леса, болота, степи и т. д. в одном обществе будет одним, в другом обществе — совершенно другим. С точки зрения социологии, именно общество формирует *семантику окружающей среды*, конституирует внешний мир, географию как социальное, культурное и историческое явление. Общество не просто пассивно отражает природную среду; оно *интерпретирует* природный ландшафт, отталкиваясь от своей уникальной социальной парадигмы, а в некоторых случаях и существенно *изменяет* его.

Социологи в данном случае смотрят *глубже*, чем геополитики. Но еще глубже и интереснее, чем геополитики и социологи, смотрим мы, когда объединяем творческие и научные интуиции представителей геополитической школы с наработками классиков социологии и говорим одновременно о *качественном пространстве* как о пространстве географического ландшафта и как о социологическом осмыслении этого ландшафта. Это особое *геополитическое пространство, понятое социологически*, и изучается приоритетно в нашем подходе к геополитике России.

Мы не утверждаем, что общество есть зеркало, поставленное перед ландшафтом. Мы утверждаем, что и ландшафт, и это зеркало (общество), по сути дела, не являются самостоятельными и оторванными друг от друга, объективно существующими реальностями.

Реально только творческое социо- и природообразующее начало общества. Оно предопределяет и реакцию на гору, и представление о горе, и, в

принципе, саму эту гору. *Общество творит все.* Общество творит и окружающий мир, и географию, и само себя.

Пространство, представляющее собой географический рельеф внешнего мира, есть не что иное как *проекция социальной морфологии*. Социологически понятая геополитика не выносит окончательного суждения, что первично — социальная матрица или географический ландшафт. Она изучает их как нечто *единое и нераздельное.*

Мы говорим о том, что к *одной и той* же стихии, к *одному и тому же* климату, к *одному и тому же* ландшафту можно *по-разному* отнестись. Например, рассмотрим отношение к *стихии моря*. Одни впускают море внутрь, подстраиваются под него. Это и есть геополитическое явление «талассократии» (морского могущества). Другие, даже в самом интенсивном взаимодействии с морем, остаются верными земле Это явление называется «теллурократией», т. е. буквально — «сухопутным могуществом». Подробно это разбирает К. Шмитт в основополагающей для социологически понятой геополитики работе «Земля и Море»[1].

Иначе говоря, *разные общества по-разному согласуют свою социальную морфологию с географическим ландшафтом*. Таким образом, нас нельзя упрекнуть ни в «географическом детерминизме», ни, в то же время, в абстрагировании от конкретных географических условий, в чем подчас упрекают социологов. В этом — основные предпосылки геополитики, осознанной в социологической перспективе.

Социологическая коррекция геополитического метода

Социологически понятая геополитика разбирает не только политическое резюме пространственных представлений, выраженное в конкретных действиях и поступках государства и власти, но прослеживает *всю цепочку* их возникновения, становления, формирования в глубинах самого общества, в сфере коллективного сознания, и даже прежде этого, в области коллективного бессознательного. И лишь затем, с учетом полученных социологических данных, она рассматривает политический уровень: принятые решения, осуществленные действия, выигранные или проигранные войны, заключенные союзы, созданные военные блоки, осмысленные экономические и стратегические интересы и т. д.

Понятие «геополитика» состоит из двух частей: «гео» (от греч. «γεα», «земля») и «политика» (от греческого «полис», «πολις» — «город», откуда, собственно, и произошло понятие «политика» — способ управления полисом, городом-государством). Социологически понятая геополитика вводит в эту диаду смыслов («земное пространство» и «власть») *третий элемент* — общество, подчеркивая его *главенствующее* значение. И политика, и само «земное пространство», «ландшафт» рассматриваются как *структуры социальных представлений*, рождающихся и соотносящихся между собой именно в обществе.

В таком широком понимании общества, контрастирующим с его узким пониманием (как противоположности государству и политике), и политическое измерение, и интерпретация окружающей земной среды рассмат-

---

[1] *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А.Г. Основы геополитики. Москва: Арктогея-Центр, 2000. С. 840—884.

риваются не сами по себе, как полностью автономные области (политика и география), но как производные от глубинной структуры социума. Следовательно, в *геополитике* мы имеем дело с тремя главными инстанциями:

1) *общество* как главная и основополагающая инстанция;
2) *политика* (государство, власть, право) как первая производная от общества сфера;
3) качественное *пространство*, географические представления, интерпретации пространственных, климатических и природных явлений — вторая производная от общества сфера.

Между этими инстанциями существует замкнутый контур связей. Обе *производные* (политика и представления о пространстве) вытекают из общества и связаны с ним структурно, концептуально, генетически. Это связи, погружающиеся корнями в глубину социального бытия. Кроме того, политика и представления о пространстве, как две производных от общей для них первичной социальной матрицы, связаны между собой и непосредственными горизонтальными связями.

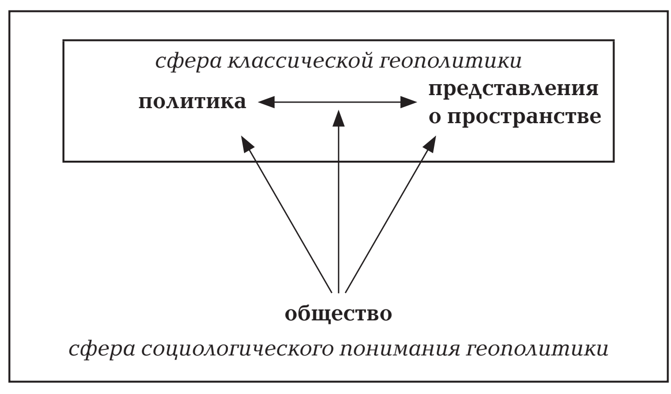

Схема 1. Геополитика в социологической оптике

Социология и институционализация геополитики как науки

Социологический подход, обращение к обществу как к базовой, основополагающей инстанции позволяет по-новому взглянуть на геополитику. Большинство критиков классической геополитики ставят ей в вину как раз то, что она слишком схематично и даже «мифологично» описывает связи между политикой и географией, не вскрывая их природы. Без обращения к обществу иначе этого и нельзя сделать. Но если ввести в топику инстанцию общества и, помимо «горизонтальных связей» (схема 1) между производными проследить глубинные связи, то мы получим полную картину. Она заставит по-новому и с большей степенью научности осмыслить сами «горизонтальные связи», которые можно будет рассмотреть не как нечто автономное, но как сложную проекцию на уровень производных тех смысловых полей, которые связывают каждую из них с общим истоком. И в этом случае мы вполне можем рассмотреть геополитику как социологическую дисциплину, которая не могла долго найти полноценной академической институционализации именно за счет того, что *не учитывала первичности общества.*

Таким образом, социологически понятая геополитика является не просто наложением двух методов: социологии и геополитики, но выражает саму *суть* геополитики как дисциплины, фундаментализирует ее, позволяет впервые подойти к ее методологиям со всей строгостью, предъявляемой наукой. Конечно, социология сама долго и нелегко пробивала себе путь к тому, чтобы быть признанной полноценной академической дисциплиной. Но сегодня никто не осмелится поставить под вопрос научность социологии. Геополитика же еще не прошла этого пути до конца, да и вряд ли сможет это проделать, оставаясь в своих классических границах. Только в сочетании с социологией она может добиться того, чтобы без всяких оговорок быть признанной в научном сообществе. В рамках политологии и политических наук геополитика всегда будет наталкиваться на то, что ее понятийный аппарат и методологии явно не вписываются в четкие критерии государства, режима, власти, права, закона, идеологии, того или иного политического института. При всей безусловной и наглядной эффективности геополитики, при всей достоверности ее выводов, заключений и прогнозов в ней наличествует нечто, что ставит ее *за рамки* политологии и порождает все новые и новые волны споров о ее «научности». Это «нечто» способна корректно интерпретировать, разъяснить и обосновать только социология. Поэтому рассмотрение геополитики с *социологической* точки зрения есть своего рода «спасение» геополитики, важнейший шаг на пути ее полноценной и окончательной институционализации.

Геополитика в свете социологии

Как только в дефиницию геополитики вводится понятие общества, мы легко можем выйти за рамки государств, оперируя такими категориями, как «цивилизация», «конфессия», «идентичность», «социальные ценности», «культура» и т. д.

Теперь структура геополитической карты становится для нас понятной. Оказывается, на ней нанесены *три слоя* (а не два) — политический (границы национальных государств), географический (земной ландшафт) и социальный (особенности культур, цивилизаций, обществ). Большинство геополитических концептов и терминов имеют именно такую тройственную природу, объединяя в себе одновременно политологию, социологию и географию. При этом специфика геополитического подхода состоит в том, что этот синтез рассматривается как первичный по отношению к его составляющим. Геополитика является *холистской методологией* (по классификации Л. Дюмона): она исходит из того, что геополитическая концептуальная топика *синтетична*, что в геополитическом концепте уже включены потенциально и политика, и общество в их соотношении с географией. Государство видится как выражение социально осмысленных географических закономерностей, и инстанция социального осмысления является здесь основной. Именно на уровне общества (культуры, цивилизации) формируется отношение к пространству, которое в дальнейшем находит свое выражение в конкретных политических формах (государствах, внешней политике и т. д.). Если мы не обращаем внимания на общество как важнейший семантический элемент в геополитике, предшествующий как политике, так и структурной пространственной рефлексии, т. е. географии, то, действительно, границы дисциплины размываются, а ее методология становится произвольной и повисает в

воздухе. Государство *как-то* связано с пространством, и попытки нащупать структуру этой связи и составляет сущность классической геополитики. «Как-то связано», но *как* именно? Ни политика, ни география на этот вопрос ответить не способны. Ответ лежит *в сфере общества*, которая является матрицей как пространственных представлений и обобщений, так и политических структурализаций.

Геополитика, таким образом, находится ближе всего именно к социологии и к социологии политики. И в этом случае *объектом* ее изучения становится общество и общественные процессы, а *предметом* более узкая сфера: отношение общества к пространству, что лежит в основе как географических представлений, так и политических систем. Это становится особенно очевидным, если мы обратим внимание на «холистскую» социологию (Э. Дюркгейм, М. Мосс, М. Хальбвакс, Л. Дюмон и т. д.), оперирующую с социальными фактами как с «тотальными фактами» и подчеркивающую приоритет «коллективного сознания» над индивидуальным (в отличие от методологического индивидуализма и атомизма, свойственного либеральным теориям).

Именно в обществе следует искать корень *двойной герменевтики*, характеризующей геополитику: общество является одновременно носителем социальных концепций пространства и истоком политических форм. Поэтому *геополитический* концепт (например, «талассократия») является *социологическим* концептом, синтетически содержащим в себе формы осмысления пространства (географические представления, качественную топологию окружающего мира) и матрицу производства политических форм (государств). Государства связаны с пространством *через общество*, и именно в обществе следует искать закономерность и обусловленность этого соотношения.

Социологическая интерпретация концепта талассократии

Рассмотрим уже упоминавшийся концепт талассократии. Он описывает специфику отношения к морской стихии *не государства, а именно общества.* Талассократия в равной мере присуща разным государствам — Древнему Карфагену, Венецианской Республике, Голландии в эпоху ее колониального расцвета, Великобритании и современным США. Сами эти государства имеют между собой мало общего. А вот на уровне социального отношения к пространству они имеют одну важнейшую (и приоритетную для геополитики) общую черту: *они отвечают на «вызов Моря» тем, что становятся на его сторону*, принимают его в себя и начинают рассматривать его не со стороны Суши (как теллурократия), а через него самого, и, напротив, Сушу осознавать через берег, видимый с Моря. Эту особенность подробно рассмотрел в своей классической работе «Земля и Море» Карл Шмитт, заложивший основы социологической интерпретации геополитики в целом. Не наличие обширных морских границ и даже не развитый военный и торговый флот делают державу талассократией: сдвиг социальных представлений от фиксированной «консервативной» стихии Суши к динамичной и постоянно меняющейся стихии Моря, происходящий на уровне ценностных установок общества, лежит в основе талассократии. Талассократия — явление, в первую очередь, именно *культурное и цивилизационное*, и лишь во вторую — политическое и стратегическое.

Структура геополитического концепта

С учетом вышеприведенных пояснений мы можем понять природу тех трудностей, с которыми столкнулась геополитика в ходе своей научной институционализации. Для этого следует ввести понятие *геополитического концепта* как базового теоретического ядра всего геополитического метода. Для прояснения этого вновь обратимся к геополитической карте.

Эту геополитическую карту, например, уже приводившуюся классическую карту Х. Макиндера, можно рассмотреть как наложение друг на друга трех слоев.

Первым слоем является географический, на котором отмечены границы континентов, океаны, моря, реки, горы, пустыни, леса, степи, тундры, льды, одним словом структура земного ландшафта.

Второй слой, наносимый на первый — политическая карта мира, на которой отмечены границы государств и районирование остальных территорий — морские границы, шельф, зоны контроля над необитаемыми территориями (Антарктида).

Третий слой — зоны цивилизаций, т. е. приблизительные границы, отмечающие переход от одного типа общества к другому (здесь болшое значение имеет конфессиональная принадлежность, география языка, этнический и этнокультурный фактор, а также исторические особенности того или иного региона).

Каждый из этих слоев на карте районируется на основании различных критериев, составляющих, соответственно, *географический, политический или социологический концепт*. Географические концепты отражают структуру природной среды; политические — принадлежность к территории того или иного государства; социологические — отношение пространства к той или иной цивилизационной модели. Каждый из этих трех концептов — географический, политический и социологический имеет, в свою очередь, собственную *структуру* (постоянную часть) и собственную *системическую* (динамически меняющуюся со временем) *надстройку*. Можно принять (с соответствующим приближением) структуру за нечто полностью неизменное, а системическую надстройку разместить на временной шкале. Сразу станет очевидно, что скорости изменения системической надстройки на уровне трех концептов не равны: медленнее всего меняется географическая структура мира (хотя континенты скользят по шельфу, происходят климатические изменения, влияющие на структуру ландшафта, мигрирует изотерма января, трансформируется структура почв и т. д.); изменение политических границ государств, их названия и политическое устройство происходит наиболее динамичным образом и совершается подчас на протяжении жизни одного поколения; изменение социологических и цивилизационных основ общества развертывается намного *быстрее* географических мутаций, но существенно *медленнее* политических преобразований. Таким образом, между тремя уровнями концептов можно установить определенную закономерность: география оказывается базовой *структурой* для остальных процессов (цивилизационного и политического), а цивилизационный фактор, в свою очередь, выступает как структура (нечто неизменное) для протекающих на поверхностному уровне политических трансформаций.

Возвращаясь к геополитической карте, мы имеем в ней проекцию всех трех концептуальных уровней, взятых одновременно. Геополитическая кар-

та совмещает в себе и географию, и политику, и социологию (в привязке к пространству), причем синтезирует их в *единой и нерасчленимой научно-методологической матрице*. Нечто подобное американский геополитик и политический географ Стивен Б. Джонс назвал «объединенным полем политической географии»[1]. Данное совмещение и образует *геополитический концепт* как таковой. С набором таких геополитических концептов оперирует геополитика; это и составляет главную особенность ее метода.

Надо особенно подчеркнуть: мы говорим о выделении отдельных пластов внутри геополитического концепта (географического, политического и социологического) лишь для наглядности изложения. Строго говоря, геополитика по умолчанию предполагает, что геополитический концепт не является продуктом *механического* совмещения трех слоев, которые мы внутри него выделили, но представляет собой изначальное *органическое* единство, синтез, не последующий за отдельными частями, но предшествующий их выделению. Иными словами, геополитический концепт претендует на то, что он до определенной степени объясняет и наделяет смыслом саму структуру семантической связи между географией, обществом и политикой, и следовательно, является чем-то *первичным*. Именно это и составляет чаще всего невысказанную, но подразумеваемую *амбицию* геополитики как дисциплины: она оперирует на концептуальном уровне с синтетическими понятиями заведомо и сразу, а не последовательно, накладывая друг на друга слой за слоем.

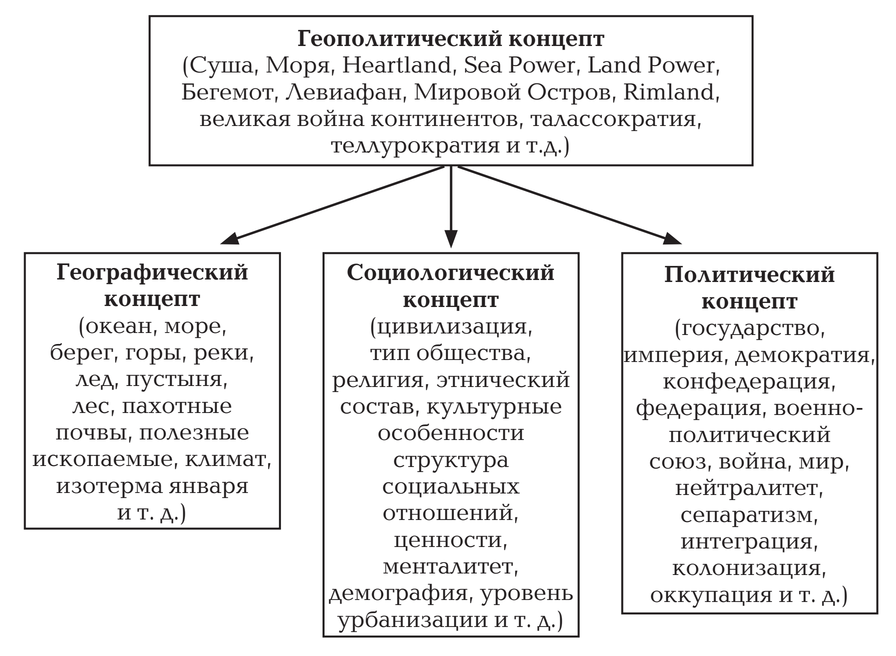

Схема 2. Структура геополитического концепта

---

[1] *Jones St.B.* Unified Field Theory of political Geography // Annals of the Asociation of American Geographers. 1954. V. XLIV. N. 2 C. 111—132.

Ил. 6. Географическая карта мира

Ил. 7. Политическая карта мира

Ил. 8. Цивилизационная карта мира

Это напрямую вытекает как раз из той *социологической* особенности геополитики, которую мы подчеркнули ранее. Геополитика подразумевает, что имея дело с пространством, она имеет дело с *социальным конструктом* во всех случаях — когда она касается и географии (ведь географические представления также зависят от общества), и цивилизационных устоев общества, и построенных на этих устоях конкретных политических форм (государств, режимов и т. д.).

Первичность геополитического концепта позволяет не ограничивать строго число вторичных концептов, на которые он раскладывается, но расширить их номенклатуру через введение дополнительных слоев более частного уровня. Так, в геополитическом анализе большую роль играют экономика, энергетика, полезные ископаемые, военно-стратегический потенциал, промышленность, торговля в их *привязке к пространству*. Из этого вытекает возможность еще большей детализации геополитического концепта, пример которой мы даем на следующей схеме.

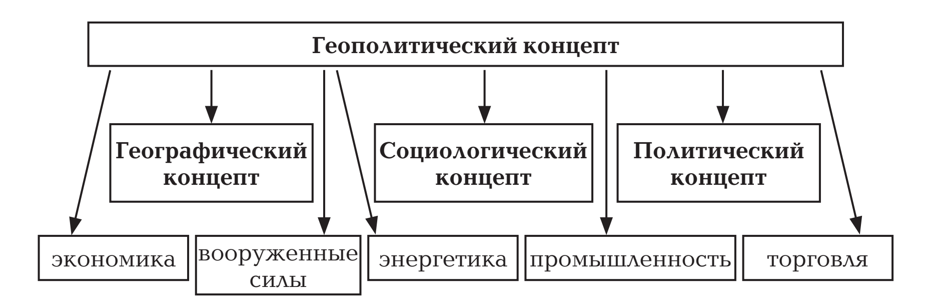

Схема 3. Введение в геополитический концепт дополнительных концептов третьего уровня

Сферы экономики, промышленности, вооруженных сил, энергетики и т. д. оперируют, в свою очередь, со своими концептами (уже четвертого уровня). Одновременно они могут быть включены в концепты второго уровня (география, социология, политика) или напрямую в сам геополитический концепт (первого уровня). Таким образом, структура геополитического концепта качественно усложняется и вбирает в себя все те сферы человеческого бытия, которые имеют отношение к пространству, его организации, его осмыслению, его концептуализации, его упорядочиванию, его «производству», к «производстве пространства», писал в своих трудах французский философ Анри Лефевр[1].

Прагматический аспект геополитического дискурса

Казалось бы, тот анализ структуры геополитического концепта, демонстрация его синтетической и органической природы расставляют все вещи по своим местам с такой очевидностью, что научный характер геополитического метода никем не должен был бы ставиться под сомнение. Семантический разбор его структуры вполне достаточен, чтобы снять любую критику в адрес геополитики как корректно обоснованной академической науки междисциплинарного толка. Но на практике большинство геополитиков-классиков не предложили подобных обобщений и аналогичного уровня концептуализации ранее. И для этого есть определенные причины исторического характера.

Дело в том, что большинство геополитиков составляли свои тексты и анализы в напряженной исторической ситуации и ставили передо собой вполне конкретные цели. С помощью геополитических выкладок они пытались донести до тех уровней власти, которые принимали основные решения в международной политике, определенные идеи, умозаключения и сценарии действия, которые побуждали бы проводить ту или иную политическую линию в конкретных вопросах. От их успешного влияния на власть зависел, как они справедливо считали, ход мировой истории. Следовательно, задачей геополитиков было формулировать свои взгляды убедительно, наглядно и доказательно, т. е. вопросы внушительности и простоты перевешивали требования академической строгости. Для изложения своих взглядов перед лицом властных инстанцией (парламентов, правительств, политических лидеров и т. д.) у геополитиков было весьма ограниченное время (как, например, у Маккиндера выступавшего перед Британским правительством 29 января 1920 года[2]), и им надо быть максимально убедительными (даже ценой некоторой вольности изложения). На практике это приводило к тому, что они упускали из виду строгость научной концептуализации и широко использовали синонимический круг понятий, выбираемых всякий раз на основе их *риторической* релевантности.

Это легко проследить на следующей схеме.

---

[1] См. *Lefebvre H.* La production de l'espace. P.: Antrhopos, 1977.

[2] *Blouet G.W.* Sir Halford Mackinder as the British High Commissioner in the South of Russia in 1919—1920 // The Geographical Journal, Vo. 142. No. No. 2. Jul. 1976. C. 228—236.

Схема 4. Структура синонимичности концептов в геополитическом дискурсе

На практике это означало, что вместо «Heartland» как строго геополитического понятия могло использоваться политическое понятие СССР (Российская Империя), или географическое понятие — Евразия (континент), или социологическое — социалистический лагерь (православный мир — в другой исторической ситуации). И выбор термина в этом обобщенно синонимическом ряду обусловливался не строгим соответствием уровню разбора, но эффектностью риторического построения общего геополитического дискурса. В геополитическом тексте это было оправдано подразумеванием всего контекста, а кроме того, стремлением сделать изложение максимально понятным властному адресату. С точки зрения прагматической геополитики часто достигали поставленной цели, но с точки зрения корректности научного метода такое свободное использование синонимов, напротив, служило аргументом в пользу недостаточной научной проработанности.

Учитывая это обстоятельство, сегодня мы обладаем достаточным инструментарием для того, чтобы прояснить эту концептуальную ситуацию и при необходимости совершенно однозначно и корректно подвергнуть любой геополитический текст научной интерпретации, разложив его на соответствующие концептуальные уровни и указав в каждом конкретном случае на использование приема синономии, метонимии или иной риторической фигуры, обусловленной в каждом случае конкретной ситуацией. Таким образом, мы получаем возможность вполне научно прочесть и истолковать любой геополитический текст.

Библиография:

Геополитика. Антология, СПб.: Академический проект, Культура, 2006.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект, 2011.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Логос и мифос. Глубинное регионоведение. М., 2010.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.
Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2006.
Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007.
Мосс М. Социальные функции священного: Избранные произведения. СПб.: Евразия, 2000.
Ратцель Ф. Народоведение: В 2 т. М.: Типография Товарищества «Просвещение», 1903.
Шмитт К. Номос Земли. М.: Владимир Даль, 2008.

Глава 2

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ И ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Ф. Ратцель: политическая география и антропогеография

Одним из предшественников собственно геополитической науки, тем, кто, по сути, и сформировал предпосылки для возникновения геополитики, был Фридрих Ратцель (1844 – 1904), немецкий географ и этнолог, издавший серию программных работ, открывающих собой новую науку — «*антропогеографию*» или «*политическую географию*»[1].

В своих трудах Ф. Ратцель заложил целый ряд тезисов, большинство из которых легли в основу последующих геополитических методик.

1. *Человечество едино и его отдельные этнические и социальные сегменты подчиняются общей логике развития* — по аналогии с другими видами живых существ (этот тезис оспаривали позже представители культурной антропологии, структурализма и большинство направлений в классической социологии). Единство человеческого рода — это общеземная или планетарная черта, которая воплощает в себе высший уровень творения[2].

2. Государство есть *живое тело*, которое простирает себя по поверхности земли и отличает себя от других тел, которые располагаются таким же образом[3]. Государства на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география. Государства вписываются в серию явлений экспансии жизни, являясь высшей точкой этих явлений[4]. «Органический» подход Ф. Ратцеля сказывается и в отношении к самому пространству (Raum). Это «пространство» переходит из количес-

---

[1] *Ratzel F.* Anthropogeographie — Die geographische Verbreitung des Menschen. Stuttgart, 1882 – 1891; *Idem.* Völkerkunde. Leipzig, 1885; *Idem.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Münich/Berlin, 1897; *Idem.* Deutschland. Einführung in die Heimatkunde. Leipzig, 1898; *Idem.* Die Erde und das Leben, 1902; *Idem.* Die geographische Lage der grossen Stadte/Grosstadt, Jahrbuch der Gehe-Stiftung. Vol. 9. Dresden: Zahn&Jaensch, 1903. На рус. яз.: *Ратцель Ф.* Народоведение: В 2 т. СПб: Типография Товарищества «Просвещение«, 1903.

[2] *Ratzel F.* Anthropogeographie — Die geographische Verbreitung des Menschen.

[3] *Ratzel F.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Münich/Berlin, 1897.

[4] *Ratzel F.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Münich/Berlin, 1897.

твенной материальной категории в новое качество, становясь «*жизненной сферой*», «*жизненным пространством*» (Lebensraum)[1] или «*геобиосредой*». Отсюда вытекают два других важных понятия «политической географии» Ф. Ратцеля: «*пространственный смысл*» (Raumsinn) и «*жизненная энергия*» (Lebensenergie). Эти термины близки друг к другу и обозначают некое особое качество, присущее географическим системам и предопределяющее их политическое оформление в истории народов и государств.

3. Государство мыслится Ратцелем как многомерная *экологическая среда*, в которой происходит оформление народа, нации. Какими Ратцель видел соотношения этноса и пространства, явствует из его «Политической географии»: государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы. Наиболее важными характеристиками являются размеры, местоположение и границы. Далее следует типы почвы вместе с растительностью, ирригация и, наконец, соотношения с остальными конгломератами земной поверхности и в первую очередь с прилегающими морями и незаселенными землями, которые, на первый взгляд, не представляют особого политического интереса. Совокупность всех этих характеристик составляют страну (das Land). Но когда говорят о «нашей стране», к этому добавляется все то, что человек создал, и все связанные с землей воспоминания. Так изначально чисто географическое понятие превращается в духовную и эмоциональную связь жителей страны и их истории.

Государство является организмом не только потому, что оно артикулирует жизнь народа на неподвижной почве, но потому, что эта связь взаимоукрепляется, становясь чем-то единым, немыслимым без одного из двух составляющих. Необитаемые пространства, неспособные вскормить государство — это историческое поле под паром. Обитаемое пространство, напротив, способствует развитию государства, особенно если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, происходя из почвы, будут вписаны в него[2].

4. *Государство может расширяться и сужаться в зависимости от внутренних и внешних факторов*. Оно растет пространственно, если у него есть внутренние силы, ресурсы, энергии и если ему удается преодолеть сопротивление государств, расположенных рядом. Оно сжимается, если утрачивает жизненные силы или уступает давлению более могущественных соседних политических образований. Пребывая в одной и той же антропогеографической нише, все государства обречены на то, чтобы развиваться через циклы слияний и поглощений, расширений и сужений. Это неумолимый закон политического пространства. Отношение к государству как к живому организму предполагало отказ от концепции «нерушимости границ». Государство рождается, растет, умирает подобно живому существу. Следовательно, его пространственное расширение и сжатие являются естественными процессами, связанными с его внутренним жизненным циклом.

5. Развивая идеи «жизненного пространства», расширения и сужения территорий государств, Ф. Ратцель формулирует законы «*территориальной*

---

[1] *Ratzel F.* Uber den Lebensraum//Die Umschau. 1897. Vol. 1. C. 363—366.

[2] *Ratzel F.* Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. Münich/Berlin, 1897.

экспансии государства». Экспансия мыслится им как биологическая необходимость, а не как результат рационально-волевой деятельности политических элит. В своей статье «О законах пространственного роста государств»[1] Ратцель так описывает *семь законов экспансии*: 1) протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры; 2) пространственный рост государства сопровождается иными проявлениями его развития: в сферах идеологии, производства, коммерческой деятельности, мощного «притягательного излучения», прозелитизма; 3) государство расширяется, поглощая и абсорбируя политические единицы меньшей значимости; 4) граница — это орган, расположенный на периферии государства (понятого как организм); 5) осуществляя свою пространственную экспансию, государство стремится охватить важнейшие для его развития регионы: побережья, бассейны рек, долины и вообще все богатые территории; 6) изначальный импульс экспансии приходит извне, т. к. государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией; 7) общая тенденция к ассимиляции или абсорбции более слабых наций подталкивает к еще большему увеличению территорий в движении, которое подпитывает само себя[2].

Ратцеля обвиняли в том, что он написал «Катехизис для империалистов». При этом сам Ратцель отнюдь не стремился любыми путями оправдать немецкий империализм, хотя и не скрывал, что придерживается националистических убеждений. Для него было важно создать концептуальный инструмент для адекватного осознания истории государств и народов в их отношении с пространством.

6. *Государства адаптируются к ландшафту*, используя его преимущества и открывающиеся возможности и стараясь преодолеть заложенные в нем ограничения, так же, как поступают растения или животные виды (включая развитие и наследование новых качеств, дифференциацию органов, методик добывания пищи и т. д.). Но в случае людей адаптация носит культурный, социальный и политический характер, членящий единое человечество на разнообразные антропологические виды, выражающиеся в многообразии культур, цивилизаций, политических систем, хозяйственных практик[3].

Эти принципы «политической географии» Ратцеля стали отправной точкой для всей дальнейшей геополитической мысли.

А. Мэхэн: морское могущество (Sea Power)

Другим провозвестником геополитики, наряду с Ф. Ратцелем, выступал американский стратег адмирал Альфред Тайер Мэхэн (1840—1914)[4].

[1] *Ratzel F.* Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie/ Petermanns Geographische Mitteilungen. 1986. Jg. 42. С. 97—107.

[2] Ibidem.

[3] *Ratzel F.* Anthropogeographie - Die geographische Verbreitung des Menschen.

[4] См.: *Mahan A.T.* The Interest of America in Sea Power, Present and Future. London: Sampson Low, Marston & Company, 1897; *Idem.* Sea Power in Relation to the War of 1812. Boston: Little, Brown, and Company, 1905. На рус. яз: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Он же.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812. СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Сам А. Мэхэн термин «геополитика» не употреблял (как и Ратцель), но структура его стратегического анализа и основные выводы точно соответствуют сугубо геополитическому подходу. Идеи Мэхэна лежат в основе англосаксонской геополитической традиции и приняты всеми геополитическими школами как фундаментальные концептуальные установки.

Практически все книги Мэхэна посвящены одной теме — «*морской силе»*, «морскому могуществу», «*Sea Power»*.

«Морское могущество», по Мэхэну, представляет собой достижение военного, стратегического, политического и экономического превосходства за счет использования морских пространств и путей сообщения, а также за счет охраны собственных береговых границ и установление контроля над береговыми зонами, относящимися к «нейтральным» территориям или к территориям «противника». Для Мэхэна судьба США состоит в полном отождествлении с «морским могуществом», а главным ее стратегическим, историческим и политическим противником всегда была сухопутная континентальная Россия.

Мэхэн считает, что анализировать позицию и стратегический статус государства следует на основании шести критериев:

1) *Географическое положение государства*, его открытость *морям*, возможность *морских* коммуникаций с другими странами. Протяженность *сухопутных* границ, способность контролировать стратегически важные регионы. Способность угрожать своим *флотом* территории противника.
2) «*Физическая конфигурация*» государства, т. е. конфигурация морских побережий и количество портов, на них расположенных. От этого зависит процветание торговли и стратегическая защищенность.
3) *Протяженность территории*. Она равна протяженности *береговой линии*.
4) *Статистическое количество населения*. Оно важно для оценки способности государства строить корабли и их обслуживать.
5) *Национальный характер*. Способность народа к занятию торговлей, т. к. морское могущество основывается на мирной и широкой торговле.
6) *Политический характер правления*. От этого зависит переориентация лучших природных и человеческих ресурсов на созидание мощной морской силы[1].

Уже из этого перечисления видно, что Мэхэн строит свою теорию, исходя исключительно из «морского могущества» и мировой «морской торговли». *Понятие «морское могущество» неразрывно связано со свободой «морской торговли», а военно-морской флот выступает гарантом обеспечения этой торговли*. Для Мэхэна образцом «морской силы» был древний Карфаген, а в более близкое время — Британская империя XVII – XIX веков.

Р. Челлен: появление термина «геополитика»

Термин «геополитика» первым употребил в XIX веке швед Рудольф Челлен (1864 – 1922)[2], ученик Фридриха Ратцеля.

---

[1] См. там же.

[2] *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М.: Издательство: Российская политическая энциклопедия, 2008.

Геополитику Р. Челлен определил как «*науку о Государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве*»[1].

Классическая геополитика, определенная в терминах Р. Челлена, задумывалась как дисциплина, изучающая отношения политических единиц, высшим выражением которых является государство, к пространству власти. Здесь следует отметить одну важную особенность. Само государство понимается Р. Челленом *не как механизм* (вопреки классической политологии), но *как организм*.

В своем главном труде «Государство как форма жизни»[2], выпущенном в 1916 году, Р. Челлен развил постулаты, присутствующие уже у Ф. Ратцеля, в которых отражается *органицистский подход*. Этот подход отражается в названии книги «Государство как форма жизни», где государство рассматривается не как абстрактно-логический аппарат, но именно как выражение и проявление жизни как таковой.

Х. Маккиндер: рождение дисциплины

Поворотным моментом в истории геополитической дисциплины была публикация в 1904 году в английском журнале «The Geographical Journal» статьи Хэлфорда Маккиндера (1861—1947), которая называлась «Географическая ось истории»[3]. Х. Маккиндер, по сути дела, заложил основы методологии и топики всей геополитической науки, выделил ее методы, обосновал принципы, показал формы и масштабы применения. Текст Х. Маккиндера является основой геополитического мировоззрения, мироосознания и лежит в основе развития всей геополитики XX века.

Маккиндер был ученым, основателем «новой географии», манифест которой он выпустил в 1887 году — «По поводу методов Новой Географии»[4]. Он стал также основателем британской «Географической Ассоциации» и одним из соучредителей «Лондонской Школы Экономики», директором которой он был с 1903 по 1908 годы.

Маккиндер являлся при этом и практическим политиком. С 1910 по 1922 год он был членом Парламента от шотландской «Партии Юнионистов». А в 1919—1920 годах выполнял функцию Высшего Британского Комиссара по Украине в войсках Антанты. Свою миссию он осмысливал как обеспечение материальной, политической, технической и финансовой помощи «белому движению» Деникина/Врангеля. Х. Маккиндер имел тесные связи с британской политической элитой и был в дружеских отношениях с лордом Керзоном.

Таким образом, геополитика для Х. Маккиндера была не только сферой теоретических интересов, но и делом жизни: свои идеи он стремился воплотить на практике. Но, может быть, сам того не подозревая, в своей поворот-

---

[1] *Челлен Р.* Государство как форма жизни.

[2] Там же.

[3] *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history The. Geographical Journal. 1904. № 23, С. 421—437. Рус. пер.: *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491—506.

[4] *Mackinder H.J.* On the Scope and Methods of Geography // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1887. New Monthly Series, Vol. 9, № 3 (Mar.). С. 141—174.

ной статье «Географическая ось истории» он изложил нечто большее, нежели практические наблюдения за тем, что именовалось в то время (в конце XIX — начале XX веков) «Большой Игрой», «Great Game[1]». Под «Большой Игрой» понималось противостояние Англии и Российской империи за контроль над важнейшими стратегическими пространствами евразийского материка, в первую очередь Индией, Афганистаном, а также Кавказом и Ближним Востоком. На всем пространстве Евразии от Средиземного моря до Тихого океана простиралась территории, контроль над которыми был ключом к сохранению Британской империей своего мирового господства, а для России — возможностью становления великой мировой державой со свободным выходом к теплым морям. Англия старалась укрепить свои позиции, Россия время от времени предпринимала попытки обрушить англосаксонскую доминацию — в первую очередь, над азиатскими колониями — со стороны суши, чтобы самой стать полноценной планетарной геополитической силой. Это и называлось «Great Game». Об этом много писал Р. Киплинг[2], певец Британской империи.

«Большая Игра» признавалась и осознавалась фактически всеми стратегами в XIX веке, а Маккиндер предпринял попытки ее оформить в терминах «*новой географии*», т. е. геополитики.

В результате мы получили не просто концептуализацию противостояния британского империализма и русского стремления выйти на новый уровень планетарного господства, но *совершенно новую науку*. Занимаясь практической политикой, Маккиндер, по сути дела, нащупал подходы и ключи к дисциплине, имеющей гораздо большее значение, нежели решение конкретных исторических проблем по укреплению имперских позиций Великобритании за счет ослабления и расчленения Российской Империи. Британская империя через полвека сошла с исторической арены, а геополитика, чьи основы заложил сэр Х. Маккиндер, сохраняет свое значение и поныне.

С момента появления статьи Маккиндера, интуиции Ратцеля о том, что «государство есть форма жизни» и что пространство, ландшафт, среда оказывают на него решающее влияние, а также идея Челлена о необходимости учитывать пространственный фактор в политологии и придавать ему особое значение в ходе любого политологического анализа превращаются в стройное представление о мире, в теорию, в науку.

Именно Маккиндер является создателем и разработчиком *геополитической топики*. Что такое «топика»? Топика — это карта, схема концептуального знания. Слово топика происходит от греческого слова «τοπος», «место»: при этом речь идет не о физическом, но о концептуальном месте. Иными словами, это графическое, пространственное изображение идеи и соотношения идей между собой. Геополитическая топика представляет собой набор основных идей, которые можно расположить симметрично относительно друг друга, наметив их взаимосвязи и взаимовлияния — и все это в особом интеллектуальном измерении, на схематической карте научного мышления.

Смысл геополитической топики заключается в очень схематичном, но чрезвычайно продуктивном описании Маккиндером *пространственной ло-*

---

[1] *Johnson R.* Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill, 2006.

[2] *Киплинг Р.* Ким. Москва: Высшая школа, 1990.

гики исторического процесса. Если Ратцель говорит о «пространственном смысле» (Raumsinn) обобщенно, то Маккиндер предлагает свое видение «пространственного смысла» в конкретной модели. В ней движущими силами истории выступают *динамичные кочевые народы* (этой теории придерживались и Ратцель, и немецкая школа «культурных кругов»). Именно кочевники создают все основные политические образования: империи, государства, политические союзы, либо эти образования создаются для защиты от их натиска. В любом случае, органически воплощающие в себе принцип экспансии *кочевые культуры являются главным принципом политической организации пространства.* Первый постулат геополитической теории Х. Маккиндера может быть сформулирован так: *политическое пространство (то есть государства, империи и т. д.) приобретает свои черты, границы и формы под воздействием импульсов кочевых народов.* При этом Х. Маккиндер прослеживает эти импульсы не только в древности, в эпоху зарождения государств, но и в современности, считая, что территориальная, политическая и экономическая экспансия современных государств продолжает на новом историческом витке динамическую логику кочевых культур. И если кочевой принцип в каком-то государстве ослабевает, то более живое и динамичное, т. е. более «кочевое», политическое образование мгновенно стремится этим воспользоваться.

Здесь мы без труда узнаем влияние политической географии Фридриха Ратцеля, учившего о динамике границ, связанных с органицистским представлением о природе государства. В англосаксонской культуре также были мыслители сходного направления, правда, в отличие от немцев, они сочетали органицизм и эволюционизм с *индивидуализмом и либерализмом* (вспомним хотя бы одного из основателей социологии англичанина Г. Спенсера[1]). Признание роли кочевых племен в образовании государств является также одним из основополагающих принципов «этносоциологии» (Р. Турнвальд, В. Мюльман и др.)

Дуализм Суши и Моря: основной закон геополитики

Вторым постулатом геополитической топики Х. Маккиндера является разделение всех кочевых культур на две фундаментальные категории: *кочевники Суши* и *кочевники Моря.* Сам Маккиндер назвал их иронично: «бандитами Суши» и «бандитами Моря» (the brigands). Эти две разновидности кочевников придают динамику историческим процессам, постоянно, с разных сторон, и с Суши, и с Моря, оказывая политические, военные и культурные воздействия и заставляя существующие оседлые государства, культуры и народы постоянно отвечать на эти вызовы. Динамика кочевников и порождает содержание политической истории.

Вызовы «кочевников Суши» и «кочевников Моря» несут в себе различные качественные характеристики. У двух типов кочевников разный стиль в стратегии, тактике и ценностной системе: то, что попадает под влияние «кочевников Суши», тяготеет к иерархически-героическому типу цивилизации и культуры, а то, что оказывается в сфере интересов «кочевников Моря»,

[1] *Spencer H.* The Proper Sphere of Government. London: W. Brittain, 1843; *Idem.* First Principles. London: Williams and Norgate, 1904; *Idem.* The Principles of Sociology. 3 vols. London: Williams and Norgate, 1882—1898.

напротив, впитывает в себя динамизм «торгового», технологически изобретательного, «прогрессистского» начала, тяготеющего к «демократии» и «открытому рынку».

Так мы переходим от кочевых народов *к двум типам цивилизации*, организованным по различным выкройкам, преследующим противоположные стратегические цели и основанным на альтернативных по отношению друг к другу цивилизационных и культурных принципах. Одну из них можно назвать «цивилизацией Моря», другую — «цивилизацией Суши».

Цивилизация Моря, «талассократия» (от греч. «θαλασσα», «море», и «κρατος», «власть», «могущество») или «морское могущество» (Sea Power — А. Мэхэн[1]), воплощает в себе специфический стратегический подход к пространству, сопряженный, кроме всего прочего, с уникальными цивилизационными особенностями. *Цивилизация Суши*, «теллурократия» (от латинского «tellus» — «земля», «суша», «почва» и греческого «κρατος» — «власть», «могущество»), «сухопутное могущество», несет в себе совершенно другой, противоположный и также неповторимый цивилизационный пафос.

Цивилизация Моря или просто «Море» (как геополитический, а не географический концепт):

— тяготеет к освоению только береговой зоны, воздерживаясь от проникновения вглубь суши;
— утверждает динамичность и подвижность в качестве высших социальных ценностей;
— содействует инновациям и технологическим открытиям;
— развивает торговые формы общества, протокапитализм и капитализм (наемная армия, морская торговля и т. д.);
— способствует развитию обмена и автономизации финансовой сферы.

Эти черты «морского могущества» полностью совпадают с критериями, выделенными А. Мэхэном.

Цивилизация Суши, в свою очередь:

— простирается вглубь континента и берет свое начало в удаленных от берегов землях;
— формирует жесткие, иерархические общества мужского, воинственного типа на основе строгого подчинения, идеалов доблести и чести, агрессивности, преданности и верности;
— способствует созданию упорядоченных, но ригидных (неподвижных) социально-политических образований, не склонных к экономическому и технологическому развитию;
— благоприятствует становлению империй, деспотических и феодальных обществ с высоким уровнем сакрализации центральной власти и военизацией широких слоев населения (идея народа как армии);
— сдерживает культурный обмен и инновации консервативными и традиционалистскими установками в культуре.

На этом уровне расшифровки «пространственного смысла» исторических процессов Маккиндер переходит от географического и стратегического, а также экономического подходов к социологическим обобщениям относительно качественных сторон цивилизаций различного типа. Пространство

---

[1] *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю 1660—1783. СПб.: Terra Fantastica, 2002; *Он же.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812. СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Ил. 9. Геополитический дуализм в видении Х. Маккиндера. Кочевники Моря и кочевники Суши

и география, события древнейшей истории переходят здесь на уровень культуры, политической организации и ценностной системы общества. Так социологический элемент входит в самую сердцевину геополитического метода, а в геополитическую топику включается не просто историческая ретроспекция и фрагменты пространственного анализа, а совершенно новаторская теория общества, оригинальный социологический концепт *культурной, цивилизационной и политической типологии*.

Вместе с тем сам Маккиндер не акцентирует обобщающий уровень своих идей, предпочитая на одном дыхании говорить о стратегии, экономике, конкретных политических и международных проблемах, вооружении, межнациональных альянсах и т. д. Социологический компонент утверждения структурного дуализма цивилизаций, противопоставление Суши и Моря как двух цивилизационных типов, им самим не осмысливается, не выделяется и остается в его теории имплицитным. Отсутствие пристального внимания к этому философско-теоретическому и социологическому моменту, возможно, и стало существенным препятствием в ходе научной институционализации геополитики. Х. Маккиндер незаметно переходит от истории, стратегии и географии к сфере чистой социологии, никак не обозначая этого перехода, хотя в дальнейшем он — как и все геополитики — оперирует с этой комплексной научной топикой, по умолчанию принимая формулу отождествления истокового качества политического образования (государства, созданного либо «кочевниками Моря», либо «кочевниками Суши») с особым типом цивилизации — «морским» или «сухопутным».

Быть может, упрощенная редукция Маккиндера и вызвала бы шквал критики, но наглядность геополитических обобщений применительно к конкретному анализу внешнеполитических событий в мире XX века заставила всех оставить теоретические обоснования в стороне. С прагматической точки зрения геополитический метод работал в полную силу, и применение критериев «цивилизации Суши» и «цивилизации Моря» для анализа акту-

альных событий было настолько удобно, плодотворно и конструктивно, что теоретической обоснованностью такого социологического обобщения просто пренебрегли.

И тем не менее из разделения кочевников на «кочевников Моря» и «кочевников Суши» Х. Маккиндер вывел грандиозное по значимости заключение — о *двойственности цивилизаций*, о неминуемом противостоянии «теллурократии» и «талассократии» не только в стратегическом и конкретном ключе, но и с точки зрения принципиального различия и непримиримого противоречия в глубинных ценностных и культурных ориентирах. *Этот цивилизационный дуализм — «Суша против Моря» и «Море против Суши» — стал основой всей геополитической топики.*

Здесь мы подошли к главному. *Геополитика как она есть представляет собой комплексный политический, географический, стратегический, социологический, культурологический, экономический подход к интерпретации международных отношений на основе принципиального и неснимаемого цивилизационного дуализма — Суша vs Море, «теллурократия» vs «таллассократия».* Другие определения геополитики, в которых она интерпретируется лишь как учение о связях государства с пространством и т. п., без указания на принципиальный цивилизационный дуализм, не вскрывают ее сущности как научного метода. Есть области политического анализа, и в частности, широко понятая «стратегия», или «стратегический анализ», которые вполне могут учитывать пространственный фактор при анализе международных отношений. Но в этом еще нет ничего собственно от геополитики. Геополитика после Х. Маккиндера — это дисциплина, основанная на методологии цивилизационного, политико-стратегического и ценностно-культурного (социологического) дуализма, который является не частностью и отдельной темой в геополитике, но сутью и смыслом геополитики как таковой. Все геополитические школы — и англосаксонская, и германская, и французская, и российская — строятся и строились *исключительно на признании фундаментальности этого дуализма*, его теоретической «валидности» и «аксиоматичности». Если мы попытаемся пренебречь им, мы тут же оказываемся *вне* проблематики, методологии и теории геополитики как таковой[1].

Другое дело, что определенные авторы в современной политической науке США сознательно ставят перед собой цель перейти от «классической геополитики», с необходимостью основанной на признании базового дуализма цивилизаций, к «критической геополитике» или «постгеополитике» (Дж. Эгнью, Г. О'Таутайл и др.[2]). Но они не заблуждаются в отношении того, чем является «классическая геополитика». Они стремятся к тому, чтобы построить новую науку в иной топике, отталкиваясь от отдельных сторон геополитики и оспаривая некоторые ее фундаментальные постулаты.

[1] Эту ошибку совершают некоторые российские ученые, посчитавшие, что под «геополитикой» следует понимать «стратегический анализ международных отношений» без учета базового дуализма Суша/Море. См., напр.: *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику: Учебник. М.: Логос, 2000. Это не соответствует действительности и вводит в заблуждение тех, кто пытается составить себе на основании таких неверных подходов представление о геополитике.

[2] *Agnew J., Mitchell K. & O'Thuatail G.* (eds.) A Companion to Political Geography. London: Blackwell, 2002; *O'Thuatail G.* Critical Geopolitics: The Politics of Writing Global Space. Minneapolis: University of Minnesota, 1996; *Idem.* Rethinking Geopolitics. Londres, New York: Routledge, 1998.

Такая инициатива вполне легитимна: ведь ученые сплошь и рядом стараются выстроить научные формализации, изменив базовые аксиомы (по аналогии, например, с геометрией Лобачевского или теорией цепей Маркова). Однако было бы странно, если бы геометрия Лобачевского преподавалась в школах и вузах под видом простой «геометрии». То, что параллельные пересекаются — аксиома геометрии Лобачевского, но в обычной эвклидовой геометрии — это нонсенс. Точно так же, если намеренно строить математику, в которой дважды два будет пятнадцать или шестнадцать, можно попытаться поработать в этом направлении, но едва ли у нас есть шанс закончить первый класс без двоек, если мы будем на этом чрезмерно настаивать с самого начала.

В нашей сфере этот подход формулируется так: ясно сознавая, что цивилизационный дуализм есть основная аксиома геополитической топики, можно попробовать от нее отказаться и построить на месте «классической геополитики» что-то другое (этим и занимаются представители «критической геополитики» в США). Но если, говоря о «геополитике» как таковой, издавая учебники, призванные ввести читателей и студентов в курс дела, мы игнорируем это фундаментальное положение, то наша профессиональная состоятельность должна ставиться под вопрос.

Итак, начиная с Х. Маккиндера, дуализм Суши и Моря (как двух типов цивилизаций) является сутью геополитики как таковой.

Рим и Карфаген

Третьим постулатом геополитики Маккиндера является *районирование территории планеты Земля в соответствии с принципами цивилизационного дуализма Суши и Моря*.

Здесь есть несколько исторических фаз — от древности до наших дней. Совершенно очевидно, что политические организмы на разных этапах истории имели разный масштаб. Планета как географическое целое и как совокупность политических образований стала осознаваться таковой лишь в Новое время, начиная с эпохи великих географических открытий. Она «стала» шарообразной, т. е. закрытой, и, соответственно, геополитические процессы приобрели планетарный размах. Планетарный период в противостоянии цивилизации Моря и цивилизации Суши, таким образом, имеет за плечами несколько столетий, начиная с Колумба и ожесточенной борьбы за колонизацию мира европейскими державами.

На древних этапах противостояние Суши и Моря носило *локальный* характер. Среди наиболее выразительных его примеров в Древнем Мире Маккиндер выделяет следующие: 1) противостояние «морских» Афин и «сухопутной» Спарты, получившее яркое выражение в длительной Пелопонесской войне 431—404 гг. до н. э.; 2) Пунические войны Рима (Суша) и Карфагена (Море); 3) Венецианская торговая Республика как выражение чистой «талассократии»; 4) создание «морской» голландской империи; 5) противостояние Испании, принявшей идентичность «Суши», и «морской» Великобритании с постепенным превращением ее в единоличную владычицу морей и мировую океаническую империю.

Разберем подробнее один из этих примеров — Пунические войны (264—146 до н. э.), Рим против Карфагена. Карфаген — по всем параметрам типично морская цивилизация, с наемной армией, с ценностями, носящими ярко выраженный торговый, рыночный, финансовый характер, с активно

процветающим «бизнесом» и элементами либеральной демократии. Рим социологически представлял собой полную антитезу Карфагену. Римская культура — героическая, мужественная, ее основные ценности заключались в иерархическом подчинении, воинском послушании, обустройстве пространства в соответствии с жесткой сословной структурой. Рим — это жесткий прямолинейный стиль силовой цивилизации, ориентированной исключительно на вертикаль, Карфаген представлял собой гибкую торговую цивилизацию. Можно сказать, что Карфаген — это «либералы», а Рим — «силовики». Карфагенские «либералы» *покупали* все, что им надо, в том числе и армию. А римские «герои» все, что им было необходимо, *отбирали.* Противостояние цивилизации Суши и цивилизации Моря сказывалось на социальных ценностях, на культурном коде, на правовых уложениях и даже на методиках захвата полезных и нужных ресурсов. Карфагеняне «воровали», римляне «грабили», «захватывали». В этих установках можно вполне различить два стиля: «кочевников Моря» и «кочевников Суши».

Воровство и грабеж — разные вещи. Вор приходит тихо, он крадется, тайно похищает то, что имеет ценность, и оставляет все, как будто бы так и было. Грабитель же гремит, пугает, выламывает дверь, забирает все и уходит, пнув на прощанье им же обобранные жертвы. Это два стиля — морской и сухопутный.

Помимо воровства, конечно, у цивилизации Моря были и позитивные стороны. Карфагеняне развивали бизнес, торговлю, избороздив своими кораблями все Средиземноморье. Но при этом они успешно отличились в работорговле, не забывая о своих небесных покровителях, приносили детей в жертву кровавым идолам Молоху и Ваалу (правда, кровавые жертвы совершались ночами, днем же все было вполне благопристойно).

Римляне тоже были жестоки: они устраивали гладиаторские бои, натравливали на пленных рабов зверей и наслаждались кровавым зрелищем. При этом Римская цивилизация отличалась множеством привлекательных сторон — героизмом, освоением огромных территорий, рациональной архитектурой и созданием хитроумной городской и транспортной логистики, а также великолепным военным искусством.

Рим — это насилие открытое и прозрачное, Карфаген — насилие прикрытое, завуалированное. Карфаген просачивается тихо, аккуратно, невидимо, как змеиными кольцами опутывая все своими торговыми сетями, купцами, интригами и заговорами.

Рим воевал с Карфагеном в трех Пунических войнах. Эти войны носили ярко выраженный геополитический характер, т. к. были войнами не просто двух государств, но двух цивилизаций, двух разных обществ, двух разных культур. И поэтому настойчивость римского сенатора Катона-старшего, не устававшего повторять, что «Карфаген должен быть разрушен» («Carthago delenda est»), приобретает особенный глубинный смысл: он интуитивно догадывался, что речь идет о выборе, который предопределит всю дальнейшую историю Европы, и западное человечество пойдет либо по «пути Моря» (Карфаген), либо по «пути Суши» (Рим).

Цивилизационный смысл Пунических войн, их геополитическую и ценностную подоплеку прекрасно осознавал английский писатель и эссеист Г.К. Честертон:

«На другом берегу Средиземного моря стоял город, называющийся Новым. Он был старше, и много сильнее, и много богаче Рима, но был в нем дух,

оправдывавший такое название. Он назывался Новым потому, что он был колонией, как Нью-Йорк или Новая Зеландия. Своей жизнью он был обязан энергии и экспансии Тира и Сидона — крупнейших коммерческих городов. И, как во всех колониальных центрах, в нем царил дух коммерческой наглости. Карфагеняне любили хвастаться, и похвальба их была звонкой, как монеты. Например, они утверждали, что никто не может вымыть руки в море без их разрешения. Они зависели почти полностью от могучего флота, как те два великих порта и рынка, из которых они пришли. Карфаген вынес из Тира и Сидона исключительную торговую прыть, опыт мореплавания и многое другое»[1].

И далее:

«Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь — это чувствительность, а чувствительность — это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе вещей, о природе мира, в котором они живут; они считают, что миром движет страх и потому сердце мира — зло. Они верят, что смерть сильней жизни и потому мертвое сильнее живого. Вас удивит, если я скажу, что люди, которых мы встречаем на приемах и за чайным столом, — тайные почитатели Молоха и Ваала. Но именно эти умные, практичные люди видят мир так, как видел его Карфаген. В них есть та осязаемая грубая простота, из-за которой Карфаген пал. (...)

Под самыми воротами Золотого города Ганнибал дал последний бой, проиграл его, и Карфаген пал, как никто еще не падал со времен Сатаны. От Нового города осталось только имя — правда, для этого понадобилась еще одна война. И те, кто раскопал эту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни — священные остатки худшей из религий. Карфаген пал потому, что был верен своей философии и довел ее до логического конца, утверждая свое восприятие мира. Молох сожрал своих детей»[2].

Пунические войны с точки зрения Х. Маккиндера — это вечные войны, которые не кончаются. «Карфаген» и «Рим» (равно, как «Афины» и «Спарта») не только исторические, но и цивилизационные, геополитические понятия. При этом Маккиндер, скорее всего, не согласился бы с Честертоном относительно моральной оценки Карфагена — ведь Британская империя, которую он всю жизнь защищал и отстаивал, была продолжением именно той финикийской цивилизации, с которой не на жизнь, а на смерть столкнулся героический Рим.

Мировой остров и геополитическая карта мира

Выявление талассократических и теллурократических элементов в древних обществах чрезвычайно полезно для того, чтобы убедиться в адекватности и применимости геополитических методов к историческому анализу, но для такого практического деятеля, как Х. Маккиндер, эта сторона геополитики имела лишь прикладной и иллюстративный интерес. Более всего его

---

[1] *Честертон Г.К.* Вечный Человек // Честертон Г.К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. СПб.: Амфора, 2000. С. 111.

[2] Там же. С. 114–115.

заботило корректное геополитическое районирование мирового пространства в XX веке, чему и посвящены его основные труды.

И в этом состоит наиболее известная сторона работ Х. Маккиндера*: его учение о роли Евразии, о «сердечной земле» (Heartland).* Маккиндер применяет геополитический метод к современной ему политической карте мира и приходит к следующим выводам.

Цивилизация Моря в начале XX века политически воплощена в Англии, идеологически — в либеральной демократии, экономически — в мировом индустриальном капитализме, культурно — в модернизме и современном европейском рационализме и индивидуализме. Великобритания является классическим «морским могуществом», центром мировой океанической империи. Но вместе с тем и парламентаризм, и демократия, и свободный рынок, и индустриализация, и современный капитализм имеют ярко выраженный «английский» след. Поэтому Англия является комплексным выражением морской цивилизации как таковой, ее *интересы* (стратегия, экономика, безопасность, контроль над колониями и т. д.) и ее *ценности* (либерализм, демократия, индивидуализм и т. д.) неразделимо переплетены в один общий клубок, слиты в единый синтез, который и есть геополитика. Поэтому интересы Англии есть интересы не просто одного из национальных государств, но интересы и ценности всей европейской цивилизации Нового времени, всего «европейского человечества», всего капиталистического строя, всей буржуазно-демократической системы. В Англии, понятой геополитически как «морское могущество», национальное совпадает с универсальным, узко государственное — с общеевропейским, эгоистическое — со вселенским, область интереса — с областью права.

Перед лицом Англии, осознанной геополитически, Маккиндер выделяет то, что может служить преградой на пути сохранения и укрепления ее планетарного могущества. И это — Евразия, континентальная масса, в ядре которой находится «сердечная земля» (Heartland). Политически в Новое время она объединена под властью России. Если же ограничиться Европой, то ее наиболее «сухопутная» часть совпадает со Средней Европой и преимущественно с Германией. Еще один сухопутный фрагмент политически совпадает с историческими очертаниями китайского государства.

Всю Евразию Маккиндер называет «мировым островом» (World Island). Вокруг него расположены два полумесяца — «большой полумесяц» (outer crescent), океанический, совпадающий в общих чертах с охватом британского мирового господства, и «малый полумесяц» (inner crescent). В центре «мирового острова», в зоне «heartland», находится «географическая ось истории», т. е. ядро цивилизации Суши в период расширения политической географии до общепланетарных масштабов.

Так конституируется *геополитическая карта мира*, впервые предложенная именно Маккиндером и впоследствии ставшая базовой моделью всей геополитической науки.

В геополитической карте мира Маккиндера происходит наложение *концептуальной цивилизационной топики* на конкретное *политико-географическое пространство Земли*. Отсюда центральность значения этой карты: она одновременно имеет и географический, и политический, и стратегический, и исторический, и социологический, и цивилизационный, и культурологический смысл. Эта карта для геополитики столь же фундаментальна, как закон всемирного тяготения для современной физики. Осмысление этой

карты может быть проделано сразу на нескольких уровнях, геополитический смысл получается путем наложения всех этих толкований.

Сразу же следует отметить, что «цивилизация Моря» в 1904 году[1] мыслится Маккиндером как синоним Британской империи. Но есть одна важная деталь. «Цивилизация Моря», талассократия — явление гораздо более глубокое, нежели просто метафора для «британского империализма»; это фундаментальный геополитический, цивилизационный и социологический концепт. Дальнейшая эволюция геополитических взглядов Маккиндера приведет его к более широкому толкованию «Моря». В 1904 году он еще не включает США в ядро этой цивилизации, считая Штаты периферией мира и «сухопутной державой». Спустя всего несколько десятилетий он пересмотрит это отношение, и детали карты изменятся. Но если абстрагироваться от нюансов, мы увидим, что Маккиндер, очертив зону «внешнего полумесяца», т. е. зону «талассократии», по сути, наметил границы, в которых развертывались все основные политические, стратегические и международные процессы в течение XX и первого десятилетия XXI века. Более того, есть все основания предполагать, что эта карта сохранит свое значение и в будущем, т. к. отражает глубинные исторические тенденции.

То же самое можно сказать и о прямо противоположной зоне — «сердцевинной» или «сердечной земле» (Heartland), в которой Маккиндер располагает ядро «цивилизации Суши». В 1904 году это была Российская Империя, позднее, с 1917 по 1991 годы — Советская Россия. С 1991 г. по настоящее время в урезанном виде — это Российская Федерация. Меняются идеологии, режимы, политические системы. Но геополитический смысл политического пространства, расположенного в зоне «географической оси истории», остается неизменным — это оплот теллурократии, Суша, планетарная и цивилизационная инстанция, противоположная во всех отношениях «цивилизации Моря».

К Западу и Юго-востоку от «сердечной земли» (Heartland), которую можно считать «абсолютной Сушей», располагаются два чрезвычайно важных политических пространства, которые можно назвать «Сушей относительной» — это Германия и Китай. Их Маккиндер в 1904 году относит к «внутреннему полумесяцу», который теоретически может сблизиться как с Сушей, так и с Морем, оказаться под влиянием «сердечной земли» или «океанической империи». И все же два пространственных блока — Германия и Китай — обладают особыми геополитическими свойствами, которые делают наиболее вероятной их сухопутную ориентацию.

Битва за Rimland

«Внутренний полумесяц» Х. Маккиндер называет также «Rimland» (буквально «окаемочная земля», «территория кромки»). Эта зона играет огромную роль в общей структуре геополитического видения мира, т. к. в ней сходятся основные движущие силы политической истории. Со стороны Суши (из «сердечной земли» — Heartland) проистекают влияния континентального порядка, ориентированные на то, чтобы поставить всю береговую зону (Rimland) под свой контроль и через это выйти к Морю напрямую. Зоны «относительной Суши» в пространстве «окаемочной земли» представляют со-

[1] Год издания программной статьи «Геополитическая ось истории».

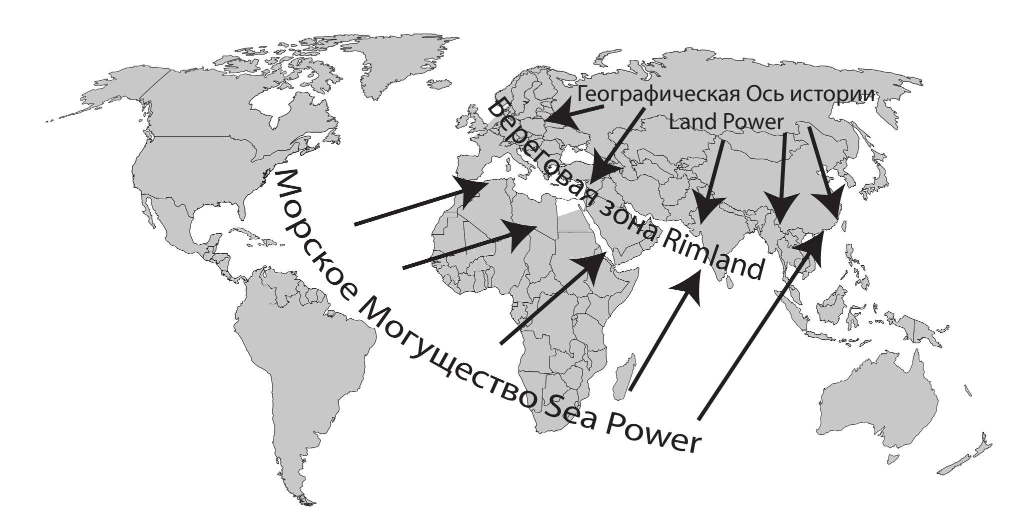
бой ключевые плацдармы для мощного *сухопутного альянса*, который создает все необходимые условия для интеграции «Мирового Острова» под эгидой теллурократии.

Но на тот же Rimland нацелено основное внимание и «цивилизации Моря» (что в последние века отражено в конкретной географии Британской империи с ее колониальными владениями). Талассократия стремится повлиять на «окаемочную землю», представляющую собой географически берег евразийского материка от Западной Европы через Средиземноморье, Ближний Восток, Турцию, Кавказ, Иран, Центральную Азию, Индию вплоть до Китая, стран Дальнего Востока, Японии и Тихоокеанского региона. Контроль над Rimland со стороны «цивилизации Моря» обеспечивает сдерживание Суши в ее удаленных от «теплых морей» границах, позволяет создать и поддерживать планетарное господство океанического характера.

Поэтому именно «окаемочная земля» при всем ее разнообразии становится основной ареной мировой политики. А геополитической смысл этой политики можно определить как нескончаемую «*битву за Rimland*». По сути, к этой битве и детальному анализу ее отдельных театров боевых действий (горячих, теплых и холодных) и сводится структура геополитического анализа — включая планирование, интерпретацию, прогнозирование и т. д.

«Битва за Rimland» есть еще один закон геополитики, и ее основные процедуры предполагают выделение в каждом конкретном случае логики этой битвы диспозицию ведущих ее сил и статус, природу и оформление тех промежуточных инстанций, которые непосредственно участвуют в локальных политических отношениях — войнах, конфликтах, переговорах, альянсах, идеологических и религиозных столкновениях, блоках и т. д.

Если внимательно вдуматься в этот фундаментальный закон геополитики «битвы за Rimland», мы окажемся перед совершенно новой и неожиданной картиной. В европейской политике XVII—XX веков нам придется

Ил. 10. Битва за Rimland между Морским Могуществом и Сухопутным Могуществом

тщательно выискивать силовые линии *двух* фундаментальных цивилизационных начал — «цивилизации Моря» (по сути, в этот период совпадающей с европейской и мировой политикой Великобритании) и «цивилизации Суши», представленной, в первую очередь, Россией и пророссийскими силами (в славянском мире, среди православных народов и т. д.); во вторую очередь, Германией, которая выступит на исторической арене в качестве самостоятельной сухопутной силы Европы лишь в XIX веке (до этого момента отдельные немецкие государства и княжества играют роль лишь посредников более общей европейской игры); в третью очередь, Францией — в той мере, в какой она была европейским антиподом Англии, что ярче всего проявилось в эпоху Наполеона.

В этой политике сами европейские национальные государства — со своими конкретными политическими, территориальными, династическими, религиозными и экономическими интересами — выступают как промежуточные акторы, способные, теоретически, служить как «цивилизации Моря», так и «цивилизации Суши». В этом проявляется цивилизационная особенность Rimland. Вся эта зона обладает «*двойной идентичностью*»; она может делать выбор в пользу «Моря» и в пользу «Суши», т. к. изначально представляет собой территорию столкновения двух фундаментальных геополитических сил. Отсюда, политическая подвижность и динамизм европейской истории: альянсы, блоки и оппозиции могут складываться здесь стремительно и по самым разным сценариям. Лишь граничные полюса Европы — Англия и Россия — остаются неизменными и не могут участвовать в «политической кадрили»: их позиции на геополитической карте жестко фиксированы: именно они, в конце концов, бьются друг с другом сквозь всю кипучую мишуру европейской политической возни. И цена этой битвы — мировое господство.

Введение понятия «Rimland» заставляет совершенно иначе интерпретировать европейскую историю. Эта история, расшифрованная геополитически, отныне обнаруживается не как свободная игра суверенных и абсолютно самостоятельных национальных государств (атомов, элементарных частиц «политической физики»), но как единое поле, состоящие из волн, генерируемых двумя противоположными геополитическими центрами, как поле, пронизанное золотыми нитями геополитической судьбы. Так геополитика Rimland трансформирует наш взгляд на события европейской истории: в ней происходит геополитическая иерархизация участников, по-новому распределяющая их партии и роли. Англия («цивилизация Моря») и Россия («цивилизация Суши»), подчас совершенно не осознавая этого, бьются между собой за мировое господство, а все остальные, сознательно или чаще всего бессознательно, подыгрывают то тем, то другим.

Богатство и разнообразие Rimland в цивилизационном смысле проистекает из переменной геополитической идентичности этой структуры, из необходимости постоянно давать ответ на вызовы «кочевников Моря» и «кочевников Суши» и их современных наследников. Иногда Rimland ополчается против одного из участников, как это было в Крымской войне (против России) или в действиях Наполеона в эпоху Тильзитского мира и Риббентропа во время Второй мировой войны (против Англии). Но чаще всего Европа разделяется по шахматному принципу и создает намного более сложные и запутанные геополитические ситуации. Надо заметить, что полноценного и исчерпывающего геополитического анализа европейской политической ис-

тории мы не имеем и по сей день, хотя отдельные геополитики наработали в этой сфере огромный материал, ожидающий систематизации.

Если двинуться по дуге Rimland («внутреннего полумесяца») через Ближний Восток к Дальнему Востоку, мы увидим сходные тенденции, но только переведенные в область колониальной политики. Борьба за колонии, а позднее процесс деколонизации и конфликты в Азии проходили строго по аналогичной геополитической модели. Англия стремилась различными путями основать свои стратегические плацдармы в арабском мире, Греции и на Балканах (отсюда активное участие англичан в антитурецкой политике); в Иране и на Кавказе; в своих огромных колониях Индии и Китая (отсюда болезненное внимание к Афганистану и территориальной экспансии России в Среднюю Азию — что собственно и было названо «Большой Игрой») и прилегающих к ним территориях, на которые могла бы теоретически посягать и посягала в действительности Россия (например, Тибет, Манчжурия и т. д.). Эта тема, равно как и геополитическая интерпретация европейской политики, также далеко не освоена с должной степенью научной проработки и представляет собой гигантский материал для сотен (если не тысяч) научных монографий.

Битва за Rimland, таким образом, — не эпизод, не деталь, но, если угодно, сущность геополитики и поэтому обладает центральным значением для всей дисциплины. В разные периоды различные сегменты «окаемочной земли» оказывались в центре мирового внимания. Европейская политика и мировые войны — самые яркие, кровавые и драматические примеры «битвы за Rimland». Но и события в области «внутреннего полумесяца» обладали огромной исторической напряженностью, глубоким смыслом и фундаментальным влиянием на логику политической истории.

Стратегическое и социологическое прочтение карты Х. Маккиндера

На политическом и стратегическом уровнях толкование карты Х. Маккиндера дает достаточно внятную картину, которую можно назвать «*картой стратегических интересов*». Согласно Маккиндеру, Англии как оплоту мировой талассократии для сохранения своего мирового господства следует усиливать контроль над «внешним полумесяцем», максимально упрочивать позиции во «внутреннем полумесяце» и блокировать Россию как воплощение «цивилизации Суши» от выхода к морским пространствам, особенно к «теплым морям». Сухопутная экспансия России, и в особенности возможный союз с Германией и Китаем, сделает «сердечную землю» главной мировой силой и обрушит влияние Британской империи. Этого нельзя допустить ни при каких обстоятельствах, поэтому задача «морского могущества» — запереть Россию как можно глубже к северо-востоку Евразии, обложить со всех сторон «санитарным кордоном», предотвратить распространение ее влияния на Дальний Восток, Афганистан, Иран, Ближний Восток и Средиземноморье, а также блокировать любое сближение с Германией. От того, каким могуществом будет управляться Евразия — «сухопутным» изнутри или «морским» извне — зависит факт мирового господства. Таково конкретное политическое прочтение карты, и если окинуть взором основные международные события XX века, линии конфликтов и зоны столкновений, мы увидим, насколько верно и основательно Маккиндер схватил логику мировой политической истории. События Первой и Второй мировых войн, период «холодной войны», промежутки между ними, и наконец, крах СССР, Ял-

Ил. 11. Геополитический дуализм и цивилизационный дуализм

тинский мир и установление однополярной модели американской доминации — все эти этапы заранее логически вписаны в карту Маккиндера как эпизоды остросюжетного сериала «битвы за Rimland»

И, наконец, мы вполне можем предложить *социологическое прочтение* этой же карты. «Внешний полумесяц» — это торговая цивилизация «нового Карфагена», область бурного развития капитализма, модернизации и индустриализации, а также зоны Третьего мира, уверенно контролируемые западноевропейскими державами. Характер этого контроля в течение XX века качественно поменялся, но сама его география полностью воспроизводит карту Маккиндера. «Внешний полумесяц» — это зона особого общества «карфагенского» типа. «Сердечная земля» (Heartland), или «географическая ось истории», воплощает в себе альтернативную общественную модель — «героическую», «силовую», «иерархическую», «спартанскую» «цивилизацию Рима». Не случайно Московская Русь знала теорию «Москвы — Третьего Рима», а советский период проходил под знаменем противостояния «капитализму». Идеологическое противостояние двух политико-экономических систем, таким образом, является лишь частным случаем более глубокого и парадигмального противостояния двух цивилизаций — морской и сухопутной. И такой взгляд позволяет истолковать карту сэра Хэлфорда Маккиндера как *карту цивилизационных ценностей.*

Зона Rimland с точки зрения социологии является сущностно двойственной: в ней может преобладать как капиталистическое, торговое, либерально-демократическое, так и «тоталитарное», «героическое», «аскетическое» или «социалистическое» начало. Отсюда социологический смысл многих европейских процессов: англосаксонский морской либерал-капитализм соперничает здесь с континентальной моделью европейского социализма, варьирующегося от «демократического» до «христианского» или даже «национального».

Геополитика объединяет все слои в одну обобщенную модель, в которой политика, стратегия, география и социология оказываются неразделимыми между собой.

Карта Маккиндера, рассмотренная таким образом, сама по себе может быть взята за *фундаментальную геополитическую аксиому*, на основании которой Маккиндер в 1919 году сформулирует еще один базовый закон геополитики: «*Кто контролирует Восточную Европу, кто управляет «сердечной землей» (Heartland), тот управляет «мировым островом»; кто управляет «мировым островом», тот правит миром»*[1].

Восточная Европа в 1919 году по результатам окончания Первой мировой войны представляла собой *ключевую зону Rimland*, от организации контроля над которой зависел будущий геополитический баланс сил во всей европейской и мировой истории.

Закон геополитической субъектности

Внимательное рассмотрение геополитической карты Х. Маккиндера, к которой следует постоянно обращаться при геополитическом анализе как общетеоретических, так и самых конкретных и локальных вопросов, позволяет осознать огромное значение фигуры «наблюдателя» или «интерпретатора» в геополитике.

В теории относительности, квантовой механике, структурной лингвистике и современной логике значение расположения субъекта относительно рассматриваемых процессов является решающим: в зависимости от того, где и как расположен «наблюдатель» («интерпретатор»), меняется качество, суть и содержание рассматриваемых процессов. Прямая зависимость результата от позиции субъекта в современных науках — естественных и гуманитарных — осмысливается как все более и более значимая величина. В геополитике же *местоположение субъекта является вообще главным критерием* — вплоть до того, что сами геополитические методологии, принципы и закономерности меняются при перемещениях субъекта из одного в другой сегменты геополитической карты мира. При этом сама карта остается общей для всех геополитиков, но *место* «наблюдателя» определяет, с *какой именно* геополитикой мы имеем дело. Иногда, чтобы подчеркнуть это различие, говорят о геополитических школах. Но в отличие от других научных школ здесь различие проходит гораздо глубже.

Каждый «наблюдатель» (то есть «школа») в геополитике видит общую геополитическую карту с позиций той цивилизации, в пределах которой он размещается. Поэтому он отражает в своем анализе не просто то или иное направление в геополитической науке, но основные свойства своей цивилизации, ее ценности, ее стратегические предпочтения и интересы, в значительной степени не зависящие от индивидуальной позиции ученого. В такой ситуации следует разграничить *индивидуальность* геополитика и его *субъектность*. Для удобства можно назвать эту субъектность *геополитической субъектностью*.

Геополитическая субъектность есть фактор обязательной принадлежности геополитика (как личной, так и с точки зрения его школы) к тому сегменту на геополитической карте, к которому он по естественным обстоятельствам рождения и воспитания или вследствие сознательного волевого выбора относится. Эта принадлежность затрагивает всю структуру геопо-

[1] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996. С. 106.

литического знания, с которой он будет иметь дело. Геополитическая субъектность формирует цивилизационную идентичность самого ученого, без которой геополитический анализ будет стерильным, лишенным системы координат.

Геополитическая субъектность коллективна и внеиндивидуальна. Ученый геополитик выражает свою индивидуальность, *по-своему* интерпретируя те или иные стороны научной методологии, осуществляя анализ, расставляя акценты, выделяя приоритеты или осуществляя прогнозы. Но зона индивидуальной свободы научного творчества жестко вписана в рамки геополитической субъектности, пересекать которые геополитик не может, т. к. за пределами начинается совершенно иная конфигурация концептуального пространства. Конечно, в качестве исключения геополитик как индивидуум может поменять идентичность и перейти к другой геополитической субъектности, но эта операция является столь же исключительным случаем *радикальной социальной трансгрессии*, как смена пола, родного языка или религиозной принадлежности. Но даже если подобная трансгрессия происходит, геополитик попадает не в индивидуальное пространство свободы, но в новые рамки, определенные той *геополитической субъектностью*, в которую он вступил.

Прежде чем приступать к занятию собственно геополитикой, необходимо проделать операцию «геополитической апперцепции», т. е. строго определить место самого исследователя, а также рассматриваемого автора, школы, текста на геополитичсекой карте мира. Геополитический анализ напрямую зависит от позиции «наблюдателя», в том числе и того «наблюдателя», который, в свою очередь, наблюдает за «наблюдателями». В выяснении этого стартового условия и состоит «геополитическеая апперцепция», т. е. осознанная рефлексия собственной позиции в контексте общего поля геополитических концептов.

Три геополитики

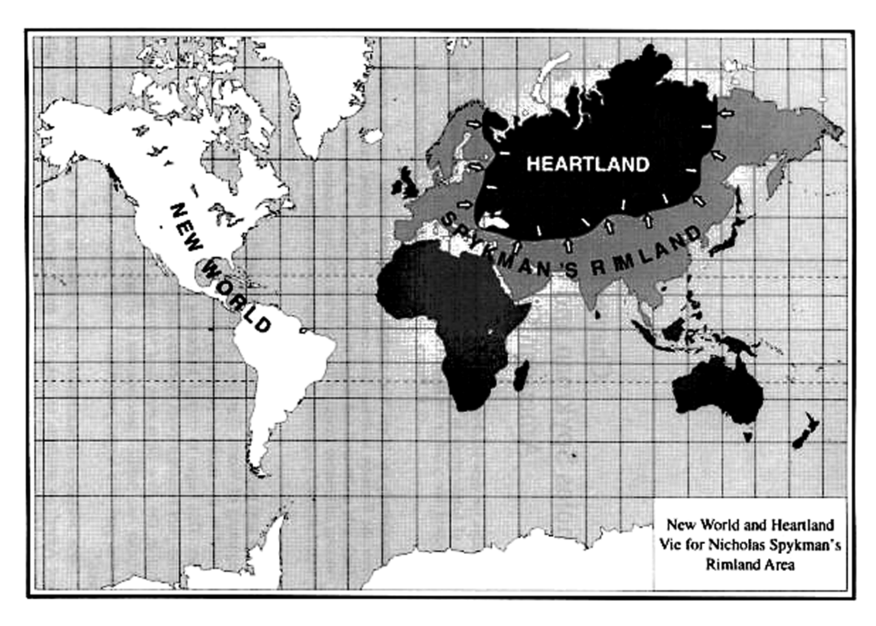
Анализ карты Маккиндера показывает, что геополитическая субъектность может быть трех видов: *субъектность Моря*, *субъектность Суши* и переменная субъектность — *субъектность Rimland* («окаемочной земли»). Сразу же бросается в глаза, что они не равнозначны: субъектность Моря и субъектность Суши (Маккиндер называет их в книге «Демократические идеалы и реальность»[1] «взглядом человека Моря» (Seaman's point of view) и «взглядом человека Суши» (Landman's point of view) фундаментальны и автономны, т. е. содержательно первичны, тогда как «субъектность Rimland» является вторичной, комбинаторной и зависимой, представляя собой сочетание геополитических элементов, заимствованных от субъектности либо Моря, либо Суши. Поэтому Маккиндер не выделяет «Rimlandman's point of view» в отдельную категорию, подчеркивая тем самым, что у «береговой зоны» не может быть самостоятельной геополитической позиции. Это обстоятельство будет оспаривать позже американский геополитик Николас Спикмен (1893—1943), считавший, что именно Rimland является источником политического творчества, стимулом к которому служит отражение постоянных культурно упрощенных импульсов «разбойников Моря» и «разбойников Суши».

[1] *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction.

В любом случае, с учетом приведенных соображений, следует выделить именно три геополитические субъектности, которые предопределяют не просто три направления в геополитике, но три геополитики, поскольку местоположение «наблюдателя» в дисциплине, которое придает качественному пространству решающее значение, само по себе является решающим. «Человек Моря» (Seaman), т. е. субъект «цивилизации Моря» в геополитике не есть человек, помещенный в зону Моря. Он является выразителем качественного содержания Моря как цивилизационного языка, это «голос Моря», но только отрефлектированный, возведенный на уровень научного и политического логоса. Точно так же дело обстоит и с «человеком Суши» (Landman). Это не просто обитатель Суши, это выразитель семантики Суши, логос Суши. Поэтому «наблюдатель», помещенный в зону Моря или Суши, во «внешний полумесяц» или в «осевую зону» (Heartland), не просто наблюдает разное, он наблюдает *по-разному*, его цивилизационная принадлежность аффектирует не только окружающую (объектную) стихию, но и его субъектное, социологическое и смысловое содержание. Поэтому мы можем говорить о трех геополитиках как трех научных дисциплинах:

— о геополитике Моря (Sea-geopolitics);
— о геополитике Суши (Land-geopolitics);
— о геополитике Берега (Rimland-geopolitics).

Геополитика Моря отождествляет стратегические интересы своей цивилизации с ее культурными, социальными, политическими и моральными ценностями и на этом отождествлении строит свою интерпретацию мировой истории — в том числе в привязке к пространству и политике. В геополитике Моря само Море выступает как среда, как стихия и как субъект. Особенно важно, что Море является здесь именно субъектом, языком, парадигмой.

Ил. 12. Rimland в концепциях геополитика Н. Спикмена

Точно так же дело обстоит и с геополитикой Суши. И здесь мы имеем дело с объединением интересов и ценностей в один нерасчленимый комплекс, который предопределяет не просто ангажированность исследователя, но саму логику и методологию рассмотрения того, что выступает как *иное* по отношению к Суше. Парадигмой здесь выступает иное общество, с иными смысловыми цепочками и целевыми установками, с иной этикой и иной ценностной системой.

В результате именно две геополитики — геополитика Моря и геополитика Суши — лежат в основе всего геополитического знания. При этом в зависимости от того, где по факту происходит научная работа — в зоне цивилизации Моря или в зоне цивилизации Суши — сама геополитическая парадигма по умолчанию меняется. Те нормы, методы, принципы и приоритеты, которые сами собой разумеются в геополитике Моря, существенно отличаются от норм, методов, принципов и приоритетов, преобладающих в геополитике Суши. И такое различие может привести к фундаментальным просчетам, если не акцентировать на нем внимание. Учебники, монографии, пособия, энциклопедии по геополитике, издаваемые в Англии и США, будут существенно отличаться от аналогичных изданий, выходящих в России, не только конечными выводами или практическими политическими рекомендациями, но самой глубинной структурой: это будут не разные выводы из единого метода, но разные методы и, в каком-то смысле, даже разные науки. Если упустить из виду эту закономерность, то может сложиться ложное впечатление о случайном рассогласовании между собой разных геополитических школ. Прежде чем рассматривать индивидуальные различия авторов или споры разных школ, мы должны определить *геополитическую субъектность*, в пределах которой развертывается геополитический анализ.

Дело осложняется еще и наличием геополитики Берега (Rimland). Эта геополитика заведомо будет представлять собой:

1) либо продолжение геополитики Моря;
2) либо продолжение геополитики Суши;
3) либо их комбинацию;
4) либо — и это как раз важно! — постарается уйти от планетарных обобщений и сосредоточиться на выяснении отношений между политикой и пространством в заведомо локальном контексте.

В первых трех случаях геополитика Берега может называться «геополитикой» с полным основанием. Более того, пластичность береговой среды и открытая возможность выбора геополитической идентичности делает именно береговую зону чрезвычайно удобной для развития геополитической науки, т. к. здесь представлены обе тенденции, напрямую схлестывающиеся между собой. Выбор между Морем и Сушей на территориях Rimland является результатом воли и осознанного решения. Поэтому геополитический логос здесь более внятен, а его структуры более наглядны: ведь когда есть варианты выбора, мы стараемся глубже в них разобраться, взвесить pro et contra различных возможностей. Когда же мы имеем дело с врожденной и неизменной идентичностью, мы слепо следуем за ней, почти не подвергая ее критическому анализу. Так, мы естественным образом стремимся демонизировать и наделить отрицательными свойствами идентичность, противоположную нашей собственной. Комбинаторика же разных противоположных геополитических элементов представляет собой еще более усложненную операцию, требующую серьезного знакомства с обоими цивилизационными контекстами.

Геополитика-2

Было бы логичным, если бы *«геополитикой-2»* мы назвали геополитику Суши, интеллектуальные труды мыслителей «сердечной земли» и планетарных стратегов строительства русской сухопутной империи. Именно к этому клонил и сам Х. Маккиндер, убежденный, что англосаксы бьются за мировое господство именно с русскими, занимающими земли «географической оси истории». «Географическая ось истории» у Х. Маккиндера — это Россия, территория северо-восточной Евразии, политически объединенная в последние века под властью русских царей. Мы увидим, что смутные намеки на геополитику-2 мы встречаем у отдельных русских авторов и в движении евразийцев[1], но создание полноценной школы русской континентальной геополитики опоздало почти на столетие. Первые концептуально законченные работы появились лишь в начале 1990-х годов, после краха СССР[2]. В советское время геополитика была отнесена к разряду «буржуазных наук», занятие которой рассматривалось как преступление. Даже слабые попытки учесть влияние географического фактора на особенности экономического развития рассматривались как «идеологическая диверсия против марксизма», что каралось незамедлительными репрессиями, как в случае печально известного «дела геополитиков», связанного с именем выдающегося русского географа и экономиста В.Э. Дэна (1867 — 1933)[3].

Значительно более развернутое теоретическое направление, построенное на принципе «Суши», сложилось в Европе, в Германии 1920 — 40-х годов. Здесь мы видим появление таких фигур, как Карл Хаусхофер (1869 — 1946) и Карл Шмитт (1888 — 1985), в окружении широкой группы единомышленников и последователей. Отталкиваясь от идей Х. Маккиндера и опираясь на разработки Р. Челлена и Ф. Ратцеля, Карл Хаусхофер (а также его сотрудники — Обст, Маулль и др.) институционализировал геополитику Суши или континентальную геополитику, в Германии как самостоятельную дисциплину. Он начал издавать регулярный журнал, вести на национальном радио геополитические передачи и постарался повлиять на внутри- и внешнеполитические процессы в Германии в «сухопутном» ключе.

Карл Шмитт, крупнейший политолог, социолог и правовед, предложил осмысление геополитики как фундаментальной философской, социологической и правовой программы.

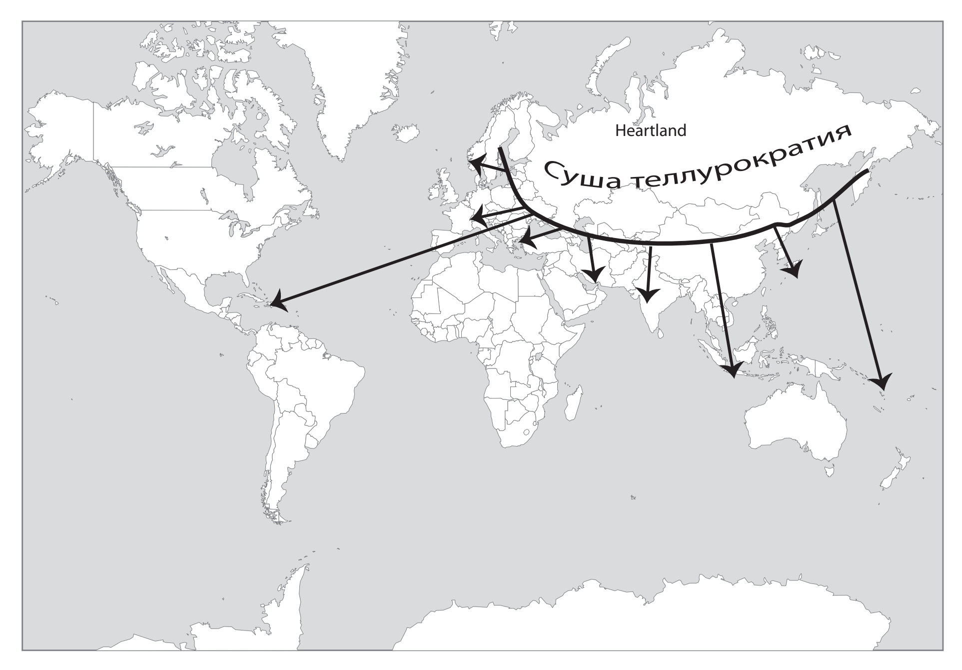
Таким образом, геополитика-2 как реакция на Х. Маккиндера со стороны цивилизации Суши сложилась не столько в России, где, казалось бы, ей было самое место, сколько в Германии, которая осмысливала себя как «сухопутное могущество» перед лицом талассократической Англии. Политически германская геополитика была существенно дискредитирована тем контекстом, в котором она развивалась в годы Третьего Рейха, а определенное, хотя и сильно преувеличенное критиками в дальнейшем, сотрудничество К. Хаусхофера и К. Шмитта с Гитлером никак не способствовали ее популярности.

---

[1] Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002.

[2] *Дугин А.Г.* Великая война континентов // День. 1992. Январь — апрель; *Он же.* Основы геополитики. М.: Арктогея, 1997. См. также: Элементы. Евразийское обозрение. 1992. № 1; Там же. 1992. № 2; Там же. 1993. № 3; Там же. 1993. № 4; Там же. 1994. № 5, Там же. 1995. № 6; Там же. 1996. № 7; Там же. 1997. № 8; Там же. 1998. № 9.

[3] *Чепарухин В.В.* В.Э. Дэн и современная Россия//Известия Русского Географического Общества. 1994. В. 2.

Ил. 13. Взгляд на мир глазами цивилизации Суши

Все это повлияло на то, что в сфере геополитических исследований сложилась ассиметричная ситуация: при развитой полноценной геополике-1» (геополитике с позиции Моря, морского субъекта) на одном полюсе на противоположном конце теплилась зачаточная и поставленная в СССР вне закона, а в Германии дискредитированная близостью к нацизму «геополитика-2» (геополитика с позиции Суши, сухопутного субъекта). Дело усугубляется также тем, что Германия — часть Европы, а антисоветские настроения нацизма и вторжение в СССР создавали тот антирусский контекст, который не позволял Германии солидаризоваться с полноценной сухопутной ориентацией, с геополитическим «евразийством», которое, как будет показано далее, только и может выступать в качестве полноценной основы «геополитики-2». Поэтому появление первых решительных шагов по конституированию евразийской геополитической школы пришлось ждать почти 100 лет после выхода в свет первых работ по геополитике[1].

Библиография:

Бжезинский З. Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.
Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

---

[1] *Дугин А.Г.* Основы геополитики. М.:Арктогея, 1997; 4-е расш. изд. М.:Арктогея-центр, 2000. За данной программной работой последовал шквал геополитических публикаций разного научного качества, систематизацию и классификацию которых еще только предстоит произвести. К сожалению, в них чрезвычайно много плагиата, фантазий, субъективизма или просто полного непонимания темы.

Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект, 2011.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.

Классика геополитики. XX век. М.: АСТ,2003.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география, М.: Аспект Пресс, 2005.

Ратцель Ф. Народоведение: В 2 т. М.: Типография Товарищества «Просвещение», 1903.

Мэхан А.Т. Роль морских сил в мировой истории. М.: Центрполиграф, 2008.

Россия и Британия. Связи и взаимные представления XIX—XX века, Издательство: Наука, 2006.

Савицкий П.Н. Континет Евразия, М.: Аграф, 1997.

Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001.

Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill, 2006.

Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The. Geographical Journal. 1904. № 23. P. 421—37

Spykman N. The Geography of the Peace, New York, Harcourt, Brace and Company, 1944.

Глава 3

ГЕРМАНСКАЯ ШКОЛА ГЕОПОЛИТИКИ (ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТИНЕНТАЛИЗМ)

Карл Хаусхофер и геополитика-2

Полноценный и развернутый, системный теоретический ответ англосаксонской геополитике Х. Маккиндера (*геополитике-1*) со стороны «цивилизации Суши» был дан не русской школой, а германской. И связана эта инициатива, в первую очередь, с Карлом Хаусхофером (1869—1946), с которым часто и ассоциируется «геополитика» у тех, кто поверхностно знаком с предметом. К. Хаусхофер не был ни изобретателем геополитики, ни ее наиболее видным теоретиком. Основные фундаментальные формулировки и методологии были предложены Х. Маккиндером и развиты именно англосаксонской атлантистской школой. Поэтому лавры первенства в сфере начального развития геополитики, безусловно, принадлежат англичанам и американцам. Но значение Хаусхофера для геополитики достаточно велико потому, что он внимательнее всего отнесся к тезисам Маккиндера, воспринял их всерьез, признал безоговорочно геополитическую топику и взялся за огромное дело создания «геополитики-2», т. е. за формулировку теоретического и обоснованного *ответа* Маккиндеру со стороны *континента*, «цивилизации Суши». Конечно, и в русской среде, как мы видели, существовали авторы, которые осознавали необходимость построения альтернативной, континентальной, сухопутной геополитики, и евразийцы являют здесь наиболее яркий, глубокий и внушительный пример (тем более что им удалось выстроить целую политическую философию, основанную на геополитическом понимании России в ее исторических и географических границах). Но задачи создания стройной геополитической системы они перед собой не ставили. Никто из них не задумывался о создании полноценной сухопутной геополитической школы. Эту миссию взял на себя Хаусхофер и оказался в этом качестве на передовой в «великой войне континентов», взявшись за масштабное предприятие построения теоретически и научно обоснованной геополитики-2.

Мы уже отмечали, что геополитика как дисциплина критически зависит от позиции *наблюдателя*, от качества и внутренней структуры «геополитического субъекта». Поэтому для построения геополитики-2, или полноценного описания ситуации с позиции «цивилизации Суши», недостаточно просто перевернуть пропорции маккиндеровской схемы. Необходимо признать культурные, духовные и философские последствия, которые предполагаются таким выбором, встать на сторону Суши как континента смыслов. В этом деле у русских евразийцев и немецких геополитиков были разные задачи.

Русские евразийцы должны были ясно осмыслить те цивилизационные ценности, которые являлись историческими константами русской истории (и в этом качестве были органически присущи русским) и внятно их изложить. Для немцев, выбравших континентальную позицию в противовес англосаксонской геополитике, требовалось вначале совершить трудный выбор между Морем и Сушей, между одной системой ценностей и другой, между двумя цивилизациями — ведь «береговое» расположение Германии относительно структуры всего евразийского материка оставляло решение открытым: по отношению к России Германия была «Европой» и «Западом», т. е. «берегом», а по отношению к Англии и США — «континентом», «Сушей» и, в каком-то смысле, «Востоком».

Хаусхофер должен был сделать выбор. В целом он его и совершил, и выбор был сделан в пользу «цивилизации Суши». Но определенные колебания не покидали его до самого конца, и, будучи ответственным геополитиком, он никогда не исключал возможности *атлантистской переориентации* Германии (с чем, вероятно связана эпопея с перелетом Рудольфа Гесса, ученика, конфидента и приемного сына К. Хаусхофера, через Ламанш в Англию в самый разгар Второй мировой войны). Но в любом случае вклад Хаусхофера в геополитику является весьма значительным, и тот уровень геополитической теоретизации, которого он достиг, является беспрецедентным для этой дисциплины.

Карл Хаусхофер родился в Мюнхене в 1869 году в профессорской семье. Он решил стать профессиональным военным и прослужил в армии офицером более двадцати лет. В юности он поступает в баварский офицерский корпус в чине младшего лейтенанта. За свою военную карьеру он пройдет ее почти до самых вершин — от лейтенанта до генерала.

Интеллектуальное становление Хаусхофера проходит под знаком классических текстов по военной стратегии, военной географии и «политической географии». Он усердно исследует труды Ратцеля, которого считает своим идейным учителем и вдохновителем.

В 1908—1910 годах Хаусхофер отправляется в Японию в качестве германского военного атташе. Здесь он знакомится с семьей японского императора и с высшей аристократией. Имперская Япония произвела на Карла Хаусхофера огромное впечатление, которое не стерлось до конца жизни. В японской культуре Хаусхофер нашел чрезвычайно близкие ему черты: воинские ценности, идеалы верности и чести и самое главное — традиционное для Японии понимание пространства как «живой среды», сочетающей в себе свойства природы и культуры, полной живых сил, духов. В этой пространственной среде не существовало четких границ между минералом и растением, между политикой и стихией, между природой и культурой. Такое понимание пространства и среды послужило тому, что Япония — единственная страна, где для термина «геополитика» существует собственное название[1] — «chiseigaku», что дословно означает «учение о живой земле»[2].

---

[1] К. Хаусхофер в 1916 году после знакомства с трудами Р. Челлена пытался предложить немецкое название для этой дисциплины — «Erdmachtkunde», т. е. дословно «учение о власти земли», но быстро отказался от этого неологизма.

[2] Термин ввел в оборот в 1925 году профессор Нобуйуку Иимото, первый японский геополитик, и подхватил Ичигоро Абе, популяризировавший эту науку в политических и научных кругах Японии.См.: *Iimoto N.* Iwayuru chiseigaku no gainen/Chirigaku Hyoron 1928. 4:76—99; *Abe I.* Chiseigaku nyumon. Tokyo: Kokon-Shoin, 1933.

Это понятие прекрасно соответствовало термину «Lebensraum» Ф. Ратцеля и обозначало не просто «пространство для проживания», но «пространство жизни» и даже «живое пространство, «пространство как форму жизни», что близко евразийскому термину «месторазвитие». На основе представления о «живом пространстве» императорская Япония планировала перераспределение сфер влияния в Тихоокеанском регионе, где она столкнулась с «морским могуществом» Великобритании и США. Структура японского общества, несмотря на островное положение, была совершенно сухопутной и континентальной, и именно осмысление собственно японского пространства, полностью интегрированного и политически, и социально, подвигло японцев к тому, чтобы мыслить в категориях регионального центра силы. Так, в тихоокеанском ареале повторялся мотив противостояния континентальной сухопутной Японии и «цивилизации Моря» в лице англосаксонских держав, их колоний и сателлитов.

Первые свои книги К. Хаусхофер посвящает Японии[1]. Позже он приступает к систематизации геополитических знаний, выступает с лекциями и радиовыступлениями, начинает выпускать журнал «Zeitschift für Geopolitik», работает над атласами и картами, разграничивая территории по базовому геополитическому принципу зон.

Обобщения своих многочисленных работ он публикует в книгах «Фундамент геополитики»[2], «Границы в их географическом и политическом значении»[3], «Геополитика пан-идей»[4] и др. С Хаусхофером тесно сотрудничает плеяда молодых ученых, разрабатывающих отдельные направления бурно развивающейся геополитической науки: Эрих Обст (1886—1981)[5], Отто Маулль (1887—1957)[6], Фритц Хессе[7] (1881—1973), старший сын Карла Хаусхофера Альбрехт Хаусхофер[8] (1903—1945), позднее участвовавший в покушении на Гитлера и казненный Гестапо, и др.

В 1920-е годы К. Хаусхофер пересекается с Гитлером и его окружением, а Рудольф Гесс становится его последователем и учеником. Исследователи расходятся в том, насколько большое влияние К. Хаусхофер оказал на Гитлера, но сам факт их сотрудничества весьма негативно повлиял позже на всю геополитику как науку. В любом случае, идеи Хаусхофера относительно «цивилизации Суши» и фактически созданная им континентальная геополитика («геополитика-2») жестко расходились с политической практикой Гит-

---

[1] *Haushofer K.* Dai Nihon. Betrachtungen über Gross-Japans Wehrschaft und Zukunft. Berlin:E.S. Mittler, 1913; *Idem.*Das japanische Reich in seiner geographischen Entwicklung. Wien, Seidel, 1921; *Idem.* Geopolitik des pazifischen Ozeans. Studien über die Wechselbeziehungenzwischen Géographie und Geschichte. Berlin: Kurt Vowinckel Verlag, 1925.

[2] *Haushofer K.* Bausteine fur Geopolitik. Berlin: K. Vowinkel, 1928.

[3] *Haushofer K.* Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung. Berlind; Heidelgerg: K. Vowinckel, 1927.

[4] *Haushofer K.* Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin:Zentral, 1931.

[5] *Obst E.* Grossraumidee in der Vergangenheit und als tragender politischen Gedanke unserer Zeit. Breslau, 1941.

[6] *Maull O.* Politische Géographie. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1925; *Idem.* Das Wesen der Geopolitik. Leipzig: B.G. Taubner, 1941.

[7] *Hesse F.* Das gesetz der wacshende Raume/Zeitschrift fuer Geopolitik. 1924. 1 Jg. C. 1—10.

[8] *Haushofer A.* Allgenaeine politische Geigraphie und Geopolitik (1944 unveroffentlicht). Heidelberg, 1951.

лера — особенно в том, что касалось нападения на СССР. Если Хаусхофер и поддержал войну с Англией, т. к. это вписывалось в идею противостояния континентальных и морских держав и соответствовало, геополитическим взглядам, то нападение на СССР он воспринял негативно. Поразительна та смелость (и наивность), с которой Хаусхофер уже в 1941 году, накануне нападения нацистской Германии на СССР, писал о необходимости континентального блока «Берлин—Москва—Токио» как пути к достижению мирового господства «цивилизации Суши» за счет окончательного поражения англосаксонской «цивилизации Моря»[1]. В ней он однозначно выступает с позиции евразийства и утверждает: «Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных ее народа — немцы и русские — всячески стремятся избежать междоусобного конфликта, подобного Крымской войне или 1914 году: эта аксиома европейской политики»[2]. К. Хаусхофер прекрасно осознавал значение Heartland'а и, соответственно, неизбежность альянса с Россией, кем бы она ни возглавлялась политически (даже если не очень симпатичными Хаусхоферу большевиками). Для Хаусхофера «Drang nach Osten», вторжение в СССР означали крах Германии, в чем он оказался совершенно прав. Гитлер нарушил «*аксиому европейской политики*» и вполне закономерно оказался виновником гибели Германии, триумфа «цивилизации Моря» и, в конечном счете, фатально ослабил позиции «цивилизации Суши».

После разгрома Рейха Хаусхофер выступает на Нюрнбергском процессе по делу Рудольфа Гесса, но Гесс, симулируя амнезию, его не узнает. В 1946 году, по официальной версии, Хаусхофер покончил жизнь самоубийством, пережив крах своих надежд на возрождение Германии как оплота «цивилизации Суши» и на триумф той науки, которой он отдал всю свою жизнь. Для него все было потеряно политически, идеологически и даже в научном смысле, а контакты Хаусхофера с нацистами, хотя и довольно отдаленные (Нюрнбергский трибунал не признал за ним никакой вины), совершенно незаслуженно бросили на геополитику тень, от которой этой дисциплине приходится отмываться до сего времени.

«Большое пространство»: фундаментальный концепт геополитики

Основным пунктом геополитики Карла Хаусхофера можно считать развитие теории Ф. Ратцеля о «*жизненном пространстве*», с расширением этого концепта до формулы «*большое пространство*» — «Grossraum». Для динамично развивающегося народа, считал Хаусхофер вслед за Ратцелем, необходима территориальная экспансия, пределы которой обуславливаются вопросами стратегической безопасности, наличием природных ресурсов, географическим ландшафтом местности, этносоциологической и этнокультурной структурой населения, факторами экономической географии.

Концепция «большого пространства» (Grossraum) лежит в основе всей геополитики как таковой и признается всеми ее школами и направлениями. Различия начинаются там, где мы сталкиваемся с определением структур

---

[1] *Haushofer K.* Der Kontinentalblock. München: Eher, 1941. Рус. пер.: *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Москва-Берлин-Токио // Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 825—835.

[2] *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Москва-Берлин-Токио // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 835.

этого «большого пространства», инстанций контроля над ним, его конкретной конфигурации. Но значение Хаусхофера для геополитической науки состоит в том, что он концептуализировал термин «большое пространство», сделав его ключевым.

История всех народов и государств знает периоды территориального расширения. Это исторический и геополитический закон. В разных исторических контекстах это проходит по-разному и под разными идеологическими, политическими и экономическими предлогами (религиозными, колониальными, торговыми, ресурсными, стратегическими и т. д.). Но все они имеют общую геополитическую структуру, которую и следует изучать. Во имя чего и для чего происходит территориальная экспансия — второстепенно, надо обратить внимание на сам процесс и его постоянное повторение в истории, настаивает Хаусхофер. Поэтому следует вынести это в самостоятельный закон и придать ему автономное значение. Вначале следует изучить сам процесс расширения, динамику зон влияния, методы, которыми это достигается, а затем рассматривать те идеологические и политические формы, которыми это расширение оправдывается.

Этому принципу геополитики Хаусхофера соответствует общий стиль геополитического мышления, который мы легко узнаем как в англосаксонской геополитике (с ее стратегическими проектами увеличения зоны влияния и контроля «цивилизации Моря»), так и у русских «политических географов» (Семенова-Тян-Шанского с его моделью «от моря до моря») и евразийцев (государство-мир).

В других терминах этот закон геополитики можно сформулировать так: *всякий живой народ и активное общество тяготеют к безграничной экспансии, установление пределов которой в связи с внешними и внутренними причинами составляет сущность мировой истории*. Расширение, экспансия, конституирование «большого пространства» (Grossraum) не имеет внешней цели. Экспансия осуществляется не для чего-то, но сама по себе, как выражение жизненного импульса, и лишь постфактум для ее оправдания подыскиваются рациональные предлоги. В этом состоит «пространственный смысл» как таковой: *пространство стремится быть объединенным*, интегрированным, независимо от того, во имя чего и под каким предлогом оно объединяется. Этнос, общество, политическое образование, уловившие это «пространственное послание», в дальнейшем становятся великими державами, империями, мировыми могуществами.

Все остальные принципы геополитики Хаусхофера вытекают из этой фундаментальной, трудной для выражения, но принципиальной для геополитики как науки идеи.

Континентализм, автаркия, подвижные границы

Из главного закона «большого пространства» вытекают остальные моменты геополитической теории К. Хаусхофера. Он полностью принимает дуализм Х. Маккиндера «Суша / Море» (то есть основную топику геополитики) и однозначно встает на сторону Суши. Тем самым он конкретизирует, какое «большое пространство» он считает «своим» и от имени чего он выступает. Его взгляд на мир есть взгляд *континентальный*, взгляд со стороны Суши, то, что Маккиндер назвал «Landsman's point of view». Исходя из этого принципа, строится вся геополитическая система Карла Хаусхофера, кото-

рую можно с некоторой долей приближения отнести (в нашей классификации) к геополитике-2.

К. Хаусхофер считает, что главная задача Европы как континентального образования заключается в том, чтобы *обрушить мировое влияние англосаксов*, в том числе и через освобождение колоний, и выстроить совершенно новую конфигурацию, основанную на принципиально ином, нежели сложившийся в XVIII—XX вв. в Европе и мире, балансе сил. В этом смысле Хаусхофер выступает в поддержку деколонизации стран Третьего мира и участвует во многих международных мероприятиях, проходящих в этом русле.

К. Хаусхофер считает своим «большим пространством» *континентальную Европу*, к геополитической интеграции которой он призывает. В центре этой интеграции он видит Германию, а вокруг нее — по модели «Срединной Европы» Ф. Науманна — должны выстроиться вначале соседние с Германией, а затем и все остальные страны. Интеграция должна носить континентально-сухопутный характер и сопровождаться борьбой.

Хаусхофер развивает, обосновывает и возводит в статус теории «*европейский континентализм*» как симметричный ответ англосаксонскому взгляду на Европу со стороны моря и «цивилизации Моря». Важнейший элемент континентализма Хаусхофера заключается в идее «*автаркии*», которая в общих чертах повторяет идеи Фридриха Листа. П. Савицкий называл тот же самый принцип (в рамках евразийской экономической географии) «самодовлением». «Автаркия» предполагает экономическую самодостаточность региона в отношении природных ресурсов, хозяйственного потенциала, системы транспортного сообщения, наличия индустриальных центров и социальной инфраструктуры. Малое государство заведомо не может обеспечить себе «автаркию» и, следовательно, становится зависимым от внешних сил. Экономическая зависимость быстро переходит в культурную, политическую и т. д., и суверенитет государства сокращается. Поэтому единственный путь достичь реального суверенитета — построить «большое экономическое пространство». Так экономическая теория Ф. Листа (которую некоторые называли «экономическим национализмом» и на основании которой Германия смогла не только объединиться, но и заключить «таможенный союз» с Пруссией и Австрией) была расширена Хаусхофером до границ континента. Поэтому Хаусхофера можно считать одним из родоначальников Единой Европы и Европейского Союза. Именно он обрисовал основные стратегические принципы интеграции континентальной Европы.

Основные теоретические предпосылки Хаусхофера приводят его к идее *принципиальной изменяемости границ*[1]. Это не просто констатация исторического факта, что границы между государствами и народами постоянно меняют свою форму, но и проявление идеи того, что пространство является живым (Lebensraum) и как живое существо постоянно меняет свое местоположение — растет, сужается, перемещается, ворочается и т. д. Границы не могут быть установленными раз и навсегда, строго «нерушимыми», какими стремится их представить буржуазно-либеральное международное право. Если государственный организм слабеет, ничто не может удержать внутренние и внешние силы от того, чтобы не воспользоваться этой слабостью и не попытаться установить над частью территорий альтернативный контроль. Это может происходить через войны или постепенным мирным, договор-

[1] *Haushofer K.* Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung.

ным путем, через процесс сецессии. В определенных случаях спорные территории оказываются самостоятельными образованиями, контроль над которыми принадлежит сразу нескольким силам.

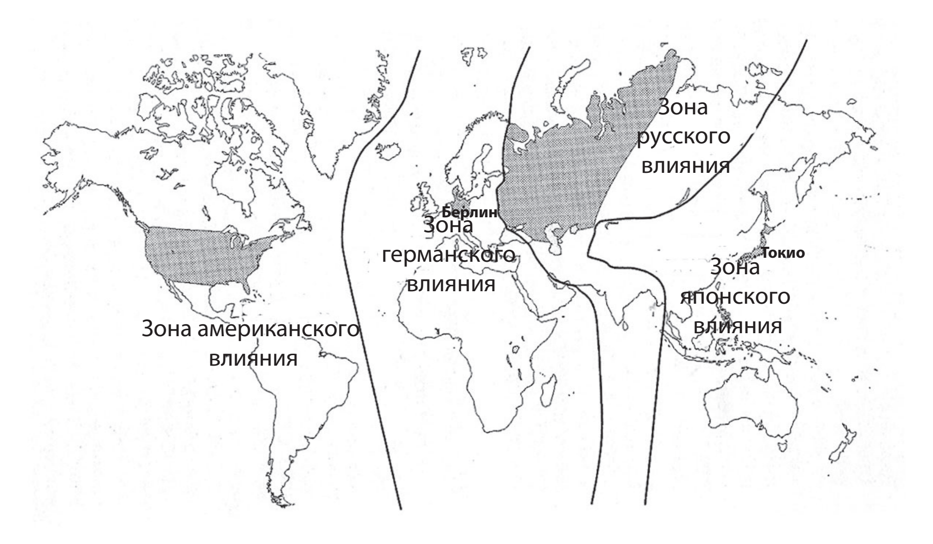
С этим надо не бороться, но признавать как закон жизни, как выражение всей структуры геполитических и геостратегических закономерностей. На этом основании все существующие границы должны рассматриваться как нечто «временное» и «переходное», а настоящими границами являются те геополитические линии, точнее, полосы, которые соответствуют естественным, цивилизационным, культурным и стратегическим параметрам. А эти параметры и их определение, в свою очередь, зависят от того, с какой стороны мы на эти границы смотрим. То, что «справедливо» для «цивилизации Суши», будет ущемлять «цивилизацию Моря», и наоборот. Нет таких решений в вопросах границ, которые могли бы удовлетворить всех. Поэтому надо жестко настаивать на «своем»: континентальные силы («сухопутное могущество», теллурократия) должны требовать установления таких границ, которые соответствовали бы их собственным интересам, независимо от того, что будут возражать представители «морских сил» (талассократии). По факту все могущественные державы ведут себя именно так, но новизна подхода Хаусхофера состоит, во-первых, в том, что он открыто и внятно заявляет о том, что остальные скрывают, а во-вторых, предлагает обсуждать существующие и желательные границы с позиций интересов континента и последовательно идти к их установлению на основе консенсуса между собой сухопутных держав.

Пан-идеи и континентальный блок

Важнейшей составляющей геополитики Карла Хаусхофера была концепция «*пан-идей*». Она представляла собой конкретизацию общих геополитических принципов — принципа «большого пространства», консолидации сухопутных держав и обеспечения автаркии. По сути, пан-идеи выражали собой карту мира, которая была бы желательна для «людей Суши» как фундаментальный нормативный проект, альтернативный англосаксонскому видению «морского могущества» и его стратегии удушения Евразии через контроль над береговыми зонами.

Хаусхофер исходит в построении своей карты из замечания, что интеграционные процессы более бесконфликтно идут по оси меридианов, нежели по оси параллелей. Поэтому северным пространствам естественно устанавливать контроль над южными, как правило, менее развитыми пространствами. Этот процесс может пройти относительно бесконфликтно. Однако когда держава пытается расшириться за счет восточных или западных соседей, это обычно вызывает кровопролитные войны, обессиливающие обе стороны. Поэтому, заключает Хаусхофер, мир должен быть интегрирован в «большие пространства» по оси Север — Юг, а не по оси Восток — Запад. Эту идею он емко выразил в небольшом, но чрезвычайно важном тексте «Геополитическая динамика меридианов и параллелей»[1]. Отсюда Хаусхофер выводит четырехполюсную модель мирового устройства, которая является базовой кон-

[1] *Хаусхофер К.* Геополитическая динамика меридианов и параллелей // Дугин А.Г. Основы геополитики . С. 836 — 839. Оригинал: *Haushofer K.* Geopolitische Dynamik von Meridianen und Parallelen // Zeitschrift fur Geopolitik. 1943. № 8.

Ил. 14. Пан-Идеи в концепции К. Хаусхофера

цептуальной и нормативной картой для всей геополитики-2, геополитики, видимой со стороны «цивилизации Суши».

Модель четрехполюсного мира, состоящего из реализации в пространстве четырех пан-идей, описана Хаусхофером в отдельной работе «Пан-идеи»[1]. В ней он предлагает следующую картину. Планета, приемлемая для континенталистов, должна быть организована как четыре меридиональные зоны — Пан-Америка, Евро-Африка, Пан-Евразия и Пан-Пацифик (Тихий Океан). Эти четыре зоны представляют собой четыре мощных центра силы на Севере и зависящие от них южные территории.

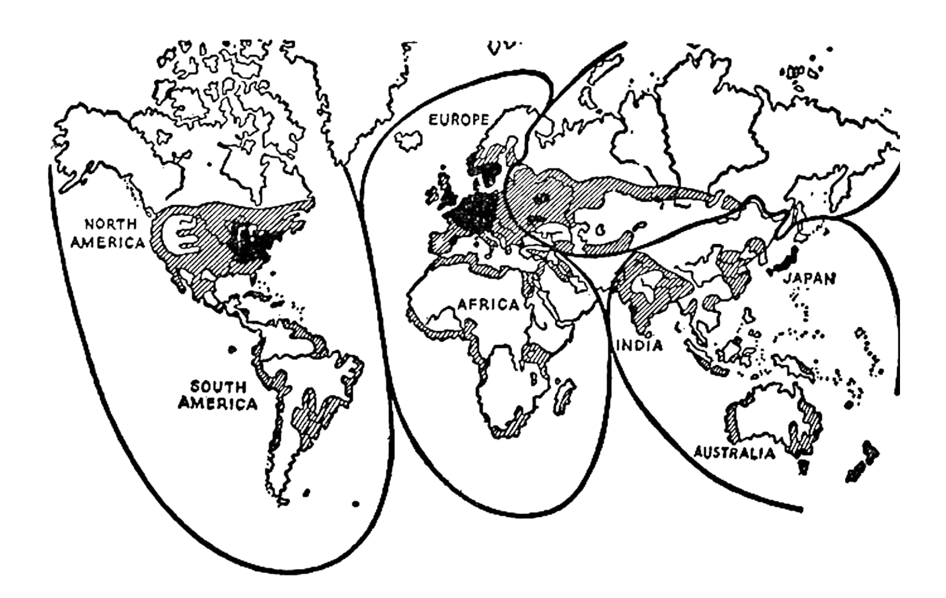
Во главе Пан-Америки стоят США, которые возвращаются в геополитические рамки доктрины Монро, выражающейся в формуле «Америка для американцев», но отказываются от «вильсонианства» и американского морского империализма под видом «распространения в мире демократии и свободы».

Евро-Африка представляет собой зависимую от Пан-Европы южную зону, включающую в себя арабский мир и транссахарскую Африку. В свою очередь, Пан-Европа означает Европу, объединенную в единое политическое целое (предполагается, что под эгидой Германии). Таким образом, Средиземное море становится «внутренним озером для европейцев». Но как американцам в такой модели мира будет отказан доступ к Востоку и Западу, так и Евро-Африка не станет вмешиваться в то, что происходит на американских континентах.

Пан-Евразия интегрируется под эгидой России, которая более динамична и активна, чем ее южные соседи. И снова — только еще в большем масштабе — Хаусхофер точно воспроизводит евразийские идеи и чаяния континентальной интеграции. По Хаусхоферу, русские получают свободу на Юге, но, в свою очередь, отказываются от вмешательства в дела Европы, Ближнего Востока и Африки.

---

[1] *Haushofer K.* Geopolitik der Pan-Ideen.

Ил. 15. Четырехполюсный мир по К. Хаусхоферу

И, наконец, Пан-Пацифик представляет собой зону японской доминации, которая демаркирует геополитические границы с США на Востоке и с Россией на Западе (если смотреть из Японии) и устанавливает там «Новый Тихоокеанский Порядок».

Все четыре пан-идеи реализуются в интересах континентального начала, т. к. во главе четырех зон стоят континентальные державы: в отношении континентальной Европы, России и Японии это очевидно. США же придется открыть свое «сухопутное» измерение и стать континентальными, если они хотят вписаться в предполагаемую картину мира, а если они этого не захотят, то все остальные страны должны их заставить. Для этой цели и служит «континентальный блок» Берлин — Москва — Токио[1].

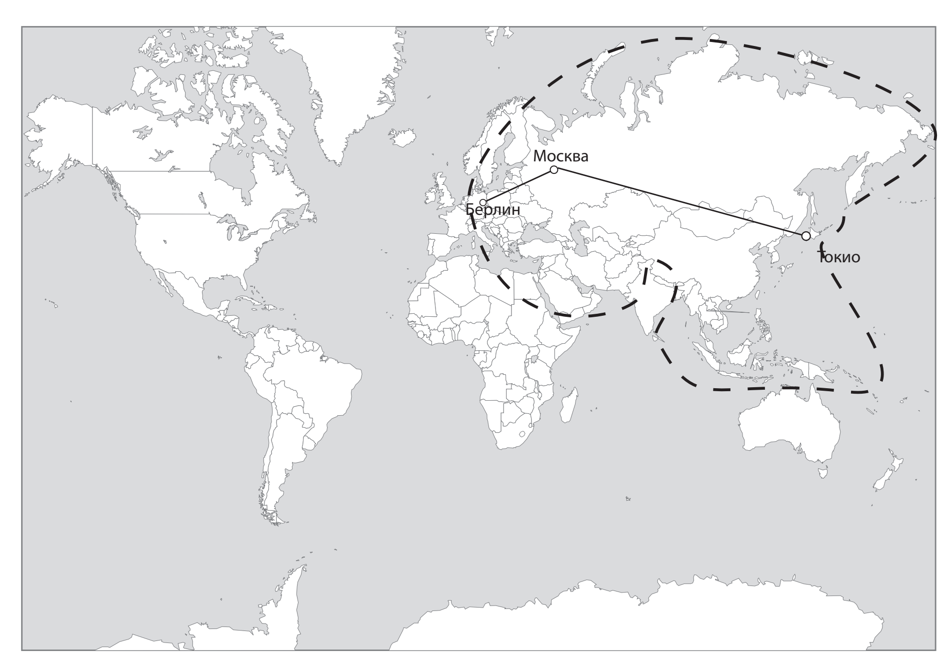
Судьба Англии в этой картине мира незавидна: ей либо предлагается осознать себя частью континентальной Европы, либо это произойдет помимо ее воли и желания.

Подводя итог обзору теорий К. Хаусхофера, можно сказать, *что ему удалось разработать непротиворечивую, последовательную и стройную модель геополитики Суши*. Однако его личная трагедия и трагедия Европы состояла в том, что, даже находясь в определенной близости от нацистского руководства, ему не удалось убедить вождей Рейха в необходимости строить внешнюю политику не на случайных и обрывочных размышлениях, страстях, фобиях и эмоциях, но на *научной геополитической основе*.

Преступления нацизма и даже его крах были прямым следствием отклонения политики Гитлера от рекомендаций немецких геополитиков. Они настаивали на континентальном блоке с СССР (прецедентом чему был пакт

---

[1] *Haushofer K.* Der Kontinentalblock. Op. cit.; *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Москва-Берлин-Токио // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 825 — 835.

Ил. 16. «Континентальный блок» в геополитике К. Хаусхофера. Ось Берлин—Москва—Токио

«Риббентропа — Молотова»), но Гитлер пошел на СССР войной. Геополитики настаивали на привлечении всех европейских народов к созданию Единой Европы, но Гитлер практиковал расизм и объявлял только немцев «арийцами», а всех остальных признавал людьми «второго сорта». Геополитики призывали учитывать живое качество пространства, выражающееся через культуру населяющих его этносов. Гитлер же практиковал жесткую колониальную политику в духе англосаксонского империализма. Немецкая геополитическая школа была евразийской, Гитлер же своей «восточной политикой» вписался в атлантистский сценарий.

Мы имеем все основания утверждать, что именно невнимание Гитлера и главарей Третьего Рейха к геополитике стало одной из важнейших причин преступлений, кровавых агрессий и в конце концов плачевного краха выстроенного ими и, как оказалось, эфемерного, а отнюдь не «тысячелетнего» Рейха.

Сегодня большинство текстов официальных идеологов Третьего Рейха кажутся напыщенными, фальшивыми и малоосмысленными. Но идеи немецкой геополитической школы Хаусхофера, напротив, сохраняют абсолютную теоретическую, научную и практическую ценность[1].

---

[1] Попытки апологетического осмысления теорий К. Хаусхофера и его политических позиций делаются сегодня на Западе, несмотря на доминацию англосаксонской атлантистской геополитики. См. *Ebeling F.* Karl Haushofer und die deustche Geopolitik 1919—1945. unpubl. diss. Hanover 1992. Цит. по: *Helwig H.* Geopolitik: Haushofer, Hitler und Lebensraum/ *Gray C.S., Sloan G.* (eds) Geopolitics, geography and strategy. London; Portland, OR:Frank Cass, 1999. С. 238.

Карл Шмитт: философия геополитики

Абсолютно фундаментальной фигурой в геополитике как науке является немецкий философ, социолог, политолог и юрист Карл Шмитт (1888—1985). Область интересов Шмитта огромна, и сегодня его наследие постепенно становится известным и в России, и, по мнению некоторых политологов, начинает оказывать на политическую элиту определенное влияние[1].

Идейное формирование К. Шмитта проходило в той же атмосфере идей «органицистской социологии», что и у Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Ф. Тенниса и К. Хаусхофера.

На Нюрнбергском процессе была сделана попытка причислить Шмитта к «военным преступникам» на основании его сотрудничества с режимом Гитлера. В частности, ему инкриминировалось «теоретическое обоснование легитимности военной агрессии». После детального знакомства судьи с сутью дела обвинение было снято. Его случай был схож с историей других представителей движения «Консервативной Революции»[2] — таких, как Э.и Г. Юнгеры, Э. фон Заламон, М. Хайдеггер. Нацисты использовали их идеи в прагматических целях, но грубо извратили их смысл и воплотили в преступной практике, так что «консервативные революционеры» оказались в сложной ситуации: частично их желания сбылись, но в настолько искаженной форме, что они были вынуждены либо уйти во внутреннюю эмиграцию, либо встать на путь прямой борьбы с нацизмом (Э. Никиш, Т. Манн, Ф. Хильшер, Х. Шульце-Бойзен и т. д.[3]). Тем не менее, как и другие «консервативные революционеры», К. Шмитт надолго после Второй мировой войны стал персоной «нон-грата» в мировом научном сообществе, и к его трудам некоторое время относились с подозрением. Только в 1970-е годы благодаря колоссальному влиянию на юридическую мысль некоторых «левых» политкорректных авторов Франции, Италии и США, использовавших идеи К. Шмитта, его труды стали постепенно открываться заново и сегодня заслуженно считаются вершиной европейской и мировой политической, социологической и юридический мысли.

Три номоса Земли

Мы сосредоточим внимание на том, что имеет в трудах К. Шмитта прямое отношение к геополитике.

Тема «политического пространства» в его творчестве всегда занимала центральное место. Его важнейшие произведения «Номос Земли»[4], «Земля и море»[5] и др. посвящены именно этой теме. Но пространство и его политиче-

---

[1] *Кильдюшов О.* Карл Шмитт как теоретик (пост) путинской России // Политический класс. 2010. № 1. Январь.

[2] *Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschlalnd 1918—1932. Darmstadt: Wissenshcaftliche Buchgeselschaft. 1994.

[3] Ibidem.

[4] *Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum. Koeln: Hohenheim,1982; *Idem.* Raum und Grossraum im Volkerrecht // Zeitschrift fur Volkerrecht. 1940. Vol. 24. No. 2; *Idem.* Staatliche Souveraenität und freies Meer // Schmitt C. Das Reich und Europa. Leipzig, 1941.

[5] *Schmitt C.* Land und Meer. Köln:Hohenheim, 1981. Рус. пер.: *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 840—883.

ская организация играют значительную роль и в других его трудах, таких как «Политическая теология»[1], «Понятие политического»[2] и т. д.

Совершенно в духе геополитического подхода Карл Шмитт утверждал изначальную связь политической структуры с пространством. Не только государство, но вся социальная реальность и система права имеют своим истоком качественное пространство. Для описания той инстанции, которая предшествует политической системе и еще в полной мере хранит на себе отпечаток пространственных представлений, К. Шмитт предложил концепцию «*номоса»*[3].

Греческое слово «νομος», «νεμειν», как и немецкое «nehmen», с которым оно родственно по общей индоевропейской основе, означало первоначально «нечто взятое, оформленное, упорядоченное, организованное» и прилагалось именно к пространству. Это понятие близко к понятиям «рельефа», «пространственного смысла» (Raumsinn) у Ф. Ратцеля, «месторазвития» у русских евразийцев (П. Савицкий) или «хороса» (в «хорографии» А. Геттнера). Отношение *к неподвижно расположенным на земле предметам* — как природным (лес, холм, река, море, гора, степь и т. д.), так и культурным (жилище, пашня, скотный двор, лодка, орудия труда, капища и т. д.) — лежит в основе базовых представлений о социальной, политической и правовой организации. Но вместе с тем сама эта социальная, политическая и правовая организация, даже оторвавшись от конкретики первичного пространственного восприятия и достигнув уровня абстракции, снова возвращается к своему истоку, к земле, и проявляет себя через искусственную организацию этого пространства, прошедшего сквозь инстанцию сознания (культуры, духа, политики). «Номос» сводится к осуществлению трех фундаментальных процедур: «брать», «делить» и «использовать».

Шмитт намечает три «номоса Земли», которые отражают разные стадии организации — «взятия», «раздела» и «использования» — пространства. Первый номос существовал в Древности и в Средневековье. Он отличался тем, что состоял из нескольких отдельных цивилизаций, которые находились на удалении друг от друга, были окружены промежуточной ничейной зоной, за которую соперничали, сталкиваясь друг с другом и рассматривая эту землю в качестве защиты. Мир был открытым, и каждая из крупных цивилизаций считала себя его центром.

«Второй номос» возник 500 лет назад, когда мир был полностью освоен, и каждая точка земного пространства кому-то принадлежала, кем-то осваивалась, обносилась границей и использовалась. Это время государств-наций и колониальных завоеваний.

Шмитт тщательно рассматривает изменение структуры общества, права, политики при переходе от первого «номоса» ко «второму», видя в этом фундаментальный сдвиг в самой основе человеческого бытия.

После Второй мировой войны сложились два блока, которые поделили Землю между собой на новой основе. Их конфронтация породила новый «третий номос Земли». Его Шмитт разбирает в более поздних работах[4]. Кон-

---

[1] *Schmitt C.* Politische Theologie. Munchen-Leipzig, 1922.

[2] *Schmitt C.* Das Begriff des Politischen. Berlin-Grunewald: W. Rothschild, 1928; рус. пер.: *Шмитт К.* Понятие политического//Вопросы Социологии. 1992. Т. 1. № 1.

[3] *Schmitt C.* Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum.

[4] *Шмитт К.* Новый номос Земли // Элементы. 1993. № 3.

фронтационная природа «нового номоса» должна разрешиться в какой-то окончательной форме: либо «западный блок» победит советский, либо наоборот. Для Шмитта этот вопрос оставался открытым.

Но важно, что «третий номос Земли» мыслится Шмиттом в строго геополитических категориях. Для него «западный блок» под эгидой англосаксов (США, Англии) — это «цивилизация Моря» в чистом виде, а «восточный блок» представлет собой Heartland и «сухопутное могущество». Поэтому «третий номос Земли» — это кульминация борьбы «Земли» и «Моря» как двух форм организации пространства.

Земля и Море: Бегемот и Левиафан

В 1942 году Карл Шмитт выпустил важнейший труд «Земля и Море»[1]. Вместе с более поздним текстом «Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Суши и Моря»[2] он может считаться поворотным моментом в истории геополитики как науки.

Противостояние Суши и Моря у Шмитта осмысливается как глубинное различие в самых корнях человеческого духа, в его первичных движениях, которые предопределяют культуру, политику, общество, историю и мышление. Суша и Море Х. Маккиндера и К. Хаусхофера берутся К. Шмиттом как два «абсолютных концепта», антагонистических друг другу, несовместимых друг с другом, принципиально по-разному понимающих природу «номоса», а значит, по-разному понимающих природу права, интереса, ценности, этики, политики, антропологии и т. д.

Для того чтобы подчеркнуть фундаментальность этих понятий, Шмитт подбирает к ним библейские синонимы, используя применительно к «силам Суши» (теллурократии) имя сухопутного библейского чудовища «Бегемота», а к «силам Моря» (талассократии) — имя морского зверя «Левиафана»[3], о которых идет речь в книге Иова[4].

«Суша», «Земля» предопределяет собой такой «порядок», такую «парадигму», в которой отражаются принципы неподвижности и фиксированности. Эта связь с неподвижным рельефом, пространство которого легко поддается структурализации (фиксированность границ, постоянство коммуникационных путей, неизменность географических и климатических особенностей), архетипический консерватизм в социальной, культурной, религиозной, экономической и технической сферах. Суша и ее порядок, ее цивилизационные устои преобладают в истории человечества, покрывая собой «первый номос Земли» или то, что принято называть «традиционным обществом».

В период однозначной доминации Суши Море представлено периферийными явлениями, угрозой, риском и опасностью. Некоторые этносы за-

---

[1] *Schmitt C.* Land und Meer. Op. cit. Рус. п.: *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 840 – 883.

[2] *Schmitt C.* Die planetarische Spannung zwischen Ost und West (1959) /Schmittiana — III von prof. Piet Tommissen. Brussel, 1991; на рус. яз. см.: *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 526 – 552.

[3] См. *Дугин А.Г.* Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское Движение, 2009. С. 145 – 161.

[4] Иов. 40:1.

нимаются мореплаванием, но остаются привязанными к берегу и Суше, не посягают на ее законы и структуры. Древние культуры относятся к Морю настороженно: так, древние египтяне считали соленое Море обителью «темного бога Сета», убийцы Осириса, тогда как пресные воды, дающие жизнь, мыслились как нечто «благое» и «светлое». Реки текут по Суше, подчиняются ее законам и поэтому приносят влагу, орошение, урожай и питье. Там, где стихия Суши заканчивается, наступает область смерти — соленую воду невозможно пить, а почва от нее только иссыхает. Поэтому-то в античной географии считалось, что на крайней точке Средиземного моря, у выхода в Океан, на Гибралтарском проливе стоят Геркулесовы столпы, на которых, по преданию, написано «Nec plus ultra» («Дальше нельзя»), что подразумевает, что здесь кончается территория, подконтрольная Суше, и начинается опасная нечеловеческая стихия «темных сил».

Лишь с открытием Мирового Океана в конце XVI века ситуация меняется радикальным образом. Человечество (и в первую очередь, остров Англия) начинает привыкать к «морскому существованию» и осознавать себя Островом посреди вод, мыслить себя не *Домом*, но *Кораблем*[1]. «Дом — это покой. Корабль — движение. Поэтому Корабль обладает иной средой и иным горизонтом[2]».

Но водное пространство резко отлично от сухопутного. Оно непостоянно, враждебно, отчуждено, подвержено постоянному изменению. В нем не фиксированы пути, не очевидны различия ориентаций. *«Номос» Моря влечет за собой глобальную трансформацию сознания.* Социальные, юридические и этические нормативы становятся «*текучими*». Рождается совершенно новая цивилизация. Шмитт считает, что Новое время и технический рывок, открывший эру индустриализации, обязаны своим существованием именно геополитическому феномену перехода человечества к «номосу» Моря[3]. Шмитт противопоставляет «технику» и «общество», вслед за О. Шпенглером (также участником движения «Консервативная Революция) разделяя «цивилизацию» и «культуру»: «(...) культура относится к Морю, а цивилизация к Суше. Морское мировоззрение ориентировано техноморфно, тогда как сухопутное — социоморфно»[4].

Открывшийся период «второго номоса Земли» стал эпохой противостояния «традиции» и «современности», «вечного» и «нового», т. е. Суши и Моря, Бегемота и Левиафана. Но выразилось на первых этапах это в соперничестве между собой национальных государств. Лишь постепенно, по мере приближения истории к «номосу» «холодной войны», глубинная природа пространственной диалектики истории становилась все более прозрачной и очевидной. Противостояние Востока и Запада после 1947 года, выраженное через идеологическую оппозицию марксизма и либерализма, приоткрыло

[1] Знак американского доллара — $ — является напоминанием о Геркулесовых столпах и эгиде, расположенной между ними. Только дерзкие мореплаватели и первопроходцы Нового света убрали запретное, табуирующее «Nec» «нельзя, некуда», переделав в «Plus ultra», т. е. «Дальше», «Еще дальше»; подразумевается, что дальше в Море, за Геркулесовы столпы.

[2] *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Дугин А.Г. Основы геополитики. С. 544.

[3] *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Дугин А.Г. Основы геополитики.

[4] Там же. С. 546.

завесу тайны над истинной логикой титанической борьбы, которую вели между собой в менее явной форме библейские чудовища: сухопутный Бегемот и морской Левиафан.

Именно такое понимание Суши и Моря, которыми оперирует геополитика, позволяют отнести эту науку в разряд чисто социологических дисциплин. Шмитт придает базовой дуальности геополитической топики глубинное философское, онтологическое, историческое, социологическое измерение, которое интуитивно проглядывает у большинства геополитиков, представителей «антропогеографии» и «политической географии», но чаще всего так и не раскрывается или остается в зачаточной форме.

Учет теории Карла Шмитта о Суше и Море делает геополитику по-настоящему фундаментальной дисциплиной, без знания которой трудно обойтись современным политологам, историкам, философам, культурологам и особенно социологам.

Доктрина Монро, теория «империи» (das Reich) и «порядок больших пространств»

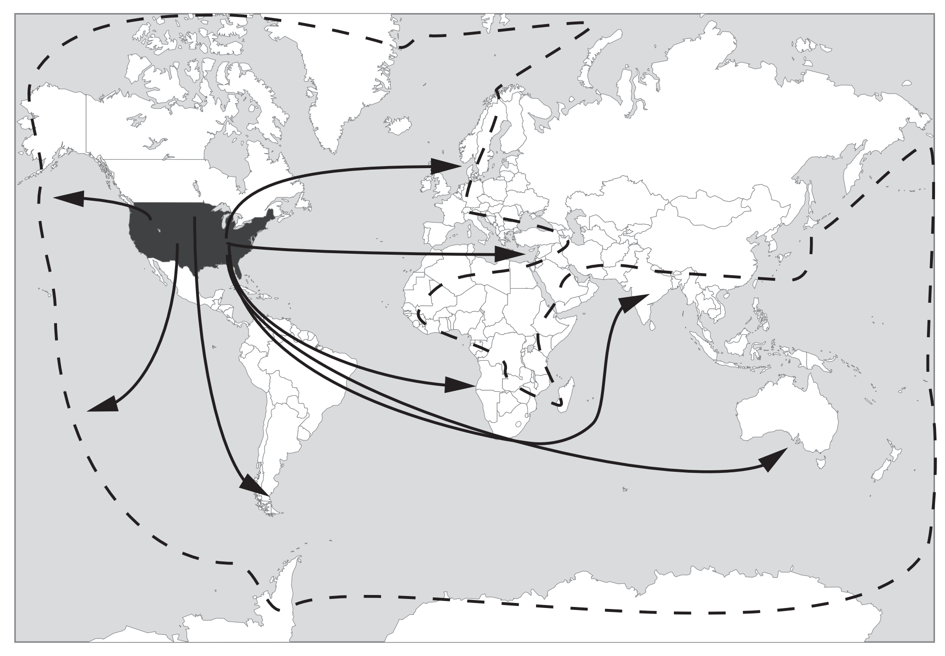
В работе 1939 года «Порядок большого пространства в правах народов и запрет на интервенцию пространственно чуждых сил. Введение в понятие «das Reich» в правах народов»[1] Карл Шмитт излагает правовое, философское и социологическое толкование понятия «большое пространство», концептуализированное К. Хаусхофером. Изложение теории «большого пространства» Шмитт начинает с «доктрины Монро», сформулированной в 1823 году президентом США Джеймсом Монро и ставшей лозунгом американской внешней политики на два столетия. Смысл «доктрины Монро» сводится к утверждению, что политика американского континента должна определяться интересами самих американских государств.

Изменение смысла «доктрины Монро» Шмитт отмечает уже в XIX веке, когда США начинают использовать ее как прикрытие для колониальной политики в пределах континента. Гораздо более важный сдвиг в доктрине происходит в начале XX века, когда президенты США Т. Рузвельт и особенно В. Вильсон предлагают толковать «доктрину Монро» в отрыве от исторических и географических реалий и обосновывать с ее помощью необходимость участия США в мировых проблемах для «укрепления демократии, прав и свобод». Здесь «доктрина Монро» явно выходит за границы Америки и превращается в универсалистскую, планетарную теорию, обосновывающую *новый тип колониализма:* не европейский (открытый, прямолинейный и циничный), а американский (прикрытый цивилизаторской и идеологической функцией распространения либеральной демократии).

В такой универсалистско-гегемонистской и идеологизированной форме «доктрину Монро» попытались применить к своей мировой империи и англичане, утвердив в качестве международного принципа необходимость английского контроля над проливами в мировом масштабе, поскольку от этого напрямую зависит безопасность (экономическая и, значит, политическая и военная) Англии.

---

[1] *Schmitt C.* Völkerrechtliche Großraumordnung und Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin; Wien; Leipzig, 1939.

Ил. 17. Доктрина В. Вильсона. США как гарант мировой демократии и единоличный носитель стратегического контроля над мировым океаном

Большая
Евразия

Ил. 18. «Доктрина Монро» для Евразии

После победы над Германией в Первой мировой войне и революции в России под диктовку Англии и США была предпринята попытка выстроить систему международного права (Лига Наций). Эта система получила название «Версальской». В ней в качестве субъекта суверенитета выступили страны Антанты (прежде всего, Англия, Франция, США), и пространство, контролируемое ими по обе стороны Атлантического океана, было взято в качестве *коллективного центра*. Весь остальной мир рассматривался как периферия, откуда могли проистекать угрозы и которой нельзя было позволять обрести могущество, сопоставимое с центром. Лига Наций под эгидой Англии, Франции и США призвана была быть для всего мира тем, чем были США для американского материка — гарантом безопасности.

Так «доктрина Монро» оторвалась от конкретного «большого пространства» и стала основой планетарной универсалистской модели миропорядка. Вместе с тем она утратила свою защитную функцию и из инструмента борьбы с колониализмом превратилась в колониализм нового идеологического «либерал-демократического» типа.

К. Шмитт считал, что «большое пространство», аналогичное «Доктрине Монро» в изначальной трактовке, является не просто аналитическим конструктом, но источником конкретных политических и стратегических шагов, которые постепенно вылились в область международного права. То есть правовые стороны установленного миропорядка, по Шмитту, вырастают из пространства, а, значит, именно *геополитика является в конечном счете тем, что создает право,* учреждает его, вписывая каждую конкретную политическую ситуацию в пространственный контекст. Отсюда можно заключить, что правовые и политические формы напрямую связаны с географическими и геостратегическими факторами, и поэтому понятие «большое пространство» можно рассматривать как протоправовую категорию, имеющую все основания в какой-то момент оформиться в полноценную правовую норму. *Чем было провозглашение Монро его доктрины* с юридической точки зрения? Законом? Декретом? Воззванием? Нет. Оно не имело вообще никакого юридического смысла. Но ее реализация и эволюция ее толкования создали радикально новые правовые модели, касающиеся всего человечества, всего номоса Земли, изменили этот номос.

Поэтому, заключает Шмитт, аналогично следует поступить народам Европы и Евразии, провозгласив императив «больших пространств», обосновав и утвердив «порядок больших пространств» как выражение исторического сознания и политической воли. Именно так Шмитт трактует понятие «империи» или его германский эквивалент «das Reich». Это не образ из прошлого, но социологический и геополитический концепт, отражающий «права народов» на организацию «большого пространства» в оборонительных стратегических целях. Такая империя мыслится как «народная империя» или «народный Reich», противостоящий универсализму и империализму, с какой бы стороны он ни исходил.

Эти идеи Шмитта вместе с похожими идеями Хаусхофера в настоящее время легли в основу Евросоюза, который представляет собой не что иное как «большое пространство» с тем же неопределенным статусом и с той же геополитической перспективой, что и доктрина Монро на первых стадиях ее исторического — оборонительного — воплощения.

Подводя итог обзору немецкой геополитической школы Хаусхофера и идеям Шмитта, можно сказать, что здесь мы имеем дело с фундаментальной

составляющей геополитического знания, без которой оно утратило бы свой смысл. И кроме того, становятся очевидными причины, по которым школа Карла Хаусхофера подвергалась и продолжает подвергаться критике со стороны геополитиков англосаксонской атлантистской школы: они критикуют немецкую геополитику как стратегию противника, разрабатывавшего план борьбы и сопротивления их собственной цивилизации. Часто встречающаяся критика «империализма» Хаусхофера и Шмитта не должна нас вводить в заблуждение: представители одного типа империализма (удавшегося, временно победившего), империализма Моря, очерняют представителей другого империализма (оборонного, проигравшего), империализма Суши. Левиафан кусает Бегемота, чтобы Бегемот не смог куснуть Левиафана. В сфере теоретической науки продолжается «великая война континентов».

Исход Второй мировой войны положил конец геополитической миссии Германии. В наше время об этом никто не осмеливается не то чтобы говорить, но и думать. В самой Германии геополитика запрещена не меньше, чем в СССР. Современная Германия — часть атлантического Запада, находящаяся под жестким контролем «цивилизации Моря». Поэтому значение геополитики-2, созданной в значительной степени немцами, для самих немцев сегодня относительно невелико; у них одна задача — оправдаться и забыть об ужасах нацизма. Им не до геополитики. Но геополитика-2 отнюдь не утратила принципиального структурного значения для других субъектов мировой политики — в первую очередь, для России, для Объединенной Европы, для Китая, для тех стран и народов, которые хотят построить мировой порядок, альтернативный существующему, где полностью и во всех областях доминирует «цивилизация Моря». Очень многих сегодня не устраивает тот «номос Земли», который сложился в настоящее время. И для них идеи немецкой геополитической школы открывают свое значение и свою релевантность с каждым днем все более и более.

Библиография

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Серия «Памятники исторической мысли». М.: Наука, 1977.

Дранг нах Остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871—1918 гг. М.: Наука, 1977.

Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.

Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.

Зомбарт В. Буржуа. М., 1994.

Кильдюшов О. Карл Шмитт как теоретик (пост) путинской России // Политический класс. 2010. № 1.Январь.

Кремлев С. Россия и Германия: стравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ: Астрель, 2003.

Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005.

Меллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий Рейх. М.: Вече, 2009.

Молодяков В.Э. Россия и Германия: дух Рапалло (1919—1932). М., 2009.

Ратцель Ф. Народоведение. В 2 т. М.: Типография Товарищества «Просвещение», 1903.

Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001.
Шмитт К. Номос Земли. СПб.: Владимир Даль, 2008.
Шмитт К. Новый номос Земли // Элементы. 1993. № 3.
Haushofer A. Allgenaeine politische Geigraphie und Geopolitik (1944 unveroffentlicht). Heidelberg, 1951.
Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. Heidelberg: K. Vowickel, 1924.
Haushofer K. Das Reich: Grossdeutches Werden im Abendland. Berlin: Karl Habel Verlagsbuchhandlung, 1943.
Haushofer K. Der Kontinentalblock. München: Eher, 1941.
Haushofer K. Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin: Zentral-Verlag, 1931.
Haushofer K. Grenzen in ihrer geographischen und politischen bedeutung. Heidelberg: K. Vowinckel, 1939.
Haushofer K. Weltmeere und Weltmachte. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1941.
Lacoste Y. Dictionnaire geopoliqiue. Paris: Flammarion, 1986.
Lohausen H.J. von. Denken in Kontinenten. Berg am See: Kurt Vowinckel Verlag, 1978.
Maull O. Das Wesen der Geopolitik. Leipzig: B.G. Taubner, 1941.
Ratzel F. Völkerkunde. Berlin, 1885.

Глава 4

РУССКАЯ ШКОЛА ГЕОПОЛИТИКИ

Славянофилы как мыслители «цивилизации Суши»

В русской политической мысли фактору пространственного устройства России особенное внимание уделяли философы-славянофилы (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, братья К.С. и А.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин и другие). Они первыми четко сформулировали тезисы о России как о самостоятельной цивилизации, отличающейся от Европы по основным культурным, религиозным, духовным и социальным параметрам. Славянофилы описали евразийское пространство (Heartland) в культурных и социологических терминах, составив свод отличительных черт русского общества. Но описали они эти черты не столько в терминах «политической географии», сколько в формулах культуры, религии и социального устройства русского общества, суть которого, по мнению славянофилов, состояла в сохранении общинных начал в русском народе, отсутствии индивидуализма и политизации.

Славянофилам противостояли западники (П.Я. Чаадаев, Т.Н. Грановский, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, К.Д. Кавелин и другие), отказывавшие России в самобытности и считавшие западный путь развития единственно возможным и универсальным. Если применить к этим двум направлениям русской общественно-политической мысли геополитические критерии, можно сказать, что славянофилы выступали с позиции цивилизации Суши, а западники — с позиции Моря.

Еще ближе к геополитике подошли поздние славянофилы — К. Леонтьев (1831 – 1891) и Н.Я. Данилевский (1822 – 1885).

Константин Леонтьев считал, что главной особенностью русской истории является ее *византизм*[1], т. е. следование в русле византийской православно-имперской традиции, что резко отличает русскую историю от истории других славянских народов. Леонтьев развивал учение о типах исторического развития, выделив среди них: 1) «первичную простоту», 2) «цветущую сложность», 3) «всесмешение» («разлитие»). Он считал, что Россия находится на заключительной фазе второго этапа и ее надо «подморозить», чтобы не допустить всесмешения. Государство должно быть твердым «до суровости», а люди «лично добры друг к другу».

Николай Данилевский[2] впервые предложил рассматривать всемирную историю через анализ нескольких «*культурно-исторических типов*», под которыми он понимал нечто аналогичное понятию «цивилизации». В отличие

---

[1] *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010.

[2] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета; Глаголь, 1995.

от западноевропейских мыслителей, которые отождествляли собственную цивилизацию с единственно возможной, а все остальные относили к разряду «варварства», Данилевский предложил воспринимать западноевропейскую цивилизацию как *одну из цивилизаций*, как «*романо-германский*» культурно-исторический тип. При этом Данилевский выделил ряд других самобытных и вполне законченных *культурно-исторических типов*, которые основывались на совершенно *иных* началах, но обладали всеми признаками длительных и устойчивых цивилизаций. Они существовали в течение долгих веков и сохраняли свою идентичность, переживая государства и различные идеологические оформления, эпохи религиозных революций и смену ценностных систем.

Данилевский выделял 10 полноценных культурно-исторических типов (цивилизаций): 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или аравийский, 10) германо-романский, или европейский.

Он считал, что в XIX—XX веках формируется новый, одиннадцатый культурно-исторический тип — *русско-славянский*, имеющий все основные признаки цивилизации.

Н. Данилевский полагал, что цивилизации проходят этапы становления — взросления и старения, подобно живым существам. Романо-германская цивилизация, по его мнению, находится в стадии дряхления и упадка, а русско-славянский мир, напротив, только входит в силу.

Цивилизационный анализ К. Леонтьева и Н. Данилевского вплотную подходил к практике геополитического районирования Земли, при которой можно было выделить отдельные регионы, находящиеся в разных стадиях развития. Западные геополитики осуществляют это чаще всего со стратегическими целями и четкими практическими задачами, тогда как русские поздние славянофилы делали акцент на культурных особенностях. Тем не менее, поскольку геополитика включает в свой анализ культурный потенциал и вопросы социальной идентичности, труды славянофилов могут рассматриваться как предварительный этап в становлении континентальной, сухопутной геополитической традиции Heartland'а.

К поздним славянофилам примыкал известный русский этнолог и географ Владимир Иванович Ламанский (1833—1914), который занимался тщательным изучением ареала греко-славянской культуры, подчеркивая ее отличие от романо-германского (западноевропейского) типа[1]. Метод В.И. Ламанского в основных параметрах воспроизводит «антропогеографический» подход Фридриха Ратцеля и поэтому может быть отнесен к области «политической географии»[2].

Ламанский в своей книге «Три мира Азийско-Европейского материка»[3] делил пространство Евразии на три части: романо-германский мир, азиатский мир и греко-славянский мир. Романо-германский соответствовал Западной Европе. Азиатский — странам Востока за пределами России. А греко-славянский он называл «средним миром», предвосхищая тем самым концепцию евразийства.

---

[1] *Ламанский В.И.* Об истории изучения греко-славянского мира в Европе. М.; Л., 1958.

[2] *Семенов-Тян-Шанский В. П.* Владимир Иванович Ламанский как антропогеограф и политикогеограф: Библиологический сборник. Петроград, 1916. Т. 2. Вып. 1.

[3] *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. Прага, 1916.

В.П. Семенов-Тян-Шанский: Россия от моря до моря

Напрямую и последовательно обращается к «политической географии» и «антропогеографии» Ф. Ратцеля другой этнолог и географ, сын русского географа, путешественника и демографа П.П. Семенова-Тян-Шанского, Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870—1942), работу которого «О могущественном территориальном владении применительно к России»[1] можно рассматривать как одно из первых полноценных геополитических произведений в России.

В этой работе В.П. Семенов-Тян-Шанский предлагает собственную гипотезу геополитической структуры мира. Согласно его теории, цивилизации образуются вокруг трех мировых морей — Средиземного вместе с Черным, Китайского (Южного и Восточного) вместе с Японским и Желтым, и, наконец, Карибского бассейна, включая Мексиканский залив[2]. От этих зон культура (в духе теории «культурных кругов») распространяется в разные стороны.

Далее Семенов-Тян-Шанский переходит к теме «могущества». С его точки зрения, господство над всеми прилегающими территориями получает тот народ, которому удается установить политический контроль над всей береговой зоной, прилегающей к одному из трех «мировых морей».

Исторически в ходе завоевания контроля над морями сложились три специфические формы «могущественного владения», соответствующие структуре морских берегов. «На Европейском Средиземном море выработалась *кольцеобразная система*.[3]» Вторая модель связана с колониальным периодом истории Западной Европы, когда «могущественное владение» было установлено «над разбросанными по морям и океанам отдельными островами и кусками материков, связанными периодическими рейсами кораблей, военных и коммерческих»[4]. Такую модель Семенов-Тян-Шанский называет «*клочкообразной*».

Третьей моделью Семенов-Тянь-Шанский считает систему «*от моря и до моря*», что соответствует в классической геополитике как раз «континентальному типу» или «сухопутному могуществу». Россия представляет собой именно такое политически организованное пространство, и именно в таком качестве ей предстоит вступить в конфликт с остальными мировыми силами (в первую очередь, с Европой), которые бьются за контроль над морями по двум другими моделям — «кольцеобразной» и «клочкообразной».

Концепт «от моря до моря» представляет собой решающий шаг к становлению русской геополитической теории. И если бы не события 1917 года и внедрение большевиками тоталитарной марксисткой идеологии, из этого труда Семенова-Тян-Шанского наверняка развилась бы полноценная школа русской «политической географии» и «геополитики».

Семенов-Тян-Шанский конкретизирует исторически, как Россия, растянутая по параллели, осуществляла свою «морскую политику», обеспечивая

---

[1] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Петроград, 1915.

[2] Там же.

[3] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии.

[4] Там же.

себе тем самым роль в мировой истории и статус «великой державы». Этой цели служили *«культурно-экономические колонизационные базы».*

«В России, есть, так сказать, культурно-экономические колонизационные базы в числе нескольких. Эти очаги, посылая свои лучи во все стороны, поддерживают настоящим образом прочность государственной территории и способствуют более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию. Если мы взглянем на Европейскую Россию, то заметим на ее пространстве четыре таких русских базы, возникших в разные времена. Первая база — Галицкая и Киево-Черниговская земля, вторая — Новгородско-Петроградская земля, третья — Московская и четвертая — Средневолжская. Галицкая и Киево-Черниговская и Новгородско-Петроградская базы как обращенные к западным врагам приходили на продолжительное время в полный упадок, но затем снова возрождались, как феникс, из пепла. Московские же и Средневолжские земли как занимавшие внутреннее географическое положение, росли почти непрерывно, без длительных периодов упадка. Только благодаря этим четырем базам, давшим возможность русским твердо укрепиться до самых берегов четырех морей, Европейская Россия и представляет ту культурно-экономическую массу, которая позволила ей стать в ряды великих держав мира»[1].

Семенов-Тян-Шанский настаивает на том, чтобы и современная ему Россия продолжала свою «колонизационную» политику, расширяя свое господство на Тихом океане, в зоне Причерноморья, продолжая контролировать перспективное арктическое побережье.

И, наконец, важнейшим достижением «политической географии» Семенова-Тян-Шанского стала формулировка *евразийской сущности России*, которую позже подхватили «русские евразийцы». Это был ключевой момент в становлении русской геополитики. Осознав свою континентальную сущность, приняв свою евразийскую природу, Россия совершенно по-новому взглянула бы на мир и на те процессы, которые развиваются в мировой политике. Осознание геополитической карты мира было бы замкнутым с двух сторон — на взгляд со стороны «цивилизации Моря» (англо-саксонской *геополитики-1*) последовал бы ответный взгляд со стороны «цивилизации Суши» в форме создания *геополитики-2*, *евразийской геополитики*.

Предвосхищая появление евразийства, Семенов-Тян-Шанский пишет: «Все это приводит к тому, чтобы окончательно изменить наше обычное географическое представление о Российской Империи, искусственно делящейся Уральским хребтом на совершенно не равные по площади Европейскую и Азиатскую части. Нам, более чем кому-либо на свете, *не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое* (выделено мной. — *А. Д.*) »[2].

И.И. Дусинский: Россия и море

Нечто отдаленно напоминающее геополитику можно встретить в работах русского публициста из Одессы Ивана Ивановича Дусинского (1879—1919). О его жизни сохранились скудные сведения. Но он оставил после себя

[1] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии.

[2] Там же.

внушительный труд «Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики»[1], который отрывками публиковался в одесской газете «Русская речь» в 1908—1910 годах.

В этом труде И. Дусинский одним из первых среди русских писателей и публицистов указывает на принципиально континентальный характер России, призывает ее отказаться от слишком активного участия в западной политике и сосредоточиться на иных проблемах. Так, Дусинский пишет: «Россия — держава прежде всего континентальная, сухопутная, не имеющая заморских колоний и обладающая крайне незначительными морскою торговлею и коммерческим флотом. При таких условиях стремиться стать во главе любой из борющихся за морскую гегемонию великодержавных групп было бы просто смешно. Это не значит, разумеется, что могущественная русская держава должна отвернуться от моря и флота и перестать интересоваться им... совсем напротив, это значит, что участие России в той или иной комбинации должно преследовать, прежде всего, цели русские... и что, содействуя одной из сторон в достижении поставленной ею цели, Россия должна работать в то же время для себя»[2].

Предугадывая закон экспансии, Дусинский подчеркивает важность геополитической экспансии и имперского масштаба для органичного и уравновешенного развития России. Он указывает, что «прекращение роста раньше времени было бы явлением болезненным и вместо ожидаемого в итоге развития красавца-богатыря дало бы миру просто очень большого урода»[3].

У Дусинского можно встретить и другие центральные темы континентальной геополитики — принцип «автаркии» (экономической самодостаточности, самодовления) и принцип «изменения границ».

Об автаркии Дусинский писал так: «При нашей промышленной отсталости и огромном внутреннем рынке (вспомним также, сколько разных предметов мы без всякой надобности ввозим из-за границы, имея их в изобилии у себя, подчас даже более высокого качества!) потребность во внешних рынках сбыта у нас не Бог весть как высока, да и эту потребность мы отлично можем удовлетворить вполне мирным путем, без всяких территориальных захватов»[4].

А об изменении границ в интересах Российской державы он заявлял следующее: «Наша внешняя политика, в общем, мирная и предпочитающая путь дипломатический, не может, тем не менее, увлекаться до самозабвения доктриною «status quo» и должна, в пределах необходимого, сознательно стремиться к желательному в интересах русской державы изменению политической карты как в Европе, так и в Азии»[5].

Со стратегической точки зрения Дусинский настаивал на том, что Россия должна обеспечить себе выход к океанам, чтобы отстоять право играть

---

[1] *Дусинский И.И.* Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910. Книга недавно переиздана с новым названием, данным редакторами: *Дусинский М.* Геополитика России (Пути имперского сознания). М., 2003.

[2] *Дусинский И.И.* Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. С. 32—22.

[3] Там же С. 36—37.

[4] Там же. С. 49.

[5] Там же. С. 50.

активную роль в мировой политике. Одним словом, правы те[1], кто сегодня причисляет И. Дусинского к забытым именам русских мыслителей, которые накануне революции 1917 года готовили возрождение континентального, имперского самосознания России и появление на свет русской геополитики и судьба которых окончилась трагически после узурпации идеологического дискурса большевиками.

Дело геополитиков: С.Л. Рудницкий и В.Э. Дэн

Когда советская власть начала репрессии против «буржуазных тенденций в советской науке», то вместе с репрессиями против В.П. Семенова-Тян-Шанского, энтузиаста развития Русского географического общества, занимавшего в то время должность директора Географического музея в Санкт-Петербурге, было заведено дело против группы других ученых, в чьих работах сотрудники НКВД обнаружили следы «геополитики» или, как тогда ее называли, «геттнерианства»[2]. В первую очередь под удар попал украинский географ, основатель украинской географической школы и, в частности, создатель Харьковского Украинского научно-исследовательского института географии и картографии академик Степан Львович Рудницкий[3] (1887—1937), который был признан «геополитиком» официально и работы которого действительно содержали прямые ссылки на «политическую географию» и «геополитику». При этом в случае С.Л. Рудницкого причиной преследований, скорее всего, послужило применение им геополитических и антропогеографических принципов в украинском националистическом ключе — он использовал определенные тезисы геополитиков для обоснования существования «незалежной Украіны»[4].

Далее НКВД расширило состав подозреваемых и сфабриковало дело агентурной разработки, получившее внутреннее название «дело геополитиков»[5]. Главным фигурантом в этом деле был Владимир Эдуардович Дэн (1867—1933), выдающийся русский экономист и географ немецкого происхождения, создатель «отраслево-статистической» научной школы в Санкт-Петербурге (Ленинграде). В.Э. Дэн на самом деле был прекрасно знаком с «политической географией» и «антропогеографией» Ф. Ратцеля и «геополитикой» Р. Челлена.

---

[1] Например, М.Б. Смолин, составитель нового издания текстов Дусинского. См.: *Дусинский М.* Геополитика России (Пути имперского сознания).

[2] Альфред Геттнер (1859—1941) — выдающийся немецкий географ, разрабатывавший теорию «хорологии», т. е. качественного земного пространства, в котором элементы ландшафта объединены причинно-следственными связями. См.: *Геттнер А.* География. Ее история сущность и методы. Л.—М., 1930.

[3] *Рудницький С.* Українська справа зі становища політичної географії. Берлін, 1923.

[4] Можно упомянуть ряд других украинских авторов националистической ориентации, которые использовали в своих работах отсылки к «политической географии», «антропогеографии» и «геополитике». Это: М. Грушевский, А. Синявский, Ю. Липа. См.: *Грушевський М.* На порозі нової України. К., 1991; *Липа Ю.* Призначення України. Нью-Йорк, 1953; *Синявський А.* УРСР та Близький Схід у світлі геополітики // *Синявський А.* Вибрані праці. К., 1993.

[5] *Чепарухин В.В.* Владимир Эдуардович Дэн — известный и неизвестный. [Электронный ресурс]. URL: ftp://ftp. unilib. neva.ru/dl/729.pdf (дата обращения 21.07.2010); *Анохин А.А.* В.Э. Дэн и современная экономическая география. [Электронный ресурс]. URL: http:// www. ecgeo.pu.ru/doc/DEN %20and %20modern %20social-economic %20geography. pdf (дата обращения 21.07.2010).

Р. Челлену он посвятил специальную статью (судя по всему, написанную в 1916 году) с обширным анализом его взглядов[1]. Наиболее же известны его труды по «экономической географии»[2], основоположником которой в русско-советской науке он и является.

Едва ли В.Э. Дэн на самом деле опирался на геополитический арсенал в своих работах, но основной его идеей, которую он раскрывал довольно последовательно, было то, что хозяйственные особенности региона связаны не только с историей, но и с их месторасположением: именно это привносило в марксистскую доктрину чуждый ей пространственный акцент. Можно предположить, чего боялись большевики в случае В.Э. Дэна и его последователей. Если продлить линию его «экономической географии» до логического конца, можно прийти к выводу о том, что темпы экономического развития разных регионов, стран и государств *существенно и качественно зависят от структуры их территорий*, включая ландшафт, протяженность речных путей сообщения, климат и т. д. Но это могло бы привести к выводу, что ландшафт и география России настолько отличны от ландшафта и географии Западной Европы, что говорить об общей и единой формуле смены исторических формаций не приходится. А это, в свою очередь, подорвало бы основной тезис ленинизма о том, что в России капитализм к началу XIX века был построен и ее можно было считать вполне европейской буржуазной страной, и, следовательно, она была готова для социалистической революции, как и все остальные европейские страны. Экономическая география В.Э. Дэна, в таком случае, могла бы оказаться важным идеологическим оружием и для критики сталинской идеи построения социализма в одной стране.

Конечно, социализм можно было построить в одной стране, и он был построен, но это был особый *русский социализм*, основанный на географических, антропогеографических и геополитических особенностях России как уникального пространства, отличного по своим основным параметрам от Европы. В этом случае пришлось бы либо пересматривать марксизм в национальном ключе (что и предлагали национал-большевики[3]), либо отбрасывать ленинизм и сталинизм как насилие над марксистской ортодоксией (что предлагали троцкисты).

И хотя ничто не позволяет предположить, что В.Э. Дэн хотя бы отдаленно мог иметь в виду нечто подобное, ревнители советской идеологии довольно проницательно распознали эту идеологическую возможность и жестко заклеймили «геополитику» как «буржуазную» и «фашистскую» науку.

Школа В.Э. Дэна была разгромлена, многие его ученики расстреляны (Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Юровский), пропали в лагерях (В.М. Штейн), были доведены до самоубийства (Г.А. Мебус)[4]. С тех пор вплоть до 1991 года сам термин «геополитика» в СССР не упоминался и обращение к этой научной дисциплине было невозможным. Так развитие геополитической мысли в СССР было искусственно пресечено на 60 лет по идеологическим соображениям.

---

[1] *Дэн В.Э.* Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // Известия русского географического общества. 1997. Т. 129. Вып. 1. С. 26–38; Там же. 1997. Т. 129. Вып. 2. С. 28–41.

[2] *Дэн В.Э.* Курс экономической географии. Л., 1928.

[3] *Дугин А.Г.* Русская вещь: В 2 т. М.: Арктогея-центр, 2000.

[4] *Чепарухин В.В.* Владимир Эдуардович Дэн — известный и неизвестный.

Д.А. Милютин и А.Е. Снесарев: от военной стратегии к геополитике

Прежде чем перейти к ядру русской геополитики — евразийству, представим краткий очерк стратегических идей некоторых русских военных деятелей, которые пришли к определенным геополитическим заключениям через исследования в области «*военной географии*».

О стратегическом положении России в мире в XIX веке стали всерьез систематически задумываться некоторые российские военные, осмысливавшие стратегическое положение России как положение «континентальной» державы. К ним принадлежал граф Д.А. Милютин[1] (1816—1912), крупнейший русской военачальник, отличившийся в Кавказской войне и руководивший, в частности, взятием аула Гуниб, в котором был захвачен Шамиль. Д.А. Милютин настаивал на расширении сферы исследования военной географии и на адаптации стратегических работ европейских исследователей к русской стратегической культуре и российским географическим условиям.

Еще ближе к геополитике и «политической географии» подошел другой русский военный, генерал-лейтенант А.Е. Снесарев) (1865—1937). После Октябрьского переворота 1917 года он перешел на сторону Советской власти, во время Гражданской войны в мае—июле 1918 года был руководителем Северо-Кавказского военного округа, в 1919—1921 годах — начальником Академии Генштаба. В 1930 году он был арестован и приговорен к расстрелу, но расстрел заменили отбыванием срока в лагерях.

А.Е. Снесарев систематизировал знания по «военной географии»[2] и, будучи великолепным знатоком Востока (в частности, Афганистана[3]), на практике понимал значение «Большой Игры», ведущейся Британской и Российской империями за влияние в Азии и на Кавказе. По свидетельствам некоторых исследователей, Снесарев был буквально одержим планом русского вторжения в Индию через Афганистан для нанесения сокрушительного удара по позициям Британских колоний. Это был план, которого больше всего боялись английские стратеги и геополитики. Решение русского царя поддержать Антанту и свернуть «Большую Игру» стало для Снесарева личной трагедией. Все, что он думал о русско-английском договоре, он внятно и резко изложил в книге «Англо-русское соглашение 1907 года»[4]. Эта антианглийская позиция стала причиной его опалы в царской армии.

Значение идей Снесарева чрезвычайно велико, т. к. даже его выбор политического лагеря в гражданской войне определялся «геополитическими» принципами. Он выбрал «красных», т. к. «белые» сохраняли верность Антанте, а Англию Снесарев справедливо считал «абсолютным врагом России». Показательно, что на фронтах гражданской войны по ту сторону баррикад в Украине, где Снесарев устанавливал «Советскую власть», в то же самое время находился Хэлфорд Маккиндер, пытавшийся осуществить прямо противоположное тому, к чему стремился Александр Снесарев.

---

[1] *Милютин Д.А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846.

[2] *Снесарев А.Е.* Военная география России. СПБ, 1910; *Он же*. Введение в военную географию. М.,1924;.

[3] *Снесарев А.Е.* Афганистан. М.: Русская панорама, 2002.

[4] *Снесарев А.Е.* Англо-русское соглашение 1907 г. СПб., 1908.

В своих работах Снесарев подробно рассматривает структуру границ России и основные направления возможной территориальной экспансии. В своем классическом труде «Военная география» он делает обзор российских территориальных приобретений, которые в цифрах дают очень любопытную картину постоянного пространственного роста. Снесарев пишет:

«Выразим теперь в цифрах ряд приобретений, о которых приведена краткая историческая справка. При Иоанне III территория России заключала в себе 37 тыс. кв. миль (95 829 кв. км.), т. е. была немногим больше Австрии, но меньше Германии, Турции и т. д.

Затем:

Царем приобретено	тыс. кв. миль	кв. км.
Василием III	10	25 899
Иоанном IV	77	199 429
Феодором I	32	82 879
Михаилом	93	249 869
Алексеем	7	18 129
Феодором II	8	20 719
Петром I	10	25 899
Анной	16	41 439
Елизаветой	4	10 359
Екатериной II	11	28 489
Павлом I	25	64 749
Александром I	9	23 309
Николаем I	40	103 599
Александром II	13	3 669
Александром III	4	10 359
ИТОГО:	359	929 805

Мы видим, что за 400 лет Россия увеличилась в 10 раз. Приведенный исторический очерк показывает, что на западе наши завоевания велись за счет наших культурных соседей — Швеции и Польши, имевших длинную историю, в свое время равных нам по могуществу и даже превосходивших нас просвещением. Естественно, что наш успех должен был сказаться как у шведов, так особенно у поляков чувством обиды, зависти и злобы. В случае будущей войны на северо-западном и западном фронтах старая вражда может проявиться в тех или иных формах, для нас не выгодных, и это обстоятельство должно быть учтено известным образом в случае войны на указанных фронтах.

На юге мы выросли за счет Турции и Персии, двух мусульманских стран, уступающим нам и в культуре, и в военном могуществе; здесь, поэтому, мы вправе ожидать вражду, значительно смягченную сознанием слабости той и другой страны перед нами.

Наконец, в Азии мы наткнулись или на полудикие племена, или на народы с очень неустойчивой государственностью. Наше завоевание азиатов явилось для них простой заменой прежней жестокой власти, а в иных случаях и безначалия, новой гуманной и более просвещенной. В результа-

те, азиатские народы охотно вступили в состав России и искренно к нам расположены»[1].

По сути, эти практические наблюдения А.Е. Снесарева демонстрируют действия геополитического закона территориальной экспансии применительно к России.

А.Е. Вандам: континентальная аналитика «Большой Игры»

Еще одной яркой фигурой русской до-геополитики, предугадавшей основы континентальной стратегии для России, был представитель русской разведки Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) (1867—1933), тексты которого собраны и обработаны относительно недавно в книге с не слишком удачным названием «Геополитика и геостратегия»[2], т. к. сам автор ни понятия «геополитика», ни понятия «геостратегия» не использовал. Но, скорее всего, Вандам был знаком со многими английскими источниками, а, возможно, и с базовой статьей Х. Маккиндера.

Основная идея всех произведений Вандама заключалась в том, что главным и абсолютным противником России является Британская империя, что именно она стоит за всеми политическими, дипломатическими и военными процессами, которые ведут к ослаблению России. Вандам столкнулся с англичанами в Китае, где занимался разведывательной деятельностью. В 1899 году он принял участие в англо-бурской войне на стороне буров, после чего сменил фамилию на «Вандам» по имени одного из бурских генералов, отличившихся в битвах против англичан.

Решение Николая II о союзе с Англией против Германии стало для Вандама ударом, жестким и неожиданным, таким же, как и для А. Снесарева. Вандам открыто критиковал этот выбор и считал его самоубийственным для России (что позднее так и оказалось).

Вандам в духе «политической географии» Ф. Ратцеля писал о естественном для народа движении к расширению и считал, что в русской стратегии главными векторами экспансии должны быть юг и восток. На юге надо закрепить позиции России на Кавказе и в Афганистане, а Тихоокеанский регион Вандам считал судьбой России и возможностью через его освоение вступить в глобальную конкуренцию с англосаксонским миром. Как Англия построила свое мировое могущество на Атлантике, так и Россия должна сделать то же самое на основе тихоокеанского бассейна. Вандаму принадлежит один из лучших очерков освоения русскими Аляски и западных территорий Северо-Американского континента[3].

В своей важной работе 1913 года «Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии)»[4] Вандам прямо формулирует то, что можно назвать «континентальной позицией».

«Об этой «титанической борьбе между Русскими и англосаксами, долженствующей начаться после падения Германии и наполнить собою двад-

---

[1] *Снесарев А.Е.* Военная география России. С. 28—29.

[2] *Вандам (Едрихин) А.Е.* Геополитика и геостратегия. Жуковский; М.: Кучково поле, 2002.

[3] *Вандам А.Е.* Наше положение // Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. С. 19.

[4] Там же

цатое столетие», уже много лет назад (...) начали вещать англосаксонскому миру даровитейшие ученые и глубочайшие мыслители, указывающие как на «знамение свыше» на постепенное перемещение *центра борьбы* между Океанской Империей и Континентом. Находившийся сначала на берегу Атлантического океана, в Мадриде, центр этот с падением Испании передвинулся в Париж. С поражением Франции он из Парижа перешел в Берлин, а из Берлина, по мнению наших сегодняшних друзей, направится к Москве...

Само собою понятно, что совершающееся таким образом, точно по какому-то космическому закону, отступательное движение сухопутных народов с запада на восток никогда не было и не могло быть написано заранее ни в какой «Книге Судеб».

Своими неизменными успехами над материком даровитые островитяне обязаны не каким-либо борющимся за них таинственным силам, а исключительно самим себе, т. е. своим большим и точным знаниям, определенной постановке целей и планомерному стремлению к последним. Превосходя во всем этом континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и сильные опытом мастера обращаются со своими знакомыми лишь с одной рутиной подчиненными»[1].

Эти заключительные слова следовало бы сделать эпиграфом для русского учебника «Геополитики». Вандам совершенно точно описал основные процессы в области геополитических знаний. Англосаксонский мир действует в глобальных вопросах последовательно, уверенно, четко, рассчитывая каждый шаг и отлаживая свою стратегию, ни сколько не сомневаясь в ее оправданности. Россия (да и другие континентальные народы), в свою очередь, на всем протяжении ее истории постоянно мечется от правильного решения к неправильному, действует интуитивно, сумбурно и бессистемно, постоянно попадаясь в ловушки западной (англосаксонской) дипломатии. Как вершина западной стратегической мысли была разработана англосаксонская геополитика. И к ней прислушивались высшие представители политической элиты, сообразуя с геополитическими рекомендациями свои решения. В России голос трезво мыслящих стратегов не достигал ушей ни власти, ни общества, и поэтому ее политический курс — при огромном потенциале великой страны — постоянно и хаотично менялся.

Это заключение Вандама полностью применимо к тому, что произойдет через 4 года после опубликования этого текста — в 1917 году Российская империя рухнет. Но не менее точно эти слова применимы и к следующему катастрофическому эпизоду русской истории — к распаду СССР в 1991 году.

От своих континентальных убеждений Вандам не отказался и в период «гражданской войны». Он оказался редчайшим представителем антибольшевистских сил, которые предпочли быть вместе не с Антантой, но с немцами. В октябре–ноябре 1918 года Вандам выполнял функции командира Отдельного Псковского добровольческого корпуса. В тот период в Пскове печатали особые деньги, которые назывались «вандамками». После поражения Германии в Первой мировой войне Вандам сложил с себя обязанности командира корпуса.

В июне 1919 года он был назначен начальником штаба «белой» Северо-Западной армии. Участвовал в неудачном наступлении на Петроград в октяб-

[1] *Вандам А.Е.* Наше положение. С. 183–184.

ре 1919 года. 25 ноября 1919 года приказом нового командующего Северо-Западной армией генерала П. В. Глазенапа Вандам был уволен с должности начальника штаба армии. До конца жизни — в 1933 году — Вандам прожил в эмиграции в Эстонии, был членом РОВС.

По одной из непроверенных версий, он сотрудничал с советской военной разведкой (чего заведомо нельзя исключить, учитывая германофилию самого Вандама и большевиков).

Евразийство: рождение школы

Наиболее успешную попытку построения стройной системы геополитических воззрений проделали, находясь в белой эмиграции в Европе, представители группы, вошедшей в историю под названием «евразийцев».

Основателями евразийства были: филолог и лингвист мирового масштаба, основатель (совместно с Р.О. Якобсоном) Пражского лингвистического кружка князь Н.С. Трубецкой (1890—1938); географ и экономист П.Н. Савицкий (1895—1965); музыковед, литературный и музыкальный критик П.П. Сувчинский (1892—1985); историк культуры, богослов и патролог, позднее отошедший от евразийства, Г.В. Флоровский (1893—1979); крупнейший русский историк Г.В. Вернадский (1877—1973); правовед, политолог и историк общественной мысли Н.Н. Алексеев (1879—1964); историк культуры, литературовед и богослов В.Н. Ильин (1891—1974). Первоначально к евразийству примыкали также историк культуры, филолог и литературовед П.М. Бицилли (1879—1953), публицист кн. Д.П. Святополк-Мирский (1890—1939), историк Эренжен Хара-Даван (1883—1942), а также многие другие деятели русской эмиграции, которые в тот или иной период находились под влиянием евразийских идей и сотрудничали с евразийским движением. По своим взглядам был близок к евразийству великий князь Владимир Кириллович Романов.

Евразийское движение началось с выпуска книги «Европа и человечество»[1] Николаем Трубецким, на основные тезисы которой откликнулся Петр Савицкий. Из дружбы и сотрудничества двух авторов постепенно сложилось довольно мощное движение в белой эммиграции — на выступлениях евразийцев в европейских столицах собиралось до 5000 человек, преимущественно из числа эмигрантской молодежи. Евразийцы выпустили ряд манифестов, в которых отразили свои взгляды. Первым был манифест «Предчувствия и свершения»[2] (1921). В 1926 году был опубликован текст «Евразийство (опыт систематического изложения)»[3], а в 1927 году евразийцы предложили обновленную формулировку своих идей, выпустив брошюру с названием «Евразийство (формулировка 1927)»[4]. Принципы евразийства как мировоззрения изложил в своей программной статье «Мы и другие»[5] Н.С. Трубецкой в

[1] *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.

[2] Предчувствия и свершения // Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002. С. 103—106.

[3] Евразийство (опыт систематического изложения) // Основы евразийства. С. 106—165.

[4] Евразийство (формулировка 1927) // Основы евразийства. С. 166—179.

[5] *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Основы евразийства. С. 180—194.

1925 году, а затем П.Н. Савицкий в статьях «Евразийство»[1] (1925) и «Евразийство как исторический замысел»[2] (1933).

Евразийцы опубликовали ряд сборников: «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922) «Евразийские временники» (Берлин, 1923, 1925; Париж, 1927) и т. д., в которых подробно изложили свои философско-исторические, политические, социально-экономические и религиозно-культурные взгляды.

Евразийство представляет собой направление, которое суммировало и систематизировало в своем мировоззрении основные философские, социологические и исторические взгляды «ранних» и «поздних» славянофилов, а также пошло дальше них в отторжении Запада и утверждении самобытного характера русской цивилизации (в этом они были ближе к Леонтьеву и Данилевскому, нежели к Киреевскому и Хомякову). Евразийцы утверждали, что Россия не является частью европейской культуры, пусть даже самобытной, но представляет собой самостоятельную цивилизацию, «государство-мир». Эту цивилизацию они назвали «евразийской» и, чтобы подчеркнуть эту особенность, ввели термин «*Россия-Евразия*» как социологическую и геополитическую категорию. Эта цивилизация, согласно евразийцам, состоит из элементов западной и восточной культур, объединенных в единый уникальный синтез, представляющий собой нечто совершенно новое — ни Европу, ни Азию, но и не простую комбинацию того и другого. Россия-Евразия — цивилизация полностью самостоятельная и уникальная, которую надо рассматривать саму по себе — как нечто отличное и от Запада, и от Востока. При этом евразийцы подчеркивали, что Запад агрессивен, а Восток терпелив и созерцателен, поэтому влияние Запада активно искажает самобытную русскую культуру, а влияние Востока осуществляется мягче и деликатнее. Поэтому евразийцы с симпатией относились к Азии и жестко отвергали все типы западничества и идеологические субпродукты западной культуры — либерализм, индивидуализм, расизм, экономизм, материализм, атеизм, техноцентризм и т. п.

При этом евразийцы подчеркивали, что *Россия-Евразия* не должна пониматься просто как страна. Множество этносов и культур, населяющих ее территорию, образуют сложный узор, каждый элемент которого — славянский, тюркский, кавказский, монгольский, палеоазиатский и т. д. — должен найти достойное место в процессе, который Трубецкой называл «общеевразийским национализмом»[3]. Россия-Евразия есть *государство-мир*, и она должна строиться по особым выкройкам, не похожим ни на европейские, ни на азиатские образцы.

Н.С. Трубецкой: Европа и человечество

Евразийское мировоззрение, сформулированное Н.С. Трубецким, является:

— *плюральным* (признающим множественность культур);

— *антирасистским и антиколониальным* (отвергающим претензии какой-то одной цивилизации на превосходство);

---

[1] *Савицкий П.Н.* Евразийство // Основы евразийства. С. 266—280.

[2] *Савицкий П.Н.* Евразийство как исторический замысел // Основы евразийства. С. 281—294.

[3] *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Основы евразийства. С. 200—207.

— *антизападным* (т. к. претензии на универсальность на практике в наше время исходят именно от романо-германского мира);
— *консервативным* (признающим вечные смыслы, заложенные в глубинах народной культуры, в языке, этносе, традиции и т. д.);
— *имперским* (считавшим, что этносы Евразии могут развивать свою идентичность только в составе мощного стратегически интегрированного образования «государства-мира» или « Евразийской Империи»);
— *русофильским* (настаивающим на сохранении, укреплении и возрождении самобытности и традиций русского народа);
— *революционным* (требующим отказа от предшествующих идеологий, преобладавших в России: как западнических и импортированных — либерализма, социализма, марксизма, так и собственно российских — царизма, реакции, сословной монархии и т. д.).

П.Н. Савицкий: континент Евразия

Если Н.С. Трубецкой сформулировал основные философские принципы евразийства, опираясь на интуиции структурной лингвистики и филологии, то его единомышленник, сподвижник и друг П.Н. Савицкий был профессиональным *географом* и рассматривал евразийство, в первую очередь, с точки зрения пространства.

Очень важно подчеркнуть профессиональные интересы двух основателей евразийства. Структурная лингвистика Н.С. Трубецкого строится вокруг идеи *неизменности языка* как той глубинной инстанции, которая предопределяет смысл высказываний, оставаясь, в целом, не зависящей от этих высказываний, постоянной, «вечной». Структурная лингвистика отрицает исключительность последовательного, синтагматического анализа речи, развернутого во временной или логической последовательности. В сфере структурной лингвистики акцент падает именно на неподвижное и неизменное, что берется как своего рода методологическая антитеза «времени». Логично предположить, что образом антитезы времени является «пространство»: во времени события развертываются последовательно, пространство же одновременно, синхронично во всех его частях. Поэтому парадигма структурной лингвистики тяготеет к пространственному, синхроническому выражению.

Профессиональный географ П.Н. Савицкий имел дело именно с пространством. Но он воспринимал пространство в духе «антропогеографии» и геополитики: пространство, которым он занимался, является качественным, наполненным *смыслами*. Здесь происходит глубинная смычка филолога с географом. Трубецкой, будучи структуралистом, сосредоточен на неизменной парадигме, дающей смысл и тяготеющей к *пространственной* формализации (как антитезе синтагме и времени); Савицкий, будучи географом, ищет в пространстве смыслы. Оба — горячие русские патриоты, преданные своему народу, своей стране и своей культуре, но волею судеб оказавшиеся в эмиграции, вдали от Родины, в обществе и цивилизации, которая была им глубоко чужда и в которой они видели истоки многих бед России.

Именно из подобного личного, научного, политического, идейного и исторического опыта рождается *евразийство* — уникальная политическая философия, занимающая особое место в истории политических идей русского общества.

Россия как «срединная империя»

П.Н. Савицкого можно считать первым полноценным русским геополитиком, т. к. структура его работ и мышления органично соответствует именно геополитическому пониманию мировых процессов. Весьма показательно, что П.Н. Савицкий признал себя именно «евразийцем», т. е. осознанно принял геополитическую идентичность «цивилизации Суши», которую Х. Маккиндер противопоставил «цивилизации Моря». Евразийство в своем принципе основано на геополитическом видении мира и в полной мере признает его дуализм. Англосаксонский мир (евразийцы называли его несколько старомодно «романо-германским», вслед за Данилевским) осмысливался ими как угроза, враг и конкурент, а его претензии на универсальность — как вызов. Русскую же цивилизацию они мыслили не только в рамках российской государственности, но собственно геополитически, как мировое пространство, диктующее на уровне стратегии, культуры, социальности разворачивающиеся в нем исторические события. Евразийство — мировоззрение геополитическое. Более того, любая последовательная геополитическая теория, разработанная в России и от имени России, с признанием геополитической идентичности России, может быть только и исключительно евразийской. Любые попытки предложить для России какую-то другую геополитику, кроме евразийской, рано или поздно провалятся, обнаружат свою несостоятельность. Геополитически Россия есть Евразия, Heartland, Суша и «цивилизация Суши». И против нее выстроена вся структура атлантистской геополитики, *геополитики-1*. Но именно это и утверждали открыто и обоснованно русские евразийцы, создавшие идейную, теоретическую и научную базу для русской геополитики и геостратегии. И основная роль в этом принадлежала именно Петру Николаевичу Савицкому, отцу-основателю русской геополитики.

Тексты Савицкого, прямо посвященные геополитике, немногочисленны, но достаточны для того, чтобы служить основой для дальнейшего развития этой науки.

Основная идея Савицкого заключается в том, что Россия представляет собой особое цивилизационное образование, определяемое через качество «срединности». Одна из его статей «Географические и геополитические основы евразийства» (1933) начинается такими словами: «Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «Срединным Государством»[1].

Если «срединность» Германии ограничивается европейским контекстом, а сама Европа есть лишь «*западный мыс*» Евразии, то Россия занимает центральную позицию в рамках всего континента. «Срединность» России для Савицкого является основой ее исторической идентичности. Она не часть Европы и не продолжение Азии. Она — самобытный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, Россия-Евразия.

«Евразия» в таком контексте означает не материк и не континент, но *идею,* отраженную в русском пространстве и русской культуре, историческую парадигму, особую цивилизацию. С русского полюса Савицкий выдвигает концепцию, строго тождественную геополитической картине Маккин-

---

[1] *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. С. 297.

дера. При этом абстрактные «разбойники суши» или «центростремительные импульсы, исходящие из географической оси истории», приобретают у него четко выделенный абрис русской культуры, русской истории, русской государственности, русской территории.

Если Маккиндер считает, что из пустынь Heartland'а исходит механический толчок, заставляющий береговые зоны («внутренний полумесяц») творить культуру и историю, то Савицкий утверждает, что Россия-Евразия (=Heartland Маккиндера) и есть синтез мировой культуры и мировой истории, развернутый в пространстве и времени. При этом природа России, ее ландшафт соучаствуют в ее культуре.

Россию Савицкий понимает геополитически, не как национальное государство, но как особый тип цивилизации, сложившейся на основе нескольких составляющих славянской культуры, тюркского кочевничества, православной традиции. Все вместе складывается в некое уникальное «срединное» образование.

Знакомство с системой взглядов Маккиндера Савицкий обнаруживает в статье «Континент-океан»[1] 1921 года, посвященной экономическим аспектам России, в которой он оперирует с понятиями «морской» и «континентальный», применительно к развитию экономики России. В ней он противопоставляет «морскую» и «континентальную» ориентацию, жестко настаивает на том, что «не в обезьяньем копировании «океанической» политики других, во многом к России неприложимой, но в осознании «континентальности» и в приспособлении к ней — экономическое будущее России»[2].

Туран как концепт

Отвержение западноевропейского полюса, «цивилизации Моря» заставляет евразийцев пересмотреть привычные принципы русской исторической науки XVIII—XIX веков, находившейся под полным влиянием Европы: негативное отношение к Азии, азиатской культуре и в том числе к периоду монгольских завоеваний. Уже Н.С. Трубецкой под псевдонимом «И.Р.» пишет программную работу «Наследие Чингисхана»[3], где переосмысливает роль монголов в русской истории и период существования Руси под властью Золотой орды.

Эту тему подхватывает П.Н. Савицкий, который утверждает, что благодаря Золотой орде Россия обрела геополитическую самостоятельность и сохранила свою духовную независимость от агрессивного романо-германского мира. Так, постепенно, евразийцы приходят к реабилитации «Турана» как особого цивилизационного и геополитического концепта.

«*Без татарщины не было бы России».* Этот тезис из статьи Савицкого «Степь и оседлость»[4] стал важным элементом евразийской доктрины. Отсюда прямой переход к чисто геополитическому утверждению: «Скажем прямо: на пространстве всемирной истории западноевропейскому ощущению

---

[1] *Савицкий П.Н.* Континент-Океан // Основы евразийства. С. 305—323.

[2] Там же. С. 323.

[3] *И.Р. (Н.С. Трубецкой).* Наследие Чингис-хана. Берлин, 1925. См. также: *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.:Аграф, 2000. С. 223—292.

[4] *Савицкий П.Н.* Степь и Оседлость / На Путях: Утверждение евразийцев. Берлин, 1922. С. 341—356.

моря как равноправное, хотя и полярное, противостоит единственно монгольское ощущение континента; между тем в русских «землепроходцах», в размахе русских завоеваний и освоений тот же дух, то же ощущение континента»[1].

И далее: «Россия наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии. (...) В ней сочетаются одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия»[2].

Фундаментальную двойственность русского ландшафта, ее деление на Лес и Степь заметили еще славянофилы. У Савицкого геополитический смысл России-Евразии выступает как *синтез* этих двух реальностей — европейского Леса и азиатской Степи (подробнее эта тема развита в трудах другого евразийца и геополитика — Г.В. Вернадского). При этом такой синтез не есть простое наложение двух геополитических систем друг на друга, но нечто цельное, оригинальное, обладающее своей собственной мерой, смысловой и ценностной системой.

«Туран» мыслился как «другое», «враждебное» всей Средиземноморской цивилизации. Греки считали эти территории, Великую Скифию, зоной, населенной варварами и дикарями. Иранцы построили на дуализме Иран/Туран модель сакральной географии, где «демонизация» Турана и его населения была важным полюсом[3]. В сакральной географии Библии зона Евразии считается областью правления эсхатологических персонажей «орд Гога и Магога» (Рош, Мешех и Фувал)[4]. Зоны, расположенные к северу от Великой Китайской стены, считались «населенными демонами» и в китайской культуре. Таким образом, взгляд на Туран из области «береговой зоны» (Rimland) традиционно был строго негативным. Евразийцы предлагали пересмотреть это отношение и принять «туранскую» идентичность как вектор геополитической судьбы.

Это точно совпадает с базовой моделью Х. Маккиндера, который считал основой «цивилизации Суши» именно зону кочевых пространств внутри континента как источник основных «сухопутных» энергий.

«Месторазвитие»

В теории П.Н. Савицкого важнейшую роль играет концепция «*месторазвития»*.

В этом понятии сказывается «органицизм» евразийцев, точно соответствующий немецкой «органицистской» школе и резко контрастирующий с прагматизмом англосаксонских геополитиков. В тексте «Географический обзор России-Евразии» Савицкий настаивает: «Социально-политическая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт»[5].

---

[1] *Савицкий П.Н.* Степь и Оседлость. С. 341 — 356.

[2] Там же.

[3] Эта тема ярко отражена в знаменитой эпической поэме Фирдоуси «Шах-наме». См.: *Фирдоуси А.* Шах-наме. М.: Художественная литература, 1972.

[4] Иезикииль 38:1 — 3.

[5] *Савицкий П.Н.* Географический обзор России-Евразии / *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.:Аграф, 1997.

Это и есть сущность «месторазвития», в котором *объективное и субъективное сливаются в неразрывное единство*, в нечто целое. Это концептуальный синтез. В том же тексте Савицкий продолжает: «Необходим синтез. Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию»[1].

Это и есть самое точное и глубокое определение «*качественного пространства*», где предметы объективного мира неразрывно объединяются с культурными смыслами, составляя некое единое целое. Отталкиваясь от концепта «месторазвития», можно двигаться как в сторону семантики, философии, лингвистики (язык, парадигма), культурологии, социологии и политологии, так и в сторону физической географии, климатологии, изучения ландшафта. А. Геттнер в своих «хорологических» исследованиях[2] нащупывал именно это направление, которое со всей силой и ясностью дало о себе знать у П.Н. Савицкого в его евразийских работах.

«Месторазвитие» — фундаментальная евразийская идея, не получившая, к сожалению, должного осмысления. Она представляет собой важнейший эвристический инструмент для разрешения ряда философских проблем — отношения субъекта к объекту, пространства ко времени, культуры к природе. Основная философская топика западноевропейской культуры устроена таким образом, что всегда постулирует крайние параметры — «это» и «другое», «человек» и «мир», «Бог» и «творение», «внутреннее» и «внешнее» и т. д., т. е. начинает с выявления и конституирования крайностей. При таком подходе человек (как субъект) всегда оказывается противостоящим среде (как объекту); время течет отдельно и независимо от пространства и т. д. В концепте «месторазвития» Савицкий нащупал уникальный философский путь обойти эту неснимаемую двойственность и поставить акцент на *промежуточной инстанции* — на том, что находится *между: между* культурой и природой, человеком и окружающей средой, пространством и временем, и не как продукт комбинации элементов того и другого, но как нечто первичное, самостоятельное и автономное. «Географический индивидуум» Савицкого — это ландшафт, выражающий себя через личность, пространство, несущее в себе события (т. е. историю, время), природа, проявляющая себя через культуру. Поиском этой промежуточной инстанции занимались величайшие умы XX века, осознавшие тупик западноевропейской дуалистической рациональности — М. Хайдеггер[3] («Dasein»), К.Г. Юнг[4] («коллективное бессознательное»), Ж. Дюран[5] («имажинэр»), К. Леви-Стросс[6] («структура») и т. д.

«Месторазвитие» следует поместить в разряд именно таких революционных понятий, как Dasein, «коллективное бессознательное», «структура»,

---

[1] *Савицкий П.Н.* Географический обзор России-Евразии.

[2] *Hettner A.* Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927.

[3] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.:Академический проект, 2010; *Он же.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.:Академический проект, 2010.

[4] *Юнг К.-Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

[5] *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.

[6] *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

«имажинэр» и т. п., заставляющих радикально иначе взглянуть на мир, человека, природу, личность, пространство и время. Тогда весь заложенный в нем смысловой потенциал — экзистенциальный, психологический, культурологический — развернется с полной силой. Увы, такой работы никем не проделано, и чрезвычайно плодотворная идея Савицкого осталась на уровне интуиции, зафиксированной в самом общем приближении.

Тем не менее на принципе «месторазвития» Савицкий строит евразийскую теорию, которая фундаментализирует идею Трубецкого о множественности культур и цивилизаций. Каждая культура есть продукт особого «месторазвития», и поэтому ее надо интерпретировать, отталкиваясь от ее собственной структуры, от общего постижения «географического индивидуума», без чего мы упустим в ней главное. «Месторазвитие», таким образом, выступает как семантическая матрица, как парадигма, как географически понятый и пространственно и исторически локализованный язык.

На основании этой концепции Савицкий утверждает, что «Россия-Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум», одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т. п. «ландшафт»[1]. При этом Россия-Евразия является интегрирующей формой существования для многих других, более локальных, «месторазвитий».

Через понятие «месторазвитие» евразийцы уходили от позитивистской необходимости аналитически расщеплять исторические феномены, раскладывая их на механические системы применительно не только к природным, но и к культурным явлениям. Апелляция к «месторазвитию», к «географическому индивидууму» позволяла избежать слишком конкретных рецептов относительно национальных, расовых, религиозных, культурных, языковых, идеологических проблем. Интуитивно ощущаемое всеми жителями «географической оси истории» геополитическое единство обретало тем самым новый *синтетический язык*, не сводимый к неадекватным, фрагментарным, аналитическим концепциям западного рационализма.

В этом также проявилась преемственность П.Н. Савицкого славянофильской интеллектуальной традиции *холизма*, всегда тяготевшей к осмыслению «цельности», «всего» (А.С. Хомяков), «соборности» (И.В. Кириевский), «всеединства» (В. Соловьев) [2] и т. д.

К.А. Чхеидзе: центр-периферия

Параллельно П.Н. Савицкому о геополитике и ее методах заговорил другой активный участник евразийского движения, офицер Дикой дивизии Константин Александрович Чхеидзе (1897—1974). Чхеидзе пишет отдельный программный текст, посвященный геополитике: «Из области русской геополитики»[3], где пытается сформулировать основные принципы этой дисциплины применительно к историческим условиям России. Чхеидзе дает определение геополитике как дисциплине, которая имеет дело с исключи-

---

[1] *Савицкий П.Н.* Географический обзор России-Евразии // Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

[2] *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер: возможность русской философии.

[3] *Чхеидзе К.А.* Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII, Издание евразийцев, 1931.

тельно конкретным материалом и занимается вопросами развития государственных образований в связи с естественными, природными условиями их местонахождения. Согласно Чхеидзе, геополитика есть учение о жизни государственных образований в связи с их месторазвитием. Здесь мы видим стремление сочетать идеи Ф. Ратцеля, Р. Челлена и К. Хаусхофера с интуициями П.Н. Савицкого.

Как все классические геополитики, Чхеидзе пытается осмыслить связь истории с территорией, времени с пространством и приоритет отдает пространству и территории, которые несут в самих себе «события» как свое внутреннее содержание, открывающееся только в определенный момент истории.

В этой же работе К.А. Чхеидзе говорит о преобладании в геополитике России двух тенденций по одной и той же оси — «центр» – «периферия». В одну сторону идет центростремительная тенденция (русификация), в другую сторону — то, что он называет «окраинизацией», т. е. ослаблением централистского начала регионализмом вплоть до сецессии, автономизации и сепаратизма. Задача евразийской власти, по Чхеидзе, — уравновесить эти тенденции, найти пропорцию, при которой стратегическое единство не будет конфликтовать концептуально со стремлением к утверждению окраинных идентичностей. Надо заметить, что геополитическая проблема, поставленная Чхеидзе, до сих пор остается наиболее актуальной применительно к внутренней геополитике современной России: это поиск формулы, гармонично сочетающей русификацию и окраинизацию, т. е. централизм и евразийское разнообразие этнических идентичностей. Показательно, что сам Чхеидзе, будучи этническим грузином и сторонником русской Империи, в своей личности воплощает оба начала, верность геополитическому единству и этническое своеобразие. Все это делает его политическое и интеллектуальное наследие тем более актуальным именно сегодня.

В тексте «Лига Наций и государства-материки»[1] К.А. Чхеидзе рассматривает другую фундаментальную проблему геополитики, которую он формулирует как «*государство-материк*». Государство-материк рождается, по Чхеидзе, через сложный цивилизационный процесс, в котором складывается духовное и материальное единство, которое он определяет как «*общность судьбы*». Об общности судьбы славянских и тюркских народов в свое время, задолго до появления евразийства, говорил видный деятель татарского просвещения Исмаил Гаспринский[2] (1851 – 1914).

«Государство-материк» есть цивилизация, осознанная не только культурно, но и *политически, социально, стратегически*. Чхеидзе, в духе Хаусхофера, выделяет пять формирующихся на наших глазах государств-материков, соответствующих пан-проектам:

— пан-европейский;
— пан-американский;
— пан-азиатский;
— пан-исламистский;
— пан-евразийский миры.

---

[1] *Чхеидзе К.А.* Лига Наций и государства-материки // Евразийская хроника. 1927. Выпуск VIII. Париж.

[2] *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания. Бахчисарай, 1896.

Геополитические идеи К.А. Чхеидзе полностью гармонируют с евразийским и континенталистским геополитическим подходом и в этом смысле актуальны вплоть до сегодняшнего дня, занимая важное место в неоевразийском синтезе.

Г.В. Вернадский: евразийская парадигма русской истории

Среди участников евразийского движения особо выделяется крупнейший русский историк XX века, сын академика В.И. Вернадского (1863—1945) Г.В. Вернадский. Он эмигрировал из России в 1920 году. Оказался в Праге, потом в США. Стал профессором Йельского университета, читал курсы лекций в Гарвардском, Колумбийском, Чикагском университетах.

Г.В. Вернадский полностью принял евразийское мировоззрение и посвятил жизнь переосмыслению русской истории в евразийском ключе, результатом чего стал монументальный труд «История России» в 5 томах[1]. История России анализируется Вернадским через представление о России как о самостоятельной евразийской цивилизации, как о «цивилизации Суши», движущейся к своему пространственному и историческому апофеозу, состоящему в интеграции территорий Heartland'а. В своих работах Вернадский основывается на геополитике и антропогеографии, но уже переосмысленных в сугубо русском, евразийском духе, что делает его труды уникальными.

Основные идеи своего туда Вернадский высказал в ранней работе, которая может считаться кратким курсом всех его исторических представлений. Она носит название «Начертание русской истории»[2] и является обобщенной схемой геополитической интерпретации русской истории.

Книга начинается с вполне евразийского определения России-Евразии. «Под названием Евразии здесь имеется в виду не совокупность Европы и Азии, а именно Срединный Материк как особый географический и исторический мир. Этот мир должен быть отделяем как от Европы, так и от Азии. Географически этот мир может быть определен как система великих низменностей-равнин (беломорско-кавказской, западносибирской и туркестанской)»[3].

«Срединный Материк» — это *месторазвитие*, особый концепт, с которым оперирует евразийская мысль. Он и является субъектом истории, действуя через культуру (народ, государство, общество) и через природу (географический ландшафт, климат, почвы) в уникальном и неразрывном единстве.

Русскую историю Вернадский видит как сложный диалектический диалог двух частей «Срединного Материка» — *Леса* и *Степи*. В древности восточные славяне, селившиеся вдоль рек северной Лесной зоны Среднерусской возвышенности, были периферией кочевых империй Степи. Можно сказать, что тогда преобладала Степь.

Создание Киевской государственности означало обретение Лесом самостоятельности и политическую организацию пространства Леса в автономную систему. При этом некоторые эпизоды древней истории Руси показывают, что и первые князья, объединив Лес, стали предпринимать походы на Степь с целью распространения на нее своего влияния. Таковы походы кня-

---

[1] *Вернадский Г.В.* История России: В 5 т. Москва; Тверь: Аграф; Леан, 2004.

[2] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

[3] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории.

зя Олега Киевского и особенно Святослава, разгромившего Хазарский каганат и установившего власть над обширными прикаспийскими территориями и частью Северного Кавказа. Новые волны степных кочевников (половцев) отбросили русских назад в зоны Леса.

Монгольские завоевания означали триумф Степи, которая интегрировала в себя Лес. В улусе Джучиевом (Золотой орде) постепенно наметился синтез между Степью (монголы, тюрки) и Лесом (славяне, финно-угры).

В Московском царстве в XV веке Лес снова освобождается, интегрируется и постепенно начинает устанавливать свой контроль над Степью в пространстве бывшей Золотой орды. С этого периода происходит синтез Леса и Степи, и Московское Царство, а позже Российская Империя наследуют и укрепляют синтез Леса и Степи, основывая особую цивилизацию, завершая то, что было предначертано в самой географии Евразии — ее континентальный масштаб «от моря до моря» (В.П. Семенов-Тян-Шанский).

Согласно Вернадскому, СССР с геополитической точки зрения является прямым наследником Российской Империи и очередной ступенью евразийской цивилизации (месторазвития) или «цивилизации Суши» к исполнению континентальной миссии.

Так между всеми этапами русской истории устанавливается смысловая и геополитическая преемственность, являющаяся выражением пространственной миссии той инстанции, которую Савицкий назвал «географическим индивидуумом». Все поколения русских людей и других народов, входящих в обширную зону евразийской цивилизации, оказываются носителями «общей судьбы», состоящей в интеграции *России-Евразии* как *государства-мира*.

Лев Гумилев: этногенез и ландшафт

В полном согласии с евразийством были выстроены теории выдающегося русского историка Льва Гумилева (1912—1992), жившего в СССР в очень сложных условиях: он неоднократно подвергался репрессиям, а свои самобытные евразийские идеи, слабо соответствовавшие официальной советской идеологии, был вынужден развивать и распространять почти «подпольно».

На Гумилева евразийство оказало решающее мировоззренческие воздействие, и в течение всей жизни он сохранял ему верность: в своих последних интервью и текстах он открыто называл себя «последним евразийцем»[1].

Идеи Л.Н. Гумилева чрезвычайно разнообразны и широко известны, поэтому подробно останавливаться на них мы не будем. Важно лишь отметить, что в основе его представлений об «этногенезе» лежит сугубо евразийская концепция «месторазвития», предполагающая существование «*географической личности*» (Савицкий). Сам Гумилев этот термин не использовал, но говорил о «вмещающем ландшафте», о неразрывном единстве человеческого общества (этноса) и пространства, в котором оно пребывает. Представление о живом и качественном пространстве предопределяет всю структуру работ Гумилева. Наиболее подробно совокупность его воззрений представлена в

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Заметки последнего евразийца//Наше наследие. 1991. № 3; *Он же.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1995. С. 31—54.

книге «Этногенез и биосфера Земли»[1]. В ней Гумилев описывает исторические циклы появления, расцвета и исчезновения различных этносов и связывает этапы этих циклов с окружающей средой — климатом, изменениями в орошении, качестве почв и даже с фазами солнечной активности. Для Гумилева важно показать, что человек не является отстраненным субъектом, существующим по своей, независимой от природы, программе. Человек и общество суть части единого процесса жизни, где все строго взаимосвязано — культурное и природное, социальное и биологическое, интеллектуальное и телесное. Здесь Гумилев строго следует за евразийским представлением о «парадигмальном пространстве», являющемся матрицей смыслов.

От евразийцев Гумилев заимствует и глубокую симпатию к Турану и кочевым культурам Евразии, предопределяющую его «тюркофилию». Гумилев посвятил истории кочевых и, в частности, тюркских этносов несколько объемных трудов, сделав открытыми и привлекательными такие страницы истории, о которых конвенциональная историография, пристально сконцентрированная на событиях европейских народов, и не подозревала. Именно с этим связано и переосмысление Л. Гумилевым эпохи «монгольских завоеваний», которые он отказывался называть «игом», полагая, что благодаря Золотой орде и социальным принципам «Ясы» Чингисхана великороссы усвоили традиции империостроительства, сохранили православную идентичность и впоследствии построили мировую империю. Так же, как и первые евразийцы, Гумилев жестко критиковал санкт-петербургский период русской истории, считая, что с этого момента русское общество раскололось на две составляющие — прозападную элиту и замкнувшиеся сами на себя массы — каждая из которых постепенно выработала автономную культуру, диссонирующую друг с другом. Образованное сословие русского дворянства смотрело на Россию европейскими глазами и из-за этого не смогло понять логики собственной истории. Только отойдя на определенную дистанцию от Запада и глубже исследовав восточные влияния в русской истории, можно понять ее самобытную логику.

Л. Гумилев исходил из аксиомы ценности и величия самобытной русской культуры, был горячим русским патриотом и сторонником укрепления российской державы. При этом, как и евразийцы, он стоял по ту сторону «белых» и «красных», полагая, что рано или поздно любая власть осознает «пространственную судьбу» России и будет вынуждена укреплять континентальную евразийскую державу, какой бы идеологией она ни прикрывалась.

Так же, как и евразийцы, Гумилев придерживался циклического видения истории и отвергал идеи однонаправленного прогресса, считая, что все общества развиваются по-разному и находятся в разных моментах своего становления. Западную Европу Гумилев видел как заканчивающую свой цикл и клонящуюся к неумолимому закату, а России предрекал «золотую осень» эпохи расцвета культуры и искусств.

Гумилев никогда напрямую не упоминал о «геополитике», и это неудивительно, т. к. он прожил всю жизнь в СССР, где сам этот термин рассматривался как «крамола». Поэтому в его работах прямых ссылок на геополитику и геостратегию нет. В то же время, будучи прекрасным знатоком евразийства, он внимательно изучал «политическую географию» и «антропогеографию» Ф. Ратцеля и «хорологию» А. Геттнера, влияние которых на его соб-

[1] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.

ственные теории бесспорно. Корректное и осторожное соотнесение идей и воззрений Л. Гумилева с областью геополитики, возможно, помогло бы понять часть его мировоззрения, которая в силу исторических условий осталась за кадром и не была внятно артикулирована им самим. Однако здесь надо поступать очень деликатно и не приписывать Гумилеву того, что он не думал, не писал и не говорил. Полезнее взвешенно соотнести его идеи с тем, что нам известно о евразийстве и геополитике, и это, безусловно, обогатит наше представление и об идеях самого Гумилева, и о евразийстве и его внутренней логике, и о структуре геополитической науки и методологии.

Библиография

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
Бромберг Я.А. Евреи и Евразия. М.:Аграф, 2002.
В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией, М., 2001.
Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания. Бахчисарай, 1896.
Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца//Наше наследие. 1991. № 3.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Дусинский И.И. Геополитика России. М.: 2003.
Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ «Евразия», 2004.
Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Яуза/Эксмо, 2004.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Основы евразийства. М.: 2002.
Дугин А.Г. Философия войны. М., 2005.
Дэн В.Э. Курс экономической географии, Л. 1928.
Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.
Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846.
Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
Панарин С.А. Евразия. Люди и мифы. М.: Наталис, 2003.
Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя. СПб.: Амфора, 2006.
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М: Аграф, 1997.
Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Петроград, 1915.
Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Госиздат, 1921.
Снесарев А.Е. Англо-русское соглашение 1907 г. СПб., 1908.
Снесарев А.Е. Военная география России. СПБ, 1910.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана, М.: Аграф, 1999.
Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2004.
Чхеидзе К.А. Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII, Издание евразийцев, 1931.
Чхеидзе К.А. Лига Наций и государства-материки // Евразийская хроника. 1927. Выпуск VIII. Париж.

Глава 5

РУССКАЯ ИСТОРИЯ, ЕЕ ПАРАДИГМЫ И ПЕРИОДЫ

Эпохи как высказывания

По аналогии с лингвистикой в социологии мы выделяем два уровня: *парадигмальный* и *синтагматический*. Можно сказать и иначе: *языковый* и *дискурсивный*.

Вся история России, история русского общества может быть представлена как *язык* и как *парадигма*[1]. *Причем важно: это один и тот же язык, одна и та же парадигма на протяжении всех периодов. Это постоянная часть, которая формирует идентичность общества и позволяет нам считать, что мы имеем дело с одной и той же историей, с одним и тем же обществом, хотя изменения как раз и составляют основное содержание исторических событий. Но смысл изменений, а это и есть история (время, наполненное смысловыми событиями), обнаруживается только тогда, когда мы соотносим их с неизменным основанием*[2].

Парадигма русской истории состоит *в преемственности и сохранении идентичности*. Она никогда не выступает на поверхность как таковая, не проговаривается напрямую. Но все исторические эпохи складываются по законам этого глубинного языка, дающего русскому обществу его лексику, морфологию, синтаксис, пунктуацию и, самое главное, поле смыслов.

Периоды русской истории

Вот конкретные периоды русской истории: Киевская Русь, удельная Русь, Русь под монголами, Московская Русь, Литовская Русь, Петровская Россия, Санкт-Петербургская Империя XIX века, Советский Союз, Российская Федерация — это речи, тексты, цепочки высказываний, отличающиеся друг от друга и выстроенные в ряд по модели последовательной и однозначной синтагмы. Каждое высказывание несет в себе строго одно послание, за которым следует другое, затем третье и т. д. В какой-то момент текст завершается, наступает «перевод строки», период или конец главы. И начинается новая эпоха, развертывается новая цепочка высказываний. Все эти высказывания строятся по законам одного и того же языка (общества-парадигмы), который их упорядочивает и делает осмысленными. Но у разных высказываний разный смысл. Все «тексты» (социологические дискурсы) читаются *по-русски*, но могут означать самые разнообразные вещи.

На одном и том же языке, на языке русской истории, русского общества можно услышать переливающиеся палитры тонов: из русского молчания рождаются разные речи, возгласы, крики, всхлипы, жалобы, угрозы и благо-

---

[1] *Дугин А.Г.* Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

[2] Там же.

словения. Каждая из этих речей определяет конкретный исторический, социальный период.

Смысл каждого конкретного общества — Киевской Руси или, например, удельной Руси, Петровской России, Советского Союза или РФ — различен, но выражен на одном и том же языке с соблюдением одних и тех же правил.

Основные циклы охватывают, как правило, приблизительно *два столетия*. Это полноценная синтагма, имеющая довольно ясно определяемые границы. Но внутри нее можно выделить и более мелкие эпохи, где изменения происходят в более узких пределах конкретной идеологии, политического режима, династии и т. д.

Московское царство принципиально повествует об одном и том же: об идее богоизбранности русских и об идее «Москвы — Третьего Рима». Но это общее высказывание выражается по-одному в эпоху Ивана III и Василия III, по-другому при Грозном, где достигает апогея, почти теряется в Смутное время при Годунове, Шуйском, Лжедмитриях и польской оккупации, но снова возрождается при первых Романовых (хотя и в новом виде), пока, наконец, не рушится окончательно в эпоху раскола, уступая место Петровским реформам, которые составляют принципиально другое высказывание. Оно, в свою очередь, имеет различные социологические подтипы.

Можно также выделить отдельные периоды перехода (транзитивные состояния) и случайные интерполяции (вставки), несколько выпадающие из логики развертывания крупного исторического дискурса.

Невысказанное послание русской истории: «русское молчание»

Чем же обеспечивается глобальная динамика всех процессов российского общества? Тем, что в российском обществе *всегда существует невысказанное*. В обществе-языке всегда находятся новые «фразы», которые еще никто никогда не проговаривал. По сравнению с дискурсом язык бесконечен.

В нашей истории были отдельные периоды, когда мы на поверхностном уровне отвлекались от своей собственной судьбы и проживали чью-то чужую. Эти моменты, при всей их разрушительности и социологической анормальности, рано или поздно заканчивались, и общество возвращалось к своей глубинной парадигме.

Самое сложное в социологии — нащупать социологическую парадигму данного общества в целом, корректно описать общество как непроявленный язык, как структуру, как парадигму[1], еще не заполненную ничем. Мы знаем, где подлежащее, где сказуемое, где определение. Но каково конкретное подлежащее, каково сказуемое, каково определение — мы пока не знаем. Вначале, когда мы имеем дело с молчанием, можно воспользоваться любым подлежащим. Но к определенному подлежащему подойдет уже не любое сказуемое.

Пока мы в парадигме, мы полностью свободны, у нас еще нет ни подлежащего, ни сказуемого, ни определения. Иначе говоря, мы имеем дело с обществом в его парадигмальной модели, в его корнях. И, тем не менее, уже здесь присутствуют *ограничивающие различения*.

Одним из таких парадигмальных различий является, в частности, то, что речь здесь идет именно о *русском*, а не каком-то ином[2], обществе. Если срав-

[1] *Дугин А.Г.* Социология русского общества.

[2] Там же.

нить «русское молчание» (русский социум в его структурной парадигмальной основе) с другими такими же «молчаниями» (парадигмами): с европейским, американским, африканским, эскимосским или китайским, мы увидим как то *нечто*, которое соответствует всем им одновременно, так и то особенное *нечто*, которое составляет специфику каждого отдельного общества[1].

Всегда есть что-то, что по-русски можно высказать, а на другом языке принципиально нельзя. И наоборот. Иначе говоря, на этом уровне мы имеем дело с «молчанием» по отношению к высказываниям, проистекающим из этого конкретного молчания. Но по отношению к другому «молчанию» мы имеем дело, если угодно, с «молчаливым высказыванием».

Уровень непроявленного парадигмального общества очень важен для нас, потому что разные культуры, разные общества в их фундаментальных парадигмальных аспектах основаны на совершенно разных законах и в формулировке тех или иных высказываний оперируют с совершенно разными семантическими полями. Да, мы можем увидеть параллели, но всякий, кто хотя бы немного знает иностранный язык, представляет себе, насколько сложно точно перевести самое простое слово. Вот почему в любом словаре, особенно часто это касается глаголов действия, почти под каждым словом предлагается множество, подчас до ста, значений, вплоть до, казалось бы, взаимоисключающих. Чем полнее словарь, тем больше вариантов он предлагает для перевода на другой язык простейшего слова. Стало быть, аналогии между обществами есть, но эти аналогии всегда очень приблизительные.

Сходство и различие эпох и событий

Для того чтобы понять, как этот лингвистический принцип проецируется на социологию и социологически понятую историю, можно, например, сравнить эпохи монгольских (Евразия, XIII век) и арабских завоеваний (VII — VIII века). Похожи ли они? В чем-то похожи, в чем-то нет. А похожи ли они на походы Аттилы на Запад (V век)? А на походы Александра Македонского (IV век до Р.Х.)? В чем-то похожи, в чем-то нет. Любое имперское завоевание похоже на любое другое. Но в чем-то совершенно не похоже.

Социолог, историк и геополитик обязаны не просто привести наборы сходных черт и различий в каждом конкретном случае; от них требуется вписать эти процессы в ту или иную контекстуальную парадигму, которая обнаружит смысл этих процессов в той социологической, культурной, цивилизационной, экономической, стратегической, политической, этносоциологической и религиозной среде, где они развертывались[2]. Иными словами, необходимо установить исторический, социологический и геополитический *смысл* каждого из этих высказываний. Только в этом случае мы можем сказать, что увидели *настоящее сходство* и *настоящее различие*, а не видимости. Все перечисленные империи создавались молниеносно и включали в себя множество государств, этносов и культур, причем, подчас высоко развитых и геополитически могущественных. Это — общее. Но если мы вынесем за скобки религиозный фактор в арабских завоеваниях, монгольско-евразийское мессианство Чингисхана; культурную программу «цивилизаторской функции» Александра Великого; конкретные политические расчеты Аттилы и связь его этноса с

[1] Подробнее см.: *Дугин А.* Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

[2] *Дугин А.* Этносоциология.

«вмещающим ландшафтом», то мы упустим главное во всех этих имперостроительских инициативах. С другой стороны, сходные идеологические, религиозные, культурные и политические мотивации в других случаях давали совершенно различный эффект: либо локальный, либо вообще виртуальный. Поэтому учет геополитического масштаба реализации «великих проектов» привносит некий новый дополнительный смысл в сам проект (хотя нельзя упрощенно сводить все к формуле: «удалось/не удалось» и делать критерий успешности осуществленных замыслов мерой состоятельности идеи — такой вульгарный прагматический редукционизм не имеет никакого отношения к социологии, истории или геополитике). Чтобы сравнивать между собой различные сходные по форме и по результатам явления, необходимо предварительно выявлять ту социологическую (а в нашем случае еще и геополитическую) парадигму, которая сделала их возможным в качестве высказывания.

Россия и проблема исторического смысла

В истории русского общества следует быть очень внимательным к тем феноменам, которые могут казаться идентичными феноменам, известным в европейских или азиатских обществах. Да, у русских была и есть государственность; русские вели войны; русские расширяли свою территорию; русские сменяли несколько религий и политических идеологий; русские разработали или адаптировали к своим условиям правовые нормы и кодексы; русские развили свою культуру. Но эта государственность, эти войны, эти религии, эти политические системы и идеологии, эти правовые нормы, эта культура *имеют смысл только в рамках русской парадигмы*. Сравнение их напрямую с формально сходными явлениями в других парадигмах (например, в западноевропейской, исламской или китайской) будет заведомо некорректным, т. к. за кадром останется самое главное — *русский смысл* этих явлений.

Имея дело с разными обществами в их парадигмальной основе, мы имеем дело с *разными смысловыми полями*. Конечно, практика сопоставлений и сравнений, практика социологического «перевода» чрезвычайно полезна, но прежде чем к ней приступать, надо как следует выучить свой собственный язык, освоить его правила, отрефлектировать его синтаксис, морфологию, проследить историю его становления, его этимологию и т. д. Если кто-то плохо знает два языка, то перевод с одного на другой будет корявым и бессмысленным. Для начала надо выучить хотя бы какой-то один — не только для того, чтобы уметь изъясняться или пользоваться в практической сфере (это не так сложно), но чтобы понимать, как он устроен, рефлектировать его правила и закономерности. Каждый член общества владеет языком этого общества и проходит различные стадии социализации, но социолог подобен лингвисту, который не просто говорит на языке, но изучает язык, осмысливает язык, проникает в его структуру, выявляет его смыслы. Так, социолог должен не просто разбираться в обществе как его член, но достигать основ этого общества, знать, как оно устроено. Если же социолог постиг одно общество, ему гораздо проще будет постичь и другое. Но «проще» не значит совсем без усилий. Если он просто спроецирует то, что ему известно об одном обществе на уровне парадигм, на другое общество, то провалит все дело и не получит никаких достоверных результатов. Чтобы сравнивать, надо дать себе труд изучить и другое общество таким, как оно есть, а не таким, каким оно видится со стороны.

В этом состоит главная трудность для исследования социологии русского общества. В качестве основного социологического арсенала средств мы, как правило, автоматически берем наработки западной социологии (а также геополитики, политологии, психологии, философии и т. д.), которая достигла блистательных результатов в изучении своего общества, но которая столкнулась с серьезными проблемами тогда, когда принялась изучать общества незападные. Это ярче всего сформулировал основатель структурной антропологии Клод Леви-Стросс[1], когда он, посвятив много десятилетий исследованию архаических обществ (американских индейцев) и стараясь как можно глубже вжиться в их культуру по ту сторону европоцентричных предрассудков, в конце концов пессимистически заметил, что, вероятно, все попытки проникнуть в логику мифа архаических племен оказались тщетными, т. к. даже в качестве образца мифа, сказки, легенды и чудесных историй он бессознательно руководствовался культурным наследием Античной Европы[2]. Другими словами, западная социология, антропология и ее методы имеют определенные ограничения: к незападным обществам они подходят лишь частично или не подходят вообще.

Русское общество является *евразийским*, т. е. частично европейским, а частично неевропейским, и в целом представляет собой уникальное самобытное явление. Поэтому применять к нему методики западной социологии надо чрезвычайно осторожно и деликатно. Главное внимание надо сосредоточить на выявлении самой социологической парадигмы (на «русском молчании») как матрице русских смыслов. Только при таком подходе отдельные этапы русской истории, ее социологические дискурсы-эпохи приобретут смысл, и лишь затем их можно будет сравнивать с исторической логикой западных обществ и обществ Востока (при соответствующем достоверном и полноценном знании этих обществ, их парадигм — как других по сравнению с русским обществом и его парадигмой)[3].

Несколько забегая вперед, можно сказать, что парадигма русского отношения к пространству и, конкретно, к русскому пространству, заведомо представляет себе пространство как *большое пространство*. Впоследствии, когда мы будем более детально рассматривать русскую историю и историю русского общества, мы увидим, что представление о том, что Русь является большой, *великой*, лежит в основе всех социальных процессов, которые предопределяют основное содержание нашего общества и в геополитическом, и в социологическом измерениях[4].

Именно на уровне парадигм русского общества, а не на уровне лишь какого-то конкретного общества — будь то Киевская Русь, Московское царство, Санкт-Петербургская Россия, Советский Союз или Российская Федерация — глубже, в самом непроявленном, ничего не говорящем, «полусонном» уровне нашего социального бытия, которое, тем не менее, полностью предопределяет нас *как русских людей*, констатирует нас своим молчанием, существует глубинное соотношение между структурой общества и пониманием пространства (русского пространства) как «большого пространства», как «пространства великого». Мы живем на этой земле, в данных границах не

---

[1] *Дугин А.* Этносоциология.

[2] *Lévi-Strauss Claude, Eribon Didier.* De près et de loin. Paris: Odile Jacob, 1988.

[3] Этой задаче посвящена работа: *Дугин А.Г.* Социология русского общества.

[4] *Дугин А.Г.* Социология русского общества.

случайно. Эти границы населены и обживаются нами тоже не случайно. Между ними и нами существует прямая социологическая, культурная, генетическая, каузальная, концептуальная, морфологическая связь.

Синтагматический анализ русского общества

Если взять современное общество и общество Киевской Руси, то все будет различаться: названия, грамматика, культура, процессы, идеология, костюм, статусы. Нам покажется, что это вообще совершенно *разные* общества. Но это не так. Однако для того, чтобы понять, в чем они близки, а в чем различны, надо сравнить их *не напрямую* между собой, а найти им место в общей структуре парадигмального русского социума, корректно расположить их в этой структуре.

Если первый, парадигмальный уровень социологического анализа русского общества рассматривает это общество как совокупность всех возможностей социального развития и социальной динамики, то каждый момент, этап или фаза, которые нам известны благодаря истории, представляет собой общество в его конкретном выражении. Это второй уровень анализа общества, который можно назвать *синтагматическим*.

Каждая отдельная эпоха русской истории есть *послание.* Эти послания могут быть написаны в разных жанрах, иметь различную композицию, различную архитектуру. Драматические моменты могут быть перемешаны с трагическими или комическими. Более того, разные уровни текста могут диссонировать между собой — на одном уровне будет развертываться канцелярский дискурс постановлений, на другом экономическая документация и хозяйственные расчеты, на третьем — религиозные и богословские построения, на четвертом — бытовые зарисовки и миниатюры, на пятом — народная культура, на шестом — героический эпос и т. д. Поэтому можно рассмотреть это послание как *гипертекстовое*, наполненное перекрестными ссылками на разные уровни, а также на разные текстовые топосы иных социальных текстов — причем не только прошлых или сосуществующих в ином (контемпоральном) обществе, но и будущих, и воображаемых. Одни эпохи готовят другие, которые начинаются задолго до того, как смена синтагм становится очевидной всем. На каком-то этапе *новое* зреет внутри старого и, соответственно, вплетается в этот контекст одной стороной, другой стороной примыкая к тому периоду, которому только еще суждено состояться.

Корректное вычленение этих исторических синтагм, их интерпретация, их упорядоченное расположение является основной задачей социологии русского общества в исторической перспективе, следующей за выявлением неизменной и постоянной парадигмы[1]. Без этого мы не можем корректно разбирать геополитику русской истории.

Этот синтагматический подход может быть *масштабирован* по-разному.

Большие циклы России

Конечно, важно выделить большие циклы — то, что Ф. Бродель называл периодами «большой длительности» (la longue durée)[2]. В русской истории

[1] *Дугин А.Г.* Социология русского общества.

[2] *Braudel F.* La longue durée // Annales. 1958. C. 725–753.

они очевидны, и на них будет строиться основное изложение геополитической истории России. Это уже упоминавшиеся периоды (синтагмы) можно изобразить на схеме 5.

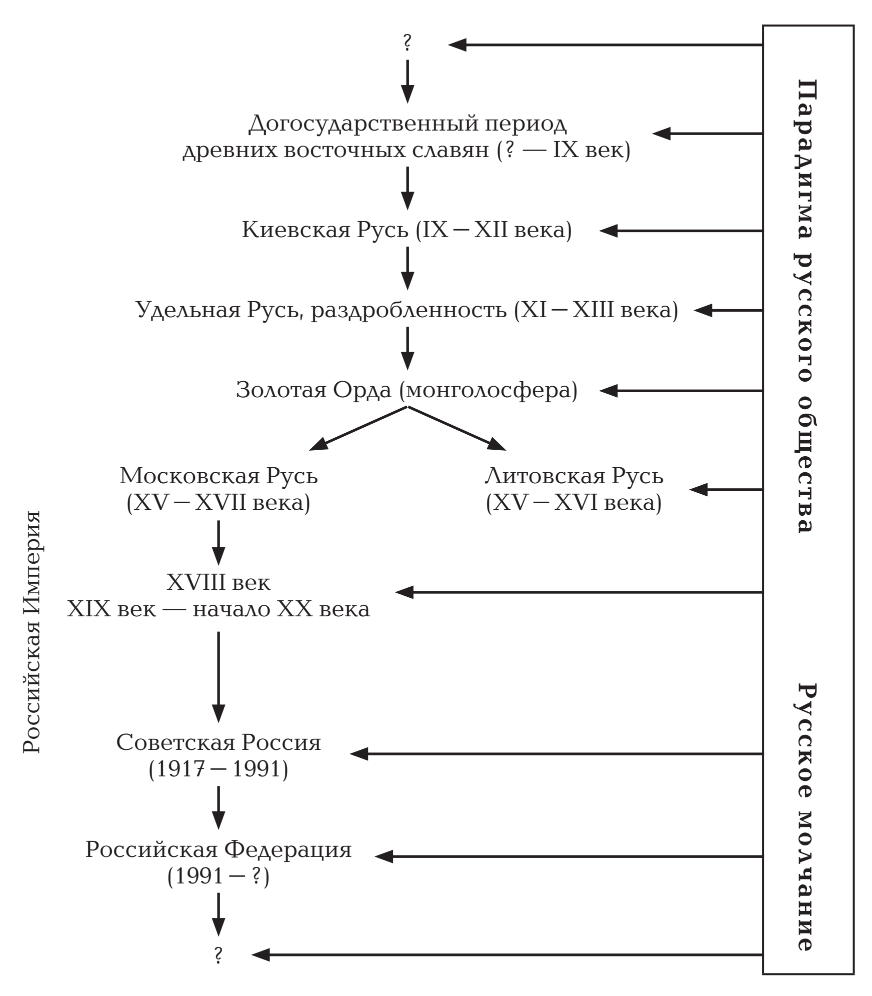

Схема 5. Синтагмы (большие периоды) русской истории

Каждый из этих «больших периодов» от Киевской Руси до сегодняшнего времени длится приблизительно двести лет, два века: Киевская Русь (IX – XI), Удельная Русь (XI – XIII), Русь в составе Орды (XIII – XV), Московская Русь (XV – XVII), Санкт-Петербургская Россия (XVIII – XX), СССР и современная Россия (XX – XXI?).

В отношении «больших периодов» едва ли кто станет спорить, это общее место. Но вот выделение подциклов внутри больших эпох можно проводить по-разному — в зависимости от конкретных задач и предметной специфики исследования. Чем ближе к настоящему времени, тем более нюансированной представляется нам логика истории. Но это в значительной степени ре-

зультат оптической иллюзии, который подталкивает нас к неверному и упрощенному заключению: события, близкие к нам по времени, кажутся более насыщенными и разнообразными, нежели содержание периодов прошлого. Поэтому мы тщательно различаем близкие к нам эпохи и склонны обобщать то, что относится к далекому прошлому. Для социолога и историка это недопустимый предрассудок. Чтобы корректно понять общество, необходимо *сбалансировать наше отношение к разным его периодам*.

Во-первых, надо признать, что и в далеком прошлом время было насыщено событиями, переменами, трансформациями, отражающими не менее интенсивные процессы, чем те, которые протекают в наше время. Если мы о них не знаем, а чаще всего мы ими просто не интересуемся, это *не значит, что их не было*. Даже разрозненные фрагменты, дошедшие к нам из прошлого, свидетельствуют о гигантской насыщенности жизни общества смыслами, событиями, движениями на всех его исторических циклах. Эта насыщенность была разной и проявлялась по-разному, но она была всегда. Поэтому к *древнему* и просто *старому* нельзя относиться как к заведомо понятному, простому, снятому и прозрачному. В древнем есть множество тайн, закоулков, подземных ходов, смысловых содержательных сокровищниц, и многое из этого продолжает действовать, влияя на наше бессознательное, формируя нашу культурную, психологическую и социальную идентичность.

Во-вторых, не стоит переоценивать настоящее и прилегающие к нему временные отрезки. То, что нам кажется фундаментальным, значимым, наполненным смысла, вполне может оказаться историческим мусором, недоразумением, скверным анекдотом, бессмысленным междометием. Часто «настоящее» по своему значению и смысловой нагруженности уступает прошлому, и события прошлого оказываются более живыми и действенными, нежели те, что происходят здесь и сейчас. Поэтому и к настоящему стоит относиться с определенной дистанцией. Да, это часть единого общества, общества-парадигмы. Но это не более чем синтагма, и даже какой-то ее фрагмент. В прошлом такой синтагмы не было, и в будущем ее, скорее всего, не будет[1].

В истории русского общества мало что длится больше двух столетий. Поэтому настоящее не надо переоценивать — особенно тогда, когда ему не достает подлинного исторического масштаба. Что для нас сегодня Иван Антонович, заключенный в Шлиссельбургскую крепость, или Керенский, Маленков, Черненко? Ничто. И не факт, что сегодняшним правителям удастся закрепиться в русской истории. Для этого им необходимо соучаствовать в смысле русской истории, в ее геополитике, в логике ее социологического развертывания. А уж кумиры современного общества исчезнут бесследно, как анонимные скоморохи или базарные шуты русского Средневековья.

Эти соображения следует учитывать, когда мы выделяем подциклы внутри «больших периодов». Не всегда близкие к нам эпохи стоит рассматривать более пристально, чем более удаленные. Выбор масштабирования при синтагматическом анализе русского общества должен оправдываться интенсивностью исторических событий и их смысловой нагруженностью.

---

[1] Социолог Джон Хобсон называет эти два типичных заблуждения «хронофетишизмом» и «темпоцентризмом» и дает их развернутую критику. *Hobden S., Hobson John M.* Historical Sociology of International Relations. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2002.

Открытое прошлое: зависимость фактов от интерпретации

Есть еще один важный социологический момент. Мы привыкли считать, что будущее открыто, а прошлое как уже свершившееся однозначно и неизменно. Это тоже своего рода наивность. *Прошлое — это смысл*. Если мы знаем, что некоторое событие произошло, но не знаем смысла этого события, это означает, что не произошло вообще ничего. Но откуда мы берем инструменты для расшифровки смысла прошлого? Из настоящего. Одна историческая синтагма расшифровывает другую, ей предшествующую. Но что важнее: событие или смысл? Социолог отвечает однозначно: *смысл*. Даже если мы не уверены, имело ли место то или иное событие, но четко понимаем его смысл, мы надежно ориентируемся в прошлом. И наоборот, если нам известно событие, смысл которого нам недоступен, мы теряемся. Поэтому *прошлое открыто в той же степени, что и будущее.* Стоит изменить интерпретацию прошлого, и мы изменим само прошлое. Из этого следует, что каждая последующая синтагма будет предлагать свою семантику прошлого, а значит, и свое собственное прошлое. На уровне синтагм нам ничего другого не остается. Мы обречены на вечное переписывание истории, т. к. история есть смысл, а смысл содержится в настоящем.

Единственный способ уйти от этой относительности — прочертить предварительно границы русской парадигмы, в пределах которой будут допустимы колебания исторического анализа.

Вписывание истории в пространство: начертание русской истории по Г.В. Вернадскому

Чтобы понять сущность смены синтагм, нам стоит как раз привлечь принцип «*большого пространства*». Именно он поможет нам выделить в разных этапах нашей истории некую постоянную нить, некую последовательность. Это не снимает свободы толкования прошлого в каждом последующем периоде, но поставит эту свободу в четкие рамки. Соотнесенность с пространством упорядочит модель русского прошлого, придаст ей больше определенности и независимости от конкретной идеологической установки каждого следующего режима, по определению являющегося «режимом временщиков».

Например, рассмотрим синтагматическое высказывание «Киевская Русь». Мы можем его толковать как угодно, и даже вообще отрицать как явление[1]. В зависимости от правящей идеологии мы наделяем этот период тем или иным смыслом. Но можно попробовать закрепить этот период, этот дискурс в нашем историческом сознании более надежно. Для этого его надо привязать к пространству — географическому и социальному.

В частности, Киевская Русь может быть осмыслена как, например, в книге «Начертание русской истории» русского историка Георгия Вернадского[2] в виде *динамичного диалога Леса (славянского и финно-угорского) и Степи (преимущественно тюркской).* Киевская Русь, согласно Вернадскому, — это *Лес*. Если быть более точными, то это речные поймы и освобожденные от леса прибрежные зоны культивируемых полей, населенные динамичными

---

[1] Так поступают, например, представители «исторического нигилизма», известного под именем «новой хронологии».

[2] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории.

восточными славянами, контролирующими финно-угорские зоны расселения охотников-собирателей[1]. То есть от имени Леса выступают не сами жители Леса, а те, кто взял за Лес социальную и геополитическую ответственность: речные землепашцы.

Далее Вернадский описывает конфликт со Степью. Это обратный удар лесной и речной зоны, которая долгие века находилась под властью степных кочевых империй. Теперь Лес делает ответный ход. В лице Вящего Олега и особенно Святослава киевские князья стремятся не просто политически объединить Лес под своей властью, но и распространить свое могущество вплоть до Причерноморья, Северного Кавказа и Дуная. Эта борьба Леса со Степью конкретизирует историю Киевской Руси и помещает ее синтагму в поле пространственного смысла.

В таком же ключе Вернадский продолжает рассмотрение и более поздних эпох — вплоть до полной абсорбции Лесом Степи с XVIII века и распространения территории России вплоть до Тихоокеанского побережья.

Русские и фактор «широты»

Так, на уровне конкретных «высказываний» мы видим проявление парадигмальной установки русского общества на тягу к «большому пространству». Мы любим «большое пространство»[2], и мы его верстаем в ходе исторического процесса. Вся наша история, геополитическая и социальная, теснейшим образом связана *с расширением наших границ*.

Почему мы, русские, любим большое пространство? Почему нам никогда не достаточно малого? При этом мы явно не такие уж хищные люди, и нас не так уж много; по сравнению с китайцами нас мало. Нас почти столько, сколько пакистанцев. Но они спокойно живут на своей не слишком большой территории, а мы все время куда-то бредем. Мы всегда двигались и всегда расширялись, и во времена Киевской Руси тоже. Мы не довольствуемся обработкой тех участков земли, которые нам достались. Древние славяне — наши предки — сжигали лес, выкорчевали пни, собрали урожай и шли дальше по раскидистым просторам нашего континента. Почему они *шли дальше*?

Потому что есть в структуре нашего общества что-то неизменное — это его «*широта*»[3]. Поэтому, что бы мы ни делали, мы всегда строим империю, поэтому: «широка страна моя родная». Все, что происходило с нами давным-давно, вчера или происходит с нами сегодня, и даже то, что будет происходить с нами завтра, имеет глубинные корни в самой структуре русского общества, которая была, есть и будет принципиально тождественной не с точки зрения формы, но *с точки зрения смысла.*

Постижение пространственного смысла русской истории

Наша непосредственная задача — изучение геополитической истории России. Мы рассматриваем наше общество на всех его уровнях и в различных его фазах. Поэтому, мы описывая геополитику России, вынуждены постоянно обращаться к *социологии русской истории*. Геополитический аспект

---

[1] *Дугин А.* Этносоциология.

[2] *Дугин А.Г.* Социология русского общества.

[3] Там же.

нашего исследования заключается в том, что мы постоянно выявляем то, как в разные исторические периоды русское общество соотносилось с *качественным пространством*.

Также мы обращаем пристальное внимание на те нерусские общества, с которыми русское общество сталкивалось и сталкивается. Когда мы приходим в Степь, мы видим не только физическую степь, но и тех, кем она заселена — людей Степи, общества Степи. И их взгляды на Степь, на социологию Степи, пространственный смысл Степи могут существенно отличаться от нашего понимания.

Точно так же, если мы обращаем взгляды на Запад, в Европу, то видим там не только реки, озера, фьорды, леса, парки, валуны, но еще и западных европейцев, по-своему сформулировавших пространственный смысл своего мира и окружающих его внеевропейских зон. Когда же они смотрят на нас, они тоже видят нас, русских, одновременно и культурно, и этнически, и социально, и геополитически*. Они видят в нас качественное пространство*, русское пространство, которое вбирает в себя все остальное.

Пространство, с которым мы сталкиваемся, и которое лежит в основе нашей геополитической истории, это пространство осмысленное, наделенное смыслом, причем многими смыслами. И когда ситуация доходит до отношений между народами, государствами и культурами, а подчас и до военных столкновений, то в дело вступает как раз этот *пространственный смысл* — как правило, разный для всех участников.

Библиография

Агурский М. А. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.
Алексеева И.В., Зеленев В.И., Якунин В.И. Геополитика в России. Между Востоком и Западом. СПб., 2001.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПБ: Владимир Даль, 2004.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Геополитика. М.:Академический проект, 2011.
Дугин А.Г. Русская вещь: В 2 т. М.:Арктогея-центр, 2000.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.:Академический проект, 2011.
Дусинский И.И. Геополитика России. М.: 2003.
Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.
Кульпин Э.С. Бифуркация Запад-Восток. М.: Московский лицей, 1996.
Кульпин Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 1995.
Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975
Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
Панарин С.А. Россия и Восток. М.: Институт востоковедения РАН, 1993.
Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Издательская группа Прогресс; Универс, 1995.
Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.

Глава 6

МЕТОД ПОСТРОЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Арсенал геополитических методик

Теперь нам предстоит проследить, как на различных исторических этапах трансформировалось отношение русского общества к пространству и как это проявлялось в политической сфере. Это и есть построение геополитики России как научной модели, позволяющей систематизировать и структурировать массу исторических данных.

Для того чтобы приступить к решению этой задачи, мы имеем в нашем распоряжении целый спектр дисциплин, готовых снабдить нас необходимыми знаниями.

Во-первых, это массив геополитических знаний и методик, имеющийся на сегодняшний день в самых разных школах. Это огромный концептуальный, методологический и фактический материал, который будет активно использоваться нами на всем протяжении нашего изложения. В качестве основы (в дополнение к уже проделанному краткому обзору геополитических идей, школ и теорий) мы предлагаем взять две наши монографии — «Основы геополитики»[1], содержащую базовую хрестоматию классических геополитических текстов, и «Геополитика»[2], где дается достаточно подробное описание основных геополитических процедур, включая наиболее современные разработки. Кроме того, книги, хрестоматии, сборники и журналы по геополитике в наше время издаются в большом количестве, поэтому материал в этой сфере обширен. Среди периодических изданий стоит обратить внимание на ежемесячный журнал «Геополитика», издаваемый под началом кафедры Социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Постоянный мониторинг геополитических процессов в он-лайн режиме ведется на русскоязычном сайте geopolitika.ru.

Позиция наблюдателя

При работе с этим массивом геополитических данных следует особенно учитывать зависимость геополитики (включая ее методологию) от позиции *наблюдателя*. В этом смысле геополитика российской истории, разрабатываемая в России и российскими учеными, логически должна быть «геополитикой Суши», т. е. относиться к геополитике-2. Маккиндер называл это

---

[1] *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея-центр, 2000.

[2] *Дугин А.Г.* Геополитика. М.: Академический проект, 2011.

«landman's point of view»[1], «точкой зрения человека Суши». Такое позиционирование означает, что полноценно мы можем пользоваться *сухопутно-континентальными геополитическими теориями (в* первую очередь, евразийской). А если мы обращаемся к геополитике-1, англосаксонской и атлантистской, то всякий раз должны тщательно взвешивать любые фактические, интерпретационные и концептуальные моменты, прежде чем применить этот арсенал к суше. Ни на мгновение не следует упускать из виду, что мы имеем дело в данном случае с «seaman's point of view»[2], а значит, процессы, протекающие внутри Heartland'a (а вся русская история развертывается именно в этой зоне), мыслятся не просто внешним наблюдателем, но и тем, кто является *враждебным* по своим базовым геополитическим установкам. При этом данная враждебность является не субъективным фактором, зависящим от конкретного автора, но *объективным*, социокультурным параметром, предопределяемым самой структурой геополитической карты мира.

Здесь дело усугубляется еще и тем, что большинство интенсивных и содержательных разработок в области геополитики в XX веке и в начале XXI века велись и ведутся именно *в англосаксонских странах.* И именно в них эта дисциплина получила максимальное развитие. Поэтому, если мы хотим построить наиболее убедительную модель геополитических процессов русской истории, то вынуждены будем обращаться именно к этим источникам, наиболее полным и разработанным в смысле методологии и частично фактологии. Следовательно, нам придется осуществлять постоянно операцию *переворачивания геополитической перспективы,* аналогичную той, которую проделали первые геополитики континенталистской школы, представители геополитики-2.

Европейский континентализм: структура коррекций

Со второй сложностью мы сталкиваемся и в контексте самой геополитики-2. Вопреки тому, что именно Россия занимает территорию Heartland'a, отнюдь не российская школа геополитики дала наиболее полное и систематизированное изложение этой континентальной версии геополитики. «Взгляд с позиции Суши» намного полнее описали немецкие геополитики — Карл Шмитт и Карл Хаусхофер, а также другие представители германской школы. Их позиции намного ближе к позициям российской геополитики, но снова ни на миг не следует забывать, что Германия в широком смысле относится к береговому пространству, располагающемуся между мировым Океаном и Heartland'ом, а континентализм полномочен в этом случае лишь в европейском контексте. То есть, заимствуя методики и концепты германской геополитической школы, нам снова, хотя и совершенно в ином ключе, требуется осуществлять *поправку базовых геополитических перспектив*. Однако в данном случае поправка будет качественно иной, нежели то переворачивание диаметрально противоположных позиций, которое необходимо в случае привлечения методик англосаксонской (атлантистской) геополитки-1.

Проблемы с германской геополитической школой усугубляются еще и тем, что она исторически была, так или иначе (хотя и в гораздо меньшей сте-

[1] *Mackinder H.* Democratic ideals and reality. London: Royal Geographic Society, 1919.

[2] Ibidem.

пени, чем принято обычно считать), сопряжена с национал-социалистическим режимом Третьего Рейха, и следовательно, почти полностью прервалась после 1945 года. Лишь некоторые послевоенные авторы континенталистского толка вполне могут заполнить хотя бы отдельные лакуны в развитии этой школы (например, такие авторы, как австриец Йордис фон Лохаузен[1] или бельгиец Жан Тириар[2]).

Русская геополитика и ее дефекты

И наконец, последняя проблема связана с фрагментарностью, частичностью и прерывностью в становлении самой отечественной школы геополитики. При том, что мы имеем некоторые основательные и важные работы в этой сфере, как таковой русской геополитической школы в полном смысле этого слова в XX веке не сложилось, поэтому многие моменты приходится реконструировать почти с нуля. Конечно, и славянофилы, и военные географы, и историки, и особенно евразийцы сделали чрезвычайно много для того, чтобы эта школа могла состояться, но исторические условия не позволили этому направлению получить должное развитие в предшествующем столетии, когда, собственно, и происходило бурное становление геополитики как науки.

Проблемы исторических реконструкций

Следующая трудность возникает при работе с историческими материалами самого разного толка.

Здесь сразу следует заметить, что построение геополитической модели представляет собой *очень высокую степень обобщения*, поэтому для нее придется использовать не исторические факты, но готовые *интерпретационные модели*. Всякая история есть не что иное как *систематизированная интерпретация*. Факты становятся историческими только тогда, когда они попадают в смысловое поле, а это поле складывается на основании некоторого набора заранее заложенных аксиом. Поэтому при построении непротиворечивой и достоверной геополитической модели русской истории мы сталкиваемся с проблемой — какую историческую реконструкцию взять за базовую?

Теоретически существует несколько наиболее развитых исторических школ, каждая из которых может претендовать на самостоятельную системность. Все они в той или иной степени идеологизированы, признают ли они это или нет. Да иначе и быть не может, т. к. базовые аксиомы, лежащие в основе исторической интерпретации, с необходимостью отражают ту или иную идеологию и имплицитную систему ценностей самого историка или той школы, к которой они относятся.

Перечислим основные исторические школы: славянофилы, западники, народники, либералы, марксисты, евразийцы.

---

[1] *Lohausen J. von.* Les Empires et la puissance. Paris: Copernic, 1985; *Idem.* Denken in Volkern — Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur — und Weltgeschichte. Sammler: Leopold Stocker Verlag, 2001.

[2] *Thiriart J.* Un Empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe. Nantes: Avatar Éditions, 2007.

Народ как субъект истории

В XIX веке в России сложилась славянофильская школа. О ее вкладе в геополитику уже шла речь ранее. В контексте этой школы субъектом русской истории выступал народ. Народ и рассматривался движущей силой истории, виделся стержнем и отправной точкой ее содержания. *Все, что происходило в русской истории, свершалось с народом и народом*.

Славянофилы понимали народ как *культурную общность*, сплоченную в единое поле традициями, религией, общими нравами, психологией и определенными социальными установками[1].

Именно этот подход лег в основу взглядов тех историков, которые так или иначе основывались на славянофильстве. В XVIII веке еще до славянофилов нечто подобное мы встречаем у таких русских историков, как В.Н. Татищев[2], или в отдельных работах М.В. Ломоносова[3].

Если субъектом русской истории является русский народ, рассуждали славянофилы, то и постигать смысл этой истории способны только те, кто принадлежит к этому народу, разделяет с ним его *историческое бытие*. Отсюда возникает потребность в самобытной модели расшифровки истории, а соответственно, и расстановка тех или иных акцентов при трактовке эпох, периодов, династических циклов, военных кампаний, поведения исторических деятелей и т. д. В чистом виде такая славянофильская историография прервалась в 1917 году. Это составляет объективное препятствие для того, чтобы основывать на ней полную геополитическую реконструкцию — ведь славянофильской оценки исторических событий XX века мы в полном смысле слова не имеем.

И все же *выделение главного субъекта исторического процесса в лице народа вполне может служить исторической и социологической основой для геополитических реконструкций*.

Мы говорили выше, что полноценной геополитика становится только тогда, когда привлекает к своему анализу *фактор общества*. В случае славянофилов и их исторических реконструкций мы можем расшифровать более точно, какое именно общество мы берем за основу и как его понимаем. Таким обществом становится *народ как историческая совокупность поколений русских людей, объединенных общностью судьбы*[4]. Народ как категория уже сам по себе является историческим явлением, поэтому вполне логично взять именно его за основу исторических реконструкций.

Приняв эту славянофильскую версию за отправную точку геополитического анализа, мы придаем русской геополитике довольно конкретный социологический смысл: в центре геополитических процессов мы постулируем именно народ, перипетии его судьбы и исходим именно из этого.

---

[1] *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М.:Международное евразийское Движение, 2007.

[2] *Татищев В.Н.* История Российская: В 4 т. М., 1964.

[3] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР,1952.

[4] Подробнее см.: *Дугин А.* Этносоциология. М.: Академический проект, 2011, а также *Дугин А.* Обществоведение. М.: Евразийское Движение, 2009.

Западничество

Прямо противоположной установкой при истолковании смыслов русской истории руководствовались представители течения западников (С.М. Соловьев[1], Б.Н. Чичерин[2] и т. д.). Это движение было разнородным, но основной чертой такого подхода являлась убежденность в том, что развитие общества является *универсальным* и повторяет тот путь, которым исторически шло западное общество. Все остальные модели общества представляют собой, таким образом, лишь отставание или отклонение от универсального образца, воплощенного в Европе и ее культуре.

Поэтому и русскую историю следует интерпретировать в общем универсалистском ключе: приписывая позитивный индекс тем ее аспектам, которые похожи на этапы развития западного общества, а негативный тому, что от этого «стандарта» отклоняется. Таким образом, историческая реконструкция этапов развития Руси и России основана на калькировании западноевропейской истории. Отсюда и оценки настоящего исторического этапа и прогнозы на будущее, согласно которым у России есть только один исторический вектор развития — сближаться с западной культурой и интегрироваться в западную цивилизацию.

Такой взгляд на русскую историю и ее периоды предполагает, что мы смотрим на себя самих чужими глазами, оперируя с заведомо заданными и посторонними для нас историческими смыслами. Субъектом истории становится универсально понятый человек и создаваемые им социально-политические и культурные комплексы, при этом под «человеком» понимается универсальная абстракция, искусственно созданная на основании интерпретации именно западноевропейского человека.

Такая западническая реконструкция дает совершенно специфический взгляд на русскую историю, полагая, что субъектом ее является *человек*, понятый как универсалистский западноевропейский конструкт, сложившийся в Европе Нового времени.

Такая философская установка также может привести к определенным геополитическим обобщениям. Например, Россию как государство можно приравнять к самому восточному форпосту Европы, защищающему ее западные области от угроз, идущих с Востока. Но такая «геополитика» будет простым европоцентризмом и неминуемо уже на самых первых уровнях развертывания войдет в неснимаемое противоречие с базовыми геополитическими установками — такими, как дуализм Суши и Моря, локализация Heartland'а, границы Rimland'а и т. д.

Для последовательного и непротиворечивого построения геополитики России в исторической перспективе западнический подход совершенно неприемлем — как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Народничество

Особую разновидность взгляда на русское общество и его историю предложили представители русского народничества — политической филосо-

---

[1] *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1—2. М.: Голос, 1993.

[2] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки. Ч. 1—3. М., 1894—98.

фии, сочетающей в себе определенные элементы славянофильства, западничества, а также социализма[1].

Народники, как и славянофилы, полагали, что именно простой народ является носителем самобытного русского культурного кода и, соответственно, субъектом истории. Но в отличие от славянофилов, они скептически относились к самодержавию (хотя весьма показательна эволюция взглядов народника Л. Тихомирова к апологии монархической власти[2]) и особенно к правящему классу помещиков и дворян.

В отношении монархического правления народники были непримиримы и призывали к его свержению, рассматривая царскую власть и сословное расслоение общества как чуждое и отчуждающее воздействие на самобытную природу русского общества. В западной демократии они видели путь к освобождению русского народа от этой зависимости, и в этом смысле разделяли многие убеждения западников, находившихся в оппозиции к монархическому режиму.

И наконец, народники имели много общего с марксистами, но не разделяли их ставку на пролетариат и убежденность в том, что социалистическая революция возможна только после становления и развития буржуазного общества. Народники предлагали обойти этап капитализма в целом и считали революционным классом крестьянство.

Так, народники предлагали еще одну инстанцию в качестве субъекта истории: не просто народ как у славянофилов, но *простой народ* и даже крестьянское сословие как его основу и ядро. Именно вокруг него они строили свои исторические реконструкции, политические программы и футурологические проекты.

Своей собственной геополитической системы народники не выстроили, и к середине XX века эта политическая философия, чрезвычайно распространенная в России в конце XIX — начале XX века, сошла на нет, не оставив сколько-нибудь значимого потомства.

Однако следует заметить, что историческая реальность СССР, с социологической точки зрения, не может быть полноценно интерпретирована в марксистских терминах — социализм был построен (вопреки натяжкам самих большевиков) в исключительно крестьянской, аграрной стране с очень слабо развитым капитализмом, и в критических ситуациях (например, 1917—1918 годы) сами большевики неоднократно опирались на лозунги и идеи левых эсеров (прямых наследников народнической традиции). Однако этот чисто интерпретационный потенциал народничества применительно к советскому периоду русской истории остается в большинстве случаев не востребованным[3].

Либерализм

Политическая философия русского либерализма весьма разнообразна и включает в себя некоторых умеренных славянофилов (противников крепос-

---

1 *Алексеева Г.Д.* Народничество в России в С С в. Идейная эволюция. М., 1990.

2 *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М.: Москва,1997.

3 Исключением является цикл работ современного политолога и историка С.Г. Кара-Мурзы — в первую очередь, *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.

тного права), чистых западников, сторонников буржуазного строя и даже отдельных деятелей с умеренно социалистическими или народническими симпатиями. Большинство либеральных идей в России распространялись в среде масонских организаций[1].

Либерализм как идейное течение основан на двух базовых принципах: индивидуальная свобода и священная частная собственность. Иными словами, это превосходство индивидуализма и буржуазно-рыночной системы надо всем остальными формами организации общества. В большинстве случаев либерализм в русской истории тождественен западничеству, т. к. буржуазно-индивидуалистическая модель в Новое время постоянно расширяла свое влияние именно в Европе и ее колониях, пока не стала основой существующего миропорядка в странах «капиталистического лагеря», в первую очередь, на Западе. Поэтому к либералам можно в полной мере отнести все то, что было сказано о западниках — для них субъектом истории является человек, понятый на западно-европейский манер, т. е. индивидуум как нечто «универсальное». В таком идейном контексте методологический инструментарий геополитики применительно к России и ее истории явно не подходит. Поэтому неудивительно, что либеральной школы геополитики в России не создано и создано быть не может.

Марксизм

С точки зрения марксизма субъектом истории является *класс*. Смысл истории сводится к противостоянию труда и капитала, а следовательно, к выявлению этого смысла сводится работа историка-марксиста. Русские марксисты[2] разделяли с западниками уверенность в том, что история всех обществ следует по универсальному образцу и этим образцом является западное общество. Поэтому они были убеждены, что Россия, как и остальные страны, должна пройти стадию развития капиталистических отношений и в этом не отличается от других европейских стран принципиально ничем. Единственное отличие в том, что Россия сильно отстала на этом пути.

Однако во взглядах на будущее позиции русских марксистов качественно отличались от позиции либералов и западников. Либералы призывали к тому, чтобы Россия примкнула к Западу в его настоящем, а большевики видели это сближение в будущем в рамках построения общемировой коммунистической системы в границах всего мира через практику мировой революции. Маркс был убежден, что западные страны в скором времени вступят в фундаментальный кризис капиталистической системы, который выдвинет европейский городской промышленный пролетариат на авансцену истории, сделает его революционным классом и вручит ему судьбы человечества. К этому же стремились со своей стороны и русские марксисты, которым удалось осуществить революцию в 1917 году и захватить власть. После этого оставалось только дождаться цепной реакции революций в Европе или попытаться ускорить этот процесс. Однако этого не произошло, и русские большевики оказались перед перспективой построения социализма и коммунизма в одной стране.

---

[1] *Серков А.И.* История русского масонства, 1845 – 1945. Санкт-Петербург, 1997.

[2] *Покровский М.Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Ч. 1 – 3. М., 1920 – 1923.

Те исторические реконструкции, которые создавались в советский период, а это составляет львиную долю исторических знаний, с которыми мы сегодня имеем дело, создавались *именно в контексте классового марксистского подхода* и интерпретировали все процессы в этом ключе. Это осложняет построение геополитической модели русской истории сразу по нескольким причинам:

1) марксизм категорически не признает геополитику как таковую;
2) марксизм (как и западничество) исходит из принципа универсальности этапов исторического развития;
3) марксизм пристрастно и однобоко интерпретирует русскую историю, подстраивая ее под свои абстрактные классовые схемы и скалькированные с западной истории образцы.

В результате исторические работы по русской истории, созданные в русле советской школы, приходится либо тщательно перепроверять, либо корректировать, либо вообще отбрасывать как нерелевантные. В любом случае, для построения непротиворечивой и цельной картины геополитики России работы представителей этой исторической школы почти бесполезны.

Евразийство

Последней политической философией, которую осталось рассмотреть, является русское евразийство[1]. Евразийцы считали себя наследниками славянофилов, хотя им были близки и некоторые народнические и даже революционные черты. Именно в этом идейном контексте мы ближе всего подходим к возможности реконструкции российской геополитики, хотя сами евразийцы систематизированных работ на эту тему не оставили. Однако есть отдельные статьи, и ссылками на геополитические аспекты полны труды главного историка евразийской школы Г.В. Вернадского[2].

Сами евразийцы в духе своей идеологии уделяли огромное значение пространству — «месторазвитию» (П.Н. Савицкий[3]). При этом вслед за славянофилами они считали субъектом истории народ (в широком смысле), привязывая его к пространству. Тем самым *именно евразийцы подготовили концептуальный аппарат для становления полноценной российской геополитики* и, в частности, ее исторического раздела.

Работы евразийского историка Г.В. Вернадского имеют особое значение, т. к. здесь мы имеем дело с исторической реконструкцией русской истории, в основе которой уже заведомо заложен повышенный учет пространственного фактора, с одной стороны, и выделение народа как субъекта истории, с другой. Параллельно Вернадскому аналогичные идеи развивал и выдающийся евразийский историк Л.Н. Гумилев, рассматривавший в качестве основного объекта своих реконструкций этнос и процесс этноге-

---

[1] Основы евразийства. М.:Арктогея-Центр, 2002.

[2] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000; *Он же*. Древняя Русь. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2000; *Он же*. Киевская Русь, Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2001; *Он же*. Московское царство. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2001; *Он же*. Россия в средние века. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2001; *Он же*. Монголы и Русь. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2004.

[3] *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М: Аграф, 1997.

неза[1] и при этом огромное значение уделявший пространственной среде, «вмещающему ландшафту», этносы формирующему.

Совокупность евразийских наработок в истории Руси наиболее ценна для построения геополитической модели русской истории.

Парадигмы русской истории и геополитическая шкала

Выделенным ранее общепризнанным этапам русской истории мы можем заведомо присвоить *геополитические характеристики*. Естественно, не только оценки этих этапов, но и сам их смысл будут варьироваться в зависимости от того, какую философскую позицию мы занимаем. Однако определенные общие моменты являются безусловными и не подлежащими сомнению.

До возникновения Киевской Руси северо-восточная Евразия представляет собой поле постоянно сменяющих друг друга степных кочевых империй, общая структура которых без всяких сомнений относится к ярким образцам цивилизации Суши, теллурократии. Славяне как этническая общность формируются в контексте именно этой *евразийской теллурократии* (от скифов, сарматов, готов до гуннов, тюрок и хазар), но на ее *лесной периферии* и преимущественно в *речных бассейнах*. Судя по всему, эти предысторические восточные славяне (анты, венеды, склавены) преимущественно занимались агриокультурой и вошли в древние хроники как «скифы-землепашцы».

Первый период русской государственности (IX—XI вв.) — Киевский — представляет собой начало создания интегрированного пространства, русского круга, расположенного преимущественно в лесной зоне (Лес у Г.В. Вернадского) в контексте интенсивного диалога (подчас весьма конфликтного) с политическими образованиями Юга (Степь по Г.В. Вернадскому), Запада (западноевропейские феодальные державы) и Византийской империей, а также в процессе постепенного смешения с финно-угорскими этносами, располагавшимися к северо-востоку Киевской Руси. Русский круг Киевской государственности может быть описан через систему геополитических векторов, определяющих отношения с различными типами окружающих пространств. В целом же Киевская государственность со всех точек зрения *не может быть однозначно отнесена к сухопутному типу цивилизации*, и находясь в пространстве Heartland'а, еще не вступает полностью в роль носительницы теллурократической миссии.

Следующий период русский истории (XI—XIII вв.) принято называть эпохой княжеских усобиц или удельных княжеств. Этот этап характеризуется *распадом* геополитического единства Киевского круга, обособлением различных частей объединенного прежними великими князьями пространства. В разных сегментах удельной Руси формируются *различные геополитические ориентации*. Намечается будущее деление на Западную и Восточную Русь, которые в будущем приобретут довольно различные геополитические ориентации и свойства.

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005; *Он же*. География этноса в исторический период. Л., 1990; *Он же.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004; *Он же. Гумилев Л.Н.* Конец и вновь начало. М., 1994; *Он же.* От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.

Монгольский этап русской истории (XIII—XV вв.) включает Русь в пространство степной кочевой империи и соответственно делает на определенный период времени *частью теллурократической зоны*, Турана. Монгольская империя и ее наследница Золотая орда геополитически являются классическими формами цивилизации Суши и оказывают в этом смысле на русское общество и русскую политику неизгладимое влияние. Глубже всех туранское начало укореняется во Владимирской, позднее Московской Руси. Так происходит *геополитическая прививка глубокой теллурокатии*.

Далее следует московский период русской истории (XV—XVI вв.). Его геополитическое значение является поворотным. Россия постепенно становится из периферийных политических акторов мировой политики *актором первостепенным*, выступает со своей программой и своей миссией. Геополитически это выражается в том, что Москва

— начинает объединять под своим контролем не только Лес, но и Степь;
— становится на путь воссоздания пространства Золотой Орды (на сей раз с центром не в Сарае, но в Москве);
— берет от Византии миссию последнего православного царства (империи);
— принимает эстафету теллурократии монголов;
— вступает в решительное противостояние с (католическими и протестантскими) странами Европы.

Московский период, с геополитической точки зрения, является *пиком исторического становления Руси как сухопутной теллурократической державы*, стартом гигантской пространственной экспансии.

Параллельно Руси Московской складывается такое геополитическое образование, как Русь Литовская, т. е. Великое Княжество Литовское, которое в определенные периоды своей истории составляет серьезную конкуренцию Москве в деле воссоединения бывших киевских территорий в едином политическом контексте. Русь Литовская воплощает в себе качественно иной тип государственности, где, хотя в определенные моменты и преобладает восточнославянское население, но культурные и социально-политические ориентиры воспроизводят именно *европейские* образцы. После католизации Литвы и создания Польско-Литовского королевства перспектива Руси Литовской рассеялась, и православное население в Западной Руси оказалось на положении людей второго сорта. На следующем этапе воссоздание единства русских шло по линии противоборства Московской Руси с Литвой и завершилось уже в XVIII веке тремя разделами Польши.

Санкт-Петербургский период (XVIII—XX вв.) представляет собой развитие *сухопутной экспансии России* во всех направлениях (с неравным успехом), но в совершенно *новой идеологической оболочке* — на сей раз секулярной, светской и на уровне политических элит ориентированной на европейские стандарты. Здесь коренится исток тщательно разбиравшейся славянофилами и евразийцами проблемы мировоззренческого разлома, уходящего корнями в эпоху раскола и особенно в период Петровских реформ: *Россия как общество и держава остается сухопутной и теллурократической, стоит на принципах традиции, православия и довольно архаических ценностей, а на уровне политических элит и социальных процессов в верхах тяготеет к западничеству и имитации европейских образцов*[1]. Гео-

[1] Это явление я предлагаю называть «археомодерном». См.: *Дугин А.Г.* Археомодерн. М., 2011.

политика санкт-петербургского периода (вплоть до 1917 года) диалектически отражает эту двусмысленность.

Геополитика СССР, с одной стороны, основана на развитии так и не преодоленного противоречия между архаической сущностью русского общества и западнической модернизаторской ориентацией элит (только элиты в советское время сменяются самым радикальным образом), а с другой — на еще большем подчеркивании теллурократической, сухопутной линии общества и державы, сложившихся в пространстве Heartland'а. Хотя сами большевики отвергали геополитику и ее законы, на разных этапах советской истории они действовали именно в полном соответствии с этими законами, причем опровергая и преодолевая тем самым свои же собственные теоретические догмы. Ожидаемой Марксом в развитых индустриальных капиталистических странах пролетарской революции не случилось, но она произошла в «отсталой» аграрной России с доминацией традиционного общества и крестьянства; всемирного социализма и мировой революции не состоялось, но в одной гигантской стране социализм построить удалось. В результате мы имеем дело с ярчайшей иллюстрацией *геополитического дуализма*, вскрытого геополитиками (начиная с Маккиндера) и с опровержением взглядов самих марксистов (как русских, так и европейских). Наиболее последовательных европейских марксистов это привело к выводу, что СССР вообще страна «не социалистическая», а большевики «не марксисты». Такой же точки зрения придерживались и придерживаются до сих пор троцкисты. То, что трудно обосновать на уровне коммунистической догматики, на уровне геополитики является почти самим собой разумеющимся.

Нынешний постсоветский этап русской истории также легко интерпретируется в геополитических терминах, как *распад теллурократической империи*, ослабление цивилизации Суши и тактическая победа цивилизации Моря (в лице США, стран НАТО, Запада и его союзников в целом). Геополитика Российской Федерации как то, что развертывается на наших глазах, может быть интерпретирована в геополитической системе координат практически однозначно, и в этой сфере мы имеем дело уже с довольно значительными объемом наработок, что существенно облегчает задачу реконструкции этого актуального периода нашей истории с геополитической точки зрения.

И наконец, геополитические методы позволяют заглянуть в будущее России, описав те границы возможного и вероятного будущего, которые проистекают из применения геополитических закономерностей к нынешним условиям и к анализу существующих в мире процессов и трендов. Так, мы можем говорить о *геополитике будущего* или о геополитическом будущем России[1]. В этом пункте мы переходим из области анализа того, что уже свершилось и стало достоянием истории, к тому, чему еще только предстоит произойти. И здесь, конечно, нельзя полностью оторваться от проектов, воли, пожеланий и ценностных ориентиров, основанных так или иначе на анализе предыдущих этапов. Поэтому разработка полноценной геополитической стратегии будущей России немыслима без предварительной геополитической реконструкции русской истории.

---

[1] *Дугин А.Г.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.

Геополитические константы русской истории и структура геополитических критериев

Даже самый общий обзор геополитических этапов русской истории показывает, что, с одной стороны, геополитический контекст неоднократно менялся, а с другой, мы как раз в длительной перспективе можем легко различить общий геополитический вектор, на который разные исторические периоды нанизываются. Это *вектор пространственного расширения русских территорий вплоть* до географических границ северо-восточной Евразии, т. е. последовательная *интеграция под русским контролем всего пространства Heartland'а*. Вот этот вектор евразийской геополитической экспансии, масштабы которой достигли своего исторического пика в советский период (когда власть Москвы распространилась на гигантские зоны Восточной Европы, а также Азии, Африки и даже Латинской Америки), и можно принять *за константу русской геополитики*. Территориальная *экспансия* по территориям Heartland'а — это то общее, что соединяет в целое самые разные этапы русской истории и образует тем самым ее смысловую шкалу.

Как только мы выяснили эту константу, мы вполне можем задать *параметры геополитической диалектики истории*: все периоды можно разделить на две категории — те из них, когда экспансия идет активно и поступательно, и те, когда она либо тормозится, либо сворачивается, либо сменяется циклами смуты и распада. Этот же принцип можно применить и на более узком сегменте исторического исследования — в рамках отдельных исторических эпох, анализируя с геополитической точки зрения основные тренды каждого подцикла. И наконец, снова этот же критерий можно сделать основой для характеристики определенных политических, культурных, социальных, экономических, религиозных, этнических сил, групп и отдельных деятелей, описав тем самым их геополитический портрет.

Так, мы получаем *критерий геополитической оценки* любого крупного, среднего или совсем атомарного исторического явления — оно *либо ведет к расширению русского пространственного влияния, либо не ведет, или даже ведет к обратному.* Здесь, естественно, можно ввести и промежуточные градиенты — нейтральность, субъективное намерение (которое может давать обратные результаты), идеологический контекст и т. д., но ядро критерия мы выделили твердо.

По Г.В. Вернадскому, пространственная история Росси есть диалектика Леса и Степи, завершающаяся их интеграцией. С чисто геополитической точки зрения — это и есть полное отождествление с Heartland'ом и его миссией, *поэтапное становление совершенной и законченной теллурократии*.

Геополитическое самосознание

Эта самая обобщающая геополитическая сеть развертывается в многочисленные *геополитические ситуации*, которые в исторических обстоятельствах едва ли могут быть *осознанно* включены в глобальную ткань русской *геополитической судьбы*. Лишь в отдельные моменты — как своего рода *геополитическое озарение* — теллурократическая миссия России становится ясно осознанной как отдельными политическими лидерами, так и властными элитами, интеллектуалами или широкими массами. Предсказания святи-

теля Иллариона Киевского, послания Псковского старца Филофея, письма Грозного, политические памфлеты Ивана Пересветова, интуиции славянофилов, дерзкое мировоззрение евразийцев — вот примеры яркого прозрения *в пространственную сущность* русской судьбы. Но в конкретных ситуациях мыслить в таких терминах удается чрезвычайно редко. Глобальные геополитические вектора скрываются под покровом сиюминутных политических, международных, военных, экономических, хозяйственных и иных задач. Чаще всего напрямую их квалифицировать с геополитической точки зрения довольно проблематично, и более того, они относятся к геополитическим константам непрямым и часто диалектическим образом. Безусловным западником был Петр Первый, который, ослабляя структуру традиционного общества, приносит тем не менее государству обширные стратегические пространства, насмерть поражает могущественного шведского конкурента, окончательно наделяет Россию евразийским размахом. Это типичный для геополитики России парадокс.

И если уже на среднем уровне проследить соотношение политических, дипломатических и военно-стратегических процессов с геополитическими константами русской истории довольно сложно, то отдельные изолированные факты и вовсе поддаются корректной геополитической оценке с огромным трудом. Поэтому реконструкция геополитической ткани русской истории, отталкиваясь от базовых констант, должна строится чрезвычайно осмотрительно, без догматических натяжек и поспешных выводов. Геополитические законы действуют так же, как «хитрость мирового разума» в философии Гегеля: совокупность на первый взгляд бессмысленных, фрагментарных и сиюминутных, почти хаотических действий, решений, шагов и поступков множества ни о чем не подозревающих людей, в конечном счете, выстраивается в ясную и совершенно логичную картину развертывания осмысленного, упорядоченного и совершенно внятного высшему сознанию логоса истории. Приблизительно так же обстоит дело с геополитикой России. Отвлекаясь от деталей эпохи, мы видим величественную картину *русского расширения*, но в каждом историческом сегменте очень трудно схватить, как этот пространственный вектор связан с конкретными решениями и интересами отдельных властителей, политических групп, религиозных и этнических сообществ и т. д. Зазор между сиюминутной конкретностью мотиваций, действий, интересов и целей и грандиозной симфонией русской истории, действительно, огромен; корректно заполнить его логическими или причинно-следственными звеньями не просто. Поэтому и стоит двигаться очень размеренно и постепенно, от геополитики и ее закономерностей, как от явленной нам исторической логики, к анализу более конкретных и менее масштабных процессов. Но это долгий путь, и наша изложение представляет лишь самый первый и весьма приблизительный его этап.

Геополитические процессы русской истории

Назовем «*геополитическими процессами*» те процессы, которые так или иначе выходят на уровень геополитических констант или могут быть *прозрачно* интерпретированы в контексте геополитической методологии. Строго говоря, любой исторический процесс в его привязке к пространству, а точнее, к социально осмысленному и упорядоченному пространству, может быть интерпретирован как геополитический. Но в нашем определении мы

намеренно вводим наречие «прозрачно», чтобы подчеркнуть, что к геополитическим процессам следует, в первую очередь, относить те процессы, которые с очевидностью связаны тем или иным образом с геополитическими константами. Это значит, что под «геополитическими» мы понимаем те процессы, которые ведут либо к *расширению* пространственного влияния России, либо к его *сужению*, а также качественные процессы, протекающие в непосредственной близости от факторов, принципиальных для объема пространственного влияния, примыкающие к ним вплотную.

Смена династии, изменение идеологических ориентиров, войны, союзы, трансформации религии или экономические реформы — все эти процессы могут быть как геополитическими, так и не геополитическими. Если они напрямую и очевидным образом влекут за собой изменение конфигурации границ и зон влияния России, они являются геополитическими, если не влекут, то не являются. Этот критерий поможет нам точнее измерять и анализировать различные исторические явления.

Социологические процессы и социологические константы русской истории

Точно так же, как в сфере геополитики мы выделяем константы и процессы, с ними сопряженные, в обобщенном историческом контексте русского общества мы вполне можем выделить набор *социологических констант* и тех процессов, которые непосредственно и «прозрачно» сопряжены с данными константами. Последовательное и детальное изложение и описание этих констант и процессов, с ними связанных, представлены в труде «Социология русского общества»[1], где дается феноменологическое описание базовой социологической матрицы русского общества, которая остается относительно неизменной на самых разных этапах русской истории. Соотношение конкретного периода общественной истории с этой матрицей («русское начало», «русская структура» или набор «русских социологических констант») позволяет качественно изучать структуру социальных процессов и социальных измерений, причем в семантической системе координат, построенной на основных несущих конструкциях собственно русского общества, а не на заимствованных из иных исторических сред методологиях и не на претендующих на универсальность абстракциях.

Мы будем опираться в дальнейшем на эту работу, а также на реконструкцию русской истории и основных протекающих в ней процессов, описанную с этносоциологической точки зрения, в учебнике «Этносоциология»[2].

Приведем лишь выводы относительно констант русского общества.

Русское общество основано на принципе *холизма*, т. е. *всеобщности* (в этом проявляется интегрирующий этнический его характер); оно стремится к *интегральной коллективности* и противодействует стремлениям к *атомизации и расчленению*. Фигура «другого» воспринимается как часть (подчас, лучшая и наиболее значимая) самого себя[3].

---

[1] *Дугин А.Г.* Социология русского общества. Указ. соч. Философский анализ дается в работе *Дугин А. Г.* Мартин Хайдеггер и возможность русской философии. М.: Академический проект, 2011.

[2] *Дугин А.Г.* Этносоциология.

[3] *Флоренский П.* Столп и утверждение истины. М., 1914.

Русское общество оперирует *с циклическим, замкнутым на себя временем*, вовлечено в процесс «вечного возвращения».

Русское общество воспринимает пространство как нечто *огромное и гигантское*, превосходящее возможность деления, ограничения и форматирования.

Русское общество на уровне гендера тяготеет *к взаимодополнению мужского и женского начал*, что на фоне резкой патриархальности европейских и многих азиатских культур может создавать впечатление его «женственности», пассивности, пластичности.

Русское общество проецирует на государство *метафору семьи*, а на фигуру государя — архетип отца.

Русское общество тяготеет к хаотическому и интуитивному *внерациональному* восприятию мира, тяготится слишком резкими рационализациями политики, быта, общественной жизни и т. д.

Русское общество *созерцательно* более, чем деятельно; *артистично* более, чем прагматично; *адаптивно* более, чем навязчиво.

Все эти свойства мы встречаем на самых разных исторических этапах, хотя и выражаются они совершенно по-разному. В конкретных исторических ситуациях эти социологические константы проявляются самым различным способом и в самых неожиданных оформлениях. Но они существуют всегда.

Отдаление от этих констант, приближение к ним или их выражение в новых формах составляет совокупность *социальных процессов* русской истории.

В дальнейшем мы будем кратко описывать эти константы и их трансформации на разных этапах и сопоставлять их с геополитическими константами и геополитическими процессами. Это требуется для того, чтобы в полной мере продемонстрировать *социологическое измерение* геополитики. Напомним еще раз: геополитика оперирует не просто с пространством, а с *социальными представлениями* о пространстве конкретного общества. В нашем случае эти представления производит, формирует или проецирует вовне именно *русское* общество. Следовательно, говоря о геополитике русской истории, мы обязаны обращаться к обществу, которое, собственно, эту историю и делает.

Сама по себе эта тема является, конечно, необозримой, поэтому мы ограничимся лишь самыми общими социологическими заключениями и констатациями.

Совмещение геополитики и социологии для реконструкции новой (постидеологической) парадигмы русской истории

Теперь нам должна быть полностью понятна цель конструирования геополитической истории России. Мы ставим перед собой задачу с опорой на релевантные философские контексты применить геополитический инструментарий к истории русского общества, но сделать это так, чтобы оставаться на собственной культурно-исторической почве и тщательно избегать как имитации, так и неоправданного универсализма (в обоих смыслах как провинциального и даже колониального подражательства Западу, так и империалистического навязывания своей правды всем остальным в качестве обще-

обязательной), а кроме того, постоянно учитывая социологическое измерение тех процессов, исторических периодов и явлений, которые мы будем анализировать. Перед нами стоит задача, которая формулируется достаточно скромно — *написание геополитической истории России*. Но чтобы справиться с ней, нам нужно мастерски владеть геополитикой, опираться на релевантную и достоверную философию истории и глубоко понимать социологический смысл нашего народа, нашей страны и нашего общества. Людей, которые могли бы с полным основанием похвастаться, что они удовлетворяют всем этим критериям, или что они просто могли бы указать достаточно достоверные и надежные источники, которые послужили бы нам в этом деле ориентирами, можно пересчитать по пальцам. Но это не должно нас останавливать, т. к. при всем несовершенстве первых попыток кому-то начинать этот путь надо.

Задача совместить геополитический анализ русской истории с социологическим, по сути, не может не вывести нас на новую историческую парадигму в целом, т. к. подобный метод применительно к русской истории практически ранее не применялся. Что это будет за парадигма и удастся ли сделать ее прозрачной, убедительной и заслуживающей доверия, покажет дальнейшее изложение.

Библиография

Ашенкампф Н.Н., Погорельская С.В. Современная геополитика России: Учебное пособие. М.: Академия ГПС МЧС России, 2005.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
Бовдунов А. Л. Россия как задание. М.: Международное «Евразийское Движение», 2010.
Будущее российской госдурственности. Суверенная демократия? Диктатура? Империя? М.: Международное «Евразийское Движение», 2007.
Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2000
Вернадский Г.В. Киевская Русь, Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2001
Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2004.
Вернадский Г.В. Московское царство. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2001.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь, Москва: Леан, Аграф, 2001.
Генон Р. Восток и Запад. М., 2005.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ «Евразия», 2004.
Дугин А.Г. Евразийский взгляд. Москва.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. Москва.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Международное «Евразийское Движение», 2007.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Основы евразийства. М.: 2002.
Дугин А.Г. Русская вещь: В 2 т. М.: Арктогея-центр, 2000.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Философия войны. М., 2005.
Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Международное «Евразийское Движение», 2010.
Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.
Кульпин Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 1995.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.
Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством), М.: ИФРАН, 1995.
Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР,1952.
Савин Л.В. К геополитике. Сумы: Университетская книга, 2011.
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М: Аграф, 1997.
Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1—2. М.: Голос, 1993.
Татищев В.Н. История Российская. В 4 т. М., 1964.
Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002.
Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1—3. М., 1894—1898.
Lohausen J. von. Les Empires et la puissance. Paris: Copernic, 1985; *Idem.* Denken in Volkern — Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur — und Weltgeschichte. Sammler: Leopold Stocker Verlag, 2001.
Thiriart J. Un Empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe. Nantes: Avatar Éditions, 2007.

Глава 7

К ГЕОПОЛИТИКЕ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Теоретические проблемы создания полноценной русской геополитики

Как только мы прояснили место геополитики в контексте научных дисциплин, мы можем приступить к переосмыслению собственно российской геополитики. Учет социологического измерения подводит нас вплотную к нескольким важным выводам относительно основ российской геополитики.

Геополитика России не является простым применением геополитического арсенала к российскому государству. Российская геополитика, иными словами, не может создаваться извне, как простое механическое приложение «универсальных» законов к конкретному и вполне определенному объекту. Дело в том, что российская геополитика возможна лишь на основе глубинного изучения российского общества как в настоящем, так и в историческом прошлом. Прежде чем формулировать выводы о том, как российское государство соотносится с пространством, следует скрупулезно и основательно изучить русское общество в его структурных константах и особенно проследить формирование и эволюцию взглядов русских на окружающий мир, т. е. исследовать то, как русские понимают и интерпретируют окружающий мир и его среду. Дело не только в том, какова географическая структура российских территорий (современных или исторических); это важно, но этого недостаточно. Необходимо выяснить, как русское общество на разных этапах понимало и интерпретировало *структуру* этих территорий; что оно считало «своим», что «чужим», как менялось осознание границ, культурные и цивилизационные идентичности, отношение к этносам и народам, проживающим на соседних территориях. В должной мере представления русского общества (на основе которого сложилось советское, а в наше время российское общество) о пространстве недостаточно изучены, а следовательно, важнейшая часть, необходимая для создания полноценной российской геополитики, пока дана нам лишь фрагментарно и эпизодически.

Далее открытым остается вопрос об отношении русского общества к политическим формам и типам государств. Если в марксистский период мы руководствовались теорией прогресса и смены политэкономических формаций, рассматривая опыт западноевропейских стран как «универсальный», то сегодня эта редукционистская схема более не пригодна, и нам необходимо заново выстроить модель русской социально-политической истории, изучить ее логику, предложить структурные обобщения, которые отражали бы те особенности, какие характерны для отношений нашего общества на разных исторических этапах к государству и политическим системам. И в этом случае, увы, у нас довольно мало релевантных трудов, т. к. марксистские теории, равно как и прямое применение либеральных западных методик к русской истории и русскому обществу, дают заведомые карикатуры,

основанные на натяжках и насилии над историческими фактами, и особенно над их смыслом.

Эти трудности не должны нас обескураживать, т. к. даже интуитивно очевидные моменты социальной русской истории, наблюдения над особенностями русской культуры, и особенно сама структура геополитической дисциплины могут служить реперными точками для движения к созданию полноценной российской геополитики. Даже весьма приблизительного представления о русском обществе будет достаточно для старта.

Геополитическая апперцепция

Классическая геополитика (как англосаксонская, так и европейская) дает нам несколько фундаментальных подсказок для построения российской геополитики. Их вполне можно принять безоговорочно. Однако в этом случае в дело вмешивается важнейший фактор, значение которого велико в неклассической физике (как у А. Эйнштейна, так и у Н. Бора), но в еще большей степени существенно в геополитике: геополитическая *система зависит от положения наблюдателя и интерпретатора*[1]. Мало согласиться с теми геополитическими признаками, которые приписывает России классическая геополитика; следует принять эти признаки, найти в нашей истории и нашей культуре их подтверждение, т. е. осознать себя продуктами этой геополитической системы — одним словом, осмыслить себя не как нейтрального наблюдателя, но как наблюдателя, включенного в исторический и пространственный контекст. Эту процедуру модно назвать «геополитической апперцепцией».

Геополитическая апперцепция — это способность воспринимать совокупность геополитических факторов осознанно, с яным пониманием и своей субъективной позиции, и закономерностей структуры того, что мы воспринимаем.

Понятие «российский геополитик» не означает только гражданство и сферу профессиональных занятий, это нечто намного более глубокое: российский геополитик есть выразитель геополитических взглядов и носитель историко-социальных и стратегических констант, исторически свойственных русскому (сегодня российскому) обществу. Геополитика включает в себя две глобальные позиции (у Маккиндера «взгляд людей Моря» «взгляд людей Суши»[2]), нельзя заниматься ею, помещая себя вне этих позиций. Тот, кто занимается геополитикой, прежде всего уточняет свое собственное положение и отношение к геополитической карте мира. Это положение является не географическим и не политическим (гражданство), но *социокультурным*, цивилизационным и ценностным, оно напрямую затрагивает *идентичность* самого геополитика. В определенных случаях ее можно сменить, но это настолько же серьезно, как смена религиозной конфессии или радикальное изменение политических взглядов.

Heartland

Классическая геополитика исходит из того, что *территория современной России, ранее СССР, а еще ранее Российской империи, относится к*

---

[1] *Дугин А.Г.* Геополитика.

[2] *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality.

Heartland'у, т. е. является *сухопутным (теллурократическим) ядром всего евразийского континента*. Маккиндер называет эту зону «географической осью истории», откуда исторически исходит большинство теллурократических импульсов (от древних степняков-кочевников — скифов, сарматов и т. д. до центра российской имперской колонизации в XVI—XIX веках или коммунистической экспансии с советское время). Понятие «Heartland»[1], «срединная земля», представляет собой типичный *геополитический концепт*. Он не означает принадлежности к России как к государству и не имеет исключительно географического смысла. В нем мы имеем дело с «пространственным смыслом» («Raumsinn», по Ф. Ратцелю[2]), который может стать достоянием общества, расположенного на этой территории, и в этом случае будет осознан, включен в социальную систему и, в конечном счете, выразится в политической истории.

Русские исторически не сразу осознали свое местоположение, полноценно приняв эстафету теллурократии только *после монгольских завоеваний Чингисхана*, империя которого была образцом теллурократии.

Но начиная с XV века Россия неуклонно и последовательно двигалась к тому, чтобы взять на себя свойства Heartland, что постепенно привело к *отождествлению между русским обществом и цивилизацией Суши, теллурократией*. Heartland не является свойством культуры восточных славян, но в ходе исторического процесса именно русские оказались в этом положении и приняли на себя сухопутный континентальный цивилизационный признак.

Поэтому российская геополитика есть по определению геополитика Heartland'а, т. е. сухопутная геополитика, геополитика Суши[3]. Благодаря этому мы знаем заведомо, что русское общество относится к *сухопутному типу*, но как это складывалось, какие этапы мы прошли на этом пути, как это проявлялось в осмыслении пространства и эволюции пространственных представлений, а, с другой стороны, отражалось в политических формах и политических идеологиях, еще только предстоит досконально выяснить.

Это накладывает на российского геополитика заведомое априорное обязательство: он *должен* видеть мир с позиции цивилизации Суши.

Россия как «цивилизация Суши»

Здесь имеет смысл соотнести объем того, что подпадает под концепт «Heartland» и является ядром «цивилизации Суши», с политической реальностью современной Российской Федерации в существующих границах.

Само это соотнесение имеет чрезвычайно важное значение: осуществляя его, мы соотносим Россию в ее актуальном состоянии с ее неизменным геополитическим *пространственным смыслом* (Raumsinn). Это сопоставление дает нам несколько важных ориентиров для построения полноценной и обоснованной российской геополитики на будущее.

---

[1] *Маккиндер Х.* Географическая ось истории; *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction.

[2] *Ratzel F.* Die Erde und das Leben. Leipzig, 1902.

[3] *Дугин А.* Основы геополитики.

Во-первых, мы должны мыслить современную Российскую Федерацию в ее нынешних границах как *один из моментов* более обширного исторического цикла, на всем протяжении которого восточнославянская государственность входила в резонанс с «цивилизацией Суши» и все более отождествлялась с Heartland'ом. Это означает, что современная Россия, рассмотренная геополитически, не есть нечто новое, т. е. только государство, появившееся двадцать с лишним лет тому назад, но *эпизод длительного, многовекового исторического процесса,* на каждом этапе все более приближавшего Россию к тому, чтобы стать выражением «цивилизации Суши» в планетарном масштабе.

Некогда восточнославянские этносы и Киевская Русь были только периферией православной, восточнохристианской цивилизации, находились в зоне влияния второго Рима. Уже одно это помещало русских в восточный полюс Европы.

После нашествия монгольских орд Русь была включена в евразийскую геополитическую конструкцию сухопутной кочевой империи Чингисхана (позднее от нее откололся западный кусок в форме Золотой Орды).

Падение Константинополя и ослабление Золотой Орды сделали Московское великое княжество наследником *двух* традиций — политико-религиозной византийской и туранской, евразийской, перешедшей к русским великим князьям (позже царям) от монголов. С этого момента русские начинают осмысливать себя как «Третий Рим», т. е. как носителей особой *цивилизационной установки*, резко контрастирующей по всем основным параметрам с западноевропейской католической цивилизацией Запада.

Начиная с XV века русские вступают на сцену мировой истории как «цивилизация Суши», и все основные геополитические силовые линии внешней политики с этого времени подчиняются только одной цели — *интеграции Heartland'а*, укреплению влияния в зоне северо-восточной Евразии, отстаиванию идентичности перед лицом наиболее агрессивного соперника — Западной Европы (с XVIII века Великобритании и, шире, англосаксонского мира), принимающей инициативу «цивилизации Моря» и талассократии. В этой дуэли России и Англии (позже США) развертывается отныне, с XVIII века и по наше время, геополитическая логика мировой истории, «великая война континентов»[1].

Этот геополитический смысл остается в целом неизменным на всех последующих этапах русской истории: от Московского царства через романовскую Санкт-Петербургскую Россию и Советский Союз вплоть до нынешней Российской Федерации. Россия с XV по XXI век есть мировой планетарный полюс «цивилизации Суши», *континентальный* Рим.

Геополитическая преемственность Российской Федерации

По всем основным параметрам Российская Федерация является геополитической наследницей предшествующих исторических, политических и социальных форм, сложившихся вокруг территориального ядра Русской равнины — от Киевской Руси через Золотую Орду, Московское Царство, Российскую Империю и Советский Союз. Эта преемственность не только

[1] *Леонтьев М.В.* Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008.

территориальная, но и историческая, социальная, духовная, политическая, этническая. Русское государство с древности начало формироваться в пространстве Heartland'a, постепенно все более расширялось, пока не заняло весь Heartland целиком вместе с примыкающими к нему зонами[1]. Это пространственное расширение русского контроля над евразийскими территориями сопровождалось параллельным социологическим процессом: укреплением в русском обществе «сухопутных» общественных установок, характерных для *цивилизации континентального типа*. Основными чертами этой цивилизации являются

— консерватизм;
— холизм;
— коллективная антропология (народ важнее индивидуума);
— жертвенность;
— идеалистическая ориентация;
— ценности верности, аскетизма, чести, преданности.

Социология, вслед за Зомбартом, называет это «цивилизацией героического типа». В терминах социолога Питирима Сорокина это — идеационная социокультурная система[2].

Такая социологическая особенность выражалась в различных политических формах, которые имели *общий знаменатель*, заключающийся в постоянном воспроизведении цивилизационных констант, базовых ценностей, приобретавших *различные* исторические выражения. Политический строй Киевской Руси качественно отличался от ордынской политики, а та, в свою очередь, от Московского царства. После Петра Первого политическая система снова резко изменилась, а Октябрьская революция 1917 года и вовсе привела к появлению радикально нового типа государственности. После распада СССР на территории Heartland'a возникло еще одно, вновь отличное от прежних, государство — современная Российская Федерация.

Но все эти политические формы, имеющие качественные различия и основанные на разных, подчас прямо противоположных, идеологических основаниях, имели на всем протяжении русской политической истории ряд общих черт. Везде мы видим политическое выражение социальных установок, характерных для общества континентального, «сухопутного», героического типа. Эти социологические особенности проявлялись в политике через то явление, которое философы-евразийцы 20-х годов XX века назвали «идеократией». Идеационная модель в социокультурной сфере[3], как обобщающая черта русского общества на всех этапах его истории, выливалась в области политики в идеократию, также имевшую различные идеологические выражения, но сохранявшую вертикальную, иерархическую, «мессианскую» структуру государства.

Российская Федерация и геополитическая карта мира

Зафиксировав вполне определенную геополитическую идентичность современной России, можно перейти к следующему этапу.

---

[1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

[2] *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

[3] Там же.

С учетом такого геополитического анализа мы можем однозначно определить место современной Российской Федерации на *геополитической* карте мира.

Российская Федерация расположена на пространстве Heartland'а. Историческая структура русского общества демонстрирует ярко выраженные *теллурократические* черты. Без колебаний следует отнести и современную Российскую Федерацию к государству *сухопутного* типа, а современное российское общество — к обществу преимущественно *холистскому*.

Последствия такой геополитической идентификации глобальны по своему масштабу. Из нее можно сделать целый ряд выводов, которые и должны лечь в основание последовательной и полноценной российской геополитики будущего.

1. Геополитическая идентичность России, будучи сухопутной и теллурократической, требует укрепления, углубления, осознания и развития. Именно в этом и заключается содержательная сторона курса на утверждение политического суверенитета, декларированного еще в начале 2000-х годов Президентом РФ В.В. Путиным. Политический суверенитет России нагружен более глубоким смыслом: это реализация стратегического проекта поддержания политико-административного единства Heartland'а, (вос)создания условий для того, чтобы Россия играла роль *полюса теллурократии в мировом масштабе*. Укрепляя суверенитет России как государства, мы укрепляем одну из колон мировой геополитической архитектуры, т. е. осуществляем действие, намного более масштабное, нежели внутриполитический проект, касающийся, в лучшем случае, только наших непосредственных соседей. То, что Россия является в геополитической перспективе Heartland'ом, делает ее *суверенитет планетарной проблемой*. Все силы и державы в мире, имеющие теллурократические свойства, зависят от того, справится ли Россия с историческими вызовами и сумеет ли сохранить и укрепить свой суверенитет.

2. По ту сторону каких бы то ни было идеологических предпочтений Россия обречена на конфликт с цивилизацией Моря, с талассократией, которая воплощена сегодня в США и *однополярном американоцентричном мировом порядке*. Геополитический дуализм не имеет ничего общего с идеологическими или экономическими особенностями тех или иных стран. Глобальный геополитический конфликт развертывался между Российской Империей и Британской монархией, между социалистическим лагерем и капиталистическим лагерем, а сегодня при общности демократического республиканского устройства все тот же самый конфликт развертывается между демократической Россией и наступающим на нее блоком демократических стран НАТО. *Геополитические закономерности лежат глубже, нежели политико-идеологические противоречия или, наоборот, сходства.* Констатация этого принципиального конфликта не означает автоматически войну или прямое стратегическое столкновение. Конфликт можно осмысливать по-разному. С позиции реализма в международных отношениях речь идет о противоречии интересов, которое приводит к войне только в том случае, когда одна из сторон достаточно убеждена в слабости противоположной или когда во главе той или иной державы оказывается элита, ставящая национальные интересы выше рационального расчета. Конфликт может развиваться мирно, через систему общего стратегического, экономического, технологического и дипломатического баланса.

В некоторых случаях он может даже смягчаться до уровня соперничества и конкуренции, хотя силового решения ни при каких обстоятельствах заведомо исключить нельзя. В такой ситуации в центре внимания встает вопрос о *геополитической безопасности*, без гарантии которой никакие другие факторы — модернизация, повышение ВВП или жизненного уровня населения не имеют самостоятельного значения. Что толку, что мы получим развитую экономику, если утратим геополитическую самостоятельность... Это не «беллицизм», а здоровый рациональный анализ в реалистическом духе, это *геополитический реализм*.

3. С геополитической точки зрения *Россия представляет собой нечто большее, чем Российская Федерация в ее нынешних административных границах*. Евразийская цивилизация, сложившаяся вокруг Heartland'a с ядром в лице русского народа, гораздо шире, чем современная Россия. К ней относятся в той или иной степени практически все страны СНГ. На эту *социологическую* особенность накладывается *стратегический* фактор: для обеспечения безопасности своей территории Россия должна получить военный контроль над рядом прилагающих к ней зон — на юге и на западе, а также в области Северного Ледовитого океана. Кроме того, если рассматривать Россию как планетарный теллурократический полюс, то становится очевидным, что ее прямые интересы простираются *на всю территорию Земли* и затрагивают все континенты, моря и океаны. Отсюда вытекает необходимость выработки для России *глобальной геополитической стратегии*, описывающей, в чем конкретно эти интересы состоят применительно к каждой стране и каждому региону.

Библиография

Ашенкампф Н.Н., Погорельская С.В. Современная геополитика России: Учебное пособие. М.: Академия ГПС МЧС России, 2005.

Бовдунов А.Л. Россия как задание. М.: Международное «Евразийское Движение», 2010.

Будущее российской госдурственности. Суверенная демократия? Диктатура? Империя? М.: Международное «Евразийское Движение», 2007.

Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.

Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.

Дугин А.Г. Философия войны. М., 2005.

Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2009.

Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.

Ивашов Л.Г. Россия и мир в новом тысячелетии. Геополитические проблемы. М.: Прогресс, 2000.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.

Кульпин Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 1995.

Леонтьев М.В. Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008.

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.

Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством), М.: ИФРАН, 1995.
Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
Савин Л.В. К геополитике. Сумы: Университетская книга, 2011.
Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002.

РАЗДЕЛ 2

ГЕОПОЛИТИКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Глава 1

ГЕОПОЛИТИКА ТУРАНА

Туранская цивилизация

До того, как в истории впервые появляется русское государство — Киевская Русь, пространство Евразии уже имеет долгую политическую историю. Большинство государств, которые существовали на этой территории, относились к типу *кочевых степных империй.*

Структура этих кочевых империй была приблизительно одинаковой независимо от того, какие конкретные этносы и народы выступали главным политическим субстратом этих образований. Эта структура представляла собой жестко иерархизированное подвижное воинственное общество, возглавляемое королями, царями, ханами, каганами, политический центр которого был расположен где-то в степной зоне Евразии от Манчжурии на Дальнем Востоке до Паннонии на Западе. Вся политическая система была основана на принципе мужества, верности вождям, скорости и воле, что порождало особый кочевой стиль. Военная сила применялась к соперникам и соседям, а захват и установление контроля над сопредельными территориями и порабощенными народами наряду с военными набегами на различные страны (подчас весьма удаленные) составляли основу исторического процесса. Война и жизнь, война и экономика, война и престиж были в этих обществах синонимами.

Чаще всего в зону контроля этих кочевых империй входили лесные, речные территории и зоны, пригодные для земледелия, которые примыкали к Великой Степи с севера и юга и были населены издревле оседлыми народами, также создававшими разные модели более или менее устойчивой государственности[1]. Между степными кочевниками и оседлыми земледельческими культурами существовал постоянный антагонизм, символически описанный в дуализме Туран/Иран в иранском эпосе «Шахнаме» Фирдоуси[2]. В подавляющем большинстве случаев кочевые народы формировали элитарный слой (знать, аристократию) оседлых народов или интегрировали зоны расселения земледельцев в свои кочевые империи[3].

Так строилась и постоянно перестраивалась общая структура, характерная для пространства Евразии — Турана, называемая некоторыми авторами (например, в посмертно изданных незаконченных работах О. Шпенглера «Эпика человека»[4]) «туранской цивилизацией». Туранские кочевые импе-

---

[1] *Дугин А.Г.* Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

[2] *Фирдоуси Абулькасим.* Шахнаме. М.: Художественная литература, 1972.

[3] *Дугин А.Г.* Этносоциология.

[4] *Conte Domenico.* Catene di civiltà. Napoli: Ed. Scientifiche Italiane, 1994.

рии в общем виде, таким образом, представляли собой 1) политическое *ядро* державы (сами кочевые воинственные племена с жесткой лидерской иерархией) и 2) примыкающие к ним и находящиеся под их контролем *периферийные* территории, население которых выплачивало кочевникам дань, признавало власть и находилось под их защитой от нападений других племен. Согласно таким теоретикам, как антрополог и политический географ Фридрих Ратцель[1] и социолог Людвиг Гумплович[2], эта туранская модель государственности (кочевая воинственная элита и оседлая масса покоренных земледельцев) представляет *собой вообще универсальную модель возникновения государства*[3].

В любом случае, относительно преобладающих в северной Евразии политических систем от глубокой древности до Средних веков данная система политической организации является общепризнанной и не подлежащей сомнению. Именно она и понимается под термином «Туран», означающим степные воинственные кочевые империи, объединенные жесткой верностью вождям и особым военным, этическим кодексом.

Индоевропейцы Евразии

В самых древних периодах истории Великой Степи мы видим индоевропейских кочевников — предков индусов и персов, ираноязычные кочевые племена, прямыми потомками которых были скифы, юэчжи, сарматы, тохары, вплоть до современных осетинов, восходящих непосредственно к ясам/аланам и древним сарматам. Индоевропейские кочевые империи Турана, более или менее централизованные и более или менее масштабные, представляют собой цивилизационную константу евразийской истории[4].

Для эпохи восточнославянской государственности этот фактор имеет большое историческое значение. Академик Б.А. Рыбаков[5] выдвинул гипотезу, что предки восточных славян — анты, венеды и склавены — могли быть составной частью скифской государственности и выступать у Геродота и других древних историков под не совсем точным именем «скифов-пахарей» (сколоты). Если эта гипотеза верна, то восточные славяне имели длительный опыт государственности[6] под властью кочевников скифов, которые, возможно, частично перемешались с оседлым населением. Этим можно объяснить определенные иранские корни в русском языке (бог, свят, рота/клятва[7] и т. д.) и некоторые фигуры в древнерусском язычестве — например, изображение крылатого пса Симаргла, о котором идет речь у летописца Нестора при описании реформы языческого пантеона киевского князя Владимира.

---

[1] *Ratzel F.* Anthropogeographie. Stuttgart: J. Engelhorn, 1921.

[2] *Gumplowich L.* Der Rassenkampf. Soziologische Untersuchunge. Innsbruck: Wagner, 1883.

[3] *Дугин А.Г.* Этносоциология.

[4] *Dumezil G.* Les Dieux des Indo-europeens, Paris: Presses universitaires de France. 1952.

[5] *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.

[6] *Классен Е.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до рюриковского времени, в особенности легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. 1—3. М., 1999.

[7] *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.

Вторым моментом индоевропейского влияния можно назвать влияние сарматов и их политических образований, что, скорее всего, оказало определенное влияние и на ранние формы государственности западнорусских и польско-литовских территорий — смутные упоминания в «Географическом руководстве»[1] Клавдием Птолемеем «Европейской Сарматии» позволяют предположить существование особого государства на территории современной Польши, Литвы и Западной Украины (что использовали позже в конкретных политических целях сторонники польско-литовской унии[2]). В этом полиэтническом по своему составу государстве функция правящей элиты принадлежала сарматским воинам, и скорее всего, эти сарматские корни можно обнаружить у древнейших представителей как литовских князей, так и польской шляхты и даже некоторых восточнорусских боярских родов (в первую очередь, у галицко-волынских[3]). Влияние сарматов — аланов и роксаланов — могло оказываться и на южнорусские земли, от Тмутараканского княжества, где значительная часть элиты была аланской, до территорий уличей, тиверцев и бужан, где ясские поселения чередовались с собственно славянскими даже в Киевскую эпоху[4].

Индоевропейским было готское царство Германариха с центром в Крыму, а также многочисленные и часто эфемерные политические образования на Севере Руси, которые возникали под влиянием варяжских вторжений. В этом случае правящей элитой становились варяги, интегрировавшие славянские территории в свои условные и довольно слабые государства, что выражалось прежде всего в обложении их данью.

Эти политические и культурные влияния индоевропейских туранских образований не могли не оказать определенного влияния на позднейшую восточнославянскую государственность и ее структуру. Как мы увидим в дальнейшем, Киевская Русь была изначально простроена по тому же самому принципу — в качестве правящей военной элиты пришельцев выступала варяжская дружина Рюрика (носители воинственного героического стиля).

Гунны, жужани, тюрки

Но туранская кочевая государственность не исчерпывалась индоевропейскими народами. Сплошь и рядом в качестве политического ядра политической интеграции Турана выступали и иные кочевые этносы — гунны, тюрки, манчжуры, монголы и т. д.[5] Они создавали свои кочевые империи в разных сегментах Великой Степи, устанавливали контроль над прилегающими к ним зонам оседлого расселения и иногда вторгались в такие состоятельные политические образования, как Древний Китай или Иран, а кроме того, по-

---

[1] *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1948. № 2 (24). С. 232—235. См. также: Античная география. Составитель проф. М.С. Боднарский. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953.

[2] *Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.* Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

[3] *Дугин А.Г.* Этносоциология.

[4] *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Киев: Издательский дом «Татьяна», 2004. «Реклама»)

[5] *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. Тверь-Москва, 2000.

стоянно враждовали друг с другом, меняя баланс сил, зоны контроля и, соответственно, отбивая друг у друга группы данников.

Наиболее масштабными в этой бесконечной череде кочевых империй, сменявших друг друга в Великой Степи[1], были

— империя *гуннов*, на короткое время объединивших под своей властью гигантские территории Евразии от Дальнего Востока до Европы;
— царство *жужаней* (манчжурских племен), остатком великой империи которых был аварский каганат, подчинивший себе западнорусские земли и уничтоженный только отрядами Карла Великого;
— голубая орда *тюрок*, положившая начало нескольким тюркским политическим образованиям, в том числе Хазарскому каганату (а он, в свою очередь, контролировал значительную часть русских земель, и многие восточнославянские племена платили хазарам дань, т. е., по сути, входили в состав Хазарского царства).

Туранское влияние на восточных славян

И индоевропейские, и неиндоевропейские этносы, создававшие свои, как правило, полиэтнические и кочевые империи, принадлежали в целом к *единому туранскому типу*, были носителями общего цивилизационного строя и общей степной воинственной культуры.

Мы вполне можем говорить о Туране как о *цивилизационном и социологическом явлении.* Туранская цивилизация являлась общей для самых различных народов, этносов, культур и политических образований, объединяющих территории северной Евразии от Дальнего Востока до Южной и Восточной Европы. Гуннское вторжение, а также многочисленные походы воинственных алан сделали определенные силы Турана важным фактором собственно *европейской политики*, представляя собой существенный сегмент тех сил, которые обобщенно назывались «варварами» и которые разрушили Западную Римскую Империю, а затем заложили основу политическому пространству, ставшему позднее Западной Европой.

Для русской истории совершенно принципиальным является следующее: *еще до возникновения собственной государственности (то есть в докиевский период) восточнославянские племена входили в состав многочисленных и разнообразных государственных образований туранского типа, а значит, были в той или иной степени знакомы с иерархической политической организацией, свойственной кочевым империям*[2]. Этот опыт древнейшей государственности в какой-то степени повлиял на политические и социальные представления восточных славян. Это влияние, с социологической точки зрения, вполне можно приравнять к прививке «*туранской цивилизации*», т. е. рассмотреть как интеграцию славян в контекст существовавшей уже ранее *евразийской социальной и политической культуры*[3]. Таким образом,

---

[1] *Гумилев Л. Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Айрис-Пресс, 2008

[2] *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952.

[3] *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь.

мы, не обладая достоверными фактическими данными о дописьменном и догосударственном периоде истории восточных славян, которые позднее стали основным субстратом русского народа, вполне можем утверждать, что этот период был *туранским* по своей социологической природе и, соответственно, не мог не оставить в русской культуре и русском политическом сознании соответствующего следа.

Туран как геополитическое понятие: «разбойники Степей»

Теперь попробуем описать Туран и его структуру с геополитической точки зрения, обрисовав тем самым в самых общих чертах *геополитическую* предысторию русских. Если обратиться к книге геоплитика Х. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность[1]», где он очерчивает границы Heartland'а, мы увидим на ней зону евразийских степей, обозначенную как область «Brigands of Steppes», т. е. дословно «разбойники степей». Этим термином Маккиндер определяет движущую силу теллурократии, *динамический субстрат* «цивилизации Суши». Им он противопоставляет «Brigands of Sea», «разбойников Моря», которые, в свою очередь, представляют собой *субстрат таллассократии* и «цивилизации Моря».

В этом термине основателя геополитики мы видим *точку пересечения геополитики и социологии*: геополитическая сила отождествляется с определенным цивилизационным укладом — в данном случае с «кочевыми империями» Евразии. Таким образом, *Туран как цивилизационное понятие приобретает геополитическое измерение и строго отождествляется с теллурократией*. Туран, таким образом, является конкретным *геополитическим концептом*, включающим в себя различные дополнительные измерения (географическое, политическое, цивилизационное и т. д.). Можно развить эти интуиции Маккиндера на основании его же реконструкций и предположить, что туранский тип цивилизации, а следовательно, модель кочевых империй Великой Степи, и лежит в основании теллурократических *политических* режимов. При этом следует учитывать, что «разбойники Степей» не просто представляют собой самодостаточную политическую общность, но являются лишь *движущей силой* государствообразования, где становятся чаще всего *правящим классом*, но где не менее важное (а количественно превалирующее) участие принимают и широкие группы *оседлого земледельческого населения*. То есть кочевые империи становятся полноценными теллурократическими государствами тогда, когда их господство накладывается *на различные социально-хозяйственные и этнические зоны, объединяемые воинственной туранской элитой в единый политический организм*. Здесь геополитика напрямую смыкается с теориями о происхождении государства и с этносоциологией[2].

Туранский контекст восточных славян

Этносоциология и исследования по древнейшей истории и восточных славян практически однозначно подводят нас к выводу о том, что преимущественным занятием восточных славян было *земледелие*, что, с социоло-

---

[1] *Mackinder H.* Democratic ideals and reality. London: Royal Geographic Society, 1919.

[2] *Дугин А.Г.* Этносоциология.

гической точки зрения, практически всегда сопряжено с *миролюбивой* ориентацией общества. Древние славяне были при необходимости храбрыми воинами, но стиль, приоритетно характеризующий их как этнокультурную общность, был неразрывно связан с *мирным крестьянским трудом*. Этот сельский уклад жизненного мира является постоянной характеристикой русского общества практически на всем протяжении русской истории. Уже только на этом основании можно предположить, что точно так же дело обстояло и в предыстории, к тому же скудные исторические сведения убеждают нас в правоте такого допущения. *Восточные славяне были этносом преимущественно хлеборобов-сельчан*. Сведения о наличии у них *собственной* воинской касты или устойчивого правящего класса (князей) крайне скудны или вообще отсутствуют[1].

Из этого можно сделать вывод, что *в общем составном контексте туранской цивилизации восточные славяне праисторического периода играли подчиненную роль крестьянских оседлых масс в иерархической системе, где правящим классом выступали степные воинственные этносы*. Трудно сказать, сводилось ли это только к уплате дани или к более широкому социально-политическому соучастию в общих политических и государственных структурах. В любом случае, на заре русской истории мы встречаем именно такую картину: славянские племена, преимущественно занятые сельским трудом, платят дань (как продуктами, товарами, так и подворными предоставлениями молодых людей в ополчение) неславянской воинственной элите — хазарам, варягам и т. д.

С геополитической точки зрения это чрезвычайно важное обстоятельство. Сами древние славяне *не являются* в полном смысле «разбойниками Степей», но входят в состав политических образований, создаваемых этими «разбойниками» как их оседлый сельскохозяйственный компонент.

Лес и его судьба

Восточные славяне расселялись вдоль течения рек преимущественно в лесной зоне. Они представляют собой *Лес*[2]. При этом зона Леса в доисторический период находится в той или иной степени *зависимости* от Великой Степи, откуда исходят основные *государствообразующие* импульсы «разбойников Суши». Нечто аналогичное происходит и на севере Руси, где источником постоянных военных набегов выступают «разбойники Севера», как правило, скандинавские германские племена.

Отсюда вытекает очень важное заключение: древнейшие восточные славяне *причастны* к туранской цивилизации, несут на себе ее отпечаток и следы ее влияния, но при этом *не тождественны* с ней полностью. Их самобытность и уникальность состоит в том, что они представляют собой Лес, окраину Великой Степи (если смотреть со стороны самой этой Степи) или нечто самостоятельное и самобытное, если посмотреть на ситуацию со стороны самой зоны Леса. Но чтобы этот взгляд из Леса на Степь стал возможен, славянам необходимо было *осознать свое политическое, историческое и геополитическое единство, осмыслить свое место в пространстве и сформиро-*

[1] В летописях упоминается «древлянский князь Мал», о котором мало что известно.

[2] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000.

вать представление об общей судьбе. Одним словом, необходимо было *осознать* себя Лесом[1].

Геополитическая дилемма славянского Леса

Это и произошло на следующем этапе русской истории — в процессе создания Киевской государственности. Однако следует обратить внимание на очень важное обстоятельство, лежащее в истоках геополитической истории Руси/России: пространство Леса, которое является «вмещающим ландшафтом»[2], «месторазвитием»[3] русского народа, социологически и геополитически *двойственно*; оно сопряжено с Тураном и туранским духом, несло на себе его влияние, но вместе с тем, теоретически, могло бы пойти в своем развитии и по совершенно иному пути — близкому к восточно-европейским и северо-европейским странам.

Иными словами, еще в преддверии начала русской политической истории мы сталкиваемся с принципиальным *геополитическим выбором*: как славянский Лес будет решать проблему Степи, как выстроит с ней отношения, как определит свое место в контексте западных соседей, европейцев, где туранское начало постепенно сходит на нет и где формируется иной тип цивилизации и государственности[4].

Итак, накануне своего вступления в политическую историю народов восточные славяне уже поставлены перед дилеммой: как строить отношения с Тураном, с одной стороны, и с Европой — с другой, являясь одновременно по ряду признаков интегральной частью *и той, и другой* цивилизационной модели.

Геополитический выбор является *открытым*. Разные силы в русской истории будут делать его по-разному, и из совокупности этих выборов и их последствий и будет складываться увлекательная и захватывающая геополитическая история Руси/России. На заре своего выхода на сцену истории у славянского Леса мы обнаруживаем широкий спектр возможностей, и Туран есть лишь одна из них.

Библиография

Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. М.: Институт русской цивилизации, 2011.
Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. Тверь-Москва, 2000.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Византизм и славянство. Великий спор. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.

---

[1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории.

[2] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1992.

[3] *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, М: Аграф, 1997.

[4] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории.

Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Основы евразийства. М.: 2002.
Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до рюриковского времени, в особенности легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. 1—3. М., 1999.
Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1948. № 2 (24). С. 232—235. См. также: Античная география / Составитель проф. М.С. Боднарский. Москва: Государственное издательство географической литературы, 1953.
Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской Императорской и Королевской Шведской Академий наук // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952.
Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.
Савицкий П.Н. Континент Евразия, М: Аграф, 1997.
Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Киев: Издательский дом «Татьяна», 2004.
Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962.
Фирдоуси. А. Шахнаме: В 6 т. М.: Наука, 1989.
Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история, СПб., 1997.
Cohen M.N. The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture. New Haven, CT: Yale University Press, 1977.
Conte Domenico. Catene di civiltà. Napoli: Ed. Scientifiche Italiane, 1994.
Dumezil G. Les Dieux des Indo-europeens, Paris: Presses universitaires de France. 1952.
Gumplowich L. Der Rassenkampf. Soziologische Untersuchunge. Innsbruck: Wagner, 1883.
Mackinder H. Democratic ideals and reality. London: Royal Geographic Society, 1919.
Mackinder H. J. The geographical pivot of history // The. Geographical Journal. № 23.1904.
Mackinder H. J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951
Ratzel F. Anthropogeographie. Stuttgart: J. Engelhorn, 1921.

Глава 2

ГЕОПОЛИТИКА КИЕВСКОЙ РУСИ И СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Возникновение древнерусского государства, Киевской Руси, прекрасно вписывается в классический для этого сектора евразийского пространства пространства сценарий. Инородческая элита, состоящая преимущественно из представителей воинственного этноса, устанавливает контроль над более миролюбивыми и оседлыми сельскими племенами, обеспечивающими хозяйственную основу жизни и массу населения, и в результате создается сложная социально-политическая система. Совершенно очевидно, что этот сценарий восточные славяне уже переживали не раз и не два. Это повторение классической для всего Турана схемы.

Проанализируем внимательно следующее место из «Повести временных лет»:

«В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси»[1].

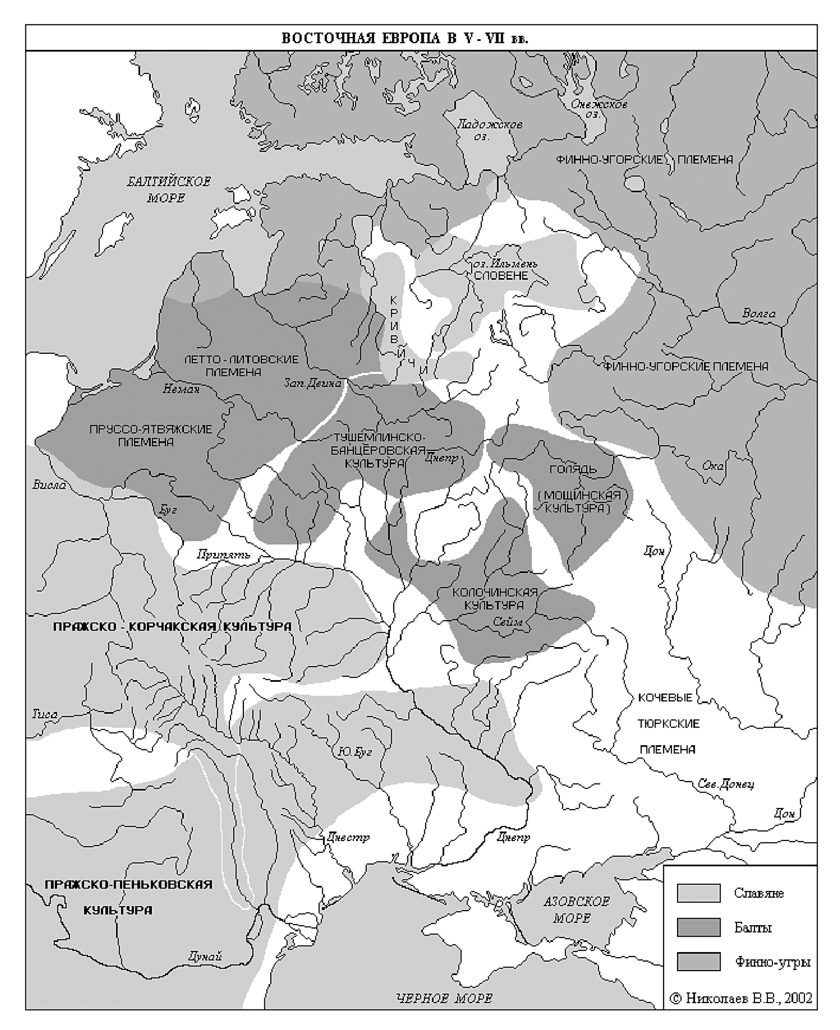
Мы видим, что начинается все с того, что несколько славянских и финно-угорских племен «изгоняют варягов за море» и отказываются «платить им дань». Это говорит о том, что раньше варяги *уже* правили этими племенами и собирали с них дань. А это, в свою очередь, означает, что племена, о которых идет речь, и которые выступают этническим субстратом создания первой русской государственности, ранее были частью *предшествующей* варяжской государственности. Значит, они жили в условиях политического строя, во главе которого стояла варяжская элита.

Далее следует упоминание о том, что эти племена «начали собой владеть», т. е. попытались организовать систему самоуправления при отсутствии инородческой элиты. Это можно рассмотреть как попытку создания восточнославянской государственности *без* привлечения инородческой элиты. Летописец описывает это как попытку неудачную («и не было среди них правды»), которая закончилась плачевно («и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом»). И вот после этого племена, о которых идет речь, принимают решение «пригласить варягов». Не важно, тех же самых, которые ими правили раньше или каких-то других (здесь есть много исторических версий[2]). Важно другое: восточнославянские племена *были* под варягами, *освободились* от варягов и, не справившись с вызовом исторического самоуправления, *снова обратились* к варягам. Иными словами, все

---

[1] Повесть временных лет. М.; Л., 1950.

[2] *Вернадский Г.В.* Русская история. М., 1997.

Ил. 19. Восточная Европа в V—VII веках. Славяне и их соседи: финно-угры, балты и тюрки

вернулось на круги своя, и постоянный сценарий образования государства повторился: избавились от варягов и снова обратились к варягам. Могли бы теоретически обратиться и к кому-то еще — например, хазарам, но обратились к варягам (которых до этого сами и прогнали).

Если мы поместим себя в тот исторический контекст, мы легко поймем, что словене, кривичи, меря и чудь не совершают обращением к Рюрику ничего принципиально нового, они следуют по классическому маршруту, явно известному им в течение многих столетий и имевшему место быть совсем недавно.

Новым же является именно то, что очередное основанное варяжской дружиной государство не оказалось столь эфемерным, как предыдущие, а

просуществовало более тысячи лет и в каком-то смысле существует и по сей день. Восточно-славянские племена ранее были лишь фрагментом социально-политической мозаики иных государств. Только после призвания Рюрика и основания им династии русских князей восточно-славянские племена получили *свое* государство — т. е. такое государство, где они были этническим и культурным большинством. Но это станет очевидным лишь по прошествии определенного времени.

На первом этапе наши предки в IX веке едва ли могли заметить то различие, которое было между варяжской дружиной Рюрика и предшествующими формами государственности. «Своими» варяжскую элиту и правящую великокняжескую династию восточные славяне стали воспринимать лишь намного позже и весьма постепенно, и вряд ли на первых порах могли осознать всю историческую значимость происходящего. Она откроется и будет осознана спустя несколько столетий, а в тот период это, скорее всего, выглядело как рядовой эпизод.

И тем не менее сейчас очевидно, что именно этот эпизод стал решающим и положил начало совершенно новому историческому циклу. По сути, в этот момент рождается новая историческая общность — *древнерусский народ* и *его* государство[1].

Государство Леса

Важнейшей особенностью ранней русской государственности является *территориальное* месторасположение в пространстве Турана и особенности правящей элиты. Это оказало огромное влияние и на геополитическую идентичность, и на социологические особенности.

Русское государство создается *на северо-западе Евразии*. Эта зона хотя и не отделена полностью от пространства Великой Степи, но и не примыкает к ней вплотную. Это — периферия Турана, которая одновременно расположена вплотную к тем территориям, которые позднее прочно войдут в пространство Европы. С точки зрения ландшафта, это почти целиком лесная или болотистая местность, географически прилегающая к Балтике и Скандинавии[2].

Правящая элита, принимающая активное участие в становлении этой государственности и положившая основу великокняжеской династии, также является не столько туранской (кочевой), сколько *северо-европейской*. Так же, как туранцы, варяги — «варвары», воины, носители жестко иерархических и агрессивно-мужских ценностей, пребывающие в постоянных пространственных перемещениях (военных походах). Этносоциолог Рихард Турнвальд описывает такой тип обществ как «речных кочевников»[3]; они «оставляют лошадь на берегу и воспринимают ладью, корабль как колесницу». У Турнвальда в его реконструкции архаических государств речь идет о почти полном социологическом тождестве кочевых народов Степи и северо-европейских варваров (викингов)[4].

---

[1] *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М.; Евразийское Движение, 2007; *Он же.* Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011.

[2] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

[3] *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931—1934.

[4] Ibidem.

Однако с геополитической точки зрения «разбойники Моря» качественно отличаются от «разбойников Степей» и ведут к особому типу цивилизации. Таким образом, в варягах мы вправе видеть определенные талассократические элементы.

Если мы посмотрим на европейские государства, то увидим, что большинство из них было создано по такой же схеме: воинственные северные варвары, чаще всего германского происхождения, захватывают территории, населенные оседлыми земледельцами (автохтонами), и из этого складывается новое самобытное социально-политическое единство. Ландшафты Европы были преимущественно лесными, что также сближает их с Древней Русью. Но в отношении этих государств нам известно, что многие из них (в частности, Англия, изначально построенная по тому же самому принципу — местные автохтоны, преимущественно кельты, и инородческая, преимущественно германская по происхождению элита) стали вполне талассократическими по своему геополитическому стилю.

В этом смысле Киевская Русь представляется вполне европейской державой: в ее основе зоны Леса, и ее политическая элита представляет собой прямых наследников «разбойников Моря».

Киевская Русь есть государство Леса, расположенное на северо-западной периферии Турана. Исходя из этой социологической и геополитической одновременно формулы, мы можем предсказать, что изначально в такой государственности заложены одновременно две противоположные тенденции*: талассократическая и теллурократическая,* морская и сухопутная, и (что то же самое в нашем конкретном случае) *европейская* и *евразийская,* туранская.

В таком случае диалектика русской истории, которую Г.В. Вернадский сводит к *диалектике Леса и Степи*[1], становится совершенно принципиальной и ключевой.

Чисто теоретически Киевская Русь могла бы пойти по двум путям — либо, став европейским государством, интегрироваться в общий контекст североевропейского и восточноевропейского пространства, либо стать органической частью туранского пространства или даже (как оно и произойдет в дальнейшем) интегрировать пространства Турана под своим началом. Но на первых этапах русской истории эта дилемма остается *открытой* и будет решаться на всем протяжении этой истории, составляя ее геополитический смысл. При этом геополитические аспекты будут тесно увязаны с социологическими трансформациями.

Правление Олега

Решающим моментом на самом раннем этапе становления русской государственности был захват воеводой Олегом, протектором молодого князя Игоря, Киева. Скорее всего, позиции Рюрика и его дружины были не слишком надежными, и нельзя исключить, что ильменские словене и кривичи были не слишком довольны установившимся порядком (о чем, в частности, свидетельствует восстание в Новгороде Вадима Храброго). Поход «вещего» Олега на Киев и перенос туда великокняжеского престола создали радикально *новую геополитическую ситуацию*.

---

[1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории.

Показательно, что Олег встречает в Киеве других варягов — Аскольда и Дира, как зримые следы еще одной эфемерной варяжской политической системы. Обманом, по свидетельству летописи, он умерщвляет их и сажает на великокняжеский престол в Киеве сына Рюрика Игоря. Так древнее государство восточных славян становится Киевской Русью, а Киев столицей и матерью городов русских.

Перенос столицы к югу из новгородских земель качественно меняет ситуацию: киевские князья выходят на границу с Великой Степью и приступают к решению фундаментальной геополитической задачи. Одно из восточнославянских племен — радимичи — на вопрос Олега о том, кому они платят дань, отвечают «хазарам». Олег переводит их в свое подчинение, и тем самым бросает вызов хазарам (туранской империи, основанной на кочевом принципе и контролировавшей ранее многие восточнославянские племена, т. е. правившей над ними[1]). По некоторым сведениям, до Олега хазарам платили дань также северяне и вятичи. По одной из версий сам Киев был изначально основан харазами как центр для сбора дани с местных племен[2].

Многое в русской истории связано с личной доблестью и военными успехами русских (варяжских) князей. Так, Олегу удается подчинить Киеву и, соответственно, великокняжеской власти, древлян, радимичей, полян, северян, хорватов, дулебов, а позже часть тиверцев и вятичей. При этом многие племена, прежде чем перейти под владычество Киева, оказывали отчаянное сопротивление. Ожесточенно сопротивлялись на западе древляне, на юге — тиверцы и уличи, на востоке — вятичи. Вместе с тем представители всех этих племен, а также тех племен, которые и пригласили на восточнославянские земли Рюрика с дружиной (славяне, кривичи, мерь и чудь), описываются как участники легендарного похода Олега на Константинополь, завершившегося, по свидетельству летописца, обложением Царьграда данью. Показательно, что все эти племена (или только южнорусские племена толмачей-тиверцев — слова «Повести временных лет» можно истолковать по-разному) совокупно называются «Великией Скифией», т. е. этносами, входившими в зону туранской государственности[3].

Деяния «вещего» Олега представляются фундаментальными в свете становления Киевского государства. В этот период устанавливается *новый центр* великой державы, распространяющий свое влияние сразу во всех направлениях — на север (словене, радимичи, кривичи, а также финно-угорские меря и чудь), на запад (древляне, хорваты, дулебы), на юг (тиверцы), на восток (северяне, вятичи).

Показательна легенда относительно смерти Олега, которую волхвы предсказали ему от коня. Этот эпизод и любовь Олега к боевому коню показывает, что варяжская дружина уже в ранний Киевский период находилась под значительным влиянием *туранских* военных обычаев, поскольку использование кавалерии является верным признаком именно степного способа ведения боевых действий[4].

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Айрис-Пресс, 2008.

[2] *Голб Н., Прицак О.* Хазаро-еврейские документы X в. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. Москва; Иерусалим, 2003.

[3] *Кузенков П.В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 3—172.

[4] *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.

Князь Игорь — начало диалога со Степью

Сыну Рюрика великому князю Игорю Олег оставляет уже огромную территорию с крепкой властью престольного города Киева. И хотя отдельные сегменты этого государства (например, древляне) не оставляют попыток выйти из-под великокняжеского контроля и позже, в целом Киевская власть устанавливается над восточнославянскими землями довольно прочно. Игорь, как известно, совершает, как и прежние киевские властители, два похода на Константинополь, в первом (941 год) его постигает поражение (греки использовали для битвы с русскими знаменитый «греческий огонь»), а второй (943 год) оказывается успешным[1]. В этот период Киевская держава продолжает укрепляться.

При Игоре на южнорусских границах появляются кочевники-печенеги и начинается история тесных отношений с Великой Степью[2]. Печенеги являются союзниками Игоря в Цареградском походе, и показательно, что летописец описывает вторгшееся в Византию русское войско как состоящее из военных ладей и из конницы. Военные ладьи — классическое средство передвижения варягов («разбойники Моря»), а вот конница — свидетельство о туранском влиянии («разбойники Степей»), и судя по словам летописца, речь шла не только о княжеской дружине (что мы видим уже в эпоху Олега), но и более массовом ее использовании русской коалицией. Была ли эта конница лишь печенежскими отрядами или часть славянских племен (скорее всего, проживавших в южных землях) также освоила венную кавалерию — вопрос открытый[3]. В любом случае, при Игоре мы видим интенсивное влияние Турана на Русь.

Важно, что после смерти Игоря его супруга, великая княгиня Ольга принимает в Царьграде Православие и тем самым впервые в русской истории намечает путь дальнейшей интеграции в христианскую эйкумену.

Святослав и его геополитический завет

Правление Святослава существенно расширяет пределы Киевского великого княжества. Вместе с тем отношения с Великой Степью становятся все более интенсивными и драматичными.

Важнейшим событием становится разгром войсками Святослава Хазарии. В 964—965 годах Святослав совместно с печенегами и гузами кладет конец хазарскому влиянию на территории, включающей устье Волги, Терек и часть Среднего Дона. Здесь Святослав побеждает не только хазар, но и косогов и ясов, т. е. предков современных черкесов и осетин, наследников предыдущих кочевых империй.

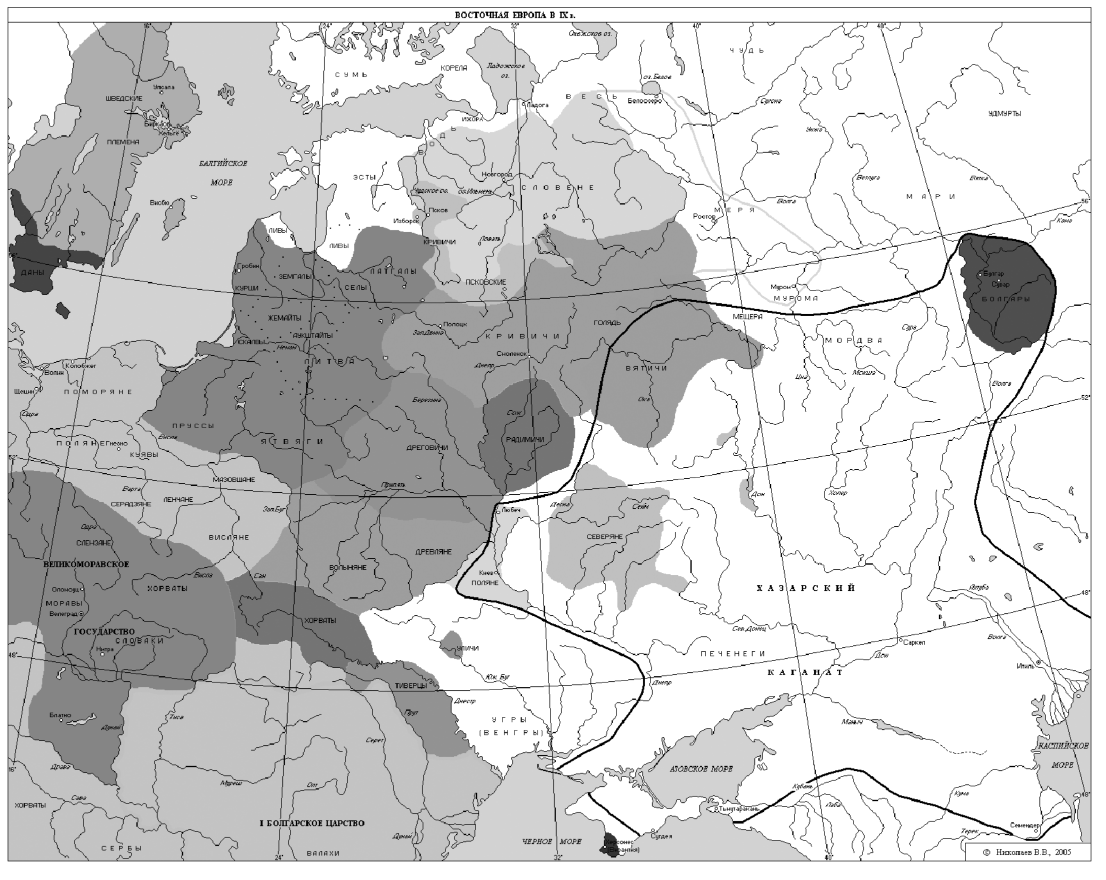
Тем самым границы русского государства достигают Каспия и Северного Кавказа. Это принципиально, т. к. мы видим в этом забегающий далеко вперед в русскую историю проект *интеграции Леса и Степи под властью Леса.* Прежде чем эти земли окончательно закрепятся за русскими, пройдут долгие века, прольются моря крови, состоятся сотни сражений. Южный век-

---

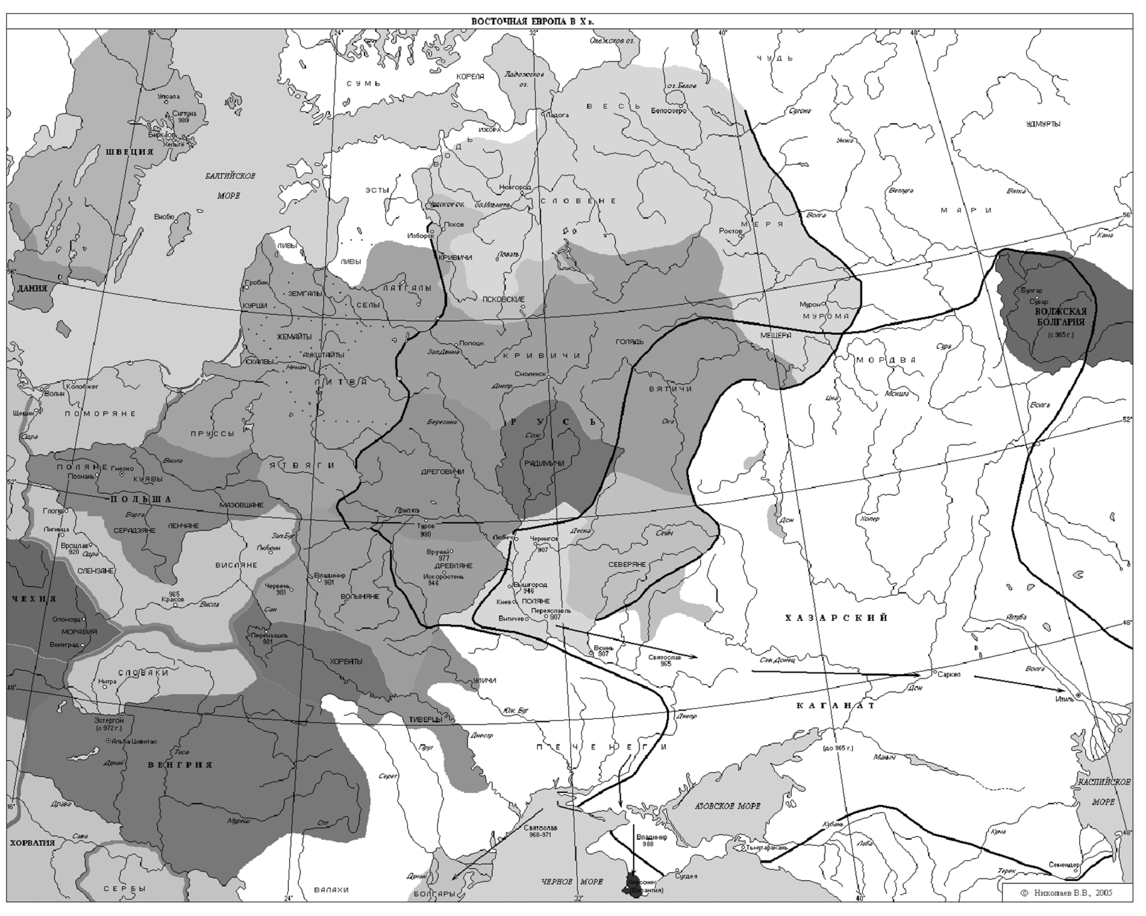
[1] *Князькин И.О.* Русско-византийская война 941—944 гг. и Хазария // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

[2] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 2009.

[3] *Коровкин Д., Жуков К.* Всадники войны. СПб., 2005.

Ил. 20. Славянские племена в начале IX века и Хазарский каганат

Ил. 21. Древняя Русь и Хазарский каганат

тор геополитики Святослава очерчивает на будущее вероятную глубину русского проникновения в этом направлении. А захваченный войсками Святослава древний город Тмутаракань (Самкерц у хазар, Гермонасса — у первых греческих поселенцев) еще долгое время будет самой южной территорией Древней Руси и центром Тмутараканского княжества.

Впечатляют успехи Святослава и на юго-западном направлении. Ему удается захватить болгарские земли. Поэтому он даже на короткий срок переносит столицу своего государства в Переяславец на Дунае. Летописец так сообщает об этом: «В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей»[1]. Таким образом, территория государства Святослава становится гигантской империей, включающей в себя как пространство, подчиненное Олегом и Игорем, так и новые земли — огромные зоны Прикаспия, Причерноморья и Болгарии.

Летописец подчеркивает воинственность Святослава. Об этом символически свидетельствует эпизод о подношении византийских переговорщиков: Святослав не обратил внимания на принесенные дары, но живо заинтересовался оружием. Перед нами неукротимый воин, преданный только одной идее — расширению границ своего могущества, установлению своей власти во всех возможных направлениях.

Вместе с тем в лице Святослава мы видим важнейшую геополитическую фигуру в русской истории. Смысл его деятельности в том, чтобы мечом максимально расширить границы русской земли в тех направлениях, где русские имеют наиболее опасных соперников. В его время это были юг и юго-запад. Вектора русской экспансии в этих направлениях очертили план позднейшей геополитической истории русской державы. Среди всех Киевских князей Святослав сделал для страны больше, чем кто-либо, за кратчайший срок своего княжения (28 лет) построив несущую конструкцию великого государства, в котором уже был намечен синтез Леса и Степи под началом именно Леса.

Святослава убивают печенеги. Это можно считать знаком того, что Великая Степь и ее кочевое воинственное население далеко не покорены русскими окончатлеьно, и для того, чтобы победа Леса над Степью стала свершившимся фактом, предстоит еще биться много веков. Однако, масштаб побед и деяний князя Святослава не может не поражать воображение. Равно как и его мужество, храбрость, презрение к покою и материальному комфорту.

Династическая преемственность и ее геополитическое значение

После княжения Святослава, который правил практически в одиночестве, не будучи обязанным считаться с какими-то иными князьями, начинается новая эпоха Киевской государственности. Отныне и очень надолго неуклонно возрастает фактор династической преемственности и необходимости наделять владением над отдельными территориями представителей великокняжеского дома. Рюрик, его родственник, великий военачальник и регент при князе Игоре Олег, сам Игорь и Святослав правили практически единолично. Возможно, в этом и состоит ключ к пониманию этапов до Святослава и после Святослава. Единоличное правление великого князя, который

[1] Повесть временных лет.

в своей деятельности может не обращать внимания на мнения удельных князей и проводить свободно политику, направленную исключительно в интересах собственного государства, приводит к ощутимым результатам — конечно, в том случае, если этот правитель обладает мужеством, страстным характером, отмечен храбростью, воинским духом и стратегическими способностями. Все эти качества счастливым образом наличествовали у первых русских князей, в результате чего русское государство и состоялось как исторический факт и внушительная геополитическая реальность.

Но ситуация начинает качественно меняться после смерти Святослава. Его сыновья Ярополк Киевский, Олег Древлянский, Владимир (получивший в княженье Новгород) уже входят друг с другом в братоубийственный конфликт.

С одной стороны, Ярополк, получивший в княженье Киев, является великим князем и поэтому остальные братья должны ему подчиняться. Но вместе с тем, принадлежа к одной и той же династии, все осознают себя равными и имеют право занять великокняжеский престол в случае смерти брата. Это подталкивает их при определенных обстоятельствах к тому, чтобы способствовать этой смерти, а в случае самих великих князей к тому, чтобы заранее предотвратить такую угрозу. В обоих случаях братоубийство становится открытой возможностью, равно как и соперничество внутри великокняжеской семьи, что неминуемо ведет к ослаблению государственного единства.

Так, в ходе ссоры с сыном Киевского воеводы Свенельда разгорается конфликт между Ярополком Киевским и его братом Олегом Древлянским. Ярополк берет штурмом древлянский город Овруч, где в давке гибнет его брат Олег. После смерти Олега Владимир покидает Новгород, позволяя какое-то время Ярополку править единолично, но скоро возвращается с варяжской дружиной, захватывает Полоцк (где княжит другой варяг, «пришедший из-за моря» Рогволод), насильно берет в жены дочь Рогволода Рогнеду, а потом осаждает Киев, коварством убивает Ярополка и в свою очередь становится единоличным правителем Киевского великого княжества. При этом единство Руси на какое-то время восстанавливается.

Важно заметить, что уже после смерти Святополка мы входим в такой период древней русской истории, когда *династические проблемы тесно переплетаются с геополитическими*. Так, в борьбе против брата Владимир опирается на варягов (внешнюю силу), к которым вначале уходит, а затем приводит их в качестве своего войска для захвата Киева. В свою очередь, верный Ярополку воевода Варяжко (тоже, судя по имени, варяг) настойчиво советует бежать к печенегам (в Степь) и собрать среди них войско для битвы с Владимиром. Сам Варяжко так и поступает после убийства Ярополка и какое-то время сражается вместе с печенегами против Владимира (но династического фактора здесь уже нет). Когда великий князь руководствуется только интересами своей державы, становятся возможными серьезные достижения, реформы, укрепление геополитического положения Руси. Но после Святополка и вплоть до Ивана Грозного таких периодов в русской истории было не много. Великокняжеская деятельность постоянно сопрягается с династическими трениями и поползновениями младших князей захватить Киевский престол. Отсутствие солидарности князей между собой и открытая вражда заставляют искать опоры *вне* Руси, постоянно ставя властителей перед геополитическим выбором, рамки которого диктуются конкретикой момента. Так, по мере роста княжеской усобицы геополитическая картина рус-

ской истории постоянно усложняется и одновременно *мельчает*. Цели деяний, войны, походы и мирные соглашения первых великих князей от Рюрика до Святополка геополитически прозрачны и довольно легко поддаются интерпретации. Позднее картина становится все более и более сложной и запутанной.

Русские и Русь: эволюция понятия

Стоит сказать несколько слов значение этнонима «русский». Изначально «русский» — это не ответ на вопрос «кто?», и даже не ответ на вопрос «какой?», но ответ на вопрос «чей?». Такие формы этнонимов довольно распространены. Этноним «француз» также означает дословно «находящийся под властью франков», «принадлежащий франкам», «подчиненный франкам». Франки — германское племя, завоевавшее огромные пространства Западной и Центральной Европы при Карле Великом и подчинившее себе множество этносов, в том числе романизированных кельтов (галлов), которые и стали после этого называться «французами».

Этноним «русские» складывался в четыре этапа.

1) В самом начале Киевской государственности под «Русью» понимались варяги — князья и княжеская дружина (гридь). Славяне (то есть славянские этносы, племена и племенные союзы) рассматривались отдельно. Они были не более «русскими», чем до этого «хазарскими». Они подчинялись варягам и платили им дань. В своих военных походах варяги-русь собирали из славян ополчение, где, судя по всему, они себя показывали с самой лучшей стороны. Поэтому первые походы «руси» описывались как «русь» со «славянами»[1].

2) По мере того, как Киевская великокняжеская власть укреплялась, понятие «русский» распространялась на те племена, которые непосредственно примыкали к Киеву, первыми стали платить «Руси» дань и признали ее главенство. Это были *поляне*, затем северяне. Они первыми интегрировались в социально-политические структуры вновь созданного государства и составили его этническую основу. Это важный момент: Рюрика призвали словены и кривичи, но не они стали славянским ядром этого народа. Таким ядром выступили именно поляне, а несколько позже северяне. Они-то и стали первыми «*русскими*», выступив как славянское ядро нового, только что вступившего в историю народа русичей[2]. Именно в этой среде факт выплаты дани варягам-руси впервые начинает осознаваться как *нечто большее*, нежели обычный для древних славян эпизод смены этноса политической элиты. В какой-то момент (в какой конкретно, точно установить нельзя, но он локализуется не позднее начала XI века, а может быть, уже и в X веке) группы славян и, в первую очередь, поляне, начинают осознавать, что на этот раз они имеют дело с их *собственным* государством, и в инородческой правящей элите отражаются (пусть преломленным образом) исторические интересы самих славян. Со своей стороны, русь-варяги славянизируются, а славяне становятся русскими. От значения «*чей*» (то есть, кому принадле-

[1] Г.В. Вернадский и позже Л.Н. Гумилев, а также некоторые другие историки отстаивали, впрочем, точку зрения, что этноним «русь» восходит к сарматам — роксоланам, «красным аланам», которые составляли основу военной аристократии древне-русского общества. См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб, 1992 и *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь-М.: Леан; Аграф, 1996.

[2] *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории.

жишь, кому платишь дань и отдаешь сыновей для участия в военных походах) происходит переход к значению «*какой*». «Русский» с определенного времени начинает означать одновременно и варяжскую элиту, и славянские массы. Варяжские элиты ославяниваются, славянские массы начинают воспринимать князей и дружину как «своих».

Нечто подобное, видимо, произошло и с балканскими болгарами, которые также заимствовали свой этноним от тюрок-булгар хана Аспаруха, подвергшихся славянизации. Мы такие же «русские», как болгары — «булгары», а французы — «франки».

Важно заметить, что именно поляне стали сердцевиной древнерусского народа. Возможно, вся история и призвание Рюрика есть не что иное, как ретроспективная проекция на реально имевшие место события исторического самосознания именно «русских» полян более позднего периода. Поляне осознали, *зачем* славяне призвали Рюрика и русь, поскольку они стали очевидцами как формирования славянской государственности с грандиозными имперостроительными успехами Олега, Игоря и Святослава и последующих великих князей киевских, так и культурного ославянивания правящей элиты. В любом случае, «Повесть временных лет» уже явно отражает *русско-славянскую идеологию* и отчетливое осознание исторического бытия народа как совершенно особой формы общества, резко контрастирующей для летописца с этническими параметрами прежнего бытия славянских и неславянских племен.

3) На следующем этапе в понятие «русский» стали включаться и остальные вошедшие в состав Киевской Руси славянские племена. Тогда семантика понятия «русские» варьировалась от «тех, кому уплачивается дань» до самоотождествления с новой исторической общностью. В этом смысле отчаянно сопротивлялись «русификации» славянские вятичи, отстаивавшие свои культурные и социальные обычаи и долго воспринимавшие инициативы Киевских князей по их включению в состав «русской» государственности как очередное «нашествие иноплеменных». Еще дольше сопротивлялись новгородцы и частично кривичи, упорно отказывавшиеся называть себя «русскими».

4) И лишь намного позже понятие «русский» получило то значение, которое оно имеет в наши дни и обозначает один народ, в который входят все восточные славяне. В этом случае «русский» — это уже ответ на вопрос «*кто?*» и подразумевает принадлежность к народу как к единой исторической общности, общности судьбы.

Крещение Руси Владимиром и его геополитические последствия

В политическом смысле Владимир, став единоличным правителем Руси, следует по стопам своих предшественников — усмиряет стремящиеся выйти из-под Киевской власти племена (вятичи, радимичи и т. д.), воюет с соседями (ляхами, болгарами), расширяет территории Руси. Показательно, что союзниками в борьбе с болгарами Владимир имеет тюркское степное племя торков. Но принципиально новым моментом в русской истории становятся не военные подвиги Владимира, а принятие им Православия как государственной религии Древней Руси. Вот это является *уникальным событием* и оказывает фундаментальное влияние на русскую геополитику вплоть до настоящего времени.

Приняв крещение и крестив киевлян и новгородцев, Владимир предопределил основные направления русской религиозной, но также политической и геополитической истории. Русь стала с этого момента *частью восточно-христианской цивилизации*, вошла в зону единой эйкумены. Это влекло за собой множество геополитических и социологических последствий.

Русь, став частью православного мира, до определенной степени признала авторитет и «руководящую роль» Византийской империи. И хотя русский великий князь не становится в полном смысле слова подчиненным византийского василевса, императора, предполагалось, что его превосходство он признает. Это вытекало из политической идеи Православия относительно «*симфонии властей*». Эта симфония предполагала гармоничные отношения Вселенского Патриарха (Константинопольского) и византийского императора, как вершину религиозно-политического синтеза, как наиболее легитимную власть как в политическом, так и в церковном смысле. Император приобретал в такой ситуации не роль просто светского правителя, как король или великий князь, но высшей инстанции, в которой происходило совмещение чисто политических, земных функций и религиозного служения. Эта религиозная миссия и отличала византийского императора от всех остальных королей и князей как христианских, так и не христианских держав. Император мог быть *только один*, а великих князей и королей — *много*. И весь православный мир признавал это право лишь за константинопольским василевсом (западные христиане после 800 года признали правомочность западных императоров, первым из которых был сам Карл Великий, но те, кто придерживался Православия, отвергли это как узурпацию). Соответственно, признавал это и великий князь Киевский после принятия крещения.

В еще большей степени прямая зависимость Киевской Руси от Византии проявлялась в церковной сфере. Принимая христианство, Владимир ставил Русскую Церковь в прямое подчинение Константинопольскому патриарху. Киевская Русь стала вначале епархией греческой церкви, а с 1100 года самостоятельной метрополией, и отныне все русские митрополиты (за редчайшим исключением) были греками и назначались напрямую из Константинополя.

Таким образом, Киевская Русь не просто интегрировалась в христианский мир в целом, но стала восприниматься и саму себя воспринимать как часть именно *византийского* мира, который постепенно все дальше и дальше расходился с миром западно-христианским, католическим.

Греческая культура в ее византийской форме была перенесена на Русь и с этого момента стала активно влиять на историческое становление общества. Русь заимствовала вместе с христианской верой кириллическую письменность, а переводы священных писаний и широкого корпуса православной литературы сформировали основу богословской и философской лексики. Решающим было влияние византийского права и социально-политических представлений. По сути, Киевская Русь с этого момента становится полем активного насаждения основ греческой учености почти во всех сферах жизни. Византия и греки начинают восприниматься как *образец* для подражания, как базовая религиозно-политическая и культурная модель.

Византизм, таким образом, становится важнейшим фактором русской геополитики и сохраняет свое значение (хотя и в разном качестве) на протяжении всех этапов русской истории.

Геополитические и социологические аспекты византизма

Перечислим основные моменты того, что представляют собой геополитические аспекты византизма. Подчеркнем, что речь идет не о геополитике Византии, что представляло бы собой совершенно особый труд, но о том, как византизм повлиял на геополитику русской державы.

Византизм предполагал последовательное отстаивание *православного* христианства. Из этого тезиса можно вывести два геополитических заключения:

1) Киев в своей внешней политике осознавал себя носителем христианства *перед лицом нехристианских* стран и этносов, что в определенный момент могло повлиять и влияло на проведение той или иной политической линии;

2) Киев перед лицом *западноевропейских и католических* (намного позже протестантских) стран воспринимал себя как носитель истинного христианства на фоне христианства «испорченного» и «ложного» (а после великой схизмы 1054 года — «латынской папежской ереси»).

При этом нельзя и абсолютизировать эти принципы. Между Киевом и Византией и после принятия христианства периодически возникали политические трения и даже военные конфликты, не были априорно исключены и конфликты с другими православными странами (например, с Болгарией). С другой стороны, Православие не являлось непреодолимым препятствием для заключения политических союзов и с нехристианскими державами или с западно-христианскими странами. И все же именно византизм, хотя и постоянно корректируемый в ту или иную строну конкретикой исторических союзов, походов, войн, пересекающихся интересов, перипетий династических коллизий и морганатических браков, оставался основным вектором русской политики на протяжении многих столетий. Русь осознавала себя ответственной за православную веру перед лицом истории, окружающего мира и самого Бога, и для традиционного исторического самосознания это было очень серьезным моментом.

С другой стороны, византизм выражался на социологическом уровне в принятии Византии за образцовое общество, в первую очередь, в *религиозно-политическом* смысле. Модель «симфонии властей» (гармонии между патриаршей и императорской властью) переносилась на соотношение священства и военной аристократии в целом, и налоги в пользу князя и бояр сочетались с церковной десятиной как материальное выражение признания властных полномочий обоих сословий — духовного и воинского. Церковь в такой ситуации играет важнейшую роль *духовного владычества*, занимаясь не только собственно вопросами культа, но и образованием, культурой, воспитанием народа, разделяя с князем и военным сословием ответственность за власть над обществом. И структура православного мировоззрения, таким образом, транслируется в народные массы и формирует ценностную систему всего общества.

Так *византизм сформировал русскую идентичность*, где «симфонические» соотношения между духовной и светской властью, взятые за норматив, являются сбалансированными и *взаимодополняющими* (в отличие, например, от католицизма, где однозначно проводится идея превосходства Церкви и ее главы, Папы Римского, над светской властью королей и аристократов). Византийская модель предполагает, что само православное государство

является *священным пространством*, где и Церковь, и политическая власть работают, в конечном счете, на духовное спасение всех членов общества. Именно эта концепция лежит в основе представления о Руси как о «священной державе», теория Святой Руси.

Со времени крещения Руси Владимиром, признанным за это судьбоносное деяние святым, русская геополитика стала развертываться уже с учетом византийского вектора. Так, постепенно формируется представление о том, что Русь — это часть *яфетического* (сегодня мы бы сказали индо-европейского) мира, а также часть *христианской эйкумены*. Вокруг нее преимущественно обитают народы либо «не просвещенные христианством», «иноверцы», либо «еретики». Представления византийской географии, включающей в себя также вымышленные земли и населяющие их этносы (что отражено в творениях Козьмы Индокоплова[1]), были распространены на Русь и отразились в многочисленных хрониках, летописях, «Палеях» и иных текстах.

Ярослав Мудрый: дробление и централизация

После смерти Владимира вновь начинаются усобицы. И прежде чем наступает великое княжение Ярослава Мудрого, когда централизаторские реформы снова подчиняют себе центробежные тенденции, самому Ярославу приходится выдержать трудные испытания.

«Повесть временных лет» сообщает нам, что у Владимира «было 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове, Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмутаракани»[2].

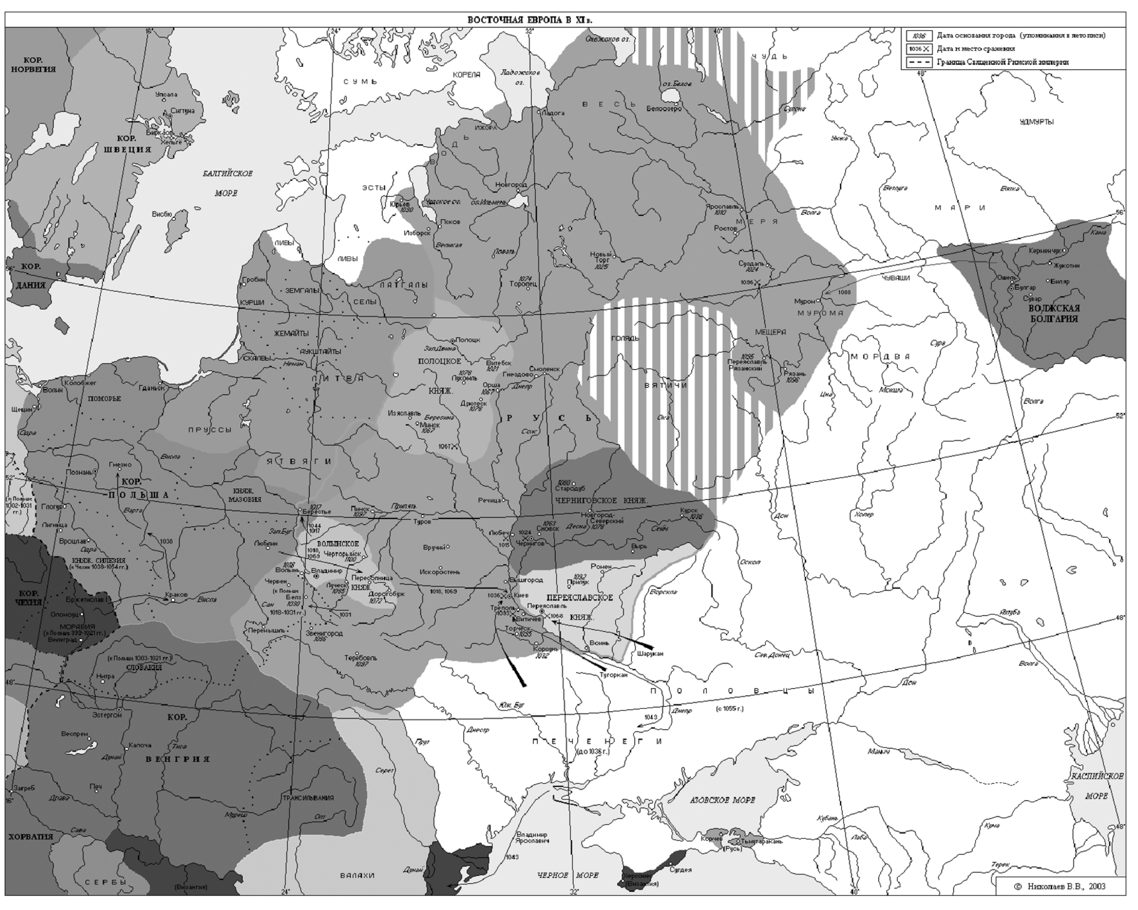
Владимир предполагал, что оставит великокняжеский престол Борису, против чего выступили Святополк и Ярослав, которому досталось Ростовское княжество, а позже (после смерти старшего брата Вышеслава) — Новгородское. По одной из версий, Святополк, который был сыном Ярополка, усыновленным Владимиром, и который получил удел в Турове, захватил власть в Киеве и вероломно убил князя Бориса. После чего он расправляется с Муромским князем Глебом и древлянским Святославом. Борис и Глеб были признаны первыми русскими святыми-мучениками, а сам Святополк получил устойчивый эпитет «Окаянный». Еще один сын Владимира, Мстислав, приобрел в надел самую южную территорию Тмутаракань, отделенную от основного пространства Киевской Руси контролируемой кочевниками (печенегами и половцами) степью.

Ярослав, повторяя сценарий Владимира, обращается за помощью к варягам и, побеждая войска Святополка под Любечем, выбивает Святополка из Киева. Святополк бежит в Польшу к Болеславу I Храброму, на чей дочери он был женат еще в бытность Туровским князем. Для усиления альянса Святополк заключает союз с печенегами, и в 1018 году польские и печенежские войска занимают Киев, а Ярослав отступает в Новгород**.** Там он еще раз повторяет все тот же прием и через год возвращается под стены Киева с вновь

---

[1] Книга нарицаема Козьма Индикоплов. М.: Индрик. 1997.

[2] Повесть временных лет.

Ил. 22. Русь и ее соседи в XI веке

набранным варяжским войском. Святополк бежит теперь к печенегам и пытается снова захватить Киев. В битве на реке Альте он гибнет, и Ярослав остается единоличным правителем Киевской Руси, не считая своего брата Мстислава Тмутараканского.

В 1023—1024 годах Мстислав выступает против Ярослава и наносит ему сокрушительное поражение близ города Листвен на реке Руда. Мстислав устанавливает контроль над всей левобережной Украиной (кроме Переяславщины), центром которой становится Чернигов. При этом по не очень понятным причинам Мстислав оставляет Ярославу великокняжеский престол и впоследствии выступает его союзником в походах на Яссы (1029) и против ляхов (1031).

В результате усобицы между Владимиром и Мстиславом складывается устойчивая связь между Тмутараканским княжеством и северской землей с политическим центром в Чернигове. После смерти Мстислава в 1034 году Ярослав остался единоличным властителем Киевской Руси. В этом же году он отразил печенегов, подошедших к Киеву, и больше они не решались повторить свои атаки.

Укрепившись на Киевском троне, Ярослав Мудрый проводит целый ряд централизаторских реформ, чем качественно укрепляет структуру государства. При Ярославе строятся храмы (в частности, храм святой Софии), переводятся с греческого на русский язык хроника Георгия Амартола и Кормчая книга. Ярослав публикует первый свод русских законов — Русская Правда. На Руси расцветает монастырская культура. Первый этнически русский (славянский) митрополит Илларион создает свое «Слово о Законе и Благодати», прославляющее деяния князя Владимира, принесшего на Русь христианство.

Таким образом, во второй половине своего правления Ярослав повторяет стратегию своего отца князя Владимира и стремится максимально укрепить единство русского государства как единого целого. Ретроспективно борьба с братьями со стороны Ярослава воспринимается *как противодействие централизма удельному дроблению* Руси.

Следует обратить внимание, что уже трижды повторяется один и тот же сценарий. Из Новгорода с опорой на варяжскую дружину приходят *объединители* Руси. Вначале это «вещий» Олег. Затем Владимир, потом Ярослав. Единство Руси и противостояние раздробленности и усобицам исходит с севера и опирается на все новые и новые варяжские военные отряды.

Геополитический анализ царствования Ярослава Мудрого сводится к укреплению могущества и единства Руси по тем силовым линиям, которые были заложены его предшественниками. Балансируя между севером (варягами) и югом (степняки-кочевники), Ярослав (в отличие, например, от Святополка) к западным соседям Руси за поддержкой не обращается. При этом битва Владимировичей за киевский престол прообразует собой *грядущую раздробленность* — сохранять единство Руси при существующем порядке передачи династической власти становится с каждым витком все сложнее и сложнее, а отношения внутри великокняжеского дома между братьями становятся все более и более драматическими. Не случайно первыми русскими святыми становятся князья Борис и Глеб, павшие в междоусобной резне, учиненной Святополком в борьбе за великокняжеский престол. Русская церковь канонизирует жертв, а народная память проклинает убийцу — как укор тем силам, которые ведут страну к распаду и дроблению.

Владимир Мономах: закат золотого века

После правления Ярослава Русь вступает в фазу *удельных княжеств*. Подходит к концу первый двухсотлетний период русской государственности. Ярослав Мудрый, поделив Киевскую Русь на 5 частей, завещает править этими землями своим сыновьям, но между братьями начинаются ссоры, которые окончательно дробят Русь на относительно самостоятельные княжества. В дальнейшем количество князей, имеющих претензии на великокняжеский престол и на удельные княжества, постоянно растет, что порождает новые и новые раздоры. Хотя в теории само наличие великокняжеского престола сохраняется на всем протяжении русской истории вплоть до установления царской власти в XVI веке в Московском царстве при помазании на царство Ивана IV, на практике оно постепенно утрачивает свое изначальное политическое и геополитическое содержание.

Смерть Ярослава Мудрого в 1054 году открывает собой новую серию княжеских усобиц. Сначала киевский стол по очереди занимали три сына Ярослава — Изяслав, Святослав и Всеволод (четвертый сын, Владимир, рано умер). Но уже среди них возникла борьба за великокняжеский стол: Изяслав был выгнан из Киева, и Святослав правил при его жизни. После смерти младшего сына Ярослава, Всеволода, как и следовало, правил старший сын Изяслава, Святополк Изяславович. Но после его смерти киевляне не пустили к себе Святославова сына, Олега, прозванного Гориславичем.

В конце концов, в последний раз объединить Русь стало возможно только внуку Ярослава Мудрого Владимиру Всеволодовичу Мономаху. Хотя путь Владимира Мономаха к верховному правлению был непростым.

После Любечского съезда в 1097 году, когда князья решили «каждый да держит вотчину свою», состоялся, по сути, раздел Руси. Но тактичность и деликатность дипломатической политики Владимира Мономаха, который упорно отказывался занимать великокняжеский престол, предоставляя на это право своим двоюродным братьям, считавшимся «старшими», а также совершал другие весьма эффективные шаги, позволили на тот момент временно примирить враждующие стороны и создали предпосылки для последующей централизации.

Время правления Владимира Мономаха было *последним этапом* золотого века Киевской Руси. Ни половцы, ни другие племена не беспокоили Русь в это время. В 1116 году Владимир послал своего сына Ярополка на Дон, где тот завоевал у половцев три города. Мстислав, другой сын Владимира, вместе с новгородцами побил чудь на балтийском побережье. В 1120 году Юрий, князь Ростовский, еще один из десяти его сыновей, разгромил болгар на Волге.

В русской истории Владимир Мономах известен как «собиратель русских земель».

Геополитика Киевской Руси: от Рюрика до Владимира Мономаха

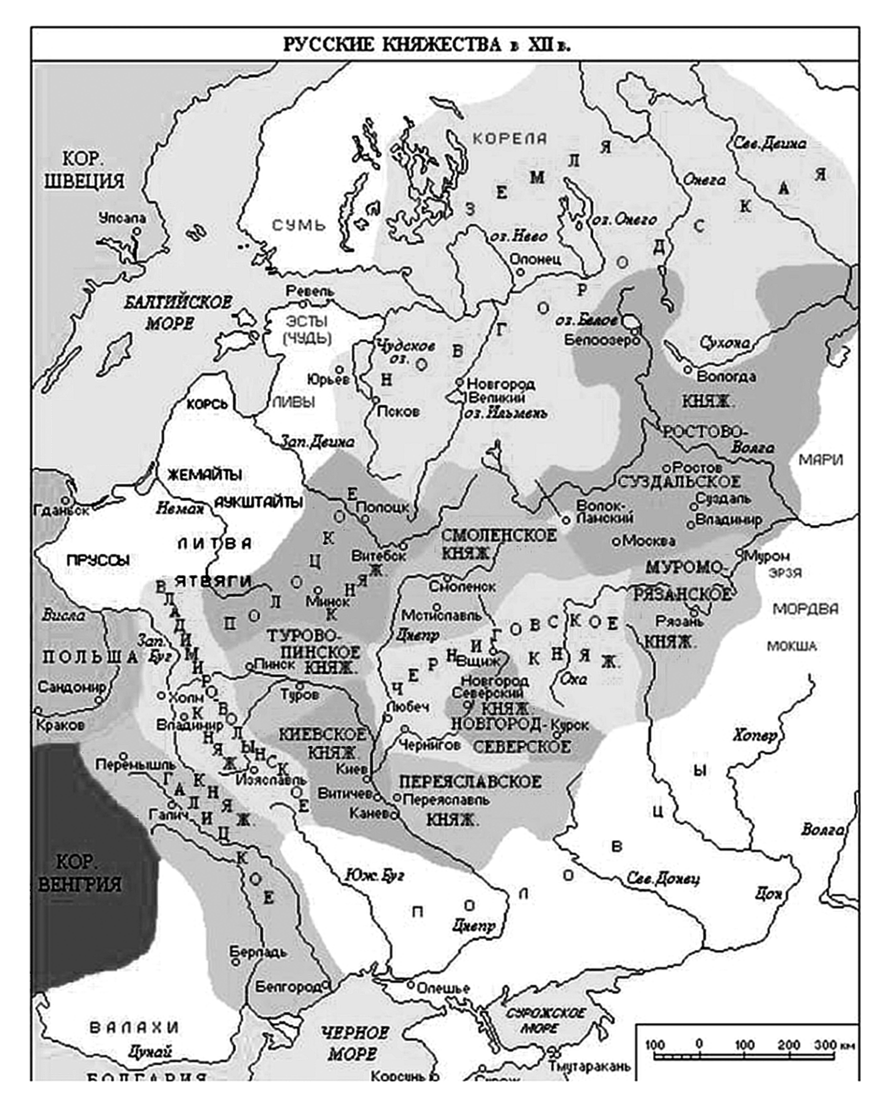
Подведем итог основных геополитических процессов, характеризующих «золотой век» Киевской Руси (от Рюрика до Владимира Мономаха) — тот период, когда древнерусское государство создавалось, укреплялось, росло и становилось самостоятельным игроком в поле европейской и евразийской геополитики.

Киевская Русь как государство сложилась в северо-западном секторе Турана, в лесной зоне и стало *самой восточной точкой европейского пространства и самой западной точкой пространства евразийского*. Киевская Русь, таким образом, несет в себе изначально *двойственную* геополитическую ориентацию (о чем уже говорилось): она могла сближаться с европейской геополитикой, а могла и с туранской, степной. В этом ее основное отличие от предшествующих типов государственности, существовавших на этих пространствах, центр которых находился почти неизменно в Степи и ядром которых были кочевые степные этносы. В Киевской Руси Лес *впервые* делает попытку установить контроль над Великой Степью (хазарские походы Олега и особенно Святослава), что позднее будет *постоянным лейтмотивом* геополитической истории Руси и России.

Сложившись в нечто цельное, Киевская Русь вынуждена была постоянно давать ответы на геополитические вызовы, возникающие со всех сторон: с севера это были варяги и другие германцы, с запада — поляки (ляхи), венгры (шире, давление католического мира), с юга — разнообразные степные народы (от хазар до косогов, ясов, печенегов и половцев), на востоке же четко оформленного субъекта нет, и влияние русского государства в направлении Поволжья распространялось постепенно и методично, без особых драматических коллизий (естественным препятствием на этом направлении была Волжская Булгария). На юго-востоке динамично развивались отношения с православной Болгарией. Отдельной темой является диалог с Византией, который приобрел новое измерение после принятия Владимиром Православия и крещения Руси. В большинстве случаев геополитические вызовы были типологически весьма сходными, хотя их субъекты и структуры коалиций менялись. Эти вызовы можно представить себе как *геополитические константы*, принципиально не меняющиеся со временем. Варягов позднее сменят германцы Тевтонского Ордена; поляков — литовцы; контролирующие Великую Степь этносы будут меняться вплоть до монголов; Византия будет слабеть, но *сами вектора сохранятся*, и на каждом новом витке русской истории русские правители будут вынуждены давать на все эти вызовы новые ответы, проистекающие из конкретного исторического и стратегического баланса сил.

Геополитическая стратегия Киевской Руси при столкновении со всеми этими вызовами была довольно проста и сводилась к необходимости путем войн, альянсов, династических браков или мирных договоров *оградить державу от вторжений*, распространить русское влияние на соседние земли (или при возможности их присоединить), обеспечить выгодный для России расклад сил с учетом политических и экономических интересов, а также на основе религиозного фактора. Эта стратегия оставалась в целом довольно *постоянной* и последовательно отстаивалась всегда, когда правители Руси могли сосредоточиться на делах государства и действовать исходя только из интересов державы.

Кроме внешних вызовов, Киевская Русь сталкивалась со *внутренними* вызовами. Они состояли из двух основных факторов: 1) стремления отдельных областей, племен или этносов выйти из-под зависимости от Киева (восстания древлян, радимичей, вятичей, северян, чуди и т. д.) и 2) княжеских усобиц, разъединяющих единое политическое пространство Руси из-за личных властных амбиций тех или иных князей.

Ил. 23. Русские княжества в XII веке

Сепаратизм и княжеские раздоры намечали внутренние *линии разлома* единого геополитического пространства, что влияло на его связность и устойчивость и переплеталось с давлением внешних сил. Так, во время княжеских усобиц враждующие стороны постоянно обращались к внешним игрокам, на которые старались опереться для захвата и удержания власти. Все это порождало особое *геополитическое поле Киевской Руси*, которое может быть представлено как единая система, внутренняя структура которой постоянно то ослабевает, то укрепляется, и на которую воздействуют приблизительно *одни и те же* силы, но с *разной* степенью интенсивности. Каждый момент этой геополитической динамической картины может быть опи-

сан с опорой на исторические данные, но общее видение прояснится только тогда, когда мы сможем охватить ее всю целиком — именно как *систему с постоянной структурой*.

Развивая метафору геополитика Р. Челлена, называвшего государства «живыми организмами», можно сказать, что Киевская Русь была *пространственным организмом*, живым, динамичным и постоянно меняющимся, но при этом сохраняющим приблизительно одну и ту же форму, как человеческое тело остается одним и тем же, несмотря на то, что материальные клетки в нем непрерывно воспроизводятся заново. У этого пространственного организма первого этапа русской геополитической истории были свои границы — максимальный их объем был намечен походами Святослава, а минимальный — раскалыванием Руси на удельные княжества, закрепленные, например, результатами Любечского съезда. Осцилляция между этими границами — от централизма к расколу и от раскола к новому централизму — составляла основу второй половины «золотого века» древнерусской государственности.

После Крещения Руси святым Владимиром на общую геополитическую картину Киевской Руси как государства Леса, граничащего с пространствами Великой Степи, наложился *фактор византизма*, что сделало Киевскую Русь *интегральной частью восточно-христианского мира* и православной эйкумены[1]. Так, у Киева появился своего рода «трансцендентный» ориентир, влияющий на политику, геополитику, культуру, идентичность. Признав себя частью православного мира, Киевская Русь обязывалась проводить свою политику, сообразуясь не просто с локальными интересами, но и с учетом православной идентичности, в соответствии с нормами, критериями и целями православного христианства и согласуясь при этом с Византией как оплотом вселенского православия. Проекция византизма на общее геополитическое поле Киевской Руси придавала развертывающимся в этом поле и по его периферии процессам дополнительное измерение. Отныне Русь должна была действовать в мировой политике не только от своего собственного лица, но и от лица Вселенского православия, разделяя эту миссию с другими православными державами, и в первую очередь, с Византией.

Можно свести все основные геополитические вектора Киевского периода к основному тезису: императив *внутреннего единства, цельности и пространственной экспансии*. Русь должна была быть *единой* для отторжения атак соперников и для расширения своего влияния за своими границами. Она должна быть *цельной* для того, чтобы эффективно справляться с внешними вызовами. Она должна быть *консолидированной* для того, чтобы охранять православную традицию в своем обществе и нести ее другим народам в духе византийской политики, раздвигая тем самым границы православной эйкумены.

Те правители Древней Руси, которые наиболее последовательно двигались в этом направлении, остались в народной памяти как герои и святые (Олег, Святослав, Владимир, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах). Те, кто отклонялся от этого курса, расшатывал единство и углублялся в мелкие распри, забывались или осуждались (например, как Ярополк Окаянный или первый русский «западник»[2] Святополк).

---

[1] *Вернадский Г.В.* Древняя Русь.

[2] *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории.

Библиография

Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт Русской Цивилизации, 2009.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь-М., 1996.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. Научная редакция, послесловие и комментарии В. Я. Петрухина. Москва; Иерусалим, 2003.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 2009.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.; Евразийское Движение, 2007.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Основы евразийства. М.: 2002.
Дугин А.Г. Русская вещь: В 2 т. М.: Арктогея-центр, 2000.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.
Книга нарицаема Козьма Индикоплов. М.: Индрик, 1997.
Коровкин Д., Жуков К. Всадники войны. СПб., 2005.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Литаврин Г.Г. Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987.
Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.
Панарин С.А. Россия и Восток. М.: Институт востоковедения РАН, 1993.
Повесть временных лет. М., Л.,1950.
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М: Аграф, 1997.
Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма (1840—1876). М., 1997.
Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Петроград, 1915.
Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ / Под ред. *Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко.* Т. 1: XI—XII века. СПб.: Наука, 1997.
Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб., 1997.
Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Щенников А.А. Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. М.: Наука, 1987.
Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931—1934.

Глава 3

ГЕОПОЛИТИКА УДЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

Удельная Русь как исторический антитезис

За «золотым веком» киевской государственности, когда в целом шло бурное становление русской державы, выяснение ее естественных границ, определение идентичности общества, поиск места в общей системе международного баланса сил Европы и Турана, последовал плачевный период удельной раздробленности. Если воспользоваться аппаратом диалектики, то можно определить первый (приблизительно двухсотлетний) период Киевской Руси от Рюрика до Владимира Мономаха как *тезис*, а последующий за ним (также приблизительно двухсотлетний) период как *антитезис*. На первом этапе государство создавалось, расширялось и укреплялось на втором этапе ослаблялось, сужалось и распадалось. Это отражалась на самых разных срезах русской жизни. Лев Гумилев отмечает[1], что в удельный период резко деградирует культура, русские утрачивают широкий кругозор географических представлений, замыкаются в мелких и сиюминутных дрязгах и усобицах.

Геополитическое поле Киевской Руси на этом этапе теряет связность, гибкость, цельность; вся система приобретает полицентрический, фрагментированный, рассыпчатый характер.

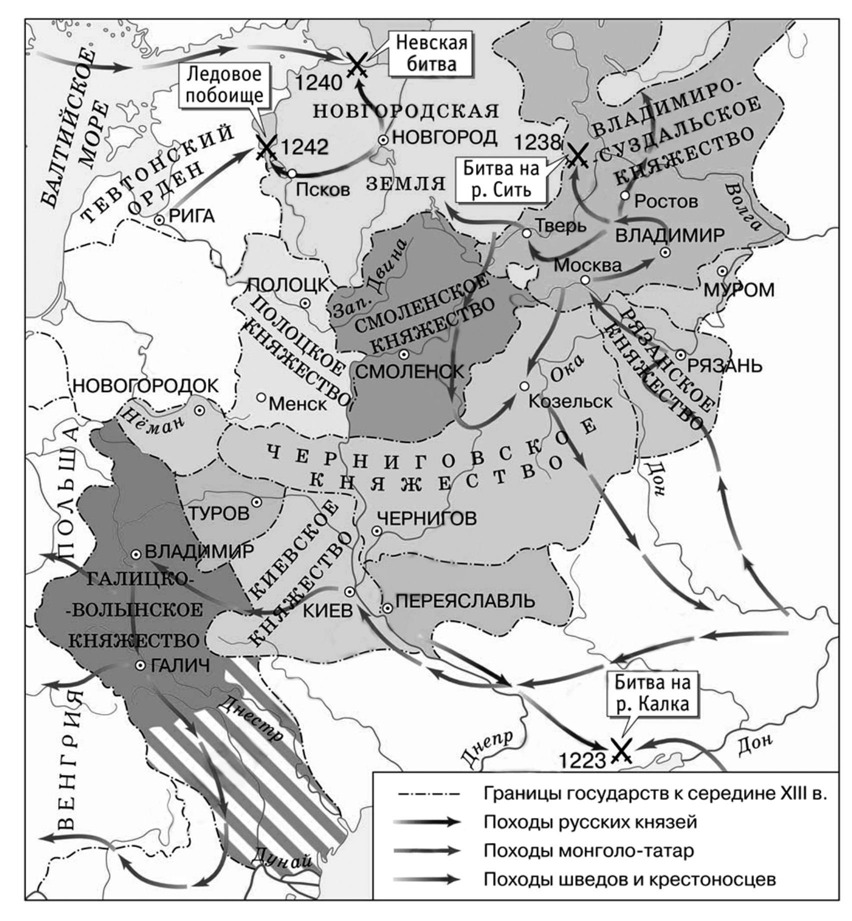
После Мстислава Великого

Удельный период начинается после смерти Владимира Мономаха. Хотя его старшему сыну Мстиславу Великому снова удалось на определенный срок воссоздать государственное единство, окончательную утрату этого единства и соответственно, начало удельного периода принято отсчитывать со смерти Мстислава в 1132 году. Отныне единое и цельное Киевское государство уходит в прошлое и несколько веков существует лишь номинально.

Некоторое время Киев оставался все же мощнейшим центром притяжения и сам по себе весьма влиятельным княжеством. Киевский князь продолжал распоряжаться Туровским, Переяславским и Владимиро-Волынским княжествами. При этом обособились от Киева Чернигово-Северское, Смоленское, Ростово-Суздальское, Муромо-Рязанское, Перемышльское и Теребовльское княжества и Новгородская земля. Постепенно в каждом из этих княжеств (за исключением Киевского и Новгородского, а за Галицко-Волынское княжество после гибели Романа Мстиславича на протяжении около сорока лет шла война между всеми южнорусскими князьями, закончившаяся победой Даниила Романовича Волынского) складывались свои *собственные* династии, получавшие все больше автономных прав. Летописцы стали при-

---

[1] *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб, 1992.

Ил. 24. Удельная Русь в период раздробленности

менять для них название «земли», которым ранее обозначались государства. Внутри княжеств образовывались дополнительные уделы, призванные служить «вотчинами» для различных ветвей уже удельных династий. Так Русь вступала в длительный цикл дробления, где центробежные тенденции преобладали над центростремительными.

Пять полюсов Древней Руси

Среди всех княжеств следует особо выделить пять областей, отличающихся разной геополитической и социологической *спецификой:*

1) Новгород;
2) Владимирско-Суздальское княжество;
3) Волынское и Галицкое княжества, позднее объединившиеся;
4) собственно Киевское княжество;
5) южные, пограничные со Степью земли, заселенные тиверцами, уличами и отчасти северянами.

Каждая из этих областей соответствует географической зоне — север, юг, восток, запад и центр (под центром мы понимаем, естественно, сам Киев). Эта специфика дала о себе знать именно в период дробления единого государства, но сформировалась она гораздо раньше, будучи оттененной и отчасти сглаженной централистскими тенденциями. В предыдущей главе мы специально не стали отдельно описывать социологические особенности древнекиевского государства в их связи с геополитикой как раз потому, что на первом этапе важнее всего были централистские тенденции, становление Киевской Руси как цельного «пространственного организма», единого геополитического поля. Конечно, в этот изначальный период Русь была далеко не однородна, а составляющие ее земли отличались своеобразными чертами. Но проявилось это в полной мере и стало самостоятельным социологическим, геополитическим и историческим фактором только в удельный период.

Новгородская Республика: вечевая демократия

Новгород и новгородское княжество было построено на принципе *вечевой городской демократии*, в целом подобной греческим полисам и, в частности, Афинам. В Новгороде все влияние сосредотачивалось в руках богатых купцов (гостей), но на политические решения оказывало значительное влияние и городское вече, в котором принимали участие представители всех городских концов (Новгород был разделен на несколько районов — «концов»).

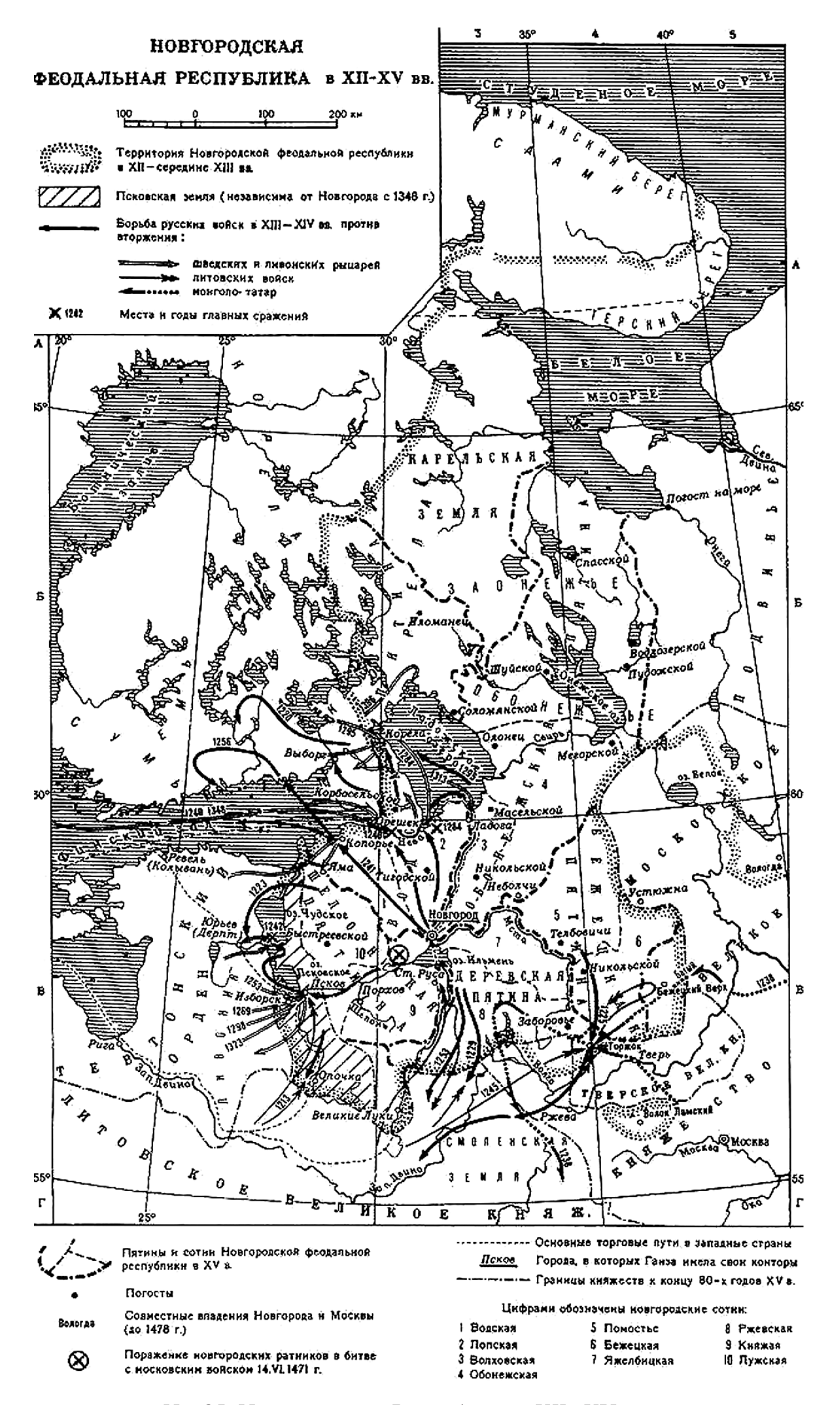
Эти городские концы выступали как владельцы земельных хозяйств, расположенных вокруг города, и собирали с них дань. В Новгороде мы видим именно город/полис с развитым торговым сословием, с «буржуазной демократией» и с минимальным влиянием князей и аристократии (бояр и дружины). Князья выступали в отношениях с Новгородом как с политическим организмом *на равных*, заключая сделки и соглашения о совместных действиях, когда это было выгодно обеим сторонам. При этом жители Новгорода противились устойчивому установлению прочной династической власти, что проявляется в отсутствии постоянной ветви новгородских князей. Возможно, это явилось следствием сильного варяжского влияния, т. к. весьма сходные структуры мы встречаем в северо-германских (чаще всего портовых) городах Ганзейского союза.

Высшая власть в Новгороде принадлежала народному собранию — *вече*. Главную роль в решении важнейших вопросов играл боярский совет («совет господ», или «300 золотых поясов»). Главой государства считался *посадник*. Свои полномочия посадник делил с князем. В отличие от других русских земель, в Новгороде князь не получал власть по наследству, а приглашался на княжение городом. Его главная функция — обеспечение защиты государства от внешних врагов. Совместно с посадником князь осуществлял судебные функции. Если князь не устраивал новгородцев, его изгоняли и приглашали другого. Помимо князя, военную функцию исполнял *тысяцкий* — глава городского ополчения. Духовная власть в Великом Новгороде была представлена *епископом*, личность которого согласовывалась с вече.

Формула Новгородского княжества может быть выражена кратко так:

урбанизация — доминирующая вечевая демократия — торговое сословие — слабая аристократия — слабая княжеская власть

Сходная модель существовала в Пскове.

Ил. 25. Новгородская Республика в XII—XV веках

Геополитика русского Севера

С геополитической точки зрения такая социологическая особенность Новгородской республики соответствовала структуре *скандинавских* и, шире, *североевропейских* обществ. Это объясняется и территориальным месторасположением этой зоны, и близостью к Скандинавии и интенсивными контактами с северогерманским миром. В Новгороде и прилегающих землях мы встречаем недвусмысленные следы широкого присутствия *древних варяжских поселений*. Не случайно Рюрика на княжение среди славянских племен пригласили именно ильменские славяне и кривичи, которые населяли новгородскую землю.

Сами варяги воспринимали северные и северо-западные земли Руси от Новгорода до Полоцка как имеющие к ним прямое отношение и входящие в их *естественную зону влияния*. Позднее именно в этой зоне русские столкнутся с Тевтонским и Ливонским орденами, а самих новгородцев русские великие князья (вплоть до Ивана Грозного) будут неоднократно подозревать в измене в пользу североевропейских держав.

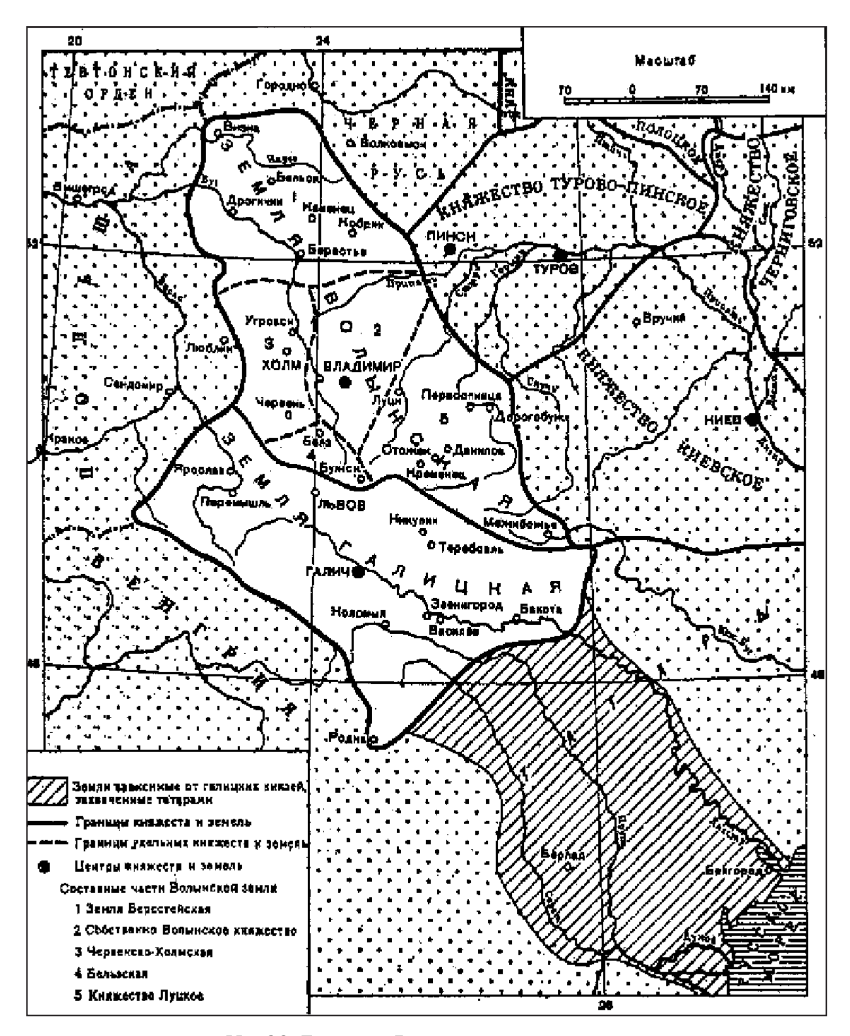
Модель устройства новгородского общества, сопряженная с геополитической ориентацией на пространство европейского севера (Балтики и Скандинавии), представляет собой одну из важнейших составляющих древнерусского социума. Можно (чисто теоретически) предположить, что такая модель социального устройства стала бы *доминантной* для Руси в целом, если бы основным социологическим и геополитическим вектором развития русской государственности стало следование по скандинавско-балтийскому «варяжскому», «северному» пути. Везде в русском государстве, где были развиты институты городского вече и торговое сословие, мы встречаем нечто от новгородского социального порядка. И соответственно, мы можем сделать допущение, что такая особенность так или иначе будет сопряжена с варяжским элементом и «северным» вектором в русской геополитике.

В эпоху раздробленности, которую мы в данный момент приоритетно разбираем, Новгородская республика тяготеет к обособлению от других центров древнерусской государственности, стремится укрепить и сделать автономной свою собственную социально-политическую в полном смысле слова «республиканскую модель.

Итак, понятие «север» в геополитическом и социологическом смысле применительно к древнерусскому государству приобретает конкретное содержание: речь идет о модели республиканско-демократического купеческого строя, ориентированного на развитие интенсивных отношений с пространством Балтии и Северной Европы.

Западнорусская аристократия

Совершенно иная социологическая картина обнаруживается в западных (Полоцкое) и юго-западных княжествах Руси (Галицкое и Волынское, которые позже будут объединены). Здесь также существуют остатки древнеславянского вече, но преобладает *аристократический* тип общества. На Волыни и Галичине власть сосредоточена в руках *военной знати* — потомственного боярства. Влияние самого удельного князя зависит только от его личных качеств, но при любом удобном случае активные представители княжеских родов или даже боярства стараются бросить этой власти вызов. Дан-

Ил. 26. Галицко-Волынское княжество

ная социально-политическая модель более всего напоминает *европейские феодальные государства* того времени, с которыми Галицкое и Волынское княжества соседствуют и активно взаимодействуют.

По одной из версий, такая особенность западнорусских княжеств связана с наличием среди славян большого количества *сарматских* элементов[1], что особенно заметно у белых хорватов, сближаемых иногда с аорсами. Нельзя исключить, что у белых хорватов и волынян были свои военные предво-

---

[1] По одной из версий древние анты были продуктом смешения восточных славян с сарматами в контексте Черняховской культуры. См.: *Магомедов Б.В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987 и *Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна. Москва: Центрполиграф, 2003.

дители, по аналогии с поляками и литовцами, оставшиеся от сарматских нашествий[1].

Формула Галицко-Волынской удельной модели, довольно близкой к модели Полоцкого княжества, может быть представлена таким образом:

аристократическое правление — слабое вече —
слабая княжеская власть — феодализм.

Здесь мы имеем дело с социологической структурой, аналогичной структуре средневековых восточно-европейских государств — Польши, Венгрии, Моравии и т. д. Здесь доминирует *военная аристократия*, а князь или король считаются «первыми среди равных».

Древнерусское западничество

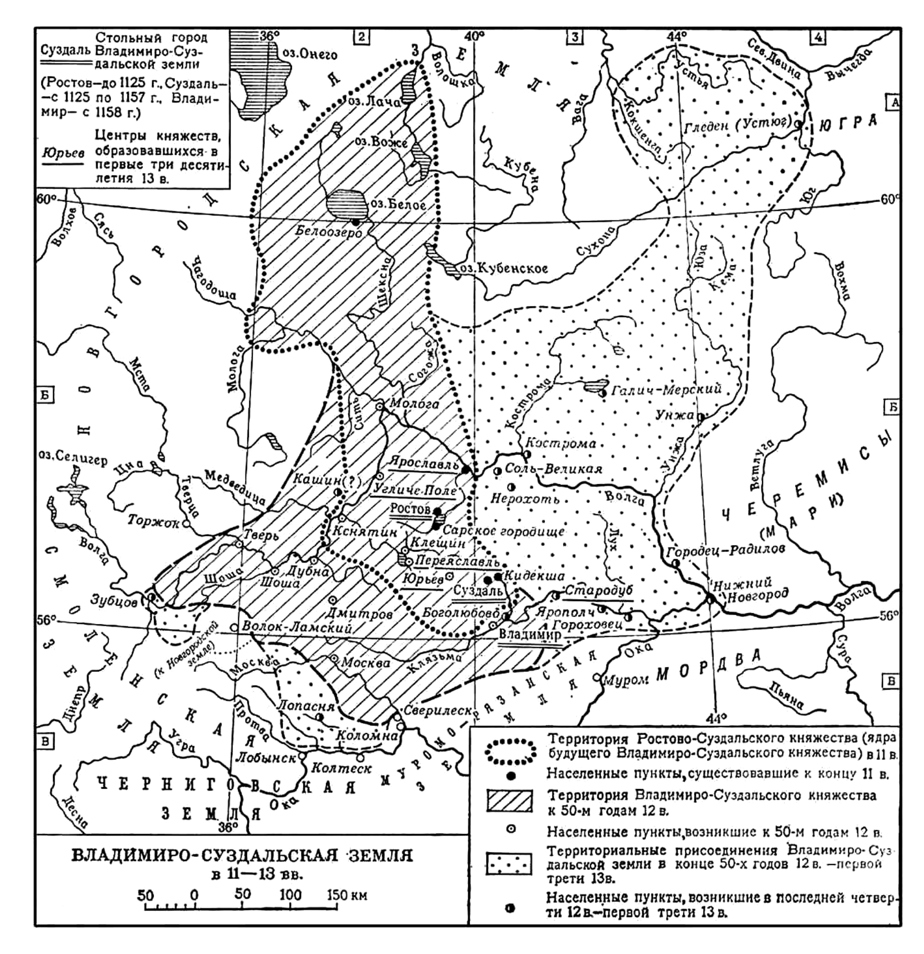
С геополитической точки зрения русский запад сопряжен с ориентацией на Европу в целом, на феодальный порядок и на западно-христианские ценности (католичество). Западнорусские общества исторически складывались в русле ходе тесных контактов с западными соседями, часто славянами (поляки, словаки, чехи), которые принадлежали, (однако) к совершенно отличному от Руси культурному, религиозному и социально-политическому типу. С религиозной стороны они ориентировались на Рим, а не на Византию, на верховенство Папы, а не на симфонию властей в вопросах соотношения духовной и светской власти, на независимость феодалов от князей и утверждение автономного достоинства аристкоратии.

Это сочетание социологических особенностей (главная из них — наличие мощной феодальной верхушки, ограничивающей власть монарха) сопряжено с геополитической ориентацией на Европу и католический Запад в целом. Эта связь *феодализма и западничества* (с подспудной явной или скрытой ориентацией на западное христианство) может быть рассмотрена как *историческая константа* Руси/России, обнаруживающаяся с древнейших времен по самые близкие к нам эпохи. Так мы зафкисировали и геополитическое, и социологическое значение понятие «*запад*» в конкретной ткани русской истории.

Владимиро-Суздальское княжество: прообраз московского самодержавия

Совершенно особая социологическая картина складывается в самом восточном из русских княжеств — в Ростово-Суздальском, а позднее Владимиро-Суздальском. Эти земли осваиваются славянами позже других, а прежде являются территорией расселения еще не славянизированных финно-угорских племен (меря и весь). Древнейшим центром этой территории был город Ростов Великий. В IX—X веках туда двигаются русские переселенцы вместе с князьями и создают там — практически на пустом месте — русские города Суздаль, а затем Владимир. Специфика возникновения этих городов как княжеских поселений в отрыве от местного населения и от славянских землепашцев в округе придавала Залесским землям совершенно особый со-

[1] *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Ил. 27. Владимиро-Суздальское княжество

циально-политический стиль. Здесь была чрезвычайно сильна *княжеская власть*, которой было подчинены все остальные социальные формы. Вечевой институт был относительно слабым. Поэтому Ростово-Суздальская, а позже Владимиро-Суздальская формула была такова:

сильная княжеская власть — слабая аристократия — слабое вече.

Социально-политическая структура Муромо-Рязанского княжества напоминала Владимиро-Суздальскую.

Восток Древней Руси

Здесь мы имеем дело с таким понятием, как «восток» в контексте русской геополитике. Это воплощено не просто в продвижении границ русского контроля в направлении географического востока, но и в установлении особой *социологической* модели общества, где чрезвычайно сильная монар-

хическая власть, а значение феодалов и народного вече второстепенно и ослаблено.

Этому геополитическому вектору развития в русской истории суждено сыграть *ведущую* роль. Именно во Владимир будет перенесен великокняжеский престол Андреем Боголюбским, на территории Владимиро-Суздальского княжества возникнет Москва, и Владимиро-Суздальское княжество станет позднее ядром будущей Московской Руси. Все эти особенности русского востока обозначают не просто географическую зону, где будет проходить события, центральные для определения путей русской истории, но и несут в себе особое социологическое содержание, напрямую сопряженное с качественным пространством. Этот геополитический «восток» тождественен *монархическому, самодержавному началу* и резонирует с той ролью, которую император играет в православном учении о симфонии властей. Следовательно, именно «восток» теснее всего сопряжен собственно с византизмом и его социологическим и социально-политическим содержанием. В этом монархическом начале состоит пространственный смысл русского востока.

Южные земли Руси: военная демократия

В древности на юге Руси жили племена уличей и тиверцев, позднее потесненные кочевниками к северу, а намного южнее располагалось Тмутараканское княжество, политически и династически связанное с северской землей с центром в Чернигове. В этой же зоне располагались поселения лояльных Киеву торков, берендеев, «черных клобуков». Южная и юго-восточная часть восточных славян, включая северян Черниговского княжества, а также славяне Тмутараканского княжества находились в более тесном контакте со *степняками* (индоевропейцами, черкесами и тюрками) и переняли от них ряд социальных и политических черт.

Основой здесь стал *кочевой* быт индоевропейских, тюркских и иных народов, который позднее стал характерным социологическим признаком *русского казачества*, основанного на принципах военной демократии.

Эту южную формулу можно представить в виде:

военная демократия — кочевой быт — военные походы и набеги

Русская Степь

В этой ориентации на геополитический юг Руси мы видим по сути степной уклад, т. е. собственно Степь. Важно, что Степь в лице кочевых племен (от хазар до печенегов, половцев, а позже монголов) присутствует в русской державе не только как внешний фактор, но и как *внутренний*. Элементы степного уклада мы встречаем в самом русском обществе, и в этом отношении легко обнаружить два региональных центра, где эта тенденция проявлена ярче всего. Это Тмутаракань и Чернигов. Эти два княжества были не только тесно связаны между собой, но и находились в постоянных и крепких союзнических отношениях со степняками. Кроме того, можно считать «южным» по своему социологическому и геополитическому содержанию тот фактор, который сопряжен с тесно интегрированными в русскую политическую историю кочевыми народами.

Киевский синтез

Наконец, само Киевское княжество представляло собой синтез всех этих тенденций. Здесь мы видим баланс перечисленных ранее социально-политических типов. Киевская формула такова:

сильная великокняжеская власть — достаточно влиятельная аристократия — достаточно влиятельное вече — урбанизация — приезжие представители кочевых племен (например, косоги или черные клобуки).

В Киевском княжестве мы имеем формулу, *обобщающую* типологию удельных княжеств.

Показательно, что эти социологические типы соответствуют четырем географическим координатам Древней Руси. Новгород на севере. Волынское, Галицкое и Полоцкое княжества — на западе, Владимиро-Суздальское — на востоке. Черниговское и Переяславское, а также пограничные со степью зоны — на юге. Киев же и само Киевское княжество — в центре всех русских земель.

Проделанный нами геополитический анализ основных центров, четко обозначившихся в эпоху удельной раздробленности, проясняет структуру геополитического поля Киевской Руси и его связь с социологическими моделями отдельных ее составляющих.

Киевская модель оказывается синтезом всех основных геополитических векторов и связанных с ними социологических тенденций.

Киев как русский центр

В Киевскской модели мы встречаем присутствие сильного монархического самодержавного начала, и это воплощено в том, что Киев является местоположением великокняжеского престола. После Крещения Руси естественным образом столица русского государства была переосмыслена в духе византизма, и значение императора в православном учении о нормативном обществе не могло ускользнуть от Киевских правителей и интеллектуальной элиты (что мы частично видим в «Слове о законе и благодати митрополита Иллариона Киевского). Это можно определить как *вектор востока*.

При этом влияние боярской аристократии и княжеской дружины также значительно, что иногда создавало великим князьям проблемы. Это *вектор запада*.

Издавна существовало в Киеве и вече, а представители городских концов и купечества в смутные моменты истории предъявляли свое право на участие в политической жизни, отдавая предпочтения тому или иному князю, участвуя в заговорах и т. д. Это *вектор севера*.

И наконец, периодически в Киевскую политику вмешивались представители кочевых обществ — например, «черные клобуки», торки или косоги. Это *вектор юга*.

Собственно, сама киевская модель представляет собой *крест* этих геополитических ориентаций и точку равновесия.

Сводная модель геополитических ориентаций и социологических особенностей земель Древней Руси

Структуру геополитического поля Киевской Руси, таким образом, мы можем представить в виде таблицы.

Княжества	**Стороны света**	**Значение вече**	**Значение аристократии**	**Значение князя — монарха**	**Значение Военной дружины**	**Социологический тип общества**
Киевское	Центр	Значительное	Значительное	Преобладающее	Значительное	Синтез
Новгород (Псков)	Север	Преобладающее	Слабое	Относительное	Относительное	Демократия, торговый строй
Владимиро-Суздальское	Восток	Слабое	Ограниченное	Преобладающее	Относительное	Самодержавие, монархизм
Волынское, Галицкое, Полоцкое	Запад	Слабое	Преобладающее	Относительное	Относительное	Аристократия, феодализм
Черниговское, Тмутараканское	Юг	—	Значительное	Относительное	Решающее	Военная демократия, степной кодекс

Типы власти по Аристотелю

Можно систематизировать эту схему и по иному признаку, что даст нам удобный инструментарий для дальнейшего анализа.

Аристотель, размышляя о типах политического устройства[1], выделяет 6 типов:

1) монархия (гармоничная власть одного);
2) аристократия (власть лучших);
3) полития (власть квалифицированных граждан);
4) тирания (единоличный произвол);
5) олигархия (власть узкого круга коррупционеров-плутократов);
6) демократия (власть городской черни).

Первые три формы правления он считает правильными и справедливыми (идеальными), вторые — неправильными и несправедливыми (отрицательными). Однако, если вынести за скобки моральную оценку и некоторые технические детали в описании этих 6 типов политического правления, т. е. взять их по модулю, без оценки знака (положительного или отрицательного), то мы получим только 3 типа власти:

1) единоличная власть (благая или нет);
2) власть некоторых (лучших или худших);
3) власть многих (квалифицированных или хаотических масс).

Если мы представим общество в виде иерархического треугольника, то мы можем отразить эти формы в трех соответствующих схемах.

---

[1] *Аристотель.* Политика // Антология мировой философии. М., 1969.

Схема 6. Типы политической власти. Черным отмечен сектор, доминирующий в политической системе

Конечно, все политические системы имеют в той или иной степени отдельные признаки каждой из этих моделей, но в этой схеме показаны чистые случаи, комбинацией которых служат известные нам политические формы.

Теперь, если мы применим эти схемы к особенностям социально-политических форм, сосредоточенных в разных концах Древней Руси и проявившихся как самостоятельные центры в период удельной раздробленности, мы получим довольно контрастную картину.

Русский север (Новгород, Псков) представляет собой третий тип, который (в терминах Аристотеля) может варьироваться от политии (гармоничная модель) до демократии (тождественной власти толпы, «охлократии»).

Русский восток (Ростовско-Суздальское княжество, позже Владимирское, еще позже Московское) однозначно тяготеет к первому типу. И здесь мы легко можем обнаружить как гармоничное централистское правление, ведущее к укреплению державы (собственно монархию), так и произвол, эгоизм и деспотический стиль (то есть классическую тиранию).

Русский запад (Волынь и Галичина, а также Полоцк) — являет собой яркий пример второго типа политической системы. И здесь снова мы видим как случаи власти подлинной мужественной и храброй аристократии, так и деградировавшие модели, где правит подкуп, коррупция и интриги.

Русский юг (который даст впоследствии алгоритм казацкого общества) представляет собой смешанную модель между третьей и второй схемой (речь идет о военной демократии).

А русский центр, собственно Киев, воплощает в себе наложение всех трех типов политического устройства, когда ни одна из властных инстанций не достигает решающего перевеса над остальными.

Геополитика русских полюсов

Модели политических систем, выделенных Аристотелем, соответствуют геополитическим ориентациям. Пока мы еще не можем однозначно определить эти ориентации в рамках глобальной схемы геополитики, т. е. в терминах Суша/Море, теллурократия/талассократия, но определенные соответствия уже отдаленно проглядывают.

Так, *русский восток имеет некоторые черты туранского, евразийского толка*[1]. То есть можно предположить, что дальнейшее развитие этой линии логически должно привести к *теллурократии*. (Сегодня мы знаем, что так оно и сложилось исторически.)

Русский север имеет определенные черты зачаточной талассократии. Основанный, по некоторым версиям, варягами, т. е. речными разбойниками, и, во всяком случае, находившийся под сильным влиянием скандинавского викинговского мира, этот сегмент Древней Руси и позднее демонстрирует ряд соответствующих черт. В этом смысле показательны русские ушкуйники — речные грабители, торговцы и искатели приключений, терроризировавшие По-

Ил. 28. Геополитические полюса Удельной Руси

[1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага, 1927.

волжье и Прикамье. Особенно сильно это явление проявилось в XIV веке. Но в самостоятельную геополитическую стратегию это направление не вылилось, равно как и кочевые степные аспекты *русского юга* так же в силу своей слабости по сравнению с другими политическими формами не получили полноценного оформления в самостоятельную геополитическую линию, хотя здесь налицо все признаки *туранского*, теллурократического начала (разбойники Суши по Маккиндеру). Сходную, но более контрастную и яркую роль в этом смысле играли кочевые степные этносы, жившие по соседству с Русью и часто вмешивающиеся во внутриполитические дела (в первую очередь, половцы).

Русский запад представляет собой ориентацию на Европу и католический мир в целом. Так как талассократическая ориентация в Европе возобладает отчетливо намного позже, и то неравномерно и не сплошным образом, то в Средневековый период мы *не можем отождествить эту тенденцию с талассократией*, что было бы в данном случае анахронизмом. Некоторые элементы талассократии с учетом дальнейшего исторического развертывания заложенных в русской истории сил мы можем разглядеть в *оппозиции русского запада русскому востоку.* Русский запад удельного периода и более древних эпох русской истории был не столько сам по себе талассократическми, сколько оппонировал русскому востоку, тяготевшему к теллурократии.

И наконец, киевская модель представляла собой *гармонизацию и уравновешивание всех этих тенденций*.

Наложение социологических и геополитических закономерностей можно отразить на следующей схеме.

Схема 7. Типы политической власти. Черным отмечен сектор, доминирующий в политической системе

Вопрос о феодализме Удельной Руси

В советском марксизме было принято считать Удельную Русь периодом установления на Руси феодализма[1]. На самом деле это идеологическая натяжка, которая была необходима марксистам для того, чтобы втиснуть русскую историю в схему смены политэкономических формаций, идентичную истории Западной Европы. Если мы посмотрим на Удельную Русь непредвзято, то увидим в ней сразу *несколько* сосуществующих в рамках общего Киевского государства социально-политических систем. Новгородская *республика* соседствует с *феодальной* Волынью и Галицией. *Монархическое* Владимиро-Суздальское княжество — с *военной демократией* южной Руси. В Киевском княжестве все эти тенденции соединяются в своеобразном и свойственном исключительно русской истории *синтезе*. Более всего при этом на феодализм похожи западные княжества — Галицкое, Волынское и Полоцкое, которые располагались ближе всего к Европе. Но степные культуры и особенности социологического ансамбля изначально варяжской княжеской династии, военной дружины, славян-землепашцев и лесных охотников финно-угров придавали русскому обществу — особенно на востоке и юго-востоке — совершенно уникальные свойства, которые позднее выразились в Московскую государственность.

Кроме того (и это самый важный аргумент), объем вотчинных хозяйств, которые, действительно, напоминали феоды с персональной властью господина над землями и людьми, их обрабатывающими, никогда не становился настолько значительным, чтобы говорить о преобладании феодальных отношений[2]. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств на протяжении всей русской истории не находилось в составе боярских и дворянских вотчин. Они были свободными или полусвободными, но облагались общегосударственной (великокняжеской) данью, церковной десятиной и рядом других гражданских повинностей, обязательных для крестьянского и ремесленного сословия. Когда же Иван Грозный ввел поместный принцип, то количество вотчин еще более сократилось, и поместья вместе с крестьянами выделялись аристократам не в «вечное кормление», а в награду за государеву службу и временно — пока боярский или дворянский род служит, как положено, и сохраняет лояльность царю и Отечеству.

Феодальные хозяйства и феодальные отношения в Древней Руси существовали, и в Удельный период они распространились довольно широко. Особенно они затронули Западную Русь. Но даже там *феодализма как такового не сложилось*, поскольку общий баланс вотчинных земель и на западе Руси никогда не достигал той критической пропорции, которая позволяла говорить о феодализме как о *формации* в истории Западной Европы. Пространство Западной Европы в феодальной период представляло собой почти сплошную череду феодов (включая владения церкви) — переступая границу одного феода, мы попали бы почти наверняка на территорию другого. На Руси, и даже в Западной Руси, не говоря уже обо всей остальной, ничего подобного не было. Между одним вотчинным хозяйством и другим лежали гигантские пространства, на которых землю обрабатывали либо свободные крестьянские общины,

---

[1] *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М.: Наука, 1988; *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

[2] *Дугин А.Г.* Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

либо вообще никому не принадлежащие. По мере движения к востоку и северу эти вотчинные территории становились все реже, что перечеркивает даже намек на реальный феодализм в пределах Древней Руси[1].

Конец древнерусского народа

Накануне монгольского вторжения Киевская Русь представляла собой совершенно раздробленное государство, внутри которого формировались отдельные княжества, и каждое обладало особой социально-политической системой, имело различную социологическую структуру и управлялось (часто, но не всегда) удельной княжеской династией, склонной к еще большему дроблению, что приводило подчас к появлению полуавтономных уделов внутри самих удельных княжеств.

Этот процесс грозил разрушить единую государственность и расколоть древнерусский народ, проявивший себя исторически на первом двухсотлетнем этапе Киевской Руси, на несколько составляющих.

В некотором смысле так оно и произошло. Раздробленная Русь, погрязшая в усобицах, не смогла дать отпора отборному монгольскому войску и стала жертвой монголо-татарского завоевания. При этом и в новых условиях, внутри монгольской государственности, русские князья не переставали враждовать друг с другом, тем самым только углубляя раскол.

Из того, что мы знаем о последующей истории, можно сделать вывод, что к моменту начала монголо-татарского завоевания *древнерусский* народ (русичи)[2] прекратил свое существование как *историческое и культурное единство*, как исторический проект и общность, наделенная конкретной политической миссией. И в прежнем качестве он никогда более не возрождался. Однако память о Киевской Руси как о золотом веке русской государственности глубоко вошла в народное сознание и стала движущей силой русской истории на следующих этапах и применительно к другому народу, на сей раз *великорусскому*, который осознал Киевскую Русь как свои живые исторические корни и продолжил обозначенный изначально путь.

Юрий и Изяслав: восток и запад Руси в борьбе за Киевский престол

Удельный период, как уже было сказано, принято отсчитывать со смерти Мстислава Великого (1132). С этого момента разброд между удельными князьями не прекращается, строго говоря, до конца царствования Василия III (1533). При этом историки иногда дают другую дату конца удельной Руси — 1276, т. е. дату образования Московского княжества. Эта дата носит явно символический характер, т. к. совершено очевидно, что усобица не прекратилась в одночасье. Однако указание этой даты важно тем, что, действительно, именно тогда были заложены предпосылки для окончания усобицы, хотя в полной мере они реализовались лишь по прошествии нескольких веков, когда Москва стала центром новой централизованной и могущественной, бурно развивающейся государственности.

---

[1] Отсутствие феодализма на Руси убедительно доказывает Ключевский. См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть I. М.: Мысль, 1987.

[2] *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб, 1992.

В домонгольский период (до 1243 года, т. е. до создания Золотой Орды) особым значением для геополитики Руси в целом обладает линия поведения Владимирско-Суздальских князей. Именно они и будут постепенно готовить *будущий цикл русской государственности* и формировать его геополитическую повестку дня.

История Владимирско-Суздальской Руси XII—XIII веков связана с потомками Владимира Мономаха. Это княжество получил в надел один из его младших сыновей Юрий Владимирович Долгорукий (90-е годы XI в. — 1157). Именно Юрий Долгорукий основал в 1147 году Москву. Кроме того, он заложил такие города, как Дмитров, Звенигород, Переславль, Юрьев-Польский и т. д. Столицей в период его княжения был Суздаль.

Конкретные детали княжения Юрия Долгорукого представляют собой бесчисленные усобицы и переделы зон влияния в различных коалициях князей друг против друга. В этой постоянно меняющейся картине геополитическим значением наделено то, что сам Юрий Долгорукий представлял *восток* русского геополитического поля (Ростово-Суздальское княжество). Его постоянным противником был внук Владимира Мономаха Изяслав Мстиславович, княживший в Волыни (то есть представитель геополитического *запада* Руси). Показательно, что в своей борьбе против Юрия Долгорукого в определенные моменты Изяслав Мстиславович опирался на поляков и венгров (европейские силы); с их помощью он в 1150—1151 выбил Юрия из Киева. И Юрий Долгорукий, и Изяслав Мстиславович боролись за великокняжеский престол и поочередно его захватывали. И хотя эта борьба проходила на фоне более широкой усобицы и вовлекала в себя разнообразные региональные противоречия и многократные перераспределения удельных княжеств между князьями, можно упрощенно рассмотреть соперничество за Киевский стол двух князей и их союзников как *борьбу русского востока и русского запада* за определение магистральной общерусской ориентации.

Геополитическая роль Андрея Боголюбского: центр смещен к востоку

После смерти Юрия Долгорукого великокняжеский престол захватил черниговский князь Изяслав Давыдович, противник Юрия и союзник волынских князей, сыновей Изяслава Мстиславовича Мстислава и Ярослава. Двум сыновьям Юрия Долгорукого, Глебу Юрьевичу и Мстиславу Юрьевичу, удалось удержаться на княжении соответственно в Турове и Поросье. Третий сын, Андрей Боголюбский, стал князем Владимирским, Ростовским и Суздальским и перенес столицу княжества во Владимир.

Княжение Андрея Боголюбского на востоке Руси показательно во многих отношениях. Оно последовательно направлено на ослабление всех форм власти, кроме прямого и ничем не ограниченного *самодержавия*. Так, Андрей высылает из Ростовской земли свою мачеху, греческую царевну Ольгу, вместе с ее детьми Михаилом, Васильком и семилетним Всеволодом. Он резко ослабляет влияние боярства и городского вече в двух крупнейших и самых древних городах этой земли — Ростове и Суздале. Центром же своей власти он делает Владимир как символ нового типа власти — при отсутствии сложившейся вечевой культуры и укоренных вотчинных владений бояр.

Андрей Боголюбский унаследовал от отца Юрия Долгорукого вражду с волынскими князьями, которые захватили Киевский престол. Показательно, что в борьбе с Киевом Андрей попытался в 1160 году учредить через голо-

ву митрополита Киевского особую *восточную митрополию* непосредственно через Константинопольского патриарха Луку Хризоверха, но эта попытка не увенчалась успехом. Жест, тем не менее, весьма символичен, т. к. набожный Андрей Боголюбский, распространивший на Руси культ нарочитого почитания Пресвятой Богородицы, стремится усилить значение своего княжества, т. е. востока нашего геополитического поля, не только силовыми, но и *духовными*, религиозными методами. Для него Владимир есть не просто одно из княжеств, контроль над которым переходит от одного князя к другому по воле чисто силового баланса и случайных перипетий судьбы, но пространство особого устроения русской государственности, которое он мыслит как нечто *провиденциальное* и всеобщее. Не случайно он, будучи посаженным отцом на княжение в Вышгороде, самовластно покидает город и возвращается в Ростовско-Суздальскую землю (которую полноценно унаследует только после смерти Юрия Долгорукого). Так, Андрей Боголюбский осознано и последовательно стремится *укрепить русский восток*, сделав его *центром* русской государственности. Мы вполне можем считать этого князя первым русским *евразийцем*[1].

Теперь перипетии битв за Киевский престол, в которых по стопам отца активно участвовал Андрей Боголюбский, приобретают для нас дополнительный геополитический смысл. Снова, как и при Юрии Долгоруком, мы видим столкновения русского востока и русского запада, но в случае Андрея Боголюбского и геополитический, и социологический, и даже религиозный характер этой борьбы становится все более содержательным и прозрачным.

В 1169 году коалиция князей под началом сына Андрея Боголюбского Мстислава с участием половецких войск берет Киев, где правит волынский князь Мстислав Изяславович, захвативший великокняжеский престол ранее. Установив контроль над Киевом и довольно жестоко опустошив и ограбив «мать городов русских», победители поступают внезапно неожиданным образом: *Андрей Боголюбский решает перенести великокняжеский престол во Владимир*, осуществляя тем самым революцию в заведенном на Руси порядке престолонаследия. Над Киевским княжеством, осмысливаемым отныне как удельное, он сажает своего брата Глеба Юрьевича.

Ключевский пишет об этом так:

«До сих пор звание старшего великого князя нераздельно соединено было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве; князь, сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей: таков был порядок, считавшийся правильным. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда. (...) Таким образом, княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти. Вместе с этим изменилось и положение Суздальской области среди других областей Русской земли, и ее князь стал в небывалое к ней отношение. До сих пор князь, который достигал старшинства и садился на киевском столе, обыкновенно покидал свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владельцу. Каждая княжеская волость была временным, очередным владением известного князя, оставаясь родовым, не личным до-

[1] *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.

стоянием. Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства»[1].

Это совершенно уникальный переломный момент. Андрей Боголюбский всей своей жизнью демонстрирует целый ряд фундаментальных жестов, кульминацией которых является этот перенос великокняжеского престола во Владимир.

Он борется за восток против запада не просто в силу обстоятельств (перипетии усобицы теоретически могли любого князя занести в любую точку Руси), но *сознательно*, всячески подчеркивая, что *место имеет значение* и что он сам, по глубоким мотивам, включая моменты откровения и религиозных ведений, *выбирает восток*. Он выбирает восток, когда осаждает Луцк в походе отца, Юрия Долгорукого, на запад. Он выбирает восток, когда самовольно покидает Вышгород. Он выбирает восток, когда проводит централистские реформы в Суздальской земле и движется в сторону самодержавия. Он выбирает восток, когда пытается установить на своих землях параллельную Киевской митрополию. И как пик этого выбора, он снова и *окончательно* выбирает восток, когда, захватив Киев, отказывается переезжать туда, но переносит столицу русского государства во Владимир, закладывая тем самым *геополитическую платформу* позднейшего русского самодержавия.

Тот восток, который выбирает Андрей Боголюбский, является одновременно и геополитическим, и социологическим, т. к. географическая ориентация здесь тесно переплетена со спецификой социально-политической организации общества.

Сюда же можно добавить походы на волжских булгар, которые начал Юрий Долгорукий, а Андрей Боголюбский энергично продолжил. Это дополняет вектор восточной экспансии Руси, который позднее будет воспроизведен московскими великими князьями и увенчается взятием Казани войсками Грозного.

Князь Андрей Боголюбский был убит в результате боярского заговора, что вполне можно рассмотреть как реакцию феодальной знати против укрепления самодержавного принципа, тоже своего рода социологическую константу в русской истории.

Всеволод и его дети

Преемником Андрея стал его брат Всеволод Большое Гнездо (1176—1212), при котором могущество Владимирского княжества достигает новых вершин. Всеволод Юрьевич в целом развивает и закрепляет геополитическую и социологическую модель, обозначенную Андреем Боголюбским. Так, в частности, он старается опираться в своем правлении на недавно заложенные города Владимир, Переславль-Залесский, Дмитров, Городец, Кострому, Тверь, где боярство и вечевые институты были относительно слабыми. Символичны также его расправы над ростовским боярством.

Всеволод продолжает активно участвовать в общерусской политике, во внутренних усобицах. Организует очередные походы на волжских булгар и

[1] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция 18. М.: Историческая библиотека, 2002.

мордву. В целом он продолжает самодержавную модель, отточенную его старшим братом.

Эпоха правления Всеволода Большое Гнездо была достаточно длительной для того, чтобы закрепить многие геополитические и социологические тенденции, намеченные прежними Ростовско-Суздальскими правителями, и особенно первым владимирским великим князем Андреем Боголюбским. Всеволод княжил с 1176 по 1212 годы.

Однако после смерти князя Всеволода в 1212 наследники разделили его земли на несколько отдельных княжеств. Многочисленные дети сменяли друг друга на относительно короткие периоды, и их правление ничем особенным не выделялось. Вплоть до монгольского нашествия великими князьями Владимирскими были поочередно Юрий Всеволодович (1212—1216), Константин Всеволодович (1216—1218), Юрий Всеволодович (1218—1238) и Ярослав Всеволодович (1238—1246).

Дальше мы вступаем в монгольский период, который будем рассматривать отдельно.

При Ярославе Всеволодовиче, уже в эпоху ордынского господства над Русью, окончательно завершается растянувшийся перенос столичных функций из Киева во Владимир, начатый Андреем Боголюбским.

Господин Великий Новгород

В эпоху удельной раздробленности ярко проявляются особенности и той социально-политической и геополитической модели, которая сложилась на русском севере. Новгородская земля, занимавшая северо-западную территорию древнерусского государства, одной из первых стала выходить из-под власти киевского князя. В конце XI — начале XII веков здесь сложилось политическое образование, где отчетливо и контрастно в сравнении с другими княжествами проявились все основные особенности специфической социологической структуры именно этих северных земель.

По мере ослабления централизма Киевской Руси новгородцы начинают осознавать себя своего рода отдельным государством. Это государство даже получает особое название «Господин Великий Новгород».

Территории «Господина Великого Новгорода» простирались от Финского залива на западе до Уральских гор на востоке, от Ледовитого Океана на севере до границ современных Тверской и Московской областей на юге. К началу XII века Новгородская земля включает в себя часть Прибалтики, часть Карелии, южную часть Финляндии, южное побережье Ладоги, Обонежье, берега Северной Двины.

Период времени с 1136 по 1478 год историки называют «Новгородской республикой». В течение всего это времени город управлялся вечем и в полной мере реализовалась та модель «русского севера» в геополитическом и социологическом смыслах, которую мы описали ранее.

Новгородцы ведут в этот период самостоятельную политику, где чаще всего их противниками и одновременно торговыми конкурентами выступают шведы. Шведы — германско-скандинавский этнос, общая структура которого в XII веке довольно близка к новгородской вечевой купеческой демократии. Войны новгородцев со шведами идут с переменным успехом. Отдельные территории на юге Финляндии или в области Готланда переходят из рук в руки. Периодически новгородцы сталкиваются с восстаниями финно-

угорских этносов (как например, в 1142 или в 1228 годах, когда финское племя емь нападало на Ладогу). Позднее (1234) новгородские земли (Руса) подвергаются нападениям литовцев.

Столкновения с германскими и подчиненными германцам финскими войсками продолжаются в течение XIII века.

Именно в защите русского севера состоит подвиг князя Александра Невского, внука Всеволода Большое Гнездо и будущего великого князя уже в монгольскую эпоху.

Новгородская идентичность, сложившаяся в удельный период, является строго православной по религиозному признаку, и войны с германцами и скандинавами осознаются в том числе и как *религиозное противостояние католичеству*. При этом «Господин Великий Новгород» воспринимает себя как довольно автономное образование и постоянно стремится уклониться от прямой зависимости и от фактически нанимаемых удельных князей, и от великокняжеской власти.

Галицко-Волынское княжество в удельный период

Совершенно отличная модель кристаллизовывалась в удельный период на русском западе, в Полоцком, Галицком и Волынском княжествах (позднее Галицкое и Волынское слились в одно Галицко-Волынское). В середине XII века земли Полоцкого, Галицкого и Волынского княжеств начинают проявлять признаки полусамостоятельных политических образований, государств.

Для политической жизни Галицко-Волынской Руси были характерны постоянная борьба между князем и местной боярской аристократией и высокая степень зависимости князя от бояр. Во внешней политике постоянными были столкновения с Польским королевством, Венгерским королевством и половцами на юге. При этом структура западных земель Руси была довольно схожа с моделью обществ европейских соседей — как структура новгородского общества воспроизводила отчасти модель скандинавских торговых государств.

Галицко-Волынское княжество было одним из самых больших княжеств периода раздробленности Руси. В его состав входили галицкие, перемышльские, звенигородские, теребовлянские, волынские, луцкие, белзские, полесские и холмские земли, а также территории современных Подляшья, Подолья, Закарпатья и Бессарабии.

К середине XI века столицей всех западнорусских земель был город Владимир (Волынский) , где находился княжеский престол. В эпоху централизма великие князья, правившие в Киеве, старательно удерживали эти стратегически важные территории, оберегая их от дробления на малые княжества.

История Галицкого княжества уходит к 1141 году, когда разные княжества, располагавшиеся на западе Руси, были объединены Владимиром Володаревичем, сыном Володаря Ростиславича, в единое Галицкое княжество со столицей в Галиче. Оно поддерживало связь с киевскими и суздальскими князьями, а также половцами для противостояния с польскими, волынскими и венгерскими правителями.

В отличие от Галиции стратегически важная для Киева Волынь пребывала в зависимости от него до 50-х годов XII века. Ее обособление начал киевский князь Изяслав Мстиславич, внук Владимира Мономаха, в период киевского

правления Юрия Долгорукого. Сын Изяслава Мстислав сумел оставить Волынь своему потомству, и с того времени волынская земля развивалась как отдельное княжество.

Если вспомнить, что именно Изяслав Мстиславич был главным геополитическим противником Юрия Долгорукого, то автономизация Волыни приобретает дополнительное геополитическое значение.

В 1119 году Галицкое и Волынское княжества объединил волынский князь Роман Мстиславич, сын Мстислава Изяславича и внук Изяслава Мстиславовича. Воспользовавшись беспорядками в Галиции, он впервые занял ее в 1188 году, но не смог удержать под натиском венгров, которые также вторглись в Галицкую землю по просьбе местных бояр. Во второй раз Роман присоединил Галицию к Волыни в 1199 году, после смерти последнего галицкого князя Владимира Ярославича из рода Ростиславичей. Захватив в 1203 году Киев, князь Роман стал правителем всего юго-запада Руси.

После смерти Романа Волынь распалась на мелкие удельные княжества, а ее западные земли были захвачены польскими войсками. В Западной Руси начался период усобиц.

В этих усобицах был один уникальный для русской истории эпизод. В 1211 году княжескую власть в Галиче узурпировал боярин Владислав Кормиличич, который был изгнан в 1214 году венграми и поляками. Уникальность этого эпизода состоит в том, что во всех случаях княжеских усобиц во главе княжества в Руси вставал только и исключительно представитель княжеского рода — настолько сильна была династическая традиция Рюриковичей. При этом князей было предостаточно. Тот факт, что именно на западе Руси был прецедент (пусть и недолгий) захвата высшей власти не представителем княжеского рода, а боярином, показывает всю глубину отличий этих земель от остальных социально-политических зон древнерусского государства.

Позднее Андраш II, король Венгрии, и Лешек Белый, польский князь, разделили Галицию между собой. В 1215 году с польской помощью дети Романа Галицкого Даниил и Василько вернули себе Владимир Волынский, а в 1219 отвоевали у Польши земли по Западному Бугу.

В 1227 году Даниил с братом разбили удельных волынских князей и к 1230 году объединили в своих руках Волынь. Таким образом, Даниил и Василько вернули себе половину земель, принадлежавших их отцу. Следующие восемь лет они вели войну за Галицию сначала против венгров, затем против Михаила Черниговского. В 1238 году Даниил окончательно занял Галич и воссоздал Галицко-Волынское княжество.

Объединив раздробленные владения отца, братья Даниил и Василько мирно распределили власть. Первый сел в Галиче, а второй во Владимире. Лидерство в этом дуумвирате принадлежало Даниилу, т. к. он был старшим сыном Романа Мстиславича.

Перед монгольским нашествием на Русь Галицко-Волынское княжество успело значительно расширить свои границы. В 1238 году Даниил Романович вернул северо-западные земли Берестейщины и занял город Дорогочин на севере, который до этого был в руках добжинского ордена крестоносцев, а также в 1239 году присоединил к своим землям Турово-Пинское и в 1240 году перед самым монгольским нашествием завладел Киевом.

Этот краткий обзор политический истории Западной Руси в удельный период показывает, что на этой территории постепенно складывается совер-

шенно самостоятельное политическое образование, о геополитической и социологической особенности которого мы говорили ранее.

Южная Русь

Что касается Южной Руси, то в эпоху раздробленности в самостоятельную политическую и геополитическую единицу она не вылилась, а те тенденции, которые мы описали ранее, дадут о себе знать намного позднее — особенно в феномене южнорусского казачества, сформировавшегося в лесостепной и степной зоне на юге Руси через несколько столетий. Казачество будет играть особую роль в истории Украины, борьбы за ее независимость и ее вхождение в состав Москвской Руси.

Упадок Киева как древнерусского центра государственности

Роль Киева в удельную эпоху постоянно *снижалась.* Это проявлялось в частом переходе киевского престола из рук в руки, пока, наконец, престиж Киева не упал настолько низко, что Владимирский князь Андрей Боголюбский не перенес столицу во Владимир.

Это падение значения Киева в удельную эпоху чрезвычайно выразительно с геополитической и социологической точек зрения. Геополитически Киев воплощал в себе централизм, интеграцию и единоначальное монархическое управление русскими землями. Распад и автономизация отдельных регионов и превращение их в самостоятельные геополитические центры (по крайней мере, это ясно видно на русском востоке, севере и западе) происходило как раз *за счет ослабления* геополитической роли киевского центра.

Князья русского востока и русского запада стремились захватить Киев как одну из карт в позиционной борьбе друг против друга, превратив великокняжеский престол в своего рода приз в усобных состязаниях.

Но и с социологической точки зрения падение роли Киева весьма символично. Киев, как мы видели, представлял собой модель более или менее гармоничного *сочетания* основных социальных страт древнего русского общества в вопросе влияния на власть. Киевская модель была синтезом. А в удельную эпоху в отдельных княжествах стали формироваться иные социально-политические системы, где преобладала одна из страт уже в новом сочетании с остальными — вече в Новгороде, монархия во Владимирском княжестве, боярство и феодальная знать на западе Руси. Падение роли Киева означало падение значения самого этого синтеза.

Сохранение общего геополитического и социального поля

Заканчивая обзор геополитики удельного периода русской истории, не стоит сбрасывать со счетов, что и в этот трудный период несмотря ни на что русское государство существовало как нечто относительное цельное и единое, как общее геополитическое и социологическое поле. Эта общность обеспечивалась за счет византизма, который включал в себя, в первую очередь, православную религию, а также широкий спектр культуры, грамотности, науки и образования, права и этических предписаний. Общим был и язык. Кроме того, номинально все княжества признавали принцип великокняжеского престола как политической инстанции, легитимно и легально

превосходящей политические компетенции отдельных князей или иных властных институтов. То есть Русь все еще (хотя и в значительно ослабленном виде) оставалась организмом с общей политической системой, общей религией, общей культурой, общим языком. Это было *одно и то же общество*, хотя и постоянно тяготеющее к тому, чтобы распасться на несколько самостоятельных форм под влиянием основных рассмотренных нами ранее полюсов.

Библиография

Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт Русской Цивилизации, 2009.
Аристотель. Политика // Антология мировой философии. М., 1969.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь-М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. Москва: Центрполиграф, 2003.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. Основы евразийства. М., 2002.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Литаврин Г.Г. Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987.
Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья — Киев, 1987.
Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988.
Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.
Савицкий П.Н. Континент Евразия, М: Аграф, 1997.
Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.
Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб., 1997.
Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

Глава 4

ГЕОПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ МОНГОЛОСФЕРЫ (XIII–XV ВВ.)

Монгольская империя как образец теллурократии

Эпоха монгольских завоеваний, не совсем корректно называемая периодом «монголо-татарского ига», характеризовалась утратой Древней Русью самостоятельной государственности и вхождением ее территорий в состав другой, нерусской государственности. Большая часть русских территорий оказалась в составе «Золотой Орды», улуса Джучиева, т. е. одной из частей гигантской Монгольской империи, которую создал Чингисхан.

Монгольская империя представляла собой классическое государство кочевников и объединяла территории Турана в небывалом масштабе: в империю Чингисхана входили не только все степные зоны Евразии, но и древнейшие государства — такие как Китай, Иран и т. д. С геополитической точки зрения империя Чингисхана и все образования, позднее появившиеся на ее территории, представляют собой типичные *теллурократические* образования, а сами монголы могут быть взяты за образец того, что Маккиндер называл «разбойниками Степи» или «разбойниками Суши»[1]. Все признаки *сухопутной цивилизации* были в этом случае налицо.

Чингисхан как туранский архетип

Империя Чингисхана отличалась некоторыми свойствами от ранее известных нам туранских государств[2].

1. *Территориальный аспект*. Империя Чингисхана достигла небывалых ранее размеров и на короткое время соединила в рамках единого социополитического пространства (монголосферы) почти *всю Евразию* вплоть до Ближнего Востока и Восточной Европы на западе. Включение в ее состав Китая и Индии превращало ее в гипергосударство, равного которому не существовало ранее в истории и не существует по сей день. Такая сухопутная *евразийская империя* возникла в истории всего один раз, и ее границы впервые наметили в планетарном масштабе зону напряжения между Heartland'ом и «цивилизацией Моря». Империя Чингисхана была самой *удачной* в истории попыткой стратегической интеграции Heartland'a. В чем-то эта империя была прообразом геополитики XX века и особенно его второй половины, когда в планетарном конфликте столкнулись между собой гигантская теллурократия (СССР и Китай) и талассократия планетарного масштаба (США и европейские страны). Этот территориальный географический объем импе-

---

[1] *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1942.

[2] *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.

рии Чингисхана делает ее уникальным явлением и историческим приближением к *идеальным границам* Евразии, объединенной в единую социополитическую и геополитическую структуру.

2. *Идейный аспект.* Хроники, повествующие о высказываниях и действиях Чингисхана, свидетельствуют о том, что сам Чингисхан рассматривал свое могущество как исполнение «божественной миссии», суть которой состояла в создании единого мирового государства, *мировой империи*. При этом главной чертой этого мирового царства должна была стать не религиозная идея (Чингисхан отличался крайней религиозной терпимостью и брал под свою защиту представителей всех религиозных конфессий, оказавшихся в зоне его политического и военного контроля), но именно политическое, стратегическое, социальное и геополитическое единство как выражение общего «божественного миропорядка». В духе монголо-тюркских представлений Чингисхан полагал, что небесное божество, Тенгри, желает *упорядочивания мира*, и задача правителей — следовать этой воле, что должно проявляться в абсолютном императиве *имперостроительства*. В прежних кочевых империях мы не встречали столь ясного представления об имперской *миссии*. Согласно некоторым историкам[1], на эти представления Чингисхана могли повлиять своеобразно понятые идеи византизма, принесенные в Монголию христианами-несторианами или каким-то еще образом. Нельзя исключить и китайских влияний[2] (у Чингисхана было много советников-китайцев), а также собственно монгольских шаманистских верований[3]. Одним словом, принцип всемирной империи и абсолютной экспансии был для Чингисхана священной миссией, которую он и исполнил — так, как никто до него не исполнял.

3. *Степная этика: «люди длинной воли».* Чингисхан попытался суммировать основные этические принципы своего царства в высказываниях, которые составили основу «Ясы», свода уложений. Чингисхан попытался понять, какие факторы в организации общества привели его и его войска к столь внушительным победам[4]. Так он пришел к построению модели совершенного человека и совершенного устройства общества, т. е., по сути, заложил основу особой «степной или кочевнической этики», оказавшей огромное влияние на последующую историю тех государств, которые сложились на останках его империи[5]. Суть этой этики сводилась к следующему: образцом являются «люди длинной воли», т. е. люди, безупречно храбрые, готовые рисковать своей жизнью, преданные своему военачальнику, свободные от материальных интересов, чрезвычайно подвижные и динамичные, ставящие честь и смелость превыше всех остальных качеств. Общество «людей длинной воли» должно быть организовано строго иерархически, и верность господину стоит в основе всей организации. *Общество должно быть тож-*

---

[1] *Prawdin Michael.* The Mongol Empire: its rise and legacy. New Brunswick: Transaction, 2006.

[2] *Cosmo Nicola Di.* State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History. Spring. 1999.

[3] *Grousset René.* L'Empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris: Editions Payot, 1965.

[4] *Хара-Даван Э.* Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера. М.: Аграф, 2002.

[5] *Гумилев Л.Н.* «Тайная» и «явная» истории монголов XII—XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

дественно армии, и военная дисциплина должна соблюдаться и в мирное время. Гражданин — это воин. Предательство, трусость, а также коррумпированность, склонность к комфорту и наслаждению должны караться чрезвычайно сурово, равно как и пьянство, воровство, разврат, отступление от этических норм[1]. Все государство и все общество строится жестко вокруг вертикальной оси, на вершине которой находится абсолютный властитель, «божественный» хан[2]. Те общества и народы, которые отказываются принимать «Ясу» и принципы кочевой этики, должны быть либо перевоспитаны, либо уничтожены. Те, кто принимают власть империи, могут рассчитывать на интеграцию в нее. Кто сопротивляется, подлежит уничтожению. Кто предает своих даже ради Чингисхана, также подлежит уничтожению, т. к. предательство и трусость — это не свойства мужчины.

Чингисхан считал, что только благодаря строгому следованию воли к созданию мировой империи и принципам кочевой воинственной этики ему удалось осуществить свои завоевания, отталкиваясь от крохотного монгольского племени, пребывавшего в полном упадке.

Вот такой тип государственности, учрежденный Чингисханом, стал на 200 лет геополитическим и социологическим контекстом, в котором оказались русские в XIII веке. И естественно, что все это не могло не повлиять *на геополитическое самосознание русских правителей и на социологическую структуру русского общества*. Некоторые историки говорят об этом явлении как о «Руси Монгольской»[3], стремясь подчеркнуть, что на этом этапе русское общество стало частью совершенно нового геополитического поля — *геополитического поля Турана*. Именно на этом этапе русская государственность прочно и необратимо входит в контекст *евразийской теллурократии*. В этом заключается основное геополитическое значение всего монгольского периода русской истории.

Завоевание Руси монголами

В начале XIII века на территории, непосредственно прилегающие к Руси, приходят первые монгольские войска. Полностью раздробленное русское государство, раздираемое усобицами, не способно оказать им никакого консолидированного и эффективного сопротивления.

Этому предшествует ряд важнейших событий, превративших царство монголов в мировую империю.

В 1206 состоялся съезд ханов всех монгольских племен на реке Онон, который провозгласил Темучина великим каганом и присвоил ему титул Чингисхана — «Величайший из правителей, Повелитель всех людей». Далее каждый год будет ознаменован резким расширением власти Чингисхана: одно за другим следуют подчинение ойратов, кыргызов, тангутов, а в 1211 — 1215 — установление контроля над Северным Китаем вплоть до Пекина и признание китайским императором монгольской власти. В 1218 году монголы захватывают Восточный Туркестан и Семиречье, а в 1219 — 1221 крупнейшие города Средней Азии — Бухару, Самарканд, Хорезм; затем следуют успешные вторжения в Азербайджан, Афганистан и Персию. В 1218 году осно-

---

[1] *Хара-Даван Э.* Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера.

[2] *Grousset René*. L'Empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan.

[3] *Хара-Даван Э.* Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера.

вывается столица монгольской империи город Каракорум, где располагается ставка великого хана — столица Чингисхана.

В 1223 году войско монголов выходит в южнорусские Степи, где сталкивается впервые с русскими войсками. По просьбе половецкого хана Котяна ряд западнорусских князей (Мстислав Галицкий, Даниил Волынский и т. д.) поддерживают половцев, но монголы наголову разбивают русско-половецкое войско на реке Калке и открывают себе беспрепятственный проход в южнорусские степи.

Около 1224 года как владение в составе Великого Монгольского Улуса (Монгольской империи) образуется отдельный улус (государство), вверенное сыну Чингисхана Джучи, которое называется отныне «Улус Джучиев» или «Золотая Орда» с центром в Нижнем Поволжье. С момента основания территории этого политического образования постоянно расширяются до гигантских размеров. В период правления сына Джучи (внука Чингисхана) Бату (Батыя) «Золотая Орда» достигает пика своего могущества.

В 1235 году военный совет монголов года объявляет общемонгольский поход на запад. Великий хан Удегей посылает в подкрепление Батыю, главе улуса Джучи, для завоевания Волжской Булгарии, Дешти-Кипчака и Руси главные силы монгольского войска под командованием Субэдея.

Летом 1236 года монгольская армия подошла к Волге. Субэдей подверг разгрому Волжскую Булгарию, Бату в течение года вел войну против половцев, буртасов, мордвы и черкесов. В декабре 1237 года монголы вторглись в пределы Рязанского княжества. 21 декабря была взята Рязань, после битвы с владимирскими войсками — Коломна, затем — Москва. 8 февраля 1238 года был взят Владимир, 4 марта на реке Сить разгромлены войска великого князя Юрия II, погибшего в бою. Затем были взяты Торжок и Тверь, осажден Козельск, также закончивашаяся его взятием.

В 1239 году монголами подавлены восстания в Мордовской земле, взят Муром, Переяславль и Чернигов. В 1240 году началось наступление монгольской армии на Южную Русь. Были захвачены Киев, Галич и Владимир-Волынский.

Монголы продолжили поход на запад, победив польско-немецкую армию при Легнице, венгров и хорватов, собранных под началом короля Белы IV, захватив Загреб, выйдя к Адриатике у Сплита и подойдя вплотную к Вене. Весной Батый получил из Монголии известие о смерти великого хана Удегея (11 декабря 1241) и принял решение отходить назад в степи через Северную Сербию и Болгарию.

В 1243 — 1246 годах практически *вся территория* Древней Руси оказывается захвачена монголами и становится частью «Золотой Орды», а все русские князья признают зависимость от правителей Монгольской империи. Земли облагаются данью, которую собирают монгольские баскаки совместно с русскими князьями.

Полный суверенитет «Золотая Орда» обрела при хане Менгу-Тимуре в 1266 году в процессе распада Монгольской империи на ряд независимых государств (Империя Юань, Чагатайский улус, государство Хулагуидов).

Геополитическое уравнение начала XIII века

Чрезвычайно важной для дальнейшего хода русской истории была реакция русских князей на монгольское нашествие. Лучше всего эту ситуацию осмыслили историки-евразийцы, которые глубоко осознали геополитиче-

ское содержание этого переломного момента. Г.В. Вернадский так характеризует ситуацию того времени: «К XIII веку Русь стоит перед грозными испытаниями. Самое ее существование — ее своеобразие и самобытность — поставлены на карту. Развернувшаяся на великой Восточно-Европейской равнине как особый культурный мир между Европой и Азией, Русь в XIII веке попадает в тиски, т. к. подвергается грозному нападению обеих сторон — латинской Европы и монгольской Азии»[1].

Вернадский обращает внимание на то, что одновременно с поднимающейся силой с Востока на Западе происходит синхронная атака на православный мир со стороны римо-католичества. В 1204 году «западноевропейские крестоносцы взяли приступом Царьград и страшно разграбили его; Православное Византийское Царство было ниспровергнуто; на месте его основана Латинская Империя»[2]. Вернадский продолжает: «Вслед за Византией, казалось, пришел черед и Руси. Наступление началось по всему фронту. Венгрия и Польша бросились на Галицию и Волынь; немецкие крестоносцы утвердились в начале XIII века в Риге (Ливонский орден) и Пруссии (тевтонский орден) и оттуда повели наступление на Псков и Новгород; наконец, шведы двинулись на Русь через Финляндию; мечом и огнем немцы и шведы обращали в латинство как язычников литовцев, эстов и финнов, так и православных — русских. Годы высшего напряжения двусторонней опасности для Руси — конец 1230-х – 1240 год. Зима 1237 – 1238 годов — первый татарский погром Руси (преимущественно северо-восточной); в 1240 году татарами взят Киев (6 декабря); в том же году, побуждаемый папой на крестовый поход против "неверных", шведский правитель и полководец Биргер высадился на берегах Невы (июль)[3]». И заключает: «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла»[4].

Итак, в начале XIII века Русь как самостоятельное геополитическое образование должно решить сложное геополитическое уравнение: *Восток или Запад*. При этом в той ситуации «Восток» конкретно означает монгольскую империю, а «Запад» — католическую Европу. Третьего в той ситуации не дано, поскольку Русь сама по себе чрезвычайно ослаблена усобицами, разделена и не способна к консолидации.

Даниил Галицкий: выбор западничества

Этот выбор символизируется историческими позициями двух ярчайших фигур того времени. Речь идет о сыне Великого князя Ярослава Всеволодовича Александре Невском и Волынско-Галицком князе — Данииле Романовиче Галицком. «Александр Невский выбрал Восток и под его защитою решил отбиваться от Запада (...). Даниил Галицкий выбрал Запад и с его помощью попытался вести борьбу против Востока» — пишет Г. Вернадский[5]. И продолжает: «Александр Невский и Даниил Галицкий олицетворяют собою

[1] *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Книга IV, Прага, 1925 год. С. 318.

[2] Там же. С. 319.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 320.

[5] Там же.

два исконных культурных типа истории русской, и даже шире того, мировой: тип "западника" и тип "восточника"»[1].

Вернадский так описывает эпопею Даниила Галицкого: «Даниил лавировал между римским папою, Уграми (Венгрией), Чехией, Польшей, Литвою, татарами, собственными боярами и родственниками-князьями. Первый страшный удар нанесен был татарами юго-западной Руси в конце 1240 (взятие Киева); вся Волынь и Галиция были затем опустошены (...). Даниил не пытался оказывать сопротивления. Еще до взятия Киева он уехал в Угры, ища против татар помощи у короля Угорского. Хлопоты Даниила оказались тщетны. Как известно, монгольская волна залила всю восточную и среднюю Европу — Венгрию, Силезию, Моравию, Хорватию, Балканы. Волна схлынула в 1241 году (...).

Даниил вернулся на Русь, где ему пришлось вести длительную борьбу с галицкими боярами, перемышльским владыкою, бывшим черниговским князем Ростиславом, уграми и поляками. Борьба шла успешно и завершилась решительною победою Даниила (...).

Между тем уже в следующем 1250 году монголы вновь заинтересовались юго-западною Русью. Батый прислал сказать Даниилу: «Дай Галич». Не чувствуя себя опять в силах бороться оружием, Даниил решил подчиниться и поехал сам к Батыю. Против ожидания Даниил был встречен ласково. (...)

Даниил пробыл в орде почти месяц и достиг цели: Батый оставил за ним все его земли. Немедленно сказалось международное значение Даниилова шага: Запад начал заискивать перед ним, угорский король Бела IV прислал послов с предложением мира и родственного союза. Сын Даниила Лев женился на дочери угорского короля.

Оскорбленное самолюбие Даниила заставило его искать новых путей, чтобы высвободиться из-под монгольской зависимости. Византийское царство было низвергнуто: оставался латинский Запад. Чтобы рассчитывать на помощь Запада — новый крестовый поход — нужно было обратиться к формальному главе Запада, папе. Даниил это и сделал: он вступил в переговоры с папою Иннокентием IV о соединении церквей.

Папа обещал различные льготы и милости; русскому духовенству разрешено служить на квасных просфорах; признан был законным брак Даниилова брата Василька на близкой родственнице; крестоносцам и духовным лицам запрещено приобретать имения в русских областях без позволения великого князя; самому великому князю обещан королевский титул.

Наконец, посланы были (в 1253 и в 1254 годах) от папы всем государствам средней и восточной Европы призывы о крестовом походе против татар на помощь Даниилу.

Рассчитывая на помощь Запада, Даниил начал деятельно подготавляться к борьбе с монголами: собирать войска и деньги, укреплять города, населять их, возвеличивать власть свою.

В 1255 в городе Дрогичине Даниил короновался присланною ему от папы королевскою короною.

Даниилу нужна была однако не только корона, а прежде всего военная помощь. Помощь эта не приходила: призывы папы остались без последствий. Тогда Даниил прервал с папою сношения.

---

[1] *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского. С. 337

Между тем надвигалась гроза с Востока. Даниил увидел, что не в силах справиться с этою грозою — предотвратить начавшееся опустошение своей земли татарами. Ему пришлось уступить и бросить все свои мечты. По требованию приднепровского татарского баскака Куремсы Даниил приостановил все свои военные приготовления против татар и срыл укрепления волынских городов (1261).

Через несколько лет после того Даниил умер (1264). Вся «большая политика» его таким образом кончилась неудачею; он имел успех только в «малой политике» — борьбе с непосредственными соседями литовцами, которых против него не поддерживали ни монголы, ни крестоносцы-латиняне. (...)

Он выиграл несколько отдельных сражений, но проиграл самое главное — Православную Россию.

Результатом его политики были долгие века латинского рабства юго-западной Руси[1]». Так подытоживает эпопею героя Западной Руси XIII века Г.В. Вернадский.

Важно заметить, что выбор Даниила Галицкого делался не на пустом месте. С самых первых шагов становления русской государственности и, возможно, даже в особенностях этносоциологической структуры населения Западной Руси[2] мы видим там социологическую и геополитическую модель, которая активно притягивается к *западному полюсу*, участвует в европейских делах, опирается в усобицах на европейских союзников, тяготеет к тому же социальному строю, который складывается в тот период в Западной Европе. Выбор Даниила Галицкого подготовлен и его отцом Романом Мстиславовичем, другим выдающимся западнорусским князем, а также Мстиславом Изяславовичем и Изяславом Мстиславовичем, противником Юрия Долгорукого в битве за Киевский престол.

Волынская и Галицкая Русь перед лицом двойного вызова выбирает Европу и европейский Запад. Но все равно оказывается под властью монгольского Востока. И тем не менее, этот выбор еще раз напоминает нам о глубинном измерении геополитического и социологического западничества в русском государстве как постоянной ориентации.

Александр Невский: евразийский выбор

Совершенно иной выбор делает сын Великого князя Ярослава Владимировича и представитель владимирской ветви русских князей Александр Невский.

Г.В. Вернадский пишет о нем: «Историческая задача, стоявшая перед Александром была двояка: защитить границы Руси от нападений латинского Запада и укрепить национальное самосознание внутри границ.

Для решения той и другой задачи нужно было отчетливо сознавать и глубоко чувствовать — инстинктом, нутром, так сказать — исторический смысл своеобразия русской культуры — Православие (...).

Глубоким и гениальным наследственным историческим чутьем Александр понял, что в его историческую эпоху основная опасность для Православия и своеобразия русской культуры грозит с Запада, а не с Востока, от

---

[1] Там же. С. 321–323.

[2] *Дугин А.Г.* Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

латинства, а не от монгольства. Монгольство несло рабство телу, но не душе. Латинство грозило исказить самое душу.

Латинство было воинствующей религиозною системою, стремившейся подчинить себе и по своему образцу переделать Православную веру русского народа.

Монгольство не было вовсе религиозною системою, а лишь культурно-политическою. Оно несло с собою законы гражданско-политические (Чингисова яса), а не религиозно-церковные. (...)

Поэтому и подчинение Александра монголам не было чисто механическим, только вынужденным. Александр видел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и утвердить русскую культурную самобытность от латинского Запада.

Вся политика подчинения монгольскому Востоку была, таким образом, у Александра не случайным политическим ходом, как у Даниила, а осуществлением глубоко продуманной и прочувствованной политической системы[1]».

Владимирский князь Ярослав Всеволодович был признан старейшим в Русской земле, ему был передан разоренный монголами в 1240 году Киев. Александр Невский был посажен отцом княжить в Новгороде.

В 1240 году шведский ярл Биргер, побуждаемый папою на крестовый поход против «неверных» (т. е. православных), высадился на берегах Невы. Александр на голову разбивает его войска, отражая атаку латинской экспансии. Там он и получает имя «Невский» — в честь своей победы. В 1241 году он освобождает Псков от занявших его ливонских рыцарей. А в 1242 году Александр выигрывает знаменитое сражение с войсками Ливонского ордена на Чудском озере (Ледовое побоище). В 1245 году он отражает нападение на Новгородские земли армии литовского князя Миндовга. Шестилетняя победоносная защита Александром северной Руси привела к тому, что немцы, по мирному договору, отказались от всех недавних завоеваний и уступили новгородцам часть Латгалии.

В 1246 году великий княз Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, был вызван в столицу Монгольской Империи Каракорум и там (вероятно) отравлен.

Сыновья Ярослава, Андрей и Александр, также отправились в Орду, а из нее в Каракорум и получили там в 1249 году: первый Владимирское великое княжение, а второй — Киев и Новгород. Однако Андрей стремился исподволь противостоять монголам, заключив союз с сильнейшим князем Южной Руси — Даниилом Романовичем Галицким. Это привело к ордынскому карательному походу 1252 года.

Г.В. Вернандский пишет об Александре Невском в тот период: «Не встречая покорности в братьях, Александр не останавливался перед тем, чтобы смирять их с помощью татар. В 1252 году татарский отряд Неврюя изгнал Андрея из Владимира; великокняжеский стол передан Александру. В 1256 году Александр силою выгнал из Новгорода другого брата Ярослава (который из Твери перешел в Псков, а оттуда в Новгород). Вслед за этим Александр жестоко наказал новгородцев, не хотевших платить татарам дань ("число"). В 1259 г. Александр лично присутствовал при взятии татарами этого "числа"».[2]

---

[1] *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского. С. 323.

[2] Там же. С. 335.

И Г.В. Вернадский заключает: «Целью его политики было объединение всей Руси под одним великим князем»[1].

Точно так же, как Даниил Галицкий продолжал линию западнорусских князей, Александр Невский продолжает линию князей восточно-русских, идущую от Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. Все они и геополитически, и социологически тяготели к построению на Руси *централизованной самодержавной государственности*. Но в эпоху монгольских завоеваний этот и ранее существовавший вектор приобретает дополнительное и чрезвычайно важное измерение: на сей раз *русский восток оказывается в контексте гигантской восточной кочевой туранской империи*, т. е. радикально меняется *масштаб* востока — отныне это *полноценная евразийская теллурократия*, представленная и геополитически, и идеологически, и этически в военизированном, жестко иерархизированном монгольском обществе с вселенскими проектами построения мировой империи, *империи Суши*. В составе Золотой Орды русские открывают для себя глубину востока, который простирается гораздо дальше тех пределов, которые были известны до монгольских завоеваний. Путешествия русских князей в Каракорум и даже дальше на восток открывают перед ними новые географические просторы, которые перестают быть чужими и становятся частью «понятной» и «обжитой людьми» зоны (тем более что речь идет о территории общего государства).

В период монгольских завоеваний меняется столь же радикально структура *географических представлений* русских людей. Если раньше, в рамках византийского (средиземноморского) взгляда на климатические пояса, земли к востоку от Великой Скифии населялись мифическими существами — «демонами», «каннибалами», ордами библейских «гогов и магогов» (и ранние описания монгольских нашествий, а до них любых вторжений на Русь кочевников с востока описывались именно в этих терминах «христианской эйкумены»), то *после* монгольского периода эта тема исчезает — Туран и его территории перестают быть «другими», «зловещими», населенными «потусторонними экзотическими сущностями». Эти пространства становятся «своими», «обитаемыми», «обжитыми». Это закладывает предпосылки для последующих волн восточной экспансии русских на позднейших этапах русской истории.

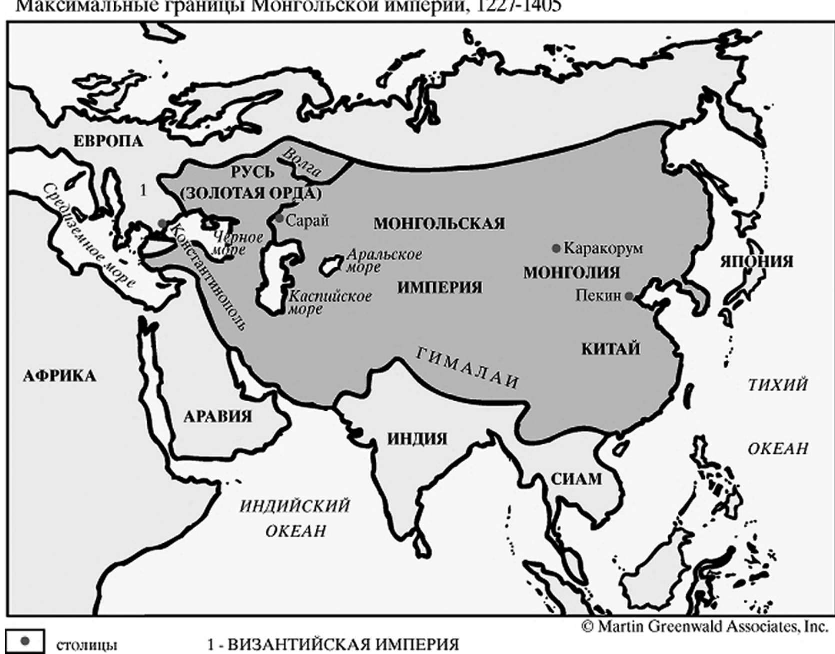
Основные приницпы восточной политики, *русского евразийства*, предопределяющие на века исторический вектор становления русской державы, заложил именно Александр Невский, решив *в пользу Востока* сложнейшую геополитическую задачу, стоящую перед ним в переломный драматический момент русской истории.

Золотая Орда и русские княжества в XII–XIV веках

После смерти Батыя законным наследником должен был стать его сын Сартак (бывший православным), который находился в это время в Монголии, при дворе Мунке-хана. Однако по пути домой новый хан неожиданно скончался. Вскоре умер и провозглашенный ханом малолетний сын Батыя Улагчи.

---

[1] *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского. С. 335.

Ил. 29. Завоевания монголов — максимальная граница Монгольской империи

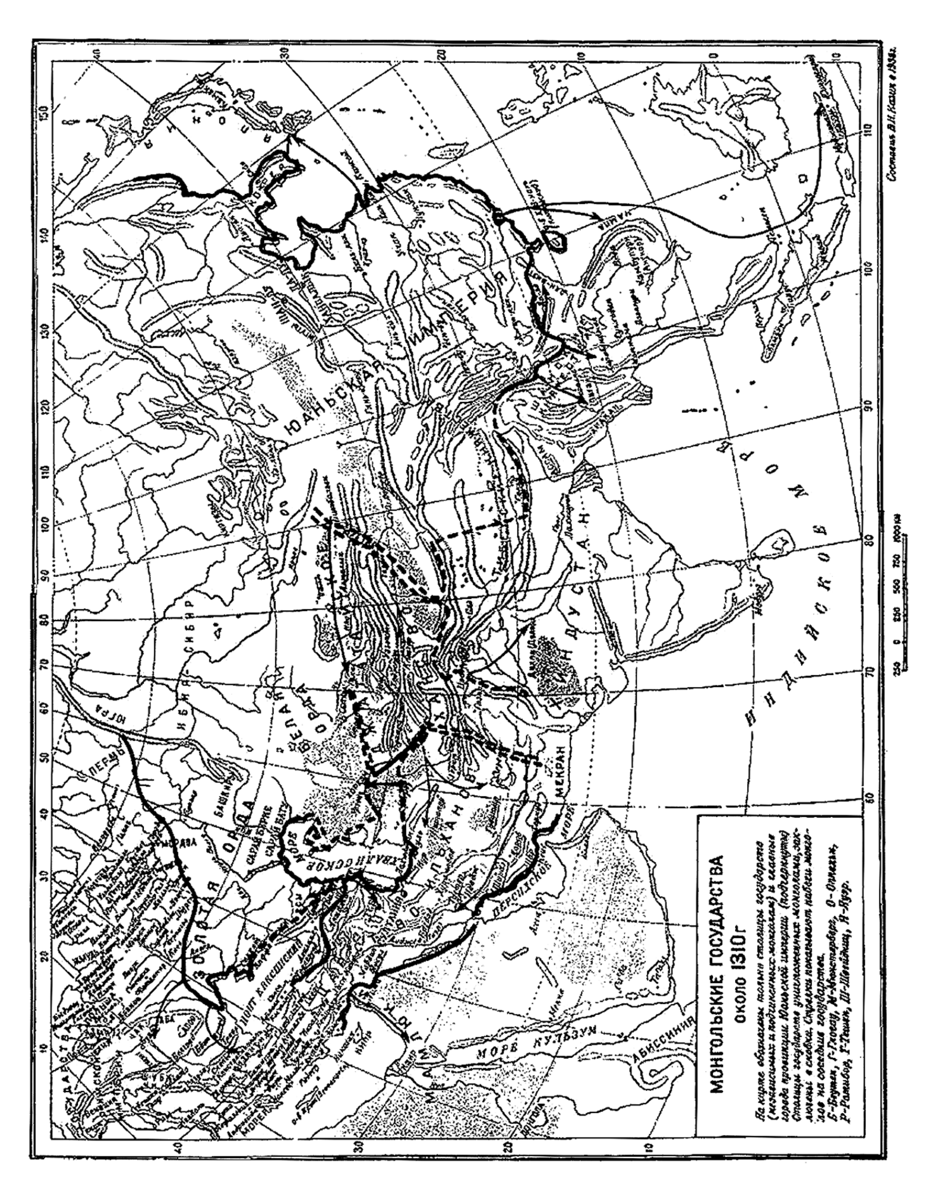
Правителем улуса стал Берке (1257—266), брат Бату. Берке еще в молодости принял ислам, но это было, по-видимому, политическим шагом, не повлекшим за собой исламизации широких слоев кочевого населения.

В правление Менгу-Тимура (1266—1280) Улус Джучи стал полностью независим от центрального правительства. Во времена правления хана Узбека (1312—1342) и его сына Джанибека (1342—1357) Золотая Орда достигла своего расцвета. Узбек провозгласил ислам государственной религией.

С 1359 по 1380 год на золотоордынском престоле сменилось более 25 ханов, а многие улусы внутри Орды попытались стать независимыми. Это время в русских источниках получило название «Великая замятня». В 60-е годы улус Джучи втянулся в затяжной конфликт с улусом Хулагу, владевшим территорией Ирана.

Весь этот период русские земли оставались в составе Орды, и поэтому следует считать это государство частью нашей политической истории.

В начале 1420-х годов образовалось Сибирское ханство, в 1440-х — Ногайская Орда, затем возникли Казанское (1438) и Крымское ханства (1441). Главным среди джучидских государств формально продолжала считаться Большая Орда (Золотая Орда). В 1480 году Ахмат, хан Большой Орды, пытался добиться повиновения от Ивана III, но эта попытка окончилась неудачно, и Русь окончательно освободилась от татаро-монгольского ига. В начале 1481 года Ахмат был убит. При его детях, в начале XVI века, Большая Орда прекратила существование.

Ил. 30. Карта монголосферы в начале XIV века

Религиозная политика Орды

Показательно, что изначально монголы были поликонфессиональной группой, среди них можно было встретить как политеистов-шаманистов, так и тенгрианцев, а также христиан-несториан и буддистов[1]. Положения «Ясы» Чингисхана особенно подчеркивали необходимость всем его потомкам строго следовать принципу *отделения политических вопросов от религиозных* и поддерживать все религии и культуры, с которыми монголы встречались. Это было принципиальным отличием монгольского Востока от католического Запада.

После захвата новых земель и покорения новых народов монголы впитывали подчас их культуры и принимали их религии. В Иране, Средней Азии и Волжской Булгарии к тому времени прочно укоренился ислам. Но и в этом случае после исламизации монгольской правящей верхушки продолжал действовать принцип Чингисхана — положительное отношение со стороны монгольских властителей сохранялось в отношении *всех* религий, оказавшихся под властью монголов. Даже когда Золотая Орда стала при хане Узбеке *исламским государством*, в отличие от многих других исламских государств в Орде не было предпринято дискриминационных мер ни в отношении «людей книги» (христиан и иудеев), ни в отношении политеистов. Это довольно яркое отличие Чингисидов от других исламских правителей. Поэтому для русского православного населения Орды существование в контексте исламского государства прошло относительно незаметно — в столице Орды Сарае выдавался ярлык Киевским митрополитам (с определенного времени располагавшимся во Владимире, а позже в Москве), строились церкви и располагалась резиденция епископа Сарайского. Митрополит Кирилл II при в 1261 году получает разрешение хана Берке основать в Сарае православную епархию. В 1300 году при великом князе Андрее Александровиче, сыне Александра Невского, происходит перенесение резиденции русского митрополита из Киева во Владимир-на-Клязьме, хотя кафедра митрополита, однако, по-прежнему продолжает называться «Киевской».

Московское княжество

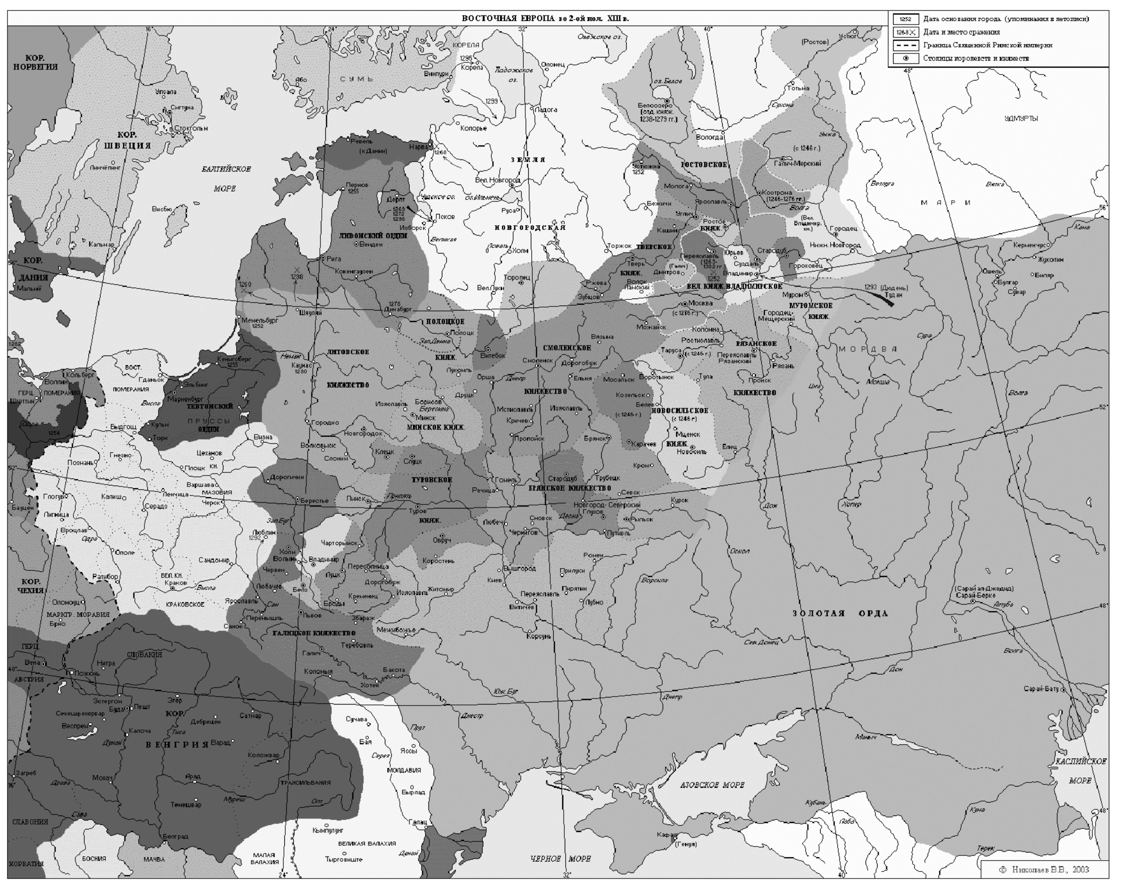
По логике распределения владений в княжеском доме территории Владимирско-Суздальского княжества и до монголов, и после их нашествия разделялись на различные более мелкие княжества. Так, в XIII веке уже в условиях ордынского государства образуется Московское княжество вокруг города Москвы.

Основателем дома Московских князей был младший сын Александра Невского, Даниил Александрович. Он начал процесс территориального и политического расширения Московского удела: разбив рязанского князя Константина Романовича, он взял его в плен и захватил город Коломну. Позднее Даниилу удалось получить Переяславль-Залесский.

После смерти Даниила Московского всю власть отца захватил в свои руки старший из пяти его сыновей, Юрий. С Юрия Даниловича московские князья начинают борьбу за то, чтобы претендовать на великое княжение. Это в значительной степени зависит от позиции Орды, и Юрий Данилович

---

[1] *Grousset René*. L'Empire des Steppes. Attila, Gengis-Khan, Tamerlan.

Ил. 31. Русь, Литва и Орда в XIII веке

три раза побывал в Орде из-за своего спора с тверскими князьями, так или иначе касающегося вопроса о великом княжении. Один раз он пробыл там целых два года, при этом женился на сестре хана Канчаке и получил, в конце концов, в 1319 году ярлык на великое княжение.

В свое правление Юрий Данилович неоднократно защищает новгородцев от вторжений с запада и с северо-запада и организует поход новгородцев на Швецию, осаждает Выборг, т. е. проводит политику, повторяющую в основных чертах линию своего деда Александра Невского.

Юрию наследовал его брат Иван Калита, Иван I Данилович.

В исторической литературе бытует мнение, что Иван Калита становится первым собирателем московских земель, усердно приращая свои владения. Другая точка зрения состоит в том, что он лишь продолжал ту же линию, которую проводили его отец и брат.

Московская земля при Иване Калите заключала в себе все течение реки Москвы, с городами Можайском, Звенигородом, Москвой и Коломной; далее на юго-запад она простиралась от Коломны вверх по Оке, с городками Каширою и Серпуховом, а на северо-восток владения Москвы охватывали часть Поволжья, заключая в себе волжские города Углич и Кострому. Они простирались далеко на северную сторону Волги.

Иван Калита продолжал политику, направленную на полную лояльность Орде, и воевал по указанию Сарая против Твери, Пскова, Смоленска. Сам он посещал Орду дважды. В 1328 году в Орде он добился у хана Узбека ярлыка на Владимирское великое княжество. После этого, по словам летописца, во всей Северо-Восточной Руси наступила «тишина на многие годы». Опасаясь ханского гнева, татары перестали совершать набеги на Русь. Узбек отказался от присылки баскаков в русские земли, поручив сбор податей с населения Ивану I.

При Иване I происходят два очень важных символических события. Сам он принимает титул великого князя, но не покидает Москвы, *превращая таким образом Московское княжество в великое*, а Владимирское становится в такой ситуации лишь его частью. Кроме того, при нем в 1328 году Митрополит Феогност *переносит митрополию* из Владимира в Москву. То есть Москва становится с этого момента как официальной *столицей* Русского государства, так и местопребыванием высшей церковной власти. В духе византизма Москва выступает отныне как центр, где духовное и светское владычество сочетаются в единой точке.

Преемником Калиты на великом княжении становится вначале его старший сын Симеон, продолжавший дело отца и посещавший Орду пять раз (вероятно, что он лично возил дань ханам). Потом правил его брат Иван Второй. Он передает свою власть сыну Дмитрию.

В 1362 Дмитрий Иванович Донской изгоняет силой Дмитрия Галицкого и властвует над князьями ростовскими и суздальскими. Он всячески развивает идею самодержавного престолонаследия и укрепляется в мысли о *принципиальной неделимости великого княжения* (вопреки принятой тогда практике дробления княжеских территорий).

В период княжения Дмитрия Ивановича (Донского) в Орде царит «великая замятня», и ее власть резко ослабевает. У Московской Руси появляется впервые реальный шанс выйти из-под контроля ордынских ханов. Так, Дмитрий игнорирует купленный в Орде тверским князем Михаилом ярлык на великое княжение и берет у суздальских городов присягу не принимать Михаила. Он, тем не менее, сам едет в Орду и перекупает ярлык. Показатель-

но, что в договоре Дмитрия Донского с Михаилом Тверским о монголах говорилось уже так: «Будем ли мы в мире с татарами, дадим ли выход или не дадим — это зависит от нас; если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдем на них, то и тебе идти с нами вместе»[1].

Кульминацией этого стремления к свободе от монгольской зависимости становится Куликовская битва, когда русским войскам удается впервые одержать победу над войском темника Мамая. После этого Москва какое-то время не платит Орде дань вообще, но после нападения Тохтамыша в 1382, взятия и разорения им Москвы ситуация возвращается в прежнее русло.

Сына Дмитрия Донского Василия I сажает на великокняжеский престол посол Тохтамыша, а через год сам Василий едет в Орду и покупает там ярлык на княжество нижегородское. Василий I продолжает увеличивать Московские владения. Василия I пережил один только сын его; это обстоятельство во многом способствовало упрочению единства территории государства.

В конце XIV века Золотая Орда подверглась нашествию Тамерлана, который разгромил ее и пошел было на русскую землю, но, дойдя до Ельца, повернул назад. После этого нашествия Орда не казалась уже столь опасной для Московского князя. Сам он не ездил туда с поклоном, не посылал послов, на требование дани отвечал, что «государство его обеднело людьми и не с кого собирать выхода», а сборы между тем производились и шли в казну великокняжескую[2]. В 1408 году, однако, снова состоялось нашествие ордынцев на Русь под началом мурзы Эдигея, который разграбил Московскую землю. Русский князь по-прежнему должен был давать дань татарам.

По смерти Василия I права на великокняжеский престол предъявил брат его Юрий. Спор, как и прежде, был вынесен на решение Золотой Орды, которая высказалась в пользу Василия Васильевича (Василия II). Это было хронологически последнее участие Орды во внутренней жизни Московского государства. Смуты и постоянная борьба претендентов за престол привели Орду к упадку и затем к распаду на царства Крымское, Казанское и Кипчакское; вместе с тем фактически прекратилась и зависимость от нее Московского княжества.

Василий II, сын Василия I, присоединил к Москве Серпуховской уезд. Умирая, Василий II разделил свои владения между сыновьями. Старшему, Ивану Третьему, он передал великое княжение.

Иван III не только не поехал за ярлыком и на поклон хану, но не платил ему и дани («выхода»). Подстрекаемый польским королем Казимиром, хан Ахмат предпринял было в 1472 году поход на Москву, но, сжегши некоторые города по Оке, вернулся назад. Поход был возобновлен в 1480 году; Ахмат и Иван III сошлись на реке Угре, но, простояв некоторое время в нерешимости, ордынцы отступили. С этих пор прекратились всякие обязательные отношения Московского княжества с Золотой Ордой. 1480 год считается моментом окончания монгольского периода русской истории.

Геополитика Восточной Руси в ордынскую эпоху

Беглый обзор истории Восточной Руси в ордынскую эпоху показывает, что ее правители, являющиеся великими князьями и соответственно номи-

[1] *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь.

[2] Там же.

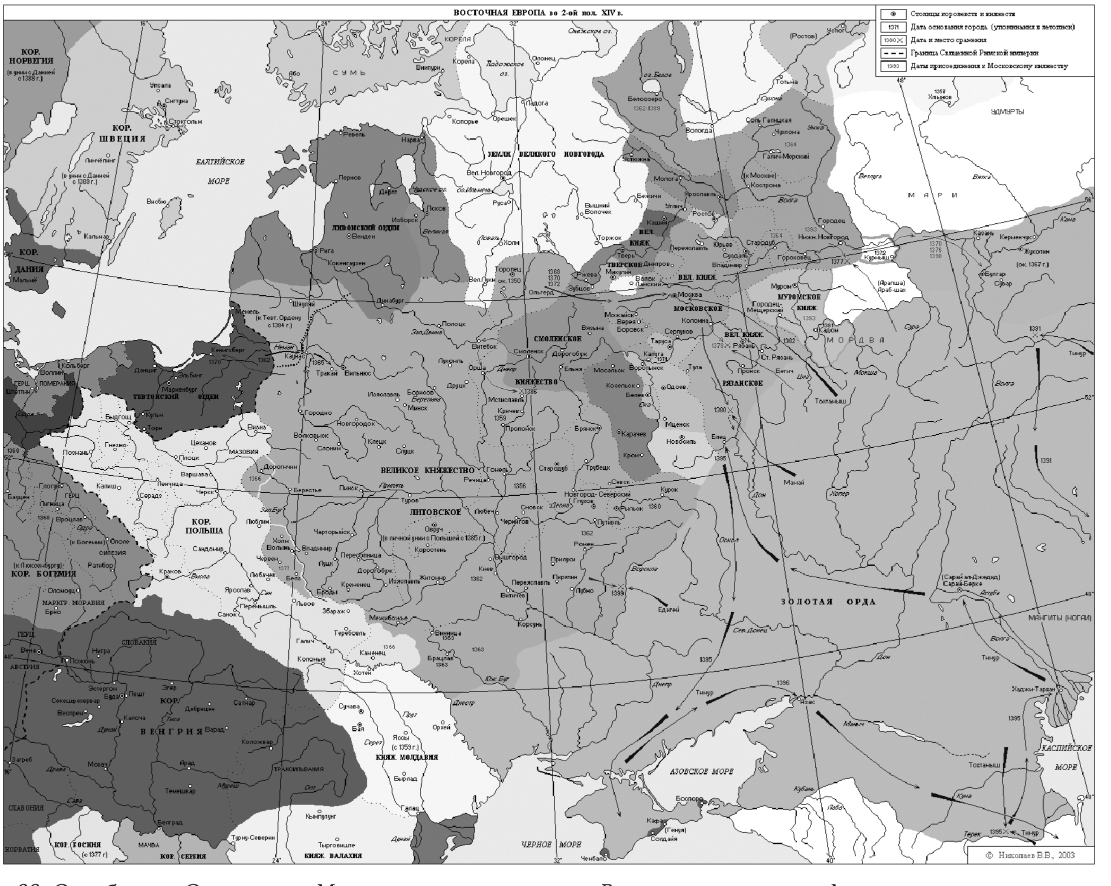
нальными правителями всей Руси (хотя в силу продолжения раздробленности на практике это было далеко не так), последовательно проводят геополитическую линию, корнями уходящую к первым основателям Ростово-Суздальского княжества и рельефно оформленную Александром Невским. Несмотря на все сложные и драматические перипетии княжеских усобиц, постоянно возникающие и рушащиеся альянсы, вспыхивающие ссоры и новые перемирия, на всем протяжении рассматриваемой нами истории от Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского до Ивана III мы имеем дело с набором *геополитических и социологических констант*. Мы постоянно видим фундаментальный полюс русского востока в действии.

На востоке Руси постепенно и последовательно растет зона самодержавного централистского правления, геополитически и религиозно ориентированного на противостояние Западу и католичеству, с опорой на единоличную великокняжескую власть стремящуюся сократить полномочия аристократии — княжеской и / или боярской (что зависит от конкретной ситуации). После вхождения в Монгольскую Империю в лице Золотой Орды этот вектор многократно усиливается постоянным влиянием собственно *туранского* элемента: жестко иерархического общества, отождествления народа с армией, представления о «трансцендентности» высшей власти, веры в миссию создания глобального мирового царства. При этом качественно меняются представления о географии мира — бескрайние просторы Евразии, лежащие к востоку от Руси, перестают быть областью темного мифа и становятся обитаемым пространством, открытым для русских людей и относящимся к общему политическому полю.

Теперь мы можем сделать определенные выводы о геополитической логике русской истории вплоть до конца XV века. Начиная с золотого века Киевской государственности, от ее расцвета до Владимира Мономаха, так или иначе все возможные пути геополитического развития Руси (по полюсам — восток, север, запад и в несколько меньшей степени юг) были открыты, и теоретически наша геополитическая история могла бы сложиться вдоль любого из этих векторов. Киев же представлял собой центр, уравновешивающий эти геополитические ориентации и собиравший их в единый политический, пространственный и социальный организм.

В эпоху раздробленности все геополитические тенденции (кроме южной) начинают автономизироваться, киевский синтез постепенно ослабевает и рушится. Тогда мы вступаем в исторический период, когда эти тенденции — запад, восток, север — вступают между собой в прямую конкуренцию. И страсти вокруг захвата Киевского престола показывают, что постепенно нагнетаются и оформляются противоречия между *двумя* наиболее выразительными и очевидными ориентациями — *русским западом* и *русским востоком*, между Галицко-Волынскими князьями и Владимиро-Суздальскими. При этом вектор севера, сохраняя свою самостоятельность и автономность, почти во всех случаях оказывается в критический момент связан с *русским востоком*. Новгородцы и псковчане, стаклкиваясь с постоянной угрозой со стороны скандинавов и германцев, ищут защиты у Владимирских (Московских) князей, что геополитически сближает два эти полюса.

Перед лицом монгольского нашествия и перед рывком западного католического мира на восток (начатого Четвертым крестовым походом и созданием на месте Византии Латинской империи) русские восточники и русские западники вынуждены давать на эту дилемму решительный ответ. Два вари-

Ил. 32. Ослабление Орды, рост Московского княжества и Великого княжества Литовского, возникновение Казанского ханства в XIV веке

анта ответа мы встречаем в лице двух ярких исторических правителей русской истории — князя Даниила Галицкого и князя Александра Невского. И далее *судьба Руси неуклонно смещается в сторону востока*. Здесь находится великокняжеский престол. Сюда переносится митрополичья кафедра. Эта социологическая модель самодержавия максимально способствует централизации. Эта территория бывшего единым Киевского государства глубоко интегрируется в Монгольскую Империю, получая мощный *заряд теллурократии*, становясь во всех смыслах цивилизацией Суши.

Западная Русь под Ордой

Нам осталось проследить, как складывается на протяжении монгольского периода геополитическая судьба Западной Руси. Если вектор Андрея Боголюбского и Александра Невского ведет к Куликову полю, а затем к стоянию на Угре, Ивану III и Московскому царству, то как развивается в эти два с половиной века западный вектор Руси?

Мы видели, что заигрывания Даниила Романовича Галицкого с Ватиканом и его попытки опереться на Европу в противостоянии монголам не дали результата. Восточные князья вслед за Александром Невским выбрали Туран, и владение Владимирским домом великокняжеского престола было отныне обеспечено поддержкой Орды. В эпоху Золотой Орды пусть довольно номинально, но политическое единство Руси сохранить удалось, и *гарантией этого единства стал русский восток, а не русский запад.*

Однако раздробленность и междоусобные княжеские столкновения не прекратились и после монгольских завоеваний, поэтому не прекратилось и противостояние русского запада и русского востока. Теперь уже в контексте Золотой Орды Галицко-Волынское княжество по прежнему оставалось силовым центром русского запада, а т. к. роль Киева практически сошла на нет, то начиная с середины XIII века он становится лишь одним из второстепенных центров Руси, переходя почти под полный контроль западных князей и превращаясь в их руках лишь в историческую реликвию. Киев, тем самым, окончательно утрачивает свою прежнюю политическую и геополитическую функцию. Однако контроль над Киевом, который был столицей Древней Руси и символом русской государственности, западнорусские князья пытаются использовать в своих интересах.

Пытавшиеся сопротивляться монголам галицко-волынские князья (в частности, Даниил Романович Галицкий) все равно оказались в составе Орды и участвовали в ее политической жизни (галицко-волынские князья платили ежегодную дань Орде).

Выход Литвы на историческую арену

Здесь важно заметить, что в начале XIII века к северо-западу от русских земель (Полоцкое княжество) начинает складываться и укрепляться новое геополитическое образование — Великое княжество Литовское (с центром в Новгородке). Населенная преимущественно балтийскими этносами с княжеской элитой, возможно, сарматского происхождения, Литва устанавливает контроль над Полоцким, позже Туровским и Пинским княжествами и постепенно превращается в серьезного конкурента как для княжеств юго-западной Руси, так и для Псковских и Новгородских земель. Регулярно в

исторических хрониках Литва начинает фигурировать с эпохи великого князя Миндовга, расширившего свои владения за счет северо-западных русских земель (Полоцк). В своей деятельности Миндовг опирался на Ливонский Орден, но в конце жизни встал на стону восставших литовцев и русских против ливонских рыцарей и вскоре был убит.

Великое княжество литовское долгое время остается языческим (хотя Миндовг на время переходит в католичество и получает от папы Иннокентия

Ил. 33. Объединение западнорусских земель в Великом Княжестве Литовском

IV корону и титул «короля Литвы»), но при этом вполне терпимо к православию, и ряд литовских князей (например, полоцкий князь Товтивил и сын Миндовга Войшелк) обращаются в православие сами.

Литва по своему типу, по своей социальной организации и по своей геополитической ориентации относится к *европейским аристократическим феодальным государствам*, довольно схожим в целом с другими восточноевропейскими державами — Польшей, Венгрией и т. д. Постоянным соперником и врагом Литвы является Тевтонский орден, расположенный в землях Пруссии и насильно обративший в католичество или просто уничтоживший местных жителей пруссов, этнически близких к литовцам, крепко державшихся язычества.

Русско-татарские походы на Литву

Роль Великого княжества Литовского в судьбе западнорусских земель будет ключевой, и мы это рассмотрим позднее. Пока же следует заметить, что это государство становится в ряд западных соседей Орды и превращается в объект военных походов ордынцев. Сплошь и рядом в них участвуют и западнорусские князья.

Так, с середины XIII века практика совместных галицко-ордынских походов на Литву, Польшу и Венгрию становится распространенной. В частности, это связано с внутренним процессами в самой Орде — с автономизацией ее западных земель под темником Ногаем, создавшим отдельный улус.

Иногда инициаторами выступают и сами западнорусские князья. Так, по просьбе Льва Данииловича Галицкого, активно расширявшего галицко-волынские земли и перенесшего столицу во Львов, зимой 1274—1275 годов состоялся поход галицко-волынских князей, а также войск Менгу-Тимура и зависимых от него смоленских и брянских князей на Литву. Новгородок был взят Львом и ордынцами еще до подхода союзников, потом план похода вглубь Литвы расстроился.

В 1277 году галицко-волынские князья вместе с войсками Ногая снова вторглись в Литву (на сей раз по предложению Ногая). Ордынцы разорили окрестности Новгородка, а русским войскам не удалось взять Волковыйск. Зимой 1280—1281 годов галицкие войска вместе с войсками Ногая (опять по просьбе Льва Галицкого) осаждали Сандомир, но потерпели поражение. Почти сразу последовал ответный польский поход и взятие галицкого города Переворески. В 1282 году Ногай и Тула-Буга принудили галицко-волынских князей пойти с ними на венгров, в 1283 году на Польшу.

В начале XIV века Галицко-Волынское княжество воспользовалось падением улуса Ногая и общем ослаблением Орды и в 1323 году установило прямой контроль над территориями Понизья, получив выход к Черному морю. Однако после смерти двух последних князей по прямой линии Галицких Романовичей оно снова утратило эти земли и возобновило практику выплаты Орде дани.

Религиозное соперничество запада и востока Руси

Своего расцвета Галицкая Русь достигает в эпоху правления сына Льва Даниловича и внука Даниила Галицкого Юрия Первого (1301—1315), который снова объединил разделенные ранее Галицкое и Волынское княжества.

Государство Юрия Первого было широко известно в Европе и имело большой престиж. Самого Юрия называли «королем Руси» — Georgi Regis Rusiae, а константинопольский патриарх Афанасий согласился в 1303 на создание Галицкой митрополии[1]. Этот период, который продолжился еще на некоторое время при княжении детей Юрия Льва Второго и Андрея Галицких, представлял собой *последнюю вспышку западнорусской государственности как геополитического и политического проекта*, уходящего корнями к Роману и Даниилу Галицким, к Мстиславу Изяславовичу и Изяславу Мстиславовичу.

Галицкая Русь продолжает и в ордынскую эпоху стремиться к тому, чтобы воплощать в себе все русское государство, соревнуясь в этом с восточной Русью — Владимирской (Московской). Отсюда и стремление к созданию собственной церковной метрополии, которая мыслилась галичанами не как нечто новое, но как «прямое продолжение киевской митрополии», «неправомочно» на их взгляд, «узурпированной» русским востоком.

Так, геополитическое противостояние между востоком и западом Руси приобретает и религиозное выражение. Это чрезвычайно важный момент, который будет иметь позднее серьезные исторические последствия. Наряду с Московской Русью, вызревающей в Орде на востоке, на западе в лоне той же Орды складывается Галицкая Русь, альтернативная и автономная, претендующая на то, чтобы представлять себя как «прямую и полнокровную наследницу Древней Киевской Руси».

При этом роль западнорусского центра в геополитике всей Руси и в контексте Золотой Орды на всем протяжении монгольского господства неуклонно падает, а ее земли становятся зависимыми от соседних государств, мало-помалу утрачивая свою цельность и политическую автономию.

Политический упадок Галичины

После смерти Льва Второго и Андрея Галицких прерывается прямая династия по мужской линии Мономаховичей. Далее власть начинает определяться с опорой на боярскую аристократию, которая выбирает галицким князем Болеслава — сына сестры Льва Второго и Андрея и князя Тройдена Мазовецкого. Болеслав, взойдя на престол, взял имя Юрия Второй и принял Православие (до этого он был католиком).

Юрий Второй Болеслав (правивший в 1323—1340 годах) раздавал чины и земли выходцам с Запада, помогал немецким колонистам, жаловал магдебургское право некоторым городам (например, Сянок). Возмущенные бояре отравили Юрия Второго Болеслава.

После этого с 1340 начинается не прекращающаяся борьба между соседними государствами за Галичину и Волынь.

Литовский князь Дмитрий — Любарт занял Волынь, а польский король Казимир Третий вошел в 1340 в Галичину, захватил Львов. В дела Галичины вмешались и венгры. В это время галицкие бояре под руководством перемышльского воеводы Дмитрия Дядька установили *боярскую олигархию*, которую признали Польша и Венгрия.

Боярская власть просуществовала до 1349 года, когда король Казимир Третий захватил Львов и Галичину. Он заключил договор с Литвой и Венгри-

---

[1] Попытка учреждения самостоятельной Галицкой митрополии будет предприниматься трижды, но московские митрополиты всякий раз добивались ее отмены.

ей, по которому Галичина, Западная Волынь и Холмщина оставались до конца жизни Казимира Третьего в составе Польши. В 1370 — 1387 годах Галичина оказалась под властью Людовика — венгерского короля, который стал также и польским королем. С 1387 года польская королева Ядвига присоединила Галичину к Польше, пытаясь превратить ее и Холмщину в рядовые польские провинции. Началась усиленная колонизация Галичины поляками и немцами. Повсюду в Галичине создаваласиь католические миссии. С укреплением польской власти в Галичину стала прибывать польская шляхта (дворяне), которые получили во владение многие галицкие земли.

Закарпатье оказалось под властью Венгрии и оставалось таковым, за исключением некоторых периодов правления Льва Первого и Юрия Первого, до XX века.

Буковина после распада Галицко-Волынского государства была присоединена к Молдавскому воеводству, в составе которого она находилась до 1774 года.

Если окинуть взглядом всю историю Западной Руси в период монголов, то мы видим, что здесь происходит как взлет ее автономного самостоятельного значения, так и постепенный упадок, который завершается *полной утратой государственности*, расчленением и вхождением по частям в состав различных политических образований. Русский запад как геополитический вектор русской истории и как особый феодально-аристократический стиль построения общества оказался тупиковым выбором.

Русь Литовская (от Миндовга до Ольгерда)

Однако западнорусская модель общества и геополитической идентичности не исчезли окончательно и в огромной степени получили новую жизнь в другом политическом образовании, которое сложилось на том же самом пространстве, где располагалась значительная часть Киевской Руси, и в первую очередь, ее западные территории. Речь идет о Великом княжестве Литовском, которое иногда принято называть «литовско-русским государством» или даже «Литовской Русью» — настолько в определенные периоды там был весом русский фактор как с точки зрения населения, языка, культуры, так и с точки зрения религии.

С момента подъема Великого княжества Литовского еще при Миндовге Галицко-Волынские князья начинают политику сближения с этим возникающим на их глазах независимым образованием. Уникальность Литвы состоит в том, что это государство (несмотря на временный и чисто тактический переход в католичество великого князя Миндовга) остается долгое время языческим и при этом весьма терпимым к православию, в отличие от западноевропейских стран, где католичество формирует особую идентичность, слабо совместимую с православием. Хотя, как мы видели, и в сторону Папы Галицкие князья периодически делают доброжелательные жесты, правда, не приносящие, однако, никакого ощутимого результата. В отношениях же с Литвой религиозный и социально-культурный контекст формируется на качественно иной основе.

Альянс с Литвой становится постепенно постоянным геополитическим вектором Галицких князей. Так, в 1255 году сын литовского князя Миндовга Войшелк (бывший вначале непримиримым язычником, но потом принявший православие) заключает договор с Даниилом Галицким, по которому

вся Черная Русь (Новгородок Литовский, Волковыйск, Слоним и др.) передавались сыну Даниила Роману Даниловичу. Но тот, в свою очередь, обязан был признать над собой верховенство Миндовга как великого князя. Договор этот был скреплен браком Шварна (Сваромира) Даниловича с дочерью Миндовга.

После смерти Миндовга в Литве начинается борьба двух «партий» — православно-русская (Товтил, Войшелк) и языческо-литовская (Тройнат). На какое-то время побеждают язычники.

Между 1282 и 1291 годами в Литве появилась династия жемайтийских владетельных князей, симпатизировавших Руси и православию — Бутигейд и Пукувер Будивид. В 1295 году Будивида сменил его сын Витень, а после его смерти второй сын — Гедимин (правил в 1316—1341 годах).

В этот период литовцам удается остановить движение немецких крестоносцев к востоку и присоединить многие области Руси.

То, что под властью Литвы оказывалось все больше русских территорий и русских подданных, подталкивает литовских правителей к тем же шагам, что предпринимали ранее Галицкие князья — к учреждению для западнорусских христиан особой митрополии, которая не зависела бы от Москвы. Так, в 1317 году по настоянию великого князя Литовского Гедимина Константинопольский патриарх Иоанн Глика учредил самостоятельную Литовскую митрополию с кафедрой в Новогрудке, включавшей епископства Полоцка и Турова (правда, в 1328 году Литовская митрополия была упразднена благодаря стараниям митрополита Всея Руси Феогноста).

Политика Гедимина была чрезвычайно успешной. Он выстроил спокойные отношения с Московским княжеством, активно интегрировал русское население, в первую очередь, русскую аристократию, легко получавшую высокие посты при дворе Гедимина. Влияние Литвы на русских землях постоянно и неуклонно росло. В 1320 годах в зависимость от Великого княжества Литовского попадает Киев, одновременно продолжая выплачивать дань Орде.

Отношения Литвы с поляками и с немцами были напряженными. В отношении Золотой Орды Гедимин проводил союзническую политику и совместно с ордынцами участвовал в отражении нескольких атак крестоносцев.

Великое княжество Литовское при Гедимине уже на 2/3 состояло из русских земель и процент русского населения был приблизительно таким же.

В Великом княжестве Литовском не существовало определенного порядка престолонаследия, так что после смерти Гедимина государство подверглось опасности распада на самостоятельные земли. В конце концов к власти приходят два брата Гедиминовичи Ольгерд и Кейстут. Ольгерд признается великим князем. Кейстут же управляет северо-западной частью княжества и ведет борьбу с Орденом.

Ольгерд (правил в 1345—1377 годах) был православным христианином, женатым вначале на витебской княжне, затем на тверской. Он активно содействовал собиранию в своем княжестве русских территорий, поддерживал русскую знать, покровительствовал православию. В своей державе он попытался воспроизвести некоторые правовые особенности русского государства. Кейстут придерживался языческой веры и этнически литовской ориентации.

Действия Ольгерда были сосредоточены в восточном и юго-восточном направлении. При Ольгерде княжество фактически стало *доминирующей*

державой в регионе. Он стремился утвердить свое влияние в Новгороде и Пскове. Это ему удалось лишь отчасти (вследствие соперничества Москвы). Смоленский князь находился в прямой зависимости от Ольгерда, несмотря на походы московских князей в 1368 и 1375 годах.

В княжение московского князя Симеона Ивановича отношения Ольгерда и Москвы были мирными. Конфликт начался из-за Твери. В 1368—1372 годах Ольгерд, который был женат вторым браком на сестре великого князя тверского Михаила, поддержал Тверь в ее соперничестве с Москвой.

На юге владения Ольгерда расширились присоединением Брянского, Северского и Черниговского княжеств. Особенно позиции государства укрепились после того, как в 1362 году Ольгерд разбил ордынцев в битве при Синих водах и присоединил к своим владениям Подольскую землю. За обладание Волынью Ольгерд вел борьбу с Польшей, окончившуюся миром в 1377 году. Уделы Берестейский, Владимирский и Луцкий отошли к Литве, а земли Холмская и Белзская — к Польше.

Литовские князья в тот период претендовали на объединение под своей властью других русских княжеств (и в частности, Тверского, Московского, Псковской земли).

Земли княжества при Ольгерде простирались от Балтики до Причерноморских степей, восточная граница проходила примерно по нынешней границе Смоленской и Московской, Орловской и Липецкой, Курской и Воронежской областей. Во время его правления в состав государства входили современная Литва, вся территория современной Белоруссии, Смоленская область, часть Украины.

Для всех жителей западной Руси Литва стала важнейшим политическим образованием: в ней они видели *силу, способную противостоять как востоку* (Золотой Орде), *так и западу* (немецким крестоносцам, полякам, католической экспансии).

Литва и западная Русь

Если мы посмотрим на историю Великого княжества Литовского от Миндовга до Ольгерда, то увидим в ней реализацию на новом историческом этапе и с новым политическим ядром — знакомого нам типа *западнорусской* государственности. Это государство *феодально-аристократического* типа. В нем широко представлено православие. Оно активно участвует в европейской политике, но не сливается с ее магистральными тенденциями (католичество), а отстаивает собственную уникальность и автономию. И самое главное: большинство населения этого государства составляют русские, преобладающий язык — русский, наиболее распространенная вера — православие.

Так, в Великом княжестве Литовском русские XIV века не могли не увидеть нового исторического возрождения Киевской Руси (тем более, что и сам Киев входит отныне в Литву). Это *новое воплощение* восторжествовавшей Галицкой Руси, Русь Литовская.

Победы литовских князей над ордынцами показывали русским перспективу выхода на новый исторический этап, а объединение в Литве русских земель (за исключением восточной Руси) открывало перспективу однажды соединить с Литвой и Московское княжество, Тверь, Рязань, Новгород, Псков и остальные восточные земли, воссоздав после неизбежного в будущем краха Орды древнерусское Киевское государство.

Так, мы видим, что русский запад как геополитический вектор и социологическая модель организации общества снова становится реальностью, и спор между Изяславом и Юрием Долгоруким, Даниилом Галицким и Александром Невским возрождается в XIV веке в новой форме соперничества *Литовской Руси и Руси Московской.*

Так как Литвой преимущественно правит русская партия, то для этого есть все предпосылки и на уровне элит.

И в какие-то моменты создается впечатление, что это не просто проект и вероятное будущее, но почти свершившийся факт: восточная Русь в определенный период раздирается противоречиями, остается под плотным контролем Орды и даже территориально уступает мощи, независимости и гигантским просторам Руси Литовской.

Кревская уния и Литва в XV веке

После княжения Ольгерда пик расцвета Литовской Руси пройден и начинается совершенно иная эпоха. Она символизируется принятием его сыном и наследником великим князем Ягайлой *католичества*, его браком с наследницей польского престола Ядвигой и коронацией как польского короля. Это событие, совершившееся в 1385 году, принято называть Кревской унией. Ягайло принимает имя «Владислав» и помимо того, что становится королем Польши, остается великим князем Литовским. По сути, на юридическом уровне происходит объединение двух государств Польши и Литвы в одно. При этом важно учесть, что теперь в качестве модели этого единого государства берется именно Польша. Это означает, что доминирующей религией становится католичество, польская аристократия (шляхта) получает многочисленные привилегии, польская культура берется в качестве образца, а польская политика в Европе берется в качестве главного ориентира.

В 1387 году Ягайло «крестит Литву» в католическую веру.

Отныне русские на западе оказываются в радикально новых геополитических и социальных условиях — они больше не большинство, их вера не является преобладающей, а приравнивается католическими ксендзами к «восточной схизме», аристократия ущемлена в правах (если отказывается принимать католичество), польский язык постепенно вытесняет русский. Кревская уния качественно видоизменяет всю ситуацию. Больше о «Руси Литовской» говорить невозможно.

Однако инерция была слишком сильной, чтобы в одночасье отменить и изменить до неузнаваемости всю предыдущую политическую линию. Так, сын Кейстута Витовт, двоюродный брат Ягайло-Владислава, после целого ряда столкновений и драматических эпизодов в 1395 году признается великим князем Литвы, а Ягайло остается кролем Польши. То есть новое Польско-Литовское государство снова разделяется на две более или менее автономные половины. Однако эта автономия Литвы реализуется уже в новых условиях. Польское и католическое влияние резко возрастают. Витовт теперь думает о примирении католиков и православных, т. е. о своего рода унии — хотя ранее так вопрос никогда не ставился. Влияния Европы и ее порядков в Литве многократно возрастает.

Однако Витовт продолжает политику Ольгерда по укреплению позиций в русских землях. В 1390 году Витовт отдает свою дочь Софью за великого

князя Московского Василия I, сына Дмитрия Донского, и на этом основании позднее в 1427 году вмешивается во внутренние дела Московского княжества в момент драматического противостояния Василия Второго (Темного), приходящегося ему внуком, с Юрием Звенигородским.

После смерти Витовта в Литве разгорается борьба между сторонниками прорусски настроенного брата Ягайлы Свидригайло и пропольски настроенного брата Витовта Сигизмунда. Свидригайло терпит военное поражение; Сигизмунда убивают антипольски настроенные дворяне, и наконец, у власти утверждается сын Ягайло Казимир. Казимир продолжает соперничество с восточной Русью за влияние на русские земли. Так, в 1458 году в символическом для русских месте, городе Киеве, создается Литовско-Киевская православная митрополия как очередное звено в цепи аналогичных попыток по церковной автономизации Галицких князей и Ольгерда. Цель очевидна: *создать для русских в лице Литвы второй наряду с Москвой центр религиозного и культурного притяжения*.

После заключения Казимиром мира с Москвой до конца XV века на этом направлении значительных столкновений не происходит.

Несмотря на все попытки литовских князей и после Кревской унии продолжать политику влияния на русские земли и несмотря на то обстоятельство, что значительная часть территории Киевской Руси по-прежнему остается под контролем Литвы, с геополитической и социологической точек зрения становится очевидным, что *Литва больше не может рассматриваться как восстановленное русское государство*: здесь преобладает иная религия (католичество), иная культура (польско-литовская), иная элита (шляхта), иная зона приоритетных интересов (Европа).

Литва теперь символизирует *не русский запад, но просто Запад*. Таков итог русского западничества: оно привело к полной утрате государственности, разрыву территорий, потере социальной и религиозной идентичности и, в конце концов, такому положению, когда русские православные люди оказались в положении граждан второго сорта в стране с совершенно чуждыми социальными традициями и управляемой враждебно настроенной к ним нерусской и неправославной элитой.

Показательно при этом, что все великие князья Литовские получили от ханов Золотой Орды ярлыки на княжения — практически так же как великие князья московские. Мамаем ярлык был выдан Ольгерду, Тохтамышем — Ягайле, Тохтамышем же — Витовту, Улуг-Мухаммедом — Свидригайле, Хаджи-Гиреем — Сигизмунду, им же — Казимиру кроме того, Казимиру выдавали ярлыки еще два хана — Нур-Девлет (в 1466 году) и Менгли-Герей (в 1472 году).

И хотя реальная зависимость Литвы от Золотой Орды была намного меньшей, чем в случае Московской Руси, дань, собираемая на значительной части русских земель, входивших в Великое княжество Литовское, почти до конца существования Орды поступала именно туда. Следовательно, наличие этих вассальных отношений было чем-то большим, чем простой формальностью.

Геополитические итоги монгольского периода русской истории

Монгольский период в русской истории представляет собой полную интеграцию русского государства, находившегося накануне прихода монголов

в состояние крайней раздробленности, в империю чисто теллурократического типа. Русь снова (как в незапамятные времена) становится *частью Турана*. Здесь Степь полностью доминирует над Лесом. Но интеграция Леса (в лице русского государства) в Степь (Сарай) настолько велика, что мы можем говорить *о синтезе* между ними[1]. Сами монголы, кочевые и частично оседлые тюркские племена и русское земледельческое население создают совместно особый тип общества с жесткими самодержавными ориентациями, воинской иерархией, отлаженной ямской связью, теллурократическим укладом, качественно отличающегося по основным характеристикам от обществ европейских. С этого момента *Русь полнокровно и необратимо становится Евразией*.

Пребывание в контексте Золотой Орды по-разному сказывается на восточных и западных землях Древней Руси. Восточные земли с центром в Московском княжестве наиболее полно *интегрируются в ордынский порядок*, укрепляют более ранние самодержавные тенденции опытом *жесткого централизма* монголов[2]. Владимирские (московские) князья вслед за Александром Невским выбирают Восток против Запада и строят на этом свою геополитическую идентичность. В этом качестве они постоянно ведут борьбу за русский север и пытаются соперничать с Литвой на западе. Мы видим, как под монголами на востоке Руси формируется особая геополитическая структура, которая в полной мере даст о себе знать на следующем историческом этапе.

Совершенно иначе складывается судьба западнорусских земель. С самого начала Галицкие князья пытаются противостоять монголам с опорой на католическую Европу и развивают с ней позже интенсивные связи. Эта политика, в конце концов, приводит к *исчезновению западнорусских княжеств как самостоятельных геополитических и политических субъектов*.

На следующем этапе эту же геополитическую линию подхватывает Великое Княжество Литовское и добивается на этом пути невероятных успехов. Литва превращается в огромную державу, устанавливающую контроль над значительной частью древнерусских земель. Но после Кревской унии возможность стать ядром государства, возрождающего Киевскую Русь, уходит в небытие, в западнорусских и южнорусских землях *резко меняются преобладающий культурный код, главенствующая религия, система ценностей и правящая элита*. После этого русское православное население оказывается на этой территории в статусе граждан «второго сорта» или даже «колонизированного местного населения». Литовская попытка воссоздания Руси терпит такое же поражение, как и инициатива Галицких князей.

Но такая ясная картина открывается нам лишь с позиции тех знаний, которыми мы обладаем о последующих веках русской истории. К концу XV века, когда завершается власть монголов над Русью, картина еще далеко не такая очевидная: Московское великое княжество только готовится к тому, чтобы полноценно выйти на историческую арену, а Литва еще не обнаружила в полной мере своей культурно-цивилизационной особенности (тем более что там все еще сильна прорусская православная партия).

---

[1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

[2] *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь.

Библиография

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: 1967.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002.
Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» истории монголов XII—XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ, Харвест, 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, Астрель, 2005.
Дугин А.Г. Основы Евразийства. М.: 2002.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Васильев А.А. История Византийской империи. Т. II. От начала Крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998
Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.
Вернадский Г.В. Московское царство. В 2 ч. Тверь; М., 1997.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М.: 1966.
Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.
Кицикис Д. Османская империя. М.: Весь Мир, 2006.
Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2005.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана, М.: Аграф, 2000.
Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингисхан и монголосфера. М.: Аграф, 2002.
Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: 2005
Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York: Three Rivers Press, 2004.

Глава 5

ГЕОПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

К Московскому царству

Московское царство как полностью самостоятельный политический и геополитический субъект появляется в истории в конце XV века, но корни его уходят намного глубже — в домонгольский период (Ростовско-Суздальское княжество — позже Владимирско-Суздальское) и в эпоху Золотой Орды (Владимирское княжество, затем Московское). *Московское царство есть историческая кульминация русского востока*, этапы становления которого мы прослеживали ранее на предыдущих исторических стадиях.

Постепенное укрепление собственно московского княжества в ордынскую эпоху идет от Даниила Московского к Ивану Калите, Дмитрию Донскому и вплоть до Василия II Темного. Каждый из московских князей (разными способами и с разной степенью успеха) постоянно *расширяет* зону московских владений, укрепляет страну, присоединяет новые и новые земли, устанавливает контроль над прилегающими к территориям Московского княжества областями. Важно, что необходимость предоставления всем членам великокняжеского дома отдельных земель в княжение, являющаяся истоком раздробленности, компенсируется в случае Москвы постоянной заботой великих князей о сохранении самодержавного правления в ее центре. И именно эта постоянная и неизменная ориентация на централизм и крепкую великокняжескую власть составляет стиль московского правления. *Центростремительные силы здесь преобладают над центробежными*, хотя и центробежные силы также довольно могущественны, правовым образом закреплены и действенны. В этом состоит вся диалектика московской государственности: *преодоление распада и усиление центра* вопреки тенденциям к дальнейшему расчленению и раздроблению территорий.

Дмитрий Донской и прообраз будущей Москвы

Годы великого княжения московских князей, правивших под Ордой.
Даниил Московский — не ранее 1276 – 1303;
Юрий Данилович — 1303 – 1322;
Иван I Даниилович Калита — 1328 – 1341;
Симеон Иванович Гордый — 1341 – 1353;
Иван II Иванович Милостивый — 1353 – 1359;
Дмитрий Константинович Суздальский — 1359 – 1363;
Дмитрий Иванович Донской — 1363 – 1389;
Василий I Дмитриевич — 1389 – 1425;
Василий II Васильевич — 1425 – 1433;
Юрий Дмитриевич — 1433 – 1434;
Василий II Васильевич Темный 1434 – 1462.

В этой череде московских правителей следует особенно выделить Дмитрия Донского. Фигура Дмитрия Донского является ключевой, т. к. в его столкновении с Мамаем мы впервые видим пример *успешного сопротивления восточной Руси монголам*, хотя ранее вся политика строилась на альянсе с Ордой и на лояльности ей. Куликовская битва (8 сентября 1380 года) показывает, что русский восток, объединивший под эгидой великого князя не только московское войско, но и армии других русских княжеств, способно выставить *мощную и консолидированную силу* для того, чтобы бросить вызов более чем столетнему (на тот момент) ордынскому господству. И хотя через два года опустошительный поход ордынского хана Тохтамыша приводит к тому, что выплата дани восстанавливается, отныне Русь готовится к новому историческому этапу — к будущей независимости, возможность которой была наглядно продемонстрирована на Куликовом поле. Историк Лев Гумилев писал об историческом значении этого события с точки зрения формирования новой исторической общности — великороссов как народа: «На Куликово поле вышли жители разных княжеств, а вернулись оттуда жителями единого московского русского государства»[1]. Победа над Мамаем на Куликовом поле стала символом грядущей свободы и геополитической самостоятельности. Линия Дмитрия Донского поэтому становится, как некогда линия Александра Невского, символом *самостоятельной и независимой политики Москвы как нового исторического центра силы*. Следующие сто лет уйдут на то, чтобы закрепить этот вектор на фоне нарастающего упадка Золотой Орды, обосновав *новую русскую государственность*.

В правление Дмитрия Донского владимирское великое княжение становится собственностью московских князей, которые с этого времени начинают титуловаться «великими».

Василий Первый: рост московского могущества

Рост геополитического значения Москвы в XV веке идет не линейно. Русь как и прежде раздирают разного рода усобицы. Традиционно продолжаются разногласия Московских князей с Тверскими и Рязанскими. Переменчивы отношения с Новгородом и Псковом. Сын Дмитрия Донского Василий Первый продолжает расширять пределы влияния Москвы.

После разгрома Тохтамышем Москвы Дмитрий Донской посылает его в Орду представительствовать в споре за великокняжеский стол с тверским князем Михаилом Александровичем. После сложных перипетий, бегства в Молдавию и Литву, договора о будущей женитьбе на дочери Великого князя Литвы Витовта Софии Василий Первый возвращается в Москву в окружении литовской свиты. Позже он получает от посла Тохтамыша ярлык на великое княжение.

Позднее Василий Первый покупает в Орде ярлык на княжество нижегородское, бывшее ранее во владении его двоюродного деда, Бориса Константиновича. Кроме Нижнего, по тому же ярлыку Василий приобрел Городец, Муром, Мещеру, Тарусу и, таким образом, овладел всем суздальским княжением.

Василий Первый поддерживал дружеские связи с Литвой, решая за счет опоры на литовцев Витовта ряд внутренних споров с другими русским князь-

---

[1] *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2004.

ями (рязанскими, смоленскими и т. д.). Обострились в период его правления отношения с Великим Новгородом, заключившим союз с немцами.

Однако постепенно Василий Первый выходит из-под влияния литовской политики. В 1406 году мир с Литвой был разорван, к Вязьме послано войско, сам Василий вышел против Витовта к реке Плаве, но до битвы не дошло, и было заключено перемирие на год. Смуты на Литве продлили попытки выхода из зоны влияния Литвы. В июле 1408 года Василий принял к себе неудачливого соперника Ягайлы Свидригайла, главу прорусской партии в Литве, с князьями звенигородским, путивльским, перемышльским и минским и боярами черниговскими, брянскими, стародубскими и рославльскими, дав Свидригайлу города Владимир, Переяславль и др. Витовт ответил на это походом к реке Угре, куда выступили и московские полки с Василием Дмитриевичем; стояние кончилось и на этот раз заключением мира.

В 1408 году к Москве подходит ордынское войско Едигея. Из письма Едигея к Василию первому, укрывшемуся в Костроме, становится ясным, что после разгрома Орды Тамерланом в 1395 году Москва вышла из подчинения Орды, что выразилось в прекращении посылки собираемой дани.

Василий после этого едет в Орду и добивается у нового хана Керимбердея закрепления прав на свои территориальные приобретения.

Важным фактором в укреплении Московского княжества стало то обстоятельство, что Василия Первого пережил только один сын — Василий Васильевич Второй. Он становится наследником всех земель, приобретенных своими предшественниками на московском престоле.

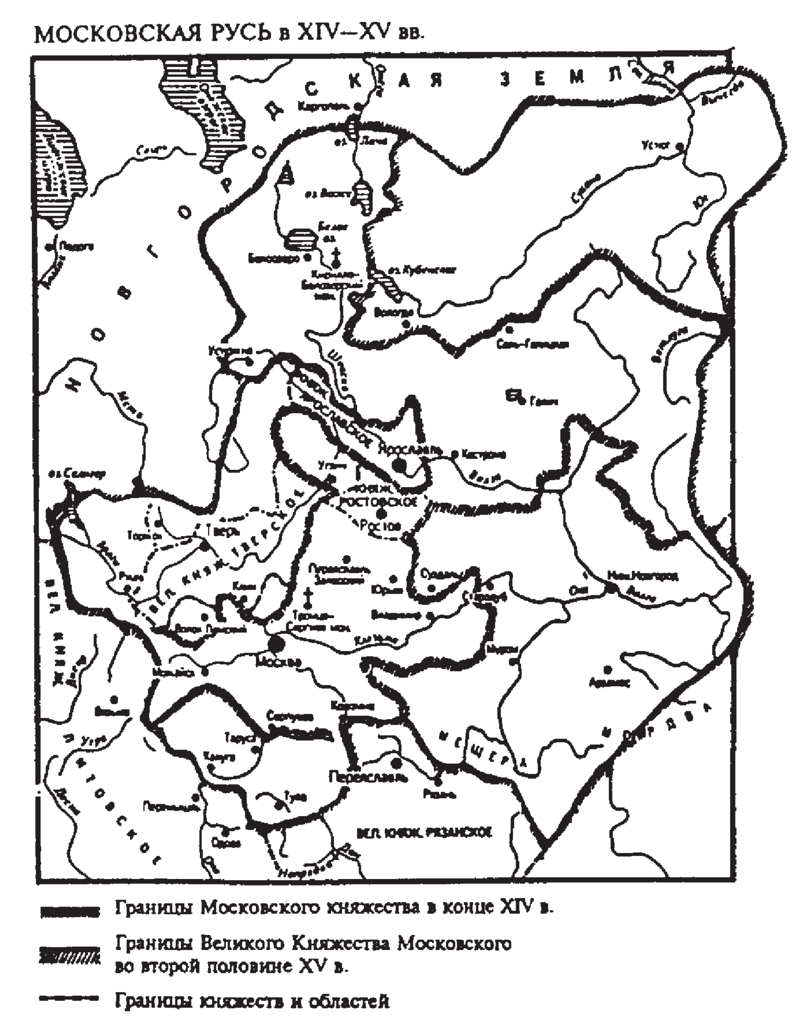
Василий Второй Темный: геополитика раздоров

Сын Василия Первого Василий Второй княжил в уникальный период русской истории, когда произошли события мирового масштаба, резко изменившие судьбу Руси. Речь идет о заключении Византией Флорентийской Унии и о падении Византийской империи после взятия Константинополя османским султаном Мехметом Вторым. Но об этом несколько позже.

Василий Второй был определен на великокняжеский престол своим отцом, но этого не признали удельные князья. В 1430 году против него выступила коалиция во главе с его дядей — звенигородским князем Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. В ходе войны, осложненной одновременной борьбой с Казанью и Великим княжеством Литовским, великокняжеский престол несколько раз переходил к галицким князьям (Галич стал в тот период силовым центром Юрия Дмитриевича), которых поддерживали Новгород и временно Тверь.

Юрий Дмитриевич с самого начала не признал права Василия Второго на великокняжеский престол, считая себя по старшинству более достойным для того, чтобы его занять. Также полагали и его сыновья, которые при этом не раз пытались восставать и против отца, чтобы самим стать великими князьями. Все это породило сложную комбинацию альянсов, битв, столкновений и предательств, в которой основные игроки неоднократно меняли занимаемые позиции.

В первый раз Василий Второй потерпел поражение от войск Юрия Дмитриевича 25 апреля 1433 года на реке Клязьме. Юрий Дмитриевич занял Москву и провозгласил себя великим князем.

Ил. 34. Рост Московского княжества в XIV—XV вв.

Василий Второй обосновался в Костроме и создал там второй центр власти, куда стекались недовольные правлением в Москве Юрия Дмитриевича. Это привело в конце концов к тому, что Юрий Дмитриевич вернул племяннику великокняжеский престол. После этого усобица, однако, не прекратилась, и последовала новая серия военных действий сыновей Юрия Дмитриевича против Василия Второго и ответные походы Василия Второго против Юрия Дмитриевича. 20 марта 1434 года Юрий Дмитриевич в битве на реке Могзе снова разгромил войска Василия Второго и вторично воцарился на великокняжеском престоле. Надо заметить, что и он в периоды великокняжения проводил в целом самодержавную политику, направленную на усиление центральной власти в ущерб полномочиям удельных князей, т. е. был верен основной московской геополитической ориентации.

После того как в этом же 1434 году (5 июня) Юрий Дмитриевич скончался, великим князем объявил себя его сын Василий Косой. Правда, его претензий не признал никто, даже его братья.

На стороне Василия Васильевича выступил родной брат Василия Косого Дмитрий Красный. В битве у села Скорятина в Ростовской области Василий Косой был разбит, схвачен и приведен к великому князю, а затем ослеплен.

Василий Второй воевал с казанским ханством, который стал ставкой ордынского хана Улуг-Мухаммеда, воевавшего с другими претендентами на этот титул в самой Орде. 7 июля 1445 года в сражении у окрестностей Суздаля Василий II во главе объединенных русских войск потерпел поражение от казанского войска под командованием царевичей, сыновей Улуг-Мухаммеда — Махмуда и Якуба. Василий Второй был взят в плен и в качестве выкупа был вынужден отдать татарам ряд территорий, включая вновь образованное в Мещере Касимовское ханство, первым ханом которого стал еще один сын хана Улуг-Мухаммеда — царевич Касим.

На время плена на короткий срок в 1445 году провозгласил себя великим князем защищавший Москву Дмитрий Шемяка, другой сын Юрия Дмитриевича. Но по возвращении Василия Васильевича из плена он вынужден был оставить Москву. Вторично он занял ее в феврале 1446 года. Тогда же им был пленен и ослеплен, сам Василий Второй, получивший эпитет «темный», т. е. «слепой». Дмитрий Юрьевич отпустил Василия Васильевича из заточения, публично примирившись с ним. Но Василий Второй уже к декабрю 1446 года собрал верных ему сторонников и вошел в Москву, а в феврале 1447 там окончательно утвердился.

Традиционно Василий Второй поддерживал в Литве русскую партию и приютил в Москве проигравшего Казимиру IV Ягеллону князя Юрия Лугвеньевича, выбитого Казимиром IV из Смоленска. Одновременно по дипломатическим соображениям в ходе договоров с Литвой он формально обязался не поддерживать Михаила Сигизмундовича, возглавившего после смерти своего отца Сигизмунда и Свидригайла Ольгердовича ту часть литовско-русской знати, которая выступала против усиления влияния польских феодалов и католической церкви на землях Великого княжества Литовского.

Драматичными были отношения в период царствования Василия Второго Москвы с Новгородом. Новгородцы постоянно пытались выйти из зависимости от Москвы, и поэтому неоднократно поддерживали всех противников Василия Второго, явно тяготевшего к укреплению самодержавного и централистского начала. При этом они обращались и ко внешним силам, в частности, к пропольской и антирусской партии в Литве (Казимир IV), на что Василий Второй реагировал сурово и безжалостно карал их. Кроме того, новгородцы традиционно поддерживали противника Василия Второго Дмитрия Шемяку, которого до конца его жизни признавали «великим князем». В 1456 году Василий II Темный навязал Новгородской республике неравноправный Яжелбицкий мир.

Василий II ликвидировал почти все мелкие уделы внутри Московского княжества, укрепил великокняжескую власть. В результате ряда походов в 1441—1460 годах усилилась зависимость от Москвы Суздальско-Нижегородского княжества, Новгородской земли, Пскова и Вятской земли.

Флорентийская уния

Однако в период великого княжения Василия Темного произошли события, на фоне которых внутренние раздоры, хотя и полные драматизма, могут показаться малозначимыми. Особенно если учесть, что практически обе стороны в междоусобных столкновениях были продолжателями *одной и той же* политической линии, коренящейся в московской геополитике, и наследниками Дмитрия Донского. В Византии же, которая, с церковной точки зрения, и в качестве образца политико-социального устройства оставалась на всем протяжении ориентиром для древнерусского общества, в тот период развертывалась настоящая геополитическая и духовная катастрофа.

Византия в XV веке оказалась в очень сложной ситуации. Само государство было предельно ослаблено, и его территории сжались до самого Константинополя и небольшого количества номинально зависимых от него земель. Политика была в упадке. Но при этом Византия сохраняла свое символическое значение как прямая наследница Римской империи и колыбель вселенского православия. Принципы византизма были универсально распространены даже в период, когда сам центр происхождения этих идей переживал крайний упадок. Главную угрозу для Византии представляли собой турки-османы и их государство, султанат, центр которого находился в Анатолии. Чтобы завершить строительство своей империи, туркам-османам был важен именно Константинополь.

Еще в самом начале XV века османский султан Баязид I двинул свои войска под стены Константинополя, но поход этот совпал с нападением на турецкие владения эмира Тимура. В 1402 году турки потерпели от него сокрушительное поражение при Анкаре, что фактически на половину столетия отсрочило следующий поход на Византию. Новые попытки не удавались из-за династических ссор в турецком государстве. Но к середине XV века стала понятно, что захват Константинополя турками — это лишь дело времени.

В этих условиях греки решают пойти на беспрецедентный шаг: обратиться за помощью к католическому Западу, против которого по религиозным и геополитическим причинам они боролись в течение многих веков. В основе этого стояли противоречия чисто религиозного порядка: введение католиками Filioque в христианский «Символ Веры», признание верховенства Папы Римского, допущение существования чистилища (что привело к взаимному анафематствованию в 1054 году обоих церквей), и радикальное несогласие византийцев с узурпацией западными королями титула «императора», что имело место, начиная с Карла Великого (в 800 году). Религиозные противоречия усугублялись различиями в представлениях о нормативной социально-политической системе: на католическом Западе преобладала идея всевластия Папы Римского не только над всеми церквями, но и над политическими правителями (королями), тогда как на византийском Востоке сложилась модель симфонии, гармонизации духовного владычества патриарха и политической (но тоже священной) власти императора, который, в свою очередь, стоит над простыми светскими правителями — королями и князьями. Таким образом, Византия, идя на сближение с католическим миром, отказывалась от своего собственного византизма, а византийское православие отрекалось от своих корней.

В течение первой половины XV века греки готовили почву для сближения с католичеством, но пиком этого процесса стал Ферраро-Флорентийский

собор[1]. Собор был созван папой Евгением IV и утвержден императором Иоанном VIII Палеологом. На Соборе присутствовал также Константинопольский патриарх Иосиф II. На этом соборе греческая делегация во главе с византийским императором и патриархом пошла во всех основных моментах на уступки римскому католицизму и практически отказалась от основных догматических и нормативных принципов православия[2]. Все это было продиктовано практически исключительно стратегическими соображениями и надеждами на помощь Европы в отражении османской угрозы. Логика была практически той же самой, что в действиях Даниила Романовича Галицкого перед лицом монгольского вторжения. Можно сказать, что в руководстве Византии того времени (император Иоанн VIII Палеолог и константинопольский патриарх Иосиф II) религиозные аспекты были полностью подчинены соображениям сугубо *политического* характера, и при этом большинство греческого православного духовенства относилось к этой инициативе критически, а то и откровенно враждебно.

В результате собора все требования католиков были выполнены, и православная делегация торжественно признала «верховенство римского престола над всей христианской церковью».

Этот шаг имел колоссальные последствия с точки зрения церковной истории. Идентичность православного общества, православной традиции и православной культуры, начиная с IX века и даже несколько раньше, формировалась во все более и более напряженной и непримиримой полемике с западным христианством. Византизм отливался в религиозную, культурную, социально-политическую и (на уровне стратегии) *геополитическую* линию, по основным моментам резко контрастирующую с католицизмом. Речь шла не только о порядке богослужения, последовательности ритуалов, о разрешении перевода литургии на разные языки у православных и жесткой приверженности латыни в богослужебном обиходе католиков, о просфорах, на которых осуществляется Евхаристия и о целибате белого духовенства, обязательного у католиков и необязательного у православных и т. д. Православие формировало отличную *социокультурную идентичность*: симфонию властей против примата папы («цезаре-папизм» против «папо-цезаризма»), представление о церкви как о совокупности всех верующих против отождествления церкви исключительно с церковным клиром (как у католиков), признание легитимности только восточных императоров против узурпации императорского титула франкскими королями. В 1054 году это вылилось в *великий раскол*, где обе стороны предали друг друга анафеме, и в дальнейшие века восточная и западная церковь шли, расходясь все дальше и дальше друг от друга, своими особыми путями. И от всего этого многовекового церковно-культурного и социально-политического наследия византийская власть *отказывалась в одностороннем порядке*, заключая Флорентийскую унию и признавая правоту католиков. Это было равнозначно духовной и исторической капитуляции, признанию огромного исторического периода восточной церкви и самого православия «заблуждением» и «ошибкой».

---

[1] *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007.

[2] Там же.

Показательно, что с греческой стороны одним из самых активных приверженцев унии был церковный деятель, близкий к императору Иоанну VIII Палеологу, накануне Флорентийского собора направленный в Москву в сане митрополита Киевского и всея Руси — Исидор. При этом константинопольский патриарх отклоняет предложенную великим князем московским Василием Вторым кандидатуру русского епископа Ионы и настаивает на Исидоре. Исидор возглавляет делегацию русского священства на Флорентийский собор и более других греков способствует соглашению со всеми пунктами, на которых настаивают латиняне. За усердие в отстаивании католических интересов он получает от папы Евгения IV значительное материальное пособие, а позднее и сан униатского кардинала. По мнению историков, большинство представителей русской делегации на самом соборе не могло уловить сути происходящего и покорно следовало за своим митрополитом. Лишь суздальский священник Симеон, автор «Повести» о Флорентийском соборе, под влиянием греческого противника унии Марка Эфесского, резко порицавшего все происходящее на соборе, осмеливался открыто высказаться против всего происходящего[1].

Исследователь унии академик Б.Н. Флоря справедливо замечает: «Осуществить принятые на Флорентийском Соборе решения на территории Восточной Европы должен был «русский» митрополит Исидор, получивший от папы кардинальский сан и наделенный полномочиями папского легата в Литве, Ливонии, Руси и «Ляхии» (Польше), т. е. на всей территории восточноевропейского региона»[2].

Исидор посещает польско-литовские территории, где активно ведет пропаганду унии, совершает православные службы в католических храмах и, наоборот, пропагандирует Папскую буллу среди православных. Здесь его деятельность имеет определенный успех в среде православного населения, т. к. на этих землях католическая власть всячески притесняла православных, представляя их как «еретиков» и «людей второго сорта», поэтому «уравнивание в правах с католиками» воспринималось как послабление и повышение социального статуса. По той же причине Исидор был хорошо принят православной аристократией и прорусской партией в Литве, еще за долго до Флорентийской унии пытавшейся найти компромисс между двумя половинами населения — католической и православной — в интересах гармонизации социальных отношений среди своих подданных. Более того, униатство как нельзя лучше соответствовало *промежуточному* геополитическому положению Литвы — между православной Русью и католической Польшей (шире, католической Европой).

Но совершенно иной прием ждал Исидора в Москве, там, где находилась его митрополичья кафедра. Проведя в 1441 году в Успенском соборе торжественное богослужение, где вместо восточных патриархов поминался папа Римский, и зачитав текст Папской буллы, Исидор вызывал бурю негодования как у великого князя и его окружения, так и среди русского духовенства. Протест был единодушным. Б.Н. Флоря пишет по этому поводу: «Действительно, у нас нет оснований думать, что при решении этого вопроса позиция великого князя могла в чем-то расходиться с позицией его духовных и светских подданных. На землях Северо-Восточной Руси, где Православие

---

[1] *Флоря Б.Н.* Исследования по истории Церкви.

[2] Там же.

издревле было господствующим вероисповеданием, церковная уния не могла принести Русской Церкви тех выгод, на которые могла бы рассчитывать православная Церковь во владениях Ягеллонов. Не было здесь и внешней опасности, защищаясь от которой было бы необходимо «поступаться принципами». Положение было как раз противоположным. В тяжелые времена татаро-монгольского господства именно в приверженности к православной вере черпали русские люди способность к сопротивлению. К середине XV века власть завоевателей ослабла, складывались благоприятные условия для объединения русских земель вокруг Москвы и воссоздания суверенной государственности. Приверженность своей вере была подкреплена опытом истории, и тем менее оправданным представлялось русскому обществу отступление от нее. Уния Церквей и соглашение с латинством, несомненно, воспринимались в Москве и как отказ от борьбы с «иноверной» Литвой, подчинившей своей власти русские земли, здесь уже складывалось устойчивое представление, что именно московские великие князья — законные наследники Владимира киевского. В этих условиях провал миссии Исидора был неизбежным».

А вот далее следуют совсем радикальные события. Впервые в русской истории митрополита, официально и канонически поставленного Константинопольским патриархом, хватают, бросают в тюрьму и грозят казнить за ересь. Исидору удается бежать, и вскоре он снова оказывается у Папского престола, как верный служитель католической идеи в сане кардинала. Но Московская Русь и великий князь Василий Васильевич Темный делают совершенно иной выбор: они *категорически отвергают унию* и, тем самым, бросают вызов Вселенскому патриарху, эту унию поддержавшему, фактически обвиняя его в ереси.

Значение этого решения трудно переоценить. На осуждение униатства в 1448 году собирается собор русских епископов, которые избирают уже *без обращения к Константинопольскому патриарху* своего митрополита (им становится митрополит Иона), и с этого момента Русская Церковь отсчитывает новое время — время своей *автокефалии*. Складывается совершено уникальная ситуация: Византия, от которой русские взяли веру и которой беспрекословно подчинялись в течение многих столетий в богослужебных вопросах, отступает от веры, а Русь, принявшая православие от греков, напротив, доказывает свою приверженность и стойкость. Характерно, что Иону на место митрополита прочил и временно захвативший великокняжеский престол Дмитрий Шемяка, что подтверждает единство геополитических и социополитических ориентаций у обоих противоборствующих в той время в Московской Руси партий.

Итак, после принятия Флорентийской унии Москва в лице великого князя Василия Второго Темного и православного духовенства единодушно и радикально отвергает унию и не останавливается даже перед тем, чтобы бросить вызов Константинопольскому патриархату, придерживающемуся униатства.

Это в высшей степени символично: *когда в Византии возобладало западничество, Москва остается верна восточному вектору* (в контексте православия), что только подтверждает ее изначальную ориентацию, становящуюся все более и более отчетливой век от века — даже несмотря на внутренние усобицы и существование в политической зависимости от ордынского государства.

Падение Константинополя

В 1453 году происходит то, что постепенно подготавливалось весь XV век — войска османского султана Мехмета Второго берут Константинополь, византийская империя рушится, на ее месте возникает совершенно новое государство Высокая Порта, или Османская империя, где доминирующей государственной религией становится ислам.

Помощь католического Запада так и не прибывает. Все надежды на Европу византийских униатов-западников оказываются тщетными. Папа поддерживает греков лишь морально. Обещанных войск европейской коалиции в нужный момент не оказывается.

Столица восточного христианства безжалостно разоряется турками, на месте величайшего христианского храма Святой Софии появляется мечеть. Цитадель христианства прекращает свое существование. Это означает *конец всего византийского цикла.*

Турецкие завоевания напрямую влияют на статус греческого православия и греческого патриарха. Отныне больше и речи не может быть о симфонии властей. Православие в самой Греции и в прилегающих к ней землях, где большинство исповедует эту веру, перестает быть религиозно-политической и культурной формой, но приобретает статус *только* религии, в полном отрыве от социальности и политики. Турки сохраняют константинопольский патриархат, оставляя за ним особый квартал в Константинополе — Фанар. Значение Вселенского патриарха качественно меняется. Его функции становятся чисто символическими и в большей степени зависят политически от интересов турецких султанов.

Для русских людей падение Константинополя имеет огромное значение. С одной стоны, рушится образец православного царства, нормативный архетип всякого православного, в том числе и русского общества. Кроме того, в соответствии с православным толкованием православный император трактуется как та загадочная фигура из Второго послания апостола Павла к Фессалоникийцам, о которой говорится, «что сын погибели (антихрист) не придет, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2Фес.2:7). Святой Иоанн Златоустый разъяснял это как указание на то, что конец света и приход антихриста, ему непосредственно предшествующий, наступят только *после* падения империи и императора. Именно это событие и произошло в 1453 году, и православные люди Московской Руси, равно как и все остальные православные, не могли не соотнести это с широко известной им традицией. Тем более что религиозное понимание исторических факторов и соответствующая их интерпретация были общим местом средневекового общества. Итак, многие стали готовиться к концу света. Русь исполнилась эсхатологических предчувствий.

Но в то же время у всех было свежо воспоминание о миссии митрополита Исидора, о попытке навязать унию, о заигрывании с католическим миром самих греков. И вот теперь история показывала не просто, что это было тщетно, но по все той же средневековой логике, между принятием унии, потворству Папе и падением Константинополя православное сознание устанавливало причинно-следственную связь. Греки отказались от чистого православия из-за материальных соображений, и Бог «наказал их», «отдал в руки неверным».

При этом перед глазами был и другой пример: русские не отказались от заветов отцов, соблюли верность православию, удержались от впадения в

ересь. И выстояли. Так начали формироваться предпосылки теории, которая появится несколько позднее и станет кульминацией концептуального выражения всего русского востока — речь идет о идее *Москвы как Третьего Рима.* Смысл этой идеи тесно связан с падением Константинополя. Константинополь пал, а Москва стоит.

Показательно, что отказ от унии и падение Царьграда приходятся на период княжения великого князя Василия Второго Темного, которому приходилось принимать судьбоносные решения (в частности, по поводу отвержения унии) в столь напряженных исторических обстоятельствах. Поэтому на этом великом князе, последнем, правившим в условиях подчинения (хотя уже довольно относительного) Золотой Орде, мы можем завершить предысторию Московского царства.

Иван III и значение его великого княжения

Все эти этапы укрепления Москвы и восточной Руси при монголах и первые исторические шаги по освобождению от власти Орды (Дмитрий Донской), а также драматические события, связанные с Флорентийской унией и последующим сразу за ней падением Константинополя, подготовили почву для следующего периода русской истории, который принято называть Московским царством и отсчитывать со времени правления Ивана Третьего, сына Василия Второго Темного.

Княжение Ивана Третьего по основным силовым линиям повторяло логику его предшественников, всемерно заботившихся об укреплении Москвы и росте ее влияния. При этом за годы его правления территория Руси увеличилась более чем в 5 раз (когда в 1462 году он принял престол, то территория государства составляла 400 тыс. кв. км, а после его смерти, в 1505 году, она составила уже более 2 млн кв. км). Иван Третий присоединил Ярославль (1463), Новгород (1478), Тверь (1485), Вятку, Пермь.

Особенно драматичным было присоединение Новгорода как самостоятельного центра северной Руси. Несогласие новгородцев с возрастающими претензиями московского самодержавия привело их к союзу с Литвой, и в 1471 году новгородцы признали над собой власть великого князя Литовского Казимира, выговорив у него право сохранить политическую модель вечевого самоуправления. Летом этого же года Иван Третий повел свои войска на Новгород. В ходе *битвы на Шелони* новгородская армия была наголову разгромлена. После этого был заключен мирный договор, Новгород принял требования Москвы. Но по мере того, как притязания Ивана Третьего становились все жестче и жестче, вплоть до полного признания верховенства Москвы, новгородцы опять возмутились. Зимой 1477 года состоялся еще один поход на Новгород, в результате которого этот город окончательно и бесповоротно утратил свою политическую независимость от Москвы. 15 января 1478 года Новгород сдался, вечевые порядки были упразднены, а вечевой колокол и городской архив были отправлены в Москву. Так заканчивается история относительной самостоятельности русского севера — как геополитического полюса и особой социологической модели.

Успешным оказалось и восточное направление внешней политики: сочетая дипломатию и военную силу, Иван III вводит в фарватер московской политики Казанское ханство.

Вторым браком Иван Третий был женат на византийской принцессе Софье Палеолог, получая возможность рассматривать последующих членов династии как прямых потомков византийских василевсов. В его правление официально вводится в оборот титул «великий князь Всея Руси». Тогда же официальным символом Руси становится византийский двуглавый орел.

При Иване Третьем происходит событие, являющееся поворотным пунктом всей русской истории: Золотая Орда окончательно слабнет, распадается, и после стояния на Угре (1480 год) Русь становится *полностью независимой* и свободной от внешнего управления. Больше дань никакому не выплачивается и никто ярлыков на княжение не выдает. Таким образом, в 1480 году восточная Русь *восстанавливает независимую государственность*, утраченную в первой четверти XIII в ходе монгольских завоеваний. Значение этого факта трудно переоценить. Начинается совершенно новый исторический цикл.

Отказ от рывка на юг

В период правления Ивана Третьего геополитическая роль Москвы начинает ясно осознаваться и западными державами. Так, к новому центру сил привлечено внимание венецианцев, столкнувшихся в Средиземном море с новым конкурентом и противником — Османской Турцией. Венецианская республика ведет с Портой войну в 1463—1479 годах. Тогда же ее представители вступают в переговоры с великим князем Московским Иваном III, надеясь обрести в нем союзника против серьезного врага. В 1476 году Москву посетил венецианский посол А. Контарини с миссией подтолкнуть Московскую Русь к войне на южном направлении. С точки зрения геополитики, очень показателен ответ: Иван Третий отклоняет эту перспективу, подчеркивая, что приоритетной задачей государства является не южное направление, а восстановление единого пространства древней Руси, т. е. освобождение западнорусских земель от власти Польско-Литовского королевства.

Эта тема войны с турками будет подниматься неоднократно и в более позднее времена — при Иване Грозном и даже в XVII веке при Алексее Михайловиче. И на всем протяжении московского периода решение московских правителей будет одинаковым*: южное направление русской экспансии не является приоритетным, пока не решены проблемы на западе*. И именно на борьбу с европейским Западом и брошены все основные силы Московского государства. Это правило действовало в течение всего московского периода и было нарушено лишь при Петре Первом.

Новые элементы в Московской государственности

Независимое русское государство восстановлено при Иване Третьем. Посмотрим, что принципиально *нового* было в этом государстве.

1. Территориально. Это государство располагалась на восточных землях прежней Киевской Руси, западные же территории оставались под властью иностранных властителей и по большей части в разделенном состоянии.

2. Географически и геополитически. Московская Русь представляет собой державу, построенную и исторически, и геополитически, и идеологически на фундаменте традиций, заложенных князьями *восточной* Руси, т. е. это государство представляет собой кульминацию именно этого восточного полюса.

В нем нашла свое воплощение вся историческая стратегия восточных князей от Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского до Александра Невского, Ивана Калиты, Дмитрия Донского и Василия Второго. Это была *восточная Русь.*

3. Религиозно. Московская Русь оказывается полностью независимой и окрепшей, сохранив православную веру на фоне того, что Византия, откуда русские эту веру приняли, сама отступила от православия, а затем прекратила свое историческое существование. Москва же не только не поколебалась в вере, но и получила государственность в тот момент, когда Византия ее, напротив, утратила. Для средневекового сознания было невозможно не связать эти факторы в прозрачную причинно-следственную цепочку: Византия отступает от православия и падает; Русь сохраняет верность православию, и наоборот, освобождается от внешнего управления.

4. Исторически. Поднявшаяся из периферийного существования Московская Русь оказывается в положении наследницы двух традиций: восточной, туранской — Ордынской и западной, византийско-православной. Отныне Москва будет развивать *оба эти вектора*, которые не просто не противоречат друг другу, но оказываются логически и исторически *тесно связанными между собой*. Это и есть евразийская идентичность.

Все эти моменты постепенно осмысливаются в интеллектуальных и политических центрах Руси — Новгороде и Москве. Мало помалу складываются представления о том, что московские великие князья имеют историческое право на то, чтобы стать преемниками византийских императоров.

Наиболее активны в формировании таких представлений церковные среды, сложившиеся параллельно вокруг двух центров — в Новгороде вокруг архиепископа Геннадия Новгородского и вокруг Иосифа Волоцкого, епископа Волоколамского.

Василий Третий: на пороге царства

После смерти Ивана Третьего великокняжеский престол занимает его сын от брака с Софьей Палеолог Василий Иванович Третий.

Иван III, проводящий политику централизации, заботился о передаче всей полноты власти по линии старшего сына, с ограничением власти младших сыновей. Поэтому он уже в 1470 году объявил своим соправителем старшего сына от первой жены Ивана Молодого. Однако в 1490 году тот умер от болезни.

Василий III считал, что власть великого князя ничто не должно ограничивать. В этом он полностью продолжает линию всех правителей восточной Руси, и особенно его деда и отца Василия Второго Темного и Ивана Третьего. При Василии Третьем происходит окончательное оформление самодержавной идеологии. Вся власть сосредоточена в руках великого князя, который правит страной единолично и опираясь только на традиции и устои, в том числе церковные.

На лицевой стороне печати Василия Третьего имелась надпись: «Великий Государь Василий Божией милостью царь и господин всея Руси». На оборотной стороне значилось: «Владимирской, Московской, Новгородской, Псковской и Тверской, и Югорской, и Пермской, и многих земель Государь».

Точно так же, как Иван Третий отменяет вечевое самоуправление в Новгороде, в 1510 году Василий Третий отменяет вече в Пскове. Вечевой колокол снят и отправлен в Новгород.

Василий Третий ставит в точку в относительной независимости последних самостоятельных удельных князей — Рязанского, Стародубского и Новгород-Северского. Прямое правление великого князя распространяется отныне на всю территорию Руси.

Василий Третий трижды воевал с Литвой за контроль над Смоленском. С третьей попытки город был взят и вошел в состав Московской Руси, хотя формально оставался спорной территорией до конца правления Василия Третьего.

Неоднократно Василий Третий воевал с крымскими татарами, и всякий раз, когда в Казани приходил к власти ставленник Крыма, в эту борьбу включались и казанские татары, имевшие в тот период две партии — прорусскую и прокрымскую. Большую роль в этом играли преданные Москве властители Касимовского княжества — татарские царевичи, полностью лояльные русскому великому князю.

При Василии Третьем удельная система все же формально не была уничтожена. Как обычай она продолжала существовать и не была отменена каким-нибудь законодательным актом, а вымерала постепенно, уступая место идее государственного единства, которая давно уже сказывалась в том, что старший брат получал обыкновенно удел, во много раз превосходивший уделы остальных братьев вместе взятых.

Окончательный триумф самодержавия

В период правления Василия Третьего завершается переход к полному фактическому *самодержавию*, ликвидируются последние остатки удельной автономии. Власть московского великого князя становится радикально выше всех остальных форм власти. То есть социологическая модель, начавшая складываться еще в Киевский период в землях восточной Руси, достигает в этот период кульминации.

Если вспомнить схемы политического устройства, о которых мы говорили ранее, то в правлении Василия Третьего мы видим пик становления самодержавных тенденций и окончательную и необратимую победу русского востока над всеми остальными вариантами становления русского общества. Перед нами модель монархического устройства, где главнейшей инстанцией является правитель, самодержец, а все остальные источники власти строго подчинены его монаршей воле. Это означает как ликвидацию вечевых институтов русского севера, так и феодально-аристократических моделей русского запада. Вместе с тем это и не восстановление киевского центристского синтеза. Перед нами именно *русский восток*, неуклонно вступающий в свой апогей.

Василий Третий формально был последним правителем Великого княжества московского. Его сын и наследник Иван Васильевич Четвертый будет править уже над другой страной. Но уже при Василии Третьем совершенно очевидно: Москва *как идея* победила все альтернативные возможности исторического становления русской державы.

Москва – Третий Рим

В эпоху Василия Третьего окончательно формируется то, что можно назвать «московской идеей» или «московской идеологией», обобщающей те

тенденции, которые стали интенсивно калыдваться еще в княжение Ивана Третьего.

Так, тверским монахом Спиридоном-Саввой в Ферапонтовом монастыре было составлено «Послание о Мономаховом венце», обращенное (как считают историки) к Василию Третьему. Там излагается версия о том, что Рюрик, призванный на великое княжение, был «потомком Пруса», а тот, в свою очередь, — — «императора Августа». Тем самым обосновывалось право московских великих князей на обладание императорским титулом.

Позднейшим подтверждением династических прав русских князей, по Спиридону-Савве, явилась состоявшаяся в XII веке передача византийским императором Константином Мономахом царских регалий (в том числе венца) Киевскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, от которого они перешли к великим князьям владимирским, а, соответственно, и к московским.

Версия о происхождении московской династии от Римского цезаря Августа приобрела в XVI веке статус официальной мифологемы и неоднократно воспроизводилась в документах — например, в «Степенной книге царского родословия», созданной по благословению митрополита Макария и в «Сказании о князьях владимирских» (начало XVI века)[1].

К этим мотивам вплотную примыкают тексты «Повести о белом клобуке»; клобук этот, как символ церковной независимости, император Константин Великий вручил римскому папе Сильвестру, а преемники последнего, в сознании своего недостоинства, передали его константинопольскому патриарху; от него он перешел к новгородским владыкам, а потом к московским митрополитам. Возможно, изначально этот цикл окончательно сложился в окружении Новгородского архиепископа Геннадия, самые ранние тексты датируются серединой XV века.

Кульминацией оформления «московской идеи» являются два послания псковского старца Филофея — первое, адресованное дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину, второе — великому князю Василию Третьему. В этих текстах инок Филофей излагает теорию Москвы — Третьего Рима[2]. В исторической литературе эта концепция называется также translatio imperii, т. е. теорией легитимной передачи имперской эстафеты от одной страны к другой. Иногда ее называют также идеей «плавающего Рима». Эта теория имеет ярко выраженные византийские корни и может быть до определенной степени отождествлена с византизмом.

Смысл этой теории сводится к следующему.

1. Империя есть не просто организация временного земного порядка вещей, но форма работы Божественного Провидения. Империя священна (сакральна) по своей сути. Она отличается от простых государств и стран тем, что основана на духовном начале и на важнейшей миссии.

2. Рим есть символ священной империи. Но когда римляне отступили от требуемых историей качеств, центр империи была перенесен в Константинополь. Это — второй Рим или новый Рим.

---

[1] По материалам этого «Сказания» был составлен «Чин венчания» московских царей, по канонам которого в 1547 году Иван Васильевич IV (Грозный) был впервые коронован царским титулом. Венчание на царство производилось с использованием «шапки Мономаха» («Мономахова венца»), на дверцах же царского трона в Успенском соборе Кремля были вырезаны сцены и текст «Сказания».

[2] *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998.

3. Когда второй Рим пал под ударом турок, центр мировой православной священной империи был перенесен на Русь, и Москва стала третьим Римом. Она сохранила и православие, и политическую независимость, а следовательно, и унаследовала великую миссию служить последним оплотом истины и спасения в эпоху приближающегося неумолимо царства антихриста.

4. Третий Рим является последним («четвертому не бывать») и примыкает непосредственно к концу света, когда антихрист на короткое время воцарится на всей земле, а затем совершится Второе Пришествие Христа. Поэтому эта теория не столько является формой гордыни, сколько *результатом православно-византийского осмысления исторического процесса* в драматическом напряженном ожидании наступления скорого конца.

Данная теория предполагает переосмысления русской истории и самого статуса русского правителя — отныне это не просто великий князь (как светский властитель), но именно *священный император*, который наряду в высшими церковными иерархами исполняет вселенскую миссию. Здесь мы видим полное и ясно выраженное отождествление Руси *с центром православного мира*, православно понятой эйкумены, а значит, Москва объявляет во вступлении в права наследия византизма. Отныне именно Русь становится «новой Византией», а русский правитель — «вселенским императором», господином Вселенной (понятой по-христиански в православной интерпретации).

В идеологии Москвы — Третьего Рима русский восток получает свое наиболее логичное и прозрачное выражение. Те тенденции, которые оживляли историческую стратегию и цепочку последовательных выборов владимирских и московских князей, находят воплощение в историко-религиозной модели *священной империи*, которой отныне становится Русь. Русь начинает восприниматься как Святая Русь, как вселенское царство, как квинтэссенция мировой истории. А русский народ, соответственно, становится «богоносцем», «избранным народом»[1].

Иван Грозный и геополитика Московского царства

События эпохи правления Ивана Грозного были всецело подготовлены идейно, социально и геополитически предшествующими этапами. Иван Васильевич, сын Василия Третьего от Елены Глинской, становится великим князем в детском возрасте (в 3 года). Сразу же он попадает в драматическое напряженное поле идей о Третьем Риме и о вселенской миссии московского царства. Этим предопределяются основные линии его правления:

1) военные завоевания (исполнение завета расширять русские земли и укреплять последнюю богоносную державу);
2) религиозные переживания (осознание тяжести миссии отстаивания православной истины, живое ощущение близости прихода антихриста);
3) осознание единства Руси как высшей ценности, а всех центробежных тенденций — как абсолютного зла.

Основной стиль правления Ивана Грозного вполне можно назвать *«русским византизмом»*. Грозный строит империю и осознает себя «императо-

[1] *Дугин А.Г.* Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.

ром», личностью, которой волей судьбы вверена важнейшая миссия власти «перед лицом конца света»[1].

При Иване IV Русью были завоеваны и присоединены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, началось присоединение Сибири (1581). В 1572 году в результате упорной многолетней борьбы положен конец нашествиям Крымского ханства (битва при Молодях, в результате которой крымские татары были разгромлены на подступах к Москве).

Все это означает, что Москва активно приступила к воссозданию политического и территориального единства Золотой Орды, только с центром не в Степи, а в Лесу[2].

Завоевания Ивана Грозного в направлении востока и юга были всецело успешными и качественно укрепили Русь, расширив ее территории почти в два раза. К завершению царствования Ивана Грозного площадь Русского Государства стала больше площади всей остальной Европы.

На западном направлении все обстояло намного более проблематично. В 1558—1583 годах велась изнурительная Ливонская война за выход к Балтийскому морю, которая больших успехов не принесла.

16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялась торжественная церемония венчания Ивана Четвертого на царство, чин которой был составлен митрополитом Московским на основании византийских правил. Митрополит возложил на *первого* русского царя (прежние верховные властители были великими князьями) знаки царского достоинства — крест Животворящего Древа, бармы и шапку Мономаха. Иван Васильевич был помазан миром, а затем митрополит благословил царя по древнему византийскому чину. Это *означало радикальное изменение статуса Руси*. Русь становится отныне *империей*, а ее глава — *царем*, василевсом, т. е. носителем титула, который, в отличие от князей и королей в христианском мире, может присвоен только одному *единственному* лицу.

С этого момента отсчитывается история Московского царства, а история великого княжества московского уходит в прошлое.

Сам Иван Грозный ясно осознает значительность происходящих перемен. Подражая первым византийским императорам, он созывает церковный Собор (Стоглав — в 1551 г.), на котором задает высшему русскому духовенству различные богословские, обрядовые и технические вопросы.

Тяжесть принятой им миссии царского достоинства составляет личную драму Грозного, подвигает его к составлению религиозных текстов, в частности, Канону Ангелу Грозному. Проблематика «скорого прихода антихриста» является постоянным мотивом его самых прагматических политических шагов.

Этот же дух окрашивает и драму борьбы с центробежными тенденциями. Воочию убедившись в раннем детстве в самоволии и гордыни русского боярства, а также столкнувшись с реальными или мнимыми сепаратистскими заговорами новгородцев, тверчан и т. д., Грозный начинает борьбу с изменой, сепаратизмом и автономизацией аристократии и придает ей столь же отчаянный характер, как и все его действия. Так, вводится *опричнина*, в основании которой лежит идея Грозного собрать вокруг себя активных и не очень знатных людей, чтобы с их помощью создать жесткое централистское

---

[1] *Юрганов А.Л.* Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3.

[2] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

и полностью самодержавное государство, выкорчевав с корнем любые попытки шантажа самодержавной власти со стороны аристократии или отдельных земель. С этим связаны репрессии против боярской знати и карательные экспедиции против Новгорода, Твери, Клина и Торжка[1].

Кульминация русского евразийства: геополитические итоги правления Ивана Грозного

Геополитические итоги правления Ивана Грозного можно описать как последний шаг русского востока к становлению и де факто и де юре *мировой империей*. То, что на этом этапе русская держава становится из великого княжества Московского царством, не является лишь формальностью; речь идет о достижении исторического пика всего процесса, который коренится в самых первых этапах создания Киевской Руси, в начератании Святославом прообраза будущей гигантской империи, в крещении Руси князем Владимиром, во всей линии князей *русского востока*.

При Иване Грозном Русь полностью вступает в права византийского наследства, осознает себя оплотом мирового христианства, окруженного со всех сторон либо «неверными», либо «отступниками и еретиками». При этом отныне Москва призвана действовать *самостоятельно*, без оглядки на какие-либо иные инстанции: византизм, империя, симфония властей, царь как катехон, удерживающий, препятствующий приходу антихриста — все это отныне не внешние факторы, а *внутренние*, русские, и решения любых политических проблем соответственно приобретают вселенский эсхатологический масштаб. Все это придает правлению Ивана Грозного черты грандиозной, насыщенной, часто кровавой драмы[2].

Успехи русских военных компаний на востоке дополняют византизм, ставший отныне сугубо внутренним фактором, дополнительным геополитическим измерением: Московское царство вступает в права еще одного геополитического наследия — золото-ордынского. Отныне русский царь превращается для многих народов Востока в «продолжателя дела ордынского хана», который был своего рода «императором» Орды, восходящим к другой имперской легитимности — к легитимности Чингисхана. Значит, Русь и в этом измерении меняет свое качество: ордынская государственность, которая была для русских внешней властью, также становится отныне *внутренним* фактором. Туран, Великая Степь превращаются в открытую зону *русского жизненного пространства*. Точно так же, как византизм, становится внутренним русским делом *и Туран*. Интеграция северо-востока Турана, распространение своего влияния на всю территорию Heartland'а — — отныне естественный и поступательный процесс русской истории. При этом центром интегрируемой Евразии снова, как и во времена Святослава, становится *Лес*. Но это уже иной Лес, нежели при первых Киевских князьях. У Москвы за плечами насыщенные этапы исторической и геополитической диалектики: конкуренция русских центров геополитических ориентаций (восток, запад, север, центр), опыт существования под монголами, трагедия удельной раздробленности и потери свободы и независимости.

[1] *Фроянов И.Я.* Грозная опричнина. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009.

[2] *Фроянов И.Я.* Драма русской истории: На пути к Опричнине. М., 2007.

Ил. 35. Московская Русь в конце правления Ивана IV

Поэтому в Московском царстве после Грозного мы имеем дело не просто с победой Леса над Степью, но, скорее, с *интеграцией Леса и Степи*[1] (в центром в Лесу) в нечто новое, в уникальное геополитическое образование, где сочетаются

- славянское этническое начало;
- династия Рюриковичей;
- византийская религиозная мессианская идеология и
- туранская, теллурократическая геополитика.

Это и есть евразийство как синтетическое историческое и специфически русское явление.

Иван Грозный в своей личности воплощает символически все эти моменты. Он прямой продолжатель главной великокняжеской ветви Рюриковичей, и следовательно, восходит корнями к тому роду, представители которого и создали русскую державу Киевского периода. При этом он продолжатель великокняжеского дома владимирских князей, потомок Александра Невского и Дмитрия Донского. Вместе с тем по своей бабке он относится к императорской ветви византийской династии Палеологов, что обосновывает преемственность в отношении Византии. И наконец, по своей матери, княгине Елене Глинской, его род восходит к ордынцу Мамаю, который считается основателем рода литовских князей Глинских. Следовательно, у Грозного есть и ордынские корни. С символической точки зрения Иван Васильевич Грозный представляет собой наиболее показательную фигуру *евразийского самодержца*, в котором воплощены основные черты Руси как законченной и совершенной *теллурократии*. Московское царство Грозного — это также выход Руси на мировой уровень. Ранее Московское великое княжество для европейцев представляло собой небольшое периферийное образование, теряющееся в тени гораздо более представительного и влиятельного, весомого западного соседа — Литвы. Отныне же это самостоятельный фактор, с которым нельзя не считаться.

Постепенно все основные авторитетные инстанции того времени — от Константинопольского патриарха до австрийского императора и других европейских монархов — признают (хотя многие и неохотно) за московским правителем статус царя (императора), что придает московской идеологии соответствующую международную легитимность.

С точки зрения логики развертывания русской геополитической истории, период правления Ивана Грозного является *кульминацией* всего предшествующего пути и геополитической матрицей для всей последующей русской истории. С первых своих шагов Киевская Русь шла к русскому XVI веку, а все остальные века можно считать растянувшимся послесловием к этому периоду.

Геополитика Смутного времени: Годунов

После смерти Ивана Грозного российское государство вступает в очень серьезный *кризис*. После жесткого авторитарного правителя, державшего страну в полном подчинении своей железной воле, возникает вакуум. Сын Грозного Федор Иоаннович, ставшим вторым в отечественной истории царем Всея Руси, не демонстрирует тех качеств, которые требуются от полно-

---

[1] *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории.

ценного самодержца. По словам самого Грозного, он был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рожденный».

На первый план в этот период выступает влиятельный боярин, бывший опричник и, следовательно, продолжатель централизаторской линии Иоанна Грозного Борис Годунов (он был женат на дочери одного из видных опричников Скуратова-Бельского). Годунов организует брак Федора Иоанновича на своей сестре Ирине Федоровне Годуновой, но мужского потомства не появляется, и единственная дочь, родившаяся в этом браке, умирает в младенчестве. С 1587 года Годунов является по сути единоличным правителем Руси. В 1591 году в Угличе убит (или умер в эпилептическом припадке) сын Ивана Грозного от Марии Нагой, наследник московского престола по прямой линии, и после смерти Федора Иоанновича в 1598 году Борис Годунов на Земском соборе избирается царем. Прямая династия Рюриковичей на нем прерывается, и с этого момента начинается собственно Смутное время.

С формальной точки зрения, в период после смерти Иоанна Васильевича и до появления Первого Лжедмитрия (1604 год) общая линия русской государственности продолжает в целом траекторию предшествующих эпох. Доминирующей остается идеология Москвы — Третьего Рима. Так, при Федоре Иоанновиче (в 1589 году) при активной поддержке Бориса Годунова и по его инициативе на Руси учреждается патриаршество, что завершает собой более чем вековой путь по полной автокефалии Русской Церкви[1]. Первым патриархом становится Иов, близкий соратник Бориса Годунова. Наличие русского патриарха наряду с царем (императором) завершает картину симфонической власти и ставит последний штрих в становлении русского (московского) византизма.

Но далее начинает развертываться череда фатальных событий. Умерший Федор Иоаннович не оставил мужского потомства, и у Годунова, фактически управлявшего страной, не остается никаких вариантов, кроме провозглашения царем себя самого. Это создает фундаментальный *кризис династической легитимности*, которым тут же воспользовались самые различные силы — как внутренние (казаки, бунтующие крестьяне, враждующие боярские группировки), так и внешние (поляки, шведы и т. д.). Начинается ожесточенная борьба за власть. Державный порядок, с таким трудом установленный предыдущими московскими правителями, начинает стремительно рушиться.

В 1601—1603 годах на Руси разразился страшный голод, стали вспыхивать народные восстания (в частности, восстание казаков, крестьян и холопов под руководством Хлопка, с трудом подавленное царскими войсками).

Общая растерянность, катастрофы и кризис легитимности самого Годунова создают условия для выдвижения самозванца — Лжедмитрия Первого. Он появляется в Польше, выдает себя за избежавшего смерти от рук Годунова царевича Дмитрия, заручается поддержкой Римского папы, польского короля и влиятельных польских князей и начинает поход на Русь. Лжедмитрий представляет собой не просто западника, но искусственную фигуру, политически сконструированную в Польше и служащую ее стратегическим

[1] Патриаршее достоинство было присвоено митрополиту Иову лично вселенским патриархом Иеремией II в мае 1589 года; затем подтверждено соборами в Константинополе в 1590 и 1593, о чем в Москву были посланы грамоты. В *Уложенной грамоте* 1589 года содержадись прямые отсылки теории Москвы как «Третьего Рима»: «Великое Росийское царствие, Третей Рим, благочестием всех превзыде».

целям для ослабления Руси, установления над ней контроля, а в перспективе и для ее аннексии польским государством. Лжедмитрий Первый даже внешне представляет собой образ типичного польского шляхтича, практикует европейские обычаи, безразличен к религиозным обрядам (православию), помолвлен с польской аристократкой Мариной Мнишек, которая позднее становится на короткий срок «русской царицей».

В 1605 году царь Борис Годунов скоропостижно умирает, царем становится его сын Федор. Но сторонники Лжедмитрия и противники Годунова из числа московских бояр поднимают мятеж, убивают наследника и его мать, супругу Годунова, и тем самым сама возможность продолжения этой царской династии прерывается.

Самозванцы: развал Руси

В июне 1605 года Лжедмитрий Первый вступает в Москву. Он назначает лояльного ему архиепископа Игнатия патриархом, и тот 30 июля этого же года венчает его на царство. Лжедмитрий проводит политику модернизации, в духе европейских стандартов. Его окружение состоит почти исключительно из поляков, к обрядам московской старины он относится с полным пренебрежением. При царской свадьбе с Мариной Мнишек Лжедмитрий, попирая традиции, даже не настаивает на ее крещении в православную веру.

Краткий период правления Лжедмитрия Первого означает *полный отказ от московской идентичности* (как в области общественной жизни, так и в сфере геополитики) и попытку привнести на русскую почву совершенно чуждые восточно-европейские феодальные нравы. С социологической точки зрения это означает резкое отступление от самодержавной модели (русский восток) и переход к аристократической (западно-русской и, шире, европейской) схеме аристократического правления. Показательно, что пренебрежение к московскому культурному и религиозному наследию облегчает для противников Лжедмитрия задачу его свержения — невнимательность к русским обрядам (ношение бороды, послеполуденный сон, мытье в бане, особый чин поклонения иконам и т. д.) действуют на различные слои общества как весомый аргумент в пользу его «самозванства». На глазах рушится самодержавие, и вопросы власти решают группы внутри боярской аристократии.

Заговор московского боярства и недовольство польского короля Сигизмунда III своим ставленником (Лжедмитрий не спешит выполнять своих обещаний, данных католикам и польским князьям) приводят к относительно легкому свержению Лжедмитрия. Его труп оскверняют и выставляют напоказ. Московская толпа 19 мая 1606 года «выкликает» на царство Василия Шуйского, стоявшего во главе заговора против Лжедмитрия Первого.

Шуйский оказывается царем в стране, истерзанной хаосом. Ему удается подавить восстание Болотникова, но многие территории Руси он уже не контролирует.

В августе 1607 года на смену Болотникову пришел новый претендент на престол — Лжедмитрий II. Царские войска были разбиты под Болховом (1 мая 1608). Царь со своим правительством был заперт в Москве; под ее стенами возникла альтернативная столица со своей правительственной иерархией — Тушинский лагерь. Лжедмитрий II («Тушинский вор») выдает себя за выжившего Лжедмитрия Первого и опирается на войска казаков и отде-

льных польских панов (гетман Сапега); Марина Мнишек, «признавшая его», обеспечивает ему «легитимность». Тушинский лагерь становится центром притяжения для всех политических сил, недовольных правлением Василия Шуйского. Страна стремительно рушится. Если посмотреть на все происходящее глазами современников, то вполне могло бы сложиться впечатление, что русской державе пришел конец.

Шуйский пытается опереться на враждующих с поляками шведов и заключает с ними Выборгский трактат ценой значительных территориальных уступок. С запада в сентябре 1609 года вторгаются польские войска Сигизмунда Третьего. Территория Руси стремительно сокращается. На юге крымские татары, не встречая отпора, разоряют Рязанский край. Смоленск после долгой осады захвачен поляками, а шведы, выйдя из роли «союзников», разоряют северные русские города.

Сторонники Лжедмитрия Второго из числа поляков покидают его и переходят в войска Сигизмунда, а сам «Тушинский вор» бежит в Калугу (где осенью 1610 года его и убивают).

Поражение войск брата царя Василия Дмитрия Шуйского под Клушином от армии Сигизмунда 24 июня 1610 года и восстание в Москве привели к падению Шуйского. 17 июля 1610 года частью боярства, столичного и провинциального дворянства Василий IV Иоаннович был свергнут с престола и насильственно пострижен в монахи. В сентябре 1610 году польский гетман Жолкевский вывез его в Польшу, где тот и скончался в плену.

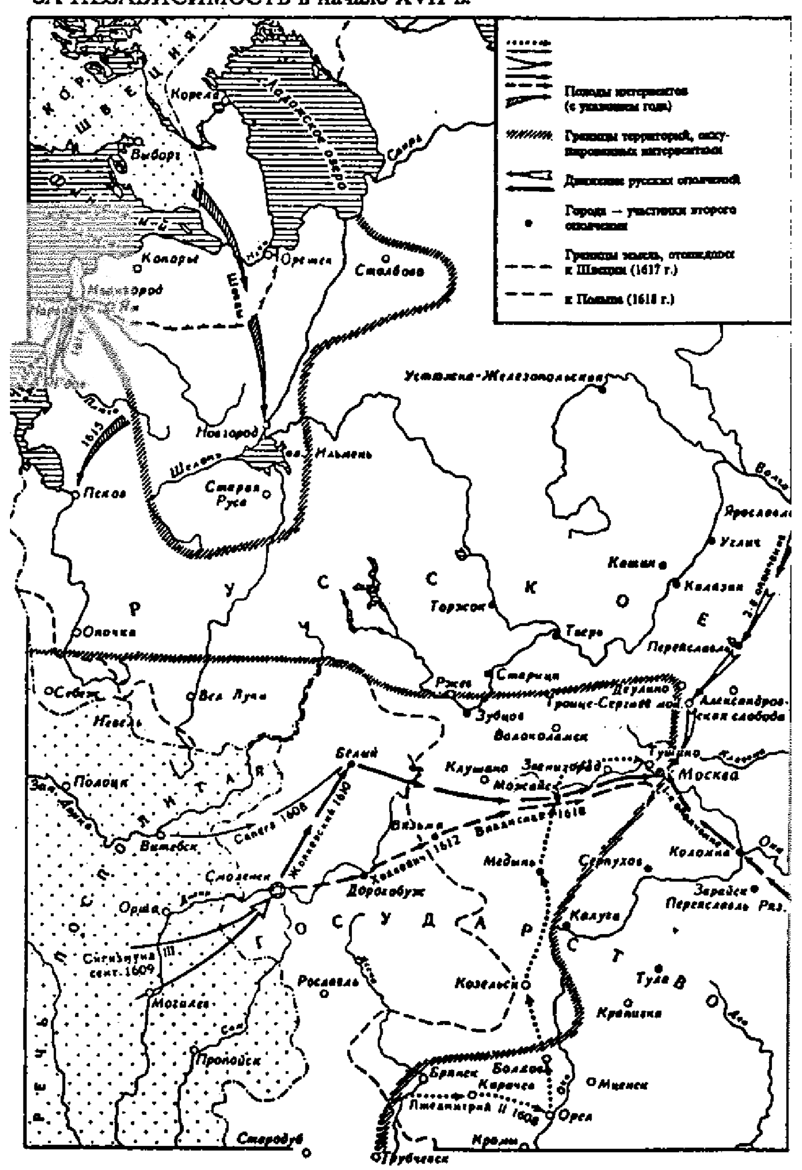
Москва присягнула на верность польскому королевичу Владиславу IV, старшему сыну Сигизмунда III, а 20—21 сентября польские войска вступили в столицу. Это означает *прямую оккупацию и утрату страной независимости*. В этот момент практически все завоевания предшествующих этапов Московского периода были сведены на нет. Реализовался такой политический, социальный и геополитический сценарий, *противодействие которому составляло суть политики всех прежних русских государей и особенно князей русского востока*. Русь оккупирована представителями европейского католического Запада — того самого, с которым вел отчаянную войну еще Александр Невский и долгая череда русских правителей.

Показательно, что присягу оккупантам приносят представители московской аристократии, древних боярских родов. Это явление получило название «семибоярщина», которая длится 3 года — с 1610 по 1613. Представители русской аристократии (Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Голицын, Лыков-Оболенский, Романов, Шереметев) по своей воле предают и самодержавие, и государственную независимость, и религиозные устои. Это вполне сочетается с европейской моделью феодального строя — власть короля зависит от баланса сил в правящей аристократии. Но вместе с тем это прямая *противоположность* византизму и идее императорской власти, а также принципу симфонии властей.

Народ и церковь в момент катастрофы

Однако в этот драматический момент русской истории, когда самодержавие, казалось, полностью рухнуло, а аристократия совершила историческое предательство державных интересов и присягнула на верность оккупантам, историческая инициатива по сохранению государства переходит к двум силам — к *православной церкви*, которая в лице патриарха Гермогена

героически призывает к отстаиванию веры отцов, и к простому *народу*, отказывающемуся признавать оккупационную власть. Так, целый ряд русских городов на северо-западе и на востоке «сели в осаду», отвергая власть польско-литовских интервентов.

Ил. 36. Смутное Время и иностранная интервенция в начале XVII века

Под духовным водительством церкви в 1611 году к стенам Москвы подступило Первое Ополчение Ляпунова, состоящее из представителей земства и казачества. Однако в результате распри на военном совете Ополчения под Москвой представитель земства Прокопий Ляпунов был убит казаками, и ополчение рассеялось.

Второе Ополчение 1612 года возглавил нижегородский земский староста Кузьма Минин, который пригласил для предводительства военными операциями князя Пожарского. В феврале 1612 года ополчение двинулось к Ярославлю, а заняв его, 20 августа двинулось под Москву. В сентябре им было нанесено поражение войскам гетмана Ходкевича, пытавшегося соединиться с польским гарнизоном, контролировавшим Московский кремль. А 22 октября 1612 года ополчение под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяло Китай-город; гарнизон Речи Посполитой отступил в Кремль. Князь Пожарский вступил в Китай-город с Казанской иконой Божьей Матери и поклялся построить храм в память этой победы. 26 октября командование польского гарнизона подписало капитуляцию, выпустив тогда же из Кремля московских бояр и других знатных лиц; на следующий день гарнизон сдался. Поляки покинули Москву. Этот момент принято считать окончанием Смутного времени.

Это редчайший случай в русской истории, когда политическую инициативу берут на себя *народные массы*. Самодержавие по сути отсутствует, аристократия расколота, страна потеряла независимость, превращаясь в оккупированную территорию. Общество в хаосе. И в этой ситуации народный, «вечевой» низовой элемент русской державы оказывается способен сказать решающее слово.

Земский собор 1613 года

В январе 1613 года на Земский собор, призванный восстановить на Руси самодержавие, съехались выборные от всех сословий, включая крестьян.

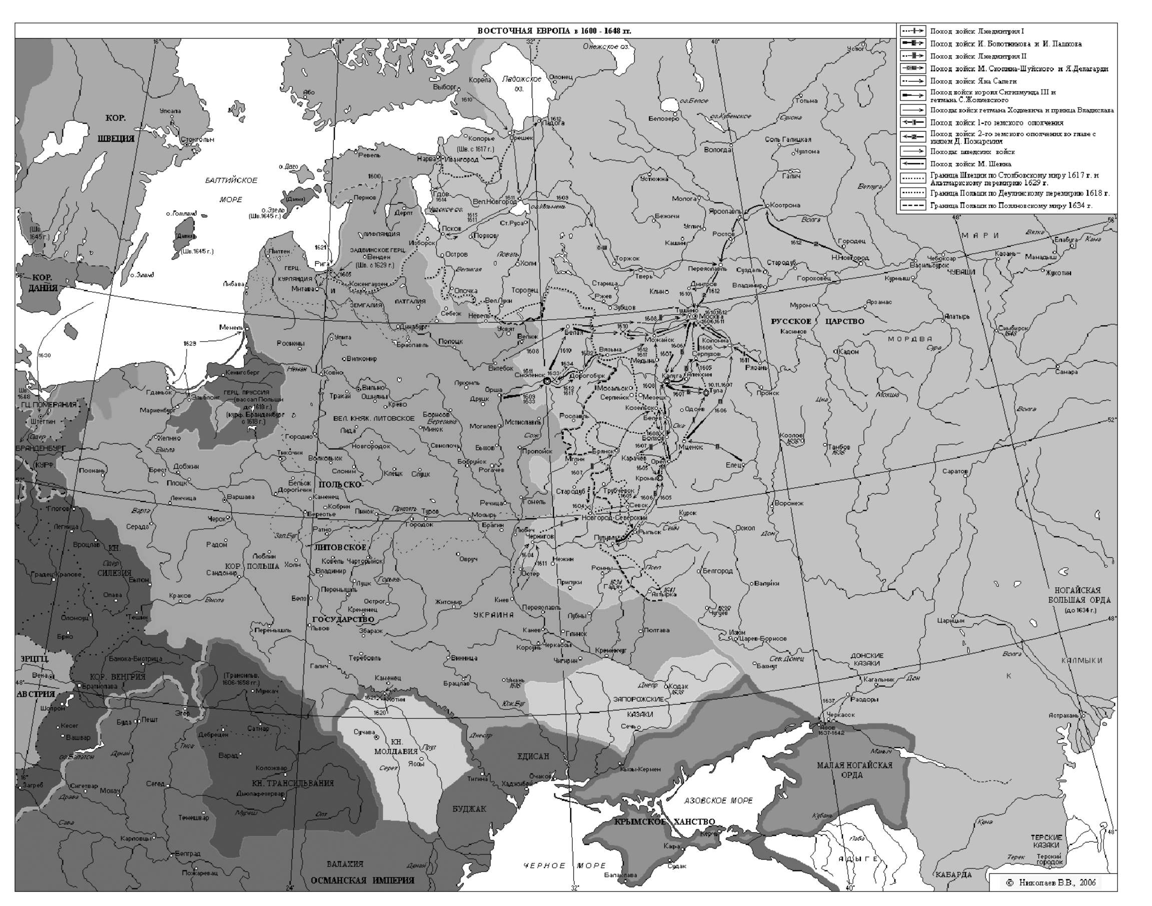
Этот собор знаменателен во всех отношениях. Во-первых, на нем представлены все традиционные сословия — вплоть до крестьян. Во-вторых, огромную роль играют на нем представители церкви, которая так патриотично проявила себя в годы испытаний. И именно всем трем слоям русского общества — церкви, аристократии и народу — предстояло решить вопрос о престолонаследии и заново утвердить самодержавие. Речь идет о *новом создании* Московского царства, выходящего из глубочайшего и всестороннего кризиса.

Выставлено было четыре кандидата: В.И. Шуйский, Воротынский, Трубецкой и Михаил Федорович Романов. Большое влияние на решение оказал будущий Патриарх Филарет (Романов)[1], т. к. престиж церкви в тот момент был высок как никогда. Вероятно, это и предопределило выбор на Земском соборе — царем был избран первый представителей династии Романовых, Михаил Федорович Романов, сын будущего патриарха Филарета.

Избрание состоялось 7 февраля 1613 года.

---

[1] Сам Филарет находился тогда в польском плену (1611 — 1619) за отказ от подписания договора московской семибоярщины с польским королем Сигизмундом III о присяге Владиславу.

Ил. 37. Геополитические изменения в Восточной Европе во время Смуты и в период правления Михаила Романова

Смутное время было закончено с большими территориальными потерями для Руси. Смоленск был утрачен на долгие десятилетия; западная и значительная часть восточной Карелии захвачены шведами. Русь потеряла выход к Финскому заливу.

С геополитической точки зрения Смутное время представляет собой яркий образец *отступления от восточной геополитической ориентации и от соответствующей ей социологической специфики* (византизм, самодержавие, централизм) и резкий уклон в сторону Запада (преобладание внешних европейских факторов во внутренней политике, тяготение к аристократической феодальной модели общества). Во всей истории московского периода Смута представляет собой самый «антимосковский» эпизод.

Михаил Федорович и Алексей Михайлович Романовы

Избрание на Земском соборе 1613 года царем Михаила Федоровича Романова означало возврат государства к прежней геополитической и политической программе — к самодержавию и византизму.

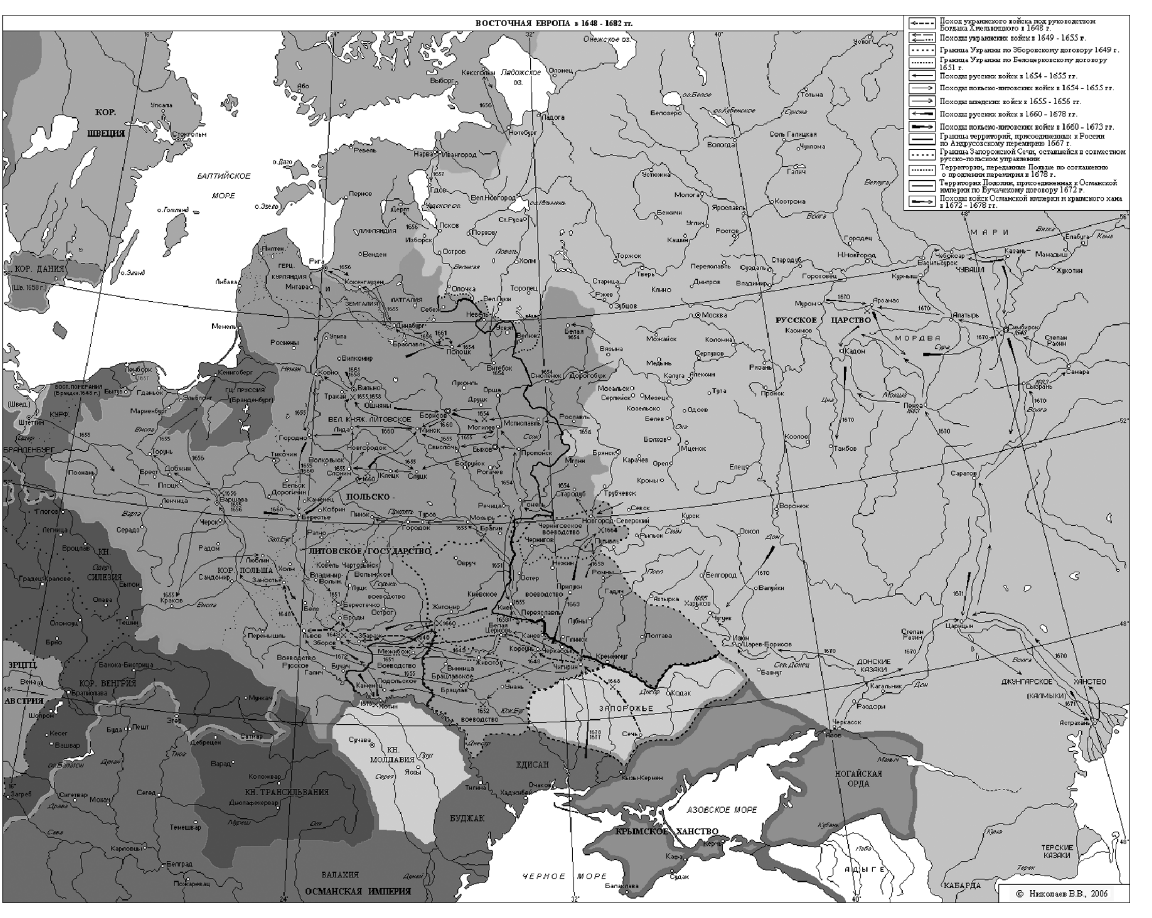
Михаил Романов восстанавливает централизацию государства, проводит типично московскую политику подчинения всех земель царской власти через назначение на местах воевод и старост. Постепенно начинает восстанавливаться контроль Москвы и над потерянными в Смутное время русскими территориями.

В 1617 году заключен «вечный мир» со Швецией (Столбовский мир), по которому Руси возвращались Новгородские земли. В 1618 году с Польшей было заключено Деулинское перемирие, а затем «вечный мир» (Поляновский мир 1634 года), в результате чего польский король отказался от каких-либо претензий на русский престол. Тогда же к России присоединяются земли нижнего Урала, населенного яицкими казаками, а также обширные территории Прибайкалья, Якутии и Чукотки вплоть до Тихого океана. Движение на восток приводит к включению в русские земли гигантских евразийских пространств Турана.

Первый представитель династии Романовых в полной мере оправдывает завет Земского собора: возврат к классической московской политике осуществлен, традиции византизма восстановлены, православная вера укреплена, мощь державы воссоздана и увеличена, независимость и свобода заново обретены.

Ту же самую политику продолжает и сын Михаила Федоровича, второй русский царь из династии Романовых — Алексей Михайлович. Геополитической программой его царствования становится наступление на запад и восстановление русской власти в западных пределах бывшей Киевской Руси, т. е. завершение программы, начатой еще Московским великим княжеством и получившей новую жизнь после освобождения от Орды и образования Московского царства.

При Алексее Михайловиче казацкий сотник Зиновий Богдан Хмельницкий устанавливает контроль над большей частью Украины, одерживает победы над польскими войсками при Желтых Водах, Корсуни, Пиляве, вынуждает поляков признать его власть. Избранный гетманом Хмельницкий обращается за помощью к Москве, к «царю восточному». На соборе, созванном по этому поводу в Москве, 1 октября 1653 года решено было принять казаков в подданство и объявить войну Польше. Русские войска отвоевывают Смоленск,

Ил. 38. Русское государство при Алексее Михайловиче. Присоединение Восточной Украины к России

Вильну, после чего Алексей Михайлович принимает титул «государя Полоцкого и Мстиславского», а затем, когда взяты были Ковно и Гродно, «великого князя Литовского, Белой России, Волынского и Подольского». Тем самым в состав Московского царства входят основные западнорусские земли, отвоеванные у поляков и выведенные из-под католического давления.

Добивается Алексей Михайлович серьезных побед и в Ливонии, по взятии Динабурга и Кокенгузена он осаждает Ригу. Русские занимают Дерпт. Но позже в Кардисе из-за проблем на польском направлении и смутами в Малороссии от многих завоеваний на этом направлении приходится отказаться.

После смерти Богдана Хмельницкого в июле 1657 года на Украине начались волнения и соперничество за власть. Это вызвало новые военные действия в отношении Польши, которая не хотела смириться с потерей обширных территорий. Военные операции развивались с переменным успехом. Наконец, после разнообразных перипетий 13 января 1667 года заключен был мир в деревне Андрусов. Царь Алексей Михайлович по этому миру приобрел Смоленск, Северскую землю, левую сторону Днепра и, кроме того, Киев на два года (Киев так и остался с тех пор во власти русских).

В эпоху правления двух первых царей из династии Романовых мы видим последовательные действия по преодолению Смуты и возврату к магистральной линии русского византизма и московской геополитики. Показательно, что после контратаки европейского Запада в эпоху Смуты, отныне русский восток берет инициативу в свои руки и активно наступает на Запад, восстанавливая под своей эгидой некогда единое политически, социально, культурно, этнически и религиозно пространство древнерусской государственности. А параллельно этому и с гораздо большей скоростью русские владения ширятся в сторону Востока.

Как и в первую половину московского периода (до Смутного времени), мы видим здесь типично *евразийскую историческую ориентацию* и реализацию идеи, заложенной в теории Москвы — Третьего Рима.

Геополитика раскола

Новый сбой этой восточной евразийской линии происходит в середине 50-х годов XVII столетия и связан с церковным расколом. Это важнейшее событие русской истории может быть описано и интерпретировано по-разному, нас же интересует лишь его геополитический и отчасти социологический смысл.

После Смутного времени эсхатологические настроения в русском обществе нарастают; сами события Смуты многими интерпретировались как «наступление царства антихриста». После преодоления Смуты, в эпоху первых Романовых, происходит оживление теорий Москвы Третьего Рима в свете предвкушения «близкого завершения мировой истории». Вокруг молодого царя Алексея Михайловича складывается идейный кружок «Боголюбцев», которые ставят своей целью разработать программу восстановления «древлего благочестия» и возрождение русского византизма перед лицом «надвигающегося конца света». В этом кружке принимают участие все ключевые фигуры той эпохи — сам царь Алексей Михайлович, будущий патриарх Никон (Минов) и будущий вождь русских старообрядцев протопоп Аввакум[1].

---

[1] *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. М.: Ди-Дик, 2006.

Все они вдохновлены идеей Третьего Рима, но как выяснится несколько позднее, каждый трактует ее по-своему.

В версии патриарха Никона Московская Русь, оправившаяся от Смуты и резко усилившая свои позиции на западе, должна стать вселенским царством. Это проявится в полном восстановлении единства православного мира под эгидой русского царя и русского патриарха. Первым этапом является освобождение всего православного населения Западной Руси от польского гнета, а затем Никон подумывал о походе на Османскую империю и об освобождении православных народов — греков, сербов, болгар и т. д. В этом Никона поддерживали и некоторые греки, рассчитывавшие на помощь усиливающей русской державы.

При этом Никону совсем не чужды и эсхатологические настроения: так, его усилиями создается под Москвой Новый Иерусалим, который он понимает как приготовление места для нисхождения Небесного Иерусалима, о чем говорится в Апокалипсисе. Никон всячески поддерживает Алексея Михайловича в его военных начинаниях, но периодически демонстрирует властолюбивый характер; в отсутствие царя, много времени проводящего в военных походах, Никон берет на себя и решение ряда политических задач.

При этом Никон несколько опрометчиво идет на то, чтобы исправить старорусские богослужебные книги по новогреческим образцам, а также подстроить русский обряд под те стандарты, которые сложились у православного населения западных и южных земель (не без влияния католичества и униатства). Никон поступает так чисто *прагматически* — он заинтересован в максимально интенсивной интеграции всех православных в контекст русской православной церкви, и некоторые различия в обрядах и формулировках ему представляются «несущественными». Он движим идеей универсализации русского православия и расширением объема русского царства. Это его трактовка Москвы — Третьего Рима. Алексей Михайлович поначалу полностью солидарен с ним.

Начало книжной справы и изменение обрядов по новогреческим образцам вызывают, однако, резкое неприятие других сторонников той же Московской идеи, вождем которых выступает протопоп Аввакум[1]. В этой группе избранность Руси толкуется как ее верность истокам, жесткое следование преданиям московской старины, недоверие не только католическому Западу, но и самим грекам, которые еще XV веке «отступили от чистоты православия, уклонившись в унию», а затем и «потеряли империю». Книжную справу и унификацию обрядов старообрядцы видят как «отступничество» и «аналог унии», т. е. как знаки «прихода антихриста». Тем более что эсхатологические настроения пронизывают духовную и интеллектуальную среду того времени. Старообрядцы начинают жестко критиковать Никоновские реформы и входят в противоречие с церковным чиноначалием. Царь встает на сторону Никона, и государственный аппарат включается в репрессии против старообрядцев.

Так Московская идея раскалывается на две составляющие: оптимистическую и «империалистическую» (никоновскую) и пессимистическую и «апокалипсическую» (аввакумовскую). Обе партии вдохновляются русским византизмом, но *трактуют его по-разному*. Никон и сторонники реформ хотят распространить власть русского Востока на Запад (и ради этого готовы

---

[1] *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество.

заимствовать некие, на их взгляд незначительные, стороны самого Запада). Аввакум и старообрядцы убеждены, что сила востока состоит в верности корням, и любое отступление от строгих правил, формулировок и обычаев повлечет за собой катастрофу.

В этой борьбе старообрядцы проигрывают; вождей этого движения ссылают и казнят. Но далее конфликт начинается и между Никоном и царем Алексеем Михайловичем. Царь начинает тяготиться властолюбивым и амбициозным патриархом, считающим себя чем-то вроде «православного папы». Никон идет на конфронтацию. 10 июля 1658 года Никон в нарушение всех церковных правил отказывается от своего сана и уезжает в Воскресенский монастырь. Но вопреки его ожиданию, царь не спешит каяться перед ним и упрашивать вернуться. Напротив, в 1666 году на церковном соборе под председательством александрийского и антиохийского патриархов по воле царя Никон лишается архиерейского сана и ссылается в Белозерский Ферапонтов монастырь. Этот же собор 1666—1667 годов окончательно анафематствует старообрядцев, и по ходу дела опровергает и саму московскую идеологию, претендующую на особую избранность русских. Так как тон на соборе задают греки, то это естественно. Сам же царь стремится развязать себе руки и под впечатлением от властолюбия Никона ограничить полномочия русского патриарха. Новым патриархом избирается Иоасаф II.

По результатам собора 1666—1667 годов создаются предпосылки для следующей модели русской власти. Здесь происходит *отвержение всей московской исторической стратегии, русского религиозного византизма.* Низлагается Никон, клятвы накладываются на старообрядцев, а кроме того, поруганию подвергается весь московский период, прошедший под знаком русского византизма: приехавшие греки с легким сердцем отвергают значение Стоглавого собора эпохи Грозного и отказывают русским обрядам и русской церкви в ее уникальном качестве (что лежало в основе идеи Святой Руси и Третьего Рима). Церковь меняет свою социальную функцию, уступает позиции перед лицом исключительной и ничем не ограниченной царской власти.

Так происходит переход от *византийского самодержавия*, основанного на принципе симфонии властей, к *светскому абсолютизму* в европейском духе.

И хотя московский период продлится до конца XVII века, до царствования Петра Первого, уже после собора 1666—1667 годов становится очевидным, что московская модель обрушена и Русь вступает на новый путь.

Казачество московского периода истории как геополитический феномен

В XV веке впервые исторические хроники сообщают о появлении казаков как самостоятельного фактора, а с эпохи Смутного времени казачество играет значительную роль в политических и социальных процессах русского общества. Так, казачество становится в начале XVII века питательной средой, где зачинаются народные волнения и бунты, а позже при Алексее Михайловиче украинские казаки играют решающую роль в освобождении Украины и поляков и в присоединении ее к Московской Руси.

К концу XIV века образовались две крупные социальные группы, проживавшие в низовьях Дона и Днепра. К ним присоединилось заметное ко-

личество переселенцев из соседних к северу Московского, Литовского и Рязанского Великих княжеств, а также из других северо-западных земель. В результате к началу XVI века обе группы выросли в крупные вольные войска (Донское и Запорожское войско), которые со временем вошли в состав растущего Российского государства. Были образованы и другие казачьи войска. Однако можно предположить, что корни этого явления уходят в более далекое прошлое, когда южнорусские лесостепные и степные зоны были населены славянскими племенами (тиверцы, уличи, северяне) вперемешку с неславянскими (ясы, тюрки, черкесы и т. д.). Эти группы представляли собой *смешанный тип между оседлыми земледельцами и воинственными кочевниками*, промышлявшими грабежом и разбоем. Тип общества, к которому относились эти группы, можно назвать *южнорусским*, отличным как от остальных русских ориентаций (восток, запад, север и центр), так и от собственно кочевых степных этносов. К XV веку этот тип общества оформляется в «войска» (Донское и Запорожское), которые пополняются за счет беглых крестьян и других маргиналов.

Карамзин так писал о казаках:

«Казаки были не в одной Украине, где имя их сделалось известно по истории около 1517 года; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались Черкасами: некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними и под именем Комков составили один народ, который сделался совершенно Русским тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Казаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше днепровских порогов, где город Черкассы назван их именем»[1].

Казачество представляет собой особый стиль организации жизни на основе принципов *военной демократии*. Глава казаков — атаман — выбирался на казачьем круге и был предводителем военных походов, а в мирное время наделялся некоторыми судейскими функциями. Казаческое общество не знало формализированой аристократии, вотчинного хозяйства, института холопов и закупов, как остальные русские земли. Каждый казак считался свободным членом военизированной общины, отвечающим сам за себя и за свою семью. Отношения с русской властью казаки старались сделать договорными и независимыми. Признавая Православие и стратегические интересы русской державы, они стремились сохранить и отстоять свою автономию, свой независимый социальный уклад — в том числе и право принимать в свои ряды беглых крестьян, разыскиваемых после введения крепостного права на территории всей остальной России. В донском казачестве действовал принцип: «С Дону выдачи нет».

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 5. М: Издательство ИДДК, 2006.

Украинские (днепровские) казаки около 1553 года образовали Запорожскую Сечь, старейшее из всех казачьих формирований. С 1572 года Запорожское войско стало все больше и больше подпадать в вассальную зависимость от Речи Посполитой. Польша предприняла попытку реорганизовать казаков в отдельное сословие — реестровое казачество.

На фоне общего притеснения поляками всего православного населения, включая казаков, днепровское казачество поднялось на борьбу против польского господства, что привело к созданию независимого политического образования на территории, занимавшей большую часть современной Украины (Гетманщина). Вскоре после завоевания независимости казаки повернулись к России и решили просить ее принять Запорожское казачество в свой состав. Осенью 1653 г. Земский собор, проходивший в Москве, принял решение: «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять»[1], что и закрепила окончательно 8 января 1654 года Переяславская рада.

Появление значительного количества казачьего населения в низовьях Волги и Дона на рубеже XV—XVI веков некоторые историки[2] связывают с ушкуйниками, беженцами из Хлыновской земли после завоевания ее в 1489 году Московским княжеством и из Великого княжества Рязанского в связи с присоединением его в 1520 году к Москве.

Донские казаки начали систематическую колонизацию окраин России, заселив низовья Волги, Яика и Терека. Официальное сотрудничество с Русским царством донские казаки начали в качестве союзников, завоевав Астраханское и Казанское ханства, и, образовав Войско Донское, продолжили впоследствии, участвуя в Ливонской войне. В последующем казаки стали основой новых войск Русского царства. Усилиями казачьих дружин к России были также присоединены обширные территории Сибири.

На протяжении московского периода до конца XVI века Донское казачье войско было полностью независимым, и вплоть до 1716 года Царство Русское вело отношения с областью Войска Донского через Посольский приказ, как со всеми другими самостоятельными государствами.

Донские казаки присягнули царю Алексею Михайловичу в 1671 году.

Казачья среда на всем протяжении своей истории регулярно поддерживала или выдвигала сама «самозванцев» и «народных царей», а также становилась живительной почвой для бунтов, волнений и восстаний. Казацкая вольница представляла собой общество, радикально отличное от основной русской земщины, и поэтому юридические и политические нормативы остальной Руси представлялись казакам чем-то необязательным, и при случае они легко становились на путь восстаний и народных движений антиправительственного толка. Казаки играли важную роль в войсках Лжедмитрия Первого и Лжедмитрия Второго, а также в первом народном ополчении, состоящим из представителя земства думного дьяка Прокопия Ляпунова и представителя казачества донского атамана Ивана Заруцкого. Заруцкий принимал активное участие в восстании Болотникова, поддерживал фигуру Лжепетра, казака Илейку Муромцева, выдававшего себя за никогда не су-

[1] Российское законодательство X—XX вв.: В 9 т. Т.3. Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985.

[2] *Савельев Евграф.* Древняя история казачества. Историческое исследование: В VI выпусках. Новочеркасск, 1913—1918.

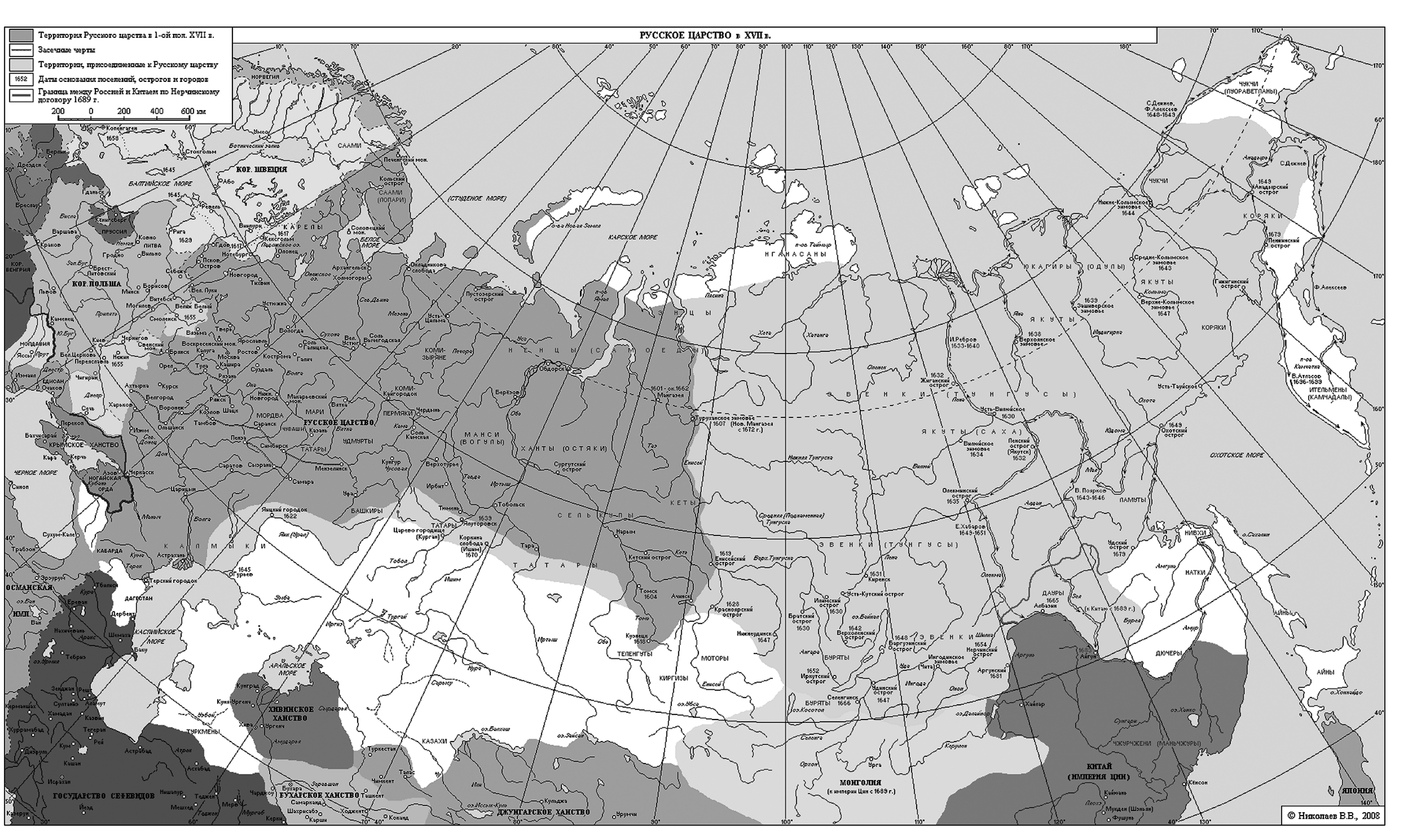
ществовавшего «сына царя Федора Иоанновича», сыграл решающую роль в развале Первого Ополчения и убийстве Ляпунова (которое, судя по всему, он и подстроил), присягнул всем Лжедмитриям, включая Лжедмитрия III, попытался организовать покушение на вождя второго народного ополчения князя Пожарского, переметнулся на сторону польских интервентов (гетмана Ходкевича), а затем вместе с Мариной Мнишек и малолетним сыном Лжедмитрия (воренком) укрылся в Астрахани, где создал эфемерное тираническое государство, пока на конец его не выловили и не посадили в Москве на кол.

Позднее в эпоху раскола в среду казачества начали активно проникать старообрядческие настроения, и многие казаки стали сторонниками этой линии. Позднее в казацких бунтах старообрядческие мотивы встречаются регулярно.

С геополитической точки зрения казачество следует рассмотреть как *самостоятельный фактор*, достаточно автономный от остальных центров русской истории. Казаки в разные моменты Московского периода выполняли самые разнообразные функции. Иногда они выступали как проводники русского влияния и союзники Москвы в противостоянии с ее противниками. Иногда участвовали в общих военных операциях. В случае Гетманщины они стали главной движущей силой присоединения Украины к России, т. е. *изменили геополитический баланс сил в Восточной Европе, чем способствовали воссозданию единого пространства древнерусской государственности*. Но в то же время, обладая совершено особой военно-демократической спецификой, казацкое общество качественно отличалось от восточнорусской модели, преобладавшей в Московской государственности, и не собиралось от этой специфики отказываться. Это приводило к постоянным трениям с центральной властью, к участию казаков в бунтах и волнениях, а подчас к поддержке внешних интервенций (особенно западных — т. к. военно-аристократический стиль восточноевропейских держав частично резонировал с военно-демократическим строем самого казачества).

Показательно, что казаки появляются на границе Леса и Степи и движутся вдоль этой границы к востоку, вглубь Турана вплоть до Тихоокеанского побережья, иногда проникая довольно далеко на юг, в саму Степь. Это способствует интеграции в русскую державу тех территорий (степных, восточных и областей Кавказа), которые социологически существенно отличались от преобладающего оседло-земледельческого, земского типа основных русских областей. Тем самым казачество стало *динамичным фактором русской территориальной экспансии и ключевым инструментом включения периферийных пространств в единое политическое поле*. Пограничное положение казачества обеспечивало казакам возможность сохранить хотя бы частично свои свободолюбивые традиции и демократическую организацию общества, тогда как остальные территории Руси находились в жестком иерархизированном и строго централизованном управлении.

Было бы категорически неверно упрощенно оценивать геополитическую функцию русского казачества: оно представляло собой совершенно автономный феномен, не сводимый ни к лубочному представлению о казаках как «об образцовых служителях державным интересам», ни как о «неисправимых бунтарях, повстанцах, грабителях, анархистах и наемниках, готовых поддерживать любую силу, вплоть до интервентов и оккупантов».

Ил. 39. Рост территория России в XVII веке. Присоединение Сибири

Геополитические итоги Московского периода русской истории

Если мы окинем взором всю длительность Московского периода, то увидим, что в нем происходил *неуклонный рост могущества русской державы как самостоятельного геополитического образования евразийского толка с центром на русском востоке*. Это геополитическое образование постепенно все яснее осознает свою миссию и свои исторические задачи (в византийско-православном оформлении); кульминацией этого процесса становится появление теории Москвы — Третьего Рима. С XVI века Русь начинает воспринимать себя *главным субъектом мировой истории*, ядром православной эйкумены. Идейное становление сопровождается ростом территорий, населения, владений. Москва неуклонно идет к цели восстановления единства древнерусской государственности, а параллельно этому с запада на восток воссоздает и геополитическое единство Улуса Джучиева.

Синкопой в этом процессе является Смутное время, демонстрирующее полный отказ от магистрального пути развития и резкий сбой в функционировании геополитических и социологических механизмов. События Смутного времени резко контрастируют с основной логикой становления Московского царства, а до этого Великого княжества московского; здесь преобладают *центробежные* тенденции, скачкообразно повышается степень западноевропейских влияний, резко ослабевает самодержавное начало и столь же резко усиливается боярско-аристократическая модель, кульминацией которой является семибоярщина и присяга московских феодалов польскому королевичу Владиславу, т. е. прямое соглашательство с оккупацией страны польско-литовскими интервентами.

Преодоление Смуты и избрание на Земском соборе династии Романовых возвращают Московское царство на естественную орбиту; московское наследие возвращается. И по мере усиления самодержавного начала мы видим успехи в территориальных завоеваниях, укрепление мощи и самостоятельности, рост государства. Правление первых двух представителей дома Романовых продолжает, тем самым, вектор предшествующих циклов московского периода.

И наконец, события раскола и конфликт царя и патриарха Никона приводят к отказу от прежней московской самодержавной византийской идеологии, завершают цикл и готовят почву для нового исторического этапа.

При этом мы видим, что за двести лет Московской эпохи от зависимого внутриордынского княжества Русь проделала огромный путь до становления могучей европейской и мировой державой, включающей в себя все пространство Heartland'а. Теперь мы имеем дело с Россией-Евразией, огромной теллурократической конструкцией, интегрирующей пространство Турана и представляющей собой синтез между Лесом и Степью.

Библиография

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998

Антонович В.Б. Монография по истории западной и юго-западной Руси Киев, 1882.

Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, М.: ЛЕАН, АГРАФ, 1997.

Вернадский Г.В. Московское царство. В 2 ч. Тверь; М., 1997.

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: АСТ, 2004.
Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Acadeia, 1934.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Заседателева Л.Б. Терские казаки (Середина XVI — начало XX). М, 1974.
Зеньковский С. Русское старообрядчество. М.: Харвест, 2007.
Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912.
Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1—12. М: Издательство ИДДК, 2006.
Кобяков С.Г. Заселение Дона в XVI — XVII вв. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. 1955. Т. 10. Географический ф-т, вып. 3.
Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. М. 1990.
Кутузов Б.П. Тайная миссия патриарха Никона.-М.: Алгоритм, 2007.
Лисовой Н.Н., Соколова Т.А. Три Рима. М.: Olma Media Group, 2001.
Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры. 2010.
Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Мадрид, 1966.
Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007.
Фроянов И.Я. Грозная опричнина. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009.
Фроянов И.Я. Драма русской истории: На пути к Опричнине. М., 2007.
Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52—75
Щапов А.П. Великорусскія области и смутное время (1606—1613): Статьи 1 и 2. СПб.,1861.
Щенников А.А. Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. М.: Наука, 1987.
Fedorowicz J.K. A Republic of nobles: studies in Polish history to 1864. New York: Cambridge University Press, 1982.

Глава 6

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Явление Петра I

После смерти Алексея Михайловича возникает новая династическая проблема. Когда умирает его наследник, болезненный Федор Алексеевич, правивший всего 6 лет, на власть претендует семья последней жены царя Натальи Нарышкиной, которая поддерживает ее сына Петра Алексеевича, и противоположная партия, стоящая за болезненным и слабым Иваном Алексеевичем и его сестрой, волевой царевной Софьей Алексеевной (за ними, в свою очередь, стоят бояре Милославские).

После ряда драматических перипетий в 1682 году царями помазуются сразу два молодых человека — Иоанн и Петр, притом реальная власть оказывается в руках Софьи.

Молодой Петр живо интересуется иностранными обычаями, европейскими науками, кораблестроением и военным делом. Постепенно он превращается в волевого и резкого, стремительного правителя, склонного к радикальным преобразованиям. В 1689 году происходит решающий конфликт с царевной Софьей, после чего Петр начинает править самостоятельно, а Софья Алексеевна от власти отстраняется.

Став полноправным правителем, Петр принимается за внешнюю политику и первым делом обращает свой взгляд на юг, где сосредоточены союзные Османской империи и враждебные России силы крымских татар. Петр предпринимает попытку взятия турецкой крепости Азов, открывающей доступ к Азовскому морю, что позволяет атаковать Крым с моря. Первый азовский поход 1695 года оканчивается неудачей, а второй, тщательно подготовленный и предпринятый с опорой на построенный по этому случаю морской флот, завершается сдачей турками крепости в 1696 году. Так для Петра важнейшим геополитическим направлением становится *юг*, а приоритетным противником — *Османская империя*. Показательно, что прежние московские властители последовательно избегали прямых столкновений с Османской империей, к которым, тем не менее, Москву постоянно старались подтолкнуть западные дипломаты начиная с XV века (попытки венецианских посланников направить против Порты Ивана Третьего).

Идеей антиосманского похода обусловлено и Великое посольство Петра 1697–1698 годов, когда он лично, впервые в русской истории, посещает страны Западной Европы для создания антитурецкой коалиции и для приобретения технических и научных навыков и знаний, необходимых, по его мнению, для модернизации русской армии и создания флота.

Войны Петра I

После возвращения из Великого посольства Петр начинает войну со Швецией за выход к Балтийскому морю. Для этого ему было необходимо заключить мир с Османской империей сроком на 30 лет.

Поражением русской армии закончилась попытка захватить крепость Нарву. 30 ноября 1700 года года шведский король Карл XII с 8500 солдатами атаковал лагерь русских войск и полностью разгромил 35-тысячную неокрепшую русскую армию. Однако Петр, быстро реорганизовав армию по европейскому образцу, возобновил боевые действия. В 1702 году Россия захватила крепость Нотебург (переименована в Шлиссельбург), а весной 1703 года — крепость Ниеншанц в устье Невы. Здесь 16 мая 1703 года началось строительство Санкт-Петербурга, а на острове Котлин разместилась база русского флота — крепость Кронштадт. Выход к Балтийскому морю был отвоеван. В 1704 году были взяты Нарва, Дерпт; Россия прочно закрепилась в Восточной Прибалтике.

В 1706 году Карл XII начал новый поход на Россию. Захватив Минск и Могилев, он двинулся на юг в Малороссию, рассчитывая на переметнувшегося к нему гетмана Мазепу.

В Полтавской битве 27 июня 1709 года армия Карла XII была наголову разгромлена, шведский король с горсткой солдат бежал в турецкие владения. В 1710 году в войну вмешалась Турция.

Война со стороны Турции ограничилась зимним набегом крымских татар, вассалов Османской империи, на Украину. Россия повела войну на три фронта: войска совершили походы против татар на Крым и на Кубань, сам Петр I, опираясь на помощь правителей Валахии и Молдавии, решил совершить глубокое вторжение до Дуная, где надеялся поднять на борьбу с турками христианских вассалов Оттоманской империи. Русская армия перешла границу Молдавии в июне 1711 года, но уже 20 июля 1711 года 190 тысяч турок и крымских татар прижали 38-тысячную русскую армию к правому берегу реки Прут, полностью окружив ее. В такой ситуации Петру удалось заключить с великим визирем Прутский мирный договор, по которому армия и сам царь избежали пленения, но взамен Россия отдала Азов Турции и опять потеряла выход к Азовскому морю.

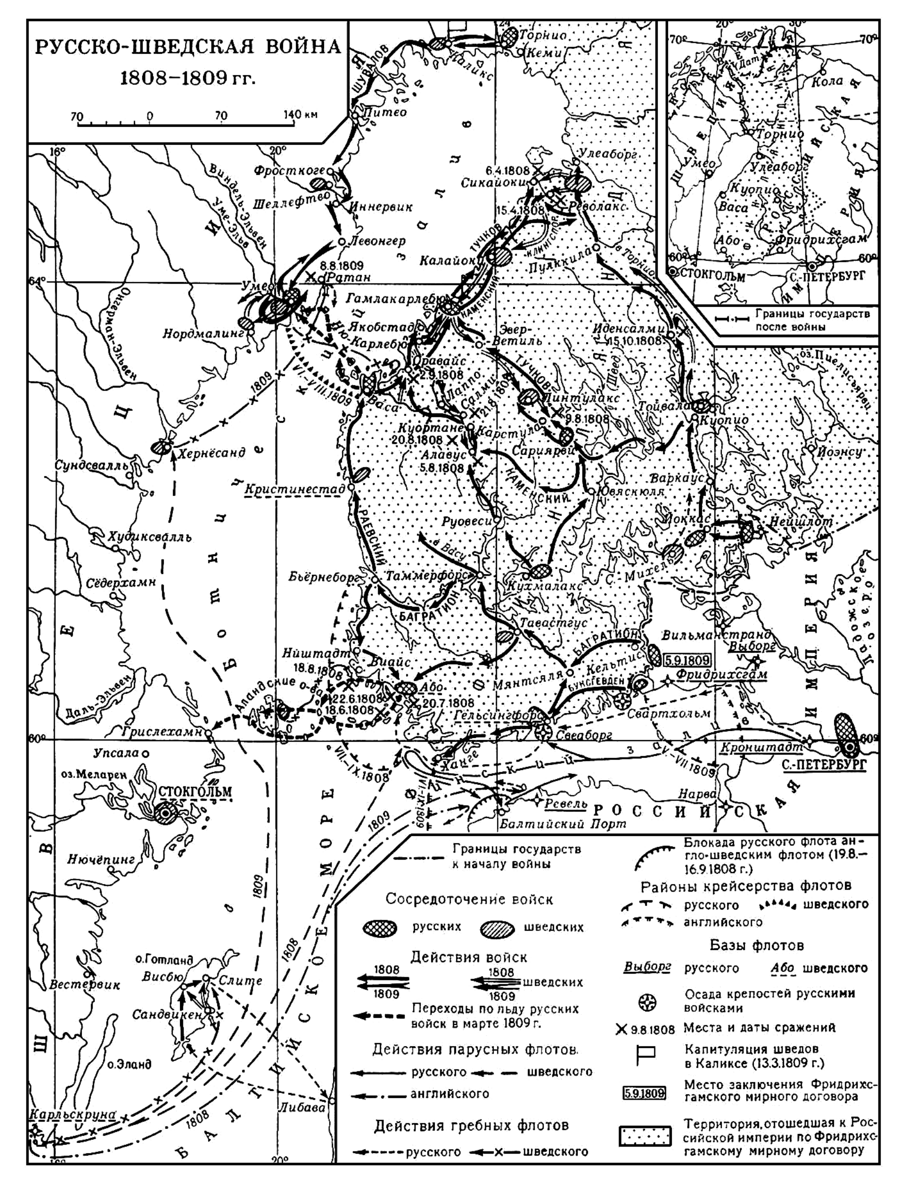
Петр снова сосредоточился на войне со шведами. Балтийский флот только создавался Россией, но сумел одержать первую победу в Гангутском сражении летом 1714 года.

В 1718 году после смерти Карла XII шведская королева Ульрика Элеонора возобновила войну, надеясь на помощь Англии. 30 августа 1721 года между Россией и Швецией был заключен Ништадтский мир, завершивший 21-летнюю войну. Россия получила выход в Балтийское море, присоединила территорию Ингрии, часть Карелии, Эстляндию и Лифляндию, став полноценной великой европейской державой, в ознаменование чего 22 октября 1721 года Петр по прошению сенаторов принял титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского».

После Северной войны последовал Каспийский поход 1722—1724 годов. Поход был облегчен в результате персидских междоусобиц и фактического распада некогда мощного государства. В августе 1722 пал Дербент. В следующем 1723 году был завоеван западный берег Каспийского моря с крепостями

Баку, Рештом, Астрабадом. Дальнейшее продвижение было остановлено угрозой вступления в войну Османской империи.

12 сентября 1723 года был заключен Петербургский договор с Персией, по которому в состав Российской империи включалось западное и южное побережье Каспия с городами Дербент и Баку и провинциями Гилян, Мазендеран и Астрабад.

Ил. 40. Русско-шведская война

По Константинопольскому договору от 12 июня 1724 года Турция признавала все приобретения России в западной части Каспийского моря и отказывалась от дальнейших притязаний на Персию. Стык границ между Россией, Турцией и Персией был установлен на месте слияния рек Аракс и Кура.

Экспансия России на евразийский восток при Петре I не прекращалась, продолжая тенденции московского периода. В правление Петра I была присоединена к России Камчатка.

В 1716—17 годах в Среднюю Азию был отправлен отряд Бековича-Черкасского с целью склонить хивинского хана к подданству и разведать путь в Индию.

В целом мы видим, что в период правления Петра Первого позиции России многократно усилились. Важнейшим результатом явилась стратегическая победа над Швецией, которая отныне навсегда перестала угрожать российским интересам в Восточной Европе. В результате ослабления Швеции Россия при Петре получает возможность распространить свое влияние и дальше на Запад — на территорию Польши.

На юге мы имеем дело с началом целой серии русско-турецких войн, отмечающих собой новый этап русской геополитики — в московский период русские правители тщательно воздерживались от этого. Существенно улучшаются русские позиции на Каспии. Россия начинает проявлять интерес к Средней Азии.

На востоке же мирная экспансия русских землепроходцев и казачества расширяет пределы Российской державы вплоть до Тихоокеанского побережья.

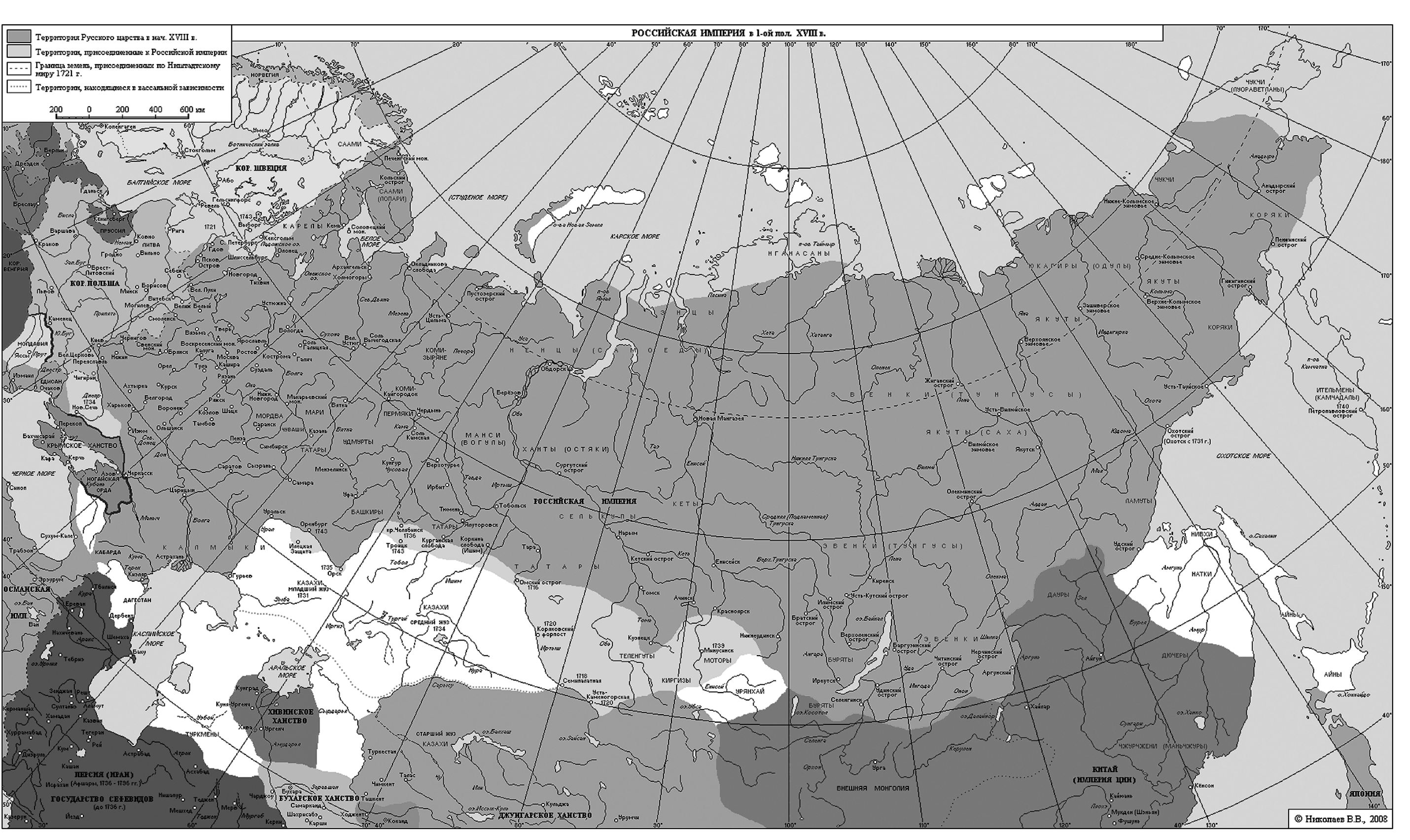
Если рассмотреть географические и стратегические результаты царствования Петра Первого, то мы увидим в нем в целом продолжение предшествующего периода. Как и прежние русские цари, Петр усиливает державу, расширяет ее территории, ведет военные действия, направленные против конкурентов и противников, укрепляет стратегические позиции, интегрирует новые и традиционные территории страны под единым централизованным руководством.

С этой точки зрения, результаты правления Петра вполне можно признать *евразийскими* по своим основным качественным характеристикам. Петровская Россия представляет собой интегрированный Heartland со своими целями, интересами и ориентирами, надвигающийся на Европу грозной туранской тенью.

Социология петровских реформ

Но совсем иную картину мы видим на социологическом уровне — в сфере организации общества, политики, культуры, религии. Здесь, напротив, происходит *полный разрыв с московской стариной*, с древними русскими обычаями. Петр представляет собой убежденного западника во всем, что касалось стиля жизни, организации общества, религии, нравов, технологии. Петр жестко искореняет старые обряды, глумится над православием и вековыми устоями, нещадно корежит нормативы старорусского жизненного мира. На этом уровне правление Петра представляет собой *радикальное новаторство* и совершено новый исторический этап.

По сути, он предлагает совершенно новую социально-политическую модель общества, резко контрастирующую с прежней. На место московского

Ил. 41. Успехи геополитики Петра Первого: рост территории России в начале XVIII века

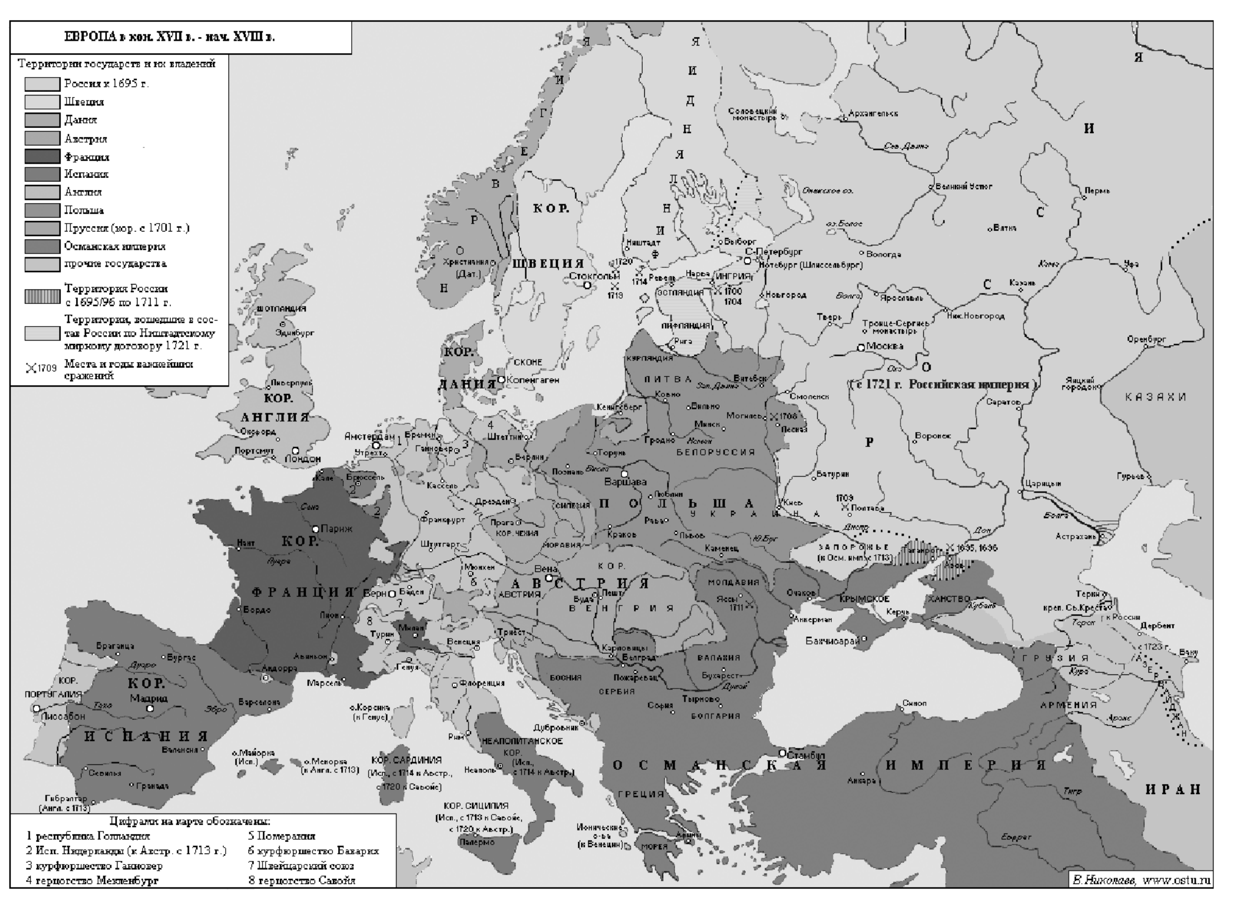
мировоззрения и идеи Москвы Третьего Рима приходит Петровская модель. И весьма символично, что при Петре столица Российского Государства переносится в новый город, построенный на далеком западе и оформленный по европейским архитектурным и градостроительным стандартам. По имени новой столицы Санкт-Петербурга принято называть этот период «санкт-петербургским». И подобно тому, как Москва была не просто столицей, но идеей, воплощая в себе и геополитически русский восток, и принцип самодержавия, и евразийскую туранскую геополитику, и русский византизм, и верность православию, и отстаивание исторической самобытности русского общества, Санкт-Петербург становится после Петра Первого и до 1917 года символом совершенно новой идеологии — на сей раз модернизаторской, западнической, европейски ориентированной, резко порывающей с московским наследием.

Предпосылки для такого идеологического сдвига, в полной мере осуществившегося в ходе Петровских реформ, были заложены еще в эпоху раскола и особенно в последний период царствования Алексея Михайловича, при котором, по сути, произошел отказ от теории Москвы — Третьего Рима (собор 1666—1667 годов).

С политической точки зрения мы имеем дело с переходом от самодержавной (византийской) модели, основанной на принципе симфонии властей (гармония между духовным владычеством и императорской властью), к абсолютизму светского толка, где роль церкви сводится к чисто техническим функциям, а правительство становится секулярным. В обоих случаях предполагается огромный объем единоличных полномочий правителя-автократора, но *содержание* этого правления совершенно различно. Самодержавие несет в себе сакральный смысл: правление царя мыслится как исполнение важнейшей эсхатологической функции. При абсолютизме никакой сакральной нагрузки у высшей власти нет, она мыслится как выражение общегосударственных интересов, т. е. носит рациональный и прагматический характер.

Радикально меняется при Петре и культурный уклад русской жизни. Петр законодательно требует от аристократии брить бороды и усы на европейский манер, что для русских людей того времени было равнозначно публичному унижению.

После смерти патриарха Адриана Петр решает изменить принцип управления Церковью. В 1721 году был издан манифест о Духовной Коллегии, которая просуществовала недолго и почти сразу же была заменена Святейшим Синодом, который возглавлялся светским лицом (обер-прокурором Синода). Таким образом, высшая инстанция управления церковью превратилась в своего рода министерство, полностью подчиненное светскому правителю и полностью от него зависящее. По сути, значение православной церкви в жизни общества резко падает. Именно православие с эпохи Владимира было духовным ядром русского общества, задавало вектора культурного и религиозного становления. Православие сохранило русский народ в монгольский период. Православие легло в основу Московской Идеи, а в Смутное время спасло страну от капитуляции перед лицом интервентов. При Петре отношение к нему кардинально меняется. Сам Петр создает шутовскую кощунственную организацию «Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор», чьи «обряды» пародировали церковные устои и даже таинства и осмеивали церковные догматы. В эпоху Петра во главе церкви конкуриро-

Ил. 42. Россия в геополитике Европы при Петре Первом

вали между собой два высокопоставленных иерарха — Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Первый был воспитанником иезуитов и проводил почти откровенно католическую линию; второй находился под влиянием протестантизма. Собственно православного в такой атмосфере сохранялось немного. Показательно, что уже начиная с раскола в русской церкви все больший вес начинают играть выходцы с Украины, где были распространены униатские и католические влияния (в частности, обряды обливательного и окропительного крещения и т. д.). При Петре эта политика продолжается, т. к. лежит в русле общего направления реформ на модернизацию и европеизацию русского общества.

В истории церкви период от Петра до 1917 года принято называть «синодальным». По своим основным характеристикам он существенно отходит от того положения, которое церковь должна была бы занимать в обществе в соответствии с нормами православной традиции и, особенно, с духом византизма.

Показательны и символичны изменения в стилях одежды и в архитектуре. Если в московский период одежда простых людей и высшей знати различалась не столько по покрою, сколько по качеству материалов и количеству украшений, а жилища простолюдина и боярина имели в своей основе общую схему, различаясь лишь объемами и использованием строительных материалов, то после Петра различие прослеживается во всем: простой народ сохраняет верность старорусской моде и в крое, и в материалах, тогда как аристократия берет за образец европейский костюм; то же самое происходит и в архитектуре. Санкт-Петербург представляет собой в отличие от Москвы или иных традиционных русских городов попытку сымитировать европейскую архитектуру, сами принципы которой резко контрастируют как с жилищами простонародья, так и с архитектурным стилем старорусского боярства. Показательно, что людям в русской одежде вход в Санкт-Петербург был строго запрещен. Официальные мундиры чиновников и военных, а также внешний вид, привычки и жилища знати были стилизованы под западные образцы.

Так при Петре русское общество раскалывается в соответствии с новой социальной геометрией. Верхи и низы отныне представляют носителей двух различных культур: низы — старорусской, верхи — современно-европейской. К властному, имущественному и социальному неравенству добавляется еще и *культурное отчуждение*. Санкт-Петербургская знать, активно интегрирующая в себя иностранцев, начинает относиться к русскому народу как к «туземцам», «варварам», «темноте», далекому и непонятному косному началу. Крепостничество от этого становится еще более жестоким.

Санкт-Петербургский период представляет собой начало совершенно новой эпохи, которая по основным социологическим, мировоззренческим, политическим, культурным и религиозным параметрам отлична от прежнего московского периода.

Авторитаризм и геополитика

Если теперь мы наложим друг на друга две проекции — геополитическую и социологическую, то получим довольно парадоксальный результат. С точки зрения социологии Петровские реформы резко *порывают* с московским наследием, открывают новую страницу в русской истории; обще-

ство изменяется до неузнаваемости; ориентация на Европу, западничество и модернизация встают на место византизма, православной идентичности и консервативной верности корням. Но с точки зрения геополитики результат Петровского царствования демонстрирует *преемственность* прежним тенденциям: мощь русской державы растет, территория увеличивается, нападения врагов отражаются; влияние ширится; Россия неуклонно движется к полной интеграции Турана, осваивается на евразийских территориях. Иными словами, *социологический европеизм накладывается на геополитическое евразийство*, на теллурократию. Россия Петра — это набирающий силу Heartland, скрытый за европейским или имитирующим Европу фасадом.

Таким образом, на данном этапе, в отличие от московского периода, социологические аспекты и геополитика России *расходятся* между собой, становятся в парадоксальную и дисгармоничную позицию относительно друг друга.

Однако существует одно обстоятельство, которое поможет нам объяснить это несоответствие. Оно связано с той симметрией, которую мы наблюдаем между геополитическими ориентирами и моделями политической власти в русской истории. Так, русский восток и евразийство сопряжены с самодержавием и принципом единовластия. В этом изначально и состояла специфика Ростово-Суздальского, позже Владимиро-Суздальского и Московского княжеств, ставшего затем ядром Московского царства. А русский запад тяготел к Европе и аристократической модели правления. При Петре мы видим сочетание *европеизма* (перенос к западу столицы, внедрение европейских мод, секуляризацию, модернизацию и т. д.) с принципом *авторитарной власти* (то есть с отличительной чертой востока, евразийства и теллурократии). Эта двойственность проявляется в абсолютизме: его можно рассматривать и как *антитезу* самодержавия (утрата сакрального византийского религиозного и эсхатологического измерения), и как его *продолжение* в новой форме. Если брать авторитарный принцип по модулю, не вдаваясь в его содержание, при Петре мы видим его яркое воплощение, вполне сопоставимое с единовластием наиболее сильных московских правителей прежнего периода или киевских великих князей. Если бы ориентация на Запад была полной, то она — по той же закономерности сопряженности геополитических факторов с социологическими — должна была бы привести к повышению роли аристократии, знати, к новой волне усобиц и смут, и, в конце концов, к ослаблению и расколу России. Но западничество налицо, а его геоплитических и социологических последствий нет. Петр имитирует европейские порядки, но сохраняет собственно русскую, московскую черту — *принцип автократии.* Таким образом, происходит довольно конфликтное и дисгармоничное сочетание двух разнородных элементов, — культурного западничества и евразийской геополитики, — сопряженных через принцип абсолютизма. Петровская Россия остается в своей сущности «восточной деспотией», внешне закамуфлированной под европейские стандарты. Здесь нет главного, что отличает европейские державы того времени: *феодальные отношения в России так и не приобрели массового и тотального распространения*, вотчинное владение и феодальные принципы ограничены принадлежностью огромного количества наделов черносошным крестьянам, находящимся в прямой зависимости от царя и государства, а дистанция царя над высшим боярством такова, что ни о каком феодальном отношении между царем и знатью («король как первый среди равных») и речи быть не

может. Царь не «первый среди равных,» он *господин среди холопов* — влиятельных холопов (знать) или невлиятельных (простолюдины).

Это и следует считать главной особенностью Санкт-Петербургского периода на всем его протяжении — от Петра до 1917 года: несмотря на все западнические реформы, сам Петр и его последователи остаются в рамках именно такой авторитарной, абсолютистской модели — какие бы реформы царь ни осуществлял, структура русского общества остается строго вертикальной, иерархичной и ориентированной на полное единовластие, не ограниченное никакими сдерживающими факторами. Но именно эта черта и *отличает Россию от Европы*, где, напротив, феодальные отношения складывались в течение всего Средневековья, а к эпохе Нового времени создали исторические предпосылки для формирования новой буржуазной модели, вытекающей из феодализма как ее логическое развитие и прямое социальное продолжение. В России ничего подобного не происходило. Феодализма в полном смысле слова так и не сформировалось, и все попытки европеизации и модернизации общества наталкивались на принципиальное и непреодолимое препятствие в виде *авторитарных* традиций. Все реформы проводились исключительно *сверху* с опорой на абсолютистский принцип, и именно по этой причине не могли ничего кардинально изменить в обществе. Общество не подхватывало никаких инициатив, справедливо предполагая, что «царь может и передумать», или на его место может прийти фигура с другими идеями.

Этот *авторитарный принцип тесно сопряжен с евразийской теллурократической геополитикой* и ответственен за то, что даже самые реформаторские эпохи внутри Санкт-Петербургского периода были сопряжены с повышением стратегической мощи России как евразийской державы. Авторитаризм неразрывно связан с геополитикой русского востока. И под влияние этой связи попадали даже коренные европейцы, оказывавшиеся на царском троне в Российской Империи.

Екатерина I и Анна Иоанновна: абсолютизм русских цариц и геополитические действия

После смерти Петра Первого, отменившего указ о наследии русского трона по старшинству, но не успевшего указать на фигуру преемника, в русской истории начинается эпоха женщин-правительниц. Вначале на царстве утверждается последняя жена Петра простонародного происхождения Екатерина Алексеевна. 28 января 1725 года Екатерина I взошла на престол Российской империи благодаря поддержке гвардии и вельмож. По инициативе графа П.А. Толстого в феврале 1726 года был создан новый орган государственной власти, Верховный Тайный Совет, где узкий круг главных сановников мог управлять Российской империей под формальным председательством полуграмотной императрицы. Екатерина правила всего два года.

После ее смерти на три года воцаряется подросток Петр Второй, внук Петра Первого от сына Алексея Петровича, власть же в этот период находится в руках Тайного Совета, состоящего из именитых аристократов, постоянно борющихся друг с другом и старающихся вытеснить из властного круга. В 1730 году Петр Второй, последний наследник династии Романовых по прямой мужской линии, умирает от оспы в возрасте 14 лет.

Несмотря на короткое правление Петра, внешняя политика России в его время была достаточно активной. Член Тайного Совета Остерман, заведовавший внешней политикой, всецело полагался на союз с Австрией, в частности, в перспективе противодействия Османской империи. Отношения России с Польшей значительно ухудшились из-за Курляндии. Показательно, что в это период впервые возникает напряжение России с Китаем (империя Цин) из-за территориальных споров (Китай хотел присоединить южную часть Сибири вплоть до Тобольска, где было много китайских жителей, а Россия этому противилась).

Со Швецией отношения были поначалу весьма враждебные; продолжались споры о петровских завоеваниях: Швеция угрожала, что не будет признавать Петра императором, если Россия не вернет Швеции Выборг. К концу правления Петра Второго, убедившись в том, что Россия сохраняет в полной мере боеспособность армии и флота, шведы переменили свое отношение.

После смерти Петра II в 1730 году Верховный Тайный Совет, фактически правивший Россией, принимает решение пригласить на российский престол Анну Иоанновну, дочь Иоанна Алексеевича, старшего брата и соправителя Петра Первого.

Пользуясь ситуацией, члены Верховного Тайного Совета решили ограничить самодержавную власть в свою пользу, потребовав от Анны подписания определенных условий, так называемых «Кондиций». Согласно «Кондициям», реальная власть в России переходила к Верховному Тайному Совету, а роль монарха сводилась к представительским функциям. 28 января 1730 года Анна подписала «Кондиции», согласно которым без Верховного Тайного Совета она не могла объявлять войну или заключать мир, вводить новые подати и налоги, расходовать казну, производить в чины выше полковника, жаловать вотчины, без суда лишать дворянина жизни и имущества, вступать в брак, назначать наследника престола.

Здесь мы подходим к важному моменту. После смерти авторитарного и жестокого Петра Первого, который был способен сочетать в самой своей личности ориентацию на Запад, европеизм, модернизацию, но в то же время имперские, вполне евразийские абсолютистские черты, верховные правители России оказываются слабыми или рано умирают. Так создается прецедент сосредоточения власти во властном органе, состоящем из аристократии. Иными словами, западничество начинает проникать и в политическую систему. В момент подписания «Кондиций» Анной Иоанновной мы имеем дело с попыткой аристократии из Высшего Тайного Совета узаконить такое положение дел и *ограничить самодержавие уже прямым правовым образом*, превратив Высший Тайный Совет в полноценный правящий орган. Здесь под угрозу поставлено не просто византийское сакральное самодержавие, по сути отмененное Петром, но и *светский абсолютизм*. Поэтому царствование Анны Иоанновны имеет важное значение; зная, чем заканчивались в русской истории подобные периоды боярского правления, можно было бы ожидать повторения Смутного времени, раздробленности и подъема центробежных движений. Но «Кондиции», подписанные Анной Иоанновной, сохраняли свою силу только месяц после их принятия. По инициативе гвардейцев уже в конце января императрица разорвала «Кондиции» и формально восстановила абсолютистскую форму правления.

В эпоху правления Анны Иоанновны европеизация русской аристократии продолжается. Власть сосредотачивается в руках конфидента императ-

рицы Бирона, получившего на нее огромное влияние еще в период пребывания в Курляндии. При дворе преобладают иностранцы, разделение аристократии и простого народа, намеченное при Петре Первом, становится еще более разительным. Анна Иоанновна делает ряд существенных уступок дворянскому сословию, но и в этой ситуации повышение статуса знати *не приводит к формированию полноценной феодальной системы*.

В эпоху Анны Иоанновны обостряются противоречия с Францией, которой в 1733 году удалось поставить своего ставленника в Польше — Станислава Лещинского. Для России это могло стать серьезной проблемой, т. к. Франция планировала создать блок государств вдоль границ России в составе Речи Посполитой, Швеции и Османской империи. Французская дипломатия еще во время войны с целью ослабления усилий России на Западе пыталась разжечь русско-турецкий конфликт. В 1735 году Россия вступает в войну с Турцией из-за следовавших на Кавказ и нарушивших границы войск татар. Так Анна Иоанновна возвращается к политике Петра на южном направлении.

Летом 1736 года крепость Азов успешно взята русскими. В 1737 году удалось взять крепость Очаков. В 1736—1738 годах было разгромлено Крымское ханство. В 1739 году русские войска разбили осман под Ставучанами и овладели крепостью Хотин. В сентябре 1739 года подписан мирный договор между Россией и Портой. По Белградскому договору Россия получила Азов без права держать флот, к России отошла небольшая территория на Правобережной Украине; Большая и Малая Кабарда на Северном Кавказе и значительная территория к югу от Азова были признаны «барьером между двумя империями».

В 1731—1732 годах объявлен протекторат над казахским Младшим жузом.

В 1740 году Анна Иоанновна умирает, подписав указ о наследовании престола малолетнему Иоанну Антоновичу, внуку своей старшей сестры Екатерины Иоанновны (чья дочь Анна Леопольдовна была супругой герцога брауншвейгского Антона-Ульриха) под регентством матери, Анны Леопольдовны, и Бирона. Иоанн Антонович при коронации был младенцем и формально правил только один год.

Правление Елизаветы

В 1741 году царский трон, опираясь на гренадерский Преображенский полк, захватывает дочь Петра Первого и Екатерины Первой Елизавета. Иоанн Антонович брошен в заточение, а регенты отправлены в ссылку.

Правление Елизаветы продолжает основную тенденцию Санкт-Петербургской эпохи, берущую свое начало в реформах Петра. Елизавета расширяет права дворянства. При дворе царят иностранные нравы. Водораздел между двумя культурами — господской и крестьянской — продолжает расти.

В 1740 году Швеция объявила войну России. Русские войска под командованием генерала Ласси разгромили шведов в Финляндии и заняли ее территорию. Абоский мирный трактат (Абоский мир) 1743 года завершил войну. Трактат был подписан 7 августа 1743 года в городе Або (ныне Турку, Финляндия). 21 статья мирного трактата устанавливала между странами вечный мир и обязывала их не вступать во враждебные союзы. Подтверждался

Ништадтский мирный договор 1721 года. К России отходили Кюменегорская провинция с городами Фридрихсгамом и Вильманстрандом, часть Саволакской провинции с городом Нейшлотом.

После того как при Анне Иоанновне в состав России вошел Младший Казахский жуз, в 1740—1743 то же повторяет Средний жуз.

В эпоху правления Елизаветы Россия принимает участие в Семилетней (1756—1763) на стороне Франции, Испании, Австрии, Швеции и Саксонии (против Англии, Португалии и Пруссии). 1 сентября 1756 года Россия объявила войну Пруссии. В начале 1758 года русские войска овладели Кенигсбергом, затем — всей Восточной Пруссией, получившей статус провинции России. В августе 1758 года при деревне Цондорф произошло сражение, в котором победу одержали русские. 1 августа 1759 года 58-тысячная русская армия у деревни Кунерсдорф против 48 тысяч прусской армии дала генеральное сражение. Армия Фридриха II была уничтожена: осталось только 3 тысячи солдат. 28 сентября 1760 года произошло взятие Берлина.

В Семилетней войне основными геополитическими противниками были англичане и французы. Поэтому позиция России состояла в выборе между Англией и Францией. Решение Елизаветы было в пользу Франции. Это предопределило и войну с Пруссией.

Англия как талассократия

Чтобы корректно понять геополитическую ситуацию в России XVIII века и позицию России в Семилетней войне, необходимо сделать краткий экскурс в историю Британской империи.

Англия начинает двигаться к становлению мощной морской державой после разгрома в 1588 году испанской «Непобедимой Армады». До этого в мировом океане лидировали испанцы и португальцы. Но отныне мощь Испанской империи была подломлена, и в дальнейшем Испания не представляла особой угрозы для развития будущей Британской империи.

Крупнейший немецкий геополитик Карл Шмитт[1] пишет: «Королева Елизавета вполне заслуженно считается великой основательницей английского морского господства. Она вступила в борьбу с мировой гегемонией католической Испании. Во время ее правления была одержана победа над испанской армадой в проливе Ла-Манш (1588); она воодушевляла и чествовала таких героев моря, как Френсис Дрейк и Уолтер Рэлли; из ее рук в 1600 году получила торговые привилегии английская Ост-Индская торговая кампания, покорившая впоследствии под английское владычество всю Индию. За 45 лет ее правления (1558—1603) Англия стала богатой страной, какой прежде не являлась. Раньше англичане занимались овцеводством и продавали во Фландрию шерсть; теперь же со всех морей к английским островам устремились сказочные трофеи английских пиратов и корсаров. (...) Сотни тысяч англичан и англичанок стали тогда "корсар-капиталистами", corsairs capitalists. Это также относится к стихийному повороту от земли к морю».

С этого момента Англия, бывшая прежде сухопутной европейской державой, становится на путь «Морского могущества» (Sea Power). Это поворотный момент. Карл Шмитт показывает, что не все морские державы восприняли вызов Моря так глубоко, как это сделала Англия с конца XVI века.

---

[1] *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А. Основы геополитики. М., 2000.

Испания сохранила основные сухопутные цивилизационные устои, равно как и Франция, несмотря на объемы своих заморских владений. Англия же пошла дальше других и проделала *внутреннюю трансформацию*, *встав на сторону Моря*, продолжая тем самым геополитическую линию Карфагена, Афин или Венеции. Шмитт пишет об этом:

«Британское владычество над землей посредством моря вобрало в себя все отважные подвиги и достижения в мореплавании, содеянные немецкими, голландскими, норвежскими и датскими моряками. Правда, великие колониальные империи других европейских народов продолжали существовать и в дальнейшем. Португалия и Испания сохранили огромные владения за океаном, но утратили морское господство и контроль над морскими коммуникациями. С высадкой и закреплением войск Кромвеля на Ямайке в 1655 году была решена общеполитическая всемирно-океаническая ориентация Англии и заокеанская победа над Испанией. Голландия, достигшая около 1600 года расцвета своего морского могущества, уже сто лет спустя, в 1700 году, стала в большей степени сухопутной, континентальной страной. Ей пришлось возводить сильные полевые укрепления и обороняться от Людовика XIV на суше; ее наместник Вильгельм III Оранский в 1689 году становится одновременно королем Англии; он переселился на острова и проводил теперь уже не собственно голландскую, но английскую политику. Франция не выдержала того великого исхода к морю, который был связан с гугенотским протестантизмом»[1].

В XVIII веке Англия (после 1707 года — Великобритания) вырастает в ведущую мировую колониальную державу, а Франция становится ее главным соперником на имперском пути.

Начавшаяся в 1756 году Семилетняя война была первой войной, ведущейся в глобальном масштабе: бои шли в Европе, Индии, Северной Америке, в Вест-Индии, на Филиппинах и на берегах Африки. Подписание Парижского мирного договора имело важные последствия для будущего Британской империи. В Северной Америке с французскими колониями было практически покончено. Франция признала британские претензии на землю Руперта, передала Новую Францию Великобритании, оставив под британским контролем значительное франкоговорящее население, а Луизиану уступила Испании в качестве компенсации за потерю Флориды, также перешедшей к Великобритании. В Индии в результате третьей карнатской войны под контролем Франции остались ее анклавы, но с ограничениями в численности военных гарнизонов и с обязательством снабжать британских сателлитов, поставив французские колонии в Индии в подчиненное положение по отношению к британским. Таким образом, победа Великобритании над Францией во время Семилетней войны сделала ее главной мировой колониальной державой.

Хотя Россия уже при Петре сталкивалась с конкуренцией со стороны Англии в отношении морской торговли в Северных морях, это противостояние было еще весьма относительным. В эпоху Семилетней войны геополитическая картина принимает очертания, уже отдаленно напоминающие те, которые станут базовой геополитической картой мира в эпоху Маккиндера. Франция и Испания выступают как главные европейские конкуренты Англии в битве за колонии. При этом именно Великобритания в этот период

[1] *Шмитт К.* Земля и Море.

уже воплощает в себе «цивилизацию Моря», обладающую глобальным масштабом. Основа имперского могущества Великобритании — пиратство, работорговля, коммерция. Именно открытая морская торговля становится основой военного, политического и экономического могущества. По Карлу Шмитту, глубокое проникновение в стихию Моря способствует *промышленной революции* в Англии.

Морской Великобритании в Семилетней войне противостоят европейские континентальные державы — Франция, Испания и Австрия, а ее союзником оказывается недавно усилившаяся Пруссия. Показательно, что на этот раз Россия, представляющая собой территорию Heartland'a, а следовательно, ядро «цивилизации Суши», оказывается союзницей европейских континентальных, «сухопутных» держав. Относительная европейская Суша в союзе с абсолютной Сушей, Россией-Евразией, оказываются по одну сторону баррикад в масштабном конфликте, развертывающемся на разных континентах и называемом некоторыми историками первой «мировой войной» в истории человечества.

С этого момента мы можем фиксировать постепенную кристаллизацию основных геополитических полюсов, что ранее было не столь очевидно и не достигало планетарных масштабов. *Полюс цивилизация Моря, талассократия, отныне располагается в Англии* и политически совпадает с метрополией мировой Британской Империи. Именно Англия теперь будет выступать как ядро «морского могущества». А Россия, прочно вставшая на позицию цивилизации Суши, окончательно зафиксировав *евразийский геополитический маршрут*, постепенно выходит на линию прямого противостояния с Англией. Пока еще эта планетарная дуэль не осознана ясно ни одним из игроков, и логику альянсов предопределяют локальные соображения: противоречия между Австрией и Пруссией, с одной стороны; прусско-английский альянс, с другой; угроза возвышающейся Пруссии для западных и северо-западных границ России, с третьей; колониальная конкуренция в Азии между Англией и Францией и в Америке — между Англией и Испанией, с четвертой, и т. д. Но зная дальнейшее развертывание геополитических тенденций, мы можем различить уже в царствование Елизаветы Петровны *прообраз той геополитической карты мира*, с которой мы имеем дело вплоть до настоящего момента. Политика и международные отношения многократно повернутся самыми разными сторонами, и разные европейские державы окажутся неоднократно то в положении врагов, то в положении союзников — как относительно друг друга, так и по отношению к России. Но геополитический контур планетарного масштаба уже намечен: *к столкновению движутся два геополитических полюса — Англия (Море) и Россия (Суша). И* хотя можно считать, что Британская Империя в этот период уже воплощает в себе отчетливо и прозрачно новое издание морского могущества, а Россия ведет себя неопределенно и ситуативно, оставаясь в тени более последовательных и активных европейских континентальных держав, можно вывести ее будущую роль из структуры самой ее географии: занимая территорию Евразии и придерживаясь абсолютистской версии политической власти, а также сохраняя в своей основе традиционное общество, Российская Империя начинает проявлять себя как *сухопутная сила мирового масштаба, как оплот теллурократии*.

Таким образом, период царствования Елизаветы для геополитической истории России имеет важнейшее значение: отсюда мы можем отсчитывать

начало глобального *англо-русского противостояния,* которое будет постепенно развиваться в модель планетарной поляризации сил Востока и Запада, Евразии и Атлантики.

Карл Шмитт так резюмировал становление Англией мировой морской державой так:

«Маленький остров на северо-западной стороне Европы стал центром всемирной империи благодаря тому, что оторвался от земли и сделал решающий выбор в пользу моря. В чисто морском существовании он обрел средство мирового господства, простирающегося во все концы Земли. После того, как отделение земли от моря и раздор обеих стихий стали однажды основным законом планеты, на этом фундаменте был возведен огромный каркас ученых мнений, аргументов и научных систем, посредством которых люди обосновывали мудрость и разумность этого положения дел, упуская из виду первичный факт британского покорения моря и временную обусловленность этого факта»[1].

Екатерина Великая: абсолютизм и русская экспансия

Пришедший в 1761 году на смену Елизавете Петр III, сын старшей сестры Елизаветы Анны (и, соответственно, внук Петра Первого), и герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха, бывший сторонником Пруссии, немедленно вернул последней все завоеванные земли.

Новый император намерился в союзе с Пруссией выступить против Дании (союзницы России), с целью вернуть отнятый ею у Гольштейна Шлезвиг, причем сам намеревался выступить в поход во главе гвардии. Лишь новый дворцовый переворот и восшествие на престол Екатерины II предотвратили военные действия России против бывших союзников — Австрии и Швеции.

Петр объявил о секвестре имущества Русской церкви, отмене монастырского землевладения и делился с окружающими планами о реформе церковных обрядов. Сторонники переворота обвиняли Петра III в «невежестве», «слабоумии», «нелюбви к России», «полной неспособности к правлению». На его фоне выгодно смотрелась его супруга София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, получившая имя «Екатерина Алексеевна» после перехода из лютеранства в Православие.

Екатерина с опорой на гвардейцев, а также на влиятельных аристократов (Орловы, Хитровы, Потемкины), решилась на захват власти. Ранним утром 28 июня 1762 года, пока Петр III находился в Ораниенбауме, Екатерина в сопровождении Алексея и Григория Орловых приехала из Петергофа в Санкт-Петербург, где ей присягнули на верность гвардейские части. Петр III, видя безнадежность сопротивления, на следующий день отрекся от престола, был взят под стражу и погиб при невыясненных обстоятельствах.

После отречения мужа Екатерина Алексеевна вступила на престол как царствующая императрица с именем Екатерины II, издав манифест, в котором основанием для смещения Петра указывались «попытка изменить государственную религию и мир с Пруссией». 22 сентября 1762 года она была коронована в Москве.

---

[1] *Шмитт К.* Земля и Море.

Некоторые историки считают эпоху правления Екатерины Второй «золотым веком Российской империи».

За время ее царствования территория Российского государства существенно возросла за счет присоединения плодородных южных земель Крыма, Причерноморья, а также восточной части Речи Посполитой. Население возросло с 23,2 млн (в 1763 году) до 37,4 млн (в 1796 году), Россия стала самой населенной европейской страной (на нее приходилось 20 % населения Европы). Екатерина II образовала 29 новых губерний и построила около 144 городов.

После первой турецкой войны Россия приобретает в 1774 году важные пункты в устьях Днепра, Дона и в Керченском проливе (Кинбурн, Азов, Керчь, Еникале). Затем в 1783 году присоединяются Балта, Крым и Кубанская область. Вторая турецкая война оканчивается приобретением прибрежной полосы между Бугом и Днестром (1791). Благодаря всем этим приобретениям, Россия укрепляется на Черном море.

В то же время польские разделы отдают России Западную Русь. По первому из них в 1773 году Россия получает часть Белоруссии (губернии Витебская и Могилевская); по второму разделу Польши (1793 году) Россия получила области: Минскую, Волынскую и Подольскую; по третьему (1795—1797 годы) — литовские губернии (Виленскую, Ковенскую и Гродненскую), Черную Русь, верхнее течение Припяти и западную часть Волыни. Одновременно с третьим разделом присоединено было к России и герцогство Курляндское.

При царе Картли и Кахети Ираклии II (1762—1798) объединенное Картлийско-Кахетинское государство обращается к России для защиты от Персии и Турции. В 1783 году Россия и Грузия подписали Георгиевский трактат, устанавливающий российский протекторат над царством Картли-Кахети в обмен на военную защиту России.

В период правления Екатерины началась российская колонизация Алеутских островов и Аляски.

В 1764 году нормализовались отношения между Россией и Пруссией, и между странами был заключен союзный договор. Этот договор послужил основой образования Северной системы — союза России, Пруссии, Англии, Швеции, Дании и Речи Посполитой против Франции и Австрии. Русско-прусско-английское сотрудничество продолжилось и далее.

В третьей четверти XVIII века шла борьба североамериканских колоний за независимость от Англии — буржуазная революция привела к созданию США. Война Англии, Франции и Испании осложняла морскую торговлю остальных европейских стран. В 1780 году русское правительство приняло «Декларацию о вооруженном нейтралитете», поддержанную Данией, Швецией, позднее Нидерландами, Пруссией, Австрией, Португалией, королевствами обеих Силиций (суда нейтральных стран имели право вооруженной защиты при нападении на них флота воюющей страны). Этот договор был, в первую очередь, направлен против Англии, потому его отчасти признали Испания, Франция и США. После заключения Версальского мирного договора 1783 года «вооруженный нейтралитет» распался.

В европейских делах роль России возросла во время австро-прусской войны 1778—1779 годов, когда она выступила посредницей между воюющими сторонами на Тешенском конгрессе, где Екатерина, по существу, продиктовала свои условия примирения, восстанавливавшие равновесие в Европе.

После этого Россия часто выступала арбитром в спорах между германскими государствами, которые обращались за посредничеством непосредственно к Екатерине.

Одним из грандиозных планов Екатерины на внешнеполитической арене стал так называемый Греческий проект — совместные планы России и Австрии по разделу турецких земель, изгнанию турок из Европы, возрождению Византийской империи и провозглашение ее императором внука Екатерины — великого князя Константина Павловича. Согласно планам, на месте Бессарабии, Молдавии и Валахии создается буферное государство Дакия, а западная часть Балканского полуострова передается Австрии. Проект был разработан в начале 1780-х годов, однако осуществлен не был из-за противоречий союзников и отвоевания Россией значительных турецких территорий самостоятельно.

После Французской революции Екатерина выступила одним из инициаторов антифранцузской коалиции и установления принципа легитимизма. Ей принадлежат слова: «Ослабление монархической власти во Франции подвергает опасности все другие монархии».

Геополитический анализ Екатерининского времени

Эпоха Екатерины, с точки зрения геополитики России, представляет собой апогей петровских инициатив. Социологическая формула Петра, представляющая собой европейский фасад с глубинным евразийским, восточным содержанием и основанный на массовом сохранении традиционного общества с преобладанием аграрного производства, реализуется при Екатерине в максимальном масштабе. Историки часто называют такую модель «просвещенным абсолютизмом», т. е. сочетанием стиля европейского Нового времени с мощной централистской моделью власти и ее деспотическим характером.

Конечно, в правлении Екатерины можно четко выделить два периода: до Французской революции и после (вплоть до смерти в 1796 году). До Французской революции Екатерина искренне следует за учением просветителей, переписывается с некоторыми из них, покровительствует свободным наукам и искусствам, относительно спокойно относится к религиозному инакомыслию, потворствует распространению масонских лож. При Екатерине расцветает служилое дворянство, тесня наследственную высшую боярскую аристократию и привилегии княжеских родов. Так, к власти поднимается новое поколение деятельных и активных служилых людей. Но и на этом этапе сущность властных механизмов и моделей управления остается деспотической и полностью зависимой от воли императрицы.

Напуганная цареубийством и революционным террором, после Французской революции Екатерина переходит на более консервативные позиции, начинает тормозить европеизацию, модернизацию и реформы и, напротив, склоняется к поддержке традиционного социального, политического и религиозного уклада. Однако показательно, что такой консервативный поворот не отменяет ориентации на Европу и общей установки русского общества на европейские образцы, т. е. представляет собой лишь осциллятивные колебания в рамках одной и той же модели, а не ее смену. Екатерининский прогрессизм не уводит ее далеко от деспотических начал правления, а поздний консерватизм не отменяет ориентации на Европу.

Французская революция привносит в европейскую геополитику новый элемент. Теперь антифранцузские державы, в первую очередь Англия и Австрия, становятся союзниками еще и по идеологическим соображениям — перед лицом антимонархической революции, и Екатерина видит место России именно среди этих держав. Но и ранее, в эпоху Северной системы Россия оказывается среди североевропейских держав, противостоящих Франции и Австрии.

Мы можем выделить в екатерининскую эпоху следующие важнейшие геополитические тенденции.

1. Расширение территориальных границ России: к западу (окончательная интеграция Запорожской Сечи и переселение казаков на Кубань, раздел Польши), к югу (установление контроля над Крымом, северным Причерноморьем, Закавказьем), к востоку (вплоть до распространения русской экспансии на Аляску и западное побережье Северной Америки). Интеграция евразийского континента идет полным ходом.

2. Отсутствие трений с Англией как ядром талассократии. На этом этапе Россия не проявляет своей сухопутной сущности по контрасту с морской силой Великобритании. Более того, Англия чаще всего оказывается союзницей России в большинстве европейских вопросов. Следовательно, линия напряженности между цивилизацией Моря и цивилизацией Суши на этом историческом отрезке не заострена и не зафиксирована.

3. Греческий проект воспроизводит на новом историческом витке геополитические планы патриарха Никона, связанные с перспективой масштабной войны с Османской империей и воссоздания «новой Византии» с центром в Российской Империи. В этом мы видим очередное издание традиционного для Руси византизма, только в совершенно новом идеологическом обличии — просвещенного абсолютизма и светской, европейски ориентированной державности. Православие наличествует в этом проекте достаточно условно, т. к. реальные позиции церкви в российском обществе остаются довольно второстепенными, и ни о каком возврате к византийской симфонии властей речи не идет. Греческий проект Екатерины носит, скорее, просвещенческий и отчасти масонский характер — в духе характерной для французских и английских масонов идеи о необходимости освобождения угнетенных «наций» и создания национальных государств (применительно к балканским народам — сербам, болгарам, грекам и т. д., находящимся под контролем Османской империи).

Павел I: в преддверии континентального альянса

После смерти Екатерины в 1796 году на российский престол восходит сын Петра Третьего и Екатерины Второй император Павел. Павел рассматривал основные черты правления своей матери, от которой был весьма далек, неверными и стремился завести в государстве совершенно иные порядки. Образцом для Павла была суровая дисциплина прусского военизированного общества. Павел интересовался рыцарством, средневековым духом и спиритуалистическим масонством.

Взойдя на престол, Павел отменил Петровский указ о назначении самим императором своего преемника и установил четкую систему престолонаследия. С того момента престол мог быть унаследован только по мужской линии, после смерти императора он переходил к старшему сыну или следую-

щему по старшинству брату, если детей не было. Женщина могла занимать престол только при пресечении мужской линии. Этим указом Павел исключал дворцовые перевороты, когда императоры свергались и возводились силой гвардии, причиной чему было отсутствие четкой системы престолонаследия.

Павел переорганизовал армию на прусский лад. За нерадивость и расхлябанность, грубое обращение с солдатами император лично срывал эполеты с офицеров и генералов и отправлял их в Сибирь.

В 1798 году Россия вступила в антифранцузскую коалицию с Великобританией, Австрией, Турцией, Королевством обеих Сицилий. Главнокомандующим русскими войсками был назначен А. В. Суворов как лучший полководец Европы. В его ведение также передавались и австрийские войска. Под руководством Суворова Северная Италия была освобождена от французского господства. В сентябре 1799 года русская армия совершила знаменитый переход Суворова через Альпы. В 1798 году Россия вступила во 2-ю антифранцузскую коалицию (Великобритания, Австрия, Турция, Неаполитанское королевство). Была создана объединенная русско-австрийская армия для похода в северную Италию, захваченную войсками Французской Директории. Результатом итальянского похода стало освобождение в короткие сроки Северной Италии от французского господства. После освобождения Северной Италии Суворов предполагал развернуть наступление на Францию, нанося главный удар в направлении Гренобль, Лион, Париж. Но этот план был сорван союзниками, опасавшимися усиления влияния России в районе Средиземного моря и Италии. Великобритания и Австрия решили удалить русскую армию из Северной Италии.

Постоянной чертой всего правления Павла (даже на раннем этапе) была его устойчивая неприязнь к Англии.

После того как в сентябре 1800 года англичанам удалось захватить Мальту, Павел I приступил к созданию антианглийской коалиции, в которую должны были войти Дания, Швеция и Пруссия.

Незадолго перед его убийством он совместно с Наполеоном стал готовить военный поход на Индию, чтобы «тревожить» английские владения. Одновременно с этим он послал в Среднюю Азию войско Донское, в задачу которого входило завоевание Хивы и Бухары.

Это сближение Российской Империи с наполеоновской Францией, возможно, предопределило судьбу Павла. Против него формируется заговор, в котором, по мнению многих историков, важную роль играет Англия и конкретно высланный 18 марта 1800 из России английский посол лорд Уитворт. Уитворт был чрезвычайно активен в вопросе проведения английских интересов при Екатерине (он был послом Англии в России с 1788 года) и несколько раз сглаживал обостряющиеся отношения между двумя странами. Уитворту удалось организовать при русском дворе влиятельное лобби, ориентированное на приоритетную поддержку английских интересов (А.А. Безбородко, граф А.Р. Воронцов, Н.П. Панин). После того как Павел стал занимать последовательно антианглийскую позицию и сближаться с Наполеоном, Уитворт, по всей вероятности, поддержал, а то и спровоцировал убийство императора. По меньшей мере, он стал распространять слухи о «невменяемости» и «душевной болезни» Павла (за что и был выслан). Кроме того, инициатором цареубийства и одним из главных заговорщиков был протеже Уитворта, убежденный англофил Никита Петрович Панин. В 1797 году

Панину, назначенному Павлом послом в Берлин, была поставлена задача налаживать отношения с Францией, но верный своим английским симпатиям, Панин откровенно саботировал этот процесс, вместо этого интригуя за спиной Павла против союза с Францией и участвуя в создании проанглийской и антифранцузской коалиции. В конце 1799 года Панин получил чин вице-канцлера. В 1800 году Уитворт был послан английским правительством в Копенгаген, чтобы предотвратить союз Дании с Павлом I. Отсюда он поддерживал связь с англофильски настроенным кружком русских вельмож во главе с опальными братьями Зубовыми и их сестрой Жеребцовой. Через них Уитворт содействовал организации убийства Павла I, после чего на время была устранена угроза русско-французского союза против Англии. «Англия, вероятно, субсидировала заговорщиков», — писал историк Валишевский[1] со ссылкой на английские источники.

Павел I был зверски забит и задушен офицерами в собственной спальне в ночь на 12 марта 1801 года в Михайловском замке.

Геополитический заговор

Итоги недолгого правления императора Павла, как и его личность, историками оцениваются по-разному. С геополитической точки зрения нас интересует его внешняя политика.

Картина расклада сил в Европе его времени напоминает ту, которая сложилась в царствование Елизаветы, и существенно отличается от второй половины правления Екатерины Великой.

В ноябре 1799 года Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот, в результате которого стал первым консулом, фактически сосредоточив тем самым в своих руках всю полноту власти и установив диктаторский режим.

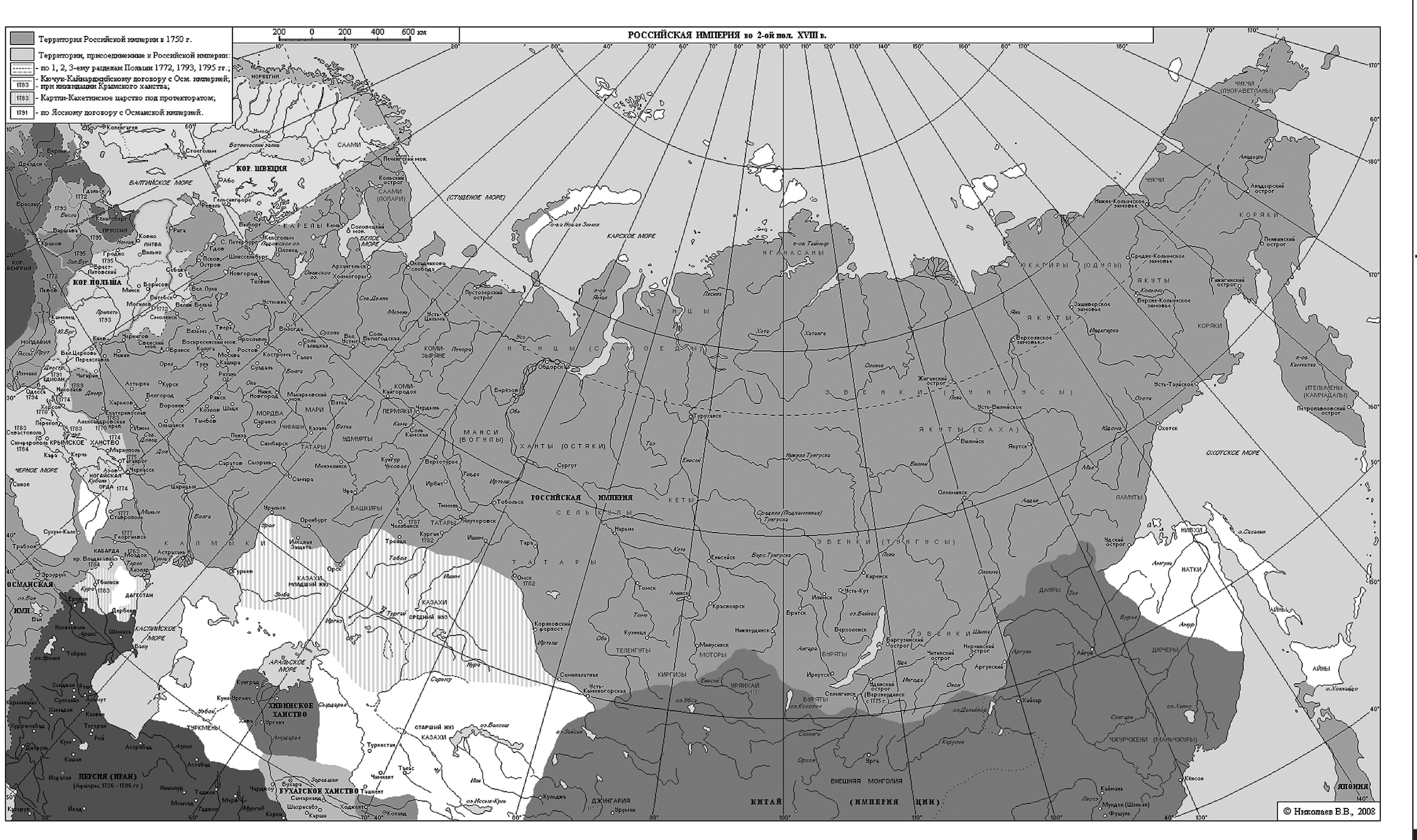
Начав свои войны в Европе, Наполеон стремился обеспечить всеевропейское господство Франции, что не могло не нарушить баланс сил на континенте. А за сохранение этого баланса ратовала Великобритания. В таких условиях конфликт наполеоновской Франции с «владычицей морей» был неизбежен.

Наполеон бросает вызов Англии и вступает с ней в радикальное противостояние. Снова в Европе складывается геополитическая ситуация, обнажающая глубинные константы геополитической карты планеты, которые в полной мере обнаружатся несколько позже. Франция Наполеона и ее союзники, а также страны, попавшие в зону влияния Наполеона, представляются собой *европейскую Сушу*, теллурократию. Англия к тому времени традиционно и неизменно является полюсом талассократии, *морского могущества*.

Поворот России к союзу с Наполеоном, наметившийся при Павле, ставил Англию в сложное положение. Две могущественные континентальные державы сухопутной ориентации заключали между собой *альянс*, который угрожал мировому господству Англии. В такой ситуации создавались предпосылки для интеграции пространств Европы и Евразии под антианглийской эгидой. Подобного рода альянс, скорее всего, привел бы к краху Британской империи.

---

[1] *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. СПб, 1914.

Ил. 43. Расширение Российской Империи во второй половине XVIII века

Весьма показательно, что Павел и Наполеон совместно планируют Индийский поход. Цель его — ударить по английским колониям в Индии параллельно тому, как в Европе устанавливалась торговая блокада Англии. Объединив усилия, Россия и Франция, обе бывшие в то время на подъеме, обладали достаточным потенциалом для того, чтобы нанести талассократии сокрушительный удар.

В этом альянсе России с Наполеоновской антианглийской Францией мы можем увидеть прообраз *континентального блока*, который под другими формами будет складываться в последующие эпохи. И естественно, в такой ситуации главная задача Великобритании состояла в том, чтобы сорвать намечающийся сухопутный теллурократический пакт.

Убийство императора Павла и передача трона его сыну Александру Павловичу представляют собой прецедент *активного вмешательства геополитической агентуры влияния в судьбу России в интересах цивилизации Моря*. В этой ситуации геополитические мотивы проникают и во *внутреннюю* политику, а Англия напрямую вмешивается в принятие важнейших решений в международной сфере суверенной и могущественной российской державы.

Заговор против императора Павла, завершившийся его зверским убийством, представляет собой образец заговора, имеющего под собой ярко выраженную *геополитическую* подоплеку. Здесь впервые ведущую роль играют внешнеполитические соображения — а не только династические, индивидуальные, психологические и т. д.

Русская геополитика XVIII века: итоги

Подводя итоги геополитики XVIII века от Петра до Павла, мы можем сказать, что Россия в этот период развивалась в рамках просвещенного абсолютизма, и авторитарный централистский характер такой системы являлся важнейшим фактором укрепления державы и расширения ее владений. Практически во все периоды этого века мы имеем дело с сочетанием внешнего европейского фасада, распространения стилей, наук, искусств, манер поведения западноевропейского общества в сочетании с традиционным образом жизни широких крестьянских масс и с продолжением геополитической экспансии России как сухопутной континентальной евразийской державы.

Каждый следующий властитель в этот период приумножал территории страны, укреплял ее влияние в международной жизни, заботился о безопасности и защищенности границ.

Наиболее впечатляющие рывки в этом направлении приходятся на периоды царствования Петра и Екатерины Великой. В эти промежутки укрепление геополитических позиций России идет стремительно и в широком масштабе.

При этом постепенно намечаются планетарные противоречия между Англией как стремительно укрепляющимися планетарным полюсом талассократии и Россией как постепенно расширяющейся зоной интегрированного и усиливающегося Heartland'а. От частных и обусловленных региональным раскладом сил противоречий между Россией и Англией к концу XVIII столетия мы приходим к обострению отношений между цивилизацией Суши и цивилизацией Моря, кульминацией которого является геополитическая подоплека убийства императора Павла талассократической агентурой влияния (Н. Панин).

Так закладываются основные силовые линии последующих веков — и в частности, предпосылки «Большой Игры», которая станет лейтмотивом геополитики века XIX.

Библиография

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998
Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, Издательство: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России XVIII — первая половина XIX века. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб, 1904.
Леонтьев М.В. Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008.
Манфред А.З. Великая французская революция. М, 1983.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007.
Россия и Европа: Хрестоматия по русской геополитике. М.: Наука, 2007
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М: Аграф, 1997.
Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Изд. Д. Самарина, 1880.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 — начало 20-х годов XVIII века. М.: АСТ, Фолио, 2001.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.
Хомяков А. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.
Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill, 2006.
Thomson G.S. Catherine the Great and the expansion of Russia. London, Published by Hodder & Stoughton for the English Univ. Press, 1985.

Глава 7

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Александр Первый: от восхождения на престол до Тильзитского мира

Заговор против Павла и его убийство, по мнению историков, были осуществлены с ведома его сына Александра Павловича. Следовательно, коронация Александра отвечала планам заговорщиков. Если мы вспомним, что они придерживались проанглийской ориентации, и сама Великобритания принимала в этом непосредственное участие, мы вправе ожидать от нового царя проанглийской политики сразу после его вступления на престол. И действительно, именно это и происходит. Еще до своего коронования 15 сентября 1801 года Александр Первый делает ряд внешнеполитических шагов, направленных в прямо *противоположном* русле, нежели политика Павла. Так 5 июня 1801 года в Петербурге была подписана русско-английская конвенция, полностью опровергающая все профранцузские шаги прежнего российского императора.

Далее, Александр продолжает действовать в том же ключе. В 1805 году по инициативе Англии была фактически создана новая антифранцузская коалиция, к которой примкнула Россия. Кульминацией стало Аустерлицкое сражение (2 декабря 1805 года), в котором сошлись три императора — французский «император» Наполеон, австрийский император Франц II и русский император Александр I. Сражение было полностью выиграно Наполеоном, после чего Австрия вышла из войны, а Россия продолжала сохранять верность обязательствам, взятым перед Англией, и как и прежде вела антифранцузскую политику.

Участие Российской Империи в «третьей» и «четвертой» антифранцузской коалициях является очень важным с геополитической точки зрения событием. В нем мы сталкиваемся с картиной, которая переворачивает естественные геополитические пропорции баланса сил на евразийском континенте.

Если в Семилетней войне при Елизавете и в последние годы правления императора Павла европейская геополитика совпадала с базовой геополитической картой мира (Англия как полюс цивилизации Моря; Франция, проводящая антианглийскую политику, как европейский полюс цивилизации Суши; и Россия как абсолютный полюс цивилизации Суши, Heartland'а), то при Екатерине Второй и при Александре Первом вся картина искажается. Одна из *сухопутных* держав, в данном случае Россия, оказывается на стороне Англии против другой *сухопутной* державы, в данном случае Франции, и особенно в случае Наполеоновской Франции (т. к. для Наполеона антианглийская политика была тем вектором, от которого

он никогда не отступал). Это приводит к конфликту *между двумя сухопутными державами*. И в этом случае геополитические дивиденды извлекает Англия, талассократия, которая, пользуясь таким внутриконтинентальным разделением, избегает катастрофических для себя и своей мировой морской империи последствий.

Очевидно, что Англия готовила такую модель с двух сторон — не только через проанглийское лобби в России, но и стараясь всячески поссорить с Россией Францию через сеть английских агентов влияния внутри и этой страны.

Поражение при Аустерлице не останавливает Россию. В сентябре 1806 года Пруссия начала войну против Франции, а 16 ноября 1806 года Александр объявил о выступлении Российской империи против Франции. 14 июня 1807 года Наполеон разгромил при Фридланде русскую армию Беннигсена. Продолжение проанглийской политики в Европе для России стало невозможным. Эта ситуация создала предпосылки для изменения внешней политики Александра. Под давлением обстоятельств он идет на заключение с Наполеоном Тильзитского мира.

Наполеон желал не только мира, но и союза с Александром и указывал ему на Балканский полуостров и Финляндию как на награду за помощь Франции в ее начинаниях; но отдать России Константинополь (продолжение Греческого проекта в духе Екатерины) он не соглашался. Важнейшим пунктом Тильзитского мира было требование присоединиться к континентальной блокаде (полному разрыву торговых отношений с Англией). Англичане в ответ на Тильзитский мир бомбардировали Копенгаген и увели датский флот. 25 октября 1807года Александр объявил о разрыве торговых связей с Англией. В 1808 — 1809 годах в духе антианглийской коалиции русские войска успешно провели русско-шведскую войну, присоединив к Российской империи Финляндию. 15 сентября 1808 года Александр I встретился с Наполеоном в Эрфурте и 30 сентября 1808 года подписал секретную конвенцию, в которой в обмен на Молдавию и Валахию обязался совместно с Францией действовать против Великобритании. Во время франко-австрийской войны 1809 года Россия как официальный союзник Франции выдвинула к австрийским границам корпус генрала С.Ф. Голицына, однако он не вел сколько-нибудь активных военных действий. В 1809 году произошел разрыв союза.

Субъективная геополитика

На два года, в течение которых Россия была союзницей наполеоновской Франции, снова восстановилась прямая геополитическая модель: две *сухопутные* державы (относительная и европейская Франция и абсолютная, евразийская Россия) оказались союзниками против морской Англии. Континентальная блокада английских товаров и совместное распределение усилий по реорганизации всего европейского пространства между двумя континентальными державами создавали уникальные предпосылки для полного подрыва мировой гегемонии Англии и демонтажа ее морской империи. Здесь проявилось очень важное обстоятельство: всякий раз, когда политические альянсы повторяют геополитические силовые линии, входят с ними в *прямое* соответствие, то происходит мощный политический и старетегический *резонанс*, укрепляющий позиции континентальных сил, объединяю-

щихся против морского конкурента (Британской империи). Такое соответствие можно назвать «*прямой геополитикой*», т. е. такой ситуацией, когда *внешнеполитические* инстанции действуют в соответствии с г*еполитическими* законами. Противопложная ситуация возникает тогда, когда политические решения начинают *отклоняться* от геополитической карты; в таком случае мы имеем дело с «*обратной геополитикой*».

С середины XVIII века в русской геополитике и в европейской геополитике в более широком контексте, начинает в полной мере действовать закон: *континентальные европейские державы выигрывают от союза с Россией, направленного против Англии, точно так же выигрывает от этого и Россия*. При этом, напротив, Англия всегда ослабевает перед лцином этого континентального фронта. Именно поэтому английская внешняя политика состоит в том, чтобы от *прямой геополитики* перейти к *обратной геополитике*, и, следовательно, поссорить между собой Россию с европейскими континентальными силами, образовав противоречивый и противоестественный, с геополитической точки зрения, альянс (либо Россия на стороне Англии против европейской континентальной силы, либо европейская континентальная держава на стороне Англии и против России).

Эти общие замечания подводят нас к важному заключению. Помимо *объективно* существующей геополитической карты мира и Европы наличествует еще *субъективный* фактор построения геополитической стратегии. Этот субъективный фактор всегда учитывает объективную карту и сочетается с ее закономерностями, но старается таким образом построить системы внешнеполитических шагов, альянсов, договоров, перемирий и войн, чтобы извлечь из этого максимальную выгоду. Так, начиная с определенного момента, мы можем говорить о возникновении «*субъективной геополитики*», т. е. не только о наличии силовых линий внутри геополитического поля, но и о сознательных и продуманных *манипуляциях* с этим полем, с попытками влияния на процессы, в нем разворачивающиеся.

Поэтому мы можем говорить о наличии *геополитических агентов влияния*, которые, исходя из интересов собственных держав, стараются активно повлиять на политику других стран с учетом геополитических закономерностей. Было бы анахронизмом приписывать политическим деятелям, статегам и дипломатам XVIII—XIX веков знания той геополитической модели, которая сложится окончательно лишь в начале XX века, но достаточно ясного осознания определенных закономерностей международной политики и внимательного осмысления интересов каждой из крупных держав того времени, чтобы софрмировать представление о наиболее эффективной стратегии. Так, Англия, создав мировую морскую империю, всегда была озабочена ее развитием, сохранением и расширением и учитывала при этом многочисленные факторы и корреляции сил других великих держав. Начиная с определенного момента, от английских стратегов не могло укрыться то обстоятельство, что широкая антианглийская коалиция континентальных европейских держав с участием евразийской России представляет реальную угрозу англосаксонскому доминированию (Pax Britanica) в глобальном масштабе. И из этого наблюдения английские политики делали конкретные практические выводы. Так, скадывались сети влияния *англофильского лобби* в разных европейских государствах и в России, задачей которых было оказывать воздействие на формирование внешней политики этих стран в английских интересах. И в частности, важнейшим направлением было *недопущение созда-*

ния континентальной коалиции с участием России. Это англофильское лобби мы вполне можем назвать «*сетью геополитического влияния*». И в данном случае со стороны английской морской сети приоритетной задачей было переход *от прямой геополитики*, подталкивающей европейские сухопутные державы к континентальному блоку с евразийской Россией, *к обратной геополитике*, построенной на прямо противоположном подходе: *военный конфликт между самими континентальными державами, разжигаемый Англией и служащий ее интересам*.

Среди высших государственных чинов периода правления Александра Первого убежденным англофилом был глава Комитета Министров граф Александр Романович Воронцов. Ту же самую геополитическую линию проводили и сторонники пропрусской ориентации (Пруссия была тогда союзницей Англии).

Кроме этого англофильского геополитического лобби существовали и иные сети. Так, мы вполне можем говорить о наличии в России XVIII – XIX веков профранцузской партии. Франкофилом был сменивший Воронцова на посту главы Комитета Министров Николай Петрович Румянцев. К сторонникам континентального альянса с Францией принадлежали также реформатор российской армии М. Л. Магницкий, фельдмаршал М.И. Кутузов, реформатор М.С. Сперанский и целый ряд других представителей влиятельной аристократии. В данном случае мы имеем дело со своего рода сетью геополитического влияния *теллурократии*, осмысливающих интересы России через ее оппонирование цивилизации Моря, т. е. Великобритании.

Именно наличием субъективной составляющей в геополитике объясняются многие международные процессы. Общая объективная геополитическая карта является тем *фоном*, на котором развертывается конкретика политической истории. И здесь вступает в дело субъективная геополитика — т. е. геополитические сети влияния, которые стремятся вовлечь соответствующие страны (включая свои собственные) в орбиту того или иного геополитического полюса — либо талассократического, либо теллурократического.

В эпоху царствования Александра Первого, с учетом жестко антианглийской ориентации Наполеона, эти сети геополитических агентов влияния в России видны невооруженным глазом. Впрочем, внимательный разбор поведения тех или иных высокопоставленных политических деятелей и более ранних эпох — начиная от Елизаветы до Павла Первого — также может привести нас к обнаружению некоторых аналогов сети вляиния субъективной геополитики. На протяжении XIX и вплоть до XX выявить эти структуры уже не представляет никакого труда.

Геополитика войны 1812 года

Отступление о субъективной геополитике позволяет нам дать корректный анализ геополитического смысла Отечественной войны 1812 года. Эта война шла против интересов и Франции, и России, но при этом была чрезвычайно выгодна Англии, т. к. в ходе нее *две континентальные теллурократические державы ослабляли друг друга*, истощая силы и создавая оптимальные условия для укрепления англосаксонской талассократии.

22 июня 1812 года Наполеон написал воззвание к войскам, в котором обвинил Россию в нарушении Тильзитского соглашения, а 24 июня приказал начать переправу на русский берег Немана. Так началось вторжение в Россию.

Военная стратегия Наполеона заключалась в том, чтобы дать русской армии генеральное сражение, в котором он рассчитывал добиться впечатляющей победы, а затем принудить Россию к миру на своих условиях. Военное руководство русской армии и император Александр Первый старались действовать противоположным образом: от генерального сражения всячески уклоняться, отступать, изматывать армии Наполеона небольшими арьергардными сражениями, заставляя французов растягивать коммуникации и удаляться от европейской территории к востоку. Показательно, что такой же тактики традиционно придерживались скифские воины и другие кочевые народы древней Евразии: они завлекали неприятельские войска на свои территории, изматывали их походами и погонями, пока, наконец, не заходили с тыла, обрезали связи с основной территорией и таким образом добивались победы.

29 августа 1812 русскую армию возглавил Михаил Илларионович Кутузов. Он посчитал, что уклоняться от генерального сражения далее невозможно — по политическим и моральным соображениям. Сражения требовало русское общество. К 3 сентября русская армия отступила к деревне Бородино, дальнейшее отступление подразумевало сдачу Москвы. Здесь Кутузов и решил дать генеральное сражение, т. к. баланс сил постепенно сместился в русскую сторону. Если в начале вторжения Наполеон имел троекратное превосходство в количестве солдат над противостоящей русской армией, то теперь численности армий были сравнимы: 135 тысяч у Наполеона против 110—130 тысяч у Кутузова.

7 сентября у деревни Бородино произошло крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 года между русской и французской армиями. После почти двухдневной битвы, представлявшей собой штурм французскими войсками укрепленной линии русских, французы ценой 30—34 тысяч своих солдат оттеснили левый фланг русских с позиции. Русская армия понесла тяжелые потери, и Кутузов приказал 8 сентября отступить на Можайск исходя из намерения сохранить армию.

В 4 часа дня 13 сентября в деревне Фили Кутузов приказал генералам собраться на совещание о дальнейшем плане действий. Большинство генералов высказались за новое генеральное сражение с Наполеоном, но Кутузов принимает иное решение и приказывает отступать. 14 сентября русская армия прошла через Москву и вышла на Рязанскую дорогу (юго-восток от Москвы). Ближе к вечеру в опустевшую Москву вступил Наполеон.

В Москве Наполеон фактически оказался в западне: зимовать в разоренном пожаром городе не представлялось возможным, т. к. фуражировки за пределами города плохо удавались, растянутые на тысячи километров коммуникации французов были очень уязвимы, армия после перенесенных лишений начинала разлагаться.

19 октября французская армия (110 тысяч) с огромным обозом стала покидать Москву по старой Калужской дороге. Наполеон в преддверии наступающей зимы планировал добраться до ближайшей крупной базы, Смоленска, где по его расчетам, были запасены припасы для французской армии, испытывающей лишения. Далее, Наполеона стали одна за другой

преследовать неудачи. На каждом этапе отступающих французов атаковали русские войска, заставляя их нести все новые и новые потери. Наконец, полностью разгромленные и подавленные французские войска вместе с Наполеоном подошли к реке Березине. Потеряв на переправе до 30 тысяч человек, Наполеон с 9 тысячами оставшихся под ружьем солдат двинулся к Вильно, присоединяя по пути французские дивизии, действовавшие на других направлениях. Преследование русских войск не дало возможности Наполеону собраться хоть немного с силами в Вильно, бегство французов продолжилось к Неману, разделявшему Россию от Пруссии и буферного государства Варшавское герцогство. 6 декабря Наполеон покинул армию, отправившись в Париж набирать новых солдат взамен погибших в России. Из 47 тысяч элитной гвардии, вошедшей в Россию с императором, через полгода осталось несколько сотен солдат. 14 декабря в Ковно жалкие остатки «Великой Армии» в количестве 1600 человек переправились через Неман в Польшу, а затем в Пруссию. Позднее к ним присоединились остатки войск с других направлений. Отечественная война 1812 года завершилась практически полным уничтожением вторгнувшихся многонациональных армий Наполеона.

После того как поражение Наполеона стало очевидным, позиции русского командования снова разделяются. Кутузов, например, понимая, что окончательное уничтожение Наполеона развяжет руки Англии, предлагает остановить преследование французских армий и сохранить Наполеона как антианглийский фактор европейской политики. Однако Александр Первый решает иначе. Война в январе 1813 года перешла в «Заграничный поход русской армии»: боевые действия переместились на территорию Германии и Франции. В октябре 1813 года Наполеон был разгромлен в битве под Лейпцигом и в апреле 1814 года отрекся от трона Франции.

31 марта 1814 года русский император Александр Первый во главе союзных войск вступил в Париж. Александр становится одним из руководителей Венского конгресса, установившего новый европейский порядок.

Итог этой войны состоял в следующем. Российская империя, хотя и ценой огромных потерь, сохранила свободу и независимость, укрепила свои международные позиции, продемонстрировала всему миру свою мощь и свои возможности. Западные рубежи были надежно укреплены. Франция потерпела катастрофическое поражение и утратила все европейские позиции, завоеванные победами Наполеона. Однако Россия в силу своего геополитического и географического положения не смогла воспользоваться тем *вакуумом сил* в Европе, который возник после сокрушительного поражения Франции. И это сыграло на руку Англии, которая, в свою очередь, воспользовалась плодами того, что одна сухопутная держава, враждебная Англии, разгромила другую, также враждебную.

Священный Союз и его геополитические импликации

Как и в случае Екатерины Великой, вторая половина царствования Александра Первого (1815—1825) была окрашена консервативными предпочтениями. После победы над Наполеоном и основных договоров по новому балансу сил в Европе на Венском конгрессе Александр Первый выступает инициатором заключения Священного Союза — объединения европейских монархов, сторонников сохранения традиционных социально-политиче-

ских и христианских устоев в Европе перед лицом нарастающих буржуазно-демократических движений. Священный Союз с самого начала вместе с Александром I поддержали император Франц I Австрийский и король Фридрих Вильгельм III Прусский. Позже к нему примкнули все монархи континентальной Европы. Хотя этот Союз не имел прямого стратегического и политического значения, а выражал скорее моральные и религиозные принципы консервативного христианского и монархического мировоззрения, англичане восприняли его с большой подозрительностью. С их точки зрения, Священный Союз являлся попыткой реорганизовать европейское пространство в антианглийском духе. Иными словами, они заподозрили в нем *теллурократический* смысл, приходящий на смену Наполеоновской теллурократии и угрожающий ограничить интересы Англии в Европе, а соответственно, и во всем мире.

Однако в силу скептических позиций как австрийских, так и прусских правителей в отношении моральной стороны Священного Союза и подозрений в отношении «тайных целей» этой русской инициативы, данное начинание не стало полноценным теллурократическим проектом. Стратегического и конкретно политического содержания он не получил, оставшись лишь образцом чрезвычайно интересной и многообещающей геополитической инициативы.

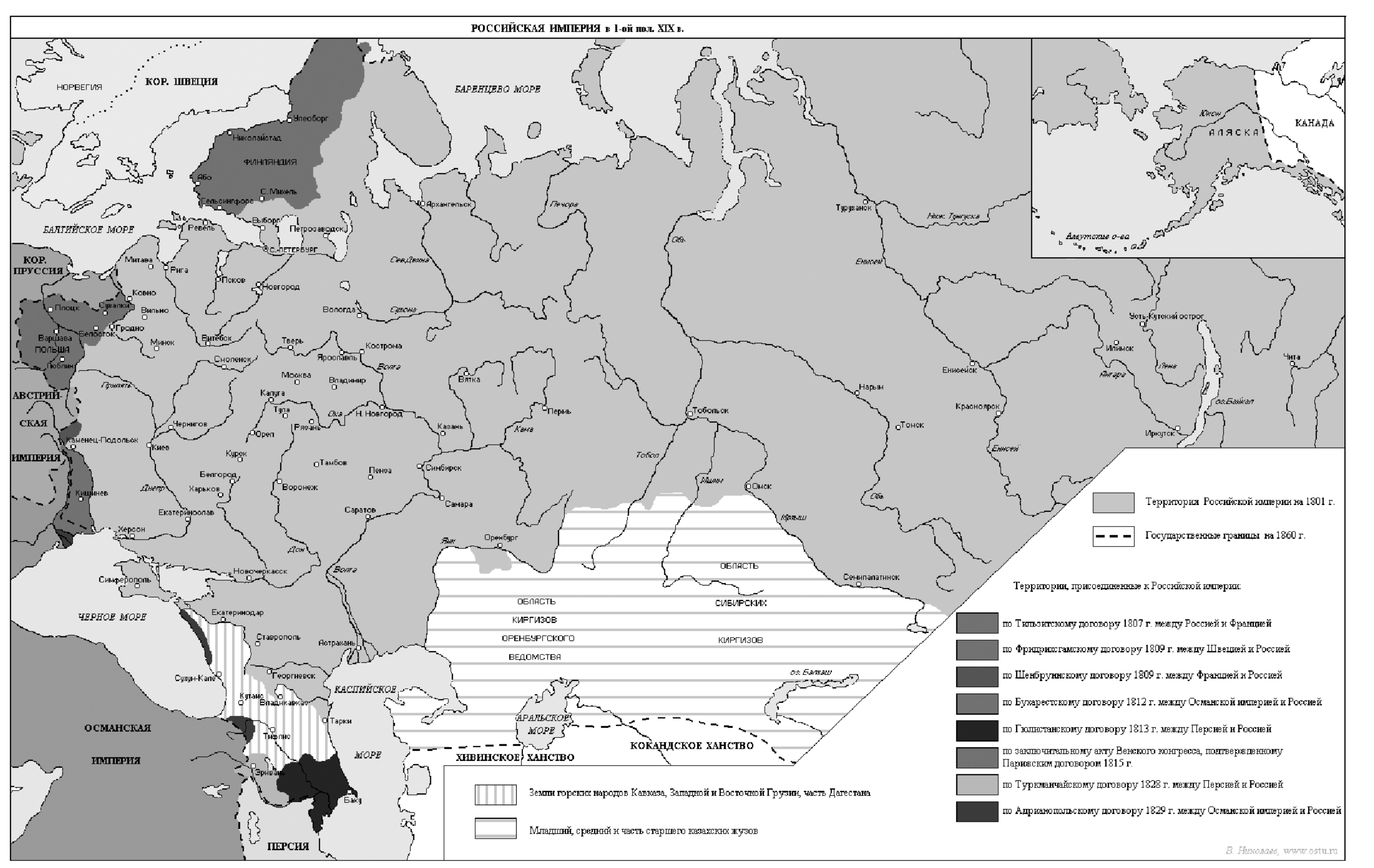
Показательно, что Священный Союз был направлен против подъема буржуазных течений в европейских державах. Это имеет важный социологический подтекст. Мы видели, что собственно талассократии, начиная с Карфагена, Афин, через Венецию, Голландию и вплоть до Британской империи были связаны именно с *торговлей*, купечеством. А море, как особая открытая стихия, предоставляла для торговли наиболее привлекательные условия. До определенного момента «море» и «торговля» были почти синонимами. Поэтому в самом духе буржуазии как класса (третье сословие) можно распознать определенные *талассократические черты*. В истории Англии эти темы переплетены самым тесным образом: ее становление морской мировой империей шло параллельно становлению великой торговой империей. *Подъем буржуазии и интенсивное развитие капиталистических отношений неразрывно связаны с освоением морских пространств*. В каком-то смысле *буржуазия есть морской класс*, а ее подвижность, гибкость, как и текучесть (ликвидность) финансов, отражают ее классовую и социально-психологическую сущность.

Карл Шмитт писал по этому поводу:

«После битвы при Ватерлоо, когда Наполеон был побежден в результате 20-летней войны, настала эпоха бесспорного морского владычества Англии. Эта эпоха продолжалась весь XIX век. Своей кульминации она достигла в середине века, после Крымской войны, окончившейся Парижской конфедерацией 1856 года. Эпоха свободной торговли была также временем свободного расцвета английского индустриального и экономического превосходства. Свободные морские просторы и свободная мировая торговля, свободный рынок соединились в представлении о свободе, олицетворением и стражем которой могла быть только Англия»[1].

В другом месте, ссылаясь на Гегеля и его работу «Основы философии права», Шмитт указывает на одно очень важное обстоятельство: Гегель в

[1] *Шмитт К.* Земля и Море // Дугин А. Основы геополитки. М.: Арктогея, 2000. С. 878.

Ил. 44. Рост территории России в первой половине XIX века

параграфе 247 «утверждает фундаментальную противоположность между Сушей и Морем, и развертывание этого 247 параграфа могло бы быть не менее значительным и важным, чем развертывание параграфов 243—246 в марксизме. Здесь утверждается связь промышленного развития с морским существованием. Этот 247-ой параграф содержит следующее решающее предложение:

«Подобно тому, как для супружества первым условием является твердая земля, Суша, т. к. для промышленности максимально оживляющей ее стихией является Море»»[1].

Промышленная революция и напрямую связанный с ней подъем третьего сословия — буржуазии — происходит именно в Англии не случайно. Будучи «морским классом», буржуазия достигает своего социального и политического апогея в *морской* империи.

Если мы учтем эту связь между буржуазией как классом и талассократией, на которую с опорой на Гегеля указывает Карл Шмитт, то мы сможем лучше понять, почему откровенно антибуржуазный Священный Союз нес в себе основательный теллурократический, евразийский потенциал. И тогда нам станет понятным, почему его не поддержала Англия (будучи при этом формально «консервативной», «монархической» и «христианской» страной), и почему она воспринимала его как вызов собственному могуществу.

Геополитические итоги правления Александра Первого

Александр Первый умер 19 ноября 1825 года в Таганроге в доме Папкова от горячки с воспалением мозга. После его смерти сложилось множество легенд, утверждающих, что на самом деле он ушел в скит под именем старца Федора Кузьмича, чтобы молиться за русскую землю. Возможно, таким образом народное сознание осмысляло мистические устремления последних лет Александра Первого, направленные на возвращение России ее священного свойства — служить преградой прихода в мир антихриста, черты которого царь видел в революционно-демократическом движении и подъеме буржуазного сословия в Европе. Его мистический консерватизм обозначал поворот в настроениях русских монархов — от европейской модернизации Петровских реформ к постепенному возврату к древнерусскому византизму.

За время правления Александра территория Российской империи значительно расширилась: в российское подданство перешли Восточная и Западная Грузия, Мингрелия, Имеретия, Гурия, Финляндия, Бессарабия, большая часть Польши (образовавшая царство Польское). Окончательно были установлены западные границы империи.

В царствовании Александра Первого мы видим намечающийся вектор *возврата* от санкт-петербургской государственности, начатой Петром, к прежним, старорусским ценностям и ориентирам. Геополитически же царь оставил Россию на пике ее военного могущества — с огромными территориями, отстоявшей свободу и независимость от основных противников, укрепившей границы по всей периферии, установившей свое влияние на бескрайних просторах Евразии. За всю предшествующую российскую историю размеры государства при Александре Первом достигли своего максимального объема.

---

[1] *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Дугин А. Основы геополитки. М.: Арктогея, 2000. С. 547.

Начало Большой Игры

С эпохи царствования Александра Первого, а точнее, с 1813 года, принято отсчитывать начало того, что в истории международных отношений принято называть «Большой Игрой» (Great Game). Так было окрещено английским разведчиком Артуром Конноли соперничество между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии (1813-1907). Позднее это явление, связанное с колониальной английской эпопеей в Индии, сделал популярным английский писатель Редьярд Киплинг.

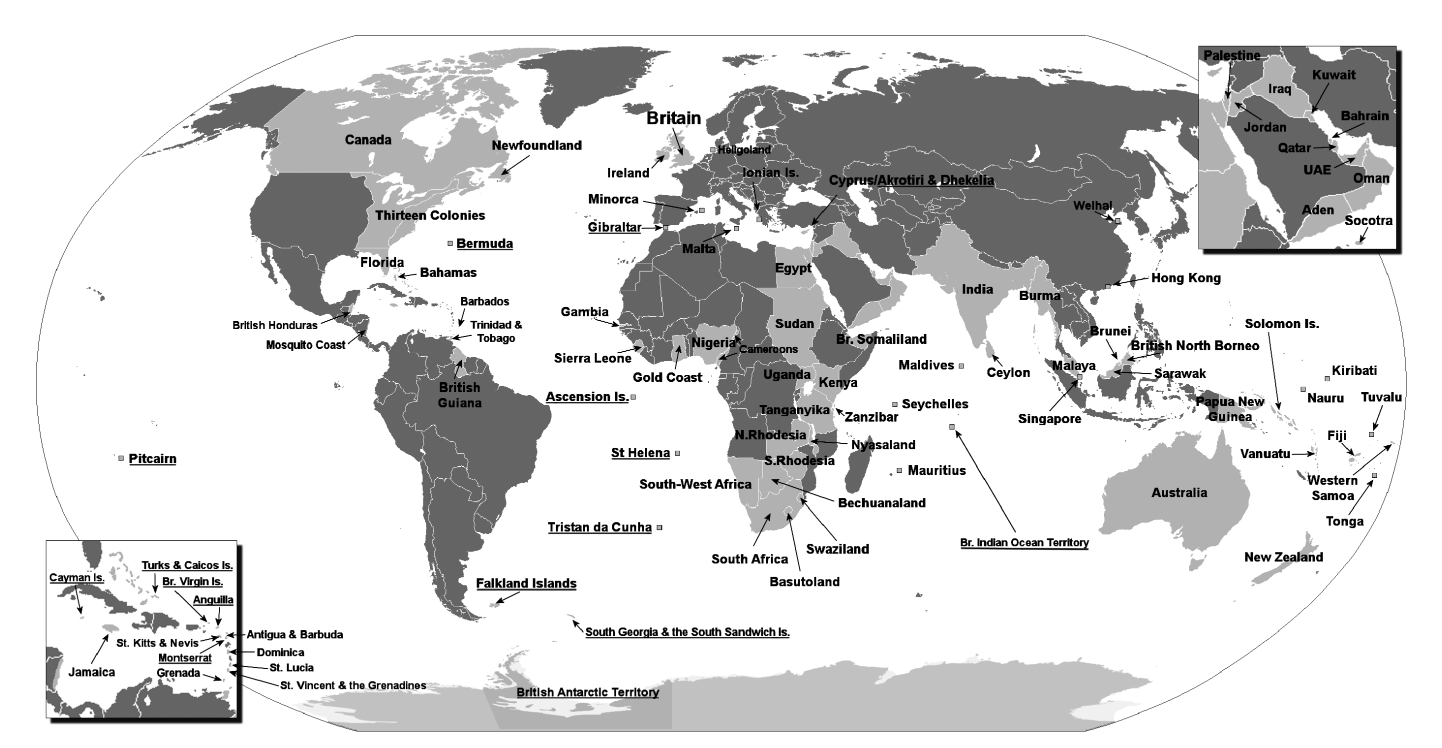
Кроме узкого значения это понятие может быть истолковано и более широко — как термин, описывающий *глобальное противостояние талассократической Британии с теллурократической Россией*. В этом случае мы должны будем включить сюда не только события в Средней Азии или на Дальнем Востоке, но и все значимые события международной политики XIX века, затрагивающие жизненные интересы Англии и России. По сути, в «Большой Игре» мы имеем дело с *великой войной континентов*, с противостоянием цивилизации Суши и цивилизации Моря, т. е. с главным содержанием геополитической истории мира. Но это противостояние Суши и Моря в случае «Большой Игры» мы рассматриваем в конкретном историческом периоде — XIX век и с опорой на двух конкретных политических участников — Британскую Империю и Российскую Империю.

Формально Российская империя мотивировала свое расширение на восток желанием «цивилизовать отсталые народы Средней Азии», получить доступ к среднеазиатским товарам, в особенности к хлопку, и прекратить набеги местных народов на ее владения. Британия же, сама крупнейший колонизатор, опасалась возможной потери Индии и усиления Российской империи на мировой арене в связи с вероятным ее выходом к Индийскому океану через Персию и Афганистан путем захвата новых территорий; многовековая территориально-политическая экспансия России была тому реальным подтверждением.

Начиная с 1813 года британская дипломатия с беспокойством наблюдала за военными успехами русских войск против Персии, завершившимися подписанием Гюлистанского и Туркманчайского договоров. К России была присоединена территория современных Армении и Азербайджана. Британские военные занимались обучением и перевооружением персидской армии, снабжали оружием черкесских повстанцев. Основной нерв столкновения России и Англии пролегал по южным границам России, где они примыкали либо к английским колониям, либо к землям, где было сильно английское влияние.

С расширением военно-политического присутствия Российской империи в Средней Азии и на Кавказе в начале XIX века («бросок на юг») российские интересы в регионе столкнулись с британскими. Британия, в первую очередь, была нацелена на удержание и расширение территории Британской Индии. Англичане появились в Индии еще в начале XVII века и основали там Ост-Индскую компанию. К концу XVIII века вся Индия фактически превратилась в английскую колонию.

На пути к мировому господству у морской Англии стояла только одна держава — сухопутная Россия. Прямое столкновение с ней приходится на период царствования следующего русского монарха — младшего брата Александра Первого — Николая Павловича. Самый драматический момент «Большой Игры» — Крымская война.

Ил. 45. Британская Империя в период своего наивысшего могущества. Как держава Sea Power Британия стремилась контролировать важнейшие морские проливы, стратегически значимые зоны береговой линии Евразии

Внешняя политика Николая Первого

Важной стороной внешней политики Николая Первого явился возврат к принципам Священного союза. В тот период возросла роль России в противостоянии буржуазным преобразованиям в европейской жизни.

Восшествие на престол Николая Первого было отмечено восстанием декабристов, которые под влиянием революционно-демократических и республиканских (полученных в том числе и через посредничество тайных масонских лож идей) попытались свергнуть монархию и учредить иную форму политического правления. В отношении конечной цели у разных групп декабристов существовали различные проекты. Проект Северного Общества предполагал введение конституционной монархии с расширением дворянских полномочий и был направлен на замену самодержавия аристократической формой правления с сохранением помещичьего землевладения. Более радикальную версию предлагала «Русская правда» Пестеля, активиста Южного общества. Здесь речь шла о полной отмене сословий, введении общенародного вече и избирательной форме правления с ликвидацией крепостного права и освобождением крестьян. Модель Пестеля воспроизводила буржуазно-демократические модели европейских наций.

Подавление восстания придало всему правлению Николая Первого консервативный оттенок и сформировало его резкое неприятие любых революционных и буржуазных преобразований. Поэтому Николай продолжал поддерживать идеи Священного Союза, провозглашенные его старшим братом.

По просьбе Австрийской империи Россия приняла участие в подавлении венгерской революции, направив 140-тысячный корпус в Венгрию, пытавшуюся освободиться от гнета со стороны Австрии; в результате был спасен трон Франца Иосифа. Последнее обстоятельство не помешало австрийскому императору, опасавшемуся чрезмерного усиления позиций России на Балканах, вскоре занять недружественную к Николаю позицию в период Крымской войны и даже угрожать ей вступлением в войну на стороне враждебной России коалиции, что Николай I расценил как неблагодарное вероломство; русско-австрийские отношения были безнадежно испорчены вплоть до конца существования обеих монархий.

Особое место во внешней политике Николая I занимал Восточный вопрос. Россия при Николае I отказалась от планов по разделу Османской империи, которые обсуждались при предыдущих царях (Екатерине II и Павле I), и начала проводить совершенно иную политику на Балканах — политику защиты православного населения и обеспечения его религиозных и гражданских прав вплоть до политической независимости. Впервые эта политика была применена в Аккерманском договоре с Турцией 1826 года. По этому договору Молдавия и Валахия, оставаясь в составе Османской империи, получили политическую автономию с правом избрания собственного правительства, которое формировалось под контролем России. Спустя полвека существования такой автономии на этой территории было образовано государство Румыния по Сан-Стефанскому договору 1878 года. Также образовалось Сербское княжество по Адрианопольскому договору 1829 года, греческое королевство — по тому же договору и по Лондонскому протоколу 1830 года. Наряду с этим Россия стремилась обеспечить свое влияние на Балканах и возможность беспрепятственного мореходства в проливах Босфор и Дарданеллы. В ходе русско-турецких войн 1806—1812 годов (при Александре I) и

1828—1829 (при Николае I) годов Россия добилась больших успехов в осуществлении стратегии постепенного вывода отдельных территорий из-под Османского влияния. По требованию России, объявившей себя покровительницей всех христианских подданных султана, султан был вынужден признать свободу и независимость Греции и широкую автономию Сербии (в 1830 году); по Ункяр-Искелесикийскому договору (1833 года), ознаменовавшему пик российского влияния в Константинополе, Россия получила право блокировать проход иностранных кораблей в Черное море (которое было ею утрачено в 1841 году). Эти же причины — поддержка православных христиан Османской империи и разногласия по Восточному вопросу толкнули Россию на обострение отношений с Турцией в 1853 году, следствием чего стало объявление ею войны России. Начало войны с Турцией было ознаменовано блестящей победой русского флота под командованием адмирала П.С. Нахимова, разгромившего турок в Синопской бухте.

Противодействие Османской империи решалось Россией в сложной дипломатической игре с Францией, Англией и Австрией. Главный австрийский политический деятель того времени Меттерних опасался освободительного движения народов, входивших в состав Османской империи из-за общей неприязни к буржуазно-демократическим и национальным преобразованиям. Он был противником буржуазных реформ во Франции и английского господства. Поэтому активность французов, англичан и русских среди народов Османской империи (греки, сербы, болгары и т. д.) вызывали его противодействие.

Французы и англичане поддерживали национально-освободительную борьбу балканских народов, но опасались того, что, будучи православными, эти народы окажутся в зоне влияния Российской империи, т. к. подавляющее большинство из них исповедовали именно эту религию. Поэтому противодействие Османской империи сопровождалось интригами, направленными против России. При этом надо учесть, что после поражения Наполеона политика Франции существенно изменила свой вектор и из антианглийской (сухопутной) становилась все более проанглийской (морской). Сближение Парижа с Лондоном имело серьезную социологическую основу: обе державы среди других европейских стран шли в авангарде процесса буржуазно-демократических преобразований, либерализации экономики и неуклонного повышения роли третьего сословия в политической жизни. *Формирующаяся англо-французская ось стала постепенно отождествляться с талассократической геополитической ориентацией.*

Эта картина в целом составляла геополитическую канву русско-турецких отношений. Они развертывались на фоне консервативной политики Меттерниха, предпочитавшего все оставить как есть, и атлантистской политики англо-французского альянса, стремившегося ослабить и разложить при возможности Османскую империю, но только таким образом, чтобы результатами этого процесса не могла воспользоваться Россия. Итак, турецкое направление русской политики надо помещать в геополитический контекст «Большой Игры».

Крымская война

Военные успехи России на турецком направлении вызвали негативную реакцию у талассократии. Это создало основу для военного союза

Англии и Франции. Этот союз был выражением морской силы и носил ярко выраженный антироссийский и антисухопутный характер. Мы снова видим в этот момент совпадение силовых линий объективной геополитики с логикой поведения политических деятелей всех заинтересованных сторон. Правда, на сей раз состав государств несколько меняется. Франция более не воплощает в себе сухопутное начало (как было в Семилетней войне или при Наполеоне), но становится на сторону талассократии (ее полюсом неизменно на всех этапах остается Англия). Россия не может изменить своей идентичности и следует стратегическим интересам, пытаясь расширить зону влияния на юге и юго-западе за счет дряхлеющей Османской империи. Австрийская империя при этом выступает как пассивно континентальный, умеренно сухопутный полюс, точно (в русле прямой геополитики) отражаемый линией Меттерниха и его следованием программе Священного Союза. (Низвержение монархии во Франции в 1830 году и взрыв революций в Бельгии и Варшаве заставили Австрию, Россию и Пруссию снова подтвердить верность принципам Священного Союза, что выразилось, между прочим, в решениях, принятых на мюнхенском съезде российского и австрийского императоров и прусского наследного принца в 1833 году.)

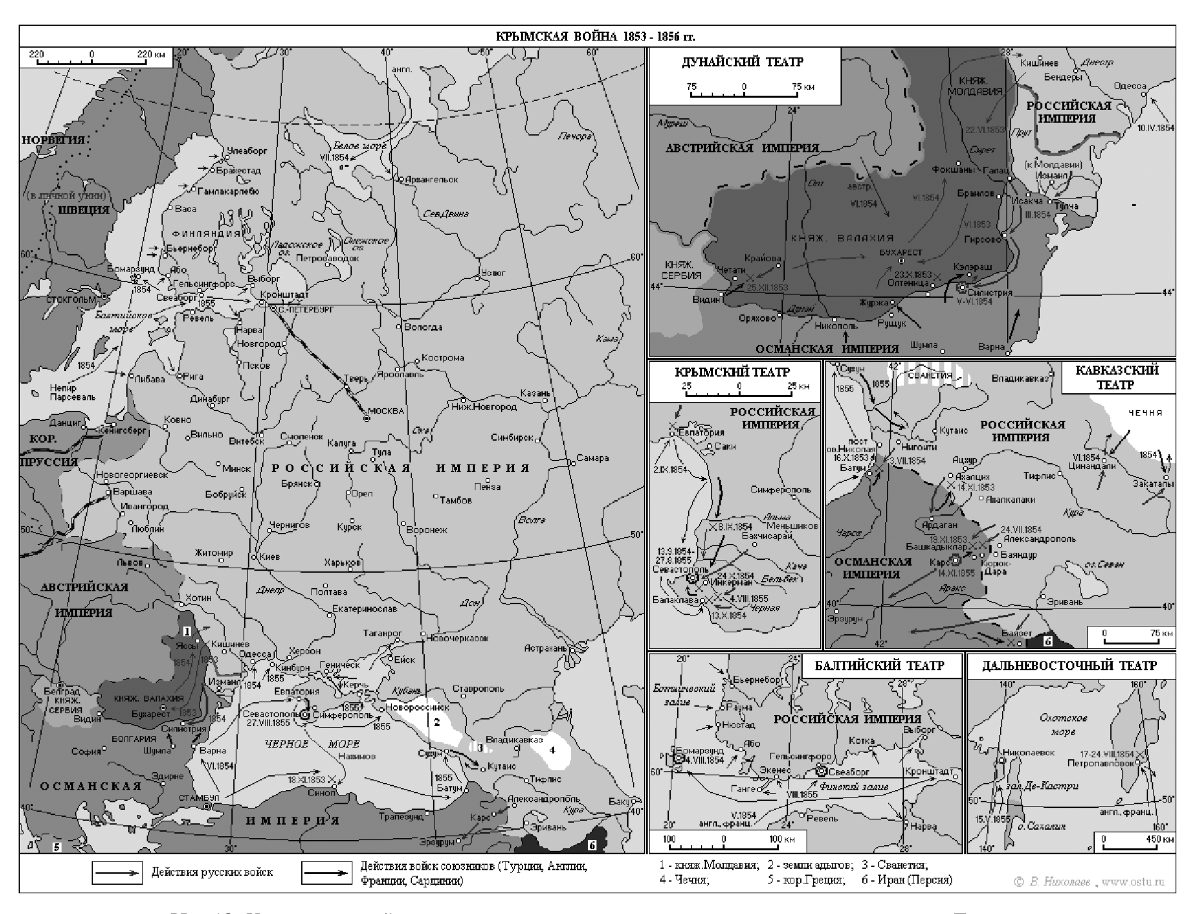
Сама Турция выступает как преимущественно *сухопутная* держава, на которую со всех сторон оказывается давление — как извне, так и изнутри, что делает ее желательной добычей для самых различных сил. Таким образом, общая геополитическая картина в этот период находится в фокусе объективной геополитики и довольно строго следует основным геополитическим закономерностям.

В контексте «Большой Игры» Англии против России, т. е. талассократии против теллурократии, формируется расклад сил накануне Крымской войны. В этом раскладе Россия оказывается в тяжелом положении, т. к. становится лицом к лицу с обширной коалицией талассократий и не имеет ни одного надежного партнера и союзника в Европе. Австрия в критический момент от России отворачивается. И при этом Англия и Франция оказываются на стороне Турции, что добавляет к антирусскому фронту еще один важный стратегический компонент. С геополитической точки зрения это огромный успех английской дипломатии: Лондону удается изолировать Россию от всех возможных союзников и сформировать такую коалицию, которая в целом своими действиями при любом повороте событий играла бы на руку исключительно Британской империи.

В 1854 году Англия и Франция вступают в войну против России на стороне Турции.

Основные военные действия развернулись в Крыму. В октябре 1854 года союзники осадили Севастополь. Русская армия потерпела ряд поражений и не смогла оказать помощи осажденному городу-крепости. Несмотря на героическую оборону города, после 11-месячной осады, в августе 1855 года, защитники Севастополя были вынуждены сдать город.

В начале 1856 года, уже после смерти Николая I и восшествия на престол Александра II, по итогам Крымской войны был подписан Парижский мирный трактат. По его условиям России запрещалось иметь на Черном море военно-морские силы, арсеналы и крепости. Россия становилась уязвима с моря и лишалась возможности вести активную внешнюю политику в этом регионе.

Ил. 46. Крымская война — совместные выступления западных держав и Турции

Крымская война была тяжелейшим поражением России и теллурократического полюса, и соответственно, серьезным выигрышем Англии и в целом талассократии.

Александр II и его курс

После смерти Николая Первого на российском престоле воцаряется его сын Александр II. За отмену крепостного права и многочисленные социальные реформы он получил имя «Царь-Освободитель».

Первым из важных шагов было заключение Парижского мира в марте 1856 года, положившего конец Крымской войне. Условия были для России тяжелыми, но с дипломатической точки зрения, это был выигрыш, т. к. страна чрезвычайно ослабла, а в Англии были сильны настроения продолжать войну до полного разгрома и расчленения Российской империи. Лондон не хотел упускать ситуацию, когда обстоятельства сложились для него столь благоприятным образом и полюс теллурократии мог быть не просто ослаблен, но и ликвидирован.

В царствование Александра II Россия вернулась к политике всемерного расширения Российской империи, ранее характерной для царствования Екатерины II. За этот период к России были присоединены Средняя Азия, Северный Кавказ, Дальний Восток, Бессарабия, Батуми. Победы в Кавказской войне были одержаны в первые годы его царствования. Удачно закончилось продвижение в Среднюю Азию (в 1865—1881 годах в состав России вошла большая часть Туркестана).

Эти действия были осуществлены Александром Вторым в духе «Большой Игры» в попытке вернуть России позиции великой мировой державы, пошатнувшиеся после поражения в Крымской войне.

После долгого сопротивления он решился на войну с Турцией 1877—1878 годов. В ходе последовавших боевых действий русской армии удалось, используя пассивность турок, провести успешное форсирование Дуная, захватить Шипкинский перевал и после пятимесячной осады принудить турецкую армию Осман-паши к капитуляции в Плевне. Последовавший рейд через Балканы, в ходе которого русская армия разбила последние турецкие части, заслонявшие дорогу на Константинополь, привел к выходу Османской империи из войны. На состоявшемся летом 1878 года Берлинском конгрессе был подписан Берлинский трактат, зафиксировавший возврат России южной части Бессарабии и присоединение Карса, Ардагана и Батуми. Восстанавливалась государственность Болгарии (завоеванной Османской империей в 1396 году) как вассальное Княжество Болгария; увеличивались территории Сербии, Черногории и Румынии, а турецкая Босния и Герцеговина оккупировалась Австро-Венгрией.

В 1881 году Царь-Освободитель был убит в результате террористического акта, организованного партией «Народная воля».

Появление Германии и геополитика Срединной Европы

Важнейшим историческим событием, которое пришлось на царствование Александра II, стало объединение Германии под эгидой Пруссии и создание «Второго Райха» во главе с династией Гогенцоллернов.

Основным мотором объединения Германии под началом Пруссии был выдающийся консервативный политик Отто фон Бисмарк. С начала 1867 года Бисмарк упорно работал над созданием Конституции Северогерманской конфедерации. После некоторых уступок ландтагу Конституция была принята, и Северогерманский союз появился на свет. Это чрезвычайно встревожило Францию, чья политика традиционно состояла в недопущении объединения Германских земель в единое целое и в поддержании их осколочного мозаичного состояния. Под сильным влиянием Франции находились южногерманские земли, что препятствовало объединению Германии. Франко-прусская война не заставила себя долго ждать и стала разгромной для французов, особенно сокрушительным было поражение под Седаном. Император Наполеон III был захвачен в плен, а в Париже произошла очередная революция. Тем временем к Пруссии присоединились Эльзас и Лотарингия, королевства Саксония, Бавария и Вюртемберг. 18 января 1871 года Бисмарк провозгласил создание Второго рейха, где Вильгельм I принял титул императора (кайзера) Германии.

Вскоре после создания Второго Рейха Бисмарк убедился в том, что Германия не имеет возможности доминировать в Европе. Ему не удалось реализовать существующую не одну сотню лет идею объединения всех немцев в едином государстве. Этому помешала Австрия, стремившаяся к тому же, но лишь при условии главенствующей роли в этом государстве династии Габсбургов.

Опасаясь французского реванша в будущем, Бисмарк стремился к сближению с Россией. 13 марта 1871 года он подписал вместе с представителями России и других стран Лондонскую конвенцию, отменившую запрет России иметь военный флот в Черном море. В 1872 году Бисмарк с Горчаковым (с которым у Бисмарка были личные отношения, как у талантливого ученика со своим учителем), организовали в Берлине встречу трех императоров — германского, австрийского и российского. Они пришли к соглашению совместно противостоять революционной опасности.

18 июля 1881 года был срочно заключен договор, представляющий собой возрождение «Союза трех императоров» — России, Германии и Австро-Венгрии. В соответствии с ним участники обязались соблюдать нейтралитет, если даже один из них начнет войну с любой четвертой державой.

Объединение Германии и появление на карте Европы Второго Райха представляли собой важнейшее геополитическое событие. Новая держава по сравнению с другими европейскими странами почти не имела колоний и отличалась строго континентальным сухопутным качеством. Германское общество объединялось вокруг прусского иерархического общества, основанного на принципах дисциплины, порядка, служения, жертвенности и консервативных ценностей. Германия с самого момента своего возникновения была самобытной теллурократической державой. В этом качестве она изначально входила в противоречие с Англией как с экономическим конкурентом и с Францией как с прямым политическим соперником. С Австрией у Пруссии был традиционный спор за то, кто из двух немецких государств станет силой, способной объединить под собой всех немцев, проживавших много столетий в разрозненных карликовых герцогствах и землях. После того, как это удалось сделать Пруссии Бисмарка, инициатива в становлении новой мощной европейской державы перешла к Берлину. При этом, в отличие от Австрии, представлявшей собой страну, давно утратившую полити-

ческий и геополитический динамизм и постепенно растрачивающей давнее наследство, Германия была новой бурно развивающейся страной, сочетающей дух национального строительства и традиционную германскую дисциплину. На этот период приходится романтическое обращение к возрождению тевтонского героического начала, отраженное в монументальных постановках Вагнера.

С геополитической точки зрения важно, что объединение Германии открывает новую страницу геополитической карты Европы. Отныне *центром европейской теллурократии*, полюсом Суши вместо Франции (которая выполняла эту функцию на определенных этапах) и Австрии, которая, обладая большинством теллурократических свойств, едва справлялась с этой миссией, действуя пассивно и нерешительно, стала новая, воинственная, стремительно развивающаяся экономически Германия.

Немецкий геополитик Фридрих Науманн описал эту трансформацию европейского пространства как интеграцию Срединной Европы (Mitteleuropa), объединяющей в себе Германию и зоны ее влияния на прилегающие зоны — Восточную и Южную Европу, в частности, ту же Австрию.

На основании этнического и языкового родства в зону Срединной Европы расширительно можно было включить и германоязычные скандинавские страны, что составляло потенциальную основу мощного геополитического блока.

Германия, таким образом, становится европейским Heartland'ом, суммируя функцию теллурократии в европейском контексте.

Возможно, на формирование геополитических взглядов Бисмарка серьезное влияние оказал опыт его пребывания в Санкт-Петербурге в качестве прусского посланника и наставления крупного русского государственного деятеля вице-канцлера А.М. Горчакова. Политика Бисмарка в целом была ориентирована пророссийски, и со своей стороны, Александр II в критические моменты поддерживал Пруссию в ее деятельности по построению Второго Райха. В целом такая русская политика новой Германии обеспечила ей геополитические предпосылки для серьезного успеха, особенно на фоне ухудшения русско-австрийских отношений после Крымской войны.

Рождение Второго Райха придавало геополитической карте Европы окончательный вид, сохраняющий свою структуру практически до настоящего времени. На востоке находился полюс глобальной теллурократии, Россия-Евразия, абсолютный Heartland. На западе располагался центр мировой талассократии, Англия как метрополия океанической планетарной империи. И между ними европейский Heartland, цивилизация Суши в контексте Европы — Германия как самостоятельный игрок. Ее появление лишало Францию даже теоретической возможности вести самостоятельную континентальную политику, и ставило ее в положение либо союзницы Англии (при ведущей роли Англии в таком альянсе), либо (что теоретически было возможно, но на практике никогда не реализовывалось) союзницы Германии, интегрирующейся в орбиту Центральной Европы.

«Большая Игра» между Россией и Англией получила нового игрока — Срединную Европу, занимающую в отношении Англии конфликтную позицию, но не совпадающую полностью со стратегическими интересами России-Евразии.

Такова сложившаяся после объединения Германии структура *объективной геополитики*. На этом фоне субъективная геополитика могла быть раз-

личной. Всякий раз, когда сухопутные державы (Россия и Германия) объединялись против морских держав (Англии и Франции), они усиливали свой потенциал. И само объединение Германии под эгидой Пруссии не в последнюю очередь стало возможным из-за точного резонанса политических и дипломатических воззрений Бисмарка с объективной структурой геополитики. Если конфликт развязывался между сухопутными державами (Россией и Германией), заведомо выигрывала третья сторона, т. е. талассократия.

Сам Бисмарк выразил эту идею в известном парадоксальном изречении: «Война между Германией и Россией — величайшая глупость. Именно поэтому она обязательно случится». «Глупость», потому что противоречит объективной геополитической картине, согласно которой две сухопутные державы заинтересованы в союзе против талассократии. Но «случиться» она должна под воздействием как заторможенного и неясного осознания политиками Германии и России объективных интересов своих стран, так и из-за умелой манипуляции принятием внешнеполитических решений Россей и Германией сетями геополитических агентов влияний Англии и Франции.

Александр III: успехи континентальной стратегии

После убийства Александра Второго народовольцами ему на смену 2 марта 1881 года приходит его сын Александр Александрович, женатый на датской принцессе Дагмар, принявшей Православие и коронованной под именем Марии Федоровны. К присяге императору и наследнику впервые в истории приводились «и крестьяне наравне со всеми верными Нашими подданными», т. к. после отмены Александром Вторым крепостного права крестьяне получили права полноценных граждан. При этом основной стиль внутренней политики Александра Третьего был выдержан в консервативном духе. Буржуазные реформы, которые намечались в царствовании Александра Второго, были приостановлены и даже свернуты. В «Манифесте о незыблемости самодержавия», который был составлен консервативным политическим деятелем Победоносцевым, утверждался курс на укрепление монархии и незыблемость традиционных социально-политических устоев России. В этот период широкое распространение получают славянофильские идеи — возврат к древним началам Руси, воспевание Московского царства, повышенное внимание к глубинной народной культуре, новое открытие мистической философии православия и т. д. Впервые после Петра русский царь стал снова носить бороду, как это было принято у благочестивых правителей древней и московской Руси.

Царствование императора Александра III во внешней политике было ознаменовано небывалым периодом мира.

Основные направления внешней политики Александра III были следующими:

- укрепление влияния на Балканах (на сей раз преимущественно дипломатическими средствами);
- установление надежных границ на юге Средней Азии (продолжение «Большой Игры» против Англии);
- закрепление России на новых территориях Дальнего Востока (фиксации позиций России как великой тихоокеанской державы).

После Берлинского конгресса Австро-Венгрия значительно укрепила свое влияние на Балканах. Оккупировав Боснию и Герцеговину, она стала

стремиться распространить свое влияние и на другие балканские страны. Центром борьбы Австро-Венгрии и России стала Болгария.

В результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов Болгария в 1879 году обрела свою государственность. По Берлинскому договору 1878 года претендент на болгарский престол должен был получить одобрение российского императора. Вначале болгарский князь проводил дружественную России политику, но затем попал под австрийское влияние. В мае 1881 года произошел государственный переворот, отменена Конституция. Австро-Венгрия не оставила намерений вывести Болгарию из-под влияния России и стала подстрекать сербского короля Милана Обреновича начать войну против Болгарии. В 1885 году Сербия объявила Болгарии войну, но болгарская армия разбила сербов и вступила на территорию Сербии.

В период правления Александра Третьего качественно меняется отношение России к Османской империи. Александр Третий начинает ясно осознавать, что ослабление Турции и ее распад приведет, скорее всего, к усилению влияния во всей этой зоны западноевропейских держав — как Англии и Франции, геополитических противников России, так и Австро-Венгрии, ситуативного соперника в зоне Восточной и Южной Европы. Поэтому Александр Третий отступает от прежней антитурецкой традиции, отказывается от безусловной поддержки всех антитурецких выступлений (в частности, от поддержки восстания болгар в южной Румынии). На Балканах Россия из противницы Турции превратилась в ее фактическую союзницу.

В то же время в 1880-е годы осложняются отношения России с Англией: столкновение интересов двух европейских государств происходит на Балканах, в Турции, Средней Азии. Это время является кульминацией «Большой Игры».

В Средней Азии после присоединения Казахстана, Кокандского ханства, Бухарского эмирата, Хивинского ханства продолжалось присоединение туркменских племен. Однако России удалось избежать военного столкновения с Англией. В 1885 году было подписано соглашение о создании русско-английских военных комиссий для определения окончательных границ России и Афганистана. Тем самым английской дипломатии удалось затормозить продвижение русских в сторону Индии.

В тот же период осложняются отношения Германии и Франции; оба государства находились на грани войны друг с другом. В этой ситуации и Германия, и Франция стали искать союза с Россией на случай войны друг с другом. Снова прозрачно выступает чисто геополитический фактор: альянс с Францией означает сближение с талассократическим полюсом, с Германией — с полюсом европейским, но теллурократическим. Александр Третий в духе дипломатии Горчакова выбирает Германию, т. е. следует субъективно за объективной геополитикой.

18 июня 1881 года подписывается секретный австро-русско-германский договор, готовившийся еще при Александре II, известный как «Союз трех императоров», который предусматривал благожелательный нейтралитет каждой из сторон в случае, если бы одна из них оказалась в войне с четвертой стороной.

Однако Бисмарк втайне от России в 1882 году заключил Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия), который направлен прежде всего против Франции, но одновременно и против России. Если «Союз трех императоров» представляет собой чисто теллурократическую конструкцию, то

«Тройственный союз» Бисмарка отступает от строгой теллурократии, допуская возможность конфликта с Россией. На сей раз железный канцлер на уровне субъективной геополитики отходит от геополитики объективной. И этот отход от свойственной Бисмарку в целом пророссийской ориентации, которой он традиционно придерживался, и которая во многом обеспечила успех Пруссии в организации Второго Райха, создаст для Германии и для него лично определенные проблемы.

В 1887 году отношения между Германией и Францией обострились предельно. Однако Александр III не поддержал агрессивные устремления Германии в отношении Франции. Он напрямую (через голову Бисмарка, жаждущего войны) обратился к германскому императору Вильгельму I и удержал его от нападения на Францию. Ухудшение отношений с Германией выразилось в экономической сфере — в так называемой «таможенной войне».

В ответ на «Тройственный союз» и отчасти на «таможенную войну» Александр Третий сближается с Францией, которой в тот момент необходима помощь России для предотвращения почти неминуемого (как тогда казалось) вторжения Германии. Этот шаг оказывается прагматически эффективным. Русско-французский союз заключался на то время, пока существует Тройственный союз; он имел же столь же секретный статус, как и договор германских держав и Италии.

В конце XIX века на Дальнем Востоке быстро усиливалась экспансия Японии. Япония до 60-х годов XIX века была феодальной страной, но в 1867—1868 годах там произошла «революция Мэйдзи», восстановившая правление императора, ранее узурпированное крупными аристократами — сегунами. Япония находилась под влиянием двух геополитических европейских полюсов: Англия и США стремились включить ее в зону своего влияния, интегрируя в общее поле англосаксонской талассократии и помогая Японии создавать флот, а также настаивая на ее вхождении в зону свободной торговли; Германия стремилась вовлечь Японию в свою орбиту и помогала создавать мощную сухопутную армию.

На Дальнем Востоке Япония проводила довольно активную политику. В 1876 году японцы приступили к захватам в Корее. В 1894 году между Японией и Китаем началась война из-за Кореи, в которой Китай потерпел сокрушительное поражение. Корея становилась зависимой от Японии, к Японии отходил Ляодунский полуостров. Затем Япония захватила Тайвань (китайский остров) и острова Пэнхуледао. Китай выплачивал огромную контрибуцию, японцы получили право свободного плавания по главной китайской реке Янцзы.

Россия становилась соперницей Японии на Дальнем Востоке. В 1891 году Россия начала строительство Великой Сибирской магистрали — железнодорожной линии Челябинск—Омск—Иркутск—Хабаровск—Владивосток. Его завершение должно было резко увеличить силы России на Дальнем Востоке.

Геополитические итоги царствования Александра III

В целом в царствование Александра III Россия не вела ни одной войны. При этом территория Российской империи увеличилась на 430 тыс. кв. км. На этом расширение границ Российской Империи закончилось.

Геополитические итоги царствования Александра Третьего таковы. В период его правления субъективная геополитика Российской Империи

максимально приближена к объективной геополитике европейского и евразийского пространства. Россия ведет себя как полноценная и осознающая свою структуру цивилизация Суши. Это проявляется в следующих направлениях:

— постоянство напряженного противостояния с Англией (активное и эффективное ведение «Большой Игры» и захват новых позиций в Средней Азии);
— поддержка в Европе новой континентальной сухопутной силы в лице Германии Бисмарка (контуры русско-германского альянса);
— поиск стратегического партнерства с Османской империей, что укрепляло позиции России на юге;
— закрепление России на Тихоокеанском побережье, интенсивное освоение Сибири.

Исключением являлись российско-французские отношения, выпадающие из объективной геополитики — симметрично тому, как «Тройственный союз» Бисмарка точно так же отклонялся от нее. Можно считать этот момент вмешательством субъективного фактора, отходящего от основных силовых линий. Впрочем, несколько позже в царствовании Николая II это русско-французское направление еще продемонстрирует свой негативный потенциал, которому суждено стать фатальным для Российской Империи в целом.

Показательно, что этот чрезвычайно успешный период сопровождался во внутренней политике подъемом славянофильского мировоззрения, что стабилизировало отношения между монархической властью и народными массами, но не на европейско-республиканских и буржуазно-демократических основаниях, а на принципах единства судьбы, общности культуры, духовной и социальной интеграции всех сословий в жизнь государства. В этот период происходит расцвет русской религиозной философии. В искусстве начинают преобладать народные настроения и мотивы. Дворянство и интеллигенция вновь открывают для себя сокровища русской старины, народный дух, глубины русского православия. В новом обличии и на новом этапе возрождается русский византизм. Все иностранное постепенно выходит из моды, и даже высшая аристократия старается подражать в чем-то народным обычаям.

Можно сказать, что в период правления Александра Третьего и идеологически, и геополитически, и стилистически в Российской Империи мы видим все больше и больше «московских» черт.

Николай II: на путях к катастрофе

На следующем русском царе — Николае Втором, унаследовавшем трон от своего отца Александра Третьего и вступившем на престол в 1894 году, заканчивается и династия правящего дома Романовых, и вообще история монархического порядка в русской истории. Это драматический момент, имеющий колоссальное политическое, социальное, идеологическое и геополитическое значение для всей русской истории, для истории XX века и, наверное, для всей мировой истории в целом.

На первом этапе своего царствования Николай Второй продолжает геополитическую линию своего отца Александра Третьего. Он основывается на принципах консерватизма и умеренного славянофильства (показательно ношение им бороды). Во внешней политике Россия продолжает вести «Боль-

шую Игру» с Англией; в Европе ориентируется на Германию, но и отчасти на Францию.

В результате обмена нотами от 27 февраля 1895 года было установлено разграничение сфер влияния России и Великобритании в области Памира, на восток от озера Зор-Куль (Виктория), по реке Пяндж. Памирская волость вошла в состав Ошского уезда Ферганской области; Ваханский хребет на русских картах получил обозначение хребта императора Николая II.

Существенно разошлись взгляды Николая Второго с Британской империей на тему Турции. После резни армян в 1896 году в Османской империи английское правительство предложило России совместно сместить султана Абдул-Гамида, предоставить контроль над Египтом, который должен был получить независимость от Порты, Англии, а взамен Лондон обещал России некоторые уступки в вопросе о проливах.

Вместо этого Россия на время сблизилась со Стамбулом, что представляло собой продолжение той геополитической линии, которую также начал проводить Александр Третий.

Но при этом, в духе геополитики отца, Николай Второй сближается с Францией, которая проводит талассократическую, но умеренную политику — в том числе и в отношении Османской империи, предлагая компромиссные сценарии, более устраивающие Россию, нежели жесткие проекты Великобритании. Внешнюю политику на этом этапе можно сформулировать в следующих тезисах:

- тесное сотрудничество с Германией;
- укрепление союза с Францией;
- замораживание Восточного вопроса (т. е. поддержка султана и оппозиция планам Англии в Египте);
- стабилизация отношений с Австро-Венгрией (в ходе визита императора Франца-Иосифа в Санкт-Петербурге в 1896 году между Россией и Австрией было заключено соглашение на 10 лет).

Геополитика русско-японской войны

Особое внимание Николай Второй сосредотачивает на Дальнем Востоке и Тихоокеанском регионе.

3 июня 1896 года в Москве был заключен русско-китайский договор о военном союзе против Японии. Китай согласился на сооружение Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) дороги через Северную Маньчжурию на Владивосток. России также предоставлялись в арендное пользование на 25 лет порты Порт-Артура (Люйшуня) и Дальнего (Даляня) с прилегающими территориями и водным пространством. Аренда Россией Ляодунского полуострова, постройка Китайско-Восточной железной дороги и основание морской базы в Порт-Артуре, растущее влияние России в Манчжурии сталкивались с устремлениями Японии, которая также претендовала на Манчжурию.

В самой Японии сложились две партии: одна условно пророссийская, другая — пробританская. Первая вела дело к урегулированию отношений с Россией, вторая — к конфронтации. В каком-то смысле и дальневосточное пространство можно отнести к полю «Большой Игры» России и Англии.

В мае 1901 года в Японии пал сравнительно умеренный кабинет министров Хиробуми Ито, настроенный в целом пророссийски, и к власти пришел кабинет Таро Кацура, настроенный более конфронтационно в отношении

России и ориентированный на Англию. Эти две геополитические партии вполне можно назвать теллурократической, континентальной (Ито) и талассократической (Кацура).

В сентябре Ито по собственной инициативе предпринимает попытку договориться с Россией с целью обсудить соглашение о разделении сфер влияния в Корее и Маньчжурии. Однако предложение Ито (Корея — целиком и полностью Японии, Маньчжурия — России) не была принята Санкт-Петербургом. В конце концов японским правительством был сделан выбор в пользу заключения альтернативного соглашения с Великобританией.

17 января 1902 года был подписан англо-японский договор, статья 3 которого в случае войны одного из союзников с двумя и более державами обязывала другую сторону оказать военную помощь. Договор давал Японии возможность начать борьбу с Россией, обладая уверенностью, что ни одна держава (например, Франция, с которой Россия с 1891 года состояла в союзе) не окажет России вооруженной поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. Япония начала готовится к войне.

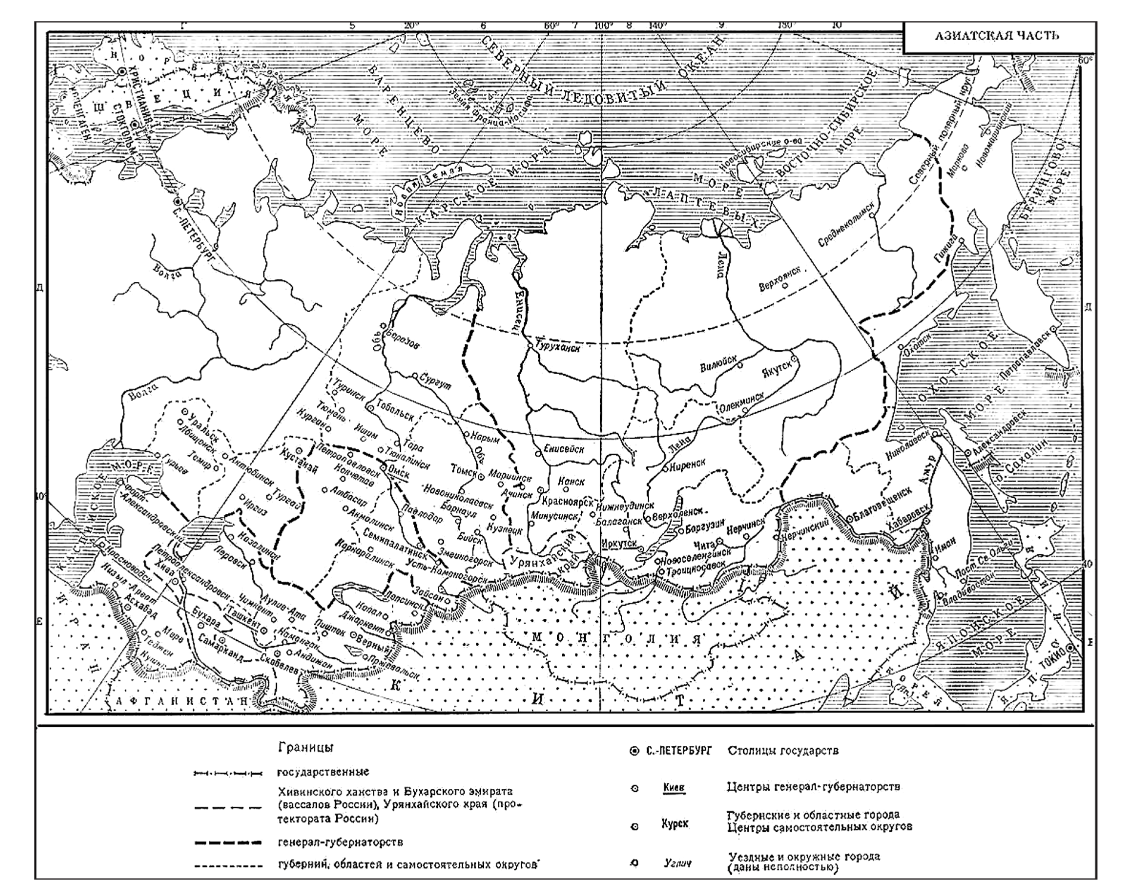
24 января 1904 года японский посол вручил русскому министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу ноту, которая извещала о прекращении переговоров, которые Япония полагала «бесполезными», о разрыве дипломатических сношений с Россией; Япония отзывала свою дипломатическую миссию из Петербурга и оставляла за собой право прибегнуть для защиты своих интересов к «независимым действиям», какие она сочтет нужными. Вечером 26 января японский флот без объявления войны атаковал порт-артурскую эскадру. Высочайший манифест, данный Николаем II 27 января 1904 года, объявлял Японии войну.

За пограничным сражением на реке Ялу последовали сражения под Ляояном, на реке Шахэ и под Сандепу. После крупного сражения в феврале—марте 1905 года русская армия оставила Мукден. 20 декабря 1904 года был сдан Порт-Артур. Исход войны решило морское сражение при Цусиме в мае 1905 года, которое завершилось полным поражением русского флота. 23 августа 1905 года в Портсмуте русскими представителями С.Ю. Витте и Р.Р. Розеном был подписан мирный договор. По его условиям Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступала Японии Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний.

Русско-японская война, которая оказала самое негативное влияние на внутриполитические процессы в России, имела следующую геополитическую подоплеку. Япония представляла собой общество сухопутного континентального типа, теллурократию. В этом отношении она была геополитически близка России и противоположна Англии и другим морским державам. Контекст объективной геополитики склонял Токио и Санкт-Петербург к союзу. Аналогичная ситуация, с той же точки зрения объективной геополитики, существовала между Российской Империей и Германией. Поэтому теллурократическое лобби в России логически подталкивало власть к союзу с Японией и к мирному решению территориальных споров на Дальнем Востоке, тогда как талассократическая и англофильская сеть геополитических агентов влияния, напротив, поощряла эскалацию отношений и возможный конфликт. Таким образом, субъективная геополитика (принятие правящими кругами обеих стран окончательных решений о войне и мире) была помещена в конкретный контекст. Те действия, которые привели к русско-японской войне, были (до определенной степени) результатом эффективных опе-

Ил. 47. Геополитические итоги Романовского периода Российской Истории — территория Российской Империи в 1914 году (Европейская часть)

Ил. 48. Геополитические итоги романовского периода Российской истории. Территория Российской Империи в 1914 году. (Азиатская часть)

раций англофильских кругов в обеих странах — и в Японии, и в России. Эта война между двумя теллурократическими могуществами привела к поражению России, ослаблению ее позиций.

Косвенно можно считать этот эпизод одной из тактических побед Англии в «Большой Игре».

Антанта и Первая мировая война

Но еще более весомой, фатальной тактической победой талласократии было иное событие, последующее вскоре за поражением России в русско-японской борьбе и внутренней революции 1905 года, которую России удалось преодолеть с огромным трудом и ценой больших усилий.

В 1907 году Николай Второй делает решительный шаг в направлении, противоположном той политике, которую вели его предшественники на протяжении более чем столетия — он идет (против своих убеждений и под воздействием обстоятельств) на союз с Англией. 1907 год принято считать годом окончанием «Большой Игры».

Под влиянием многих факторов — проигранной войны с Японией, осложнениями отношений с Германией и Австрией, постоянного давления Франции, активной деятельности англофильского лобби, чрезвычайно сильного в России (одним из центром этого влияния была состоящая преимущественно из европейски ориентированных масонов Государственная Дума, а другим — старый двор императрицы-матери) Николай Второй идет на отказ от антианглийской политики и заключает противоестественный (с точки зрения объективной геополитики) союз с Англией.

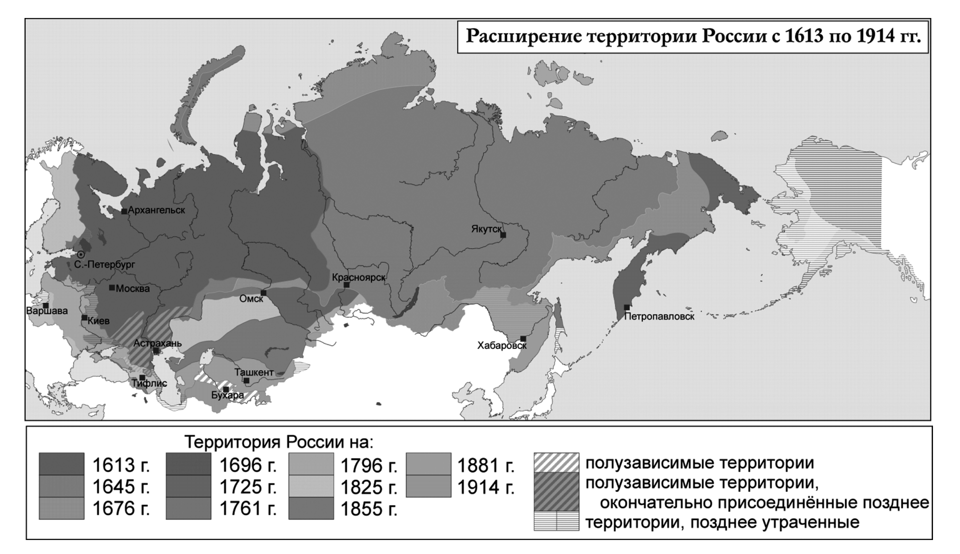
18 августа 1907 года был подписан договор с Великобританией по разграничению сфер влияния в Китае, Афганистане и Персии, который в целом завершил процесс формирования союза трех держав — Тройственного согласия, известного как Антанта. 27—28 мая 1908 года состоялась встреча британского Короля Эдуарда VIII с Николаем Вторым на рейде в гавани Ревеля. Русский царь совершает символическое действие: принимает от короля мундир адмирала британского флота. Ревельская встреча монархов была истолкована Германией как шаг к образованию антигерманской коалиции. Заключенное между Россией и Германией 6 августа 1911 года Потсдамское соглашение не изменило общий вектор вовлечения России и Германии в противостоящие друг другу военно-политические союзы.

Начало военных действий Балканского союза против Турции осенью 1912 года ознаменовало крах усилий русской дипломатии.

В связи с балканской войной все более вызывающим в отношении России становилось поведение Австро-Венгрии, и в связи с этим в ноябре 1912 года на совещании у императора рассматривался вопрос о мобилизации войск трех российских военных округов.

За эту меру выступал военный министр В. Сухомлинов, но премьер-министру В. Коковцеву удалось убедить императора не принимать такого решения, угрожавшего втягиванием России в войну.

После фактического перехода турецкой армии под германское командование (немецкий генерал Лиман фон Сандерс в конце 1913 года занял пост главного инспектора турецкой армии) вопрос о неизбежности войны с Германией был поднят в записке Сазонова императору от 23 декабря 1913 года; записка Сазонова также обсуждалась в заседании Совета министров.

Ил. 49. Территория расширения России с 1614 по 1914 гг. (сводная карта)

19 июля 1914 года Германия объявила войну России: так Россия вступила в мировую войну. 20 июля 1914 года императором был опубликован манифест о войне с Германией, а 26 июля о войне с Австрией. До этого Николай II прилагал усилия для предотвращения войны и во все предвоенные годы, и в последние дни перед ее началом, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии и начала бомбардировки Белграда.

Манифестом от 20 октября 1914 года Россия объявила войну Османской империи.

Летом 1915 года положение на фронтах резко ухудшилось: был сдан Перемышль, затем оставлен Львов. Все военные приобретения были утрачены, начались потери собственной территории Российской империи. В июле была сдана Варшава, вся Польша и часть Литвы; немцы и австрийцы продолжали наступать.

В начале 1916 года войска на фронте стали испытывать большую нужду в оружии и боеприпасах. Стала ясной необходимость полной перестройки экономики в соответствии с требованиями войны.

Николай II, надеясь на улучшение ситуации в стране в случае успеха весеннего наступления 1917 года, заключать сепаратный мир с противником не хотел.

Но ситуация сложилась иначе. Обострение внутриполитической обстановки привело к тому, что давление оппозиционных сил внутри России нарастало. Тяготы войны, непоследовательность политических, социальных и экономических шагов, нарастающий социальный хаос и активизация разнообразных буржуазных и еще более радикальных социалистических революционных сил заставили императора в конце концов отречься от трона.

2 марта 1917 года Николай передал Гучкову и Шульгину Манифест об отречении.

Власть перешла по факту Временному правительству. Война была не окончена. Но тысячелетняя история российской монархии завершилась.

С геополитической точки зрения, линия поведения Николая Второго была противоречивой и неоднократно менялась на протяжении его царствования. Объективная геополитика предполагала следующий сценарий:

- продолжение «Большой Игры» с Англией;
- сближение с Германией и Австрией на западе и с Японией на востоке;
- нейтралитет в отношениях с Османской империей;
- предотвращение выступления на стороне Франции в европейской политике с сохранением дружеских отношений (этот пункт наименее обязательный).

В этом состояла прежняя политика Александра Третьего, и время от времени (особенно на первых порах) сам Николай Второй склонялся именно к такой модели. У такой политики были и свои влиятельные сторонники на субъективном уровне. К ним относились Императрица Александра Федоровна, прогермански настроенный старец Григорий Распутин, часть военного руководства, премьер-министр Коковцев, а также влиятельное в то время лобби еврейской буржуазии, связанной с Германией экономическими и торговыми интересами.

Но сильны были и прямо противоположные группы влияния: думские либерально-буржуазные партии, масонство, старый двор государыни-мате-

Ил. 50. Англо-русское соглашение 1907 г. знаменовало завершение одного из этапов «Большой Игры» — раздел сфер влияния в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Геополитический натиск России на юг был остановлен, а сама она присоединилась к Антанте

ри, ряд черносотенных организаций (в частности, Пуришкевич и граф Юсупов, принимавший участие в убийстве Распутина) и т. д. В пользу проанглийского лобби действовал тот фактор, что в Германии все больше поднимались антирусские настроения, и Вильгельм Второй постепенно отходил от в целом пророссийской линии Бисмарка. Роковую роль в этом сыграл (как сейчас видно) совершенно бессмысленный для России профранцузский вектор — благодаря ему Россия теряла Германию, а взамен не приобретала ничего.

С 1904 года Николай Второй оказывается под приоритетным влиянием талассократического лобби, и события складываются так, что Россия все более становится втянутой в серию конфликтов в конфигурации, заведомо противоречащей ее стратегическим интересам. Сами по себе эти начальные условия уже были чреваты будущей катастрофой. Но в подобные периоды на прежних стадиях русской истории ситуацию часто спасали победоносные выигранные войны (например, ряд успешных русско-турецких войн или Отечественная война 1812 года), которые смягчали отклонение от силовых линий объективной геополитики. На фоне военных поражений на востоке и на западе это становилось фатальным.

Попытка гигантской теллурократической державой проводить геополитическую линию, ориентированную на союз с талассократией, выразилась в следующих шагах:

— военный конфликт с Японией;
— противоестественный альянс с Англией в формате Антанты;
— ссора и война с Германией и Австрией;
— вступление в войну с Османской империей.

Сама по себе такая внешнеполитическая модель является полным *провалом*, т. к. представляет собой прямую противоположность основным силовым линиям геополитики и заведомо противоречит интересам теллурократии, логике Heartland'а. Но если добавить к этому военные поражения по всем направлениям, отсутствие ощутимых побед, которые могли бы несколько исправить ситуацию, и колеблющуюся между буржуазными реформами в европейском духе и традиционалистским консерватизмом внутреннюю политику, то мы получаем не просто несчастливое стечение обстоятельств, но прямой и короткий путь к историческому падению в бездну.

Геополитический анализ царствования Николая Второго и позиции России в Первой мировой войне на стороне Англии и Франции приводит к однозначному выводу: проведение внешней и внутренней политики последним русским царем отклонилось от объективных геополитических закономерностей до такой степени, что не могло не вызвать катастрофических последствий для державы. Аналогичные ситуации в русской истории всегда и непременно заканчивались именно таким же плачевным результатом — либо раздробленностью и монгольскими завоеваниями, либо усобицей и Смутой, либо гражданским и религиозным расколом общества (Никоновские реформы).

Первые шаги системного осмысления русской внешней политики

Нам осталось рассмотреть то, как в XIX веке в русском обществе осмыслялись закономерности внешнеполитических процессов и какие основные теории доминировали.

В эпоху Николая Первого в XIX веке начинается процесс систематического осмысления места России в мире и в истории, а также ее положения среди других мировых держав и цивилизаций Запада и Востока.

На это было предложено два крайних ответа, отмечающие граничные позиции, между которых располагались многочисленные смешанные варианты.

Одним лагерем были славянофилы. Они придерживались идеи о самобытности России и постепенно все жестче высказывались за возврат к русскому византизму, к Московской идее, критиковали реформы Петра и призывали отвернуться от Европы, которая, по их мнению, утратила христианство и активно «гнила». Славянофилы отвергали буржуазные преобразования, демократические институты и революции, призывали вернуться к патриархальному консервативному укладу. Одной из важнейших задач было усиление роли православия в общественной жизни страны. С точки зрения формы правления они призывали к возврату к полноценному самодержавию — симфонии властей и монархической модели русского востока.

Большинство славянофилов при этом положительно относились к освобождению крестьян, но считали, что вовлечение крестьянских масс в политику только усилит хаос. С точки зрения славянофилов, прорусскую и прокрестьянскую политику должны были проводить сами монархические власти.

Во внешней политике славянофильские идеи выражались в укреплении позиций России, в отвержении альянса со странами Запада — особенно с Англией и Францией. При этом им были созвучны многие романтические идеи и классическая философия Германии. Едва ли можно говорить об их германофильстве, но отвержение буржуазно-революционных и промышленно-капиталистических тенденций Англии и Франции, а также парламентаризма были налицо, что влияло и на оценку событий в европейской политике.

На противоположном полюсе были русские западники, которые, напротив, полагали Россию частью европейского мира, восхваляли Петра, критиковали консервативный уклад русской общественной и политической жизни, поддерживали буржуазные и республиканские преобразования, выступали за ограничение монархического правления и за ослабление влияния церкви на общество. Образцом они считали преимущественно наиболее «развитые» европейские страны — Англию и Францию.

Эти два полюса общественной мысли с определенными поправками вполне можно соотнести с теллурократией (славянофилы) и талассократией (западники).

Показательно, что с эпохи Николая Первого официальная политика царского правительства колебалась между этими двумя граничными мировоззренческими установками — то сближаясь со славянофильством (это особенно ярко проявилось в царствование Александра Третьего и в первые годы Николая Второго), то тяготея к западничеству (отчасти ряд шагов эпохи Александр Второго и вторая половина правления Николая Второго).

К концу XIX века эти тенденции стали получать все более ясное выражение. Так славянофилы все чаще обращаются к внешней политике. Русский дипломат и поэт Федор Тютчев создает проект Всемирной Православной Империи[1], предполагающий распространение русско-византийской модели на

---

[1] *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений: В 6 т. Том 3. Публицистические произведения. М.: Классика, 2004.

весь мир. Это своего рода русская теллурократическая вселенская геополитическая утопия. Николай Данилевский описывает культурно-исторические типы[1], выделяя в молодое общество славян, и предрекая странам европейского запада скорый конец. Константин Леонтьев призывает напрямую вернуться к византийской политике[2], и, будучи посланником России в Стамбуле, замечает социологическое и геополитическое сходство между Османской империей и Россией, призывая к стратегическому союзу двух традиционных обществ против западного буржуазного порядка. Особость славянской цивилизации в славянофильском духе доказывает выдающийся этнолог и географ В. Ламанский[3].

С позиции военной стратегии и военной географии сходные идеи развивают Снесарев[4] и Вандам (Едрихин[5]), пытаясь придать последовательную теоретическую основу антианглийской и континентальной политики России. Напрямую к созданию русской геополитической модели приходит В. Семенов-Тян-Шанский[6]. Позднее все эти исторические, военно-стратегические, культурные, философские и социологические интуиции будут обобщены в учении русских евразийцев[7]. Но в любом случае постепенно к 1917 году славянофильское мировоззрение приобретает характер *наброска* к геополитической теории континентально-теллурократического толка.

Параллельно этому идет кристаллизация и западнических внешнеполитических проектов. Западники ориентируются на буржуазные реформы, замену монархической власти буржуазным парламентаризмом, и при этом проводят курс на сближение с теми державами, в которых этих политические, культурные и социальные тенденции доминируют. Образцами для русских западников становятся Англия и Франция, тогда как консервативный дух Германии, Австрии или Турции их отталкивает. После 1907 года внешнеполитическим ориентиром русских западников становится Антанта. Таким образом, накануне Первой мировой войны в России складывается атмосфера своеобразного западнического милитаризма: к войне с Германией и Турцией призывают те силы, которые в других условиях выступают против самой российской империи и призывают к освобождению народов от «имперского ига». Этот талассократический вектор имеет как откровенно *либеральную* и буржуазно-демократическую форму выражения, так и *националистическую* — основывающую лояльность Антанте патриотически оформленной германофобией и туркофобией.

Особым случаем являются взгляды на международную политику большевиков, которые мы рассмотрим в следующем разделе.

Здесь же стоит подчеркнуть: к концу эпохи монархического правления, длившейся в России более 1000 лет, мы приходим к первому этапу создания

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.

[2] *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М., 1996.

[3] *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.

[4] *Снесарев А.Е.* Введение в военную географию: Письма из Индии и Средней Азии. М.: Центриздат, 2006.

[5] *Вандам Е.А.* Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.

[6] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк политической географии. Петроград, 1915.

[7] Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002.

полноценной геополитической школы, которая соотносила бы конкретику исторических факторов и ситуаций с обобщающими тенденциями становления российской державы. Эта геополитическая школа имеет однозначно славянофильские корни, т. к. западнические настроения не требуют построения для России какой-то особой геополитической модели, предлагая напрямую заимствовать европейские образцы и вписаться в контекст общеевропейских политических и дипломатических процессов на общих основаниях.

Библиография

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.
Вернадский Г.В. Два лика декабристов//Свободная мысль. 1993. № 15.
Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. СПб., 2003.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством, Издательство: АРКТОГЕЯ-центр, 1999.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России XVIII — первая половина XIX века. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.
Ключевский В.О. Курс русской истории, СПб, 1904.
Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М., 1996.
Леонтьев М.В. Большая Игра. СПб: Астрель-СПб, 2008.
Основы евразийства. М.:Арктогея-центр, 2002.
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007.
Россия и Британия. Связи и взаимные представления XIX–XX века. М.: Наука, 2006.
Россия и Европа. Хрестоматия по русской геополитике, Издательство: Наука, 2007.
Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк политической географии. — Петроград, 1915.
Снесарев А.Е. Введение в военную географию: Письма из Индии и Средней Азии. М.: Центриздат, 2006.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.
Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений: В 6 т. Том 3. Публицистические произведения. М.: Классика, 2004.
Хомяков А. Всемирная задача России. М.: Институт русской цивилизации, 2008.
Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.
Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 86–98.
Широкорад А.Б. Россия–Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.
Шмитт К. Земля и Море/ Дугин А. Основы геополитки. М.: Арктогея, 2000.
Шмитт К. Планетраная напряженность между Востоком и Западом / Дугин А. Основы геополитки. М.: Арктогея, 2000.
Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London: Greenhill, 2006.

Глава 8

ГЕОПОЛИТИКА СССР

Геополитическая подоплека революций 1917 года

Конец царской династии еще не означал конца Первой мировой войны для России. И хотя одной из причин свержения Романовых были трудности войны и перенапряжение людских ресурсов, хозяйства, всей социальной инфраструктуры российского общества, после отречения Николая Второго от престола силы, пришедшие к власти (Временное правительство, образованное преимущественно на основании думского масонства[1] и буржуазных партий), продолжили курс на участие России в войне на стороне Антанты. Этот момент является решающим с точки зрения геополитики. И Николай Второй, и сместившие его сторонники республиканской буржуазно-демократической формы правления были ориентированы на Англию и Францию, т. е. стремились позиционировать Россию в лагере *талассократических* де-

---

[1] Однако самой многочисленной ложей Великого Востока Народов России в 1912—1916 гг. являлась, вне всякого сомнения, думская ложа «Розы», в которой объединились в 1912 году масоны-депутаты IV Государственной думы. Открылась она 15 ноября 1912 года. Принципиальное отличие ее от III Думы состояло в явном уменьшении влияния центра (число октябристов в Думе резко сократилось: вместо 120 их осталось всего 98, в то время как число правых (185 вместо 148) и левых (кадеты, прогрессисты — 107 вместо 87) напротив возросло.

Размежевание политических сил в Думе усилилось, а вместе с ним рухнули и надежды правительства на создание проправительственного большинства в ней. Год от года IV Государственная дума становилась все более оппозиционной к правительству, причем критика его раздавалась не только слева, но и справа.

Председателем IV Государственной думы стал октябрист М.В. Родзянко.

Масонов в IV Государственной думе было по меньшей мере 23 человека: В.А. Виноградов, Н.К. Волков, И.П. Демидов, А.М. Колюбакин, Н.В. Некрасов, А.А. Орлов-Давыдов, В.А. Степанов, Ф.Ф. Кокошкин, К.К. Черносвитов, А.И. Шингарев, Ф.А. Головин, Д.Н. Григорович-Барский, Н.П. Василенко, Ф.Р. Штейнгель, А.Н. Букейханов, А.А. Свечин, Е.П. Гегечкори, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский [1049]. Все они, как уже отмечалось, и составляли думскую ложу «Розы». Возглавлял ее прогрессист И.Н. Ефремов [1050].

Решающим условием приема в думскую ложу была не партийная принадлежность депутата, как это принято в думских фракциях, а именно его организационная принадлежность к одной из масонских лож.

«В IV Государственной думе, — показывал бывший масон Л.А. Велихов, — я вступил в так называемое масонское объединение, куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), социал-демократов (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия» [1051]. От кадетов, помимо уже упомянутых Велиховым; Волкова, Некрасова и Степанова входили также В.А. Виноградов, И.П. Демидов, А.М. Колюбакин, А.А. Орлов-Давыдов, В.А. Степанов; от меньшевиков — Е.П. Гегечкори, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели; от прогрессистов — И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов; от трудовиков — А.Ф. Керенский. См.: *Серков А.И.* История русского масонства 1845—1945 гг. СПб., 1997.

ржав. Между монархической моделью и буржуазно-демократической, с внутриполитической точки зрения, были неснимаемые противоречия, и эскалация этих противоречий привела к свержению династии и монархической системы в целом. Но в геополитической ориентации Николая Второго и Временного правительства, напротив, была *преемственность и последовательность* — их роднила ориентация на цивилизацию Моря. В случае царя это было прагматическим выбором, в случае «февралистов» — идеологическим, поскольку и Англия, и Франция представляли собой давно установившиеся собой буржуазные политические режимы.

25 февраля 1917 года Высочайшим указом деятельность IV Государственной думы была приостановлена. Вечером 27 февраля был создан Временный комитет Государственной думы, председателем которого стал М.В. Родзянко (октябрист, председатель IV Думы). Комитет взял на себя функции и полномочия верховной власти. 2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола с передачей права наследования великому князю Михаилу Александровичу, который, в свою очередь, обнародовал 3 марта акт о намерении принять верховную власть только после того, как на Учредительном собрании выразится народная воля относительно окончательной формы правления в стране.

2 марта 1917 года Временный комитет Государственной Думы образовал первый общественный кабинет. Новое правительство объявило о выборах в Учредительное собрание; был принят демократичный закон о выборах: всеобщие, равные, прямые при тайном голосовании. Старые государственные органы были упразднены. Во главе Временного правительства встал Председатель Совета Министров и министр внутренних дел — князь Г.Е. Львов (бывший член 1-й Государственной думы, председатель главного комитета Всероссийского земского союза).

Ил. 51. Основные блоки европейских государств накануне Первой мировой войны: Центральные державы, Антанта, Сербия и Черногория — союзники России

Параллельно продолжали функционировать Советы, задачей которых стал контроль над деятельностью Временного правительства. В результате в России установилось двоевластие.

Советы рабочих и солдатских депутатов контролировались леворадикальными партиями, остававшимися ранее по большей части за пределами Государственной Думы — эсерами и социал-демократами (меньшевиками и большевиками).

Во внешней политике большевики, возглавляемые В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, придерживались последовательно *прогерманской ориентации*. Эта прогерманская ориентация основывалась сразу на нескольких факторах: на тесном сотрудничестве большевиков с немецкой марксистской социал-демократией и на тайных договоренностях с кайзеровской разведкой относительно материальной и технологической помощи, предоставляемой ей большевикам. Кроме того, большевики опирались на неприятие войны широкими народными массами и основывали на этом свою пропаганду, оформляя ее в духе революционной идеологии: солидарность трудящихся разных стран и империалистический характер войн, противоречащий интересам народных масс.

Таким образом, двоевластие между Временным правительством и Советами (в первую очередь, находившимися под контролем большевиков) в промежутке между мартом и октябрем 1917 года отражало и два геополитических вектора — проанглийский и профранцузский в случае Временного правительства и прогерманский в случае большевиков. Эта двойственность продемонстрирует свое значение и свою фундаментальность и на тех исторических событиях, которые напрямую связаны с эпохой революции и гражданской войны.

18 апреля 1917 года разразился первый правительственный кризис, завершившийся образованием 5 мая 1917 первого коалиционного правительства с участием социалистов. Его причиной стала нота П.Н. Милюкова от 18 апреля Англии и Франции, в которой Милюков заявил, что Временное правительство будет продолжать войну до победного конца и выполнит все международные договоры царского правительства. Здесь мы имеем дело с геополитическим выбором, который влияет на внутриполитические процессы. Решение Временного правительства привело к народному возмущению, которое перелилось в массовые митинги и демонстрации с требованием немедленного прекращения войны, отставки П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова и передачи власти Советам. За организацией этих беспорядков стояли большевики и эсеры. П.Н. Милюков и А.И. Гучков вышли из правительства. 5 мая между Временным правительством и Исполкомом Петроградского Совета было достигнуто соглашение о создании коалиции.

Однако и у крайне левых партий не было единства в отношении геополитического курса. Наиболее последовательно прогерманской и антивоенной линии придерживались именно большевики. Часть меньшевиков и левых эсеров (чьи руководители также часто принадлежали к масонским организациям, где доминировала профранцузская и проанглийская ориентация) были склонны к поддержке Временного правительства, в котором эсеры получили к тому времени несколько постов.

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 3 — 24 июня, на котором преобладали эсеры и меньшевики, поддержал Вре-

менное правительство и отклонил требование большевиков о прекращении войны и передаче власти Советам.

Вслед за этим начинается быстрый распад России. 3 июля делегация Временного правительства, возглавляемая министрами Терещенко и Церетели, признала автономию Украинской Центральной Рады. При этом делегация без согласования с Правительством очертила географические рамки полномочий УЦР, включив в них несколько юго-западных губерний России. Это вызвало июльский правительственный кризис. В разгар июльского кризиса финский сейм провозгласил независимость Финляндии от России во внутренних делах и ограничил компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. В результате кризиса было сформировано второе коалиционное правительство во главе с эсером А.Ф. Керенским, где эсеры и меньшевики получили в общей сложности семь постов.

Эсер Керенский, входивший также в группу «трудовиков» (народных социалистов), был видным деятелем русского думского масонства, членом ложи «Малая Медведица» и секретарем объединительной тайной масонской организации «Верховный Совет Великого Востока Народов России». Керенский придерживался проанглийской ориентации и был тесно связан с английским масонством.

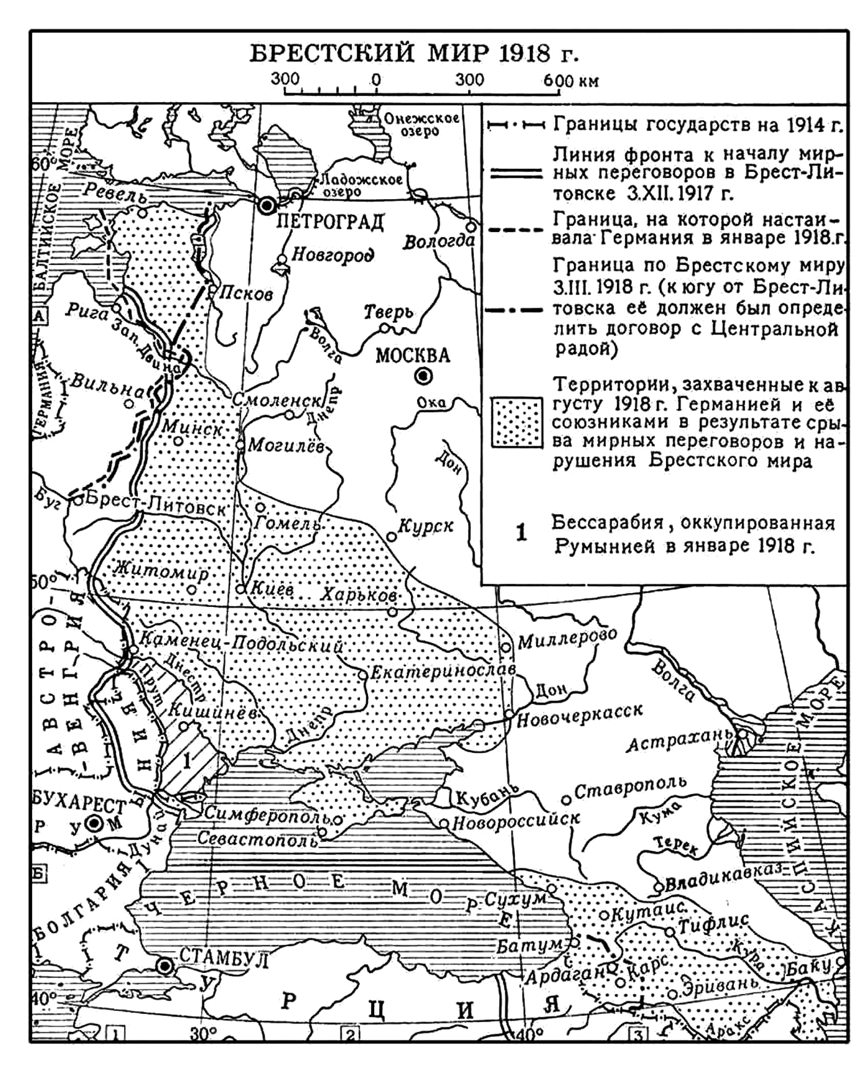
С целью противодействия Петросовету Керенский образовал 1 сентября 1917 новый орган власти — Директорию («Совет пяти»), которая провозгласила Россию республикой и распустила IV Государственную думу. 14 сентября 1917 было открыто Всероссийское демократическое совещание с участием всех политических партий, которое должно было решить вопрос о власти. Большевики его демонстративно покинули. 25 сентября 1917 года Керенский создает третье коалиционное правительство.

Ночью 26 октября 1917 года от лица Советов большевики, анархисты и левые эсеры свергают Временное правительство и арестовывают его членов. А.Ф. Керенский бежит. Показательно, что делает он это при посредстве английских дипломатов, в частности Брюса Локкарта, и отправляется в Англию, где с самого приезда активно участвует в деятельности английских масонских лож.

Октябрьский большевистский переворот, который разные исторические школы и представители разных мировоззрений сегодня оценивают поразному, с геополитической точки зрения обладал той особенностью, что означал *резкую смену внешнеполитической ориентации с талассократической на теллурократическую*. И Николай Второй, и думские масоны-республиканцы из Временного правительства придерживались англо-французской позиции и были верны Антанте. Большевики были однозначно ориентированы на мир с Германией и выход из рядов Антанты.

После разгона Учредительного собрания, где большевики не получили необходимой поддержки для того, чтобы полностью узаконить свой захват власти, вся власть перешла к Совнаркому, где большевики доминировали. В тот момент левые эсеры были их союзниками.

3 марта 1918 года в Брест-Литовске между большевиками и представителями Центральных держав (Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии) был заключен сепаратный мирный договор, означавший выход России из Первой мировой войны. Согласно условиям Брестского мира, от России отторгались на западе привислинские губернии, Украина, губернии с преобладающим белорусским населением, Эстляндская, Курляндская и Лиф-

Ил. 52. Карта Брестского мира 1918 г. между Германией, ее союзниками и Советской Россией

ляндская губернии, Великое княжество Финляндское; Карская область и Батумская область на Кавказе. Советское правительство обещало прекратить войну с Украинским Центральным Советом (Радой) Украинской Народной Республики, демобилизовать армию и флот; вывести из баз в Финляндии и Прибалтики балтийский флот; передать Черноморский флот со всей инфраструктурой Центральным державам; выплатить 6 миллиардов марок репараций. От Советской России была отторгнута территория площадью 780 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи). Одновременно Россия выводила с указанных территорий все свои войска, а Германия, наоборот, туда

вводила и сохраняла за собой контроль над Моонзундским архипелагом и Рижским заливом.

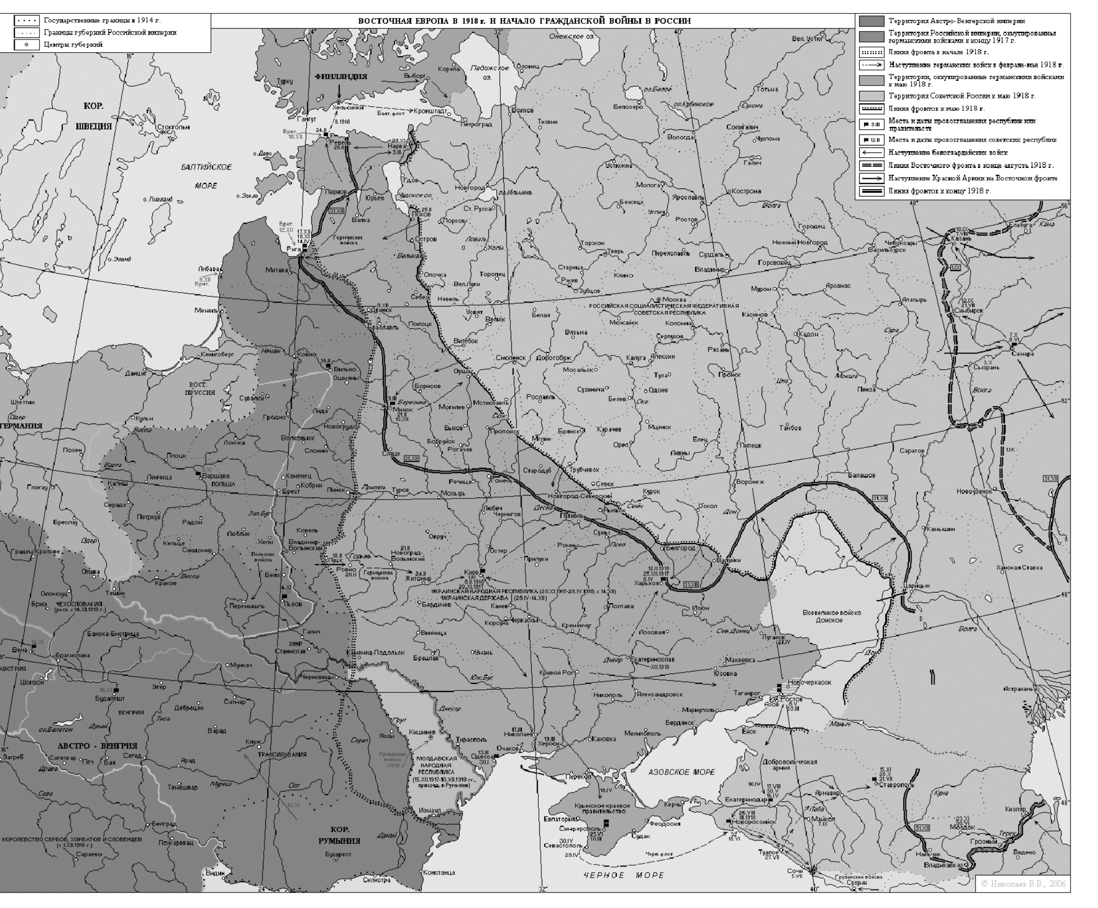
Такова была огромная цена, которую Советская Россия (отчасти ожидая скорого совершения в Германии и других европейских странах пролетарских революций) заплатила за свою прогерманскую ориентацию.

Брестский мир немедленно вызвал отторжение левых эсеров, часть лидеров которых были так или иначе ориентированы на Францию и Англию с прежних времен. В знак протеста против условий перемирия левые эсеры покидают Совнарком, а на IV Съезде Советов голосуют против Брестского мира. Эсер С.Д. Мстиславский выдвигает лозунг «Не война, так восстание!», призывая «массы» к «восстанию» против германо-австрийских оккупационных войск. 5 июля на V Съезде Советов левые эсеры снова активно выступили против большевистской политики, осуждая Брестский мир. На следующий день после открытия Съезда — 6 июля — двое левых эсеров, сотрудники ВЧК Яков Блюмкин и Николай Андреев, предъявив мандаты ВЧК, прошли в германское посольство в Москве, где Андреев застрелил немецкого посла Мирбаха. Задачей эсеров было сорвать договоренности с Германией. 30 июля левый эсер Б.М. Донской ликвидировал в Киеве командующего оккупационными войсками генерала Эйхгорна. Лидер левых эсеров Мария Спиридонова отправляется на V Съезд Советов, где объявляет, что «русский народ свободен от Мирбаха», подразумевая, что прогерманская линия в Советской России завершена. В ответ на это большевики мобилизуют свои силы для подавления «левоэсеровского мятежа», арестовывают и расстреливают лидеров левых эсеров. В этом снова проявляется различие в геополитических ориентациях — на сей раз внутри леворадикальных сил, захвативших власть в Советской России. Левые эсеры пытаются сорвать прогерманскую линию большевиков, но, в конечном итоге, проигрывают и исчезают как политическая сила.

Если мы соберем все эти геополитические элементы в одну картину, то мы получаем следующую схему: Николай Второй, буржуазные партии и частично левые эсеры (думское масонство) придерживаются ориентации на Антанту, следовательно, на талассократию; большевики же последовательно проводят линию на союз с Германией и другими центрально-европейскими державами, а также на Турцию, т. е. выступают с позиции теллурократии. Эта геополитическая закономерность дает возможность совершенно по-новому взглянуть на драматические события русской истории 1917—1918 годов и предопределяет последующие этапы советского периода.

Геополитика Гражданской войны

В период 1917—1923 годов в России вспыхнула Гражданская война. Рассмотрим ее геополитические аспекты. Хотя Гражданская война по определению представляла собой внутриполитический конфликт, в котором принимали участие граждане одного и того же государства, геополитический фактор и связи с внешними силами играли в ней значительную роль. То, что мы знаем относительно геополитической раскладки сил в последние годы царского режима, после февраля и после октября 1917 года, уже позволяет дать предварительную характеристику геополитическим процессам Гражданской войны.

Ил. 53. Гражданская война в России — начало (1918)

В Гражданской войне между собой столкнулись преимущественно две политические силы — красные (большевики) и белые. Что касается большевиков, то их идеологическая, политическая и геополитическая идентичность довольно ясны. Они исповедуют марксизм и диктатуру пролетариата, выступают против буржуазного порядка вещей, а в геополитике ориентируются на Германию и жестко противостоят Антанте. В этой позиции мы видим сразу несколько теллурократических черт:

— ориентация на Германию (Брест-Литовское соглашение);
— отторжение буржуазного строя (капитализм, как мы видели, социологически сопряжен с талассократией);
— враждебность в отношении талассократической Антанты.

Можно сказать также, что большевики культивируют «спартанский» стиль — аскетизм, героизм, преданность идее.

Белое движение не столь однородно ни идеологически, ни политически. В нем участвуют как продолжатели «февраля» (подавляющее большинство), так и сторонники возврата к монархической системе (монархисты). Кроме того, среди сторонников Февральской революции есть представители различных партий, как правых и буржуазных (кадеты, октябристы), так и левых (эсеры, народные социалисты и т. д.). Идеологически белое движение представляет собой широкий спектр сил, чьи политические идеи довольно различны. Объединяет всех только одно: отторжение большевизма и марксизма. Красные выступают в качестве «общего врага». Но т. к. большевики в той исторической ситуации представляют собой *теллурократию*, совершенно логично, что их противники, «белые» будут ориентированы прямо противоположным образом, т. е. *талассократически*. Так оно и происходит на практике, поскольку белое движение в целом (и буржуазные и левые партии и монархисты) делают ставку на Антанту, поддержку Англии и Франции в борьбе с большевиками. Это вписывается в логику внешней политики Временного правительства, а также в политику монархистов, сохраняющих верность логике последнего этапа царского правления.

Лишь очень небольшой сегмент белого движения (в частности, казаки атамана Краснова и «северной армии», создававшейся германцами в октябре 1918 года в Пскове из русских добровольцев) придерживались германской ориентации, но это было совершенно маргинальным явлением.

Кроме того, если мы посмотрим на карту расположения основных территорий, контролировавшихся красными и белыми в ходе гражданской войны, мы заметим следующую закономерность: красные контролируют внутриконтинентальные зоны, пространство Heartland'а, тогда как белые армии располагаются по периферии России и в той или иной степени опираются на береговые зону, откуда приходит помощь морских держав, политически, экономически и военно-стратегически поддерживающих белое дело. Белые и в этом воспроизводят логику талассократии, которая рассматривает политические и стратегические процессы со стороны береговой зоны. Красные же оказываются в положении сухопутных геополитических сил.

В эпоху гражданской войны мы сталкиваемся с очень символичным и важным для геополитики явлением. Отец-основатель геополитики Хэлфорд Маккиндер в 1919 году был назначен британским Верховным комиссаром на юге России и послан через Восточную Европу для поддержки антибольшевистских сил, возглавляемых генералом Деникиным. Эта миссия позволила

Маккиндеру давать свои рекомендации британскому правительству по геополитике в Восточной Европе, что лего в основу книги «Демократические идеалы и реальность»[1]. Маккиндер призывал Великобританию усилить поддержку белым армиям на юге России и привлечь для этого антибольшевистские и антирусские режимы Польши, Болгарии, Румынии. В переговорах с Деникиным он добился от него согласия на отделение от России южных и западных областей, а также Южного Кавказа с тем, чтобы создать там проанглийские буферные государства. Анализ Маккиндером положения дел в России в период гражданской войны был совершенно однозначным: в большевиках он видел силы Heartland'а, которым было суждено либо приобрести коммунистическое идеологическое оформление, либо уступить инициативу Германии. В обоих случаях Англии этого нельзя было допустить. Для этого Маккиндер предлагал всемерно поддержать белых и расчленить Россию. Показательно, какие страны он предлагал создать в пространстве номинально целостного в тот период государства: Беларусь, Украину, Югороссию (под приоритетным влиянием пробританской Польши), Дагестан (включающий в себя весь Северный Кавказ), Армению, Азербайджан, Грузию. Эти страны призваны были служить «санитарным кордоном» между континентальной Россией и соседними областями — Германией на западе, Турцией и Ираном на юге. Книга «Демократические идеалы и реальность»[2], а также записка[3], написанная Маккиндером для своего друга лорда Керзона, содержат в себе базовые идеи геополитики, которую Маккиндер не только теоретически создавал и развивал, но и в которой он на практике участвовал.

Ситуация на Южном фронте в 1920 году и ослабление армии Деникина привели к тому, что план Маккиндера, который он озвучил на заседании Британского правительства 29 января 1920 года, не был принят, и Англия отказалась от полноценной поддержки белых армий[4]. Но анализ Маккиндером общей ситуации, который в то время был далеко не очевиден, с прошествием времени блестяще подтвердился. Большинство английских политиков были убеждены, что большевистский режим долго не продлится. Маккиндер же, напротив, основываясь на геополитическом методе, ясно предвидел, что рано или поздно Советская Россия превратится в мощную континентальную теллурократическую державу. Так оно и вышло в дальнейшем.

Участие в белом движении такой фигуры, как Маккиндер, основателя самой геополитики и ведущей фигуры талассократической стратегии, окончательно подтверждает вывод о талассократической функции белого дела в целом.

Не менее показательна судьба еще одной фигуры — Алексея Ефимовича Вандама (Едрихина), выдающегося аналитика международных отношений, стратега, которого вполне можно отнести к провозвестникам русской евразийской континентальной геополитики. Едрихин оказывается в эпоху Гражданской войны в Эстонии, оккупированной немцами, и германское командование поручает ему сформировать «Северную армию», состоящую из антибольшевистских сил, лояльных немцам. Вандам известен своей жесткой

---

[1] *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1942.

[2] Op. cit.

[3] *Blouet Brian W.* Sir Halford Mackinder as British high commissioner to South Russia 1919—1920 // Geographical Journal. 142 (1976).С. 228—236.

[4] Ibidem.

антианглийской и теллурократической позицией (он участвовал в Южной Африке в военных действиях против англичан на стороне буров), и именно этот фактор стал определяющим для немцев. «Северная армия» не получила развития в силу проигрыша Германии в Первой мировой войне, и миссия Вандама не имела продолжения. Но сам факт такого проекта с участием видного русского геополитика чрезвычайно символичен.

В Гражданскую войну среди действующих лиц второго плана мы встречаем и еще одного деятеля, чья судьба имеет важнейшее значение для становления геополитики. Речь идет о Петре Николаевиче Савицком. В 1919 году Савицкий примкнул к добровольческому движению юга России («деникинцам»), был товарищем министра иностранных дел в правительствах Деникина и Врангеля. Савицкий в самый разгар Гражданской войны в 1919 году пишет удивительный по своей прозорливости геополитический текст «Очерки международных отношений»[1], где заявляет следующее: «Можно сказать с полной уверенностью, что если бы Советская власть одолела Колчака и Деникина, то она «воссоединила» бы все пространство бывшей Российской Империи и, весьма вероятно, в своих завоеваниях перешла бы прежние ее границы».[2] Статья была напечатана в органе белых и от лица одного из теоретиков их международной политики. Савицкий недвусмысленно показывает, что и у белых, и у красных есть одни и те же геополитические цели — построение мощной и независимой от Запада континентальной державы, для чего и те и другие вынуждены будут вести по сути одинаковую политику. Позднее Савицкий станет главной фигурой Евразийского движения, которое придаст этим начальным интуициям о неизменности геополитической стратегии сухопутной державы развернутое теоретическое обоснование и станет ядром первой полноценной русской геополитической школы[3].

В Гражданской войне выделяют три этапа: первый с 1917 по ноябрь 1918 года, когда происходило формирование основных военных лагерей — белых и красных. Это развертывалось на фоне продолжающейся Первой мировой войны.

Второй этап — с ноября 1918 года по март 1920 года, когда произошли главные сражения между Красной Армией и белыми армиями. В марте 1920 года в Гражданской войне наступил коренной перелом. В этот период отмечается резкое сокращение боевых действий со стороны войск Антанты в связи с окончанием Первой мировой войны и выводом основного контингента иностранных войск с территории России. После этого в боевых действиях участвовали преимущественно только русские. Боевые действия развернулись в этот период по территории всей России. Первое время наступление белых было успешным, но затем инициатива перешла к красным, взявшим под свой контроль основную территорию страны.

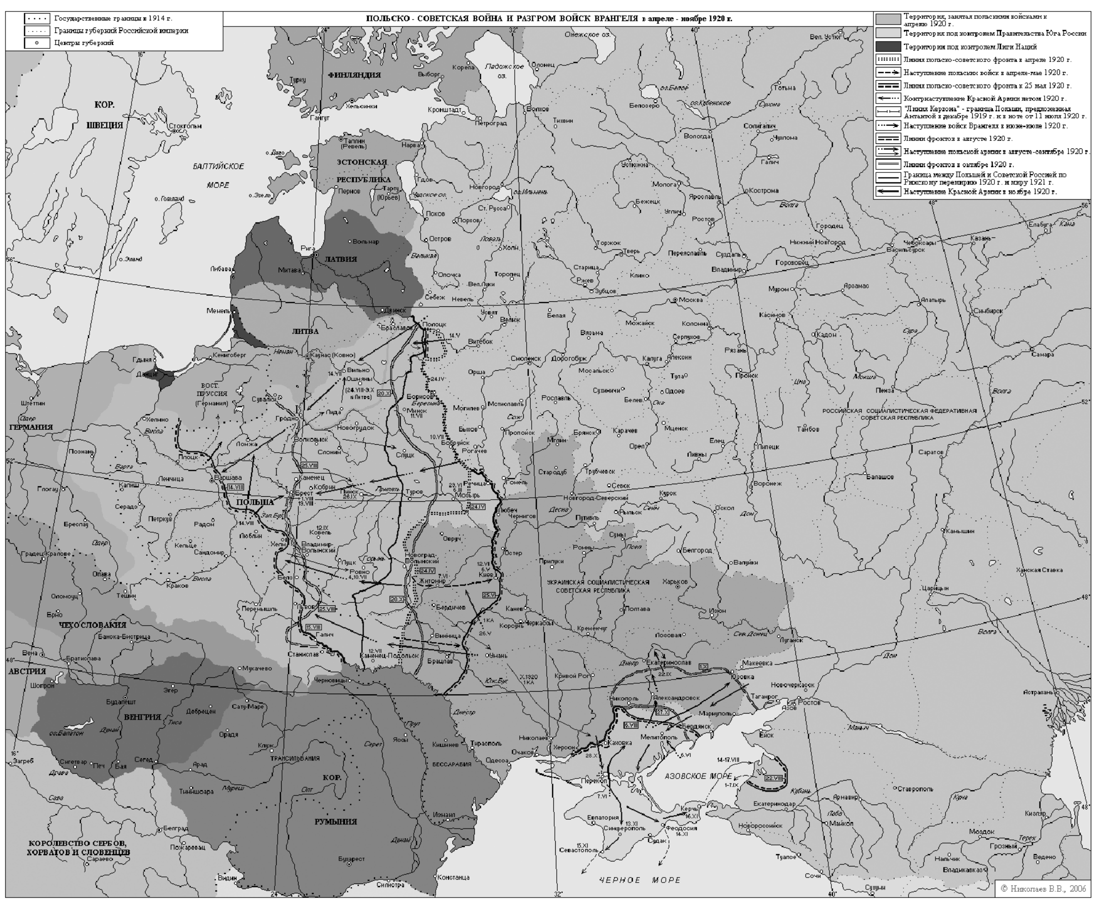
С марта 1920 года по октябрь 1922 года развернулся третий этап, когда основная борьба происходила на окраинах страны и уже не представляла непосредственной угрозы власти большевиков. После эвакуации в октябре 1922 года дальневосточной Земской Рати генерала Дитерихса в России продолжали борьбу только Сибирская Добровольческая Дружина генерал-лей-

---

[1] *Савицкий П.Н.* Очерки международных отношений // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 382—398.

[2] Там же. С. 390.

[3] Основы евразийства. М., 2002.

Ил. 54. Завершение Гражданской войны в России и польско-советская война

тенанта А.Н. Пепеляева, сражавшаяся в Якутском Крае до июня 1923 года, и казачий отряд войскового старшины Бологова, оставшийся под Никольск-Уссурийским. На Камчатке и Чукотке советская власть была окончательно установлена в 1923 году. Показательно, что все военные действия развертывались по схеме *красный центр* (Heartland) против *белой периферии*, прилагающей к морским границам, и остатки разгромленных белых войск покидали Россию морским путем.

Итогом Гражданской войны стал захват большевиками власти на основной части территории бывшей Российской империи, признание независимости Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, а также создание на подконтрольной территории Российской, Украинской, Белорусской и Закавказской советских республик, 30 декабря 1922 года подписавших договор об образовании СССР.

Показательно, что красные в своей кавказской политике опирались на Турцию Кемаля Ататюрка, и в этом вопросе осуществляя именно *континентальный* сценарий геополитики. Важную роль в этом сближении с Турцией и реорганизацией стратегического баланса сил на Кавказе сыграл видный военный и дипломатический деятель, перешедший на сторону большевиков, генерал С.И. Аралов[1], основатель Главного Разведывательного Управления.

Геополитический расклад сил Версальского мира

Окончание Первой мировой войны дало следующий геополитический расклад сил. Россия проиграла Германии и Австро-Венгрии, и этот проигрыш был закреплен условиями Брест-Литовского соглашения. Издержки этого соглашения были значительны. Но т. к. большевики были прогермански ориентированы, Россия не смогла воспользоваться тем, что Германия, в свою очередь, проиграла Франции и Англии. В результате 28 июня 1919 года в Версальском дворце Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Италией и Японией, с одной стороны, и Германией — с другой, был подписан мирный договор, определивший международный порядок на следующие десятилетия.

Версальский договор был унизительным для Германии; по сути, он лишал ее права проводить самостоятельную политику, иметь полноценную армию, развивать экономику, восстанавливать свое влияние в международной сфере. Кроме того, от Германии требовалось пойти на значительные и крайне болезненные территориальные уступки.

Геополитика Версальского мира ставила во главу угла глобальные интересы морских держав, и в первую очередь океанической Британской империи. По сути, Англия признавалась почти де юре единственной полноправной хозяйкой мирового океана. Это был триумф талассократии. Большевистская Россия вообще выносилась за скобки, а побежденная Германия ставилась в кабальные условия.

Весьма показательно, что к архитектуре Версальского мира приложил руку Хэлфорд Маккиндер, который, как уже говорилось, был тесно связан с английским министром иностранных дел лордом Керзоном. Главной задачей победившей стороны, по Маккиндеру, было предотвращение нового подъема как большевистской России, так и Германии, и особенно недопуще-

[1] *Аралов С.И.* Воспоминания советского дипломата 1922—1923. М., 1960.

ние их будущего стратегического альянса. Для этого между Россией и Германией предполагалось выстроить «санитарный кордон» из имеющихся или вновь создаваемых восточно-европейских государств, ориентированных на Англию и Францию, которые должны были бы выступать инструментом, управляющим и сдерживающим потенциальное российско-германское сближение. Версальский мир был миром победившей талассократии, грандиозным политическим и военным успехом цивилизации Моря.

Следует особенно подчеркнуть, что на Версальской конференции американская делегация под началом президента Вудро Вильсона впервые озвучивает новую международную стратегию США, где утверждалось, что зоной американских интересов становится весь мир и, по сути, закреплялась идея о перехвате иницитивы Англии как оплота морского могуещства. То есть идеи адмирала Мэхэна ложатся в основу стратегического курса США, которым они будут следовать в течение всего XX века и которому они остаются верны по настоящее время. Доктрина Вильсона призывала покончить с американским изоляционизмом и невмешательством в дела европейских держав и перейти к активной политике в планетарном масштабе под эгидой морской цивилизации. С этого момента начинается постепенный перенос центра тяжести от Англии к США. Этот момент можно считать поворотным пунктом в геополитическом курсе Северной Америки: отныне США прочно становятся на путь последовательной и активной талассократии, осознают свою социальную структуру (буржуазная демократия, рыночное общество, либеральная идеология) как универсальный набор глобальных ценностей, как идеологию и основу планетарной гегемонии. В период между Версальским миром и началом Второй мировой войны смещение центра от Англии к США будет главным геополитическим процессом, протекающим в контексте цивилизации Моря.

Именно в Версале на основании группы американских экспертов и крупных банкиров, прибывших из США, формируется основа «Совета по внешним отношениям» («Counsil on foreign relations», сокращенно CFR) под началом американского геополитика Исайи Боумена, которому суждено стать важнейшей инстанцией по формированию американской внешней политики в глобальном масштабе в талассократическом ключе. Систематическое становление школы американской геополитики начинается именно с этого ключевого момента. Тогда же с «Советом по внешним отношениям» (CFR) начинает сотрудничать и Хэлфорд Маккиндер, присутствовавший в составе британской делегации при заключении Версальского договора. Позднее свои программные тексты Маккиндер будет публиковать во влиятельном издании, выпускаемом CFR, «Foreign Affairs». Так закладывается основа систематизированного *геополитического атлантизма*, в основе которого лежит стратегическое единство двух великих англосаксонских держав — Англии и США. И если США на этапе Версаля играют подчиненную роль, то постепенно баланс сил будет смещаться в их пользу, и именно США будут постепенно выступать на передний план, принимая на себя функцию оплота всей морской цивилизации, ядра морского могущества и мировой океанической талассократической империи.

С Версаля начинается история и немецкой геополитики, связанной с именем и школой Карла Хаусхофера. Хаусхофер дает анализ результатов Версальского договора в духе методологии Маккиндера, но только с позиции немецкой стороны, потерпевшей поражение. Так, он приходит к геопо-

литическому описанию той модели, которая должна была бы теоретически привести Германию к будущему возрождению и преодолению кабальных условий Версаля. Для этого Хаусхофер выдвигает концепцию «континентального блока»[1], представляющего собой альянс объективно сухопутных, континентальных, теллурократических держав — Германии, России и Японии. Так складывается систематическая и развитая структура континентальной геополитики, представляющая собой последовательный и масштабный ответ на стратегию атлантистов и геополитиков талассократической школы.

Травма, оставленная Версалем в немецком обществе, в дальнейшем будет с успехом эксплуатироваться национал-социалистами (с которыми сам Хаусхофер на первых порах сотрудничает), и в конце концов, именно план преодоления Версальских ограничений станет одним из важнейших факторов в их грядущей победе на выборах в Рейхстаг (парламент) в 1933 году.

В эмиграции после Версаля образовано Евразийское движение, в лоне которого были заложены основы русской (евразийской) геополитики[2].

Геополитика и социология раннесталинского периода

С 1922 года Россия получает новое название и становится «Союзом Советских Социалистических Республик». Если на первых порах большевики нейтрально относились к требованиям малых народов Российской Империи к отделению и созданию собственной государственности, то в 20-е годы возобладало централистское направление, получившее название «сталинской национальной политики». Постепенно был взят курс на построение социализма в одной стране, что требовало укрепления Советской власти на максимально широком пространстве. Поэтому большевики, по сути, вернулись к царской политике центростремительных ориентаций и укрепления административного единства России. Эта политика на сей раз была оформлена в совершенно новых идеологических конструкциях, обосновывалась пролетарским интернационализмом, равенством всех народов и классовой солидарностью пролетариата всех национальностей. Но геополитическая суть ее оставалась прежней: большевики собирали земли бывшей Российской Империи *вокруг Heartland'а как геополитического ядра*. С социологической точки зрения — это объединение проходило под антибуржуазными и «спартанскими» лозунгами и на основе новой системы ценностей.

Этот курс стал постепенно расходиться с ортодоксальным марксизмом, который предполагал осуществление пролетарских революций, в первую очередь, в промышленно развитых странах, а не в аграрной России (эту возможность сам Маркс категорически исключал), а во-вторых, одновременно или с небольшим опозданием в целом ряде государств, а не только в одной стране. Ленин и Троцкий, главные действующие лица Октябрьской революции и последующего удержания власти большевиками, полагали, что революцию можно и нужно осуществить в одной стране, в России, что уже было некоторым отступлением от классического марксизма, но они толковали это как временную историческую особенность, за которой должна последовать

---

[1] *Хаусхофер К.* Континентальный блок Берлин-Москва-Токио // Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 825—836.

[2] *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. С. 295—303.

серия пролетарских революций в других странах — в первую очередь, в Германии, а также в Англии, во Франции и т. д. То есть речь шла о переходом моменте: об осуществлении пролетарской революции в одной стране как о первом шаге из целой серии революций в других странах и о начале общепланетарного процесса всечеловеческой мировой революции. Поэтому большевики шли так легко на немецкие условия: для них было важно укрепить свое положение и продержаться до начала революций в европейских державах, которые они считали делом решенным и скорым. Так, Троцкий проводил активную марксистскую агитацию, даже присутствуя в Бресте при заключении мирного договора с немцами.

Сам Сталин еще в мае 1924 года в брошюре «Об основах ленинизма» писал: «...Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране — еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма — организация социалистического производства — остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно... Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран»[1]. Троцкий продолжал мыслить в этом же ключе и впоследствии.

Но все меняется в конце 1924 года, когда между Троцким и Сталиным обнаруживаются первые противоречия. Здесь Сталин полностью отказывается от своих слов, сказанных совсем недавно, и выдвигает прямо противоположный тезис. В декабре 1924 года он в одной из первых работ, посвященных критике «троцкизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»[2], утверждает, что «социализм в одной стране построить можно». С этого времени он стал обвинять тех, кто отрицал возможность построения социализма в СССР при отсутствии победоносных социалистических революций в других странах, в капитулянтстве и пораженчестве. Новая теоретическая и политическая установка на построение социализма в одной стране была закреплена на XIV конференции РКП (б) в апреле 1925 года. В дальнейшем «построение социализма в одной стране» становится аксиомой советской политики.

Начиная с этого момента надежды на пролетарские революции в остальных странах отступают на задний план, а на первый план выдвигаются стратегические задачи по укреплению СССР как самостоятельной великой державы, способной, при необходимости, отразить атаку со стороны капиталистического окружения. Учитывая специфику геополитического расположения СССР в пространстве Heartland'а и социологическую особенность «спартанского» стиля социалистического общества, мы имеем дело с законченной и полноценной *теллурократией*. Советская Россия в эпоху Сталина представляет собой новое издание великой Туранской евразийской империи, ядро сухопутной цивилизации.

---

[1] *Сталин И.В.* Об основах ленинизма // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948.

[2] *Сталин И.В.* Октябрьская революция и тактика русских коммунистов // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6.

Ил. 55. Создание СССР: бо́льшая часть территории бывшей Российской Империи была вновь собрана большевиками

Здесь можно задаться вопросом: что ответственно за сближение в советском периоде истории за его сухопутное евразийское измерение, само содержание коммунистической идеологии или тот исторический факт, что пролетарская революция произошла в сухопутной континентальной России? Однозначного ответа здесь нет. Троцкий еще в СССР и с еще большей настойчивостью после своей эмиграции выдвинул идею о том, что сталинская государственность «предала коммунизм» и воссоздала на новом этапе имперскую и великодержавную бюрократию царистского типа. Тем самым Троцкий отрывал социализм от евразийского измерения и приписывал особенности СССР (который он критиковал) именно возврату к национальной русской стратегии. Другая точка зрения характерна для некоторых современных марксистов (например, Констанцио Преве[1]), которые видят внутреннюю связь социализма и континентализма (цивилизации Суши) и тем самым считают победу социализма именно в сухопутной России (а позже в других сухопутных традиционных обществах — Китай, Вьетнам, Корея и т. д.) не случайностью, а закономерностью.

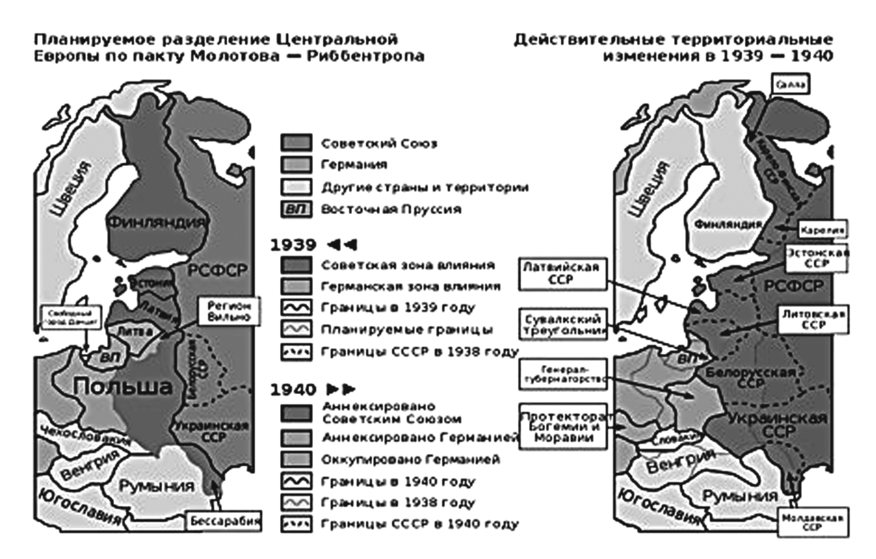
В любом случае, строительство СССР после 1924 года показывает, насколько точны и справедливы были предвиденья как Маккиндера, так и Савицкого, которые с двух углов зрения рассматривали геополитическое будущее большевиков: СССР стал могущественным выражением Heartland'а, а его противостояние с капиталистическим миром было проявлением важнейшей, быть может, кульминационной стадии, «великой войны континентов», битвы между сухопутным Бегемотом и морским Левиафаном (в терминологии К. Шмитта). Политика построения социализма в одной стране и рост советского патриотизма, по сути, были следующим этапам континентального державного импероcтроительства. И не случайно в 30-е годы, когда Сталин надежно укрепился у власти, мы видим отчетливое выражение именно монархических тенденций, которые составляли особенность русского востока, Московской идеологии и силовую ось строительства русской империи. Сталин становится функционально «русским царем», сопоставимым с Петром Великим или Иваном Грозным. На новом историческом этапе СССР продолжает и развертывает в небывалых доселе масштабах геополитические проекты сухопутной цивилизации, создает державу Великого Турана. Под социалистическими формами скрывается евразийское великоконтинентальное содержание.

Символическим является перенос большевиками 12 марта 1918 столицы Советской России из Санкт-Петербурга в Москву. И хотя эта меры диктовалась соображениями практического и прагматического характера, на уровне исторических параллелей это означало существенный сдвиг в сторону русского востока, обращение к московским канонам сухопутной геополитики.

СССР был новым изданием русского сухопутного царства, а Сталин — «красным царем». Средневековая концепция Третьего Рима парадоксальным образом превратилась в идею Москвы как столицы Третьего Интернационала. Третий Интернационал как сеть коммунистических партий и движений, ориентированных на Советскую Россию, стал, таким образом, *геополитическим инструментом* по распространению во всем мире сухопутного теллурократического русского влияния. С точки зрения идео-

---

[1] *Preve C.* Filosofia e Geopolitica. Parma: Edizioni all'insegna del Veltro, 2005.

Ил. 56. Планируемые и действительные изменения границ в Европе, согласно Секретным протоколам к Советско-Германскому Договору о ненападании 1940 г. (историческая достоверность карты не подтверждена)

логии это была непривязанная территориально планетарная интернациональная сеть. Но со стратегической точки зрения Третий Интернационал выполнял функцию геополитического инструмента по расширению зоны геополитического влияния Heartland'а. Православное мессианство XVI века причудливо отразилось в большевистском коммунистическом «мессианстве» мировой революции с ядром в Москве, столице Третьего Интернационала.

Геополитика Великой Отечественной войны

После прихода к власти нацистов Германии в 1933 году в мире складывается следующий геополитический расклад сил.

С одной стороны, мы имеем мощный евразийский великоконтинентальный Советский Союз, вполне самодержавно управляемый Иосифом Сталиным. Это Heartland, ядро мировой континентальной силы.

На Западе снова, как и накануне Первой мировой войны, складывается два блока государств:

1) талассократический альянс Англии, Франции и США, а также стран восточной Европы, принадлежащих к «санитарному кордону» и находящихся под контролем талассократии (Польша, Чехословакия)

2) европейские континентальные теллурократические державы во главе с национал-социалистической Германией и фашистской Италией, а также оккупированными ими или союзными странами.

На Востоке мы имеем Японию, которая равняется на Германию и подчеркивает свою теллурократическую ориентацию. Китай же пребывает в чрезвычайно ослабленном состоянии и в значительной степени контролируется англичанами.

В такой ситуации чисто теоретически мы можем представить себе следующие сценарии альянсов в неумолимо надвигающейся войне.

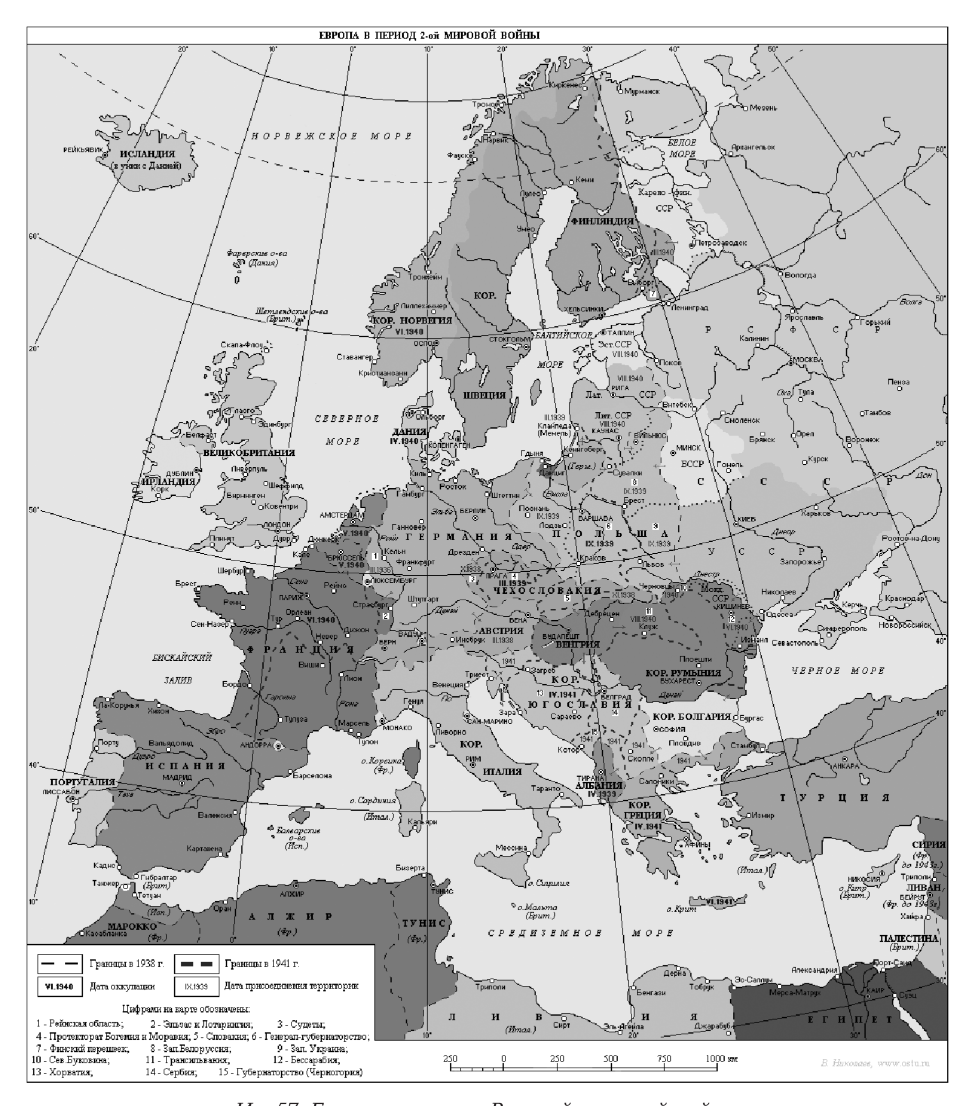
1) *Реализация «континентального блока» по модели Хаусхофера.* Это предполагает альянс СССР и нацистской Германии, а также других стран Оси и Японии. Для этого есть определенные предпосылки в германофильской ориентации большевиков (коммунист Карл Радек и немецкие национал-большевики, в частности, Э. Никиш настаивали на союзе немецких левых националистов и СССР в антибуржуазной и антизападной — антифранцузской и антианглийской стратегии сближения[1]), в геополитическом анализе и в том, что номинально оба режима являются «социалистическими» и «антикапиталистическими». Но этому препятствуют догматический марксизм и интернационализм Сталина и расистские (антикоммунистические и юдофобские) воззрения Гитлера. Шагом в направлении такого альянса было заключение пакта между Риббентропом и Молотовым. Если допустить, что такой альянс мог бы состояться, то, скорее всего, баланс сил был бы достаточным для того, чтобы сломить планетарную мощь талассократии и надолго вывести Британию и США из истории. Именно к такому альянсу подталкивала основных континентальных игроков объективная геополитика. Эта объективная геополитика имела своих сознательных и систематических представителей в Германии (школа К. Хаусхофера), но не имела в России. Надо заметить, что и в Германии к мнению Хаусхофера вожди национал-социализма прислушивались лишь частично.

2) *Альянс стран Оси с буржуазно-демократическими режимами Запада против СССР. В* этом случае мы имели бы нечто аналогичное раскладу сил в Крымской войне, когда вся Европа консолидировалась против России. Шагом в этом направлении был Мюнхенский сговор, когда Англия отчасти поддержала Гитлера, рассчитывая, что с его помощью может ослабить СССР. В этом случае мы имели бы дело с талассократическим альянсом на основе общей для талассократических стран и Германии неприязни к коммунизму и России-Евразии. В этом случае можно было бы прогнозировать, что СССР оказался бы в отчаянном положении, не имея никаких внешних союзников. В этом случае стартовые условия военной компании были бы не просто не в пользу СССР, но скорее всего, фатальными. Хаусхофер продумывал и эту возможность, и нельзя исключить, что странный полет Рудольфа Гесса, ученика Хаусхофера, в Англию уже после начала англо-германских военных столкновений был отчаянной попыткой построить альянс Германии с Англией в преддверии неизбежного конфликта с СССР.

3) *Альянс талассократических буржуазно-демократических стран с континентальным евразийским СССР против европейской континентальной Германии.* Это было бы повторением расклада сил накануне Первой мировой войны и вторым изданием Антанты. Сегодня мы знаем, что именно этот сценарий и был воплощен в жизнь, в первую очередь, из-за самоубийственной авантюры Гитлера — — войны на два фронта и против Запада, и против Востока. В таком случае, в конечном счете, в выигрыше оставались исключительно страны Запада, т. к. столкновение двух континентальных держав друг с другом (как и в случае Наполеоновского нашествия) влекло за собой лишь их взаимное ослабление.

---

[1] *Агурский М.А.* Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

Ил. 57. Европа в период Второй мировой войны

Итак, во Второй мировой войне столкнулись между собой представители трех геополитических сил и трех идеологий. Heartland был представлен Советской Россией, Сталиным и социализмом (марксизмом). Морское могущество — коалицией Англии, США и Франции, объединенными под либеральной буржуазно-демократической идеологией. Континентальная держава Европы (Средняя Европа) была представлена странами Оси (Третий Рейх, фашистская Италия и их сателлиты) и идеологиями «Третьего пути» (национал-социализм, фашизм, японский самурайский традиционализм). Непримиримые и не имеющие вообще никаких общих мировоззренческих идеологических точек пересечения полюса — СССР и западные капиталис-

тические страны, представляющие соответственно Сушу и Море — оказались по дну сторону баррикад против Центральной Европы и национал-социализма. Такой расклад сил полностью *противоречил* контексту и закономерностям объективной геополитики. Следовательно, он представлял собой мощное вторжение субъективного фактора: личного авантюризма Гитлера и эффективной работы антигерманской агентуры в СССР и антисоветской агентуры в Германии.

Хроника Великой Отечественной войны, начавшейся 22 июня 1945 года и завершившейся 9 мая 1945 года, прекрасно известна любому россиянину.

Первый этап войны (повторяя историю со вторжением Наполеона) представляет собой относительно успешно осуществленный немецкими войсками блицкриг, приведший к ноябрю 1941 года немецкие дивизии под Москву. К 1 декабря 1941 года германские войска захватили Литву, Латвию, Белоруссию, Молдавию, Эстонию, значительную часть РСФСР, Украины, продвинулись вглубь до 850—1200 км. В результате ожесточенного сопротивления советских армий немцы в конце ноября — начале декабря были остановлены на всех направлениях. Попытка взять Москву провалилась.

В ходе зимней кампании 1941—1942 годов было проведено контрнаступление под Москвой. Была снята угроза Москве. Советские войска отбросили противника на западном направлении на 80—250 км, завершили освобождение Московской и Тульской областей, освободили многие районы Калининской и Смоленской областей. На южном фронте советские войска обороняли стратегически важный Крым.

Качественный перелом ситуации начался осенью 1942 года. 19 ноября 1942 года началось контрнаступление советских войск. А с начала 1943 года советские войска решительно двинулись на запад. Решающими событиями летне-осенней кампании 1943 года были Курская битва и битва за Днепр. Красная Армия продвинулась на 500—1300 км.

28 ноября — 1 декабря 1943 года состоялась Тегеранская конференция И. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта, где основным вопросом стало открытие второго фронта. Союзники договорились об основных направлениях будущего миропорядка после вероятного поражения Германии и стран Оси.

Показательно, что в этот же период Маккиндер в американском журнале «Foreign Affairs» публикует последний программный геополитический текст «Круглая планета и завоевание мира»[1], где в общих чертах набрасывает структуру геополитического расклада сил, к которой должны стремиться талассократические страны (США, Англия, Франция и т. д.) после победы над Германией вместе с таким геополитическим и идеологически проблематичным союзником, как СССР и Сталин. И снова Маккиндер уже в новых условиях призывает к блокаде против СССР, сдерживанию его движения на запад и воссозданию «санитарного кордона» в Восточной Европе.

Зимнюю кампанию 1943—1944 годов Красная Армия начала грандиозным наступлением на правобережной Украине (24 декабря 1943—17 апреля 1944 года). Апрель—май ознаменовался Крымской наступательной операцией (8 апреля — 12 мая). В июне 1944 года союзники открыли второй фронт, что несколько ухудшило военное положение Германии, но решающего влияния на баланс сил и ход войны не оказало. В летне-осеннюю кампанию 1944 года

---

[1] *Mackinder H.J.* The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs. 1943. № 21.

Красная Армия провела ряд крупных операций, в том числе Белорусскую, Львовско-Сандомирскую, Ясско-Кишиневскую, Прибалтийскую; завершила освобождение Белоруссии, Украины, Прибалтики (кроме некоторых районов Латвии) и частично Чехословакии; освободила северное Заполярье и северные области Норвегии. Были принуждены к капитуляции и вступлению в войну против Германии Румыния и Болгария. Летом 1944 года советские войска вступили на территорию Польши. Дальнейшее активное наступление частей Красной Армии началось только в январе 1945 года — Восточно-Прусская операция, Висло-Одерская операция, Венская операция, Кенигсбергская операция и т. д. В ходе движения на Запад советские войска установили свой контроль над огромным пространством Восточной Европы.

25 апреля 1945 года советские войска на реке Эльба впервые встретились с американскими войсками, наступавшими с Запада. 2 мая 1945 года гарнизон Берлина капитулировал. После взятия Берлина советские войска провели Пражскую операцию — последнюю стратегическую операцию в войне.

В 22 часа 43 минуты по центральноевропейскому времени 8 мая 1945 года война в Европе завершилась безоговорочной капитуляцией вооруженных сил Германии. 24 июня в Москве состоялся парад Победы. На прошедшей в июле — августе 1945 года Потсдамской конференции руководителей СССР, Великобритании и США была достигнута договоренность по вопросам послевоенного устройства Европы. В ходе этой договоренности страны буржуазного Запада признавали за СССР право сохранения контроля над Восточной Европой и возможность приведения там к власти просоветских правительств. Кроме того, под контроль СССР отходила Пруссия вместе с ее столицей Берлином (там была создана Германская Демократическая Республика). При этом территория Берлина разделялась на два сектора — восточный находился под контролем СССР, западный под контролем войск союзников и был присоединен к Западной Германии (ФРГ — Федеративной Республике Германия).

В зоне приоритетного влияния СССР оказались следующие европейские страны: Польша, Венгрия, Румыния, Югославия, Чехословакия, Болгария, ГДР, а также на первых порах Албания (позже выбравшая в качестве ориентира Китай). Позже, в 1955 году эти страны (за исключением Югославии, вставшей на самостоятельный «третий путь») подписали Варшавский договор, предполагающий создание военного блока, симметричного западному блоку капиталистических стран — НАТО. Этот договор как зримое военно-стратегическое выражение двухполярного мира просуществовал до 1 июля 1991 года.

Геополитические итоги Великой Отечественной войны

Геополитические итоги Великой Отечественной войны таковы.

Континентальная европейская держава Германия потерпела сокрушительное поражение, на много десятилетий сойдя со сцены мировой политики. Сухопутно-континентальная часть европейской политики была на долгое время парализована. Параллельно этому на идеологическом уровне были решительно поставлены вне закона национал-социализм и фашизм, а Нюрнбергский суд вынес приговор не только политическим деятелям Германии, ответственным за преступления против человечества, но и самой этой идеологии, признанной преступной.

Итак, в мире по итогам Потсдамской конференции остались только две геополитические и идеологические силы: либеральный буржуазно-демократический капиталистический Запад (с ядром в США), как полюс глобальной талассократии, и социалистический, коммунистический, антибуржуазный советский Восток, (с ядром в СССР). Из *трехполюсной* геополитической и идеологической карты мы перешли к *двухполярной* системе организации мирового пространства.

4—11 февраля 1945 года состоялась Ялтинская конференция Сталина, Черчилля и Рузвельта, где обсуждались основные принципы послевоенной политики, и двухполюсная структура мира была формально закреплена. Черчилль и Рузвельт представляли англосаксонский мир, американо-английскую ось, ставшую единым стратегическим цетром, ядром атлантического сообщества и талассократии. Сталин единолично выступал от имени СССР как великой мировой Евразийской Империи. Этот двухполюсный миропорядок получил название Ялтинского мира.

С геополитической точки зрения это означало установление *планетарного баланса между глобальным талассократическим и капиталистическим Западом и столь же глобальным, вышедшим далеко за пределы СССР, теллурократическим, коммунистическим Востоком*. При этом третья сила в лице европейского континентального центра и идеологии «третьего пути» навсегда (или, по крайней мере, надолго, т. к. это длится до сегодняшнего дня) исчезли.

Геополитика Ялтинского мира и холодной войны

Следует особенно остановиться на геополитическом анализе *границ* между двумя мирами (Западом и Востоком), сложившимся на основании Ялтинской конференции и послевоенного расклада сил. Структура границ оказывает огромное влияние на общий баланс сил. Впервые на это обстоятельство применительно к границам Варшавского договора отметил и проанализировал бельгийский геополитик и политолог Жан Тириар[1]. Тириар отметил, что структура границ между западным и восточным блоком, проходящих по европейскому пространству, была чрезвычайно *выгодна* для США и в той же степени *невыгодна* для СССР. Дело в том, что охрана и защита сухопутных границ является чрезвычайно трудной, дорогостоящей и ресурсоемкой задачей. Особенно в том случае, когда граница не связана с наличием естественных природных препятствий — например гор, бассейнов рек и т. д., и особенно тогда, когда по обе стороны границы мы имеем дело с однородным, с социологической точки зрения (этнически, культурно, религиозно и т. д.) обществом. Именно такой была граница между странами Варшавского договора, представляющими собой продолжение СССР, т. е. континентальной теллурократии, и странами НАТО, Североатлантического альянса, куда входили стратегические сателлиты США. В то же самое время США были надежно защищены морскими границами, которые достаточно дешевы, не требуют больших ресурсов и позволяют сосредоточиться на иных стратегических проблемах. При крайней необходимости США в случае конфликта с СССР теряли территорию Западной Европы, но их собственная территория оста-

---

[1] *Thiriart J.* Un Empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe. Nantes: Avatar ditions, 2007.

Ил. 58. Советский Союз после 1945 года

валась вне досягаемости. СССР же вынужден был защищать границы Варшавского договора как свои собственные.

Это создавало неравные стартовые условия для победителей во Второй мировой войне, давая мощный стратегический перевес США и блоку НАТО. Понимая это, Сталин и особенно Берия, который говорил об этом более открыто, в начале 50-х годов разрабатывали планы «финляндизации Европы», т. е. создания в Восточной и Центральной Европе блока государств, который был бы нейтральным в отношении и СССР и НАТО. Это позволило бы получить иную структуру границ. Чем шире была бы эта «нейтральная» европейская зона, тем удобнее для России были бы европейские границы. Жан Тириар в конце 60-х годов предсказывал неизбежный крах СССР в том случае, если структура границ в Европе не будет изменена. При этом сам он предлагал и иной сценарий: создание «Евро-советской империи от Владивостока до Дублина»[1], т. е. расширение границ Варшавского блока до берегов Атлантики. В любом случае, задача состояла в том, чтобы *изменить структуру границ*. И хотя далеко не сразу после раздела Европы между США и СССР, но именно этот геополитический фактор дал о себе знать катастрофическим для Восточного блока образом.

Возвращаясь к послевоенному периоду и становлению Ялтинского мира, следует дать геополитический анализ «холодной войны». Спустя два года после победы над Гитлером отношения между победителями во Второй мировой войне начинают стремительно портиться. Здесь дает о себе знать объективная геополитика: альянс западных талассократических демократий и социалистической советской теллурократии был настолько противоестественным и с геополитической, и с идеологической точек зрения, что конфликт был заложен в этих отношениях с самого начала.

«Холодная война» начинается в 1947 году, когда американский дипломат Джордж Кеннан публикует в «Foreign Affairs» текст, призывающий к *сдерживанию* СССР. Дж. Кеннан, последователь Маккиндера американский геополитик Н. Спикмен и Р. Штраус-Гупе разрабатывают модель такой конфигурации мировых зон, контролируемых США, чтобы она неизбежно и неуклонно вела Америку к господству над Евразией. В эту стратегию входило удушение СССР во внутриконтинентальном пространстве Евразии, ограничение и блокада советского влияния во всем мире. Основная стратегия состояла в том, чтобы *замкнуть* между собой береговую зону (Rimland), находящуюся под контролем США в пространстве Евразии — от Западной Европы через Ближний Восток и Центральную Азию к Дальнему Востоку, Индии и Индокитаю. Япония, оккупированная США, и так была точкой опоры для американской военно-морской стратегии.

СССР реагировал на эту стратегию и, в свою очередь, пытался прорвать контроль США и НАТО над береговой зоной (Rimland). С этим связано жесткое противостояние во время Китайской революции, которую СССР активно подержал, Корейской войны и Вьетнама. Кроме того, СССР поддерживал социалистические тенденции в исламском мире, в частности, «арабский социализм», оказывал помощь просоветским коммунистическим партиям в Западной Европе. Великая война цивилизации Моря и цивилизации Суши переносилась и на другие континенты — в Африку и Латинскую Америку.

---

[1] *Тириар Ж.* Евро-советская империя. [Электронный ресурс] URL http://www. gumer. info/bibliotek_Buks/Polit/Article/tir_evrsov. php (дата обращения 03.11.2011)

В Африке это были Ангола, Эфиопия, Сомали, Мозамбик (афрокоммунизм). В Латинской Америке — Куба и мощное коммунистическое движение в Чили, Аргентине, Перу, Венесуэле и т. д.

В «холодной войне» огромное значение имел фактор атомного оружия. Продемонстрированное США обладание новым видом оружия в виде ядреных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, давало им, казалось, решающее превосходство в будущем противостоянии с СССР. Сталин сосредоточил свои усилия на том, чтобы СССР смог обладать таким же оружием. Здесь важную роль сыграли сторонники СССР в коммунистических сетях всего мира. Идеологическая ангажированность левых деятелей, по сути, делала их сетью агентов влияния и порталов получения информации в интересах цивилизации Суши. Так, важнейшие сведения о ядерном оружии были получены от американского ученого-ядерщика Резерфорда через сеть советских агентов. В сочетании с советскими разработками ускоренным темпом удалось произвести советскую ядерную бомбу, уравняв технологические возможности двух сверхдержав.

К 50-м годам сложилась в основных чертах геополитическая картина двухполярного мира, который представлял собой планетарное выражение изначальной геополитической карты Маккиндера. Heartland и цивилизация Суши были представлены СССР, странами Варшавского договора, социалистическими режимами, подчас расположенными на значительном расстоянии от СССР. Это была советская сверхдержава и зона ее влияния. Суша достигла своего *исторического максимума* и немыслимого ранее объема и масштаба влияния. Евразия стала мировой империей, распространяющей сети своего влияния в глобальном масштабе.

Другая сверхдержава, США, также стала центром мировой гегемонии. К ней вплотную примыкал блок НАТО, а также капиталистические режимы

Ил. 59. Мировая система социализма: СССР, страны СЭВ и ОВД и страны-наблюдатели в СЭВ

во всем мире. Между этими двумя планетарными силами и разыгрывалась отныне «великая война континентов», оформленная идеологически как *противостояние капитализма и социализма.* Талассократия отождествлялась с буржуазно-капиталистической моделью, с торговым обществом (Афинского, Карфагенского типа). Теллурократия — с социалистическим обществом спартанско-римского типа.

Между этими двумя полюсами распределялись все основные игроки. Те же, кто колебались в выборе своей геополитической и идеологической ориентации, образовали «Движение неприсоединившихся стран». Но это Движение не представляло собой полноценного третьего полюса, не выработало никакой самостоятельной идеологической платформы и тем более геополитической стратегии. Скорее, эти страны представляли собой «ничейные зоны» или нейтральные территории, где с равным успехом оперировали представители и восточного, и западного блоков.

Намеченный на Потсдамской мирной конференции и закрепленный на Ялтинской конференции двухполюсный мир с 50-х годов стал базовой моделью международных отношений на несколько десятилетий — вплоть до 1991 года, т. е. конца СССР.

Ялтинский мир после смерти Сталина

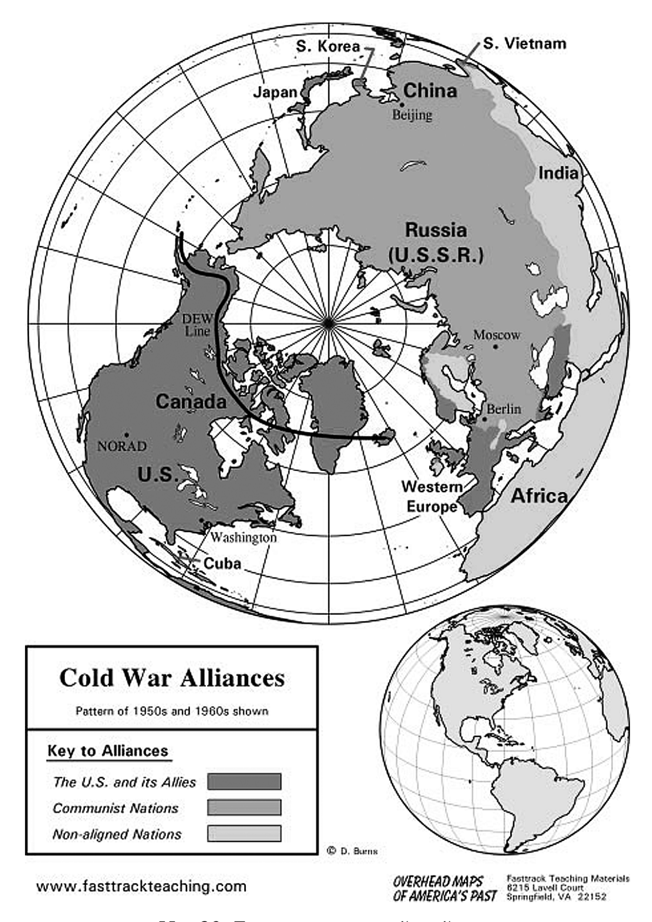
Сталин был классической фигурой великого континентального правителя, точно соответствующего и масштабу геополитических задач, стоявших перед Россией в XX веке, и социологическим константам евразийского теллурократического общества, ориентированного на иерархические, вертикальные, «героические», «спартанские» ценности. Трудно сказать, был ли он знаком досконально с идеями евразийцев и национал-большевиков и имел ли четкие представления о геополитических закономерностях. В любом случае, в его внешней политике прослеживается четкая и внятная логика действий, каждое из которых направлено на укрепление мощи цивилизации Суши, расширение зоны влияния советского государства и защиты его стратегических интересов. В период его правления алгоритм сознательного проведения последовательной евразийской великоконтинентальной геополитики налицо. Предельно ясным пониманием закономерностей международных процессов, тесно сопряженных с геополитическим контекстом, отличались и некоторые его сподвижники — в частности, В. Молотов, Л. Берия и другие. Создается впечатление, что после смерти Сталина и отстранения от власти Берии геополитическое самосознание советских лидеров резко ослабевает. Они продолжают действовать в рамках двухполярного мира, стараются укрепить советский полюс и по возможности воспользоваться любой оплошностью США, чтобы укрепить просоветские тенденции в разных точках мира. Однако отныне советская внешняя политика становится реактивной, вторичной и в большинстве случаев оборонительной.

Важным моментом является то, что при Хрущеве и позднее у советских руководителей пропадает озабоченность состоянием европейских границ. Если эта проблема заботила Сталина и Берию, то складывается впечатление, что позднее вожди СССР забывают о ней, считая, что другие вопросы заслуживают приоритетного внимания.

При Хрущеве разразился Карибский кризис, к которому привела Кубинская революция. В целом эта революция была симметричным ответом на

геополитику атлантизма и США в пространстве Евразии: как Америка старалась расположить свои военные базы в максимальной близости к территории СССР в береговой зоне евразийского материка, так и Куба Фиделя Кастро, вышедшая из-под контроля США и осуществившая пролетарскую революцию, превратилась логически в стратегический плацдарм советского присутствия в непосредственной близости к США. Поэтому когда СССР принял решение относительно размещения ядерных ракет на Кубе в октябре 1962 года, это было вполне естественно, особенно с учетом размещения в 1961 году Соединенными Штатами в Турции ракет средней дальности «Юпитер», напрямую угрожавших городам в западной части Советского Союза, достигая Москвы и основных промышленных центров.

Когда американский самолет-разведчик U-2 ВВС США в ходе одного из регулярных облетов Кубы обнаружил в окрестностях деревни Сан-Кристобаль советские ракеты средней дальности Р-12, предположительно оснащенные ядерными боеголовками, «холодная война» чуть было не переросла в

Ил. 60. Блоки «холодной войны»:
1. США и их союзники. 2. СССР и его союзники. 3. Неприсоединившиеся страны

полноценный ядерный конфликт двух сверхдержав. Вначале президент Кеннеди принял решение начать массированную бомбардировку Кубы, но тогда выяснилось, что советские ракеты приведены в боеготовность и готовы к атаке на США. В результате драматических переговоров СССР обязался демонтировать ракеты в обмен на гарантии США об отказе от интервенции на этот остров.

С геополитической точки зрения Кубинский кризис означал достижение великой войны континентов своей кульминации — точки такого напряжения, когда начало глобальной ядерной войны было наиболее вероятным исходом. Последствия Карибского кризиса состояли в том, что обе сверхдержавы, напуганные угрозой уничтожения человечества в ходе ставшего вероятным ядерного конфликта, встали на путь разрядки международной напряженности.

Эпоха Хрущева во внутренней политике была ознаменована развенчанием культа личности Сталина и критикой стиля его правления. Этот явление получило название «оттепель». В этот период в СССР начинает складываться диссидентское движение, представители которого встают на западнические позиции, начинают критиковать социализм и «тоталитарное» советское общество. Важно подчеркнуть, что, с геополитической точки зрения, подавляющее большинство диссидентов рассматривают западное об-

COLD WAR EUROPE, 1945–89

From Young, J. *Longman Companion to America, Russia and the Cold War.* © Addison Wesley Longman Limited 1993, 1999.

Ил. 61. Разделенная Европа во времена «холодной войны»

щество и капитализм как *образец для подражания*, а советское общество и социализм как *объект критики*, что позволяет квалифицировать их как носителей атлантистского, талассократического начала. Среди диссидентов есть и патриотически, национально ориентированные личности (академик И. Шафаревич, Ю. Осипов, Г. Шиманов и т. д.), но в целом они представляют собой меньшинство.

Во внешней политике Хрущев теряет важного союзника в лице маоистского Китая, чье руководство резко негативно отозвалось на развенчание культа Сталина и его политической линии.

В целом же внешняя политика правления Хрущева повторяет основные силовые линии традиционной для СССР линии.

После смещения Хрущева с поста Генерального секретаря к власти на два десятилетия приходит Леонид Ильич Брежнев. Политика этого периода отличается консерватизмом, отсутствием динамики. С одной стороны, возврата к сталинизму не происходит, но и резкая критика культа личности сворачивается. Завершается и хрущевская оттепель, диссидентское движение подвергается серьезному прессингу со стороны КГБ и карательной психиатрии.

На уровне внешней политики Брежнев старается избежать прямой конфронтации с Западом.

Но в 1965 году США осуществляют военное вторжение во Вьетнам для поддержки капиталистического и прозападного режима Южного Вьетнама со столицей в Сайгоне. В Северном Вьетнаме еще раньше утверждается, напротив, просоветская политическая система (в 1945 году Хо Ши Мин провозгласил создание независимой Демократической Республики Вьетнам, от которой французское вторжение отторгло южную часть, разделив страну напополам). На стороне Вьетконга (Северный Вьетнам) выступает Китай. Значительную поддержку оказывает Ханою и СССР. США бросают на поддержку Сайгона всю свою военную мощь, но изнуряющая и предельно жестокая война, длившаяся 10 лет, вплоть до 1975 года и стоившая Америке огромное число жертв, заканчивается победой коммунистов и объединением всей территории страны под властью Вьетконга. 30 апреля 1975 года коммунисты подняли знамя над Дворцом Независимости в Сайгоне.

С точки зрения геополитики это было типичное сражение между талассократией и теллурократией за контроль над береговой зоной (Rimland). Американцы пытались установить там свое влияние, просоветские силы стремились освободиться от этого влияния в пользу континентального СССР. Провал американской интервенции был крупной тактической победой СССР. Из этого эпизода великой войны континентов советский блок вышел победителем.

Иначе сложилась ситуация в Афганистане, куда пришлось ввести советские войска в 1979 году. К этому времени внутриполитическая атмосфера в СССР качественно ухудшилась: апатия и безразличие пронизали советское общество насквозь; идеологические клише социализма и марксизма, повторяемые бесконечное число раз, стали утрачивать смысл; воцарились стагнация и безразличие. Тоталитарные аспекты советской системы приобрели гротескный характер. Отсутствие полномасштабных репрессий, прекратившихся со времени Сталина, не привело к подъему творческого начала и к мобилизации динамических энергий, а только расслабило население. В обществе стали преобладать обывательские и потребительские мотивы. Резко деградировала гуманитарная сфера, культура. В таком контексте советские войска вторглись в Афганистан, чтобы оказать помощь просоветски настро-

енному правительству Тараки. 27 апреля 1978 года в Афганистане началась Апрельская революция, в результате чего к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана. В сентябре 1979 года произошел государственный переворот, в ходе которого к власти пришел Хафизулла Амин, ориентированный на сближение с США. Советские войска вошли в Кабул и взяли штурмом дворец Амина, уничтожив его самого и его сподвижников. К власти был приведен просоветский лидер Бабрак Кармаль. Очень скоро по всей стране развернулось сопротивление режиму Кармаля, во главе которого встали представители разных исламских течений, в первую очередь, фундаменталисты. Там же была образована и ставшая позднее знаменитой «Аль-Каида» Усамы бен Ладена. По логике объективной геополитики, раз за Кармалем стоял СССР, за его противниками, исламистами, быстро появились представители ЦРУ. В частности, поддержку исламским моджахедам в Афганистане осуществлял лично крупный американский геополитик Збигнев Бжезинский, прямой продолжатель геополитической талассократической линии Маккиндера и Спикмена. В апреле 1980 Конгресс США открыто санкционирует «прямую и открытую помощь» афганской оппозиции.

Как и в случае Корейской войны или Вьетнамской, Афганская война представляет собой типичное противостояние теллурократии и талассократии в борьбе за влияние над береговой зоной. Территория Афганистана не имеет выхода к теплым морям, но прилегает вплотную границам СССР и является поэтому стратегически важной для всей стратегии сдерживания

Ил. 62. Евро-Советская Империя, согласно Жану Тириару. Аналог «доктрины Монро» применительно к Евразии

СССР, на которой была основана линия поведения США на протяжении «холодной войны». В конце XIX и начале XX веков Афганистан уже становился камнем преткновения для российско-британских отношений и важнейшим элементом «Большой Игры». О стратегическом значении Афганистана для Российской Империи писал выдающийся русский стратег А.Е. Снесарев[1].

Брежнев, при правлении которого в СССР царила определенная стабильность и консерватизм, умирает в 1982 году — в самый разгар Афганской войны, в которой советские войска несут серьезные потери, но в целом контролируют ситуацию. Ему на смену приходит бывший руководитель КГБ СССР Ю.В. Андропов. Его краткое правление (он в свою очередь умирает в 1984 году) не оставляет весомого следа. На смену ему приходит К.У. Черненко, но и он умирает в 1985 году, не успев обозначить свой собственный курс.

В целом период от смерти Сталина до смерти Черненко представляет собой следование политического руководства СССР в русле той модели двухполярного мира, которая сложилась по результатам Второй мировой войны. Этот период представляет собой позиционное противостояние цивилизации Суши (восточный блок) с цивилизацией Моря (западный блок) в невиданном доселе мировом масштабе, когда зоной этой игры становится почти весь Земной шар.

Теории конвергенции и глобализм

Чтобы понять события 80-х годов, происшедшие в СССР и в мире, необходимо обратить внимание на ряд теорий, которые появились на Западе в 70-е годы и которые оказали огромное влияние на последующий ход событий. Теории конвергенции сложились в 50—60-е годы в среде социологов и экономистов (П. Сорокин, Дж. Гэлбрэйт, Р. Арон, Я. Тинберген и т. д.). Их смысл сводился к тому, что по мере технологического развития капиталистическая и социалистическая системы со временем все больше сближаются — в капиталистических обществах возрастает роль планирования технологических процессов, а в социалистическом хозяйстве начинают возникать мелкие частнособственнические структуры (на примере стран Восточной Европы). Сторонники этой теории предполагали, что в какой-то момент конкуренция двух мировых систем должна уступить место общей единой интегрированной системе смешанного типа — что-то в ней будет от социализма, что-то от капитализма.

После Карибского кризиса и в период разрядки в отношениях между Восточным блоком и Западным эти теории приобрели практическое значение, т. к. создавали общую канву для сближения социалистических стран с капиталистическими.

Параллельно этому направлению на Западе возникли некоторые организации, которые ставили перед собой задачу *глобального* осмысления проблем, стоящих перед человечеством в целом, без учета разделения на Восток и Запад, капитализм и социализм. Так, в 1968 году итальянским промышленником Аурелио Печчеи и крупным менеджером Александром Кингом был создан Римский клуб, организация, объединяющая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты, поставившая перед

[1] *Снесарев А.Е.* Афганистан. [Электронный ресурс] URL: http://a-e-snesarev. narod.ru/trudi/afganistan. html (дата обращения 03.09.2011)

собой задачу глобального анализа мировых проблем. К работе в Римском клубе были привлечены и советские ученые (в частности, академик Дж. Гвишиани[1], директор Института системного анализа Российской академии наук[2]).

Параллельно этому глобальный взгляд на человечество и проект установления «мирового правительства» был концептуальной стратегией таких влиятельных организаций, как американский «Совет по внешним отношениям» (CFR) и созданная на его основании международная «Трехсторонняя комиссия» (Trilateral commission). Эти организации старались установить с советским политическим руководством особые отношения, предполагающие консолидацию усилий по дальнейшей разрядке и решению общечеловеческих проблем.

Важно обратить внимание на «Трехстороннюю комиссию». Эта организация, созданная на основе CFR под эгидой Дэвида Рокфеллера и крупных политологов и геополитиков З. Бжезинского и Г. Киссинджера, объединяет в своих рядах представителей трех геополитических зон — Америки, Европы и Японии, которые рассматриваются как три ядра капиталистической системы, цивилизации Моря. Задача этой организации, чья деятельность была окружена завесой секретности, состояла в том, чтобы координировать усилия ведущих капиталистических стран для победы в «холодной войне», для изоляции СССР и его союзников со всех сторон — с Запада (Европа), с Востока (Япония) и с Юга (союзные США и НАТО ближневосточные и азиатские режимы). При этом «Трехсторонняя комиссия» использовала тактику не просто лобовой конфронтации, но втягивания противника в диалог. Так, в конце 70-х — и начале 80-х годов представители именно этой организации были инициаторами помощи Китаю в выработке новой либеральной экономической политики, содействовали гигантским инвестициям в экономику этой страны и поддержке ее курса, несмотря на коммунистический режим. Это делалось с той целью, чтобы еще больше оторвать Китай от СССР и усилить свое влияние на Дальний Восток в ущерб советскому влиянию. Весьма характерно, что этот глобалистский клуб в своем ядре основывался именно на CFR, той структуре, которая стояла у истоков бурного развития геополитики в США, еще начиная с Версаля, и с которой тесно сотрудничал в последние годы своей жизни основатель геополитики Хэлфорд Маккиндер. Сама идея объединить три главные ядра капиталистического мира в единый координационный центр уже высказывалась в ходе работы по созданию CFR в Версале; тогда речь шла об организации соответствующей структуры в Европе, а конкретно в Англии, где эту функцию выполнял Королевский Институт Стратегических Исследований (Chatam House), и это было реализовано, а также «Институт Тихоокеанских исследований» (этот план не осуществился). Проекты глобального управления миром в интересах цивилизации Моря, таким образом, стали складываться еще в 20-е годы параллельно новому геополитическому курсу В. Вильсона, и тогда же были созданы первые организационные подразделения, призванные содействовать реализацию этих проектов. Новый виток аналогичных инициатив мы видим в 70-е годы в виде создания «Трехсторонней комиссии».

---

[1] *Шевякин А.П.* Загадка гибели СССР. М.: Вече, 2004.

[2] Был создан в 1976 году как филиал Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) при Римском Клубе; главное подразделение МИПСА находилось в Вене.

С точки зрения геополитики и с учетом того, что речь шла о глубинной оппозиции цивилизации Суши и цивилизации Моря, стремление сблизить между собой капиталистическую и социалистическую системы (то есть примирить Сушу и Море между собой) на экономическом, идеологическом и практическом уровне, представляло собой чрезвычайно противоречивую стратегию, которая имела три теоретически возможных объяснения:

1) либо это была хитрость цивилизации Моря, чтобы усыпить бдительность цивилизации Суши и заставить СССР пойти на идеологические и иные уступки Западу;

2) либо это была масштабная спецоперация советских коммунистических групп влияния в западных странах, стремящихся ослабить цивилизацию Моря и ненавязчиво заставить ее признать ряд ценностных установок цивилизации Суши (социализм, план);

3) либо это была искреннее желание завершить «великую войну континентов» и объединить Сушу и Море в небывалом и непредставимом синтезе.

В первом случае стратегия конвергенции вела бы к ослаблению СССР и, в пределе, к его падению. Во втором она ускорила бы перспективы мировой революции и падения капиталистической системы (приход к власти левых сил). В третьем привела бы к появлению новой утопической идеологии, основанной на полном преодолении геополитики и ее дуальной симметрии.

Сегодня мы прекрасно знаем, чем кончился интерес к этой теории и этим институтам для СССР, но в 60-е и 70-е годы и сторонники, и противники конвергенции могли только гадать о ее реальном содержании и тех результатах, которые могли быть получены в случае ее воплощения в жизнь.

С 70-х годов начинают складываться теории глобализации, основанные на прогнозах об объединении человечества в единую социальную систему (One World) с общей государственностью (World State) и мировым правительством (World Government). Но конкретная структура и принципы, на которых должен будет основываться этот «единый мир», оставались приблизительными, т. к. исход «холодной войны» был нерешен. Это могло быть как мировым капитализмом (в случае победы цивилизации Моря), мировым социализмом (в случае победы цивилизации Суши и успеха мировой революции) или каким-то смешанным вариантом (теория конвергенции, а также маргинальные гуманистические проекты в духе Римского клуба, основанные на предвидении «пределов роста», экологии, пацифизме, прогнозировании исчерпаемости природных ресурсов и т. д.).

Геополитика перестройки

В СССР вплоть до 1985 года к теории сближения с Западом в целом отношение было довольно скептическое. Лишь в период правления Ю. Андропова ситуация несколько меняется, и по его указанию ряд советских ученых и академических институтов получают задание активно взаимодействовать с глобалистскими структурами (Римский клуб, CFR, Трехсторонняя комиссия и т. д.). В целом же основные установки СССР во внешней политике оставались на всем протяжении от Сталина до Черненко неизменными.

Перемены в СССР начинаются с приходом на пост Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Он вступает на этот пост на фоне Афганской войны, которая все больше заходит в тупик. С первых шагов на посту Генерального секретаря Горбачев сталкивается с серьезными проблемами. Соци-

альная, экономическая, политическая, идеологическая машина начинает пробуксовывать. Общество пребывает в апатии. Марксистское мировоззрение утрачивает свою притягательность и продолжает транслироваться по инерции. Возросший процент городской интеллигенции все больше притягивается западной культурой, мечтает о «западных» стандартах. Национальные окраины теряют модернизационный потенциал, и кое-где начинаются реверсивные процессы архаизации, вспыхивают националистические настроения и т. д. Гонка вооружений и необходимость постоянно конкурировать с довольно динамично развивающейся капиталистической системой изнуряет экономику. В еще большей степени назревает недовольство в социалистических странах Восточной Европы, где притягательность западных капиталистических стандартов осознается еще более остро, а престиж СССР постепенно падает.

В этих условиях от Горбачева требуется принятие какого-то определенного решения относительно дальнейшей стратегии СССР и всего Восточного блока. И он его принимает: оно состоит в том, чтобы в сложной ситуации *принять за основу теории конвергенции и предложения глобалистских групп и начать сближение с западным миром путем осуществления односторонних уступок*. Скорее всего, Горбачев и его советники ожидали симметричных действий со стороны Запада; на каждую уступку Горбачева Запад должны были бы отвечать аналогичными подвижками в пользу СССР. Этот алгоритм и был заложен в основание политики перестройки.

Во внутренней политике это означало отказ от жесткой идеологии марксистской диктатуры, послабление в отношении немарксистских философских и научных теорий, прекращение давления на религиозные институты (в первую очередь, на Русскую Православную Церковь), расширение допустимых толкований событий советской истории, курс на создание мелких предприятий (кооперативов), более свободное объединение граждан по политическим и идейным интересам. В этом смысле перестройка была цепью шагов, направленных в сторону демократии, парламентаризма, рынка, «гласности» и расширения зоны гражданских свобод. Это было движением *от социалистической модели общества к буржуазно-демократической и капиталистической.* Но на первых порах это движение было постепенным и оставалось в рамках социал-демократических алгоритмов — демократизация и либерализация сочетались с сохранением партийной модели управления страной, жесткой вертикалью и плановостью в экономике, контролем партийных органов и спецслужб за общественно-политическими процессами.

Однако в других странах Восточного блока и на периферии самого СССР эти трансформации были восприняты как проявления слабости и односторонние уступки Западу. Такой вывод подтверждался и решением Горбачева окончательно вывести советский военный контингент из Афганистана (1989 год), и колебаниями в отношении серии демократических революций, прокатившихся по Восточной Европе, и его непоследовательной политикой в отношении ряда союзных республик — Эстонии, Литвы и Латвии, а также Грузии и Армении, которые первыми включились в процесс создания независимой государственности.

На этом фоне Запад занял вполне определенную позицию — поощряя Горбачева и его реформы на словах и превознося его судьбоносные начинания, не было сделано ни одного действительно симметричного шага в пользу СССР; ни по одному направлению не было осуществлено ни малейшей уступки советским политическим, стратегическим и экономическим инте-

ресам. В результате к 1991 году политика Горбачева привела к тому, что гигантская планетарная система советского влияния была *обрушена*, а освободившийся вакуум контроля стремительно заполнялся вторым полюсом — США и НАТО. И если на первых этапах перестройки еще можно было бы рассматривать ее как особый маневр в «холодной войне» (наподобие плана «финляндизации Европы», разработанного Берией — сам Горбачев говорил об «общеевропейском доме), то к концу 80-х стало ясно, что речь шла о прямой и односторонней *капитуляции*.

Горбачев соглашается вывести советские войска из ГДР, распускает Варшавский договор, признает легитимность новых буржуазных правительств в странах Восточной Европы, идет навстречу стремлениям советских республик получить бо́льшую степень суверенитета и независимости и пересмотреть условия договора об образовании СССР на новых условиях. Все больше Горбачев отказывается и от социал-демократического курса, открывая путь прямым буржуазно-капиталистическим реформам в экономике. Одним словом, реформы Горбачева сводятся *к признанию поражения СССР в его противостоянии с Западом и США*.

С геополитической точки зрения перестройка представляет собой не просто отказ от идеологического противостояния с капиталистическим миром, но и полное противоречие всему историческому пути России как евразийского великоконтинентального образования, как Heartland'а, как цивилизации Суши. Это был подрыв Евразии изнутри, добровольная самоликвидация одного из полюсов мировой системы, который возник отнюдь не в советский период, но складывался веками и тысячелетиями в русле естественной логики геополитической истории и в соответствии с силовыми линиями объективной геополитики. Горбачев занял позицию западничества, что немедленно привело к обрушению глобальной конструкции и к новому изданию Смутного времени. Вместо евразийства был принят атлантизм, на место цивилизации Суши и ее социологического набора ценностей были поставлены нормативы противоположной ей во всем цивилизации Моря. Если сравнить геополитическое значение этих реформ со всеми остальными периодами в русской истории, мы не можем отделаться от чувства, что имеем дело с чем-то беспрецедентным.

Смутное время в русской истории длилось недолго и сменялось периодами нового державного возрождения. Даже самые страшные усобицы сохраняли тот или иной интеграционный центр, который со временем становился полюсом новой централизации русских земель. И даже русские западники, ориентированные на Европу, наряду с европейскими обычаями, идеями и нравами перенимали технологии и навыки, использовавшиеся для усиления мощи российской державы, укрепления ее границ и отстаивания ее национальных интересов. Так, западник Петр или немка Екатерина Вторая при всем увлечении Европой увеличивали территорию России и добивались для нее новых и новых военных побед. Даже большевики, одержимые идеей мировой революции и легко пошедшие на кабальные условия Брест-Литовского мира, в кратчайшие сроки принялись укреплять Советскую Россию, возвращая под контроль Москвы ее окраины на западе и на юге. Случай Горбачева является абсолютным исключением в русской геополитической истории. Такого предательства эта история не знала даже в самые худшие свои периоды. Была разрушена не только социалистическая система, был взорван изнутри Heartland.

Геополитическое значение краха СССР

В результате краха СССР *Ялтинский мир пришел к своему логическому концу*. Это означает, что завершилась двухполярная модель. *Один полюс по собственной инициативе прекратил свое существование*. Теперь с уверенностью можно было сказать, чем на самом деле являлись теории конвергенции — *хитростью цивилизации Моря.* Эта хитрость возымела действие и принесла талассократии победу в «холодной войне». Никакой конвергенции на практике не произошло, и по мере односторонних уступок со стороны СССР Запад только укреплял свою капиталистическую и либеральную идеологию, распространяя ее влияние все дальше и дальше на образовавшиеся идеологические пустоты. Вместе с этим расширялась и зона контроля НАТО. Так, в НАТО вступили вначале почти все страны Восточной Европы (Румыния, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Польша, Словения, Хорватия), а затем и бывшие республики СССР (Эстония, Литва, Латвия).

Это означает, что структура мира после окончания «холодной войны» *сохранила один из полюсов* — цивилизацию Моря, Запад, Левиафан, Карфаген, буржуазно-демократический блок с центром в США.

Конец двухполярного мира означал, таким образом, победу одного из полюсов и его усиление за счет проигравшего. Один из полюсов исчез, а другой остался и стал единственной доминантой всей мировой геополитической системы. Эта победа цивилизации Моря над цивилизацией Суши и представляет собой реальное содержание глобализации, ее сущность. Мир отныне стал одновременно и глобальным, и однополярным. С социологической точки зрения глобализация представляет собой планетарное распространение единой модели *западного буржуазно-демократического, либерального, рыночного общества*, общества торговцев. Это и есть *талассократия*. И в то же самое время центром и ядром этой (отныне глобальной) буржуазно-демократической талассократической реальности являются США. Демократизация, вестернизация, американизация и глобализация по сути представляют собой разные аспекты одного и того же процесса, *тотального наступления цивилизации Моря*, гегемонии Моря.

Таков итог той планетарной дуэли, которая была главным содержанием международной политики в течении XX века. Советское издание теллурократии при Горбачеве потерпело колоссальную катастрофу, и территориальные зоны, отделяющие Heartland от теплых морей, в значительной степени перешли под контроль морского могущества. Именно так следует понимать и расширение НАТО на Восток за счет бывших социалистических стран и союзных республик, и дальнейшее усиление влияния Запада на постсоветском пространстве.

Крах СССР, прекратившего свое существование в 1991 году, ставит точку в советском периоде геополитики России. Этот этап закончился настолько тяжелым поражением,что аналога которого не было в предшествующей истории России. Даже попадание в полную зависимость от монголов и то было компенсировано интеграцией в политическо-государственную модель теллурократического толка. В данном же случае мы имеем дело с внушительной победой принципиальных врагов всей теллурократии, с сокрушительным поражением Рима и триумфом нового Карфагена.

Библиография

Агурский М.А. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата 1922 — 1923. М., 1960.

Бжезинский З. Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007.

Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007.

Гарт Б.Л. Стратегия непрямых действий. М.: Эксмо, 2008.

Дранг нах Остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871 — 1918 гг. М.: Наука, 1977.

Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений (1975 — 1991 гг.): МГИМО (У). М.: РОССПЭН, 2006.

Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект, 2011.

Дугин А.Г. Основы евразийства. М: Арктогея-центр, 2002.

Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002.

Кремлев С. Россия и Германия: стравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ: Астрель, 2003.

Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005.

Меллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий Рейх. М.: Вече, 2009.

Наринский М.М. История международных отношений. 1945 — 1975: Учебное пособие. М.:РОССПЭН, 2004.

Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. (сборник). Киев: Княгиня Ольга, 2005.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М: Аграф, 1997.

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австробаварской «расе господ». СПб.: Академический проект, 2003.

Серков А.И. История русского масонства 1845 — 1945 гг. СПб., 1997.

Снесарев А.Е. Афганистан. [Электронный ресурс] URL: http://a-e-snesarev. narod.ru/trudi/afganistan. html

Сталин И.В. Об основах ленинизма / *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948.

Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы, М.: Наука, 1999.

Тириар Ж. Евро-советская империя. [Электронный ресурс] URL http://www. gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/tir_evrsov. php

Хаусхофер К. Континентальный блок Берлин-Москва-Токио / *Дугин А.* Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000.

Хаусхофер К. О геополитике, М.: Мысль, 2001.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: ТЕРРА, 1991.

Шевякин А.П. Загадка гибели СССР. М.: Вече, 2004.

Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.

Aldrich R.J. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence, Duckworth, 2006.

Blaker J.R. Transforming military force: the legacy of Arthur Cebrowski and network centric warfare. Westport: Greenwood Publishing Group, 2007.

Blouet Brian W. Sir Halford Mackinder as British high commissioner to South Russia 1919—1920//Geographical Journal, 142 (1976). C. 228—236.
Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York: Basic Books, 2008.
Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970.
Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S. — Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986.
Brzezinski Z. Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York: Charles Scribner's Son, 1989.
Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977—1981. New York: Farrar, Strauss, Giroux,1983.
Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books, 2007.
Brzezinski Z. Soviet Bloc: Unity and Conflict, N.Y. Harvard University Press, 1967.
Holbrooke R. America, A European Power/ / Foreign Affairs. March/April 1995.
Horowitz D. From Yalta to Vietnam: American Foreign Policy in the Cold War. N.Y. 1967.
Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1942.
Mackinder H. J. The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs. 1943. № 21.
Naumann F. Mitteleuropa. G. Reimer, 1916
Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen: eine Abrechnung mit dem Nationalsozialismus. Berlin: Ahde-Verlag, 1980.
Niekisch E. Europäische Bilanz. Berlin: Rütten Löning, 1951.
Niekisch E. Hitler — ein deutsches Verhängnis. Zeichnungen von A. Paul Weber. Berlin: Widerstands-Verlag, 1932.
Niekisch E. Ost-West unsystematische Betrachtunen. F./M.: Minerva-Verlag, 1947.
Pareto V. The Mind and Society. San Diego: Harcourt, Brace, 1935.
Pareto V. The rise and fall of elites: an application of theoretical sociology. New Bruhswick: Transaction Publishers, 1991.
Preve C. Filosofia e Geopolitica. Parma: Edizioni all'insegna del Veltro, 2005.
Thiriart J. Un Empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe. Nantes: Avatar Éditions, 2007.
Thiriart J.F. La grande nation: 65 thèses sur l'Europe (L'Europe unitaire, de Brest à Bucarest. Définition du communautarisme national-européen). Bruxelles: Gérard Désiron, 1965.
Thiriart J.F. L'empire Euro-Soviètique de Vladivostock a Dublin l'aprés-Yalta: la mutation du communisme: essai sur le totalitarisme éclairé. Bruxelles: Edition Machiavel, 1984.
Thiriart J.F. Un empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe: la naissance d'une nation, au départ d'un parti historique. Etampes: Avatar Editions, 2007.
Von Lohausen H.J. Denken in V?lkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur — und Weltgeschichte. Graz: Stocker, 2001.
Von Lohausen H.J. Ein Schritt zum Atlantik: Die strategische Bedeutung d. Ostverträge. Wien: Österr. Landsmannschaft, 1973.
Von Lohausen H.J. Les empires et la puissance: la géopolitique aujourd'hui. Paris: Le Labyrinthe, 1996.
Von Lohausen H.J. Mut zur Macht: Denken in Kontinenten. Heidelberg: Vowinckel, 1981.
Von Lohausen H.J. Reiten für Russland: Gespräche im Sattel. Graz: Stocker, 1998.
Von Lohausen H.J. Zur Lage der Nation. Krefeld: Sinus-Verlag, 1982.

Глава 9

ГЕОПОЛИТИКА ЕЛЬЦИНСКОЙ РОССИИ И ЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Великий проигрыш Рима: видения Г.К. Честертона

Распад СССР означал с геополитической точки зрения событие колоссальной важности, затрагивающее всю структуру мировой геополитической карты. По своим геополитическим признакам противостояние Запада и Востока, капиталистического лагеря и социалистического с ядром в СССР представляло собой пик глубинного процесса великой войны континентов, планетарной дуэли между цивилизацией Суши и цивилизацией Моря, возведенной к высшей степени интенсивности и планетарному масштабу. Вся предшествующая история сводилась к напряженному апогею этой борьбы, получившей именно в 1991 году свое качественное разрешение. В *этот момент вместе с гибелью СССР осуществился крах цивилизации Суши, рухнул оплот теллурократии, смертельный удар получил Heartland*.

Чтобы понять все значение этого драматического момента мировой истории, следует еще раз вспомнить то, что английский писатель Г.К. Честертон говорил в свое работе «Вечный человек»[1] о значении выигрыша Рима в серии Пунических войн против Карфагена. Приведем с некоторыми сокращениями весь пассаж, отражающий суть геополитического понимания мировой истории.

«Казалось, Пуническим войнам нет конца, и нелегко установить, когда именно они начались. Уже греки и сицилийцы враждовали с африканским городом. Карфаген победил греков и захватил Сицилию. Утвердился он и в Испании; но между Испанией и Сицилией был маленький латинский город, которому грозила неминуемая гибель. И, что нам особенно важно, Рим не желал мириться. Римский народ чувствовал, что с такими людьми мириться нельзя. Принято возмущаться назойливостью поговорки: «Карфаген должен быть разрушен». Но мы забываем, что Рим был разрушен. (...)

Как почти все коммерческие государства, Карфаген не знал демократии. Бедные страдали под безличным и безразличным гнетом богатых. Такие денежные аристократы, как правило, не допускают к власти выдающегося человека. Но великий человек может появиться везде, даже в правящем классе. Словно для того, чтобы высшее испытание мира стало особенно страшным, в золоченом чертоге одного из первых семейств вырос начальник, не уступающий Наполеону. И вот Ганнибал тащил тяжелую цепь войска через безлюдные, как звезды, перевалы Альп. (...)

---

[1] *Честертон Г.К.* Вечный человек // Честертон К. Собрание сочинений. СПб: Амфора, 2008.

Римские авгуры и летописцы, сообщавшие, что в эти дни родился ребенок с головой слона и звезды сыпались с неба, как камни, гораздо лучше поняли суть дела, чем наши историки, рассуждающие о стратегии и столкновении интересов. Что-то совсем другое нависло над людьми — то самое, что чувствуем мы все, когда чужеродный дух проникает к нам как туман или дурной запах. Не поражение в битвах и не поражение в торговле внушало римским жителям противные природе мысли о знамениях. Это Молох смотрел с горы, Ваал топтал виноградники каменными ногами, голос Танит-Неведомой шептал о любви, которая гнуснее ненависти. Гибли виноградники, горели поля, и это было реальней реального — это была аллегория. Все простое, все домашнее и человеческое губила равнодушная мощь, которая много хуже того, что зовут жестокостью. (...) Схватка богов и бесов, по всей очевидности, кончилась. Боги погибли, и ничего не осталось Риму, кроме чести и холодной отваги отчаяния.

Ничего на свете не боялся Карфаген, кроме Карфагена. Его подтачивал дух, очень сильный в преуспевающих торговых странах и всем нам хорошо знакомый. Это — холодный здравый смысл и проницательная практичность дельцов, привычка считаться с мнением лучших авторитетов, деловые, широкие, реалистические взгляды. Только на это мог надеяться Рим. Становилось яснее ясного, что конец близок, и все же странная и слабая надежда мерцала на другом берегу. Простой, практичный карфагенянин, как ему и положено, смотрел в лицо фактам и видел, что Рим при смерти, что он умер, что схватка кончилась и надежды нет, а кто же будет бороться, если нет надежды. Пришло время подумать о более важных вещах. Война стоила денег, и, вероятно, в глубине души дельцы чувствовали, что воевать все-таки дурно, точнее, очень уж дорого. Пришло время и для мира, вернее, для экономии. Ганнибал просил подкрепления; это звучало смешно, это устарело, на очереди стояли куда более серьезные дела. Правда, какой-то консул убил Ганнибалова брата и с неразумной латинской жестокостью швырнул его тело в Ганнибалов лагерь; но все эти дурацкие действия только подтверждали растерянность и отчаяние латинян. Даже римляне не так глупы, чтобы сохранить верность заведомо проигранному делу. Так рассуждали лучшие финансовые авторитеты, отмахиваясь от новых и новых тревожных и настойчивых просьб. Из глупого предрассудка, из уверенности деловых обществ, что тупость — практична, а гениальность — глупа, они обрекли на голод и гибель великого воина, которого им напрасно подарили боги.

Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он достаточно подл? Почему им кажется, что честь — это чувствительность, а чувствительность — это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе вещей, о природе мира, в котором они живут: они считают, что миром движет страх и потому сердце мира — зло. Они верят, что смерть сильней жизни и потому мертвое сильнее живого. Вас удивит, если я скажу, что люди, которых мы встречаем на приемах и за чайным столом, — тайные почитатели Молоха и Ваала. Но именно эти умные, практичные люди видят мир так, как видел его Карфаген. В них есть та осязаемая грубая простота, из-за которой Карфаген пал. Он пал потому, что дельцы до безумия безразличны к истинному гению. Они не верят в душу и потому в конце концов перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы

быть хорошими; более того, они не так глупы, чтобы верить в какой-то там дух, и отрицают то, что каждый солдат назовет духом армии. Им кажется, что деньги будут сражаться, когда люди уже не могут. Именно это случилось с пуническими дельцами. Их религия была религией отчаяния, даже когда дела их шли великолепно. Как могли они понять, что римляне еще надеются? Их религия была религией силы и страха — как могли они понять, что люди презирают страх, даже когда они вынуждены подчиниться силе? В самом сердце их мироощущения лежала усталость, устали они и от войны — как могли они понять тех, кто не хочет прекращать проигранную битву? Одним словом, как могли понять человека они, так долго поклонявшиеся слепым вещам: деньгам, насилию и богам, жестоким, как звери? И вот новости обрушились на них: зола повсюду разгорелась в пламя, Ганнибал разгромлен, Ганнибал свергнут, Сципион перенес войну в Испанию, он перенес ее в Африку. Под самыми воротами Золотого города Ганнибал дал последний бой, проиграл его, и Карфаген пал, как никто еще не падал со времен Сатаны. От Нового города осталось только имя — правда, для этого понадобилась еще одна война. И те, кто раскопал эту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни — священные остатки худшей из религий. Карфаген пал потому, что был верен своей философии и довел ее до логического конца, утверждая свое восприятие мира. Молох сожрал своих детей.

Боги ожили снова, бесы были разбиты. Их победили побежденные; можно даже сказать, что их победили мертвые. Мы не поймем славы Рима, ее естественности, ее силы, если забудем то, что в ужасе и в унижении он сохранил нравственное здоровье, душу Европы. Он стал во главе империи потому, что стоял один посреди развалин. После победы над Карфагеном все знали или хотя бы чувствовали, что Рим представлял человечество даже тогда, когда был от него отрезан. Тень упала на него, хотя еще не взошло светило, и груз грядущего лег на его плечи. Не нам судить и гадать, каким образом и когда спасла бы Рим милость Господня; но я убежден, что все было бы иначе, если бы Христос родился в Финикийской, а не в Римской империи. Мы должны быть благодарны терпению Пунических войн за то, что через века Сын Божий пришел к людям, а не в бесчеловечный улей. Античная Европа наплодила немало собственных бед (...) но самое худшее в ней было все-таки лучше того, от чего она спаслась. Может ли нормальный человек сравнить большую деревянную куклу, которая забирает у детей часть обеда, с идолом, пожирающим детей? Врагу, а не сопернику отказывались поклоняться римляне. Не о хороших дорогах вспоминали они и не о деловом порядке, а о презрительных, наглых усмешках. И ненавидели дух ненависти, владевший Карфагеном. (...) Если через столько веков мы все-таки в мире с античностью, вспомним хоть иногда, чем она могла стать. Благодаря Риму груз ее легок для нас и нам не противна нимфа на фонтане или купидон на открытке. Смех и печаль соединяют нас с древними, нам не стыдно вспомнить о них, и с нежностью видим мы сумерки над сабинской фермой и слышим радостный голос домашних богов, когда Катулл возвращается домой, в Сирмион: "Карфаген разрушен"».

В 1991 году произошло нечто, *прямо противоположное* исторической победе Рима над Карфагеном. Поверженная в прах более 2 тыс. лет тому назад цивилизация взяла реванш. На сей раз пал Рим (Третий Рим), а Карфаген одержал победу. Курс мировой истории был обращен вспять. Все те

жестокие слова, которые Честертон обращал против карфагенян, прекрасно приложимы к тем, кто одержал победу в «холодной войне». *Торговая цивилизация одержала верх над цивилизацией героической, аскетической и спартанской.* Тлетворный дух плутократии оказался сильнее растерянных и запутавшихся в себе, потерявших бдительность «римлянах» социализма. Важно, что Честертон связывает победу Рима над Карфагеном даже с таким уникальным для христианина событием, как рождение Христа в Римской Империи, в контексте цивилизации Суши. В контексте цивилизации Моря, по этой логике, мог родиться только антихрист.

Первый этап распада: ослабление советского влияния в мировом левом движении

Распад СССР проходил в несколько этапов. Первый этап характеризовался ослаблением влияния СССР в зарубежных странах — Африки, Латинской Америки, Дальнего Востока и Западной Европы (где под знаменем «еврокоммунизма» началась переориентация левых и коммунистических партий от Советского Союза на мелкобуржуазные и собственно европейские политические реалии). Это началось еще в 70-е годы, а апогея достигло в 80-е. В этот период пропагандистская кампания по разоблачению «сталинских репрессий» и тоталитарного советского режима доходит до своего пика, и даже левые политические круги предпочитают присоединиться к этой критике, чтобы остаться в пространстве политкорректности. В 80-е годы и особенно после прихода к власти Горбачева Москва не только не пытается что-то противопоставить этим тенденциям, но подхватывает их и сама начинает постепенно воспроизводить критику сталинизма, а позже ленинизма, ставя под вопрос основы советского исторического самосознания. Вместо того, чтобы укреплять свое влияние в мировом левом движении в своих геополитических интересах, СССР перенимает те пропагандистские клише, которые были внедрены в это движение прокапиталистическими буржуазными силами, заинтересованными в ослаблении цивилизации Суши и усилении цивилизации Моря (США).

Особую роль в этом играли представители Четвертого Интернационала, троцкисты. Будучи радикальными противниками Сталина и его политики построения социализма в одной стране еще с 20-х и 30-х годов, троцкисты сделали СССР своим главным врагом, и в этой борьбе с СССР они солидаризовались с любыми силами, в том числе и с теми, которые считали своими «классовыми врагами». Ненависть к СССР и Сталину стала главной чертой троцкизма и привела многих его представителей к тому, чтобы примкнуть к либеральному лагерю и стать в ряды наиболее последовательных и радикальных атлантистов[1]. Вместе с тем именно эти группы начиная с 70-х годов более всего способствовали отторжению международного левого и, в первую очередь, коммунистического движения от СССР.

---

[1] Это мы видим в судьбе такого политолога как Дж. Бернэм, а также — еще более наглядно — в истории идейного течения современных американских неоконсерваторов, проделавших эволюцию от радикального троцкизма до ультралиберализма, империализма и неприкрытого капиталистического гегемонизма.

В результате этих процессов сеть влияния СССР в странах, находящихся вне прямого советского контроля, была расшатана, ослаблена и частично выведена из-под координационного контроля Москвы.

В других случаях тот же эффект давала негибкая политика СССР в отношении разнообразных идеологических сил в странах Третьего мира (в частности, в Африке и исламских странах), где имелось реальное противостояние американскому и западноевропейскому влиянию, но никаких предпосылок для полноценного социалистического движения исторически не существовало. Одним из ярких случаев был Афганистан, где СССР делал ставку только на коммунистов, игнорируя многочисленные национальные и религиозные группировки, которые при других обстоятельствах могли бы быть союзниками СССР в их неприятии американизма и либерального капитализма. Так, к началу 90-х годов XX века внешний пояс советского влияния в мире стал постепенно распадаться.

С геополитической точки зрения, это был *подрыв мировой структуры влияния Heartland'а*, которому в эпоху «холодной войны» удалось перенести свою борьбу с цивилизацией Моря на периферию евразийского материка или вовсе за его пределы.

Второй этап распада: конец Варшавского договора

Вторым этапом стали антисоветские «революции» в странах Восточной Европы, завершившиеся расторжением Варшавского договора и *ликвидацией социалистического лагеря*. Это было колоссальным ударом по самой ближней зоне стратегической обороны СССР. Утрата Восточной Европы была тем страшным сном, который преследовал еще Сталина и Берию, осознававших уязвимость структуры европейских границ. То, как происходила сдача Горбачевым Восточной Европы, представляло собой *наихудший* из всех возможных сценариев. Советские войска выводились оттуда поспешно, и на волне антисоветизма освободившееся место немедленно заполнялось войсками НАТО, буржуазной идеологией и капиталистической экономикой. *Море захватывало то, что выходило из-под контроля Суши.* Карфаген присоединял к своей зоне влияния земли, с которых удалялся Рим.

Маккиндер писал: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Heartland; кто контролирует Heartland, тот контролирует Евразию; кто контролирует Евразию, контролирует весь мир»[1]. С 1989 года Восточную Европу начала контролировать «цивилизация Моря». Проект Маккиндера, унаследованный следующими поколениями англосаксонских геополитиков — вплоть до З. Бжезинского, реализовался на практике.

Утеряв Восточную Европу, СССР утратил важнейший пояс обороны, получил колоссальный геополитический удар. Причем этот удар ничем не компенсировался и ничем не был оправдан. Советские СМИ того периода преподносили события в Восточной Европе как «победу демократии», парализуя в самом СССР волю к самосохранению и здоровую рациональность: наши очевидные поражения описывались как «победа прогресса» и т. д.

В такой ситуации, вина за которую ложится как лично на Горбачева, так и на его окружение, все предпосылки созрели для последнего этапа в этой череде катастроф — для разрушения самого СССР.

---

[1] *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. N.Y. 1942.

Третий этап распада: ГКЧП и конец СССР

Это разрушение наметилось явно к июню 1990 года, когда большинство Союзных Республик СССР, включая РСФСР, провозгласили свой суверенитет. Но если все остальные Союзные Республики вкладывали в понятие суверенитета получение автономии в отношении общесоюзного центра и возможность двинуться в сторону строительства собственной государственности, то суверенитет России имел гораздо более двусмысленное значение, т. к. он предполагал автономию от центра того самого государства, ядром которого Россия и являлась. То есть это было декларацией освобождения России от самой себя. Этот жест обосновывался внутриполитической борьбой между руководством РСФСР во главе с Б.Н. Ельциным и руководством СССР во главе с М.С. Горбачевым. Но на карту в этом противостоянии была поставлена судьба государства.

К июню 1991 года стало понятно, что процесс автономизации Союзных Республик набирает оборот, и их представители поставили вопрос о подписании нового Союзного договора, по сути, переводящего их в положение самостоятельных и суверенных государств. Пользуясь формальными установками в Конституции СССР, главы Союзных Республик, решая свои внутриполитические задачи, стремились воспользоваться ослаблением и ослеплением союзного центра в своих интересах.

Лето 1991 года проходило в подготовке к развязке. Она наступила 19 августа 1991 года, когда группа высокопоставленных советских руководителей — вице-президент СССР Г.И. Янаев, министр обороны СССР Д.Т. Язов, председатель КГБ СССР В.А. Крючков, министр внутренних дел СССР Б.К. Пуго, премьер-министр СССР В.С. Павлов и другие — совершили захват власти *для предотвращения распада СССР*. Это событие вошло в новейшую историю под названием «Путча 1991 года». Горбачев был посажен под домашний арест на своей крымской даче в Форосе, где он отдыхал. Руководство РСФСР было блокировано в здании Парламента («Белый Дом»). С геополитической точки зрения группа, совершившая переворот, *действовала в интересах Heartland'а* и попыталась не допустить развала СССР, который становился неминуемым при продолжении политики Горбачева и его окружения, а также враждующего с ним Ельцина. Горбачев не предпринимал никаких эффективных усилий, чтобы сохранить СССР, а Ельцин делал все от него зависящее, чтобы дорваться до полноты власти в стране, даже ценой ее полного раздробления. Иными словами, действия заговорщиков было *геополитически оправданы и политически обоснованы.* На крайнюю меру их вынудило пойти наблюдение за серией катастроф советской идеологической, государственной и геополитической системы и отсутствие какой бы то ни было эффективной политики противодействия им со стороны легальной власти.

Однако у захвативших власть высокопоставленных чиновников не хватило духа, ума и воли довести начатое до конца; они дрогнули, побоялись пойти на резкие репрессивные меры против своих оппонентов и проиграли. Через три дня после 19 августа 1991 года стало очевидным, что атака консерваторов, пытавшихся спасти СССР, провалилась. Горбачев вернулся в Москву, а сами заговорщики были арестованы. Но отныне де факто власть в стране и в ее столице перешла в руки Ельцина и его окружения, а роль Горбачева осталась номинальной. Чтобы окончательно закрепить свои успехи в

борьбе за власть, Ельцину оставалось только одно — окончательно сместить Горбачева. Для этого необходимо было распустить СССР.

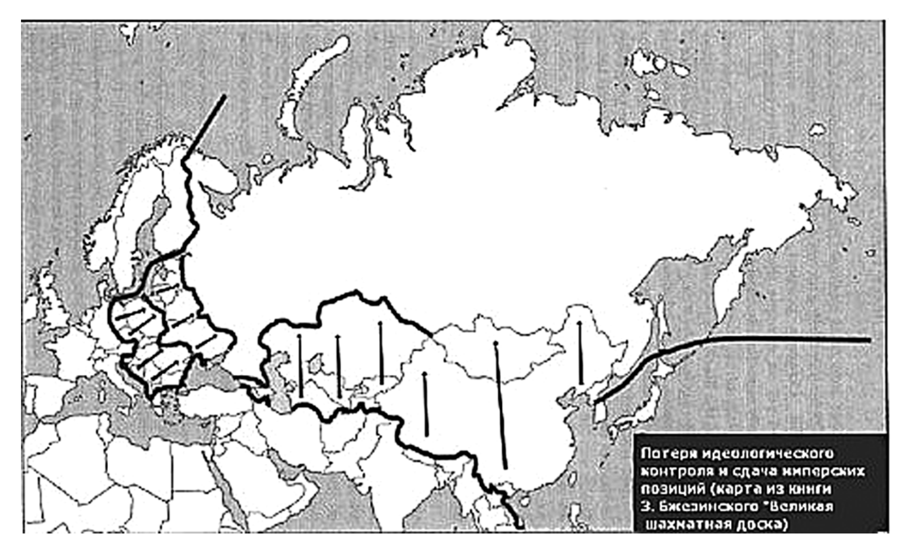
Беловежская пуща

На это Ельцин и пошел под влиянием своих советников (Г. Бурбулис, С. Шахрай, С. Станкевич). 8 декабря 1991 в Беловежской пуще главами Российской Федерации (РСФСР), Республики Беларусь и Украины было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), означавшее прекращение существования СССР как единого государства. Так рухнул еще один геополитический пояс, выстроенный в течение многих веков русской истории вокруг ядра Heartland'а.

Это событие продолжило серию предыдущих событий и знаменовало собой радикальную «геополитическую катастрофу» (это выражение для характеристики событий 1991 года использовал В.В. Путин). Безо всяких усилий и без какой-либо геополитической компенсации советское государство отныне распадалось на 17 независимых государств, не имеющих отныне никакого единого наднационального руководства. Так прекратило свое существование государство, выдержавшее столько серьезных потрясений — от ига, Смутного времени до Революции 1917 года и гражданской войны. Если и раньше Россия несла территориальные потери, сопоставимые с теми, которые произошли в 1991 году, то они компенсировались приобретениями в иных направлениях или длились недолго. С Горбачева и Ельцина мы можем фиксировать совершенно новый исторический этап, когда руководство Россией не увеличивает ее территорий или зоны ее влияния, но сокращает, причем радикально, масштабно и необратимо. Каждый царь или Генеральный Секретарь увеличивал пространство влияния Heartland'а. Первым, кто отступил от этого правила, стал Михаил Горбачев, и его линию продолжил Борис Ельцин. Созданная структура СНГ представляла собой инструмент «цивилизованного развода» и не несла в себе даже намека на общее руководство или какой-то интеграционный потенциал.

Так на практике реализовалась вторая мечта Маккиндера, предполагавшего разделение территории России на несколько государств, включая те, которые появились вследствие реформ Горбачева и Ельцина: Балтийские страны (Латвия, Литва, Эстония), Белоруссия, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан. На карте Маккиндера фигурировали еще и Югороссия и Дагестан (включавший в себя весь Северный Кавказ). Но в основных чертах талассократический проект передела структуры России в пользу морского могущества был реализован *руками «демократического» руководства России.*

Показательно, что победа цивилизации Моря была на этот раз настолько убедительной и глубокой, что не ограничилась только захватом новых стратегических территорий, выведенных из-под контроля цивилизации Суши и поставленных под контроль цивилизации Моря (страны НАТО). Идеология «морского типа», влияние Карфагена распространились и на саму Россию, которая полностью приняла *систему ценностей победителей* в «холодной войне». *Геополитическая капитуляция сопровождалась цивилизационной и идеологической капитуляцией*: буржуазная демократия, либерализм, рыночная экономика, парламентаризм и идеология прав человека были провозглашены главенствующими принципами «новой России». Карфаген проник

Ил. 63. Потеря СССР идеологического контроля и сдача имперских позиций. Карта из книги З. Бжезинского «Великая шахматная доска». Сжатие границ в сторону Heartland'а и распад СССР как результат геополитики Горбачева

внутрь Heartland'а. И если принять во внимание то глубинное значение, которое придавал исходу Пунических войн Честертон и которое лежит в основе исторических обобщений всех геополитиков, то трудно переоценить важность всех этих геополитических событий. По цивилизации Суши (Рим, Спарта, теллурократия) в этот период был нанесен колоссальный удар, последствия которого предопределяют общий расклад сил в мире *вплоть до настоящего времени*.

Однополярный момент

Крушение СССР и всей советской планетарной геополитической структуры означало кардинальное изменение всей глобальной карты. Это был конец Ялтинской системы и *окончание двухполюсного мира*. В такой ситуации Heartland как ядро цивилизации Суши перестал быть равноправной частью (половиной) мировой системы и резко утратил свои позиции. Вместо двухполярного мира началась эпоха о*днополярного* мира.

Американский аналитик и специалист в области международных отношений Чарльз Краутхаммер писал во влиятельном американском журнале «Foreign Affairs»:

«Предполагалось, что старый биполярный мир породит многополярный мир с силой, рассредоточенной по новым центрам в Японии, Европе, Китае и России. Предположение оказалось ошибочным. Мир после холодной войны не многополярный. Он однополярный. Центр мировой силы — неоспоримая супердержава США, связанные со своими западными союзниками[1]».

---

[1] *Crauthammer Ch.* The Unipolar Moment // Foreign Affairs. America and the World 1990/91.

Новая архитектура международных отношений, *построенная на единоличной доминации США*, сменяла собой предшествующую *биполярность*. Это означало, во-первых, что общая структура биполярного мира сохранялась, но *при изъятии из нее одного из двух полюсов*. Социалистический лагерь и его военно-стратегическое выражение — Варшавский договор — были распущены в конце 80-х годов XX века, а в 1991 году распался и Советский Союз. Но при этом капиталистический лагерь, сплотившийся в годы «холодной войны» вокруг США, военный блок НАТО и буржуазно-капиталистическая идеология (доминировавшая на Западе) *полностью сохранялись*. Как бы ни старались советские руководители эпохи Горбачева представить новую систему международных отношений «отвечающей интересам СССР», беспристрастный анализ показывает: Запад победил Восток; США — СССР; капиталистическая система — социалистическую; рынок — план.

В Ялтинском мире существовали две опоры глобальной архитектуры международных отношений со сложной системой сдержек. В новом однополярном мире оставалась только о*дна* инстанция — США и их союзники. Отныне они выступали как в роли прокурора, так и в роли судьи, и даже и в роли исполнителя наказания во всех спорных вопросах международной жизни. Блок НАТО распущен не был. Бывшие страны социалистического лагеря Восточной Европы, а затем и страны Балтии ускоренными темпами в него интегрировались. НАТО распространялось на Восток. А на место павшей социалистической системы приходило не нечто «третье» (на что надеялись архитекторы перестройки), но классический и подчас весьма грубый и брутальный «старый добрый» *капитализм*. Из двухполюсной системы просто убрали один из полюсов, а второй *оставался* в общих чертах точно таким же, каким и был до этого.

Геополитика однополярного мира: Центр—Периферия

Геополитика однополярного мира имеет одну особенность. Ось Запад—Восток, преобладавшая в идеологическом противостоянии эпохи Ялтинского мира, сменяется *моделью Центр—Периферия*. Отныне в центре мира располагаются США и страны Западной Европы (члены НАТО), а на периферии — все остальные. На место симметрии полюс/полюс заступает симметрия ядро/окрестности. Концентрированный и строго формализованный и геополитически и идеологически дуализм Ялтинского мира сменяется более рассредоточенными и разнородными лучами, ведущими от ядра однополярности к мировой окружности (ранее называвшейся Третьим миром). Победители в «холодной войне» отныне находятся в центре, в ядре. А вокруг — по концентрическим окружностям — ранжированно распределяются все остальные по степени их стратегической, политической, экономической и культурной близости к центру.

Ближний круг, практически относящийся к центру — Европа, страны НАТО и Япония. Далее — бурно развивающиеся капиталистические демократические страны, в целом союзные США или нейтральные. И наконец, на дальней орбите — слаборазвитые государства, находящиеся в начальной стадии модернизации и вестернизации, сохраняющие определенные архаические черты, с застойной экономикой и зачаточной или «нелиберальной» демократией.

Такая геометрия образа мира складывалась в 90-е годы вместо Ялтинской системы.

Дж. М. Робертс в книге «Триумф Запада» писал по этому поводу:

«Успех нашей (западной, американской. — *А. Д.)* цивилизации не может быть оценен в моральных терминах; это вопрос простой исторической эффективности. Почти все главные принципы и идеи, которые формируют современный мир, проистекают с Запада. Они распространяются сегодня по всему миру, и остальные цивилизации склоняются перед ними. Признание такого положения дел не говорит нам ничего о том, хорошо ли это или плохо, стоит ли этим восхищаться или этому ужасаться. Мы просто утверждаем, что существует одна полностью доминирующая цивилизация, и это цивилизация западная»[1].

И далее: «Я сомневаюсь, что такая абстрактная категория, как цивилизация, может осмысленно сочетаться с такими понятиями, как «добро» и «зло». Но факт остается фактом: западная цивилизация заставила сегодня все остальные цивилизации пойти в ее отношении на такие значительные уступки, на которые они никогда не шли ранее перед лицом какой-то внешней силы[2]».

У Робертса важно то, что он стремится развести по разные стороны *факт и его моральную оценку*. Западная цивилизация и, соответственно, буржуазная либеральная идеология и ценностная система, а также набор социополитических нормативов (парламентская демократия, свободный рынок, права человека, разделение властей, независимая пресса и т. д.) победили в планетарном масштабе *все цивилизационные альтернативы*. Точно так же, как от двух геополитических полюсов остался один с изменением модели противостояния по симметрии Запад-Восток на модель Центр-Периферия, в области идеологии вместо двух конкурирующих мировоззренческих и социополитических систем осталась *только одна*, которая приобрела глобальный размах. В идеологии это можно сформулировать так: либеральная демократия (мировоззренческое ядро) и все остальное (мировоззренческая периферия).

Геополитика неоконсерваторов

Победа Запада в «холодной войне», сложившаяся однополярность и триумф западной цивилизации в самих США осмыслись по-разному. Одну из версий такого осмысления мы встречаем в идейном течении американских *неоконсерваторов*, которые считаются в США ультраправым направлением консерватизма и являются последователями философа Лео Штрауса[3]. Неоконсерваторы рассуждали в терминах «силы», «врага», «господства» и т. д. А значит, для того, чтобы консолидировать общество, была нужна внешняя угроза. С развалом Советского Союза было необходимо срочно заменить его другим врагом, которым стал ислам. Неоконсерваторы призывают к увеличению военного бюджета Америки «для защиты роли Америки, как мировой опоры». Теория американского главенства не оставляет шансов многополярному миру. Через прочное установление повсюду сво-

---

[1] *Roberts J.M.* The Triumph of the West: The Origin, Rise, and Legacy of Western Civilization. Boston: Little Brown, 1985.

[2] Ibidem.

[3] *Drury Shadia B.* Leo Strauss and the American Right. London: Palgrave Macmillan, 1999.

их законов главенствующая сила может сохранять свою господствующую над миром позицию. Это называется «мировой гегемонией», которую сами неоконсерваторы предлагают называть «благой гегемонией»[1] («benevolent hegemony»).

Неоконсерваторы стали влиятельной силой в американской политической жизни в 80-е годы, а пиком их влияния на американскую и международную политику стало избрание президентом США Джорджа Буша-младшего в 2000 году.

Неоконсерваторы осмыслили однополярный момент в терминах «*империи*». С их точки зрения США в ходе своей истории шли планомерно к мировой гегемонии, и когда пал последний по счету глобальный конкурент (СССР и с ним социалистический лагерь), они достигли поставленной изначальной задачи и получили в руки бразды управления миром. В августе 1996 года неоконсерваторы Кристол и Кейган опубликовали в журнале «Foreign Affairs» статью, в которой говорится: «Сегодня, когда, возможно, империя зла уже побеждена, Америка должна стремиться проводить наилучшее американское руководство, поскольку ранее у Америки не было такого золотого шанса для того, чтобы распространять демократию и свободные рынки за пределами страны. Ранее положение американцев не было настолько превосходным, как сегодня. Таким образом, соответствующей целью Соединенных Штатов должна быть защита этого главенства в меру всех сил и на протяжении самого длительного периода, который возможен».[2]

Один из теоретиков неоконсерватизма Лоуренс Уэнс писал по этому поводу: «Ничто, однако, не сравнивается с американской глобальной империей. То, что делает американскую гегемонию уникальной, так это то, что ее могущество заключается не в контроле над большими континентальными массивами или центрами сосредоточения населения, а в глобальном присутствии, в отличие от любой другой империи в истории. Американская глобальная империя — империя, которой Александр Великий, Цезарь Август, Чингисхан, Сулейман Великолепный, Юстиниан, и Король Джордж V гордились бы»[3].

Осмысление новой архитектуры мира и системы международных отношений в терминах глобальной и планетарной американской империи не могло не влиять на методы проведения в жизнь американских стратегических планов. Упоенные победой, американцы подчас начинали вести себя бесцеремонно. Неоконсерваторы открыто воспевали американскую гегемонию[4]. Они же возвели либеральную капиталистическую идеологию в статус *неоспоримой догмы*, а американское господство, американскую империю провозгласили наилучшей и совершеннейшей из политических систем и оптимальным устройством новой системы международных отношений.

Неоконсерваторы придали американской политике 90-х довольно агрессивный стиль. Отождествив национальные интересы США с «благом» для

---

[1] *Dorrien G.* "Benevolent Global Hegemony": William Kristol and the Politics of American Empire. — www. logosjournal. com. [Электронный ресурс] URL: http://www. logosjournal. com/dorrien. htm (дата обращения 03.11.2011)

[2] *Kristol William, Kagan Robert.* The tepid consensus // Foreign Affairs, July/August, 1996.

[3] *Vance Laurence M.* The Burden of Empire. N.Y.: Vance Publications, 2004.

[4] *Kristol William, Kagan Robert.* Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs, July/August, 1996.

всего человечества, они породили своими руками сильную оппозицию и волну протестов как в Америке[1], так и в других частях Света.

Доктрина Козырева

Резкое обрушение советской системы и проникновение талассократических тенденций вглубь самой России оказали на структуру мира колоссальное влияние. В первые годы правления Бориса Ельцина (1991 – 1993) все политические процессы внутри Российской Федерации протекали в талассократическом ключе. В тот период во внешней политике утвердилась так называемая «доктрина Козырева», названная так по фамилии министра иностранных дел в правительстве Ельцина.

«Доктрина Козырева» предполагала, что однополярность является *свершившимся фактом*, доминацию США в мире следует признать как данность, и в таких условиях России (как наиболее весомой державе на всем постсоветском пространстве) отныне остается только одно: *встроиться в западноцентричный мир*, заняв в нем максимально влиятельное и важное место, насколько это позволят экономические, стратегические и социальные ресурсы Российской Федерации. Такое признание сопровождалось *моральным* одобрением конца двухполюсного мира и решительным *осуждением* предшествующей двухполярности, а заодно и всей идеологии, практики и геополитики советского периода. Козырев признавал: в «холодной войне» Запад не просто победил силовым образом, оказавшись более устойчивым и могущественным, но оказался еще и исторически *правым*. И России остается только признать эту правоту победителя и солидаризоваться с ним на деле и морально.

На практике это означало *признание легитимности американского видения мира и согласие строить внешнюю политику России в соответствии с общей стратегической линией США*, подстраиваясь под нее, и уже потом преследуя собственные национальные интересы. Козырев принимал правила игры однополярного мира *как должное* и исходил из этого при построении приоритетов и целей внешней политики России.

В отношении постсоветского пространства это предполагало отказ Москвы от каких бы то ни было попыток восстановления своего влияния на соседние страны, переход к формату двухсторонних отношений с ними и поддержка единоличного движения стран СНГ в сторону постепенной интеграции в Запад и глобальный мир.

Такое отношение к США и Западу, которое утвердилось в России в начале 90-х, означало прямую *капитуляцию* перед лицом противника и признание его правоты и его победы (фактической и моральной). В определенном смысле это означало начало установления *внешнего управления страной* от лица представителей полюса, ставшего единственным, а поэтому глобальным. В первом ельцинском правительстве Егора Гайдара, где активную роль играл реформатор-западник Анатолий Чубайс, экономическими реформами руководила группа американских экспертов (под управлением Джеффри Сакса)[2], настаивавшая на шоковой терапии и ускоренном переводе всей эко-

---

[1] *Drury Shadia.* Leo Strauss and the American Right.

[2] *Полторанин М.Н.* Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.

номики России на ультралиберальные рельсы. Это привело к катастрофическим последствием, обнищанию населения, девальвации сбережений, полному упадку промышленности и приватизации основных доходных предприятий и целых отраслей группой новоявленных олигархов, беззаконными средствами захвативших ключевые позиции в стране.

С геополитической точки зрения этот период можно представить как *затопление Суши*, установление над Heartland'ом прямого контроля со стороны морского могущества (Sea Power). Это было время небывалого ранее успеха атлантистов; они не только окружили Россию плотным кольцом лояльных цивилизации Моря держав, но и проникли глубоко внутрь страны, распространив свои сети на большинство значимых управленческих, политических, экономических, медийных, информационных и даже отчасти силовых структур (коррумпированных олигархами, либо напрямую инфильтрованные агентами влияния атлантизма с благосклонного одобрения власти демократов-реформаторов).

Контуры распада России

Ельцин пришел к власти на волне стремления различных административных образований внутри самой России к автономизации. Так, бывшие автономные республики получили после декларации о суверенитете РСФСР автоматически статус национальных и поспешили занести в свои Конституции пункт о своем суверенитете — повторяя логику СССР и явно рассчитывая на позднейших этапах заявить о выходе из состава России, как только для этого представится подходящая возможность. В своей борьбе с Горбачевым и стремлении захватить и удержать власть Ельцин не просто благосклонно к этому относился, но и активно способствовал этому процессу. Вошла в историю его фраза, произнесенная 6 августа 1990 года в Уфе: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Это было понято однозначно, и уже с 90-го года XX века национальные республики в составе РСФСР, позже Российской Федерации, стали поспешно насыщать провозглашенный суверенитет реальным содержанием. По сути, началось бурное *строительство автономной национальной государственности* со всеми ее характерными признаками — собственным национальным языком, образовательной программой, экономической независимостью, политической автономией и т. д. Несколько Республик прописали в своих Конституциях нормативы, которые помимо суверенитета содержали всю атрибутику независимого государства. Это был случай Татарстана, Башкирии, Коми, Якутии (Саха), Чечни и т. д. В частности, в Конституции Республики Саха, принятой 27 апреля 1992 года, эта республика провозглашалась «суверенным, демократическим и правовым государством, основанном на праве народа на самоопределение». Конституция включала в себя все атрибуты суверенного государства: национальный язык, введение национальной валюты, казны, обеспечивающей ее обращаемость, собственной армии, а также предусматривался визовый режим для граждан остальных субъектов Российской Федерации. В таком же духе были составлены Конституции и некоторых других Республик.

Общая тенденция с конца 1990-го года состояла в том, чтобы продолжать наращивать объем этого провозглашенного суверенитета и настаивать на его уважении со стороны федерального центра.

В этом ключе была составлена национальная политика РФ, контуры которой заложили Р. Абдулатипов[1], В. Тишков[2] и другие, обосновывающие необходимость постепенного перехода от федеративной системы к конфедеративной и далее — к полному выделению национальных республик (или, по меньшей мере, некоторых из них) в самостоятельные государства.

Так, в этот период стала вполне реалистичной последняя часть плана Маккиндера по расчленению России, предполагавшая отделение Северного Кавказа (Дагестан) и Югороссии. Тот же Маккиндер называл Восточную Сибирь особым термином «Lenaland» и не исключал ее интеграции в зону влияния США[3]. Он же упоминал вскользь и о создании в Поволжье нескольких самостоятельных государств. Позднее аналогичные планы расчленения России обрисовал в своих работах, опубликованных в «Foreign Affairs»[4], современный американский геополитик Збигнев Бжезинский.

После обвала внешних контуров Heartland'а в начале 90-х годов явно наступал черед и самой Российской Федерации. При этом представители реформаторов-демократов, находившихся в то время у власти, в целом доброжелательно относилось к этим процессам, проводя и внутреннюю политику в соответствии с интересами цивилизации Моря.

Становление русской геополитической школы

После 1991 года и конца СССР в России начинает развиваться российская школа геополитики. Публикуются первые геополитические тексты («Континент Россия», «Подсознание Евразии» и т. д.) в 1991 году в газете «День» печатается работа «Великая война континентов», где в публицистической форме излагаются основы геополитического метода. С 1992 года выходит регулярный теоретический журнал «Элементы», содержащий раздел «Геополитические тетради» и публикующий труды классиков геополитики и актуальные геополитические комментарии. Так, складывается полноценная *российская геополитическая школа неоевразийского направления*, продолжающая традиции славянофилов, евразийцев и других русских геополитиков, но учитывающая те значительные наработки в этой области, которые были осуществлены в течение всего XX века — как в англосаксонской, так и в германской школе, а также во Франции с 70-х годов (школа Ива Лакоста).

В тот же период Россию посещают видные европейские геополитики Жан Тириар, Ален де Бенуа, Робер Стойкерс, Карло Террачано, Клаудио Мутти и т. д., которые выступают с лекциями и семинарами, знакомя российскую публику с основами геополитического метода и геополитической терминологией.

Историческая ситуация позволяет обобщить исторический опыт в развитии этой дисциплины и заложить основы полноценной геополитической школы. В начале 90-х годов преподавание геополитики начинается в Военной академии генерального штаба РФ (при руководстве Академией будуще-

[1] *Абдулатипов Р.* Федералогия. СПб, Питер. 2004.

[2] *Тишков В.* О нации и национализме// Свободная мысль. 1996. № 3.

[3] *Mackinder H.J.* The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs. 1943. № 21.

[4] *Brzezinski Zbigniew.* A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs, September / October 1997.

го министра обороны И. Родионова — на кафедре Стратегии, возглавлявшейся в тот период генерал-лейтенантом Н.П. Клокотовым[1]), где и формируются основные разработки, опубликованные несколько позже в базовом учебном пособии «Основы геополитики»[2].

К 1993 году базовые представления о геополитике и евразийстве становятся известны определенным кругам политологов, стратегов и военных аналитиков, и в дальнейшем значение геополитического анализа развертывающихся событий становится неотъемлемой частью осмысления исторического момента, в котором оказалась Россия. Специфика геополитического метода ответственна за то, что эта дисциплина вначале получает свое распространение в кругах, ориентированных патриотически и оппозиционно в отношении правящего режима Ельцина и младореформаторов, что придает ей некоторую политическую ангажированность, от которой, впрочем, никогда не уходили и не стремились уйти все предыдущие поколения геополитиков, формулировавших свои взгляды одновременно с активным участием в самой гуще исторических процессов.

Так, неоевразийцы, группировавшиеся вокруг журнала «Элементы» и газеты «День», стали идейными вдохновителями объединения опозиционных сил правых, как левых, так и национальных, против Ельцина и его ультралиберального-атлантистского окружения на основании именно геополитического критерия.

Геополитика политического кризиса октября 1993 года

Позиции внутри российского руководства отчетливо разделились к 1993 году. Часть политических руководителей — в частности, вице-президент А. Руцкой, глава Верховного Совета РСФСР Р. Хасбулатов и большинство депутатов, бывшие в 1991 году сторонниками Б. Ельцина, но разочарованные его дальнейшей политикой, перешли в оппозицию к его курсу и составили корпус его противников. Это разделение, помимо личных моментов в судьбе тех или иных политических деятелей, имело некоторое геополитическое основание. Вокруг Ельцина сформировалось ядро из группы младореформаторов ультралиберальной ориентации (Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, И. Хакамада, А. Козырев и т. д.) и олигархов (Б. Березовский, В. Гусинский и т. д.). Они подталкивали Ельцина к сближению с США и Западом, к проведению атлантистской геополитики и полному следованию во всех отношениях за директивами, исходящими от цивилизации Моря. Во внешней политике это выражалось в безоговорочной поддержке всех американских начинаний («доктрина Козырева»). В экономике — в проведении ультралиберальных реформ и монетаризме (Е. Гайдар – А. Чубайс). Во внутренней политике — в демократизации, вестернизации и ликвидации социалистических, социалиально ориентированных институтов. В вопросе национальных республик — в благожелательном отношении к укреплению их суверенитета. Во всех смыслах ядро, сплотившееся вокруг Ельцина и подталкивающее его к продолжению движения в этом же направлении, отличалось всем набором признаков геополитического атлантизма и было ярким представителем та-

---

[1] *Клокотов Н.П., Попов Н.Г.* Проблемы стратегии и оперативного искусства. М.: Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил, 1993.

[2] *Дугин А.* Основы геополитики. М.: Арктгея-центр, 2000.

лассократии как в политике (внутренней и внешней), так и в области мировоззренческих ценностей. Общая модель правления была олигархической и представляла интересы нескольких влиятельных олигархических кланов, споривших между собой за влияние на недальновидного и плохо понимавшего ситуацию, стремительно спивающегося «демократического монарха». Таким образом, кризис 1993 года имел геополитическую доминанту: на стороне Ельцина были агенты влияния цивилизации Моря; на стороне оппозиции (Верховный Совет) — сторонники цивилизации Суши.

Самым драматическим моментом этого внутриполитического противостояния стали трагические события сентября-октября 1993 года, завершившиеся расстрелом Верховного Совета военными частями, вверенными Ельцину, 4 октября. По сути, это была краткая вспышка *гражданской войны*, где столкнулись две геополитические силы — сторонники цивилизации Моря и внешнего управления (лагерь Ельцина и младореформаторов) и сторонники цивилизации Суши и восстановления суверенитета России, сохранения ее целостности, возврата к теллурократической модели ценностей (сторонники Верховного Совета). Как известно, первые одержали победу над вторыми. В ходе драматического противостояния и ожесточенного сопротивления вооруженные силы, находившиеся под контролем Ельцина, штурмом взяли здание Верховного Совета, подавили силой оборону его защитников и ликвидировали Парламент, арестовав всех первых лиц оппозиции.

Противники Ельцина представляли разные политические и идеологические течения — как лево-коммунистические, так и правонационалистические, а также значительный фланг разочарованных в Ельцине демократов. Всех их объединяло неприятие основного курса и, соответственно, атлантизма. Идеологическим центром оппозиции стала газета «День», издававшаяся патриотическим публицистом Александром Прохановым. Показательно, что, так или иначе, в пользу евразийства в 1993 году высказались все наиболее значимые фигуры антиельцинской оппозиции — Р. Хасбулатов, председатель Конституционного Суда В. Зорькин, вице-президент А. Руцкой, не говоря уже о более радикальных противниках Ельцина — коммунистах, националистах или сторонниках православной монархии.

Изменение взглядов Ельцина после конфликта с Парламентом

После такой развязки, которая принесла Ельцину и его окружению решающую для их власти победу, был предпринят мер для того, чтобы придать последствиям государственного переворота определенную долю легитимности. Была спешным порядком принята наспех скопированная с западных образцов Конституция, проведены под жестким надзором властей выборы в Государственную Думу. Но при всем старании власть не получила большой поддержки от населения, которая отдала свои голоса популисту с национально-патриотической риторикой В. Жириновскому и еще более оппозиционной антилиберальной Коммунистической Партии РФ Г. Зюганова.

Положение Ельцина и его сторонников в тот момент было таково, что они теоретически могли проводить какую угодно политику, в том числе и окончательно разделаться с оппозицией, потерпевшей сокрушительное поражение и потерявшей волю к сопротивлению и своих лидеров (арестованных или растративших доверие своих сторонников). Несмотря на то, что в избранной Думе оппозиция снова оказалась в большинстве, новая Консти-

туция, закреплявшая модель президентской Республики и дававшая Президенту чрезвычайные полномочия, позволяла проводить практически любую политику, не считаясь ни с чем.

В этот момент, однако, Борис Ельцин принимает решение, смысл которого сводится к тому, чтобы *не форсировать далее прежний курс*, не добивать оппозицию (в скором времени ее лидеров отпускают по амнистии) и скорректировать прозападный курс, затормозив вместе с тем распад самой России. Чем было вызвано это решение, трудно сказать однозначно. Возможно, одним из факторов стало усиление влияния близких к Ельцину деятелей силового толка (А. Коржакова, М. Барсукова и т. д.), значение которых возросло в критический период военной операции против Парламента в октябре 1993 года, и которые субъективно отличались смутно патриотическими воззрениями (весьма распространенными в среде российских спецслужб по традиции, уходящей корнями в историю СССР). В любом случае, Ельцин после победы над оппозицией решает скорректировать свои реформы. Весьма показательны кадровые изменения: на место ультралиберального западника Е. Гайдара назначается прагматичный «красный директор» В. Черномырдин; на место атлантиста А. Козырева — умеренный «патриот» и осторожный «евразиец» Е. Примаков, специалист по Востоку и сотрудник Внешней Разведки.

«Доктрина Примакова» в отличие от «доктрины Козырева» состояла в том, чтобы стараться в условиях однополярного мира, признавая его серьезность, отстоять в рамках возможного национальные интересы России, сохранить связи с традиционными союзниками и выскользнуть из-под американского диктата. Это был серьезный контраст в сравнении с однозначно атлантистской позицией Козырева.

Все это, однако, не означало, что Ельцин отказался от своего прежнего курса полностью. Этот курс продолжился, и многие ключевые фигуры, ответственные за проведение атлантистской линии в политике России, остались на своих позициях и сохранили свое влияние, равно как значительные рычаги власти сохранились в руках олигархов. Но ритм атлантистских преобразований существенно замедлился. Ельцин стал тормозить преобразования в этом ключе, а не ускорять их.

Переломным моментом стала чеченская кампания.

Первая чеченская кампания

В рамках общего процесса суверенизации национальных республик в самом начале 90-х годов в Чечено-Ингушетии активизировались различные националистические движения, одним из которых стал созданный в 1990 году «Общенациональный конгресс чеченского народа», поставивший своей целью выход Чечни из состава СССР и создание независимого чеченского государства. Его возглавил бывший генерал советских Военно-воздушных сил Джохар Дудаев. 8 июня 1991 года на II сессии национальный лидер Чеченской Республики Дудаев провозгласил независимость Чеченской Республики Нохчи-чо. После поражения ГКЧП Дудаев со своими сторонниками захватил здание Верховного Совета Чечни, а после распада СССР заявил о выходе из состава Российской Федерации. Сепаратисты проводят выборы, на которых победу одерживает Дудаев, но Москва их не признает. Начинается, по сути, вооруженное противостояние и ускоренное создание сепара-

тистами собственных вооруженных сил. При этом в духе общей ориентации демократических реформаторов на поддержку суверенизации происходят довольно странные вещи: в июне 1992 года министр обороны РФ Павел Грачев распорядился передать дудаевцам половину всего имевшегося в республике оружия и боеприпасов. Нельзя исключить и коррупционной составляющей, которая была бы вполне в духе экономических и социальных процессов того времени.

Победа сепаратистов в Грозном привела к распаду Чечено-Ингушской АССР и провозглашению отдельной Республики Ингушетия в составе России. Чечня же стала в тот период фактически независимым, но юридически не признанным ни одной страной государством. Республика имела государственную символику — флаг, герб и гимн, органы власти — президента, парламент, правительство, светские суды. Даже после этого, когда Дудаев прекратил платить налоги в общий бюджет и запретил сотрудникам российских спецслужб въезд в Республику, федеральный центр продолжал перечислять в Чечню денежные средства из бюджета. В 1993 году на Чечню было выделено 11,5 млрд рублей. Российская нефть до 1994 года продолжала поступать в Чечню, при этом она не оплачивалась и перепродавалась за рубеж. И эти процессы прекрасно вписывались в логику начала 90-х. Подготовка к выходу из состава России одной из Республик соответствовала плану атлантистов и проводников их влияния в российском руководстве и объясняла тот факт, почему многие политические силы и влиятельные (принадлежащие олигархам) СМИ фактически либо закрывали глаза на происходящее, либо поддерживали чеченский режим как прецедент для остальных национальных Республик. Так, начала реализовываться последняя часть плана Маккиндера по расчленению России и созданию на Северном Кавказе независимой от Москвы государственности. Этим была вызвана и поддержка чеченских сепаратистов со стороны Запада и ряда прозападных режимов в арабском мире.

С лета 1994 года в Чечне развернулись боевые действия между верными Дудаеву войсками и силами оппозиционного Временного совета, вставшего на пророссийские позиции. К зиме становится ясно, что оппозиция не в силах справиться с сепаратистами, и 1 декабря российская авиация нанесла удар по аэродромам Калиновская и Ханкала и вывела из строя все самолеты, находившиеся в распоряжении сепаратистов. 11 декабря 1994 года Президент Российской Федерации Борис Ельцин подписал Указ № 2169 «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики». После этого начинается ввод федеральных войск. В первые недели войны российские войска смогли практически без сопротивления занять северные районы Чечни. 31 декабря 1994 года начался штурм Грозного. Он повлек за собой колоссальные потери со стороны федеральных сил и длился вместо нескольких дней, как было запланировано, несколько месяцев — лишь 6 марта 1995 года отряд боевиков чеченского полевого командира Шамиля Басаева отступил из Черноречья, последнего района Грозного, контролировавшегося сепаратистами. Только тогда город окончательно перешел под контроль российских войск.

После штурма Грозного главной задачей российских войск стало установление контроля над равнинными районами мятежной республики. К апрелю 1995 года российскими войсками была занята почти вся равнинная территория Чечни и сепаратисты сделали упор на диверсионно-партизанские операции.

14 июня 1995 года группа чеченских боевиков численностью 195 человек во главе с полевым командиром Шамилем Басаевым на грузовиках въехала на территорию Ставропольского края и заняла здание больницы в городе Буденновске, захватив заложников. После теракта в Буденновске, с 19 по 22 июня, в Грозном прошел первый раунд переговоров между российской и чеченской сторонами, на которых удалось достигнуть введения моратория на боевые действия на неопределенный срок, который в целом не соблюдался.

9 января 1996 года отряд боевиков численностью 256 человек под командованием полевых командиров Салмана Радуева, Турпал-Али Атгериева и Хункар-Паши Исрапилова совершил рейд на город Кизляр, где террористы уничтожили ряд военных объектов, а затем захватили больницу и родильный дом.

6 марта 1996 года несколько отрядов боевиков атаковали с различных направлений контролировавшийся российскими войсками Грозный, но взять его не смогли. 21 апреля 1996 года федеральным войскам удалось ракетным ударом ликвидировать Джохара Дудаева.

6 августа 1996 года отряды чеченских сепаратистов вновь атаковали Грозный. Российский гарнизон не смог удержать город. Одновременно со штурмом Грозного сепаратисты захватили также города Гудермес и Аргун.

31 августа 1996 года представителями России (председатель Совета Безопасности Александр Лебедь) и Ичкерии (Аслан Масхадов) в городе Хасавюрте были подписаны соглашения о перемирии. На основании этого соглашения российские войска полностью выводились из Чечни, а решение о статусе Республики было отложено до 31 декабря 2001 года. По сути, это была *капитуляция Москвы перед сепаратистами.* Федеральная власть расписалась в том, что не может решить ситуацию силой и вынуждена идти на поводу у мятежников.

С момента заключения Хасавюртского мира до начала Второй чеченской кампании в 1999 году Чечня вторично существовала в рамках практически автономного и не управляемого из Москвы государства.

Важно подчеркнуть, что наиболее последовательные либерально-демократические силы в самой России и подконтрольные им СМИ в течение всей чеченской кампании занимали двусмысленную позицию, часто показывая сепаратистов в положительном свете, как «бойцов за свободу», а федеральные войска как «носителей русского колониализма». Коррумпированные чиновники, отдельные военачальники и олигархические кланы тесно сотрудничали с сепаратистами и криминальной сетью чеченской диаспоры в самой России для извлечения из кровавых трагедий материальной и финансовой прибыли. Сплошь и рядом это наносило непоправимый ущерб военным действиям. В любой момент из центра мог прийти приказ остановить успешную операцию, когда она становилась опасной для боевиков. При этом Запад оказывал сепаратистам активную политическую и социальную поддержку. Ряд наемников из арабских стран, как позднее выяснилось, были кадровыми сотрудниками ЦРУ или британской разведки MI6[1].

---

[1] *Collins Aukai.* My Jihad: An American Mujahid's Amazing Experiences in the World of Jihad, Osama Bin Laden's Camps and the C.I.A. NY:Lyons Press, 2002.

С геополитической точки зрения это вполне естественно: отделение Чечни и образование на ее территории независимого от Москвы государства означало бы переход к финальной стадии атлантистского плана по расчленению России и образованию на ее территории новых независимых государств (по модели распада СССР). Чечня была пробным камнем для всех остальных потенциальных сепаратистов. И от судьбы чеченской кампании зависела напрямую судьба России, точнее, того, что от нее осталось.

В самом факте начала чеченской кампании мы видим смутную волю Ельцина к тому, чтобы все же не допустить распада России. И хотя эта кампания велась из рук вон плохо, нерешительно, непродуманно, с гигантскими и часто напрасными жертвами с обеих сторон, сам факт, что Москва противится распаду России, имел огромное значение. В этот момент многие сторонники Ельцина из лагеря атлантистов перешли к нему в оппозицию, будучи недовольными тем, что он не выполняет общего плана цивилизации Моря или, по меньшей мере, тормозит его реализацию. К 1996 году эта оппозиция становится довольно влиятельной, и лишь усилия известного политтехнолога С. Кургиняна, тесно сотрудничавшего с Б. Березовским и В. Гусинским, приводят к тому, что олигархи заключают между собой пакт об «условной» поддержке Ельцина на выборах — из-за страха перед возможной и более чем вероятной в при том раскладе сил победе кандидата от КПРФ Г. Зюганова. Это явление известно как «семибанкирщина»[1] по аналогии с «семибоярщиной» эпохи русской Смуты начала XVII века.

В любом случае, Ельцин не встал на сторону атлантистов полностью. Но накануне президентских выборов 1996 года Ельцин снова делает резкий поворот, отстраняет от должностей патриотически настроенных силовиков (А. Коржакова, М. Барсукова и т. д.), возвышает атлантиста и ультралиберала А. Чубайса. Как следствие этого демарша, в скором времени заключается Хасавюртский мир, который свел на нет все понесенные за годы Первой чеченской кампании потери и вернул ситуацию к начальной фазе. Сепаратисты снова контролировали Грозный и основную часть Чечни, с таким трудом и такой большой кровью отбитые федеральными войсками. И отныне у них были все основания ожидать, что под давлением Запада через какое-то время Москва будет вынуждена признать независимость мятежной Республики. Это означало бы конец России.

Геополитические итоги правления Б. Ельцина

Определим кратко основные геополитические итоги правления Бориса Ельцина, первого Президента Российской Федерации. В целом их можно охарактеризовать как полный провал национальных интересов, существенное ослабление страны, сдачу стратегических позиций, прямое потворство ускоренному установлению над Россией внешнего управления, проведение разрушительных реформ в экономике, результатом которых стало обнищание населения параллельно появлению нового класса олигархов, коррупционеров и их социальной обслуги, а также разрушение всей социальной инф-

[1] Борис Березовский (ЛогоВаз), Михаил Ходорковский (Роспром Груп, Менатеп), Михаил Фридман (Альфа-Груп), Петр Авен (Альфа-Груп), Владимир Гусинский (Мост Груп), Владимир Потанин (Онэксимбанк), Александр Смоленский (СБС-Агро, Банк Столичный). Термин «семибанкирщина» ввел в оборот журналист А. Фадин. *Фадин А.* Семибанкирщина как новорусский вариант семибоярщины // Общая газета. 14 ноября 1996.

раструктуры общества. Этот период можно сравнить лишь с самыми черными циклами русской истории — с пиком удельной раздробленности, предшествующим монгольским завоеваниям, со Смутным временем, с оккупацией Руси войсками поляков и шведов, с событиями весны—осени 1917 года, приведшими к полному краху Российской Империи, с гражданской войной. Как и всегда в подобных случаях, что мы неоднократно наблюдали, доминировала *геополитическая ориентация на Запад* и параллельно ей установление *олигархического режима*, основанного на всевластии конкурирующих друг с другом групп в политической элите. Однако, потери России в период правления Ельцина, территориальные утраты (распад СССР), социальная и промышленная катастрофа, приход к власти коррумпированных, криминальных элементов и агентов влияния США — все это было беспрецедентным и небывалым и по масштабу, и по пассивной реакции населения, и по длительности. *90-е годы XX века для России были чудовищной геополитической катастрофой*. Из полюса двухполярного мира и цивилизации Суши, распространявшей свое влияние на половину планеты, Россия превратилась во второстепенную, коррумпированную, распадающуюся державу третьего эшелона, стремительно теряющую вес на международной арене и стоящую на грани того, чтобы исчезнуть вообще.

Конечно, одного Ельцина в этом винить нельзя, его курс был подготовлен Горбачевым и его реформами, а также широкой группой прозападных агентов влияния, сторонников либеральных реформ или просто абсолютно некомпетентных, коррумпированных и невежественных деятелей. Но и вину с него снимать нельзя: без этой личности, слабо осознававшей истинный смысл развертывавшихся вокруг него событий и едва ли понимавшей, что он, собственно, делает и к чему идет, едва ли реформаторы смогли успешно осуществить свои разрушительные подрывные действия, принесшие стране столь колоссальный ущерб.

В то же время Ельцин после расстрела Верховного Совета в октябре 1993 года несмотря ни на что произвел определенную коррекцию в общей логике своего правления; он не стал уничтожать оппозицию и несколько смягчил свою разрушительную и самоубийственную политику, внеся в нее ряд патриотических черт. Тот факт, что он начал Чеченскую кампанию, а не принял безоговорочно ультиматум Дудаева, к чему его подталкивали либералы и атлантисты в его окружении, уже говорит о том, что какое-то остаточное представление о ценности территориальной целостности государства у него сохранилось. В этом он опирался на интуицию, и надо отдать ему должное, что при таком давлении, какое на него оказывалось, он сумел выстоять и задержаться на краю бездны.

И хотя в 1996 году он снова вернулся к атлантистской модели и пошел на Хасавюртский мир с сепаратистами, одним росчерком зачеркнув все предыдущие военные успехи федеральных сил, к концу 90-х он еще раз продемонстрировал, что не может быть полностью занесен в разряд губителей России. Он назначает своим преемником Владимира Путина, который начиная с 2000-х годов будет проводить совершенно иную геополитическую линию. Перепоручив власть Путину, Ельцин вверил ему и судьбу его собственного места в истории России. И, быть может, это стало его геополитическим завещанием.

В чем был смысл такого завещания, мы рассмотрим в следующей главе.

Библиография

Бжезинский З. Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2007.

Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны», М., 2009.

Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект, 2011.

Дугин А.Г. Основы евразийства. М: Арктогея-центр, 2002.

Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995.

Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Центр инновационных технологий, 2008.

Кройцбергер С., Грабовски С., Унзер Ю. Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. М.: Оптима, 2002.

Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя, СПб.: Амфора, 2006.

Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность. М.: РГГУ, 2007.

Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007.

Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991 – 2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002.

Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.

Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен, Издательство: Весь Мир, 2007.

Grossouvre de H. Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian cooperaion // World Affairs, Vol 8 No 1 Jan — Mar 2004

Holbrooke R. America, A European Power // Foreign Affairs, March/April 1995.

Lieven A. America Right Or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. Oxford: Oxford University Press US, 2005.

Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. New York: Holt, 1919.

Глава 10

ГЕОПОЛИТИКА 2000-Х. ФЕНОМЕН ПУТИНА

Структура силовых полюсов в Чечне 1996–1999 годов

После заключения Хасавюртского мира чеченские сепаратисты получили возможность заново отстроить свои силовые структуры и укрепить свою власть на всей территории Чеченской республики. Постепенно среди них возникли три конкурирующих направления:

- умеренные круги национал-демократической ориентации, приоритетно поддерживаемые Западом и пытающиеся играть по западным правилам (А. Масхадов, А. Закаев и т. д.);
- представители национал-традиционалистского ислама, ориентированные на чеченские тейпы и вирды (А. Кадыров, Х.-А. Нухаев и т. д.);
- радикальные ваххабиты, осознающие себя звеном в мировой сети исламского фундаментализма, сражающегося за установление мирового исламского государства (Ш. Басаев, М. Удугов, «черный Хаттаб» и т. д.).

Геополитически все три силы были ориентированы различным образом: национал-демократы на атлантизм, традиционалисты — на местное население и его устои, ваххабиты — на мировую сеть радикальных фундаменталистов.

Геополитика ислама

Радикальный ислам получил новое рождение в 70-е годы XX века, когда американские и британские спецслужбы стали активно использовать его для противодействия социалистическим и просоветским тенденциям в исламском мире и в частности, в Афганистане. Так, известный американский геополитик Збигнев Бжезинский лично инструктировал исламских радикалов и, в частности, представителей Аль-Каиды в лагерях военной подготовки антисоветских моджахедов. До определенного момента исламский фундаментализм выполнял, таким образом, функцию регионального *прагматического инструмента в руках атлантистов*.

Сам исламский мир, с геополитической точки зрения, относится преимущественно к береговой зоне (Rimland), что делает его зоной противостояния двух сил — Суши и Моря. В этой «береговой зоне» сходятся между собой две противоположные ориентации — ориентация на Запад и ориентация на Восток. В эпоху «холодной войны» морскими тенденциями были представители либерального ислама и радикальные фундаменталисты (в частности, ваххабиты/салафиты, преобладающие в Саудовской Аравии, надежном региональном партнере США на Ближнем Востоке). А сухопутными — режимы, ориентирующиеся на социализм и СССР, страны исламского социализма или «баасисты» (панарабская партия, стоящая за объединение

всех арабских государств в единое политическое образование). Особым случаем был Иран после шиитской революции 1979 года, когда на место проамериканского шаха пришли представители радикального шиитского направления во главе с аятоллой Хомейни. Позиция Ирана была строго «береговой» — иранский лозунг «ни Запад, ни Восток, Иранская революция», означал отказ от сближения как с капиталистическим Западом, так и с социалистическим Востоком.

Но после распада СССР и мировой просоветской геополитической конструкции радикальный ислам утратил свою основную геополитическую функцию в руках атлантистов. Вместе с тем это течение набрало определенную инерцию и просто свести его на нет у американских и британских кураторов не получилось. Определенные связи с атлантизмом во многих случаях сохранялись, однако ваххабитско-салафитские круги постепенно автономизировались и стали представлять собой влиятельную и самостоятельную силу. Так как главного врага, СССР, больше не существовало, исламские фундаменталисты стали постепенно проводить локальные атаки на своих бывших патронов — США.

В случае Чечни ваххабизм, активно распространявшийся там с конца 80-х и к концу 90-х превратившийся в самостоятельную влиятельную силу, выполнял классическую функцию, служа интересам цивилизации Моря в ее стремлении максимально ослабить цивилизацию Сушу и расчленить Россию. Поэтому альянс национал-демократов Масхадова с ваххабитскими кругами имел, в конечном счете, общий геополитический знаменатель — и те, и другие объективно играли на руку планам атлантизма.

Взрывы домов в Москве, вторжение в Дагестан и приход к власти Путина

Ваххабитский полюс начал формироваться в Чечне еще с конца 80-х, и с самого начала не ограничивался территорией только самой Чечни. Более того, изначально, центром распространения ваххабизма стал соседний с Чечней Дагестан. Одним из представителей первых дагестанских ваххабитов был Багаутдин Кебедов, установивший еще во время Первой чеченской кампании тесные контакты с арабским наемником салафитом Хаттабом (оказавшимся впоследствии тесно связанным с ЦРУ) и чеченскими полевыми командирами. При участии Кебедова и его сторонников в апреле 1998 года в Грозном состоялся учредительный съезд организации «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», руководителем которой стал Шамиль Басаев. Главной задачей было «освобождение мусульманского Кавказа от российского имперского ига» (вполне атлантистский по своему содержанию тезис). Под эгидой КНИД были созданы вооруженные формирования, в том числе «Исламская международная миротворческая бригада», которой командовал Хаттаб. Ваххабиты начали создавать вооруженное подполье в Дагестане, и к 1999 году их влияние в этой республике стало критически высоким. В 1999 году боевики Кебедова начали мелкими группами проникать в Дагестан и создавать в труднодоступных горных селениях военные базы и склады оружия. После своей поездки в Дагестан премьер-министр РФ С. Степашин был настолько впечатлен влиянием ваххабитов, что позволил себя отчаянное высказывание в том духе, что «Дагестан, кажется, Россия потеряла».

7 августа 1999 года подразделения «Исламской миротворческой бригады» Басаева и Хаттаба, численностью от 400 до 500 боевиков, беспрепятственно вошли в Ботлихский район Дагестана и захватили ряд сел (Ансалта, Рахата, Тандо, Шодрода, Годобери), объявив о начале операции «Имам Гази-Магомед». С большим трудом федеральным войскам и местным вооруженным отрядам милиции удается отбить к концу августа некоторые захваченные населенные пункты.

В ответ на это те же ваххабитские круги в начале сентября (4—16) 1999 года организовали серию взрывов жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске. Теракты были задуманы и осуществлены представителями незаконного вооруженного формирования Исламский институт «Кавказ», Шамилем Басаевым, Эмиром аль-Хаттабом и Абу Умаром. В результате терактов 307 человек погибли, более 1700 человек получили ранения различной степени тяжести или пострадали в той или иной мере.

5 сентября 1999 года отряды чеченских боевиков под командованием Басаева и Хаттаба вновь входят в Дагестан. Операции присваивают имя «Имам Гамзат-бек».

Это был решающий переломный момент в новейшей российской истории. Сепаратистская Чечня, получившая передышку после Хасавюртского мира, стала источником распространения активного сепаратизма под ваххабитскими знаменами на всем Северном Кавказе и, в первую очередь, в Дагестане. Неопределенность и колебания федерального центра, во главе которого стоял безнадежно больной и уже слабо понимавший окружающий мир Борис Ельцин в окружении прозападных агентов влияния, блокировавших любое державное начинание, усугубляли ситуацию и позволяли боевикам осуществлять дерзкие вылазки и проводить теракты уже далеко за пределами Чечни, вторгаясь на территорию Дагестана, взрывая дома в российских городах и, в частности, в самой Москве. Это была критическая черта, которая могла означать начало стремительного распада России. Казалось, что Россия стоит на грани того, чтобы перестать существовать как *геополитическое целое*. Если бы дерзкие действия ваххабитов достигли успехов, примеру северокавказских республик немедленно последовали бы другие исламские регионы, а вслед за ними и многие другие территориальные образования внутри РФ.

В это период Ельцин начинает все же осознавать тяжесть своего положения и положения окружающей его коррумпированной, олигархической и прозападной элиты («семьи»). Он судорожно ищет преемника, но вовремя понимает, что Сергей Степашин, назначенный премьер-министром России в период с мая по август 1999 года, с ситуацией справиться не способен. И в этот момент он делает выбор в пользу малоизвестного тогда чиновника, бывшего заместителя мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, руководителя ФСБ РФ Владимира Владимировича Путина. Ельцин, неожиданно для многих, назначает его в августе 1999 года исполняющим обязанности премьер-министра и своим преемником на посту президента РФ. Этот выбор кардинально меняет дальнейшую геополитическую судьбу России и становится точкой резкого изменения всего курса. Путин приходит к власти в тот момент, когда создается впечатление, что падение России в бездну уже ничто не остановит.

На своем посту Путин первым делом обращает внимание на Чечню и полыхающую в Дагестане войну. Так начинается Вторая чеченская кампания.

Вторая чеченская кампания

Вторжение в Дагестан и взрывы домов пришлись как раз на первые дни исполнения Путиным своих обязанностей на посту премьер министра РФ и его статуса как «преемника Ельцина». Ситуация была более чем критической, и теперь Путину предстояло сделать фундаментальный жест: либо принять те тенденции, которые набирали силы как должное и неизбежное, либо попытаться изменить ситуацию и повернуть течение событий вспять. Этот момент имел для всей истории России колоссальное геополитическое значение.

Путин делает выбор в пользу восстановления территориальной целостности России и встает на это путь жестко, однозначно и без каких-либо колебаний (в полном контрасте с манерой правления Ельцина).

В середине сентября Путиным было принято решение о проведении военной операции по уничтожению боевиков на территории Чечни. 18 сентября границы Чечни были блокированы российскими войсками. 23 сентября под диктовку Путина президент России Борис Ельцин подписывает указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северокавказского региона Российской Федерации», предусматривающий создание Объединенной группировки войск на Северном Кавказе для проведения контртеррористической операции. 23 сентября российские войска начали массированные бомбардировки Грозного и его окрестностей, а 30 сентября вошли на территорию Чечни. Так началась Вторая чеченская компания.

Кремль в этой кампании основывается на двух принципах:

— радикальное уничтожение всех вооруженных формирований сепаратистов и подавление всех очагов сопротивления с целью установления полного контроля над всей территорией Чечни и возврата пространства Республики в административную зону российского управления;
— «чеченизацию конфликта», т. е. привлечение на свою сторону тех сил, которые были менее всего связаны с внешними атлантистскими центрами управления (во главе лояльной России администрации Чечни в 2000 становится бывший сторонник сепаратистов, главный муфтий Чечни, традиционалист Ахмат Кадыров).

На эту стратегию радикальные сепаратисты отвечают обращением к иностранным наемникам и к помощи Запада. Косвенно это подрывает их позиции среди большинства чеченского населения, чуждого импортированной ваххабитской идеологии и либерально-демократическим западным ценностям.

Мы видим, что политика Путина во Второй чеченской кампании носит явно евразийский сухопутный геополитический характер и последовательно противостоит тем силам, которые стремятся ослабить центростремительные тенденции и расчленить Россию. Именно это и становится отныне главным вектором политики Путина. Это резко контрастирует с курсом Ельцина и ложится в основу быстро растущей популярности нового российского лидера.

Вторая чеченская кампания по всем своим характеристикам противоположна Первой. В ней мы видим несгибаемую волю Москвы вернуть Чечню под российский контроль (27 сентября Путин категорически отвергает возможность встречи Президента России и руководителя Чеченской Республи-

ки Ичкерия, поясняя — «никаких встреч ради того, чтобы дать боевикам зализать раны, не будет»), отсутствие какого бы то ни было влияния на ситуацию со стороны западных агентов влияния (к голосу которых Путин не собирается прислушиваться), учет геополитических характеристик и готовность противостоять давлению Запада, умелое использование особенностей различных политических, идеологических и геополитических ориентаций внутричеченских центров влияния и власти.

Все эти факторы в совокупности обеспечивают этой стратегии полный успех. Российские войска вступают в Чечню как с севера, так и со стороны Ингушетии и постепенно освобождают от боевиков один населенный пункт за другим. Важнейший стратегический центр Гудермес 11 ноября полевые командиры братья Ямадаевы и муфтий Чечни Ахмат Кадыров сдают федеральным силам без боя.

С 26 декабря начинается битва за Грозный, которая завершается полным захватом города только в феврале 2000 года. За этим следует постепенное освобождение от сепаратистов всей остальной территории Чечни, вначале равнинной, затем горной. 29 февраля 2000 года первый заместитель командующего объединенной группировкой федеральных сил генерал-полковник Геннадий Трошев объявил об окончании полномасштабной войсковой операции в Чечне, хотя это было, скорее, символическим жестом — бои продолжалась еще долго во многих районах Чечни.

20 марта накануне президентских выборов Владимир Путин посетил с визитом Чечню, находившуюся к тому времени под контролем федеральных сил. А 20 апреля первый заместитель начальника Генштаба генерал-полковник Валерий Манилов заявил об окончании войсковой части контртеррористической операции в Чечне и переходе к спецоперациям.

9 мая в Грозном на стадионе «Динамо», где проходил парад в честь Дня Победы, прогремел мощный взрыв, в результате которого погиб президент Чечни Ахмат Кадыров. После этого отдельные вылазки сепаратистов продолжались эпизодически в разных точках Чечни и за ее пределами.

В 2005 году 8 марта в ходе спецоперации ФСБ в селе Толстой-Юрт ликвидирован непризнанный «президент» Чеченской Республики Ичкерия Аслан Масхадов, а 10 июля 2006 года в Ингушетии убит один из лидеров террористов Шамиль Басаев.

С 2007 года после достижения 30-летнего возраста главой Чечни становится сын Ахмата Кадырова Рамзан Кадыров, продолжающий проводить линию отца.

Геополитическим результатом Второй чеченской кампании были остановка острой формы сепаратистских процессов на Северном Кавказе, сохранение территориальной целостности России, уничтожение основных силовых подразделений чеченских сепаратистов, установление контроля федерального правительства на всей территории Российской Федерации.

Фактически это стало поворотным пунктом всей новейшей истории России. До начала второй чеченской кампании и прихода к власти Владимира Путина с конца 80-х годов Россия неуклонно *теряла* свои геополитические позиции, уступая один геополитический контур за другим, пока не дошла до цикла распада собственно Российской Федерации. Первая чеченская кампания затормозила этот процесс, но не сделала его необратимым. Заключение Хасавюртского мира свело на нет все предыдущие усилия и сделало гибель России как государства снова весьма актуальной перспективой. Нападение

Басаева и Хаттаба на Дагестан и взрывы домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске означали близкий и неминуемый крах государства. В такой ситуации новый политический лидер Владимир Путин занял жесткую позицию, направленную на остановку разрушительной цепи геополитических катастроф, преодолел глубочайший кризис, восстановил утраченные позиции и тем самым открыл новую страницу геополитической истории России.

Геополитическое значение путинских реформ

Другие шаги, предпринятые Путиным на посту президента РФ, которым он стал в марте 2000 года и повторно в марте 2004, были в целом выдержаны в том же евразийском державном духе. Эта линия, ясно проявленная и утвержденная во Второй чеченской кампании, была развита и закреплена в серии реформ, изменивших общий политический, идеологический и геополитический курс по которому двигалась страна в период Горбачева и Ельцина. Основными символическими действиями, наделенными ясным геополитическим содержанием, в реформах Путина были следующие:

1. Осуждение курса политики 90-х на десуверенизацию России и фактического введения внешнего управления с соответствующим провозглашением суверенитета как высшей ценности современной России.

2. Укрепление расшатанного территориального единства Российской Федерации через ряд мер, включающих в себя жесткие военные действия против чеченских сепаратистов, укрепление позиций Москвы на Северном Кавказе в целом, введение 7 Федеральных округов с целью недопущения сепаратистских попыток в любой точке России, ликвидация понятия «суверенитет» в законодательных актах субъектов Федераций и национальных республик, переход к системе назначения глав субъектов Федерации взамен старой модели их выборности (эта мера была введена после трагических событий в Беслане, когда заложниками террористов стали дети средней школы).

3. Изгнание наиболее одиозных олигархов, бывших почти всевластными в 90-е годы, за рубеж (Б. Березовский, В. Гусинский, Л. Невзлин) и уголовное преследование других за совершенные преступления (М. Ходорковский, П. Лебедев и т. д.), национализация ряда крупных сырьевых монополистов и принуждение остальных олигархов, признающих легитимность курса на укрепление суверенитета России, к игре по устанавливаемым государством правилам.

4. Откровенный и подчас нелицеприятный диалог с США и Западом, с осуждением практики двойных стандартов, американской гегемонии и однополярного мира, вопреки чему провозглашалась ориентация на многополярность и сотрудничество со всеми силами (в частности с континентальной Европой), заинтересованными в противодействии американской гегемонии.

5. Изменение информационной политики основных национальных СМИ, ранее транслировавших точку зрения их олигархических владельцев, а отныне призванных учитывать в своей деятельности государственные интересы.

6. Пересмотр отношения к российской истории с нигилизма, основанного на некритическом принятии западного либерально-демократического подхода, к уважению и почтению к ее наиболее значимым вехам и фигурам (в частности, учреждение нового праздника Дня Народного Единства 4 ноября в честь освобождения Москвы Вторым народным ополчением от польско-литовских оккупантов).

7. Поддержка интеграционных процессов на постсоветском пространстве и активизация действий России в странах СНГ, а также образование или оживление интеграционных структур — таких как «Евразийское Экономическое Содружество», «Общественный Договор о Коллективной Безопасности», «Единое Экономическое Пространство» и т. д.

8. Нормализация партийной жизни за счет запрета олигархическим структурам заниматься политическим лоббированием своих частных и корпоративных интересов с использованием парламентских партий.

9. Выработка консолидированной государственной политики в области торговли энергоресурсами, что превратило Россию во могущественную энергетическую державу, способную влиять на экономические процессы в соседних с ней регионах Европы и Азии; схемы прокладывания газо- и нефтепроводов на Запад и на Восток стали зримым выражением энергетической геополитики новой России, повторяя основные силовые линии классической геополитики на новом уровне.

Все эти реформы вызвали жесткое сопротивление со стороны тех сил, которые в эпоху Горбачева и Ельцина ориентировались на Запад, цивилизацию Моря и представляли собой осознанно или неосознанно *сеть агентов влияния талассократии*, носителей либерально-демократического мировоззрения и глобально-капиталистических тенденций. Это сопротивление курсу Путина проявилось в оппозиции правых партий (Яблоко, Правое дело), в появлении новой радикальной оппозиции ультралиберального и откровенно проамериканского толка, спонсируемых США и западными фондами («Несогласные»), в интенсивной антироссийской деятельности удаленных от власти олигархов, давлении США и Запада на Кремль в целях предотвратить дальнейшее развертывание данного направления, в активном сопротивлении российской стратегии в рамках СНГ со стороны прозападных, проамериканских сил в этих странах — «оранжевая революция» в Украине, «революция роз» в Тбилиси, антироссийская политика Молдовы и т. д.

Путин и его политика стали выражением геополитических, социальных и мировоззренческих тенденций, в целом соответствующих основным вехам *цивилизации Суши и константам российской геополитической истории*. Если система действий Горбачева и Ельцина находилась в вопиющем *противоречии* с основными силовыми линиям русской геополитики, то правление Путина, напротив, восстанавливало традиционный для русской истории ход, возвращало ее на привычную континентальную, теллурократическую орбиту. Поэтому вместе с Путиным Heartland обрел новый исторический шанс, а процесс установления однополярного мира столкнулся с существенной преградой. Выяснилось, что несмотря на все ослабление и растерянность, Россия-Евразия не исчезла окончательно с геополитической карты мира и по-прежнему представляет собой, хотя и в редуцированном виде, *ядро альтернативной цивилизации* — цивилизации Суши.

11 сентября: геополитические последствия и реакция Путина

Если в целом курс Путина был выдержан в теллурократических тонах, и именно это составляет наиболее существенную черту его правления, то в деталях он действовал подчас прагматично и несколько отдалялся от главной силовой линии своей собственной политики.

Впервые такое отклонение стало очевидным вслед за трагическими событиями 11 сентября 2001 года, когда Нью-Йорк и Вашингтон подверглись беспрецедентным атакам со стороны исламских радикалов (по крайне мере, к таким выводам пришла официальная комиссия, исследовавшая причины и авторов терактов 11 сентября). В этот момент Путин принимает решение поддержать США и оказывает дипломатическую и политическую помощь в последовавшем за этим вторжении американских Вооруженных Сил в Афганистан и его оккупации. Силы Северного альянса, противостоявшего талибам, находились в тесном контакте с российскими спецслужбами, и в момент вторжения США и стран НАТО в Афганистан Россия помогла в установлении их контакта с оккупационными силами, что стало одним из факторов относительно быстрого свержения власти талибов.

Вероятно, расчет Путина состоял в том, что радикальный ислам афганских талибов представлял для России и стран Средней Азии, находившихся в зоне российского влияния, существенную угрозу, и американское вторжение в такой ситуации было бы ударом по тем силам, которые доставляли России неприятности. Вместе с тем своей поддержкой Бушу-младшему, объявившему «крестовый поход» против международного терроризма, Путин стремился подорвать систему политической, дипломатической, информационной и экономической поддержки, которая поступала сепаратистам Чечни и Северного Кавказа со стороны Запада: ведь отныне, поддерживая чеченских боевиков, американцы выступали на стороне тех сил, которые нанесли по их собственной стране столь чувствительный удар. Таким образом, сближение с США и, соответственно, с атлантистским полюсом для Путина носило прагматический характер и не отменяло его основной ориентации на теллурократию.

Однако в такой тактике нельзя не заметить серьезного противоречия: санкционируя американскую оккупацию Афганистана, Россия получала на южных рубежах своей стратегической зоны влияния вместо одной враждебной силы (радиальных исламистов) другую, и на этот раз намного более серьезную — военные базы США, т. е. прямое присутствие главных стратегических противников России в общей геополитической карте мира. Если Россия стремилась построить альтернативную многополярную систему вопреки однополярному миру, то ей ни в коем случае не следовало допускать размещения военного контингента США в непосредственной близости к своим южным границам и к границам союзных с Россией стран Средней Азии.

Ось Париж–Берлин–Москва

Получив поддержку от России, США, уже совсем безо всяких оснований, вслед за Афганистаном вторглись в Ирак и оккупировали и эту страну, что вызвало закономерный протест со стороны России, Франции и Германии. Эта антиамериканская коалиция получила название «ось Париж — Берлин — Москва», и на короткий срок создалось впечатление, что происходит создание *европейско-евразийского многополярного блока*, направленного на сдерживание однополярной американской гегемонии. Эта перспектива чрезвычайно озаботила американцев, которые немедленно предприняли ряд усилий, направленных на то, чтобы эта коалиция как можно скорее развалилась. Ось Париж — Берлин — Москва представляла собой *набросок теллурократического альянса,* воспроизводящего более ранние евразийские

проекты европейских геополитиков-континенталистов — таких, как Жан Тириар с его «Евро-Советской империей от Владивостока до Дублина» или Ален де Бенуа, призывавший к альянсу континентальной Европы с Россией.

В любом случае, вторжение в Ирак показывало, что США действуют только в своих собственных интересах и не собираются считаться с Россией, несмотря на ее уступки в Афганистане. Кроме того, Вашингтон так и не отменил своей помощи чеченским и кавказским сепаратистам, а Збигнев Бжезинский довольно цинично объяснил, что к «международном терроризму» следует причислять только тех, кто борется с США, а те, кто ослабляет конкурентов и противников США (в частности, фундаменталисты Северного Кавказа) должны быть исключены из этой категории и приравнены к «борцам за свободу» (freedom fighters).

Если повести баланс демарша Путина после 11 сентября по временному сближению с США, можно сказать, что он принес двусмысленные результаты и, скорее всего, был геополитическим просчетом. Россия почти ничего не выиграла от этого, но утратила ясность и последовательность своей теллурократической политики, обозначенной с такой наглядностью и резкостью первыми действиями реформ Путина сразу после его прихода к власти.

На общем фоне теллурократической стратегии это стало не слишком оправданным и не слишком эффективным отступлением от общего курса. Показательно, что представители евразийской российской геополитики в тот период активно предостерегали Путина от такого шага навстречу с США[1], предсказывая то развитие событий, которое и стало фактом спустя короткое время. Так, в контексте в целом теллурократической геополитики Путина появляются отклоняющиеся от ее логики фрагменты, наводящие на мысль, что даже после прихода Путина к власти атлантистская сеть агентов влияния в России сохраняется, и потеряв лидирующие позиции и утратив почти безраздельное влияние на высшую политическую власть (как было в эпоху Горбачева и Ельцина), она все же сохраняет значительные позиции и ресурсы. После 11 сентября многие российские эксперты активно поддержали Путина и его решение, и та же группа экспертов решительно осудила его инициативу по созданию «оси Париж — Берлин — Москва» во время американо-британского вторжения в Ирак. Тот факт, что такого рода эксперты сохранили свое влияние в России и получили свободную трибуну для высказывания своих позиций в федеральных СМИ, подтверждал это подозрение. Несмотря на резкую смену курса с талассократического и ведущего к скорой гибели на теллурократический и ориентированный на возрождение цивилизации Суши и позиции Heartland'а, после событий 11 сентября 2001 года и последующих шагов Москвы стало понятно, что при всей радикальности геополитических реформ битва за влияние на российскую власть не закончена и реформы Путина могут и отклониться от намеченной траектории.

Атлантистская сеть влияния в России Путина

Резкое изменение курса российской политики при Путине, следующее вектору прямо противоположному тому, по которому развивались события на предшествующих этапах, не было тем не менее окончательно закреплено ни в стратегической доктрине России, ни в мировоззренческих программах

[1] Геополитика терорра. М.: ОПОД «Евразия», 2001.

и манифестах, ни в конкретном и однозначном определении суммы национальных интересов и методов их реализации, ни в планомерном повышении совокупного геополитического, экономического и политического могущества России. Путин занимался нормализацией ситуации, ликвидацией наиболее разрушительных и катастрофических явлений, и в этом состоял смысл его миссии. Но никакого реального проекта геополитического развития России на будущее, никакого евразийского завета за два срока его президентства выработано не было. Все ограничивалось лишь прагматическими шагами, направленными на сдерживание наиболее деструктивных процессов — без какого бы то ни было стройного и последовательного цивилизационного плана. Путин адаптировался к ситуации, стремясь при каждом удобном случае упрочить позиции России; но если таких случаев не подворачивалось, он сосредотачивал свое внимание на решении чисто технических проблем.

Так выработался особый *прагматико-технологический стиль* его правления. Общая линия развития его политики был направлена *вдоль евразийского сухопутного теллурократического вектора,* и именно это предопределяло основное содержание его реформ. Но концептуального и теоретического оформления эта линия не получила. Вместо этого политика проводилась с помощью преимущественно технологических и политтехнологических методов, часто провозглашалось одно, а на практике делалось совершенно другое; властный дискурс содержал в себе намеренные или случайные противоречия; апелляции к талассократической системе ценностей, либерализму и западничеству, перемежались с патриотизмом, теллурократией и утверждением ценности и самобытности русской цивилизации. В целом это создавало атмосферу эклектики, и все острые углы обходились путем сбивающих с толку пиар-кампаний. Такой стиль противоречивой, чисто технологической и бессодержательной политики принято связывать с фигурой главного идеолога Кремля периода правления Путина — Владислава Суркова.

Сурков строго следил за тем, чтобы почти в каждой политической декларации сохранялись апелляции к взаимоисключающим ценностным, социологическим, политическим и геополитическим моделям — одновременно к державности и либерализму, к Западу и российской самобытности, к вертикали власти и демократизации, к суверенитету и глобализации, к многополярному и однополярному мирам, к атлантизму и к евразийству. При этом ни одна из этих ориентаций не должна была критически превосходить другую.

Основной пул кремлевских экспертов сохранялся неизменным с 1990-х годов и представлял собой преобладание либеральных и прозападных, проамериканских аналитиков, часто являющихся одновременно прямыми агентами влияния Запада. Показательно, что с конца 2002 года в России стал выходить журнал «Россия в глобальной политике», открыто объявляющий, что он является дочерним изданием американского «Foreign Affairs», издаваемого Советом по внешней политике (CFR), главного центра по разработке атлантистской, талассократической и глобалистской стратегии. Данное издание вполне официально в период президентства Путина не просто открыто издавалась в России, транслируя основные геополитические и стратегические проекты США в отношении организации глобального мира на основах однополярности, но и включало в редакционный комитет следующих чрезвычайно влиятельных и высокопоставленных личностей: А.Л. Адамишина, чрезвычайного и полномочного посла РФ; А.Г. Арбатова, директора Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; А.Г. Вишневского, директора

Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН; А.Д. Жукова, первого заместителя председателя правительства РФ; С.Б. Иванова, некогда секретаря Совета безопасности РФ, позже министра Обороны и первого вице-премьер Правительства,; С. А. Караганова, куратора издания, председателя президиума Совета по внешней и оборонной политике (созданного как филиал CFR в России в 1991 году); А.А. Кокошина, видного деятеля «Единой России»; Я.И. Кузьминова, ректора Государственного университета Высшей школы экономики; С.В. Лаврова, Министра иностранных дел РФ, чрезвычайного и полномочного посла РФ; В.П. Лукина, уполномоченного РФ по правам человека; Ф.А. Лукьянова, главного редактора журнала «Россия в глобальной политике»; В.А. Мау, ректора Академии народного хозяйства при Правительстве РФ; В.А. Никонова, президента Фонда «Политика» и фонда «Русский мир»; В.В. Познера, президента Российской телевизионной академии; С.Э. Приходько, помощника Президента РФ; В.А. Рыжкова, бывшего депутата и видного либерального оппозиционера; А.В. Торкунова, ректора Московского государственного института международных отношений (У) МИДа РФ; И.М. Хакамады, оппозиционного ультралиберального политика; И.Ю. Юргенса, директора Института Современного Развития, вице-президента, исполнительного секретаря Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей) и других. Трудно себе представить, что столь влиятельные политические деятели, среди которых мы видим как советника Президента по внешней политике, так и Министра иностранных дел, как высокопоставленных деятелей спецслужб, так и элитных ученых-международников, не знали, в редколлегию какого органа она согласились войти. Следовательно, эта группа, объединяющая как самых близких к Путину людей, так и ярых оппозиционеров, объединялась осознанно на проамериканской, талассократической, либеральной, глобалистской и атлантистской основе. После этого не удивительно, почему евразийская и теллурократическая линия Путина не получила надлежащего и последовательного оформления: американская сеть агентов влияний, доходящих до самых вершин российской власти, немедленно гасила любую попытку возвести действия Путина в систему, зафиксировать их логику в форме программы, проекта, доктрины или стратегии.

И снова ключевую роль в том, чтобы никаких серьезных действий по созданию такой стратегии не состоялось, а все было подменено пустыми политтехнологическими трюками, сыграл ответственный за внутреннюю политику в Администрации Президента и близкий к Путину управленец Владислав Сурков. Будучи чрезвычайно опытным технологом, понимающим, как функционируют информационные и имиджевые стратегии, он единолично построил в России такую политическую систему, в которой заведомо все было основано на постмодернистских парадоксах, сознательном запутывании всех политических сил, на гибридных скрещиваниях патриотических элементов с либерально-западническими.

Можно задаться вопросом: самостоятелен ли был Сурков, а также высокопоставленные российские чиновники первого эшелона в их атлантистской деятельности и последовательном саботаже разработки реальной стратегии, подмененной карикатурными и бессодержательными пиар-шоу в духе «Стратегии — 2020» или помпезных, но совершенно бессмысленных форумов под эгидой «Единой России»? Или Путин сознательно вуалировал свои реформы дымовой завесой бесконечной че-

реды бессмысленных и противоречивых заявлений и действий, сбивающих с толку и врагов, и друзей? На данном историческом этапе мы не можем со всей определенностью ответить на этот вопрос, т. к. для того, чтобы многие вещи стали понятными, должно пройти определенное время. Нельзя исключить, что это была его линия на дезинформацию противника (атлантизма, США, глобализма), призванная отвлечь внимание и подспудно предпринять ряд конкретных шагов, направленных на укрепление могущества России, аккумуляцию ее ресурсов и консолидацию управления энергетикой и основными экономическими тенденциями. Но вместе с тем вероятно, что мы имеем дело со спланированным саботажем евразийских начинаний Путина со стороны агентуры влияния атлантизма, сохранившейся на верхних этажах власти и во главе высших учебных заведений со времен Горбачева и Ельцина, когда ориентация на Запад и однополярный мир была официальной политикой российского государства.

Тот факт, что стратегия Путина не получила должной формализации, а влияние проамериканских либеральных талассократических сетей не сошло на нет и в полной мере сохранилось в период правления Путина, следует констатировать как эмпирический факт и важное обстоятельство в общей геополитической оценке его правления.

Кроме редакционного комитета журнала «Россия в глобальной политике», наиболее влиятельные эксперты откровенно атлантистских убеждений (частично пересекающиеся с составом этого редакционного комитета), составили основу интеллектуального клуба «Валдай», с которым Путин, а позднее его преемник Д. Медведев регулярно встречаются. Особенностью этого клуба является то, что наряду с российскими агентами влияния туда входят и собственно американские и европейские эксперты, включая ряд фигур, имеющих прямое и явное отношение к американским разведывательным структурам — в частности, А. Коэн[1], Э. Качинс[2], К. Купчан[3], Ф. Хилл[4].

Постсоветское пространство

В период правления Путина обостряется геополитическая ситуация на постсоветском пространстве. Здесь мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными тенденциями.

С одной стороны, с приходом Путина начинаются процессы интеграции ряда страна СНГ с центром в России одновременно на разных уровнях:

– экономическом — создание Евразийского Экономического Содружества (Россия, Казахстан, Белоруссия, Таджикистан, Киргизия), «Единого Экономического Пространствп» (Россия, Белоруссия, Казахстан — с приглашением Украины) и таможенного союза (Россия, Казахстан, Белоруссия);

---

[1] Старший научный сотрудник американского консервативного фонда «Наследие», специализируется в области исследований России, Евразии и международной энергетической безопасности.

[2] Директор российско-евразийской программы и старший научный сотрудник «Фонда Карнеги за международный мир» США.

[3] Директор отдела Европы и Евразии «Группы Евразия».

[4] Возглавляет «российскую секцию» Совета по национальной разведывательной информации (National Intelligence Council — NIC).

– военно-стратегическом — «Общественный договор по Коллективной Безопасности» (Россия, Казахстан, Белоруссия, Таджикистан, Киргизия, Армения).

Кроме того, следует отметить более авангардный проект политической интеграции по модели Евросоюза, выдвинутый президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым еще в 1994 году, но полностью отвергнутый российской политической прозападной элитой в то время. Этот проект подучил название «Евразийского Союза». Этот проект не был поддержан Путиным открыто до осени 2011, но сама идея сближения между собой стран постсоветского пространства у Путина отторжения не вызывала. Если на предыдущих этапах постсоветское пространство (то есть пространство бывшего СССР, а до него Российской Империи) трансформировалось только в одном направлении — в сторону ослабления и разрушения тех связей, которые объединяли эти части некогда единого целого, то после прихода Путина к власти ясно обозначились и противоположные инициативы — интеграция, сближение, усиление координации и т. д.

Существовало еще два формата интеграционного толка — Российско-Белорусское союзное государство и Шанхайская организация сотрудничества, куда входил кроме России и стран ЕврАзЭС еще и Китай. С Белоруссией и ее Президентом А.Г. Лукашенко отношения у Путина с самого начала не сложились, и поэтому данная интеграционная инициатива не развивалась должным образом, сохраняясь в том номинальном состоянии, в котором она была заявлена еще при Ельцине. Это можно считать еще одним признаком непоследовательности проведения Путиным евразийской линии, для которой союз с Белоруссией и перспектива политического объединения с ней являлась бы логическим и необходимым шагом (Россия получала бы доступ к западным территориям, стратегически необходимым при проведении ее европейской политики, что прекрасно понимали русские правители на всех этапах нашей геополитической истории — от Ивана III до Сталина).

В отношении Шанхайской Организации Сотрудничества Путин, напротив, предпринял ряд шагов, направленных на интенсификацию стратегического партнерства с Китаем в региональных вопросах, включая ряд не очень масштабных, но символически чрезвычайно значимых военных учений. Альянс с Китаем был построен целиком на многополярной логике и недвусмысленно был ориентирован на то, чтобы обозначить возможный формат стратегического противостояния однополярному миру и единоличной американской гегемонии.

Геополитика цветных революций

В тот же самый период стали интенсивно развертываться противоположные геополитические тенденции, получившие название «цветных революций». Смысл их состоял в том, чтобы привести к власти в странах СНГ откровенно антироссийские прозападные и часто националистические политические силы и тем самым окончательно оторвать эти страны от России, сорвать интеграцию и в перспективе включить их в НАТО по примеру прибалтийских стран. Особенностью этих революций было то, что все они были направлены на сближение стран, где они совершились, с США и Западом, и при этом технологически они происходили по модели «ненасильственного

сопротивления»[1], методологию которого разработали американские стратеги в рамках проекта «Freedom House» на основе практики диверсионных мероприятий и организации переворотов в Третьем мире, проведенных ЦРУ.

В ноябре 2003 года «революция роз» произошла в Грузии, где на место уклончивого и колеблющегося между Западом и Москвой Эдуарда Шеварднадзе пришел строго прозападный, радикально атлантистский и проамериканский политик Михаил Саакашвили. Активную роль в событиях «революции роз» сыграло молодежное движение «Кмара» («дословно «Хватит»), действовавшее по методикам «Freedom House» и главного теоретика аналогичных сетевых протестных организаций Джина Шарпа[2], ранее апробированных в других местах и, в частности, в Югославии при свержении Слободана Милошевича с опорой на молодежное прозападное сербское движение «Отпор».

После прихода к власти Саакашвили немедленно взял курс на стремительный отход от России, на сближение с США и НАТО, принялся активно саботировать любые интеграционные начинания в рамках СНГ и попытался вдохнуть новую жизнь в антироссийское по своей сути объединение государств СНГ в блоке ГУАМ — Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова. В окружение Саакашвили вошли преимущественно кадры, получившие образование за рубежом и не связанные исторически с советским опытом. Грузия с этого времени встала в авангарде атлантистской стратегии на постсоветском пространстве и заняла активную позицию в противостоянии евразийским тенденциям. Путин и его курс стали главными противниками Грузии. Позднее такое положение дел вылилось в события августа 2008 года, которые стали по сути настоящей российско-грузинской войной.

В декабре 2004 года по сходному сценарию произошла «Оранжевая революция» в Украине. Выборы проходили между ставленником Кучмы, придерживающимся двойственной политики (между Западом и Россией) В. Януковичем и целиком прозападными и жестко антирусскими политиками националистического толка В. Ющенко и Ю. Тимошенко. Силы были приблизительно равны, и исход решила мобилизация широких масс и, прежде всего, молодежи, поддержавших «оранжевых» массовыми выступлениями, также организованными по модели Джина Шарпа. Важную роль играло в этих процессах молодежное движение «Пора»[3].

После победы Ющенко Украина заняла жестко антирусскую позицию, стала активно противодействовать любым российским инициативами на постсоветском пространстве, начала атаку на русский язык и стала переписывать историю, представляя украинцев как «колонизированный русскими народ». Оранжевая Украина с геополитической точки зрения стала проводником отчетливо атлантистской, талассократической политики, направленной против России, евразийства, теллурократии и интеграции; между двумя наиболее активными атлантистами на постсоветском пространстве, Саакашвили и Ющенко, установились прочные связи. Возникли геополитические проекты образования балтийско-черноморского содружества, в кото-

---

[1] *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2005.

[2] Там же.

[3] *Александров А., Мурашкин М., Кара-Мурза С., Телегин С.* Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко... М.: Алгоритм, 2005.

рое, по замыслу, должны были входить страны Балтии, Украина, Молдова, Грузия, а также страны Восточной Европы — Польша и Венгрия, являющиеся, как и балтийские страны, членами НАТО. Это был проект установления «санитарного кордона» между Россией и Европой, конструируемого по чертежам классических талассократических геополитиков.

Позиции других членов ГУАМ — Молдовы и Азербайджана — были не столь радикальными и были продиктованы в большей степени локальными проблемами: поддержкой Москвы мятежной Приднестровской республики, провозгласившей свою независимость от Молдовы в 1991 году, и военным сотрудничеством России с Арменией, у которой с Азербайджаном сложились неразрешимые противоречия в связи с оккупацией Карабаха.

Вся картина постсоветского пространства в эпоху Путина представляла собой поле прозрачного и отчетливого противостояния цивилизации Суши (воплощенной в России и ее союзниках) и цивилизации Моря (воплощенной в странах ГУАМ во главе с Грузией и Украиной). Heartland стремился расширить зону своего влияния на пространство СНГ с помощью интеграционных процессов; США через своих сателлитов стремились, напротив, ограничить распространение российского влияния в этой зоне, замкнуть Россию только в своих границах и постепенно интегрировать в НАТО окружающие ее недавно появившиеся страны.

Борьба евразийства и атлантизма на постсоветском пространстве, как и роль интеграционных процессов, с одной стороны, и цветных революций, с другой, были настолько очевидными, что едва ли у трезвомыслящих аналитиков могли остаться сомнения в том, какой алгоритм здесь приведен в действие. Но при этом снова дало о себе знать могущество атлантистских сетей влияния в самой России: никакого широкого общественного осмысления процессов, протекавших на постсоветском пространстве, не было; эксперты комментировали частности и детали, упуская из виду главное, сознательно создавая искаженную картину происходящего. Более того, действия Путина, направленные на решение интеграционных задач, либо замалчивались, либо критиковались, а откровенная русофобия, царившая в Грузии или Украине, обходилась вниманием или перетолковывалась в нейтральном ключе.

Российские СМИ и экспертное сообщество не только не помогали Путину вести евразийскую кампанию на постсоветском пространстве, но, скорее, мешали ему в этом. И это было еще одним парадоксом путинского периода правления.

Мюнхенская речь

К оформлению своих геополитических взглядов в последовательном и непротиворечивом виде Путин приблизился только к концу своего второго президентского срока в 2007 году. Этой формализацией, хотя и весьма приблизительной и эмоциональной, стала его знаменитая речь на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. В этой речи Путин подверг критике однополярное устройство современной мировой системы, описал свое видение места и роли России в современном мире с учетом реалий и угроз. В отличие от большинства уклончивых и внутренне противоречивых деклараций, эта речь, получившая название «Мюнхенской речи», отличалась последовательностью и ясностью. Путин словно прорывал завесу двусмысленной и уклончивой постмодернистской демаго-

гии в духе атлантистских экспертов или В. Суркова, которой отличалось большинство предыдущих обобщающих програмных текстов.

Основные пункты Мюнхенской речи можно свести к следующим выдержкам из нее:

1. «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна».
2. «Вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере она навязывается другим государствам».
3. «Единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН».
4. «НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия».
5. «Что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора?»
6. «Одной рукой раздается „благотворительная помощь“, а другой — не только консервируется экономическая отсталость, а еще и собирается прибыль».
7. «ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран».
8. «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня»[1].

Мюнхенская речь вполне могла бы быть взята за полноценную стратегическую установку. Первый пункт открыто отрицает однополярное мироустройство, т. е. бросает вызов существующему положению вещей и оспаривает сложившуюся после краха СССР мировую систему. Это совершенно революционное высказывание, которое можно рассматривать как громкий голос Heartland'а. В пункте 2 речь идет о прямой критике политики США как гегемона талассократической стратегии в мировом масштабе и порицание их сверхнациональной агрессивной деятельности. Оба пункта, первый и второй, составляют платформу для последовательного и обоснованного антиамериканизма.

Третий пункт является предложением возврата к Ялтинской модели, выражением которого служила ООН в эпоху двухполярности. Это было «охранительным» ответом на многочисленные призывы американцев реформировать ООН или вообще отказаться от этой структуры, как несоответствующей реалиям нового расклада сил, чтобы заменить ее новой организацией во главе с США и их вассалами (проект «Лиги демократий» Маккейна, озвученный открыто несколько позже[2]).

В пункте 4 Путин недвусмысленно критикует расширение НАТО на Восток, трактуя этот процесс в единственно возможном (с точки зрения нацио-

---

[1] *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности — http://archive. kremlin.ru 10.02.2007 [«Электронный ресурс] Url: http://archive. kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения 05.11.2011)

[2] *McCain John.* America must be a good role model/Financial Times. 18.03. 2008.

нальных интересов России и ответственного геополитического анализа) ключе. Путин дает понять: он не является жертвой «либерально-демократической» демагогии, прикрывающей экспансию Запада, и трезво смотрит на вещи.

Пятый пункт бросает Западу обвинение в том, что он не выполнил своих обязательств перед Горбачевым, когда тот пошел на одностороннее свертывание советского военного присутствия в Европе. То есть он обвиняет талассократию в том, что она играла по логике двойных стандартов в 80-е годы.

Шестой пункт осуждает экономические стратегии западных стран в Третьем мире, которые с помощью Всемирного банка и Международного Валютного Фонда под видом экономической помощи разоряют развивающиеся страны и подчиняют их своему политическому и экономическому господству[1]. По сути, это призыв к Третьему миру искать альтернативу существующей либеральной политике.

В седьмом пункте Путин указывает на то, что различные европейские структуры (в частности, ОБСЕ) служат не европейским интересам, но выполняют роль инструментов агрессивной политики США, оказывая на Россию давление в политической, энергетической и экономической областях, что противоречит в том числе и интересам самих европейских стран.

Квинтэссенцией является восьмой пункт, заявляющий о том, что Россия как великая мировая держава отныне намерена проводить *независимую самостоятельную политику*, готова вернуться к своей традиционной функции ядра «цивилизации Суши» и оплота теллурократии. Путин, по сути, объявлял: представления о том, что история закончилась, и Море окончательно захватило Сушу, несколько преждевременны; Суша еще есть, она присутствует, она отстраивается, и она уже готова заявить о себе в полный голос.

Реакция на Мюнхенскую речь Путина на Западе и в США была крайне негативной, большинство аналитиков и экспертов заговорили о возобновлении «холодной войны». Путин на самом деле продемонстрировал, что он осознает, что *великая война континентов и не прекращалась* и что сегодня мы присутствуем лишь при очередном ее этапе. После этого в Путине многие западные стратеги окончательно стали видеть воплощение геополитического противника, традиционный образ «русского врага», сложившийся на всем протяжении геополитической истории противостояния Моря и Суши.

После столь откровенного обнародования своей позиции на международном уровне логично было предположить, что Владимир Путин, сбросивший маски, придаст этим декларациям систематический характер, положит их в основу дальнейшей стратегии, обоснует на том фундаменте внешнеполитическую доктрину и применит основные принципы к сфере внутренней политики. Но ничего подобного не произошло. О Мюнхенской речи говорили в самой России недолго, никаких существенных дискуссий или обсуждений не состоялось, на положение атлантистских сетей никак не повлияло, ни к какой последовательной национальной политике не привело.

Почему столь яркая декларация быстро утонула в технологической рутине, остается только догадываться.

В любом случае, если допустить, что Путин говорил в Мюнхенской речи искренне и обдуманно, то остается только предположить, по контрасту с

---

[1] *Перкинс Джон.* Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005.

тем, какой малый резонанс получили его слова в самой России и как мало повлияли на внутреннюю и внешнюю политику, что он сам по себе является континенталистом, евразийцем и державником, но при этом находится в плотном кольце атлантистской американской агентуры влияния, эффективно саботирующей любые его серьезные начинания, способные принести вред своим заокеанским кураторам.

Операция «Медведев»

Та же двусмысленность геополитической линии Путина, в целом ориентированной в континентальном теллурократическом ключе, но содержащей в себе внутренние противоречия в лице влиятельного модуля атлантистской сети агентов влияния на самых высоких этажах власти, проявилась в выборе Путиным своего преемника Дмитрия Медведева в марте 2008 года. С одной стороны, Медведев был постоянным сотрудником Путина на разных этапах его политической карьеры, и уже одно это должно было бы служить основанием для близости их политических и геополитических установок, но с другой, политический образ Медведева был откровенно либеральным и западническим. Такое сочетание создавало внутреннее противоречие между теллурократией и талассократией, намного более обостренное и выпуклое, нежели в политической линии самого Путина. Выдвигая своим преемником именно Медведева, Путин, таким образом, еще более акцентировал противоречивость положения России в мире. При этом западничество и либерализм Медведева не только не вуалировались, но, напротив, всячески подчеркивались с того момента, когда его фигура как кандидата в Президенты РФ от «партии Путина» определилась окончательно.

Выработку основной стратегии своей внутренней и внешней политики Д. Медведев еще накануне своего избрания поручил специального созданному на базе Российского Союза Промышленников и Предпринимателей, представляющего собой структуру, объединяющую наиболее влиятельных и богатых олигархов России, Институту Современного Развития России (ИНСОР) под управлением ультралиберальных и однозначно проамериканских общественных деятелей И. Юргенса и Е. Гонтмахера, известных критикой Путина с атлантистских позиций; сам же Медведев стал главой Попечительского совета ИНСОРа.

Если соотнести основную стратегию Путина с проектами ИНСОРа, официально уполномоченного выработать стратегическую программу Д. Медведева, то мы получаем полное и радикальное противоречие, усугубляющееся откровенной критикой идеологов ИНСОРа Путина и его линии. После вступления Медведева в должность 15 ноября 2008 года он посещает штаб-квартиру CFR в Нью-Йорке[1], что является беспрецедентным случаем для главы России с учетом активно атлантистской, глобалистской и гегемонистской позиции этой влиятельной организации. Показательно, что через полномочного представителя CFR олигарха Михаила Фридмана (одного из членов «семибанкирщины» 1996 года) тесные связи с CFR установил и вице-премьер Правительства РФ Сергей Иванов, выступавший в CFR дважды

[1] http://www.cfr.org/us-strategy-and-politics/conversation-dmitry-medvedev-video/p17779

13 января 2005 года[1] с и 4 апреля 2011 года[2]; Иванов ранее рассматривался наряду с Медведевым, как возможный преемник Путина.

Совершенно очевидно, что Путин сознательно санкционировал такое отношение со штабами атлантизма и его наиболее авангардными передовыми структурами и ясно понимал значение либерализма и западничества выдвинутого им преемника. Путин, последовательно проводивший политику на укрепление российского суверенитета и в Мюнхенской речи обозначивший основную линию свой внешней политики, намеренно демонстрирует на другом уровне определенную лояльность атлантистским проектам, и не только сохраняет на своих местах обширную сеть агентов влияния талассократии, но дает понять через выбор преемника (в том числе и второго возможного преемника — С.Б. Иванова) о готовности к проведению совершено отличной политической линии от той, которую он в действительности проводит и декларирует.

И снова причины такой двойной игры и ее реальный геополитический смысл разгадать не просто. Однако, когда человек с номинально атлантистскими и глобалистскими либеральными подходами и взглядами становится во главе страны — и происходит это исключительно благодаря Путину и его воле, это выходит за пределы возможной операции по дезинформации Запада и становится чем-то просто необъяснимым для такой фигуры, как Путин.

Разгадка такого тактического хода была дана на съезде партии «Единая Россия» 24 сентбяря 2011 года, когда Медведев объявил о том, что не будет выдвигаться на второй срок и предложил баллотироваться в президенты Путину. С геополитической точки зрения, картина прояснилась, и «операция Медведев» оказалась ничем иным, как попыткой дезинформации Запада и выигрышем времени для легального возвращения Путина в президентское кресло. Никаких критических уступок атлантизму, несмотря на многочисленные декларации и ряд чисто символических шагов, и во время правления Медведева сделано не было.

Нападение Саакашвили на Цхинвал и российско-грузинская война 2008 года

Чрезвычайно важным с геополитической точки зрения событием стал российско-грузинский конфликт августа 2008 года.

Две административные зоны Грузии со смешанным населением, где преобладали осетины в Южной Осетии и абхазы в Абхазии, провозгласили себя политически автономными единицами, а после объявления о выходе Грузии из состава СССР 9 апреля 1991 года заявили о несогласии с этим решением и, в свою очередь, приняли решение выйти из состава Грузии. Грузия с этим не согласилась и начала военные действия по удержанию Абхазии и Южной Осетии в своем составе.

В Абхазию грузинские войска вторглись в 1992 году после прихода к власти Шеварднадзе и свержения прежнего президента Звиада Гамсахур-

---

[1] http://www.cfr.org/global-governance/world-21st-century-addressing-new-threats-challenges-video/p8742 и http://www. cfr.org/russian-fed/world—21st-century-addressing-new-threats-challenges/p7611

[2] http://www. cfr.org/russian-fed/conversation-sergey-b-ivanov-video/p24578

дии. На первом этапе им удалось захватить Сухуми и продвинуться вплоть до Гагр. Но позднее с опорой на добровольцев из Республик Северного Кавказа и военно-экономическую и дипломатическую помощь России к концу сентября 1993 года абхазы сумели восстановить контроль над Сухуми и отбить грузин. При этом грузины сохраняли контроль над территорией Кодорского ущелья, которое абхазы считали частью Абхазии. Эта ситуация в целом сохранялась неизменной до августа 2008 года.

Южная Осетия в течение всего 1991 года была ареной активных боевых действий. 19 января 1992 года в Южной Осетии состоялся референдум по вопросу «о государственной независимости и (или) воссоединении с Северной Осетией». Большинство участвовавших в референдуме поддержало это предложение. Весной 1992 года, после некоторого затишья, вызванного государственным переворотом и гражданской войной в Грузии, военные действия в Южной Осетии возобновились. Под давлением России Грузия начала переговоры, закончившиеся 24 июня 1992 года подписанием Дагомысского соглашения о принципах урегулирования конфликта. 14 июля 1992 года был прекращен огонь, и в зону конфликта для разъединения противоборствующих сторон были введены Смешанные силы по поддержанию мира (ССПМ). После 1992 года и до 2008 года Южная Осетия была де-факто независимым государством, обладала собственной конституцией и государственной символикой. Власти Грузии по-прежнему рассматривали ее как административную единицу — Цхинвальский регион.

С геополитической точки зрения Абхазия и Южная Осетия представляли собой два образования, ориентированных пророссийски и антигрузински, что при учете атлантистской ориентации Грузии означало их евразийскую, континентальную, сухопутную и *теллурократическую* линию. Приход к власти Михаила Саакашвили в 2003 году на волне националистических настроений еще более обострил противоречия между Тбилиси и Абхазией и Южной Осетией, т. к. радикальный атлантизм Саакашвили открыто шел на обострение с пророссийской ориентацией Сухуми и Цхинвала. Обещанием Саакашвили избирателям было восстановить территориальную целостность Грузии и покончить с пророссийскими анклавами на своей территории. В этом Саакашвили опирался на экономическую и военную помощь США и стран НАТО.

Грузинская сторона в течение 5 лет активно готовилась к новым военным действиям и начала операцию по захвату Южной Осетии 7 августа 2008. В ночь на 8 августа начался ракетный обстрел Цхинвала из установок «Град», а затем грузинские войска начали штурм города с применением танков. В этот же день они захватили город и начали истребление народонаселения. Грузинские войска повергли также обстрелу месторасположение российских миротворцев, среди которых были значительные жертвы. По международным понятиям это означало объявление Грузией войны России (ведение военных операций против регулярных вооруженных сил иностранной державы).

В ответ на это Москва 8 сентября ввела военный контингент в Южную Осетию через Рокский тоннель, а 9 сентября российские войска подошли к Цхинвалу, вошли в столкновение с грузинскими войсками и начали освобождение города и всей территории Южной Осетии от грузинского присутствия.

Параллельно российские войска вступили на территорию Кодорского ущелья и разгромили находившиеся там военные базы грузин.

Находясь в отношениях войны с Грузией, российские войска начали продвижение к столице Грузии Тбилиси, но, углубившись на территорию противника, позже отступили и вернулись в пределы границ Южной Осетии и Абхазии. Позднее Дмитрий Медведев пояснил, что остановка вторжения в Грузию, которая имела все шансы закончится победой России, была его личной заслугой.

26 августа 2008 года Россия официально признала независимость Южной Осетии и Абхазии в существующих на этот момент границах.

Тем самым, на практике и после прихода к власти Медведева Россия продолжала в случае серьезного испытания (столкновения с нападением атлантистских сил на зону стратегического влияния теллурократической России) следовать линии Путина на укрепление суверенитета России, и даже впервые вышла за границы собственно Российской Федерации, не побоявшись давления Запада и угроз со стороны США.

Показательно, что вся атлантистская агентура США в России в тот период консолидированно противостояла такому повороту событий, настаивала на невмешательстве России в грузино-осетинский конфликт, а позже предпринимала всевозможные действия для того, чтобы не допустить признания Москвой независимости этих стран.

События августа 2008 года представляли собой напряженный момент великой войны континентов, где в жестком противостоянии столкнулись между собой силы цивилизации Моря (стоявшие за Саакашвили) и цивилизации Суши (Россия и ориентированные на нее республики Южная Осетия и Абхазия), и на этот раз победу однозначно одержала цивилизация Суши. Победа имела военное измерение: факт нанесения поражения грузинским войскам, оснащенным современным натовским оборудованием и имевшим американских инструкторов. Кроме того, это была победа политическая и дипломатическая: России удалось избежать прямой конфронтации с Западом и предотвратить появление жесткой антироссийской коалиции. И наконец, победа была информационной, т. к. российские СМИ (в радикальном отличие от Первой чеченской кампании) транслировали синхронно державно-патриотическую проосетинскую позицию, которую в целом разделяло большинство населения.

Так, недавно избранный Президент Дмитрий Медведев в ситуации жесткого вызова по стороны атлантистских сил проявил себя как политик, на практике (а не на словах) принимающий в сложной ситуации однозначно *теллурократическое решение*, основанное исключительно на адекватной оценке российских интересов.

Подобное развитие ситуации, казалось, проливало свет на подлинную стратегию Путина: под видом либерально-западнического курса российской политики сохранялась та же низменная путинская линия на укрепление суверенитета России и отстаивание ее геополитических интересов — в данном случае, на постсоветском пространстве.

Показательно, что приведенное в полную боевую готовность атлантистское лобби в тот период не смогло оказать на реально значимые решения Президента, премьера и руководителей вооруженных сил ни малейшего влияния (если не считать отказ Медведева от захвата Тбилиси, чья целесообразность могла трактоваться по-разному).

Перезагрузка и возврат к атлантизму

Но после августа 2008 года, события которого должны были бы логически привести к возобновлению противостояния с Западом, во внешней политике России начались совершенно иные процессы. Медведев провозгласил курс на сближение с Западом, и в первую очередь, с США, а также курс на модернизацию и вестернизацию российского общества, на развитие и углубление либеральных реформ. Этот курс был поддержан Президентом США Бараком Обамой. Российско-грузинская война, хотя и вызвала бурю возмущений в США и на Западе в целом, не стала серьезным аргументом в пользу того, чтобы начать новый виток антироссийской кампании. Все в США понимали, что Россия одержала тактическую победу, но по каким-то соображениям пошли на то, чтобы смягчить ситуацию и не повышать резко градус конфронтации.

В этот период начинается процесс, получивший в международной прессе название «перезагрузка» (the reset) и означавший сближение позиций России и США после периода охлаждения, связанного с эпохой Путина. «Перезагрузка» предполагала гармонизацию региональных интересов обеих стран и проведение общих операций в тех случаях, когда обе страны имели сходные региональные цели. На практике это выразилось в следующих действиях:

— поддержка Россией военных операций США и НАТО в Афганистане;
— подписание договора по сокращению стратегических вооружений СНВ—3;
— отказ России от поставок некоторых видов вооружений в Иран;
— поддержка Россией политики США и НАТО в арабском мире (в частности, отказ от вето в Совете Безопасности ООН резолюции по Ливии, которая привела к военной интервенции США и НАТО в эту страну и свержению режима Каддафи) и т. д.

Кроме этих шагов, которые в целом давали некоторые конкретные преимущества США, и практически ничего России, серьезных подвижек в российско-американских отношениях за период президентства Медведева не произошло. При этом США продолжали развертывать систему ПРО в Европе, несмотря на протесты России, меняя свои планы только из-за процесса переговоров с теми странами в Восточной Европе, которых это напрямую затрагивало. Кроме того, США разместили ряд элементов ПРО в Турции, в непосредственной близости к русским границам. При этом, по мнению самого Путина и военного руководства России, вся система европейской ПРО теоретически имела своей целью исключительно антироссийскую стратегическую программу, направленную на сдерживание России и при определенных обстоятельствах могущую служить наступательным целям. Никакая «перезагрузка» не только не останавливала американской инициативы по европейской ПРО, но даже не замедляла ее.

Геополитический анализ перезагрузки можно свести к следующему: при отсутствии общего врага (третьей силы) у цивилизации Моря, претендующей на глобальность, и цивилизации Суши, находящейся в редуцированном и ослабленном состоянии, *никаких общих серьезных стратегических целей нет и быть не может*. В этих условиях и с учетом асимметрии силового, экономического и военного потенциала поиск точек соприкосновения может привести объективно только к дальнейшему *одностороннему процессу десу-*

веренизации России, как это было в эпоху Горбачева и Ельцина, и к свертыванию того курса, который обозначил в период своего правления Путин. Судя по определенным декларациям, проектам медведевского ИНСОРа, информационному обеспечению «перезагрузки» в российских СМИ, можно было представить себе все содержание этого процесса именно таким образом. И быть может, западные стратеги так и отнеслись к этому, а промедления в совершении реально необратимых шагов в сторону Запада связали с тем, что новый президент «еще не полностью освободился от влияния Путина, который привел его к власти». Правда, по мере приближения к марту 2012 года все больше атлантистских аналитиков стало высказывать сомнения и серьезности намерений Медведева и его проамериканского ультралиберального окружения и в его самостоятельности. Стали раздаваться голоса, предполагающие, что срок президентства Медведева был ничем иным, как средством оттянуть время перед неизбежной и прямолинейной конфронтацией, которая стала бы неизбежной, если бы Путин вернулся к власти в марте 2012 года. Но надежда на то, что русский президент-реформатор может остаться и на второй срок, сдерживала Запад от того, чтобы оказывать на Россию более серьезное давление. По некоторым источникам[1], широко растиражированным российской прессой, во время своего визита в Москву весной 2011 года вице-президент США Джозеф Байден, вмешиваясь во внутреннюю политику России, открыто призвал Путина не баллотироваться на следующий срок под угрозой «цветной революции», подобной тем, что происходили в 2011 году в арабском мире.

Если отвлечься от этой формальной перспективы американского давления на Россию и видимой готовностью России при Медведеве, необратимых действий в этом направлении, которые бы резко порывали с курсом Путина до 2012 года, так предпринято и не было. Все шаги в сторону США и НАТО, сделанные Медведевым, носили в основном декларативный характер, или затрагивали второстепенные аспекты большой стратегии. Потери России при этом были незначительными и несопоставимыми с теми, которые страна несла в эпоху Горбачева и Ельцина, когда Москва по собственной воле демонтировала одну из несущих колонн двухполюсного мира и предоставляла цивилизации Моря свободно занимать пространство контроля и влияния, включая прямое военно-стратегическое присутствие, оставшееся после ухода структур цивилизации Суши.

После решения Путина о возвращении в Кремль и поддержки этого решения самим Медведевым сомнений в том, что это был тактический ход, ни у кого не осталось.

Евразийский Союз

В высшей степени показательным стал программный текст В.В. Путина[2], опубликованный в газете «Известия» «Евразийский союз — путь к успеху и процветанию» 3 октября 2011 года. В этом тексте Путин декларирует ориентир на интеграцию постсоветского пространства, вначале на экономическом уровне, а затем на политическом (на что он правда, только намекает).

[1] http://www. newsland.ru/news/detail/id/653351/

[2] *Путин В.В.* Евразийский союз — путь к успеху и процветанию // Известия. 03.10.2011.

Путин намечает над процессами экономической интеграции более высокую — геополитическую и политическую — цель, создание в будущем на пространстве Северной Евразии нового наднационального образования, построенного на общности цивилизационной принадлежности. Как Евросоюз, объединяющий страны и общества, относящиеся к европейской цивилизации, начинался с «Объединения угля и стали», чтобы потом постепенно вылиться в новое надгосударственное образование, так и Евразийский Союз обозначен Путиным в качестве долгосрочного ориентира, цели, горизонта исторического пути.

Идеи Евразийского союза с начала 90-х годов параллельно разрабатывались в двух странах — в Казахстане Президентом Н.А. Назарбаевым[1] и в России «Евразийским Движением»[2]. Назарбаев в 1994 году в Москве озвучил этот проект политической интеграции постсоветского пространства и даже предложил проект конституции Евразийского Союза, в целом повторяющей конституцию Евросоюза. А со своей стороны идеи Евразийского союза активно развивались «Евразийским движением» в России, продолжая линию первых русских евразийцев, заложивших основы этой политической философии. Создание Евразийского союза стало главной исторической, политической и идеологической целью русских евразийцев, т. к. этот проект воплощал в себе все основные ценности, идеалы и горизонты евразийства как законченной политической философии.

Таким образом, Путин, обращаясь к Евразийскому Союзу, обозначал политический концепт, нагруженный глубоким политическим и геополитическим смыслом.

Евразийский Союз как конкретное воплощение евразийского проекта содержит в себе одновременно три уровня: планетарный, региональный и внутриполитический.

1. В планетарном масштабе речь идет об установлении вместо однополярного или «бесполярного» (глобального) мира многополярной модели, где полюсом может быть только мощное интегрированное региональное образование (превышающее по своему масштабу, своему совокупному экономическому, военно-стратегическому и энергетическому потенциалу то, чем обладают по отдельности даже самые крупные державы).

2. В региональном масштабе речь идет о создании интеграционного образования, способного представлять собой полюс многополярного мира. На Западе таким интеграционным проектом может выступать Евросоюз. Для России это означает интеграцию постсоветского пространства в единый стратегический блок.

3. На внутриполитическом уровне евразийство означает утверждение стратегического централизма, не допускающего даже намека на наличие внутри страны прообразов национальной государственности в лице субъектов федерации, но вместе с этим широкую программу на укрепление культурной, языковой и социальной идентичности тех этносов, которые входят традиционно в состав России.

Путин неоднократно заявлял о многополярности в своих оценках международный ситуации. О необходимости различать «нацию» (политическое

---

[1] *Дугин А.Г.* Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М., 2004.

[2] Евразийская миссия (програмные материалы). Москва, 2005.

образование) и «этносы» во внутренней политике Путин заговорил с весны 2011 года, а это значит, что и здесь евразийская модель была принята[1].

Евразийство может, таким образом, быть принято в качестве общей стратегии Путина на будущее, и из этого вытекает однозначный вывод, что стратегия возврата России к своей геополитической континентальной функции, в роли Heartland'а будет проясняться, укрепляться и реализовываться.

Итоги геополитики 2000-х

Сегодня трудно предсказать, как конкретно будет развиваться геополитическая ситуация в ближайшие годы, а от этого во многом будет зависеть и общая оценка геополитического курса Путина. Если Путину удастся закрепить позиции суверенности России, начать эффективную политику по созданию многополярного мира на всех его параллельных направлениях, а главное, сделать свои реформы по восстановлению стратегической роли России в мировом контексте необратимыми, то это скажется не только на будущем, но и на определении истинного смысла ближайшего к нам прошлого, охватывающего период времени с 2000 года по сегодняшний день. Пока же можно констатировать, что *точка невозврата Россией не пройдена*, и в силу тех или иных обстоятельств курс Путина может оказаться и тем, чем он выглядит на сегодняшний момент и что сам Путин озвучил в Мюнхенской речи, и чем-то совершенно иным, т. е. колебанием или временным торможением на пути построения американской гегемонии и однополярного мира за счет цивилизации Суши и ценой окончательного ослабления и уничтожения России.

Пока еще открытым остается вопрос: как понимать все двусмысленные с геополитической точки зрения и взаимоисключающие действия Путина — укрепление суверенитета и сохранение всей сети агентуры влияния атлантизма, конфронтация с США и призыв к отказу от однополярности и поддержка американских проектов в Афганистане (устранение России со сцены арабского мира и проходящих там процессов), сближение со странами, ориентированными на многополярность (Китай, Бразилия, Иран) и «перезагрузка». Какая из двух интерпретаций окажется главенствующей, а какая тактическим маневром и дезинформацией? Этот ответ в данных условиях не может получить однозначного ответа, и геополитический анализ в данном случае не может быть полностью достоверным, т. к. важнейшие процессы разворачиваются вокруг нас в настоящее время, и их структура такова, что говорить об их истинном смысле и истинном содержании на данный момент со всей определенностью не может никто.

Тот геополитический цикл, который был начат Путиным с осени 1999 года сразу после прихода его к власти, не завершен. По своим основным характеристикам он представляет собой движение в совершенно ином направлении, нежели тот вектор, вдоль которого структурировалась российская геополитика со второй половины 80-х до конца 90-х (эпоха Горбачева — Ельцина). Путин затормозил движение по инерции, ведущее неминуемо к полному ослаблению России и ее окончательной геополитической ликвидации, и начал сложный маневр по обращению этой тенденции вспять. Но этот

[1] *Дугин А.Г.* Этносоциология.

маневр не доведен до логического конца, и историческая судьба государства и цивилизации Суши в целом, Heartland'a, России-Евразии, остается открытой.

В таком же положении остается она и сегодня, после возврата Путина в президентское кресло.

Библиография

Бжезинский З. Великая Шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.
Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007.
Гарт Б.Л. Стратегия непрямых действий. М.: Эксмо, 2008.
Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический проект, 2011.
Дугин А.Г. Основы евразийства. М: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.
Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005.
Кремлев С. Россия и Германия: стравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ: Астрель, 2003.
Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005.
Наринский М.М. История международных отношений. 1945—1975: Учебное пособие. М.:РОССПЭН, 2004.
Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон? М., 2001
Парвулеско Ж. Владимир Путин и Евразийская ИМперия. СПб.: Амфора, 2007.
Рар А. Владимир Путин. «Немец» в Кремле. М.: Олма-Пресс, 2002.
Стариков Н.В. Как предавали Россию. СПб.: Питер, 2010.
Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.
Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York: Basic Books, 2008.
Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970.
Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986.
Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, New York: Basic Books, 2004.
Holbrooke R. America, A European Power // Foreign Affairs. March/April 1995.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ТОЧКА БИФУРКАЦИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Завершая наш обзор геополитической истории России, можно подвести обобщающие итоги.

Во-первых, однозначно обнаруживается пространственная логика исторического становления русской государственности. Эта логика может быть обобщена формулой: *расширение до естественных границ Северо-Восточной Евразии, Турана, с перспективой распространения зоны влияния за ее пределы, вплоть до масштаба всей планеты*.

Это главный вывод, который можно сделать на основании рассмотрения всех периодов русской политической истории от возникновения Киевского государства вплоть до нынешней Российской Федерации и постсоветского пространства.

Изначально Русь образуется в западной части Турана, в зоне, где ранее существовали имперские образования иных евразийских народов — скифов, сарматов, гуннов, торков, готов. Из Киевского центра происходит интеграция концентрических кругов во всех стороны, что приводит к *первому воплощению* русской державы, чьи максимальные пределы очерчивают блистательные походы Святослава. Позднее эта геополитическая форма укрепляется и несколько видоизменяется, утрачивая контроль над одними территориями, и приобретая его над другими.

Далее, эта образцовая форма дробится на удельные княжества, и начинается изнурительная борьба за великокняжеский престол, в ходе которой постепенно вырисовываются *два полюса притяжения* — *восточный* (Ростово-Суздальское, позднее Владимиро-Суздальское княжество) и *западный* (Галич и Волынь).

После монгольских завоеваний Русь теряет самостоятельность, но приоритетно представляется именно *восточной частью*, где закрепляется великокняжеский престол. Вместе с тем интеграция в Золотую Орду помещает Русь в контекст гигантской туранской империи подлинного континентального масштаба, являющейся цивилизацией Суши во всех геополитических и социологических измерениях. Если ранее туранское влияние распространялось на восточнославянские племена, то теперь опыт туранской государственности привит сформировавшемуся политическому организму, способному усвоить урок евразийской империи и в будущем стать новым имперским центром.

Западная Русь вовлекается в орбиту Великого княжества Литовского, и это предопределят ее судьбу — особенно после Кревской унии 1385 года.

В XV веке после распада Орды Московская Русь начинает медленный путь к тому, чтобы не просто восстановить Киевскую державу, но интегрировать весь Туран, воплотившись в новое — на сей раз русское — издание интегрированной Евразии, вокруг ее ядра — континентального Heartland'а. Отныне русская геополитическая история окончательно становится на путь

евразийского вектора, законченной теллурократии и приступает к строительству цивилизации Суши мирового масштаба.

На всех последующих этапах от XV века до конца XX века идет спиралевидное расширение Руси вплоть до естественных границ континента. Иногда на короткий срок территория Руси сжимается, но только для того, чтобы на следующем этапе вновь расширится. Так бьется геополитическое сердце Heartland'a, толкая силы, население, войска и иные формы влияния к внешней кайме Евразии, вплоть до береговой зоны (Rimland'a). Живое бьющееся и растущее сердце мировой сухопутной империи предопределяет путь Руси-России к становлению мировым могуществом, одним из двух глобальных полюсов мира.

Под разными идеологиями и политическими системами Россия движется к мировому господству, прочно встав на путь контроля Евразии изнутри, с позиции внутриконтинентального ядра. С конца XVIII века в этой экспансии она сталкивается с Британской империей как воплощением глобальной цивилизации Моря, противостояние которой в XX веке на совершенно новом идеологическом уровне плавно переходит в противостояние со следующим мировым морским полюсом — США. В советский период *великая война континентов* достигает своего апогея — влияние цивилизации Суши в лице СССР простирается далеко за пределы границ Российской Империи и выходит за границы самого евразийского материка — в Африку, Латинскую Америку и Азию.

Именно этот вектор континентальной, а затем и глобальной экспансии, осуществляемый от лица Heartland'a, теллурократии и цивилизации Суши, и является «пространственным смыслом» (Raumsinn) русской истории. Все промежуточные этапы и все исторические колебания и осцилляции на этом пути представляют собой не что иное, как вращение реальных исторических событий вокруг основного геополитического русла: отступления, обходные маневры, топтание на месте или иные фигуры не меняют принципиального вектора русской истории.

На основании такого анализа геополитики России мы можем произвести геополитическую оценку нынешнего положения дел и наметить вектор геополитического будущего.

Совершенно очевидно, что геополитическое положение России после реформ Горбачева, распада СССР и эпохи правления Ельцина есть очередной и почти катастрофический *шаг назад*, реверсивное движение, сбой геополитической матрицы, развертывающейся на всех предыдущих этапах без исключения в сторону пространственной экспансии. Начиная с конца 80-х годов XX века Россия начала стремительно утрачивать позиции в глобальном пространстве мира, завоеванные с таким трудом и ценой таких жертв многими поколениями русских людей. Урон, понесенный нам в это время, не сопоставим ни со Смутным временем, ни с трагедией Крымской войны, ни с событиями 1917 года, ни с результатами Брест-Литовского мира. Даже походы Наполеона и Гитлера, принесшие неисчислимые жертвы, были кратковременны, и территориальные потери были стремительно восстановлены и перекрыты с большим запасом. Именно в этом состоит уникальность нынешнего геополитического цикла: он длится ненормально (для русской истории) долго, утраты не компенсируются никакими приобретениями, катастрофический паралич державного самосознания не уравновешивается никакими яркими личностями, адекватными правителями, успешными опе-

рациями. Это порождает обоснованную тревогу относительно того состояния, в котором Россия находится сегодня, и опасения, связанные с ее будущим. Самый беспристрастный и отстраненный анализ геополитики России показывает, что *нынешнее положение является патологией*, отклонением от единственной неоспоримой силовой линии исторического пути. Единственным аналогом можно считать монгольские завоевания, связанные с потерей независимости на два столетия, но и это компенсировалось тем, что в течение этого периода Россия насыщалась опытом евразийской континентальной теллурократии, урок которой она хорошо усвоила и впоследствии построила на его основе свое планетарное могущество. Как бездарно была проиграна Горбачевым и его окружением «холодная война», как наивные (если не сказать слабоумные) либеральные реформаторы периода Ельцина радовались распаду СССР и десуверенизации России вплоть до установления внешнего атлантистского управления страной, — поражает воображение, если сравнить с этим неуклонный рост территориальных приращений, которые происходили во времена правления практически всех царей без исключения, равно как и на всех циклах советской эпохи. В общем ряду русских властителей имена Горбачева и Ельцина могут стоять лишь рядом с именами Ярополка, Лжедмитрия, Шуйского или Керенского. Их личности и их политика суть полный и ничем не компенсированный *провал*.

Нормализацией естественного исторического вектора стал только приход к власти Путина, когда процесс цепного распада был остановлен, и тем самым окончательная гибель России, по меньшей мере, отложена. Но противоречия путинской эпохи и особенно период правления Медведева, иногда чем-то напоминающий времена Горбачева и Ельцина, не позволяют быть уверенными, что очередная Смута позади и Россия снова выходит на свою естественную континентальную евразийскую орбиту. В это хочется верить, но, увы, для такой веры пока нет достаточных оснований: все в высшей степени положительные геополитические реформы Путина имеют один, но чрезвычайно важный недостаток — *они не являются необратимыми,* не прошли точку невозврата, и следовательно, в любой момент готовы сорваться к тем разрушительным процессам, которые преобладали в конце советской эпохи и в демократические 90-е годы.

Геополитическое будущее России сегодня стоит под вопросом, т. к. под вопросом ее геополитическое настоящее. В самой России, в ее политических элитах идет скрытое противостояние нового западничества (атлантизма) и тяготения к константам русской истории (что с необходимостью дает нам евразийство). Отсюда можно сделать несколько выводов относительно грядущего развертывания геополитических процессов.

Сама долговременность глубокого геополитического кризиса, который тянется дольше всех предыдущих, и его непреодоленность вплоть до настоящего момента указывают на то, что геополитическая конструкция Heartland'a пребывает в расстроенном состоянии, что отражается не только в стратегии, внешней политике, но и в качестве элит и в состоянии общества в целом. Следовательно, для выхода из этой ситуации потребуются очень серьезные и, быть может, экстраординарные усилия в самых разных областях — включая социальную и мировоззренческую *мобилизацию*. А это, в свою очередь, требует сильной волевой и энергичной личности во главе государства, новый тип правящей элиты и новую форму идеологии. Лишь в этом случае основной геополитический вектор русской истории будет продлен в будущее.

Если допустить что это произойдет — причем в ближайшее время, можно предположить, что Россия станет во главе строительства многополярного мира, приступит к созданию гибкой системы планетарных альянсов, направленных на подрыв американской гегемонии и выступит снова планетарной силой в организации конкретной многополярной модели на принципиально новых основаниях, предполагающих широкий плюрализм цивилизаций, ценностей, экономических укладов и т. д. В этом случае влияние России стремительно вырастет, и базовый вектор движения в сторону мирового могущества будет снова утвержден. Именно такой сценарий и может быть положен в основание непротиворечивой геополитической доктрины России, призванной обеспечить ей будущее, соответствующее историческим и цивилизационным амбициям и «пространственному смыслу».

Но нельзя исключить, что события будут разворачиваться по альтернативному сценарию, и затянувшийся кризис продолжится. В этом случае суверенитет России снова будет ослабевать, ее территориальная целостность окажется под вопросом, а процессы вырождения правящих элит и депрессивное состояние широких масс будут подтачивать общество изнутри. В сочетании с эффективной политикой цивилизации Моря и ее сети влияния в России это может привести к самым разрушительным последствиям. В этом случае говорить о какой-то геополитике России будет излишне.

В нашем обществе есть сторонники точки зрения, что на сей раз у России не должно быть более глобальных или имперских амбиций, обеспечить которые реальным потенциалом страна не в состоянии, но вместе с тем она не должна и распадаться и деградировать, как на предыдущем этапе. Сторонники этой точки зрения, однако, не учитывают, что в современных условиях сохранить суверенитет на нынешнем уровне, не пытаясь его расширить и укрепить, долго не удастся, т. к. США и цивилизация Моря в целом и так существенно опережают Россию, и когда отрыв станет критическим, не преминут нанести решающий удар по своему главному противнику в великой войне континентов. Все разговоры, что Запад, якобы, более не видит в России соперника и озабочен, в первую очередь, «исламской угрозой» или ростом потенциала Китая, не что иное как отвлекающие маневры и элементы информационной войны. Каждый американский стратег, получивший полноценное элитное образование, не может не понимать законы геополитики, не может не знать Мэхэна, Маккиндера, Спикмена, Боумена, не может игнорировать Бжезинского или Киссинджера. *Американская элита прекрасно осознает свою атлантистскую природу* и помнит важнейшую формулу геополитики о том, как достигается мировое господство — «кто контролирует Евразию, контролирует весь мир». Поэтому с геополитической точки зрения надежды на то, что Россия сможет сохраниться в том урезанном, региональном, редуцированном виде, в каком она пребывает сейчас, отказавшись от мобилизации, нового витка экспансии и участия в глобальных процессах от лица цивилизации Суши (что на сегодняшний день выражается в принципе многополярности), безосновательны и не обоснованы. В этом смысле вполне уместна формула: «Россия будет либо великой, либо никакой»[1]. «Нормальной» страной без усилий и по инерции России стать не получится. *Если она не взойдет на виток нового подъема, ей помогут зайти на виток упадка.* А если это произойдет, то определить, на какой стадии завершится очеред-

[1] *Дугин А.Г.* Русская вещь. М.: Арктогея, 2001.

ной цикл распада, кризиса и катастрофы, невозможно. Нельзя исключить и исчезновение нашей страны с карты, ведь великая война континентов — это самая настоящая война, в которой ценой является исчезновение. На этой мрачной перспективе не следует слишком концентрироваться, т. к. будущее открыто и в большой степени зависит от тех усилий, которые будут предприняты в настоящем. Как говорил итальянский мыслитель и политический деятель Курцио Малапарте: «Ничто не потеряно, пока не потеряно все». Поэтому в будущее следует смотреть с разумным оптимизмом и создавать это великоконтинентальное евразийское будущее России своими руками.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография на русском языке

Агурский М.А. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.
Аксаков И.С. Иван Аксаков в его письмах. М., 1888—1896.
Аксаков И.С. Сочинения: В 7 т. М., 1886—1887.
Аксаков И.С У России одна-единственная столица. М.: Русский мир, 2006.
Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт Русской Цивилизации, 2009.
Александров Ю.Г. Этнический национализм и государственное строительство. М.: РАН. Институт востоковедения, 2001.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
Антонов К.М. Философия И.В. Киреевского. Антропологический аспект. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.
Антонович В.Б. Монография по истории западной и юго-западной Руси. Киев, 1882.
Аристотель. Сочинения: В 4 т. (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1975—1983.
Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.
Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Российская академия наук; Институт Соединенных Штатов Америки и Канады, 2001.
Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982.
Бенуа А. де. Против либерализма. СПб.: Амфора, 2009.
Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Томск: Водолей, 1996.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
Бжезинский З. Великая Шахматная доска (The Grand Chessboard). М.: Международные отношения, 1999.
Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство (The Choice: Global Domination or Global Leadership). М.: Международные отношения, 2007.
Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. Ю.В. Фирсова. М.: Международные отношения, 2007.
Богатуров А.Д. Равновесие недоверия: приоритеты России на фоне смены власти в США // Международные процессы. Т. 7: Политическая демократия и мировое государство. 2009. № 3 (21). Сентябрь—декабрь.
Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада (The Death of the West). М.: АСТ, 2007.
В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 2001.
Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. М.: Логос, 2003.
Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003.
Валуев Д.А. Начала славянофильства. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Вандам Е.А. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002.
Василенко И.А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики, 2007.

Васильев А.А. История Византийской империи. СПб., 1998.
Вернадский Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль. 1993. № 15.
Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996.
Вернадский Г.В. Монголы и Русь (The Mongols and Russia) / Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. Тверь; М.: Леан, Аграф, 1997.
Вернадский Г.В. Московское царство: В 2 ч. Тверь; М., 1997.
Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.
Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997.
Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998.
Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997.
Византизм и славянство. Великий спор. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
Гаджиев К.С. Введение в геополитику. М.: Логос, 2000.
Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2003.
Гален К. О назначении частей человеческого тела / Пер. С.П. Кондратьева; Под ред. и с примеч. В.Н. Терновского; Вступ. ст. В.Н. Терновского и Б.Д. Петрова. М.: Медицина, 1971.
Гарт Б.Л. Стратегия непрямых действий (Strategy of Indirect Approach). М.: Эксмо, 2008.
Геополитика. Серия: Учебники Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. М.: РАГС, 2007.
Геополитика: Антология. СПб.: Академический Проект; Культура, 2006.
Геополитика. Хрестоматия. СПб.: Питер, 2006.
Герцен А.И. Сочинения: В 9 т. М.: Гослитиздат, 1955.
Голдгейр Дж., Макфол М. Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны». М., 2009.
Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853—1856 годов. СПб., 2003.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда (очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель; АСТ, 2004.
Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.
Гумилев Л.Н. О термине «этнос» // Доклады отделений комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. 1967.
Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М.: Алгоритм, 2007.
Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Айрис-Пресс, 2008.
Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). М.: Айрис-пресс, 2002.
Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» истории монголов XII—XIII вв. //Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.
Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: АСТ; Харвест, 2008.
Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ; Астрель, 2005.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
Декарт Р. Сочинения. Казань, 1914.
Дергачев В.А. Геоэкономика (Современная геополитика). Киев: ВИРА-Р, 2002.
Дерябин Ю.С., Антюшина Н.М. Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь Мир, 2008.

Дранг нах Остен и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871—1918 гг. М.: Наука, 1977.
Дубинин Ю.А., Мартынов Б.Ф., Юрьева Т.В. История международных отношений (1975—1991 гг.): МГИМО (У). М.: РОСПЭН, 2006.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй: Очерки геополитики XXI века. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Логос и мифос. Глубинное регионоведение. М., 2010.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007.
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999.
Дугин А.Г. (отв. ред.). Основы евразийства. М.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М., 2010.
Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004.
Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.
Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. (Первое издание — Одесса, 1910.)
Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
Евразийская идея и современность. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002.
Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003.
Заборовский Л.В., Литаврин Г.Г. Славяне и их соседи: Средние века — раннее Новое время: Сборник тезисов 17-й конференции памяти В.Д. Королюка. Славяне и кочевой мир. М.: Российская академия наук, Институт славяноведения, 1998.
Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.). М., 1974.
Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России: XVIII — первая половина XIX века. СПб.: Издательский дом СПб. гос. ун-та, 2005.
Зеньковский С. Русское старообрядчество, М.: Харвест, 2007.
Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2006.
Каждан А.П. Византийская культура. М.: Алетейя, 2000.
Каждан А.П. Церковь в истории России. М., 1967.
Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции: Ющенко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005.
Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. М.: Яуза, 2008.
Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: от начала до наших дней. М.: Алгоритм, 2008.
Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
Кастельс М. Россия в информационную эпоху / М. Кастельс, Э. Киселева // Мир России. 2001. № 1.
Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912.
Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.
Кефели И.Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб.: Северная Звезда, 2004.
Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007.

Киплинг Р. Ким. М.: Высшая школа, 1990.
Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? (Does America Need a Foreign Policy?). М.: Ладомир, 2002.
Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
Кицикис Д. Османская империя. М.: Весь Мир, 2006.
Классика геополитики. XIX век. М.: АСТ, 2003.
Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003.
Князевская Т.Б. (отв. ред.). Русское подвижничество. М.: Наука, 1996.
Кобяков С.Г. Заселение Дона в XVI—XVII вв. // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М.Н. Покровского. 1955. Т. 10. Географический ф-т. Вып. 3.
Козырев А.В. Преображение. М.: Международные отношения, 1995.
Кокошин А.А. Армия и политика: советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918—1991 годы. М.: Международные отношения, 1995.
Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: УРСС, 2005.
Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006.
Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2005.
Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. М., 1990.
Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Центр инновационных технологий, 2008.
Кравченко А.И. Общая социология: Учебное пособие. М., 2001.
Кравченко С.А. Социология: парадигмы и темы. М., 1997.
Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006.
Кремлев С. Россия и Германия: стравить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ; Астрель, 2003.
Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005.
Кройцбергер С., Грабовски С., Унзер Ю. Внешняя политика России: от Ельцина к Путину. М.: Оптима, 2002.
Кузьмин Н.Ф. Крушение последнего похода Антанты. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1958.
Кульпин Э.С. Бифуркация Запад—Восток. М.: Московский лицей, 1996.
Кульпин Э.С. Золотая Орда. М.: Московский лицей, 1998.
Кульпин Э.С. Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России. М.: Московский лицей, 1995.
Кульпин Э.С. Русь между Западом и Востоком. М.: ИВ РАН, 2001.
Кульпин Э.С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII—XV веках) // Общественные науки и современность. 2001. № 3.
Кутузов Б.П. Тайная миссия патриарха Никона. М.: Алгоритм, 2007.
Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Ламетри Ж.О. Человек-машина // Сочинения. М.: Мысль, 1976.
Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1965.
Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М., 1996.
Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2002.
Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. М.: Молодая гвардия, 1992.
Леонтьев М.В. Большая Игра. СПб.: Астрель-СПб., 2008.
Лешков В.Н. Русский народ и государство. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Лисовой Н.Н., Соколова Т.А. Три Рима. М.: Olma Media Group, 2001.
Литаврин Г.Г. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988.
Литаврин Г.Г. Славянский мир между Римом и Константинополем: христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего Средневековья. М.: Институт славяноведения РАН, 2000.
Литаврин Г.Г. Этнопсихологический стереотип в Средние века: Сборник тезисов. М., 1990.
Литаврин Г.Г. Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М.: Наука, 1987.
Макиавелли Н. Государь. Искусство стратегии. М.: Эксмо; Мидгард, 2007.
Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983.
Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1964.
Меллер ван ден Брук А., Васильченко А.В. Миф о вечной империи и Третий Рейх. М.: Вече, 2009.
Мельвиль А.Ю. Социальная философия современного американского консерватизма. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1980.
Миньяр-Белоручев К.В. Мировая геополитика. М.: Проспект-АП, 2006.
Модестов С.А. Геополитика ислама. М., 2003.
Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955.
Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян (Lettres persanes. De la grandeur et de la decadence des romains). М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2002.
Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с фр. под общ. ред. И.В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000.
Мэхэн А.Т. Роль морских сил в мировой истории (The Influence of Sea Power upon History). М.: Центрполиграф, 2008.
Наринский М.М. История международных отношений. 1945—1975: Учебное пособие. М.: РОСПЭН, 2004.
Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005.
Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. М.: Алетейя, 2008.
Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003.
Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. М.: Юнити-Дана; Единство, 2006.
Нация и империя в русской мысли начала XX века (антология). М., 2004.
Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001.
Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время (сборник). Киев: Княгиня Ольга, 2005.
Ноженко М.В. Национальные государства в Европе. М.: Норма, 2007.
Нухаев Х.-А. Ведено или Вашингтон? М., 2001.
Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
Основы евразийства. М., 2002.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»?: Избранная социально-философская публицистика. М.: ИФ РАН, 1996.
Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006.
Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1995.
Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006.
Панарин С.А. Евразия. Люди и мифы. М.: Наталис, 2003.
Панарин С.А. Россия и Восток. М.: Институт востоковедения РАН, 1993.
Парвулеско Ж. Путин и Евразийская империя. СПб.: Амфора, 2006.
Петров А. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Acadeia, 1934.
Петров В.Л. Геополитика России. Возрождение или гибель? М., 2003.
Пирожник И.И. Геополитика в современном мире. М.: ТетраСистемс, 2008.
Платонов Ю.П. Этнический фактор: Геополитика и психология. СПб.: Речь, 2002.
Похлебкин В.В. Татары и Русь. М.: Международные отношения, 2005.
Против фашистской фальсификации истории. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1939.
Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.
Рамоне И., Греш А., Радванья Ж. и др. Атлас Le Monde diplomatique. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
Ратцель Ф. Народоведение: В 2 т. М.: Типография Товарищества «Просвещение», 1903.
Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М.: ACADEMIA, 2007.
Рогов С.М. Евразийская стратегия для России. М.: Российская академия наук; Институт Соединенных Штатов Америки и Канады, 1998.
Романов А. Геостратегия: Россия и мир в XXI веке. М.: Тривола, 2000.
Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / Russian-American Relations in Past and Present: Images, Myths, and Reality. М.: Изд-во РГГУ, 2007.
Россия и Британия. Связи и взаимные представления: XIX—XX века. М.: Наука, 2006.
Россия и Европа: Хрестоматия по русской геополитике. М.: Наука, 2007.
Россия и Европа — вопросы идентичности: Материалы международной конференции, Институт Европы РАН, 12 марта 2008 г. М.: Институт Европы РАН, 2008.
Русско-японская война 1904—1905 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1910.
Рыженков М.Р. (отв. ред.). «Большая игра» в Центральной Азии: «индийский поход» русской армии: Сборник архивных документов. М.: ИВ РАН, 2005.
Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры, 2010.
Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма (1840—1876). М., 1997.
Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М.: Изд. Д. Самарина, 1880.

Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ» / Пер. с нем. М. Некрасова. СПб.: Академический Проект, 2003.
Севостьянов Н. Москва – Вашингтон. На пути к признанию. 1918 – 1933. М.: Наука, 2004.
Сенчагов В.К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие. М.: Финстатинформ, 2002.
Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002.
Семенов-Тян-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: Очерк политической географии. Пг., 1915.
Симанович А. Распутин и евреи. М.: Историческая библиотека, 1991.
Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 1: XI – XII века. СПб.: Наука, 1997.
Снесарев А.Е. Введение в военную географию: Письма из Индии и Средней Азии. М.: Центриздат, 2006.
Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VIII: 1703 — начало 20-х годов XVIII века. М.: АСТ; Фолио, 2001.
Сорокин П.А. Система Социологии: В 2 т. М., 1993.
Сталин И.В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. М., 1953.
Сталинское десятилетие «холодной войны». Факты и гипотезы. М.: Наука, 1999.
Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт Русской Цивилизации, 2010.
Сунь-Цзы. Искусство войны (Art of War). М.: София, 2008.
Сунь-Цзы. Искусство стратегии. М.: Эксмо; Мидгард, 2005.
Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1990.
Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.
Тютчев Ф.И. Сочинения: В 2 т. М., 1980.
Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. Мадрид, 1966.
Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М., 2004.
Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000.
Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М.: Магистр, 1996.
Уткин А.И. Глобализация: Процесс и осмысление. М.: Логос, 2001.
Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М.: Наука, 1979.
Уткин А.И. Забытая трагедия: Россия в Первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000.
Уткин А.И. Месть за победу: новая война. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Мировая холодная война. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Россия над бездной: 1918 г. — декабрь 1941 г. Смоленск: Русич, 2000.
Уткин А.И. Русские во Второй мировой войне. М.: Алгоритм, 2007.
Уткин А.И. Русско-японская война: в начале всех бед. М.: Эксмо, 2005.
Уткин А.И. Тихоокеанская ось. М.: Молодая гвардия, 1988.
Уткин А.И. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков. М.: Наука, 2007.
Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Алгоритм, 2004.
Фирдоуси. А. Шахнаме: В 6 т. М.: Наука, 1989.
Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. СПб., 1997.
Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Фроянов И.Я. Грозная опричнина. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009.
Фроянов И.Я. Драма русской истории: На пути к Опричнине. М., 2007.
Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
Фроянов И.Я. Погружение в бездну. М.: Эксмо, 2002.
Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек (The End of History and the Last Man). М.: Ермак; АСТ, 2005.
Хантингтон С. Столкновение цивилизаций (The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order). М.: АСТ, 2007.
Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6.
Хара-Даван Э. Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера. М.: Аграф, 2002.
Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929.
Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция. 2006.
Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001.
Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Институт Русской Цивилизации, 2008.
Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.
Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.
Цыганков П.А., Цыганков А.П. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий. М.: Аспект Пресс, 2008.
Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОСПЭН, 2007.
Цымбурский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом. Цивилизация и ее геополитика. М.: Едиториал УРСС, 2010.
Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6.
Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М.: Наука, 1991.
Челлен Р. Государство как форма жизни (Staten som lifvsform). М., 2008.
Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб.: Алетейя, 2002.
Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева / Послесл. С. Кулешова. М.: ТЕРРА, 1991.
Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991—2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002.
Шарп Д. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения. М.: Военно-державный союз России, 2005.
Шестаков В.П. Эсхатологические мотивы в легенде о граде Китеже // Шестаков В.П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры. М., 1995.
Широкорад А.Б. Россия — Англия: неизвестная война, 1857—1907. М.: АСТ, 2003.
Ширяев Б.А. Внешняя политика США. Принципы, механизмы, методы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007.
Шишелина Л.Н. Расширение Европейского союза на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006.
Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; Под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006.

Шмитт К. Номос Земли (Der Nomos der Erde). СПб.: Владимир Даль, 2008.
Шопрад Э. Россия — главное препятствие на пути создания американского мира // Русское время. 2010. № 1 (2). Январь—март.
Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М., 2002.
Щенников А.А. Червленый Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV—XVI вв. М.: Наука, 1987.
Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен. М.: Весь Мир, 2007.
Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3.
Якунин В.И. Формирование геостратегий России. Транспортная составляющая. М.: Мысль, 2005.

Библиография на иностранных языках

Agursky M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder: Westview, 1987.
Aldrich R.J. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence. Duckworth, 2006.
Armstrong D. Drafting a plan for global dominance // Harper's Magazine. October 2002.
Arquilla J. The Reagan Imprint: Ideas in American Foreign Policy from the Collapse of Communism to the War on Terror. Lanham: Ivan R. Dee, 2007.
Arquilla J., Ronfeldt D.F. The emergence of noopolitik: toward an American information strategy. Rand Corporation, 1999.
Arquilla J., Ronfeldt D.F. Networks and netwars: the future of terror, crime, and militancy. Santa Monica: Rand Corporation, 2001.
Amin S. Eurocentrism. New York: Monthly Review Press, 2010.
Amin S. The Liberal Virus. London: Pluto Press, 2005.
Amin S. Transforming the revolution: social movements and the world-system. Delhi: Aakar Books, 2006.
Barnett T.P.M. Great Powers: America and the World after Bush. New York: Putnam Publishing Group, 2009.
Barnett T.P.M. The Pentagon's New Map. New York: Putnam Publishing Group, 2004.
Blaker J.R. Transforming military force: the legacy of Arthur Cebrowski and network centric warfare. Westport: Greenwood Publishing Group, 2007.
Bowman I. Geography in relation to the social sciences. New York: C. Scribner's Sons, 1934.
Bowman I. Geography vs. Geopolitics. New York: American geographical society, 1942.
Bowman I. International Relations. Chicago: American Library Association, 1930.
Bowman I. The new world: problems in political geography. Chicago: World Book Company, 1928.
Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. New York: Basic Books, 2008.
Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. New York: Viking Press, 1970.
Brzezinski Z. Game Plan: A Geostrategic Framework for the Conduct of the U.S.-Soviet Contest. Boston: Atlantic Monthly Press, 1986.
Brzezinski Z. Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. New York: Charles Scribner's Son, 1989.

Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977—1981. New York: Farrar, Strauss, Giroux, 1983.

Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership, New York: Basic Books, 2004.

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997.

Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. New York: Basic Books, 2007.

Brzezinski Z. Soviet Bloc: Unity and Conflict. New York: Harvard University Press, 1967.

Burnham J. The Struggle for the World. New York: The John Day Company, Inc, 1947.

Churchill S.E. Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthropo-Geography. New York: Henry Holt and Company, 1911.

Cohen M.N. The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture. New Haven, CT: Yale University Press, 1977.

Cohen S. Geography and Politics in a World Divided. Oxford: Oxford University Press, 1974.

Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse. New York: Simon & Schuster, 1995.

Fedorowicz J.K. A Republic of nobles: studies in Polish history to 1864. New York: Cambridge University Press, 1982.

Frobenius L. Erythräa. Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes. Berlin, 1931.

Gray C.S. The geopolitics of the nuclear era: heartland, rimlands, and the technological revolution. New York: Crane Russak & Co, 1977.

Grossouvre de H. Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian cooperaion // World Affairs. Vol 8. Jan—Mar 2004. № 1.

Haushofer K. Bausteine zur Geopolitik. Heidelberg: K. Vowickel, 1924.

Haushofer K. Das Reich: Grossdeutches Werden im Abendland. Berlin: Karl Habel Verlagsbuchhandlung, 1943.

Haushofer K. Geopolitik der Pan-Ideen. Berlin: Zentral-Verlag, 1931.

Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans: Studien über die Wechselbeziehungen zwischen Geographie und Geschichte. Mit sechzehn Karten und Tafeln. Heidelberg: K. Vowickel, 1924.

Haushofer K. Grenzen in ihrer geographischen und politischen bedeutung. Heidelberg: K. Vowinckel, 1939.

Haushofer K. Japan baut sein reich. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1941.

Haushofer K. Weltmeere und Weltmachte. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1941.

Haushofer K. Weltpolitik von heute. Berlin: Zeitgeschichte Verlag, 1936.

Holbrooke R. America, A European Power. Foreign Affairs. March—April 1995.

Horowitz D. From Yalta to Vietnam: American Foreign Policy in the Cold War. New York. 1967.

Hulsman J. Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance [Electronic sourse]: The Heritage Foundation [Mode of access]: http://www. heritage. org/Research/Reports/2003/08/Cherry-Picking-Preventing-the-Emergence-of-a-Permanent-Franco-German-Russian-Alliance

Johnson R. Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757—1947. London: Greenhill, 2006.

Jones S.B. Boundary-making: A Handbook for Statesmen, Treaty Editors and Boundary Commissioners. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, Division of International Law, 1945.

Kagan R. Dangerous nation. New York: Vintage, 2007.
Kagan R. Of paradise and power: America and Europe in the new world order. New York: Vintage, 2004.
Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. New York: Vintage, 2009.
Kagan R., Kristol W. Present dangers: crisis and opportunity in American foreign and defense policy. New York: Encounter Books, 2000.
Kaplan R.D. Imperial Grunts: The American Military on the Ground. New York: Random House, 2005.
Kennedy P. The Rise and Fall of Great Powers. New York: Random House, 1987.
Kissinger H. Crisis: The Anatomy of Two Major Foreign Policy Crises. New York: Simon & Schuster, 2004.
Kissinger H. Diplomacy. New York: Simon & Schuster, 1994.
Kissinger H. Does America need a foreign policy?: toward a diplomacy for the 21st century. New York: Simon & Schuster, 2002.
Kissinger H. White House Years. New York: Little, Brown and Company, 1979.
Klare M. Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy. New York: Henry Holt & Company Incorporated, 2008.
Kristol I. Neoconservatism: the autobiography of an idea. Lanham: Ivan R. Dee, 1999.
Lacoste Y. Dictionnaire de Geopolitique. New York: French & European Publications, Incorporated, 1993.
Lacoste Y. Geopolitique: la longue histoire d'aujourd'hui, Paris: Larousse, 2006.
Lacoste Y. Géopolitique de la Méditerranée. Paris: Colin, 2006.
Lacoste Y. La Géopolitique. Paris: Centre national de documentation pédagogique, 1990.
Larson A. Geopolitics of oil and natural gas // Economic Perspectives. Vol. 9. May 2004. № 2.
Layne C. The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
Lieven A. America Right Or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. Oxford: Oxford University Press US, 2005.
Mackinder H.J. Britain and the British Seas. Charleston: BiblioLife, 2010.
Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. New York. 1942.
Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. № 23.
Mackinder H.J. The Scope and Methods of Geography and the Geographical Pivot of History. L., 1951.
Mackinder H.J. The round world and the winning of the peace // Foreign Affairs. 1943. № 21.
Mackinder H.J. The world war and after: a concise narrative and some tentative ideas. London: G. Philip & Son, Ltd., 1924.
Markedonov S. Unrecognized Geopolitics // Russia in Global Affairs. January — March 2006. № 1.
McFaul M. Russia's unfinished revolution: political change from Gorbachev to Putin. Ithaca: Cornell University Press, 2002.
Niekisch E. Europaeische Bilanz. Berlin: Ruetten Loening, 1951.
Niekisch E. Die dritte imperiale Figur. Berlin: Widerstands-Verlag, 1935.
Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen: eine Abrechnung mit dem Nationalsozialismus. Berlin: Ahde-Verlag, 1980.
Niekisch E. Hitler — ein deutsches Verhängnis. Zeichnungen von A. Paul Weber. Berlin: Widerstands-Verlag, 1932.

Niekisch E. Ost-West unsystematische Betrachtunen. F./M.: Minerva-Verlag, 1947.
Nozomi-Horiuchi R. Chiseigaku Japanese geopolitics. Ann Arbor: University Microfilms, 1980.
Pirchner H. Reviving greater Russia?: the future of Russia's borders with Belarus, Georgia, Kazakhstan, Moldova and Ukraine. Wash. D.C.: American Foreign Policy Council. Lanham: Univ. Press of America, 2005.
Rahr A., Krause J. Russia's new foreign policy. Berlin: Research Institute of the German Society for Foreign Affairs, 1995.
Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.
Spykman N. The Geography of the Peace. New York: Harcourt, Brace and Company, 1944.
Stephanson A. Manifest Destiny: American Expansion and the Empire of Right (Critical Issue Book), Hill and Wang, 1996.
Thiriart J.F. La grande nation: 65 thèses sur l'Europe (L'Europe unitaire, de Brest à Bucarest. Définition du communautarisme national-européen). Bruxelles: Gérard Désiron, 1965.
Thiriart J.F. L'empire Euro-Sovietique de Vladivostock a Dublin l'aprés-Yalta: la mutation du communisme: essai sur le totalitarisme éclairé. Bruxelles: Edition Machiavel, 1984.
Thiriart J.F. Un empire de quatre cents millions d'hommes, l'Europe: la naissance d'une nation, au départ d'un parti historique. Etampes: Avatar Editions, 2007.
Thomson G.S. Catherine the Great and the expansion of Russia. London: Published by Hodder & Stoughton for the English Univ. Press, 1985.
Von Lohausen H.J. Denken in Völkern: Die Kraft von Sprache und Raum in der Kultur — und Weltgeschichte. Graz: Stocker, 2001.
Von Lohausen H.J. Ein Schritt zum Atlantik: Die strategische Bedeutung d. Ostverträge. Wien: Österr. Landsmannschaft, 1973.
Von Lohausen H.J. Les empires et la puissance: la géopolitique aujourd'hui. Paris: Le Labyrinthe, 1996.
Von Lohausen H.J. Mut zur Macht: Denken in Kontinenten. Heidelberg: Vowinckel, 1981.
Von Lohausen H.J. Reiten für Russland: Gespräche im Sattel. Graz: Stocker, 1998.
Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World. New York: Three Rivers Press, 2004.
Whittlesey D. The Earth and the State: A Study of Political Geography. New York: H. Holt and company, 1944.

МОНОГРАФИИ АВТОРА

Дугин А.Г. Пути Абсолюта. М.: Арктогея, 1991.
Дугин А.Г. Гиперборейская теория. М.: Арктогея, 1993.
Дугин А.Г. Конспирология. М.: Арктогея, 1993; 2-е изд., доп. М., 2005.
Дугин А.Г. Консервативная Революция. М.: Арктогея, 1994.
Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.
Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1996; 2-е изд., 1997; 3-е изд., доп., 1998; 4-е изд., доп., 2000.
Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести. М.: Арктогея, 1996.
Дугин А.Г. Тамплиеры Пролетариата. М.: Арктогея, 1997.
Дугин А.Г. (под ред.). Конец Света (альманах по истории религий). М.: Арктогея, 1997.
Дугин А.Г. (под ред.). Наш Путь. М.: Арктогея, 1998.
Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея, 1999.
Дугин А.Г. Русская Вещь: В 2 т. М.: Арктогея, 2001.
Дугин А.Г. Евразийский Путь. М.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. (под ред.). Евразийский Взгляд. М.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.
Дугин А.Г. (под ред.). Основы евразийства. М.: Евразийское движение, 2002.
Дугин А.Г. Философия политики. М.: Арктогея-центр, 2004.
Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.
Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: Арктогея-центр, 2004.
Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004.
Дугин А.Г. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.
Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское движение, 2007.
Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.
Дугин А.Г. Знаки великого Норда. М.: Гардарика, 2008.
Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009.
Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.
Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.
Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический Проект, 2010.
Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологи. М.: Академический Проект, 2010.
Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический Проект, 2010.
Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический Проект, 2010.
Дугин А.Г. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.
Дугин А.Г. Социология русского общества. М.: Академический Проект, 2010.
Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический Проект, 2011.
Дугин А.Г. Геополитика. М.: Академический Проект, 2011.
Дугин А.Г. Путин против Путина. М.: Яуза, 2012.

ABSTRACT

The present book is the manual on the Geopolitics of Russia based on the sequence of lectures pronounced in the Moscow State University and dedicated to the sociology of the geopolitical processes on the basis of study cycles of Russian political and social history. The geopolitical method is applied to the historical transformation of Russian state, its territories, its political construction and ruling ideology. All that is put in the context of global competition between thalassocracy and tellurocracy.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел 1
ГЕОПОЛИТИКА И ЕЕ МЕТОД

Учебное издание

Дугин Александр Гельевич

ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

Компьютерная верстка
К.А. Крылов

Корректор
Е.Л. Тюрин

ООО «Академический Проект»
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
СЕРТИФИКАТ СООТВЕТСТВИЯ
№ РОСС RU. AE51. H 15031 от 17.01.2011.
Орган по сертификации РОСС RU.0001.11AE51
ООО «ПРОФИ-СЕРТИФИКАТ»

ООО «Гаудеамус»
107392, Москва, ул. Просторная, д. 9, офис 34

По вопросам приобретения книги просим обращаться
в ООО «Трикста»:
111399, Москва, ул. Мартеновская, 3.
Тел.: (495) 305 3702; 305 6092; факс: 305 6088
E-mail: info@aprogect.ru
Интернет-магазин: www.aprogect.ru

Подписано в печать 02.03.12.
Формат 60×90/16. Гарнитура Балтика. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0. Тираж 1000 экз.
Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Издательство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»
предлагает:

Дугин А.Г.

ОСНОВЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Учебное пособие для вузов. 2012. — 394 с.

В пособии изложены основные принципы и методологии нового направления в социологии — «социологии глубин», основанной на структуралистском подходе к изучению общества и его проблем.